ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ДОКУМЕНТЫ

ТОМ XVII

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССПЭН»
2012

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ДОКУМЕНТЫ

ТОМ XXII

ИЗ БУМАГ П.И. ПЕСТЕЛЯ
СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С.В. МИРОНЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССПЭН»
2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
В76

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 08-01-00132а

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 12-01-16018д

Под редакцией
доктора исторических наук С.В. Мироненко

Составитель О.В. Эдельман

В76 **Восстание декабристов. Документы. Т. XXII. Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка)** / под ред. С.В. Мироненко ; [сост. О.В. Эдельман]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 430 с.

ISBN 978-5-8243-1735-0

Двадцать второй том «Восстания декабристов» содержит ранее не публиковавшиеся документы, отложившиеся в фонде Следственного комитета по делу декабристов. Это комплекс писем, полученных П.И. Пестелем от ближайших родных, аккуратно сохраненных декабристом и изъятых у него при аресте. Основной объем составляют письма от отца И.Б. Пестеля и матери Е.И. Пестель, охватывающие период с детства декабриста до осени 1825 г. Содержательность и значение этой переписки трудно переоценить, она освещает образ жизни и мировоззрение родителей, методы воспитания детей, круг общения семьи, позволяет уточнить многие подробности биографии декабриста.

В том вошли также письма к Павлу Пестелю-ребенку от деда Б.В. Пестеля, бабки А. фон Крок, рано умершей любимой тетки С.И. Леонтьевой. Немногие сохраненные Павлом Ивановичем письма от братьев Владимира и Александра относятся к ключевым моментам их жизни и взаимоотношений. Представляют интерес письма к П.И. Пестелю его воспитателя А.Е. Зейделя.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-8243-1735-0

© Государственный архив Российской Федерации, 2012
© Мироненко С.В., введение, 2012
© Эдельман О.В., предисловие, перевод с французского, комментарии, 2012
© Рычаловский Е.Е., перевод с немецкого, 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА ПЕСТЕЛЕЙ

Письма И.Б. Пестеля и Е.И. Пестель к сыну Павлу, 1820–1825 гг.
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2
Письма родственников П.И. Пестеля
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478.

ВВЕДЕНИЕ

Очередной XXII том серии «Восстание декабристов» принципиально отличается от предыдущих. В вышедших из печати томах опубликованы, как известно, материалы следствия и суда над членами тайных противоправительственных обществ декабристов. В основном это следственные дела с вопросами, задаваемыми арестованным, и ответы на них, очные ставки, различного рода делопроизводственные материалы: докладные записки императору о ходе следствия, журналы заседаний Следственного комитета, материалы Верховного уголовного суда и т.п. Среди тысяч опубликованных документов письма – редчайшее исключение. Да и сохранилось их среди следственных материалов не так уж много. Известно, что в преддверии ареста было уничтожено немало бумаг, которые могли скомпрометировать авторов в глазах правительства.

В томе публикуется огромная переписка одного из лидеров декабристов П.И. Пестеля с родными и близкими. Она составляет в общей сложности несколько сотен писем, которые были изъяты при аресте Пестеля и хранятся вместе с остальными материалами следствия. Правда, подавляющее большинство писем принадлежит перу не П.И. Пестеля, а его родителей. Письма Пестеля, за несколькими исключениями, не сохранились. Хотя достоверно известно, что и после казни лидера южан они не были уничтожены и хранились у родных декабриста. Но до нас они, к великому сожалению, не дошли.

Тем ценнее то, что сохранилось. Письма отца и матери представляют первостепенный интерес для изучения личности лидера южных декабристов и автора одного из важнейших программных документов тайных обществ – «Русской правды». Они как зеркало. В них содержится богатейший материал для понимания П.И. Пестеля: глазами отца и матери мы видим, как развивалась его военная карьера. Родители гордятся им – и он отвечает им взаимностью. Со страниц родительских писем он предстает почтительным и любящим сыном. Кстати, публикация помогает восстановить историческую справедливость. Долгие десятилетия Иван Борисович Пестель представал со страниц исторических исследований как ненасытный казнокрад, разорявший поборами население далекой Сибири, нечестно наживший несметное состояние. Из публикуемых же писем видно, что И.Б. Пестель годами не мог присылать сыну достаточно денег на покупку необходимого тому военного снаряжения и обмундирования, а после отставки не мог расплатиться с кредиторами и вынужден был покинуть Петербург и поселиться из экономии в своем смоленском имении.

Внимание исследователей уже привлекало письмо к П.И. Пестелю его матери, Елизаветы Ивановны, в котором она рассуждала о путях преобразования общества, явно отдавая предпочтение эволюционному пути развития. Здесь отчетливо чувствуется скрытая полемика с сыном, придерживавшимся, как мы хорошо знаем, совсем иных взглядов. Исследователям еще предстоит внимательно изучить весь корпус публикуемой переписки. Требуется разработать адекватную методику ее изучения. Но и теперь уже ясно, что анализируя процесс формирования характера Пестеля, нельзя пройти мимо наивных поучений отца о том, что нужно почитать старших по званию и тогда карьера будет успешно развиваться. Бросается в глаза глубокая религиозность Ивана Борисовича и его постоянные призывы во всем следовать слову Божьему. Конечно, речь не идет о слепом следовании П.И. Пестеля постоянно повторяемым поучениям, но они вводят нас в ранее скрытый от наших глаз, а следовательно, от нашего понимания и анализа мир, в котором воспитывался Пестель. Решительный и властный характер матери, несомненно, наложил отпечаток на характер Павла Ивановича.

Словом, полноценный анализ эпистолярного наследия Пестелей – увлекательная задача для исследователей не только истории декабристов, но и социальной психологии их времени.

С.В. Мироненко

ПРЕДИСЛОВИЕ

При аресте П.И. Пестеля вместе с его бумагами были изъяты и несколько пакетов семейной переписки. Это были главным образом письма, полученные декабристом от родителей – отца Ивана Борисовича и матери Елизаветы Ивановны. Родительские письма, составляющие сейчас пять архивных дел[1], охватывают практически всю жизнь декабриста, от записочек отца к маленькому мальчику до последних писем, датированных сентябрем–октябрем 1825 г. Кроме того, Павел Иванович сохранял письма, полученные им в детстве от деда Бориса Владимировича Пестеля и бабки с материнской стороны А. фон Крок, несколько писем от тетки Софьи Ивановны Леонтьевой, от воспитателя А.Е. Зейделя и др.[2] Несомненно, декабрист дорожил этими пачками семейных посланий. Ведь это были не просто старые бумаги, лежащие где-нибудь в недрах шкафов или сундуков родового дома, эти бумаги Павел Иванович возил с собой при всех служебных перемещениях.

Следственный Комитет ничего существенного среди этих писем не обнаружил, сведения из них не оказали никакого влияния на ход расследования. Однако, хотя большинство изъятых при арестах бумаг было по окончании дела возвращено декабристам или их родственникам, письма Пестелей остались в архиве Следственного комитета, благодаря чему дошли до наших дней.

Подробности обыска в доме Пестеля в Линцах содержат рапорты генералов А.И. Чернышева и П.Д. Киселева главнокомандующему 2-й армией П.Х. Витгенштейну. В рапорте от 20 декабря 1825 г. они сообщили, что пересмотрели бумаги Пестеля и не нашли в них ничего, «до изыскиваемого предмета относящегося». Основную часть составляли бумаги по полковому хозяйству, «также несколько пакетов с письмами от родных его», сверх того записки и проекты Пестеля «по разным частям военного устройства», тетради и выписки по политической экономии, несколько копий официальных документов и масонские знаки с патентами. Два зеленых портфеля, в которых, по словам доносчика А.И. Майбороды, Пестель «всегда хранил тайные свои бумаги», оказались «пустые и покрытые густою пылью»[3].

Допрошенный 22 декабря в Тульчине П.И. Пестель на вопрос о зеленом портфеле, «наполненном законами и постановлениями общества», ответил, что ничего подобного в портфеле никогда не хранилось, но он «часто сохранял в сем портфеле драгоценные для меня письма моих родителей, но после их запечатал в особые пачки. Я мог, уходя на маневры, из опасения пожара дать их кому на сохранение, но однако же, сколько припомнить могу, то сего не сделал»[4]. Слова о возможной передаче писем на хранение, скорее всего, следует считать отговоркой, чтобы увести внимание следствия от доноса о бумагах политического содержания. Чернышев и Киселев заметили тот факт, что, кроме родственных, более не нашлось никаких писем, «тогда как по обширному знакомству и сношениям полковника Пестеля таковые должны быть у него неминуемо»[5]. В дальнейшем, как известно, следствие приложило усилия к поиску спрятанных бумаг Пестеля, главной среди которых была рукопись «Русской Правды», и обнаружило их несколько месяцев спустя.

---

[1] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1 (письма до 1812 г. включительно, 100 листов); Д. 477. Ч. 1. Т. 2 (письма за 1813–1815, 112 л.); Д. 477. Ч. 2. Т. 1 (письма за 1817–1819, 128 л.); Д. 477. Ч. 2. Т. 2 (письма за 1820–1825, 270 л.); Д. 476. Ч. 1 (письма за 1823–1825 г., отделенные Следственным комитетом, 21 л.).

[2] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478.

[3] Восстание декабристов (далее – ВД). Т. IV. С. 34–35.

[4] ВД. Т. IV. С. 56.

[5] ВД. Т. IV. С. 34–35.

В рапорте от 25 декабря Чернышев и Киселев отчитались о разборе бумаг Пестеля, указав, что «внимательно обозрели все бумаги [...] кроме запечатанных в пакетах родственных писем полковника Пестеля, из коих два только были раскрыты и пересмотрены». Генералы отмечали, что «письма отца и матери его, Пестеля [...] сколько, с одной стороны, свидетельствуют о неверии и наклонности его к либерализму, столь с другой, служат ясным доводом тесной связи его, Пестеля, с генералом-интендантом Юшневским и князем Барятинским [...] Прочие же пять запечатанных пакетов родственных писем, коими мы не имели времени заняться, заключают в себе, может быть, новые тому доказательства»[6]. Таким образом, всего пакетов было семь.

Бумаги вместе с арестованным П.И. Пестелем были отправлены в Петербург. Мы не знаем, были ли члены Высочайше учрежденного следственного комитета более внимательны и просмотрели ли они остальные пять пакетов. Одно из существующих ныне дел состоит из восьми писем (на 21 листе), привлекших к себе внимание Комитета и отложенных отдельно[7]. Это были письма за недавние годы, самое раннее датировано 7 марта 1823 г. Карандаш кого-то из деятелей следствия отчеркнул места, обратившие на себя внимание. По существу, это то же, о чем рапортовали Чернышев и Киселев: фразы, свидетельствующие о религиозных сомнениях Пестеля, упоминания фамилий декабристов[8]. По завершении следствия письма были сложены в те же, подписанные рукой декабриста, конверты и опечатаны красными сургучными печатями, прекрасно сохранившимися до наших дней.

Конверты Павел Иванович пронумеровал, окружив цифры виньетками из росчерков. Сейчас в архивных делах среди писем сохранилось шесть конвертов[9], но номера подтверждают, что изначально их было семь: «№ 1-й. Письмы из дому», зачеркнуто «1822-ой год», ниже «1823 и 1824»[10]; «Родительские письма 1813-го, 1814-го и 1815-го годов. № 3-й»[11]; «Родительские письма 1817-го, 1818-го и 1819-го годов. № 4-й»[12]; «Старые письма моих Родителей. № 5-й»[13] (если конверт сейчас подшит в том же деле, что и его бывшее содержимое, то в нем находились письма за ранние годы, до 1812 включительно); «Старые письма моих Родителей. № 6-й»[14]; «Письма моих родителей 1820, 1821 и 1822 годов. № 7»[15]. Один конверт отсутствует, однако пропал только сам конверт, письма же, в нем некогда лежавшие (очевидно, за 1825 год), сохранились: ведь декабрист разложил их по годам, а в имеющемся комплексе хронологических разрывов нет (отсутствие писем за 1816 год объясняется тем, что Павел Иванович провел его в Петербурге в родительском доме).

Вскрыты пакеты были в 1903 г. сотрудником Государственного архива Министерства иностранных дел, известным историком Н.П. Павловым-Сильванским. В этом удостоверяют его расписки: «Распечатано впервые в 1903 г.» (конверт № 5); «Распечатано в Архиве.

---

[6] ВД. Т. IV. С. 41–42.

[7] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1.

[8] В настоящей публикации эти пометы оговорены в подстрочных примечаниях. Некоторые детали указывают, что карандашные пометы были сделаны не в Тульчине, а уже в Петербурге: подчеркнуто имя А.И. Барятинского, но нет имени А.П. Юшневского, зато подчеркнуто еще место, касающееся Н.М. Муравьева. Кроме того, в одном из писем отчеркнут адрес почтмейстера в г. Орше И.И. Хлусовича, которому И.Б. Пестель просил сына направлять письма для надежной доставки родителям в смоленское имение. В Следственном комитете работал чиновник Г.О. Хлусович, и Комитет, очевидно, проявил бдительность и удостоверился, не имеет ли он каких-то особенных связей с Пестелями; на начальной стадии расследования в Тульчине эта фамилия не должна была никого заинтересовать.

[9] Два из них – не целый конверт, а только вырезанная его лицевая часть.

[10] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 270.

[11] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 112.

[12] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 128 об.

[13] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 101.

[14] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 100.

[15] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 96.

Делопроизводитель Павлов-Сильванский, апрель 1903 г.» (конверт № 7); «Распечатано 16 апреля 1903 г. Делопр. Н. Павлов-Сильванский» (конверт № 6). Автор работ о П.И. Пестеле, Павлов-Сильванский этих писем не публиковал: на тот момент, когда исследователи только-только получили доступ к следственным делам декабристов, впервые читали их показания, переписка Пестелей не могла расцениваться как находка первоочередной важности. Позднее в архиве письма были пронумерованы по порядку (номера получили не только листы, но и сами письма) и подклеены в упомянутые уже шесть архивных дел, получивших по описи три номера с частями и томами. При этом листы ряда писем оказались перепутанными, в настоящей публикации мы восстанавливаем правильную последовательность и оговариваем порядок листов в примечаниях[16].

В ранние советские годы дело с отложенными Комитетом восемью письмами готовили к публикации, о чем свидетельствует их машинописная копия на французском языке, без перевода, хранящаяся в фонде[17]. Возможно, их намеревался издать Б. Пушкин, хранитель фонда и составитель его описи, или же Б.Е. Сыроечковский. Однако такая публикация не состоялась.

В печати письма Пестелей появлялись лишь фрагментарно и введены в научный оборот до сих пор не полностью. В 1926 г. в журнале «Красный архив» была помещена статья А. Круглого[18], представляющая собой обзор переписки с довольно обильным ее цитированием. С тех пор именно эта статья стала основным источником цитат и ссылок на интересующий нас эпистолярный комплекс, а также ошибок и заблуждений, вызванных неполнотой публикации А. Круглого, и даже некоторых погрешностей в его переводе. Это была единственная декабристская работа, выполненная Алексеем Осиповичем Круглым (1852–1930), весьма немолодым к тому времени человеком, в 1919–1927 гг. сотрудником Центрархива[19], автором ряда заметок и предисловий, появившихся еще на рубеже 1870–1880-х гг. в «Русском архиве» П.И. Бартенева[20], предисловия к трехтомному собранию стихотворений Д.В. Давыдова (СПб., 1893), книги «О теории поэзии в русской литературе XVIII столетия» (СПб., отпечатано в типографии Императорской Академии наук, 1893), каталога русского раздела Международной книжной выставки 1914 г. в Лейпциге[21].

Вторая публикация, осуществленная Н.А. Соколовой, включает в себя достаточно полную подборку писем Пестелей за период наполеоновских войн 1812–1814 гг.[22]

---

[16] Нарушенным в ряде случаев оказался порядок листов в пределах одного письма, тогда как перемещения листов из одного письма в другое практически не наблюдается. Восстановить правильную последовательность страниц письма несложно не только по содержанию, но и благодаря привычке И.Б. Пестеля повторять последнее слово при переходе на новый лист.

[17] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 2. Время, когда были сделаны копии, можно определить, с одной стороны, по типу бумаги, которой уже не использовали в 1930–40х гг., с другой стороны – по послереволюционной орфографии заголовка.

[18] Круглый А.О. П.И. Пестель по письмам его родителей // Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 165–188.

[19] См. его личное дело: ГА РФ. Ф. Р.-5325. Оп. 12. Д. 1000.

[20] Ему принадлежат предисловия (и, вероятно, подготовка текста) к запискам Н.С. Ильинского (РА. 1879. № III (12)); Э.-В. Дримпельмана (РА. 1881. № I (1)); письмам Потемкиных (РА. 1879. № II (6), № II (8)); заметка «О филологических занятиях Екатерины Великой» (РА. 1879. I (2). С. 265–266).

[21] Международная выставка печатного дела и графики. Русский отдел (1914; Лейпциг). Каталог Русского отдела / [сост. под ред. И.И. Лемана; Библиогр. описание старых кн. сделано А.С. Орловым, остал. кн. Ист. отд. А.О. Круглым]; Междунар. выст. печ. дела и графики в Лейпциге. 1914. СПб.: тип. «Сириус», 1914.

[22] Соколова Н.А. Военные страницы биографии П.И. Пестеля (материалы семейной переписки) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев: Нестор, 2000. С. 78–125. См. также обзор этой группы писем: Соколова Н.А. Эпоха Наполеоновских войн в семейной переписке Пестелей // Эпоха Наполеоновских

Полное издание этого комплекса позволит ликвидировать давнюю лакуну и заметно расширить круг доступных источников о жизни и деятельности одного из самых неординарных героев отечественной истории.

До нас дошло чрезвычайно мало писем самого Павла Пестеля, практически не сохранилось исходящих от него личных документов, рисующих его не как политического мыслителя и военного деятеля, а как живого человека со своими вкусами и пристрастиями, темпераментом, стилем речи. Присутствующие в научном обороте письма Павла Ивановича немногочисленны. Два письма к родным появились в подборке фамильных материалов на страницах журнала «Русский Архив», в переводе с французского языка, подлинники их не сохранились[23]. Второй комплекс представляют собой опубликованные в 1926 г. письма Пестеля к генералу П.Д. Киселеву, касающиеся главным образом служебных вопросов[24]. Собственно, этим (если не считать обращения Пестеля в Следственный комитет, входящие в его следственное дело[25]) известное эпистолярное наследие лидера южных декабристов ограничивается. Но если мы не можем услышать голос самого Павла Ивановича, то есть возможность судить о нем по отражению в письмах к нему от близких. Особенно ценен в этом отношении комплекс писем родителей, охватывающий всю жизнь декабриста, с детства до последних месяцев перед арестом.

Семейная переписка тем более важна, что между сыном и родителями царило настоящее, прочное сердечное согласие. Несмотря на некоторые нюансы, о которых речь пойдет ниже, и без которых не обходится ни в одной семье, вся совокупность писем убедительно свидетельствует об их взаимной любви, уважении и привязанности. Обсуждая не имевшее счастливого конца сердечное увлечение Павла Ивановича, отец в одном из писем отвечал на заявление сына, «что в сущности вы имеете сердечную привязанность лишь к своим родным, т. е. к матушке и ко мне»[26]. Собственно, заверениями в любви и преданности полны и известные по публикации в «Русском Архиве» два письма декабриста. Но ведь родственная переписка между благовоспитанными людьми подразумевала соблюдение общепринятого декорума, повторение обязательных формул, выражающих если не искренние чувства, то хотя бы вежливость. Кроме того, оба опубликованных письма относились к драматическим, особенным моментам: одно написано декабристом после известия о служебной катастрофе отца, второе – из крепости незадолго до вынесения приговора. Однако теперь, на фоне всего родительского эпистолярия, мы можем судить о том, насколько глубоко эти слова соответствовали реальному положению дел.

О нюансах же отношений свидетельствуют не прямые декларации или выяснения недоразумений, а сам состав сохраненных декабристом писем из дома.

Павел Иванович Пестель говорил о драгоценных для него письмах родителей. Но среди сохранившихся писем до 1823 г. мы видим почти исключительно письма от отца, Ивана Борисовича; от матери Елизаветы Ивановны – лишь приписки к письмам мужа. Ее собственные письма имеются только за 1823–1825 гг. Между тем из писем Ивана Борисовича явствует, что все годы супруги писали наравне: он часто выражает солидарность со сказанным в письме жены, отсылает к нему или просто упоминает, что она также пишет. В некоторое годы оговаривалось условие, что родители будут писать детям поочередно раз в неделю. Несомненно, писем от Елизаветы Ивановны сын должен был получать примерно столько же, как и от отца. Однако они сохранились только за последние три года, и впору задать вопрос: почему же более ранние до нас не дошли?

войн: люди, события, идеи. Материалы научной конференции. Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 92–98.

[23] Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 415–416, 421–423.

[24] Письма Пестеля к П.Д. Киселеву (1821–1823 гг.) / публ. Ф.И. Покровский, П.П. Васенко // Памяти декабристов. Вып. 3. Л., 1926. С. 150–201.

[25] Два письма Пестеля в Следственный комитет впервые опубликованы С.Я. Штрайхом (Декабрист П.И. Пестель: Новые материалы // Былое. 1922. № 20. С. 107–109. Впоследствии вошли в публикацию следственного дела Пестеля (ВД. Т. IV).

[26] Письмо от 31 июля 1821 г.

Возможно ли, что Следственный комитет вернул Пестелям письма Елизаветы Ивановны, но на всякий случай оставил у себя письма Ивана Борисовича, в недавнем прошлом крупного государственного сановника? Все бумаги возвращались родным под расписки, полный комплект которых ныне находится в архиве[27]. Но родственники Пестеля после его казни вообще не явились забрать оставшиеся от него вещи, расписки о возврате бумаг в делах комитета нет.

Подписи декабриста на конвертах указывают, что он хранил именно письма от родителей совокупно и сортировал по датам, нет указаний на то, что в одних конвертах находились письма отца, в других – матери. Количество конвертов, как мы видели, совпадает с найденным при обыске. Может быть, письма матери были сожжены декабристом накануне ареста? Тогда надо предположить, что они содержали нечто опасное, это сомнительно априори и еще более сомнительным становится после знакомства с сохранившимися письмами Е.И. Пестель; кроме того, остались письма последнего времени – а зачем бы декабристу в спешке отбирать и сжигать домашние письма времен своего детства? По-видимому, он разложил переписку по пакетам раньше. На это указывают и его собственные слова («часто сохранял в сем портфеле драгоценные для меня письма моих родителей, но после их запечатал в особые пачки»), и аккуратность, с которой надписаны пакеты. Заметим также, что сохранившиеся конверты невелики, странно уже, что в них когда-то умещались наличные письма, а будь их вдвое больше, конверты их точно бы не вместили. Остается заключить, что декабрист до 1823 г. не сохранял писем, полученных от матери.

Состав имеющегося корпуса переписки выглядит неслучайным. Отцовские письма за все годы наличествуют практически полностью, причем среди писем времен детства встречаются и адресованные всем сыновьям вместе, и двоим – Павлу и Владимиру (в период их совместной учебы в Германии), несколько писем обращены только к Владимиру, одно – Борису. Тем не менее все они оказались у Павла Ивановича. То же относится к письмам деда Бориса Владимировича Пестеля и бабушки по матери Анны фон Крок: письма не только к Павлу, но и к нему с Владимиром, и к одному Владимиру хранил Павел Иванович. Из всех многочисленных дядьев и теток отложились только несколько писем рано умершей и, видимо, любимой тети Софьи Ивановны Леонтьевой, родной сестры Е.И. Пестель; впрочем, мы не знаем, писал ли кто-то из прочих родственников Павлу Ивановичу[28]. Павел Пестель вел переписку с братьями (пусть и не очень регулярную, как видно из писем родителей), однако в его бумагах нашлось лишь два письма от Владимира и одно – от Александра[29], зато эти три письма служили своего рода вехами в их отношениях, братья высказывали в них родственные чувства, объяснялись в недоразумениях, делились важными планами. Среди домашней корреспонденции хранились послания Софьи Ивановны Пестель – типично детские, старательно выведенные по прописям. Представляется, что декабрист берег именно дорогие для себя письма, и состав комплекса отражает его привязанности и предпочтения. Очевидно, для него являлись памятными реликвиями и речь друга семьи доктора О.О. Реманна на смерть самого младшего из братьев Константина (родившегося и умершего, пока Павел и Владимир были в Германии, так что Павел Иванович этого брата никогда не видел[30]), и пачка писем сопровождавшего их в Германии воспитателя А.Е. Зейделя, и письмо от доктора Я. Щировского[31], лечившего Павла Ивановича в Калуге в 1812 г. после ранения при Бородино, и неуклюжие стихи неведомого омского сочинителя, приветствовавшего приезд в Сибирь нового генерал-губернатора И.Б. Пестеля[32].

---

[27] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 293–295.

[28] Из упоминаний в письмах Ивана Борисовича явствует, что хотя бы время от времени Павлу Ивановичу писала родственница и близкий друг семьи Е.Д. Власьева.

[29] См. в наст. издании. Конечно, ни в коем случае нельзя забывать о том, что множество бумаг декабрист уничтожил в ожидании ареста, в том числе наверняка и письма от братьев, тем более что Владимир Пестель подозревался в причастности к тайному обществу.

[30] См. в комментарии к письму И.Б. и Е.И. Пестель от 30 ноября 1807 г.

[31] См. в настоящем издании.

[32] См.: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 79–79 об.

Тем более красноречиво отсутствие до 1823 г. писем матери Елизаветы Ивановны. В литературе о Пестеле господствует мнение, что декабрист был в конфронтации с отцом, «сибирским тираном», зато близок с матерью, женщиной образованной, утонченной, чуть ли не разделявшей его идеи[33]. Семейная переписка заставляет пересмотреть эти представления.

Как раз с отцом Иваном Борисовичем Павла Ивановича Пестеля связывали теплые и доверительные отношения. Декабрист любил и уважал отца. Иван Борисович, начавший карьеру в военной службе, продолжил ее помощником Московского почт-директора, которым служил его отец Борис Владимирович. Должность эта в роду Пестелей была наследственной, почт-директором еще в царствование Петра I стал дед Ивана Борисовича Вольфганг, первый из Пестелей, перебравшийся в Россию[34]. В 1789 г. Иван Борисович сменил отца в этой должности. При Павле I Пестель, как и многие, чередовал карьерные рывки со внезапными опалами. В октябре 1798 г. он был назначен петербургским почт-директором, вскоре затем ему было поручено управлять также и состоявшими при почтамте секретной экспедицией и цензурой иностранных газет, но в июне 1799 г. Иван Борисович угодил в немилость, был причислен к Герольдии и жил без должности в Москве. В одном из писем Е.И. Пестель упомянула события того времени и заодно обрисовала свой круг общения: «В 1798 году *все* наше близкое общество было совершенно разбросано. Бутурлины, Воронцовы, Бороздины, Долгорукие, Разумовские, Спренгпортен и мы сами были будто охвачены порывом урагана, разбросавшего нас во все стороны. В 1799 мы *все* снова оказались собраны в Петербурге и вновь рассеяны через несколько месяцев»[35]. По сведениям дореволюционных биографов И.Б. Пестеля, к числу друзей семьи принадлежал также граф П.И. Пален[36]. При Александре I дела Ивана Борисовича пошли в гору, император ценил его деловые качества, в 1801 г. Пестель стал сенатором, вместе с Н.Н. Салтыковым ревизовал Вятскую (в 1802) и Казанскую (в январе–июле 1804) губернии, а в марте 1806 г. был назначен генерал-губернатором всей Сибири и оставался им вплоть до 1822 г., значительно дольше всех, кто до него занимал эту должность. Но завершилась его карьера крушением: Пестель был отставлен, деятельность его расследовалась, оправдания его не были приняты во внимание, он лишился не только почетной отставки с мундиром и пенсией, но и пожалованных ему некогда пожизненных пенсионов.

Вопреки своей репутации, «сатрапом» и «сибирским тираном» Иван Борисович не был[37]. Судя по его письмам, он чрезмерно доверял поставленным им же местным губер-

---

[33] См., напр.: Семенова А.В. Декабрист Пестель и его семья // Москва. 1975. № 11. С. 194–200; Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. На общем фоне выделяются суждения о Пестелях С.Н. Чернова и Б.Е. Сыроечковского, основанные на анализе их писем. Б.Е. Сыроечковский суммировал свои впечатления в нескольких страницах фундаментальной статьи «П.И. Пестель и К.Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля)», впервые изданной в 1954 г. и затем включенной в сборник: Сыроечковский Б.Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. См. с. 27–31 этого издания. Книга С.Н. Чернова «Декабрист П.И. Пестель. Опыт личной характеристики» долгие годы оставалась неизданной и увидела свет лишь недавно (Чернов С.Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004), что составляет выразительную параллель к также остававшейся неопубликованной переписке Пестелей.

[34] См.: Соколова Н.А. Укоренение рода Пестелей в России: новые источники // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 7–15; Соколова Н.А. Семейство Пестелей и Россия: новые архивные материалы // Немцы в России. СПб., 2000. С. 353–368. Пестели много сделали для развития почтовой службы в России. См.: Соколов Н.И. Московский почтамт в XVIII столетии: Исторический очерк. СПб., 1911; Вигилев А.Н. История отечественной почты. М., 1990.

[35] Письмо от 14 декабря 1823 г.

[36] См. биографическую статью о И.Б. Пестеле, написанную П. Майковым для «Русского биографического словаря».

[37] О его управлении Сибирью см.: Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141–149.

наторам, отказываясь верить в их злоупотребления. Сам же он был человеком добродушным, справедливым, даже слегка наивным, очень благочестивым, добродетель понимал дидактически-прямолинейно, был склонен к сентиментальности, не лишен житейской мудрости, но не слишком умен и в целом безобиден. Письма позволяют выявить, каким образом формировались человеческие связи вокруг Ивана Борисовича: в значительной мере это была своеобразная система патрон-клиентских отношений. Наиболее характерная фигура здесь – Н.И. Трескин, которого Пестель заметил, еще когда тот был мелким чиновником московского почтамта. Иван Борисович продвигал его, наконец выдвинул в иркутские губернаторы, полностью на него полагался долгие годы, и даже после разразившегося громкого скандала, собственной отставки и обвинений Трескина в крупных злоупотреблениях продолжал упорно верить в его невиновность, поддерживал с ним отношения, пользовался его услугами. Сходным образом строились отношения И.Б. Пестеля с Н.Р. Марченко, К.А. Случевским (отцом поэта Константина Случевского, который также сначала продвигался по службе благодаря Пестелю, потом приобрел самостоятельное значение и стал уже Ивану Борисовичу оказывать услуги и поддержку). Часть друзей и полезных знакомых происходила из почтового ведомства, и мы видим из писем, что даже после отставки И.Б. Пестеля некоторые из них сохранили ему преданность. В последние годы человеком, хлопотавшим по его делам в Петербурге, оказался почтовый чиновник М.С. Нератов. В ответ Иван Борисович старался со своей стороны услужить ему, чем мог: по его просьбе Павел Иванович занялся устройством сына Нератова и взял его к себе в полк. В эту систему отношений вовлекались и родственники: при Пестеле томским, затем тобольским губернатором был муж его сестры Ф.А. фон Брин, а сын фон Брина воспитывался в Петербурге под присмотром Ивана Борисовича; служил при сибирском генерал-губернаторе его брат Николай Борисович (не оставивший особого следа в истории), да и сын Борис Иванович начал службу в канцелярии отца.

Ходившие слухи насчет лихоимства генерал-губернатора всей Сибири не имели основания, и этот момент важен для понимания ситуации в семье и того, как воспитывались дети Пестелей. Родовых имений у них не было[38], Иван Борисович непрестанно жаловался на безденежье, сетовал, что лишен, возможности посылать больше денег поступившим в армию сыновьям. Жил он займами, что служило предметом пересудов и насмешек в свете. След этих толков находим в письмах Ф.В. Ростопчина А.А. Закревскому. В июне 1818 г. находившийся в Париже Ростопчин рассказывал своему корреспонденту, что русский посол граф Поццо-ди-Борго «впутался в заем», «но он человек умный и если приберет (как уверяют) три миллиона франков, то перенесет все по примеру Козодавлева, Пестеля и компании». В сентябре того же года Ростопчин сообщал о продолжении этой истории: Поццо-ди-Борго «так ловко вмешался в последний заем, что не кладя ни копейки своих денег, приобрел до двух миллионов французских». По этому поводу Ростопчин острил, что «не дурно бы Пестелю прислать к нему детей на выучку»[39].

---

[38] Дед декабриста Б.В. Пестель владел имениями в 450 душ в Себежском уезде, полученными в награду за службу в 1775 г., И.Б. Пестелю в начале царствования Павла I было пожаловано имение в 300 душ в Орловской губернии (См. статьи о Б.В. и И.Б. Пестелях в «Русском биографическом словаре»), однако все они были проданы, вероятно, во время опалы и отставки Ивана Борисовича в последующие павловские годы. По данным краеведов, имение Васильево Краснянского уезда Смоленской губернии, в которое переселились Пестели в 1823 г., прежде принадлежало Б.В. Пестелю. Однако из публикуемых писем видно, что Васильево было куплено на имя Е.И. Пестель: возможно, Пестели купили снова прежде проданную ими деревню. В 1906 г. в журнале «Былое» была помещена заметка И.В. Майорова «Крестьянские воспоминания о П.И. и Б.И. Пестель (из села Станков Вязниковского уезда Владимирской губернии)», где со слов стариков-крестьян рассказывается о том, как около 1815 г. братья Павел и Борис Пестели сожгли книги с записями крестьянских недоимок (Былое. 1906. № 5. С. 271–272). Эту историю следует считать специфическим проявлением фольклора: на тот момент у Пестелей не было никакого имения во Владимирской губернии, а Павел Иванович никогда в этой губернии не бывал.

[39] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 468, 470.

И.Б. Пестель возлагал надежды на то, что император в качестве награды за долгую верную службу уплатит нажитые на ней долги. После крушения служебной карьеры оказался почти без средств и с непомерными долгами. О том, чтобы оставаться в Петербурге с его дороговизной, речи быть не могло. Пестели перебрались в единственное свое владение, купленную за несколько лет до того деревню Васильево в Смоленской губернии, в 149 душ. Елизавета Ивановна с дочерью Софьей уехали из столицы весной 1822 г. и остановились у родственников в Псковской губернии, глава семьи был вынужден задержаться еще на несколько месяцев, пытаясь уладить дела с кредиторами. 5 июня 1823 г. он писал сыну, что не может тронуться наконец в свое имение, пока не получит 500 руб. за проданные часы, без этого нет денег на дорогу. А через месяц, добравшись до Васильева, мать описывала сыну положение: «Мы приехали сюда с 78 руб. 30 коп. в кармане и еще продали овса на 500 руб. С этой суммой мы должны прожить по крайней мере до нового года!» В Смоленской губернии перед тем случилось несколько неурожайных лет кряду, дохода имение не приносило, дом был старый и настоятельно требовал ремонта, денег на который не было. Впрочем, Иван Борисович остался верен своим привычкам: ликвидируя дела в Петербурге, обнаружил, что их годами обкрадывал управляющий столичным домом, которому он вполне доверял. А оказавшись в деревне, Пестели непрестанно жаловались в письмах сыну на деревенскую скуку, но, кажется, не попытались лично заняться управлением имением. На этом фоне трудно поверить в причастность Ивана Борисовича к лихоимству сибирского чиновничества и легко в то, что он не слишком ясно видел поступки окружающих.

Неудивительно, что И.Б. Пестель связывал все надежды на благосостояние сыновей с их будущими служебными успехами. Отец непрестанно наставлял мальчиков прилежно учиться, причем напоминания о необходимости службы для достатка не забывал сопровождать возвышенно-патриотической риторикой о ревностном служении отечеству и государю. Павел Пестель воспитывался вовсе не как беспечный русский барич. Вместе с тем Иван Борисович в каждом письме заверял детей в своей отцовской нежности, посылал благословения и объятия, называл себя их «лучшим другом». Павел был его любимцем, это отчетливо видно из переписки.

Бытующее в литературе описание отношений П.И. Пестеля с матерью как душевно и интеллектуально близких основано на выдержках из ее писем, опубликованных А. Круглым, а они вне общего контекста переписки производят неверное впечатление. В дошедших до нас письмах Елизаветы Ивановны Пестель видна образованность, иногда остроумие, но, вопреки ее репутации, не заметно ни особой интеллектуальности, ни тонкости, артистизма, поэтичности натуры. Книги, круг чтения, умственные интересы занимают в ее письмах, как и в письмах Ивана Борисовича, чрезвычайно скромное место. Елизавета Ивановна была погружена в домашние мелочи, жаловалась на здоровье. Хозяйственные хлопоты, непрестанные призывы к экономии вперемешку с чувствительными заверениями рисуют ее как типичную домохозяйку немецкого склада. Экономность ее, впрочем, была мелочной и призрачной, ведь проделок управляющего петербургским домом она так и не заметила. Писала она, действительно, элегантнее мужа (и тот первым это признавал), не без юмора описывала знакомых и соседей. Но стиль Елизаветы Ивановны тем не менее довольно тяжеловесен, ее французский язык находился под явным влиянием немецкого, она писала длинными предложениями, зачастую относя глагол в конец фразы. Почерк у нее мелкий, твердый и очень аккуратный, а у Ивана Борисовича она, случалось, подправляла орфографию и расставляла надстрочные значки над буквами. Чета Пестелей неизменно подчеркивала полное свое согласие и единство. Однако складывается впечатление, что Иван Борисович был под каблуком у супруги.

Среди сохраненных декабристом бумаг есть два письма на немецком языке, написанных, очевидно, рукой Е.И. Пестель[40]. Одно из них относится ко времени между выпуском Павла Ивановича из Пажеского корпуса и отъездом в армию (т. е. между декабрем 1811 и апрелем 1812 г.) и представляет из себя длинную, жесткую нотацию по совершенно

[40] Оба письма см. в наст. издании.

мелочным поводам: Павел отпросился у родителей посетить дядю Андрея Борисовича и доктора Альберта, но был только у Альберта, сказав, что дядю якобы не застал дома; кроме того, матери не понравилось, как молодой человек отозвался на известие о болезни одного из родственников. Второй документ – письмо от сына к родителям, содержащее горькую и эмоционально насыщенную просьбу о прощении. Мы атрибутируем его как письмо Павла Ивановича, посланное из Митавы предположительно в 1816 г., после того как до родителей дошли слухи, что он влюбился и собирается жениться, не спросив их мнения. Это письмо было переписано матерью и хранилось в бумагах сына, наверное, как напоминание о его вине и раскаянии; возможно, до нас дошел и ответ Елизаветы Ивановны на это письмо – умозрительный дидактический текст о радостях добродетели, лишенный какого бы то ни было тепла и сочувствия сердечным страданиям сына[41]. Все это позволяет догадываться, отчего Павел Иванович до определенного момента не сохранял материнских писем.

Перелом, очевидно, наступил в 1823 г.: с этого времени письма Елизаветы Ивановны сохраняются сыном наравне с письмами отца, а отношения матери и старшего сына – очень эмоциональные, близкие, заинтересованные. Как и Иван Борисович, она не раз возвращалась к вопросу о религиозных сомнениях Павла Ивановича, а сын, по-видимому, эту тему обсуждал с ними вполне доверительно. По существу, родители говорили одно и то же, наставляя Павла и стремясь вернуть его к свойственной им самим, весьма традиционно понимаемой лютеранской вере, однако аргументы Елизаветы Ивановны более интеллектуально изощренны, в одном из писем она пересказала главу из «Потерянного рая» Мильтона[42]. Новые краски приобрело ее общение с сыном после того, как Павел Иванович после многолетней разлуки смог навестить родителей и зимой-весной 1824 г. гостил в Васильево. После, осенью того же года Елизавета Ивановна в письмах начинает обсуждать международные политические новости (борьба греков за независимость, вступление на французский престол Карла X и его реформы, репрессии испанского короля против мятежников[43]), причем высказывает мнения, не лишенные либерального оттенка, хотя и весьма ограниченного. Однако из ее же писем виден и предел ее осведомленности о взглядах сына: она, конечно же, не подозревает, сколь далеко заходит его вольнодумство политическое, да и вообще о нем не осведомлена, разве что догадывается: «Как бы я скорбела, если бы должна была предположить, что когда-либо один из моих сыновей мог оказаться в числе так называемых *либералов*, что вообще, и особенно у нас, есть синоним поджигателя»[44]. А упомянутое выше письмо с пересказом из Мильтона исчерпывающе доказывает всю невозможность заподозрить Елизавету Ивановну в вольнодумстве любого рода, включая религиозное: «Понять!!! Не надо искать понять, это ни к чему не ведет, это будет усилиями столь же бесполезными, сколь и преступными. Доверие, покорность, благодарность – вот единственное древо истинного познания, плоды которого нам не только дозволены и спасительны, но даже необходимы для нашего счастья»[45].

Пестели много лет жили на виду, в Москве и Петербурге, были знакомы со многими аристократическими домами, Иван Борисович занимал видные должности, был сенатором и членом Государственного Совета. Однако до странного мало упоминаний о Пестелях в письмах, дневниках, мемуарах современников. Так, их обходит полным молчанием переписка братьев А.Я. и К.Я. Булгаковых, несомненно, знакомых с Пестелями и по Москве, и по отношению к Московскому почтамту[46]. Весьма лестно отзывалась о Пестелях А.И. Ко-

[41] См. там же в примечании.

[42] Письмо от 8 сентября 1825 г.

[43] Письма от [8], 28 октября 1824 г.

[44] Письмо от 31 марта 1825 г.

[45] Письмо от 8 сентября 1825 г.

[46] Братья Булгаковы. Переписка. М.: Захаров, 2010. Т. 1. Письма 1802–1820 гг.; Т. 2. Письма 1821–1826 гг. В переписке Булгаковых упоминается мать Е.И. Пестель А. фон Крок (Т. 1. С. 567), Н.Н. Леонтьев, с которым Булгаков служил в дипломатической миссии в Неаполе и при упоминании которого пояснил, что тот «женат на Пестельшиной сестре», стало быть, с Е.И. Пестель братья были знакомы (Т. 1. С. 17); о Леонтьевых К.Я. Булгаков отзывался с большой симпатией.

лечицкая, их соседка по смоленскому имению. Это была провинциальная помещица: или она с пиететом смотрела на столичных выходцев, или же не была причастна к тем кругам, где принято было не любить Пестелей[47]. В основном же, вместо сколько-нибудь живых рассказов очевидцев находим сплетни о злоупотреблениях «сибирского проконсула», ехидные замечания о том, как он управлял Сибирью из Петербурга, недобрые характеристики: надменен, высокомерен[48]. Современники могли поддерживать светские отношения, видеть в Иване Борисовиче человека небесталанного (А.П. Ермолов, говоря о служившем под его началом Андрее Борисовиче Пестеле, ронял мимоходом, что «брат ограбил его умом и способностями»[49]). Но, видимо, обаянием старшие Пестели не были одарены и не вызывали симпатий в обществе. Отчасти, конечно, это объясняется тем, что родовитая аристократия косо смотрела на немцев, да еще и «выскочек», делавших карьеры, деловитых и энергичных, успешно конкурировавших с русскими барами и оттеснявших их от лакомых должностей. Отчасти же причину следует искать в особенностях карьерной стратегии Ивана Борисовича. Ему удалось сблизиться с А.А. Аракчеевым и пользоваться его поддержкой, чем сам Пестель, судя по его письмам, был весьма доволен. Зато это неизбежно обуславливало неприязнь к нему всех недовольных временщиком. Пестели жили на Мойке в одном доме и на одном крыльце с Пукаловой, любовницей Аракчеева. Ф.В. Ростопчин в конце 1816 г. острил в письме к А.А. Закревскому: «Пожалуйста, одолжите меня присылкою календаря на 1817 год; без него я как Козодавлев без передних, Пестель без Пукалова, а Пукалов без просителей»[50].

Павла Пестеля современники воспринимали, конечно же, на фоне его родственников. Облик и репутация семьи важны для понимания контекста как личностного формирования декабриста, так и житейских обстоятельств и нюансов отношения к нему окружающих. Сохраненный им эпистолярный комплекс дает возможность взглянуть на три поколения семьи. Дед Б.В. Пестель, писавший тяжелым архаичным немецким, благочестивый, прямолинейный и ригидный, с неодобрением относившийся к изучению греческой мифологии как идолопоклонства[51]. Совсем из другого теста была бабка фон Крок, мать Е.И. Пестель, считавшаяся очень просвещенной дамой, в молодости слывшая вольтерьянкой[52] и написавшая книгу «Письма об Италии и Швейцарии». В пору детства внуков она жила в Москве, затем осенью 1806 г. переехала в Дрезден, где тогда учились Павел и Владимир Ивановичи. Ее письма несут печать стиля элегантного XVIII в. и составляют контраст посланиям Б.В. Пестеля, хотя они были между собой в близком родстве не только вследствие брака между детьми: жена Б.В. Пестеля была урожденная фон Крок, а Иван Борисович Пестель и его жена были двоюродными братом и сестрой.

Представляют интерес также и письма А.Е. Зейделя, воспитателя Павла и Владимира Пестелей в период их учебы в Германии. Помимо характеристики самого Зейделя, они дают представление о приемах воспитания, применявшихся к братьям Пестелям, и сообщают некоторые ценные подробности об образовании будущего декабриста. К примеру, совершенно неизвестен был факт серьезного интереса Павла Ивановича к минералогии, который прослеживается по письмам Зейделя (Павел Иванович жалел, что минералогию не преподают в Пажеском корпусе), а также Б.В. Пестеля (мальчики в Германии посещали рудники), И.Б. Пестеля (Павел просил его прислать из Сибири минерал, отец обещал

[47] Колечицкая А.И. Мои записки от 1820 года / публ. Е.Э. Ляминой и Е.Е. Пастернак // Лица: биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 277–341.

[48] См., например, в записках Н.И. Греча, отрывок из которых был впервые опубликован: Отголоски 14 декабря 1825: Из записок одного недекабриста. Лейпциг: Э.Л. Каспрович, 1903.

[49] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 224. Письмо от 21 марта 1817 г.

[50] Там же. С. 467.

[51] См. письмо Б.В. Пестеля от 13/25 ноября [1807 г.]

[52] Соколова Н.А. Семейство Пестелей и Россия: новые архивные материалы // Немцы в России. СПб., 2000. С. 359.

собрать для него коллекцию)[53]. То, что это было не только детское увлечение, доказывает одно из писем сестры С.И. Пестель, которая 16 мая 1818 г. после отъезда брата посылала ему «камень, который вы оставили здесь» – если бы речь шла о драгоценном камне-украшении, его пересылку вряд ли бы доверили восьмилетней девочке, стало быть, это минерал из коллекции[54].

Письма А.Е. Зейделя представляют собой любопытное свидетельство реального бытования программ воспитания, выработанных не столько педагогической, сколько философской мыслью эпохи Просвещения и не перестающих привлекать исследовательское внимание[55]. Однако не только письма Зейделя, но и вся совокупность писем родных к малолетним братьям Пестелям является развернутым примером дидактических практик того времени. Отец, мать, дед, бабушка – каждый на свой манер обращается к мальчикам с наставлением и назиданием. Зачастую само письмо как таковое служит примером, предложенным для подражания. Так, И.Б. Пестель будто пишет детям своего рода образцовые послания, содержащие весь набор эпистолярных приемов учтивого, благовоспитанного светского человека. До нас не дошли ответные письма Павла и Владимира Пестелей отцу, но детские послания Софьи Пестель позволяют судить о том, какими они могли быть – со всеми обязательными формулами вежливости, чинным началом и завершением. Среди всей сохраненной декабристом родственной корреспонденции только немногочисленные письма тетки Софьи Леонтьевой лишены дидактики, только она писала племяннику как обыкновенному, живому ребенку, шутила с ним, была ласкова, а то и развлекала историями про итальянских разбойников.

Конечно же, на протяжении долгих лет тон общения родителей с Павлом Ивановичем менялся. По письмам отца перелом отчетливо заметен с того момента, как Павел отбыл в армию в 1812 г.: вместо дидактических писем к воспитуемому мальчику теперь это стало общение двух взрослых мужчин. Несколько лет еще Иван Борисович опекал сына, давал советы, утешал в неудачах, но постепенно все более переходил к разговору на равных, с возрастающим уважением к мнению Павла Ивановича. Иван Борисович обсуждал со старшим сыном его служебные дела, старался способствовать его карьере, хлопотал о чинах, рассказывал новости, иногда – понимая, что письма перлюстрируются (недаром он сам посидел в кресле почт-директора), – осторожно высказывал свои соображения о придворных интригах, степени влияния тех или иных лиц, особенно когда это были сведения, касавшиеся начальников сына. Заботясь о его продвижении, Иван Борисович прибегал к своим излюбленным приемам, и мы видим, как он старался завязать дружеские отношения с начальниками Павла Ивановича и обязывать их своими услугами: сначала с полковым командиром И.Ф. Удомом, затем – и гораздо более успешно – с семьей П.Х. Витгенштейна. Павел Иванович был не только любимым сыном, но и казался образцовым воплощением родительских чаяний: почтительный и послушный, старательно исполнявший свои обязанности, экономивший родительские деньги, опекавший братьев. На младших же сыновей И.Б. Пестель то и дело сетовал, считая их легкомысленными, эгоистичными, ленивыми, нерадивыми к службе.

Невозможно в рамках вступительной статьи перечислить все то новое, что сообщают нам семейные письма о подробностях жизненного пути декабриста. Поэтому ограничимся лишь указанием на немаловажную ошибку в интерпретации одного эпизода. Речь идет о том, что П.И. Пестель якобы в июне 1813 г. выполнял важную миссию, служил курьером в переговорах Александра I с австрийским императором. Впервые, по-видимому, эта версия появилась в книге Л.А. Медведской о Пестеле. Автор, ознакомившись с семейной перепиской, вывела такое заключение на основании одного места из письма Е.И. Пе-

[53] См. письма Зейделя от 16 марта [1810], Б.В. Пестеля от 13/25 ноября [1807], И.Б. Пестеля от 3/15 июля 1807.

[54] ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 54–54 об.

[55] См., напр.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: История необычного союза. М., 2010; Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

стель, упоминавшей будто бы некие услуги «двум императорам», оказанные ее сыном[56]. Сюжет продолжила публикация Н.А. Соколовой, куда вошло это письмо Е.И. Пестель от 7 июля 1813 г. Интересующее нас место было дано там как: «Поручения, которые были на вас возложены обоими имп[ераторами]...»[57] Впоследствии эта тема получила развитие в трудах О.И. Киянской, акцентировавшей внимание на Пестеле как разведчике[58]. При этом исследователей почему-то не смущала явная несуразность такого предположения с точки зрения служебной субординации: молодой человек в чине подпоручика, только что определенный адъютантом к П.Х. Витгенштейну и ничем особенным пока себя не зарекомендовавший, почему-то получает важные поручения дипломатического характера через головы не в пример более заслуженных и опытных флигель- и генерал-адъютантов. На самом же деле, обратившись к подлиннику письма, обнаруживаем, что имела место ошибка переводчика, в оригинале стояло не «двух императоров», а «двух императриц». Несмотря на то что слово написано сокращенно («имп.»), прочтение его несомненно, так как во французском языке слова «император» (empereur) и «императрица» (impératrice) пишутся через разные начальные гласные. В подлиннике письма стоит отчетливая заглавная буква «I». Таким образом, фраза получает совершенно очевидную в контексте переписки интерпретацию: Пестели пересылали сыну письма для его сослуживцев от их петербургских родственников, в том числе и по просьбе императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны[59].

В настоящее издание комплекс писем, хранившихся у декабриста, вошел почти полностью, за немногими исключениями. Во-первых, мы не сочли нужным воспроизводить письма Софьи Пестель к брату, поскольку это банальные, стереотипные и малоинформативные детские письма. Публикуются, впрочем, приписки С.И. Пестель к письмам родителей, вполне дающие представление о характере прочих ее посланий; на упомянутые в письмах родителей, но не публикуемые письма Софьи Пестель даны архивные ссылки. Также не включены в данный том несколько писем, малоинтересных по содержанию и принадлежащих авторам, о которых мы не можем сказать ничего определенного (двое из детских учителей братьев Пестель, какой-то знакомый по Дрездену), сохраненный П.И. Пестелем листок из немецкой газеты, записка в несколько слов, написанных неизвестной рукой и т. п. Возможно, в будущем эти несколько листков тоже дадут пищу исследователям, мы же посчитали излишней их публикацию в настоящем издании, так же как и двух стихотворений на немецком языке, написанных другом семьи доктором О. Реманном на смерть младшего сына Пестелей Константина и стихов неизвестного автора на прибытие И.Б. Пестеля в Омск в 1807 г.

Основным языком переписки Пестелей, как это обычно для дворян той эпохи, был французский. И.Б. Пестель писал беглым, немного неряшливым почерком и был склонен к редуцированию букв. Перевод писем авторов, живших в многоязычной дворянской среде, ставит специфические стилистические проблемы. Как, например, переводить их обращение к сыну? По-французски они звали его Paul, по-русски, возможно, – Пашей[60]. Мы старались выбирать нейтральные варианты, избегая излишней стилизации. В данном случае ставить в переводе «Паша» было бы чрезмерным вторжением в тон оригинала (содержаще-

[56] Медведская Л.А. Павел Иванович Пестель. М., 1967. С. 22.

[57] Н.А. Соколова. Военные страницы биографии П.И. Пестеля (материалы семейной переписки) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев: Нестор, 2000. С. 104–105, и примечание к этому месту на с. 122. Надо заметить, что опубликован этот текст был как отдельное письмо, хотя на самом деле это приписка Е.И. Пестель к письму И.Б. Пестеля от 7 июля 1813 г.

[58] См. напр.: Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. С. 59–61.

[59] См. это письмо в наст. издании.

[60] См. детскую фразу С.И. Пестель, где она называет брата Пашей, в письме И.Б. Пестеля от 8 сентября 1812 г.

го полную, а не уменьшительную форму имени), а французская калька «Поль» звучала бы слишком жеманно, поэтому был выбран вариант «Павел».

Пестели пользовались французским языком в переписке и, вероятно, в бытовой устной речи, хотя, судя по тому, что И.Б. Пестель рассказывает старшему сыну Павлу о младших, Александре и Софье, дети начинали говорить по-русски, затем по-французски. Оба языка усваивали из непосредственного общения (но по-русски говорили с прислугой, наверное, с нянями и кормилицами, и неудивительно, что дети его осваивали раньше других). Немецкий и английский изучали позднее, как иностранные. Несколько писем на немецком языке И.Б. Пестель написал, когда старшие сыновья Павел и Владимир учились в Германии – видимо, к тому времени они достаточно выучили немецкий. Единственное письмо Ивана Борисовича по-русски было продиктовано писарю под предлогом, что от обилия канцелярской работы почерк у отца стал непонятный. На самом деле, очевидно, Иван Борисович понимал, что пишет по-русски с ошибками, и не хотел показать это сыновьям, которых усиленно наставлял прилежно учиться.

Стиль русской, французской и немецкой письменной речи Ивана Борисовича различался. Его русский язык заметно архаичен, чего не скажешь о его французском. По-французски И.Б. Пестель писал не без претензии на учтивую изысканность, но в то же время фразы его тяжеловесны, не всегда правильны и несколько неуклюжи. Мы старались сохранить это в переводе и не превратить Ивана Борисовича в ловкого стилиста. Различались при переходе с языка на язык и способы обращения к собеседнику. Так, по-французски И.Б. Пестель обращался к сыну на «вы», по-немецки и по-русски – на «ты». Это общее свойство той эпохи, тогда во французском языке обращение «ты» («tu») звучало в высшей степени интимно (даже супруги вне сугубо интимного контекста пользовались обращением «вы») и известно много аналогичных случаев употребления французского «вы» теми же собеседниками, кто по-русски говорил друг другу «ты».

Русский язык И.Б. Пестель использовал, как правило, в тех случаях, когда хотел привести чью-то фразу, сказанную по-русски, цитату из официального документа, иногда он писал по-русски собственные имена (хотя одно и то же имя мог писать как по-русски, так и транслитерировать латиницей). Немецкие вкрапления в письмах чаще всего являются религиозными сентенциями, цитатами из Писания или нравоучительными пословицами, иногда характерными оценочными словами (Windbeutel – излюбленное словцо И.Б. Пестеля). Что касается немецкого языка, то письма Пестелей и Зейделя являют типичный пример стиля образованных людей той эпохи. Для него характерны сложные синтаксические конструкции морализаторского характера, некоторая вычурность, частые обращения к Богу, повторения слов, относящихся к духовной сфере (Herz, Seele, Sinn, Vernunft и т. д.), а также устойчивые формулы эпистолярного жанра.

Примерно так же распределяются языки в письмах Е.И. Пестель. К немецкому она прибегала главным образом для цитат и пословиц духовного содержания, по-русски называла отдельные предметы. Ее русская орфография весьма приблизительна («душинка», – писала она любимому сыну). Французский Елизаветы Ивановны, как уже было сказано выше, тяготеет одновременно и к элегантной литературности, и к некоторой тяжеловесности, проистекающей от построения фразы по немецкому образцу. В редких случаях она пользовалась немецкими словами, видимо, считая их за французские («gast» – гость).

Все письма публикуются в переводе на русский язык. Переводы с французского осуществлены О.В. Эдельман, с немецкого Е.Е. Рычаловским. Поскольку основным языком переписки является французский, при публикации писем указание на него опускается по умолчанию, оговариваются только другие языки, в этих случаях указание на язык оригинала помещается вслед за архивной легендой. Русские слова и фразы в иноязычных письмах даны полужирным шрифтом. Немецкие вкрапления во французских письмах воспроизведены в оригинале с подстрочным переводом. Сокращения слов восстановлены в квадратных скобках, за исключением слова «полк», которое И.Б. Пестель всюду во французском подлиннике пишет сокращенно (reg-t вместо regiment). Из-за краткости русского слова сокращение восстанавливается без оговорок. Лакуны в тексте, неразобранные слова и пред-

положительные прочтения помечены квадратными скобками. Авторские подчеркивания в тексте воспроизводятся курсивом, подчеркнутое слово, написанное по-русски – соответственно полужирным курсивом; слова, подчеркнутые в подлиннике дважды, даны курсивом с подчеркиванием.

Сохранены некоторые разночтения в написании фамилий и особенности русской орфографии родителей декабриста.

Немецкоязычные выписки из Библии сверены по изданиям Священного Писания в переводе Лютера и приведены по одному из изданий Московской Патриархии, франкоязычные – даны в переводе по изданию МП. Немецкие стихотворения переводятся белым стихом (перевод Е.Е. Рычаловского).

Сохранены по возможности особенности авторского оформления писем (место расположения даты, варианты подписи). Следует обратить внимание читателя на то, что, хотя авторы ставили даты, как правило, в начале письма, И.Б. Пестель изредка отклонялся от этой привычки и помещал дату в конце, что воспроизведено при публикации. Употребление строчных и прописных букв в большинстве случаев приведено к современным нормам. Сняты заглавные буквы в указаниях должностей и титулов («Генерал», «Министр», «Граф»), в том числе императорской титулатуры, сняты также нерегулярно появлявшиеся прописные буквы в словах «Батюшка», «Матушка», «Друг» и т. п., но сохранена нерегулярность, с какой Пестели употребляли заглавные и строчные буквы в словах «Провидение», «Спаситель», «Бог» и др. религиозной лексике, а также их привычка писать со строчной буквы замещающие эти слова местоимения.

И.Б. и Е.И. Пестель имели обыкновение употреблять характерный графический знак: косая черта с двумя точками по бокам. Этот знак регулярно (хотя и не в обязательном порядке) помещался в конце письма рядом с подписью, а зачастую вместо нее, и в этом случае символизировал, вероятно, объятия и поцелуй или же благословение крестом. Наряду с этим, И.Б. Пестель ставил такой же значок на полях письма в тех местах, где упомянуты те или иные приложения – посылаемая денежная сумма, пересылаемое письмо или копия документа. Иногда, если приложений оказывалось несколько, отмечающие каждое следующее из них черточки удваивались и утраивались. При воспроизводстве писем мы опускаем этот знак и не делаем специальных указаний на его наличие в оригинале.

Основной корпус настоящей публикации составляют письма родителей И.Б. и Е.И. Пестель к детям, главным образом к Павлу Ивановичу, им предпосланы три дошедшие до нас письма П.И. Пестеля родителям (два из них – републикация). В приложении помещены немногочисленные дошедшие до нас письма к декабристу от его братьев Владимира и Александра, эпистолярные комплексы деда Б.В. Пестеля, бабки А. фон Крок, тетки С.И. Леонтьевой, воспитателя А.Е. Зейделя, а также письмо доктора Я. Щировского. Письма каждого корреспондента расположены в хронологическом порядке, документы, служившие приложением к письмам, даны вслед за ними. Автор и адресат каждого письма указаны в заголовке, указание на автора приписки к письму дается непосредственно перед ней.

Большинство писем имеют авторские даты. При их отсутствии даты установлены публикатором и даны в квадратных скобках, при необходимости основания для датировки оговорены в сносках. В ряде случаев при подклейке писем в архивные дела хронологическая последовательность была нарушена, при публикации она восстановлена.

Архивные легенды указаны после каждого письма. Особенности подлинника (наличие утрат бумаги, существенные исправления, пометы и пр.), как и переводы немецкоязычных вкраплений, приведены в подстрочных примечаниях. Исправления мелких описок и орфографических ошибок не оговариваются.

Реальный комментарий сопровождает каждое письмо после легенды. В некоторых случаях при повторном упоминании в комментарии того или иного лица помета (см.) должна служить указанием, что сведения о нем имеются в настоящей книге и могут быть легко найдены при помощи именного указателя.

Образцы почерка главных корреспондентов – И.Б. и Е.И. Пестель – даны в фотокопиях в виде иллюстраций.

Научно-справочный аппарат издания состоит из именного и географического указателей.

Я глубоко признательна коллегам, проявившим интерес к данной работе на разных ее этапах, помогавшим советами, консультациями, делившимся своим опытом и зачастую уникальными знаниями: Е.Э. Ляминой (ГУ ВШЭ), И.С. Тихонову, Е.В. Балушкиной (ГА РФ), Н.П. Матхановой (Новосибирск), Т.А. Перцевой (Иркутск), Й. Петровскому-Штерн (Северо-Западный университет, Чикаго), И.Л. Великодной, А.И. Любжину, П.В. Кузнецову (НБ МГУ), С.А. Экштуту (журнал «Родина»), А.И. Куприянову (ИРИ РАН), Н.А. Соколовой (ЦГИА г. Москвы), Д.А. Сдвижкову (ГИИМ). Рецензент рукописи В.А. Мильчина (ИВГИ РГГУ) взяла на себя труд прочесть весь мой перевод и высказала ценнейшие замечания. Особая благодарность – коллегам хранителям фондов ГА РФ, в первую очередь В.А. Закировой.

О. Эдельман

ПИСЬМА ПАВЛА ИВАНОВИЧА ПЕСТЕЛЯ РОДИТЕЛЯМ [1816], 1822, 1826

[1816]*

Дражайшие родители!

Я еду в церковь. Не холодный рассудок и не простая необходимость влекут меня к вам просить о прощении. Нет, тому виной сердце, которое обливается кровью, ощущая ужас от нанесенного доброму отцу и нежной матери оскорбления. О! я глубоко чувствую, сколь велика моя неправота, как мало я вас ценил! Но простите меня. Моя совесть довольно меня наказала. Дайте мне срок, дабы мог я упросить Бога о прощении; и дайте мне свое благословение, чтобы посмел я появиться в Божьем доме. Не стану расточать много слов. Довольно вам, дражайшие родители, уверения, данного мною пред Богом, что мое раскаяние столь велико, сколь и чистосердечно. Вероятно, судьба моя переменится. Быть может, нет более на земле для меня счастия. Но что бы ни стало со мною, пусть не лишен буду вашего благословения. Тогда как бы ни был тяжек груз моей вины, стойко буду его нести. Чрез вас, любезные родители, и впредь направит меня Божья длань, подавшая мне утешительное чувство набожности, в котором нуждалось мое сердце. И ежели сойду я со стези добродетели, то будьте моими помощниками, моими поводырями. О Боже! Дай мне сил поступать всегда так же, как я себе твердо положил нынче[1].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 11–11 об. Нем. яз.
Копия письма почерком Е.И. Пестель (?).

---

[1] Возможно, ответом на это письмо является листок, написанный по-немецки рукой Е.И. Пестель (?), без даты, обращения, прощания и других формальных признаков письма:

«Как! здравый смысл, установленные холодным рассудком правила составляют суть добродетели, сила которой обнаруживается лишь в пожертвовании и борьбе? Нет, не так полагал Творец. Добродетель – это красота души. Благородные черты добродетели, верно, изваяла природа. Ни искусству, ни принуждению сие не по силам. Она не редкостное растение, с трудом сохраняемое в чужом климате. Заключенный в сердце ее росток выходит на свет. На сей родной почве она возносится высоко, возлелеяна, непринужденно простирает свои тенистые ветви и протягивает путнику ароматные цветы и освежающие плоды. И то безо всякого труда, насилия и жертвы. Но и все оные в состоянии она побороть в своем могуществе. С глубоким чувством и не колеблясь, срывает она, ежели необходимо, любимейшую ветвь с цветущего ствола и не сетует на боль, ибо в ней самой заключена сила, исцеляющая любую рану, возмещающая любую жертву, вознаграждающая каждый благородный поступок.

---

* По-видимому, это письмо П.И. Пестеля, скопированное рукой матери Е.И. Пестель. Почерк данного письма похож на руку Е.И. Пестель, с той оговоркой, что почерк человека той эпохи заметно менялся с переходом на другой язык, а мы не располагаем для сравнения достаточным количеством несомненно атрибутируемых немецких автографов Е.И. Пестель. Датировано по месту среди других писем и на основании предположения, что извинения П.И. Пестеля перед родителями могли быть связаны с его намерением жениться во время службы в Митаве в 1815 г. Краткость письма и просьба о благословении перед приходом в церковь могут указывать на то, что письмо написано в то время, когда П.И. Пестель жил с родителями в Петербурге в 1816 г. Л.А. Медведская привела дату этого письма – 25 апреля 1817 г. и увязала его со вступлением П.И. Пестеля в Союз Спасения. Это объяснение представляется натяжкой, в оригинале письма никакой даты нет (Медведская Л.А. Павел Иванович Пестель. М., 1967. С. 33–34).

Из недужной головы Зевса вышла, в броне и при оружии, мужественная Паллада – мудрая и холодная. А из сердца любящего всех Отца пришла Добродетель, кроткая, сострадающая, утешающая дочь, под ниспадающим платьем неся медный панцырь, дабы защитить грудь, с выражением благородства на безмятежном челе, с любовью в очах и истиной в улыбающихся устах, без оружия для нападения, сильная сама по себе и богатая дарами, которые с охотой и мгновенно расточает она вокруг себя. Ей принуждены повиноваться рассудок и страсти, ибо она остается справедливой и строгой в той же мере, как и кроткой. Она влагает в сердце наказание за непослушание и, будучи непобедимой, несет она узы, добровольно и беспрекословно наложенные ею самой. (Даже самый робкий человек может стать преступником, может умышленно преступить закон, намеренно совершить злодеяние. И ясновидцу не получить прощения у престола вечного Судии. Но ранимое сердце, кровоточащее от невольного проступка, помиловано будет Всевышним взвешивателем душ, собственной совестью и даже им оскорбленным человеком). Из сердца вместе с добродетелью исходят любовь, снисхождение и прощение» (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 33–34).

13 марта 1822 г.

Вчера утром я получил ваше письмо от 12 февраля, любезные родители, и вы можете себе представить, что я почувствовал при известии о вашей отставке, дорогой батюшка. Я радовался бы, видя вас совершенно освобожденным от службы, ежели бы финансовые обстоятельства не были столь горестны. Теперь вижу, что не на что более надеяться и что следует только принять меры для избежания совершенного разорения, и ежели вы позволите, то я осмелюсь представить вам некоторые мои мысли на сей счет. Я, конечно, понимаю, что ничего другого не остается, как поскорее уехать из Петербурга и провести лето в Псковской губернии: у наших родных будет очень хорошо[1]. Потом, разумеется, надо будет похоронить себя в Смоленской губернии. Но как даже и для этого нужны деньги, то я с своей стороны сделаю все возможное, чтобы их достать и послать вам как можно скорее. Нарочно поеду для того в Тульчин. Потом очень важная статья – это долги. Я еще в службе и человек одинокий. Сделайте мне великую милость, дражайшие родители, перепишите все ваши заемные письма на мое имя: тогда вас не будут более тревожить, а жалованье мое доставит хоть что-нибудь вашим заимодавцам. Я думаю, что они охотно на это согласятся, и тот день, когда я подпишу все ваши заемные письма без исключения, будет без сомнения прекраснейший день моей жизни, так как я тогда буду знать, что вы освобождены от всякого беспокойства по этому предмету и можете жить в Смоленской губернии, хотя, конечно, очень ограниченно, но по крайней мере спокойно. Не откажите мне в этой милости! Этот отказ огорчил бы меня еще более, нежели известие о неожиданном результате дел Сибирских. Мне еще нет 30 лет; я могу еще иметь успех в жизни; для вас же нужен покой после беспрестанных бурь, которые до сих пор потрясают вашу жизнь. Пусть все ваши долги без исключения будут переведены на меня, и пусть как ваша особа, дорогой батюшка, так и Смоленское имение останутся совершенно свободны от этого бремени: вот моя убедительная просьба, об исполнении которой не перестану умолять вас. Это лучшее и даже единственное средство все устроить. Это будет лучше и для вас, и для кредиторов, и для нас всех. Но только нужно сделать это поскорее, не теряя времени.

Что касается до вотчины в Смоленской губернии, то как будущность непроницаема, и всякого из нас может каждую минуту неожиданно постигнуть смерть, то я думаю, что вам следует немедленно сделать духовное завещание и укрепить владение этим имением безраздельно Соничке. Мы мужчины, мы можем и должны без него обойтись, но это невозможно для бедняжки. Освободите же поскорее это имение и укрепите его за Софи безраздельно. Это необходимая обязанность. Без этого, что станется с этою бедною и дорогою девочкой?

Все, что я объясняю вам здесь, не есть мгновенные порывы чувств, но просто предложения, об исполнении которых я умоляю вас на коленях беспрестанно и настоятельно. Ради Бога, сделайте это все и сделайте поскорее.

Что касается до Александра, то я согласен с ним в том, что ему нечем будет существовать в гвардейском полку[2]; и так переведите его в Харьковский драгунский полк, где Снарский полковником. Ему там будет очень хорошо, потому что графиня Витгенштейн, сестра Снарского, принимает большое участие в том, что с вами случилось, и Александру более ничего не нужно, как письмо от графини к Снарскому. Вы, любезный батюшка, напишите сами к Снарскому, а я обязуюсь давать Александру ежегодно от 1000 до 15000 р. ассиг[нациями], что для него будет достаточно, тем более, что казна дает офицерам лошадей. Пусть он продаст в Петербурге все свои вещи, пусть он на эти деньги экипируется как может; остальное здесь найдется, и пусть он сперва приедет прямо ко мне, а от меня поедет в свой полк, который стоит недалеко от моего. Со временем можно будет определить его к кому-нибудь в адъютанты, но сперва пусть послужит во фронте. Таким образом, Александр будет служить и полезно, и приятно и не будет вам ничего стоить, чего добрый малый очень желает. Так как я собирался служить в драгунах, то у меня есть много вещей для экипировки, между прочим все нужное для лошадей; и так ему почти не будет расхода.

Ничего не говорю про Владимира и Бориса: они сами устроятся. Вы видите по моим предложениям, мои дорогие и добрые родители, что несмотря на все огорчение, которое причинила мне ваша отставка, любезный батюшка, я более думаю о том, что должно делать, нежели о том, что случилось.

Ожидаю известий от вас с нетерпением и тоскою и прошу вас еще раз устроить как можно скорее дело о векселях. Миллион раз целую ваши руки.

Ваш нежный сын Павел

Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 415–416. Перевод с франц. яз.
Подлинник не сохранился.

[1] Реальный комментарий см. ниже в ответных письмах И.Б. Пестеля.
[2] См. письмо А.И. Пестеля к П.И. Пестелю в настоящем издании.

1 мая 1826

Какое счастие было для меня, когда я увидел еще несколько строк, начертанных вашею рукою, моя добрая, моя обожаемая мать, и когда я прочел в них, что вы посылаете мне ваше благословение, этот дар, самый дрогой, самый неоцененный для моего сердца. Богу известно, мои добрые, мои дорогие родители, до какой степени я любил вас во всю мою жизнь и как это чувство вполне наполняло всю мою душу. Судите по этому сами, каково мое отчаяние, когда я думаю об огорчении, которое причиняю вам теперь. Ваш образ не покидает меня ни днем, ни ночью ни на одну минуту, и я не могу выразить вам весь ужас, все терзание, которые чувствую при мысли, что навлек на вас столько страданий. Благодарю вас миллион раз за ваше благословение. Это сладостный бальзам для моего сердца. Это истинное утешение, это истинное счастие для меня. Тысячу и тысячу раз благодарю вас.

Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал его счастия с энтузиазмом, я искал этого счастия в замыслах, которые побудили меня нарушить мое призвание и ввергли меня в ту бездну, где нахожусь теперь. Мне следовало ранее понять, что должно полагаться на Провидение, а не стремиться участвовать в том, что не составляет положительной обязанности того положения, в которое нас Бог поставил, и не стремиться выйти из своего круга. Я это чувствовал еще в 1825 году, но уже было поздно! Однакож, ежели сетование, скорбь, раскаяние

и горесть могут что-нибудь загладить, то ласкаюсь надеждою, что я загладил свои заблуждения. Не знаю, какова будет моя участь; ежели смерть, то приму ее с радостию, с наслаждением: я утомлен жизнию, утомлен существованием. Но когда подумаю о вас, мои дорогие, мои добрые родители, то желал бы, чтобы государь меня помиловал для того, чтобы я мог посвятить вам всю мою жизнь и попечениями своими доказать вам всю искренность моих чувств. Может быть, я мог бы исправить прошедшее. Во всяком случае, любезные родители, вы будете моею последнею, как вы были всегда, моею постоянною мыслию, и последний мой вздох будет вздох любви к вам! Я никогда никого не ненавидел, никогда не был ожесточен против никого. Сердце мое, поистине, нисколько не участвовало в том, что творила голова, и я могу наверное сказать, что когда бы настала минута действовать, то сердце остановило бы голову. К счастию, я не могу упрекать себя участием в каком-либо настоящем действии.

Вы знаете, возлюбленные родители, как искренно я вам всегда говорил о своих религиозных чувствах. Вы знаете, что я всегда вполне верил в Бога, Создателя нашего, но что вера моя в Иисуса Христа была слабее. Радуйтесь же теперь со мною! Я обрел и сие убеждение, и вера в нашего Спасителя составляет теперь мое счастие и мое утешение. Я вижу жизнь в другом виде, и смерть содержит для меня восхитительные надежды. Мог ли я довольно дорого заплатить за это счастие? Дай Бог, чтобы мои братья были счастливы и во всех отношениях благополучно прошли все поприще своей жизни. Бог да благословит дорогую, добрую Софи. Я очень беспокоюсь о бедном Александре: как может он существовать и служить, не имея копейки для своего содержания? Да умилосердится Бог над ним!

Что касается до вас, мои добрые родители, умоляю вас: умерьте ваше огорчение обо мне. Ежели я не мог составить ваше счастие, то у вас есть другие дети, которые, конечно, постараются исполнить это. Я вас так люблю, что желал бы, чтобы вы могли совершенно забыть меня: так как я получил ваше благословение, то мне более ничего не нужно. Ежели Богу угодно будет, чтобы государь помиловал меня, то все сделаю, чтобы загладить прошедшее. В противном случае перенесу мою участь без жалобы и без ропота. Я даже смерть почту за счастие в сравнении всякого заключения. Да будет воля Божия! Я чрезвычайно благодарен государю за то, что он позволил мне иметь счастие читать ваше письмо, несмотря на страшно грустное его содержание. Это уже благодеяние с его стороны. Бог в Своем бесконечном милосердии да дарует вам, мои дорогие и добрые родители, хорошее и крепкое здоровье, скорое и совершенное выздоровление. Да превратит Он ваше положение, удрученное заботами и затруднениями, в спокойное благосостояние! Да дарует Он вам долгую жизнь и многие лета и да исполнит их счастием, удовольствием и благоденствием всякого рода! Одним словом, да услышит Он горячие мольбы, которые беспрестанно воссылает Ему за вас, мои драгоценные родители, ваш покорный и нежный сын Павел.

Приписка к сестре:

Тысячу раз благодарю тебя, дорогая Софи, за те строки, которые ты прибавила к письму нашей матери. Я чрезвычайно растроган нежным твоим участием и твоею дружбою ко мне. Будь уверена, мой добрый друг, что никогда сестра не могла быть нежнее любима, как ты любима мной. Продолжай, дорогая Софи, быть радостью и утешением наших бедных и несчастных родителей, и Бог, конечно, благословит тебя в этой жизни и в будущей. Я тоже и за тебя воссылаю к Нему горячие молитвы и никогда не престану тебя любить от всего сердца. Прощай, моя дорогая, моя добрая Софи.

Твой нежный брат и искренний друг Павел.

Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 421–423. Перевод с французского яз. Подлинник не сохранился.

ПИСЬМА ИВАНА БОРИСОВИЧА И ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ ПЕСТЕЛЬ ПАВЛУ ПЕСТЕЛЮ И ЕГО БРАТЬЯМ, 1800–1825

1801

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

[до 1801]*

Благодарю тебя, мой дорогой Павел, за твои два письма и обнимаю тебя с нежностью. Обними так же от меня твоих братьев. Я с нетерпением жду вас всех троих, чтобы обнять и дать вам игрушек. Прощай, мой дорогой, благословляю тебя от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 1.
На л. 2 об.: «Моему дорогому Польюку» (Pauliuku)

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Вятка, 1 нояб[ря] 1801[1]

Благодарю вас, мой дорогой Павел, за ваше маленькое письмо от 22-го прошедшего месяца. Оно тем более доставило мне большое удовольствие, что вы сообщаете мне такие хорошие новости о здоровье вашем и ваших братьев. Обнимите их всех троих с нежностью за меня. Прошу вас всех быть послушными и доставлять удовольствие вашей доброй матушке. Будьте здоровы, мои добрые друзья. Будьте благоразумны и просите Господа, чтобы помог вам заслужить одобрение ваших родителей и всех, кто вас окружает. Обнимаю вас с нежностью и люблю так же. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 3.
На л. 4 об.: «Моему доброму Другу Павлу, в Москве».

[1] И.Б. Пестель, ставший в 1801 г. сенатором, совместно с сенатором Н.Н. Салтыковым участвовал в ревизии Вятской губернии. Он выехал из Москвы в Вятку в октябре 1801 г. и пробыл там до января 1802 г. (см.: Записка о службе И.Б. Пестеля, им самим написанная // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 372–373).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Глазов, 10 декабря 1801

Мой дорогой Павел, ваше письмо от 26-го прошедшего месяца доставило мне большое удовольствие. Вы так хорошо его написали, что я был удивлен, не видав еще тако-

* Датируется на основании упоминания троих сыновей, четвертый – Александр Пестель, родился в 1801 г.

го хорошего письма вашей руки. Продолжайте, мой добрый друг, прилежать к учебе, быть добронравным и послушным. Это самое верное средство заслужить одобрение ваших родителей и учителей. Просите Бога, чтобы он благословил ваши старания и ниспослал вам способности, необходимые, чтобы стать однажды человеком, полезным для ближних и для службы отечеству.

Обнимите нежно от меня ваших троих братьев и скажите Борису, что я с удовольствием узнал, что он выказал смелость при небольшой операции, которую сделали на его больной ноге.

Доставьте мне удовольствие, дорогой Павел, передайте мои поклоны господину де Тории и скажите ему, что я с огорчением узнал, что болезнь причинила ему столько страданий. Искренняя дружба, которую я к нему питаю, послужит ему залогом живого интереса моего ко всему, что его касается. Желаю от всего сердца, чтобы его здоровье поправилось как можно скорее и чтобы он был совершенно счастлив во всех отношениях.

Вы не представляете, мой добрый друг, как я желаю вернуться к вам, мои добрые дети. Молите Бога, чтобы он благословил мои труды и положил им счастливый конец, чтобы я смог вернуться к вам и к дорогой матушке. В ожидании того будьте благополучны и старайтесь доставлять ей удовольствие своим хорошим поведением и прилежанием к учебе.

Поблагодарите госп[одина] Меранвиля[1] за память и передайте ему мои поклоны, как и всем тем, кому угодно будет вспомнить обо мне.

Прощайте, мой добрый Друг Павел. Обнимаю вас и ваших братьев и благословляю вас всех четверых от глубины Души. Весь ваш от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 5–5 об.
На л. 6 об.: «Господину Павлу Пестелю, в Москве».

---

[1] Неясно, являлись ли упомянутые в письме лица учителями и воспитателями братьев Пестелей или просто московскими знакомыми семьи; возможно, имеется в виду Федор Меранвиль (Merinville), сенатский регистратор, имевший в 1818 дом в Москве, в Сретенской части, в 1 квартале, в Дегтярном переулке (См. Алфавитные списки всем частям столичного города Москвы домам и землям, равно казенным зданиям, с показанием, в котором квартале и на какой улице или переулке стоят. М., 1818). Сведений о де Тории не обнаружено.

1802

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

С.-Петерб[ург], 7 марта 1802

Обнимаю вас от всего сердца, дорогой Павел, за ваше последнее письмо, оно доставило мне чувствительное удовольствие, как своим содержанием, так и красивым почерком. Я показал его вашей бабушке[1], которой оно доставило большое удовольствие, и она поручила мне сказать вам, что поздравляет вас с успехами в каллиграфии. Она вас нежно обнимает, как и ваших братьев. Сообщаю вам все это, мой добрый друг, чтобы ободрить вас в прилежании к учебе и показать вам, что, делая успехи, получают похвалы, которые должны обнадеживать и поощрять чувствительную душу.

Мне очень приятно иметь возможность сказать вам, что я надеюсь выехать к концу следующей недели и скоро вас обнять. Обнимите нежно ваших троих братьев и скажите им, что я их люблю всем сердцем. Прощайте, мой добрый друг. П.

P.S. Ваш дядя Андрей[2] благодарит вас за память и обнимает вас нежно, как и ваших братьев.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 7.
На л. 8 об.: «Моему дорогому Павлу, в Москве».

[1] Речь может идти о бабке с отцовской стороны, жене Бориса Владимировича Пестеля Анне Елене, урожденной Крок (1746 – январь 1809), или же о бабке с материнской стороны Анне фон Крок (Krook, Kroock), урожденной баронессе фон Дитц (1752 – после 1826).

[2] Андрей Борисович Пестель (1779–1863), брат Ивана Борисовича, на момент написания данного письма – майор Тенгинского пехотного полка, с 1806 г. полковник и командир этого полка, участник русско-французской войны 1806–1807 гг., войны со Швецией 1808 г., с марта 1812 г., продолжая командовать Тенгинским полком, был назначен шефом Тифлисского пехотного полка, участник боевых действий на Кавказе, с 30 августа 1816 г. генерал-майор, командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии. После неудачного дела в январе 1819 г. в Башле (Дербентская провинция), 20 апреля 1820 г. уволен в отпуск за границу до излечения болезни и зачислен по армии. В отставке с 1834 г. в чине генерал-майора, жил в Москве.

1804

И.Б. Пестель – Павлу, Борису и Владимиру Пестелям

Казань, 2 фев[раля] 1804[1]

Мои дражайшие друзья, Павел, Борис и Воло! Пишу вам всем троим одно письмо, потому что не имею времени писать каждому отдельно, и к тому же моя нежность и привязанность ко всем вам так одинаковы, что могу сказать всем троим одно и то же. Я был весьма тронут выражениями нежности в ваших письмах. За день не бывает часу, чтобы я не думал о вас и не сожалел, что разлучен с вами, мои дорогие друзья. Я возношу самые горячие молитвы, чтобы дела мои здесь могли завершиться поскорее и я мог бы лететь к вам и прижать вас к сердцу, дышащему лишь нежнейшей дружбой к вам, мои добрые друзья. Вам не неведомо, дети мои, сколь нежно я люблю вашу дорогую матушку. Так что вам легко будет вообразить, как мне тяжело быть разлученным с ней. Я думаю, что и ей эта разлука не менее тяжела. Так что советую вам позаботиться о том, чтобы развлекать ее и возместить ей мое отсутствие удовольствием, какое вы можете ей доставить хорошим поведением и прилежанием в учебе.

Передайте мои поклоны вашей дорогой бабушке, поцелуйте ей ручки от меня. Я не пишу ей, поскольку занят поисками лучшего чая, какой только можно здесь найти, чтобы послать ей. Как только его найду, то доставлю себе удовольствие послать ей, прибавив несколько строк.

Передайте мои поклоны госп[одину] Дерошу[2] и всем нашим друзьям, которым угодно будет вспомнить обо мне. Обнимите от меня нежно моего доброго друга Александра[3]. Скажите ему, что я люблю его всем сердцем. Говорите ему иногда обо мне, чтобы он не позабыл меня.

Прощайте, дорогие друзья, обнимаю вас нежно и благословляю от всего сердца как ваш искренний друг и нежный отец.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 9–9 об.
На л. 10 об.: «Моим дорогим друзьям Павлу, Борису и Владимиру».

[1] Иван Борисович в первой половине 1804 г. находился с сенаторской ревизией в Казанской губернии (см.: Записка о службе И.Б. Пестеля, им самим написанная // Русский Архив. 1875. Кн. 1. С. 373).

[2] Дерош (Déroche), один из гувернеров братьев Пестелей.

[3] Александр Иванович Пестель (1801 – не ранее 1843), младший из братьев Пестелей.

И.Б. Пестель – Павлу, Борису и Владимиру Пестелям

Казань, 16 фев[раля] 1804

Мои дражайшие друзья Павел, Борис и Владимир, благодарю вас от всего сердца за ваши милые письма и поздравления ко дню моего рождения. Я провел его весьма грустно, потому что начинаю свой сороковой год вдали от вас, мои добрые друзья, и от всего, что мне дорого.

Невозможно, мои друзья, чтобы вы могли желать более меня возвращения к вам. Дела занимают меня, к сожалению, и прибавляются почти каждый день, так что я вовсе не могу предвидеть времени моего отъезда отсюда. Я прилагаю все возможное усердие, чтобы их закончить, потому не имею ни единой свободной минуты, вот почему не могу писать вам так длинно, как хотел бы.

Передайте госп[одину] Дерошу мои самые дружеские поклоны, как и госп[одам] де Фориак[1] и д'Изарну[2].

Прощайте, дорогие дети, обнимаю вас и благословляю, как и нашего доброго друга Александра, которому прошу вас сказать, прежде чем засвидетельствовать ему мое почтение: **сказывали вам кланяться и поцаловать вас от папиньки**. Благослови вас благой Бог и дай вам здоровья. Сердцем и душой искренний ваш друг и нежный отец И. Пестель.

Эразм[3], который развлекается здесь наилучшим образом, кланяется вам.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 11–11 об.
На л. 12 о. «Моим дражайшим Друзьям Павлу, Борису и Владимиру, в Москве».

---

[1] Сведений не найдено, возможно, один из учителей братьев Пестелей.

[2] В Москве жил француз шевалье Франсуа-Жозеф д'Изарн Вильфор (1763–1844), кавалер Св. Людовика, эмигрант, роялист, вел довольно успешную торговлю разными товарами, оставил записки о Москве в 1812 г. (Русский Архив. 1869. № 9. Стб. 1405–1442). А.Я. Булгаков в 1826 г. писал о д'Изарне как об «известном бездельнике [...] коего и свои братья называют шельмою» и который пользуется неограниченным доверием графини Ростопчиной (Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т. 2. С. 613–614). Как роялист был совершенно лоялен русским властям (См.: Tastevin F. Histoire de la colonie française de Moscou. depuis les origines jusqu'à 1812. M.; P., 1908. P. 120, 171—172).

[3] Эразм – вероятно, кличка собаки.

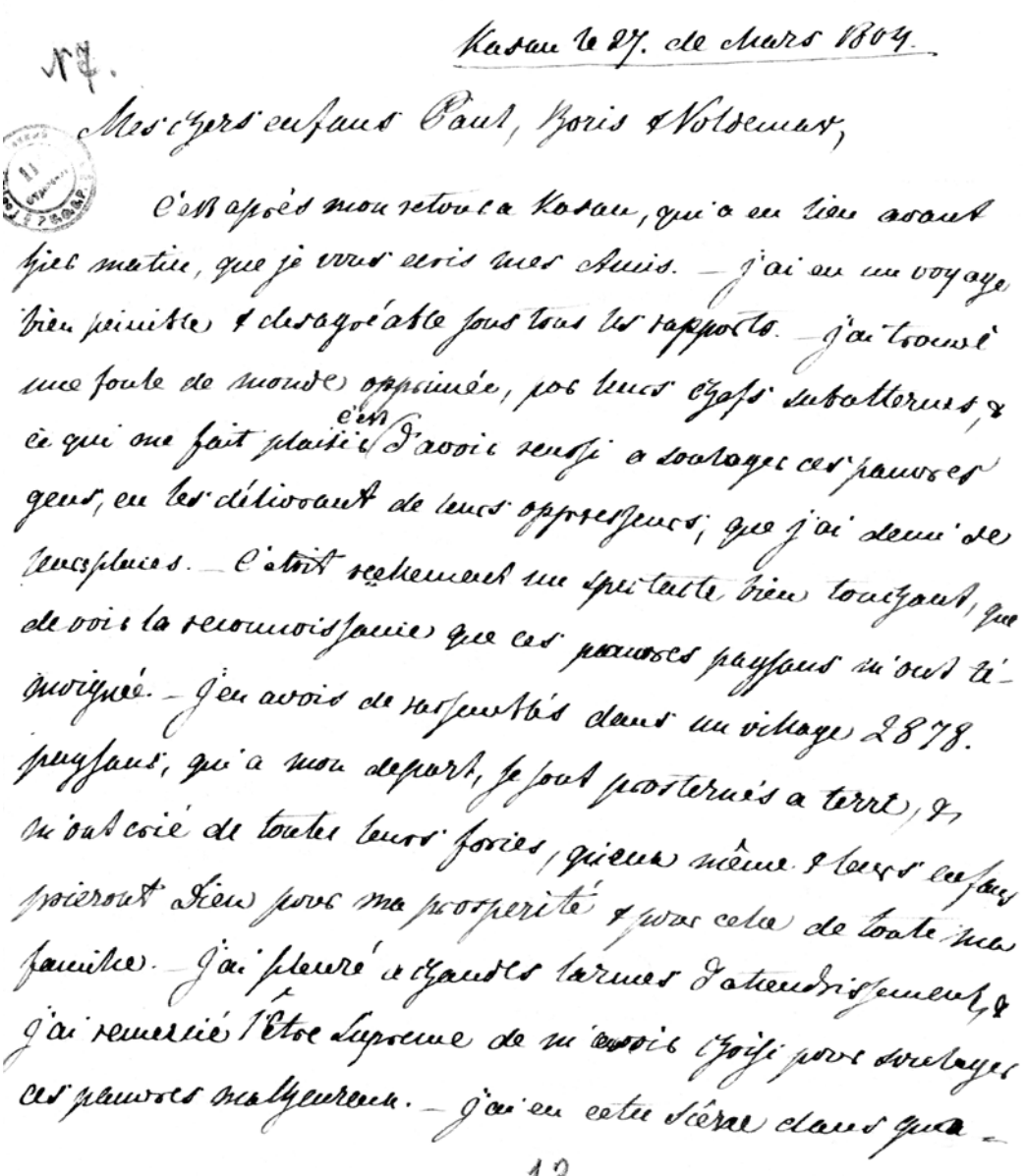
И.Б. Пестель – Павлу, Борису и Владимиру Пестелям

Казань, 27 марта 1804

Мои дорогие дети Павел, Борис и Владимир,

Пишу вам, мои друзья, после возвращения моего в Казань, имевшего место вчера утром. Путешествие мое было весьма неприятным и досадным во всех отношениях. Я обнаружил толпу народа, угнетенного низшими начальниками, но что было приятно, так это доставить облегчение бедным людям, освободив их от угнетателей, которым я отказал в их местах. Это было в самом деле трогательное зрелище, видеть благодарность, какую мне выражали эти бедные крестьяне. У меня было собравшихся в одной деревне 2878 крестьян, которые при моем отъезде простерлись на земле и кричали изо всей силы, что даже дети их будут молить Бога за благополучие мое и всей моей семьи. Я плакал горячими слезами умиления и возблагодарил Всевышнего, избравшего меня для облегчения участи этих бедных несчастных. Я имел такие сцены в четырнадцати различных местностях, где побывал с ревизией. Ах! дорогие мои дети, просите Бога, чтобы он дал вам сердца, способные живо чувствовать счастье от

того, что доставляешь его ближним. Нет блаженства равного тому, когда облегчаешь угнетенных. Вот, мои добрые друзья, единственное и наибольшее удовольствие, какое дает нам высокое положение – это иметь возможность сделать больше счастливых. Местности, в которых я побывал, все населены чувашами, черемисами и татарами, которые тем не менее все говорят по-русски, хоть и плохо, но могут объясниться, а поскольку мои разговоры с ними иногда бывали долгими, они выбирали переводчиков, через которых мы говорили с достаточным доверием и добротою с обеих сторон,



Письмо И.Б. Пестеля сыновьям Павлу, Борису и Владимиру, 27 марта 1804 г.

к чему эти бедные люди вовсе не привыкли и что снискало мне их привязанность и доверие. Их низшие начальники обращались с ними, как с животными, совершенно забывая, что это такие же люди, как они сами, хоть и невежественные и менее просвещенные, нежели они, но чаще всего по существу лучшие и повсеместно менее испорченные. Жилища этих людей свидетельствуют о величайшей нужде. Там лишь очень изредка бывают комнаты, где печи имеют трубы, так что когда печи топят, комната наполняется дымом до того, что не видно ни зги, у меня от этого часто случалась головная боль и особенно ужасно болели глаза. Но провидение поддержало меня, и я вернулся в Казань, в мою красивую квартиру, в добром здравии и благодаря Бога за то, что руководил мною во все время путешествия.

Мне весьма неприятна обязанность сказать Владимиру, что матушка вовсе им недовольна. Эта новость весьма меня огорчила. В то время как матушка и я прилагаем каждый со своей стороны усилия, вам бы следовало доставлять нам удовлетворение, вместо того вы доставляете огорчение. Подумайте об этом хорошенько, мой дорогой Воло, и вы раскаетесь в своем поведении и постараетесь исправиться.

Обнимаю нежно Павла, Бориса и Александра, а что касается Владимира, я откладываю это до первого хорошего известия, какое матушка даст о его поведении. Прощайте, дети мои; любите меня и знайте, что я вас люблю как нежнейший из отцов и благословляю вас так же.

P.S. Засвидетельствуйте мое почтение господину Дерошу и всем, кому будет угодно дружески вспомнить обо мне.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 13–14 об.

1805

И.Б. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

[Ораниенбаум, около 20 августа 1805]*

Лучшие мои друзья Поль и Воло!

Я уехал, не попрощавшись с вами, потому что хотел пощадить вашу чувствительность и избавить вас от сцены, которая была бы для вас, быть может, слишком горькой. Я дал вам свое благословение, вознося горячие молитвы за ваше счастье. Повторяю еще раз то и другое и нежно вас обнимаю. Я приехал из Кронштадта в Ораниенбаум в три четверти часа и тотчас сообщаю вам новости о себе. Через минуту выезжаю в Петерб[ург], откуда еще напишу вам.

Прошу вас высказать тысячу благодарностей госп[одину] Ниманну[1] за всю его доброту. Я напишу ему по приезде в Петерб[ург]. Прощайте, дорогие мои дети, будьте здоровы и будьте всегда веселы, хорошее настроение полезно для здоровья и делает людей любезными. Обнимаю вас, как и люблю, от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 15–15 об.
На л. 16 об.: «Моим добрым друзьям Полю и Воло, в *Кронштадте*».

[1] Вероятно, капитан или хозяин корабля, на котором отплывали Павел и Владимир Пестели.

* Письмо, очевидно, написано И.Б. Пестелем на обратном пути из Кронштадта после расставания с Павлом и Владимиром, отплывавшими на учебу в Германию.

И.Б. Пестель – Владимиру Пестелю

С.-Петерб[ург], 23 августа 1805

Тысяча благодарностей, мой добрый Друг Воло, за ваше письмо. Оно доставило мне истинное удовольствие. Прошу Бога, чтобы он помог вам привести в исполнение советы, которые я дал в день своего отъезда. Помните об этом, мой дорогой Воло, старайтесь завоевать сердца ваших ближних мягкостью характера, как и любезностью. У вас есть ум. Употребите его на то, чтобы образовать себя и сделаться столь же полезным, сколь и приятным. Делайте счастливыми и сами таковым станете.

Ваша добрая матушка нежно вас обнимает. Она не пишет вам, потому что полагает вас отбывшими. Дай Бог, чтобы скоро так и было и чтобы я имел удовольствие как можно скорее получить известие о вашем счастливом прибытии в Гамбург. Молодой кн[язь] Вяземский[1] шлет вам приветы. Его отец уехал сегодня в Москву, а я рассчитываю последовать за ним к концу этой недели.

Прощайте, мой Друг, будьте здоровы, обнимаю вас нежно как ваш лучший Друг и отец. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 17–17 об.
На л. 18 об.: «Моему дорогому Воло»

[1] Вяземский Петр Андреевич, князь (1792–1878), поэт, литературный критик, друг А.С. Пушкина, участник литературного общества «Арзамас», чиновник канцелярии Н.Н. Новосильцева в Варшаве (1818–1821), вице-директор Департамента внешней торговли Министерства финансов (1832–1846), товарищ министра народного просвещения (1855–1858). Как видно из следующего письма И.Б. Пестеля, юного князя Петра Вяземского одновременно с Павлом и Владимиром Пестелями привезли из Москвы в Петербург для определения в учебное заведение. Вяземский был помещен в петербургский иезуитский пансион (по другим данным – пансион патера Чижа; возможно, патер Чиж был не хозяином, а преподавателем в пансионе), затем учился в гимназии при петербургском Педагогическом институте.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

С.-Петербург, 23 августа 1805

Мой добрый друг Павел, не могу вам выразить, какое удовольствие доставило мне ваше письмо из Кронштадта. Насладитесь, мой дорогой, приятным впечатлением, какое это письмо произвело на сердце вашего отца, столь нежно вас любящего. Вы так мило показываете мне стремление следовать советам, которые я дал в момент, когда покидал вас. Вы свидетельствуете мне этим, что смогли вполне понять их важность для вашего будущего благополучия. Помоги вам божественное провидение привести в исполнение ваше решение, и воистину ничто не сравнится с моим счастьем, ибо тогда я и вас самого увижу счастливым, дорогой мой сын. Ищите всегда, мой друг, ваше счастье в себе самом; счастливы бывают лишь в той мере, в какой исполняют разнообразные обязательства, какие посылает нам провидение. Пока вы будете сами довольны собой, и все окружающие будут вами довольны, таким образом и вы сами будете счастливы. Бог дал вам способности, нужные, чтобы расширить познания, чтобы образовать ваши сердце и разум. Воспользуйтесь, мой друг, этими способностями, и вы найдете удовлетворение в своем существовании. Я надеюсь, что благой Бог доставит мне удовольствие увидеть вас снова, и тогда я смогу доказать вам то, что сказал, на вашем собственном опыте.

Ваша добрая матушка пишет мне, что чувствует себя хорошо, и поручает мне заверить вас в ее материнской нежности. Она не пишет вам, потому что полагает вас

уже отбывшими из Кронштадта. Дай Бог, чтобы это вскоре осуществилось. Встречный ветер, который здесь дует, заставляет меня думать, что вы еще там.

Все ваши друзья, и особенно молодой кн[язь] Вяземский, шлют вам тысячу приветов. После вашего отъезда он помещен в иезуитский колледж и, кажется, доволен этим, потому что имеет товарищей, которых знал в Москве, детей госп[одина] Обрескова[1], трех мальчиков, старший из которых в вашем возрасте.

Я предполагаю выехать к концу этой недели в Москву. Прощайте, мой дорогой друг. Обнимаю вас с нежностью и люблю вас так же. Ваш лучший Друг и отец И. Пестель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 19–20.
На л. 20. об.: «Моему дорогому Павлу».

[1] В Москве в то время проживало несколько представителей фамилии Обресковых; возможно, это дети знакомого семьи Вяземских Петра Алексеевича Обрескова (1752–1814) – статс-секретаря Павла I, сенатора Московских департаментов Сената, главноуправляющего Межевой канцелярией. Под его началом П.А. Вяземский в 1807 г. начал службу в Межевой канцелярии.

И.Б. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

С.-Петерб[ург], 26 августа/7 сентября 1805

Я написал вам в Кронштадт, мои дорогие друзья Павел и Воло, прилагаемые письма, которые г-н Ниманн отослал мне, потому что они не застали вас, ибо вы уже отчалили из Кронштадта. Храни вас Бог под своей святой защитой и проводи вас благополучно в Любек. С большим нетерпением я жду от вас новостей оттуда, потому что путешествие морем, по-моему, скверная вещь и я не буду спокоен, пока не узнаю, что вы сошли с корабля в добром здравии. Вы хорошо знаете, мои друзья, как нежно я вас люблю. Вы несомненно не оставите меня без известия о вас.

Матушка, которая пишет мне со всеми почтами, чувствует себя превосходно, как и ваши братья. Я еду завтра утром в Москву. Несколько неотложных дел помешали мне сделать это раньше. Прощайте, мои друзья, обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца, полного чувств живейшей нежности.

Весь ваш сердцем и душой.

P.S. Все ваши знакомые в Петерб[урге] осведомлялись о вас. Бороздин[1], Милашка [Aimée] и кн[язь] Петр Вяземский шлют вам тысячу приветов. Последний весьма досадует, что не поехал с вами, вместо того чтобы оставаться здесь в школе иезуитов, где я его навестил вчера. Старшая дочь княгини Репниной (Машинька) умерла[2], и мать безутешна.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 21–21 об.

[1] Неясно, кто из представителей этой фамилии и ровесников братьев Пестелей имеется в виду.

[2] Княгиня Репнина-Волконская Варвара Алексеевна, урожденная графиня Разумовская (1778–1864), жена кн. Николая Григорьевича Репнина-Волконского (родного брата декабриста С.Г. Волконского), занималась благотворительностью, содействовала открытию Елизаветинского и Павловского женских институтов. Известны дочери Репниных-Волконских: Александра (март 1805–1836), в замужестве гр. Кушелева-Безбородко; Варвара (1808–1891), писательница, друг Т.Г. Шевченко; Софья (ум. в сентябре 1811); Елизавета (1816–1855), в замужестве Кривцова; а также сыновья Василий (1806–1880), Алексей (1809–1812), Григорий (ум. 1812). Кн. Н.Г. Репнин женился на гр. В.А. Разумовской в сентябре 1802 г., стало быть, их первой дочери Марии могло быть около двух лет.

И.Б. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 2/14 октября 1805

Мои дражайшие друзья Павел и Воло, завтра будет ровно шесть недель с тех пор, как вы отбыли из Кронштадта, а у нас нет от вас никаких известий. Признаюсь вам, мои добрые друзья, что это меня сильно беспокоит. Не то, чтобы я предполагаю, что с вами случилось какое-нибудь несчастье, но по крайней мере, это означает, что путешествие ваше идет медленно и не так хорошо, как мне бы хотелось. Я совершенно уверен, что наш общий друг госп[один] Зейдель[1] сообщил бы нам новости о вас и о себе при первой возможности. Всякий день я прошу у Всевышнего благословения для вас, мои добрые друзья, и всякий раз, когда прибывает почта, которая должна была принести ваши письма, но мы их не получаем, моя грусть усиливается. Я не буду вполне спокоен, пока не узнаю, что вы прибыли на место назначения. После беспокойства, которое нам причиняет отсутствие известий от вас, вы не будете забывать, мои добрые друзья, отправлять их часто, но так, чтобы ваши занятия и учеба от этого не страдали, я прошу у вас по одному письму от каждого раз в пятнадцать дней. Пишите поочередно один раз вашей матушке и в другой раз мне. Таким образом, у нас будут новости от вас дважды в месяц, и мы будем вам писать так же.

Все наши здоровы. Ваш дедушка[2] вас нежно любит и часто о вас говорит. Его беспокойство из-за отсутствия новостей от вас равно нашему. Пишите ему по-немецки, Друзья мои, и поблагодарите его за его нежность. Не забывайте также время от времени писать вашей бабушке Крок.

Сегодня восемь дней как ваша тетя Биллингс[3] благополучно родила дочь. Мать и дитя здоровы. Два дня назад госп[ожа] Ореус[4] родила мальчика. Дай Бог, чтобы роды вашей доброй матушки были столь же благополучны, как у вашей тети, произведшей ребенка на свет раньше, чем успела прийти акушерка. Вот, мои друзья, новости о всей нашей семье. Теперь поговорю с вами о нашем доме. Ваша дорогая матушка трудится с утра до вечера, чтобы привести все в порядок и подготовить все к родам, которые должны, судя по всему, наступить через восемь-десять дней. Я вас об этом извещу в точности. Присоединитесь ко мне, мои друзья, в молитвах нашему Спасителю, чтобы она перенесла их благополучно и чтобы он сохранил нам в добром здравии дорогую матушку, которая всех нас делает такими счастливыми и без которой никто из нас не мог бы быть счастлив вполне. Борис чувствует себя все так же[5]. Он постоянно страдает более или менее. Он часто думает о вас и искренне об вас жалеет. Александр заверяет, что очень вас любит. Вы бы его не узнали, если бы увидали. Он мил, послушен и очень забавен. У него решительно страсть к французскому языку и он почти все умеет сказать, что хочет, он даже говорит по-французски с Борисом. Иногда говорит так, что со смеху умрешь, но его это вовсе не смущает. Борис и Александр вас нежно обнимают. Матушка прижимает вас к материнскому сердцу и дает свое благословение. Я также, и повторяю, что никогда отец не любил своих детей нежнее, чем я вас люблю. Ответьте мне тем же, мои друзья, и старайтесь приносить вашим родителям утешение видеть вас такими, какими они надеются, и какими, как вы прекрасно знаете, и надлежит быть. Прощайте, мои дорогие дети.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 22–23 об.

---

[1] Зейдель (Seydel) Андрей Егорович – друг семьи и воспитатель Павла и Владимира Пестелей, впоследствии на русской службе, в 1819 правитель иностранного отделения при канцелярии санкт-петербургского губернатора гр. М.А. Милорадовича.

[2] Борис Владимирович Пестель (1739–1811), отец И.Б. Пестеля.

[3] Тетя Биллингс (Billings) – сестра И.Б. Пестеля Екатерина Борисовна (1772–1827) была замужем за морским офицером Джозефом (Иосифом Иосифовичем) Биллингсом (1761–1806),

служившим в английской и русской службе, участником третьей кругосветной экспедиции капитана Дж. Кука. Биллингс был на русской службе с 1783, гидрограф, в 1785 капитан-лейтенант, руководитель секретной Северо-восточной экспедиции 1785–1795 гг. для изучения и описания северо-восточного побережья Азии, островов северной части Тихого океана и побережья Америки, с 1795 переведен в Черноморский флот, командовал фрегатом, участник описания северных берегов Черного моря. В мае 1799 капитан-командор, в ноябре уволен от службы. См. также в письме деда Бориса Владимировича Пестеля за 1806 упоминание двухлетней внучки Бетти Биллингс.

[4] Неясно, жена которого Ореуса имеется в виду.

[5] Борис Пестель страдал какой-то болезнью, из-за которой еще в детстве ему пришлось ампутировать ногу.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 16/28 октября 1805

Мои дорогие дети Павел и Воло! Вы не можете вообразить, насколько ваша добрая матушка (которая вас нежно обнимает) и *я*, мы были обеспокоены вашей участью, не имея никаких известий от вас в течение семи недель, считая со дня вашего отъезда из Кронштадта. Только 11/23 текущего месяца до нас дошли первые известия о вашем прибытии в Травемюнде. С тех пор мы получили письмо от нашего доброго друга госп[одина] Зейделя из Любека и ваши из Гамбурга. Первое, что я сделал, закончив читать ваши письма, – бросился на колени, чтобы возблагодарить Всевышнего, благополучно приведшего вас в место назначения. Я был чувствительно тронут всеми деталями, которые госп[один] Зейдель сообщает о вас: продолжайте, мои дорогие друзья, заслуживать одобрение этого достойного друга, следуйте его советам, поскольку он заменяет вам отца и мать сейчас, и несомненно сделает вас счастливыми до конца ваших дней, если вы будете в точности следовать его наставлениям. Прежде чем говорить о вас, я сообщу вам новость, которая несомненно доставит вам большое удовольствие. Ваша добрая матушка весьма благополучно родила маленького мальчика, 13/25 сего месяца, мы дали ему имя Константин. Матушка, как и ваш брат двух* дней от роду, чувствуют себя хорошо, насколько это возможно. Во время страданий матушки ей доставило большое утешение получение известий от вас. Сообщите, мои друзья, эту новость госп[одину] Зейделю, которому я ничего не сказал, чтобы доставить вам удовольствие стать ее вестниками. В доказательство, что матушка чувствует себя хорошо, она попросила мое письмо, чтобы прибавить к нему несколько слов своей рукой, несмотря на слабость, которую она ощущает в этом состоянии только что разродившейся. Возблагодарите Бога, мои друзья, за то что он сохранил вам вашу добрую матушку, которая так нежно вас любит и которой вы столь много обязаны. Вы были бы тронуты, увидев, как мы плакали оба, матушка и я, читая ваши письма. Мы были весьма растроганы, узнав, что Воло так страдал и что Павел проявил столько смелости во время бури. Поверьте мне, мои друзья, что вера в доброту Всевышнего всегда будет вам поддержкой и утешением во всех превратностях жизни. Старайтесь, друзья мои, хорошенько в этом увериться и прибегайте всегда к Богу Спасителю, который не оставляет никого, молящего с верой. Да поможет вам этот добрый и милосердный Бог, друг мой Павел, исполнить обещание, которое вы дали в последнем письме, прилежать к учебе и воспитывать свой ум и сердце, от природы доброе.

Дедушка и обе ваши бабушки вас нежно обнимают, как и все ваши тети и дяди. Вы имеете счастье, друзья мои, быть нежно любимыми всей вашей семьей. Дедушка плакал от радости, когда я ему читал ваши письма, и заверил меня, что с вашего

* Перед двух зачеркнуто «трех».

отъезда это первая ночь, которую он провел без беспокойства, поскольку мы получили известие о вашем прибытии в Гамбург.

Я был восхищен, мой друг Павел, узнав от г[осподина] Зейделя, что вы продолжаете любить вашу родину. Вы имеете к тому причины по благодеяниям, какие ваши предки снискали здесь с тех пор, как наша семья обосновалась в этой стране. Россия есть наша родина уже более ста лет[1].

Борис, который с некоторого времени чувствует себя лучше, пишет вам сегодня. Александр вас обнимает. Он часто говорит о вас: вы не поверите, как он мил и как забавен. Он часто говорит о вас и тешится, что после рождения Константина он больше не будет самым младшим из братьев.

Прощайте, мои дорогие дети. Прижимаю вас к сердцу, которое дышит живейшей нежностью к вам. Благословляя вас и прижимая к сердцу, я заканчиваю это письмо, не имея более времени писать дальше. Прощайте еще раз, мои дорогие друзья. Будьте счастливы и довольны.

Приписка Е.И. Пестель:

T.S.V.P.*

Благодаря Бога, мои дорогие Дети и добрые друзья, я могу в этот момент быть столь же спокойной на ваш счет, как вы можете быть на мой. Я чувствую себя хорошо, благодаря Бога за то, что привел вас к благополучному прибытию и рекомендуя вашей дружбе вашего нового брата Константина, я вас благословляю и обнимаю от всего сердца. Не пишу вам больше, потому что я еще довольно слаба и мне вовсе запрещено писать, но знайте, дорогие друзья, что я вполне разделяю все то, что вам пишет ваш добрый и любящий батюшка. Прощайте, у меня забирают перо, но сердце мое остается с вами.

Приписка И.Б. Пестеля:

Вы написали на конверте письма к матушке ***урожденная Крокше***, а надо писать ***урожденная Крокова***[2].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 24–26 об.

---

[1] Первый из Пестелей, Вольфганг, прибыл в Россию в царствование Петра I, в 1719 (см.: Соколова Н.А. Укоренение рода Пестелей в России: новые источники // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2009. Т. VI. С. 7–15).

[2] Девичья фамилия Е.И. Пестель – фон Крок.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 13/25 ноября 1805

Я очень рад, мои дорогие и добрые друзья, узнав из письма госп[одина] Зейделя и из ваших, что вы здоровы и прилежны к учебе. Чем больше вы трудитесь и делаете успехов, тем больше готовите себе прекрасное будущее. Со знаниями и талантами становятся полезными и приятными, а образовав свои разум и сердце, вы достигните стать счастливыми. Однако, чтобы вполне быть таковыми, надо уметь доставить благополучие тем, кто вас окружает, а для этого одних знаний и талантов недостаточно. Следует работать над своим характером. Человек добрый, услужливый, сострадательный к горестям ближних, любезный, может быть уверен, что найдет друзей. Вот над чем я призываю вас, мои друзья, работать прежде всего. Нельзя жить и тем

---

* «Tournez s'il vous plait» – «переверните пожалуйста». Пометка сделана внизу первой страницы письма и указывает на приписку на обороте.

более иметь приятное существование в свете, если не иметь друзей. Старайтесь находить их себе, но хорошенько изучайте персон, которым дадите звание друга. Добродетельный друг есть сокровище, но иной есть бич рода человеческого, и сколько молодых людей пропали из-за того, что вступили в опасные связи. Вы два брата, дети мои, – вы одни из семьи в том месте, где сейчас находитесь. Вы оба славные ребята. Заключите дружбу истинную и искреннюю между собой, и вы будете взаимно облегчать печали друг друга, и вы удвоите свои удовольствия, разделяя их. Возможно, что в жизни вы много будете вместе. Ваша служба вас соединит. Какое удовольствие ждет вас самих в будущем, если вы к кровным связям прибавите связи дружбы самой истинной и самой искренней.

Я очень рад тому, что госп[один] Зейдель говорит мне о вашем поведении и прилежании к учебе. Продолжайте быть достойными его одобрения, и вы будете уверены в таковом же от ваших родителей.

Матушка, которая нежно вас обнимает, чувствует себя превосходно, как и маленький Константин. Борис и Александр также пользуются хорошим здоровьем. Первый, хотя и страдает по-прежнему от своей ноги, все же чувствует себя лучше. Они имеют при себе англичанина, который кажется отличным малым, и я надеюсь, что ваши братья будут знать английский, когда вы их снова увидите.

Дедушка и обе ваши бабушки, ваш дядя Николай[1] и все ваши тети очень вами интересуются и шлют вам тысячу нежных приветствий. Прощайте, дорогие мои друзья. Не пишу вам много, потому что только что закончил большое письмо к госп[одину] Зейделю, из которого он сможет вам сообщить, что сочтет подходящим. Попросите его особенно прочесть вам то место, где я говорю о моей признательности за всю его доброту к вам.

Прощайте еще раз, друзья мои, я молю Бога, чтобы он хранил вас под своей святой защитой и благословляю вас от глубины сердца, полного нежности и дружбы к вам. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Последние новости, которые мы от вас получили, мои дорогие дети, доставили мне двойное удовольствие узнать, что ваше здоровье и ваша учеба одинаково хороши. Отметьте мне в точности занятия каждого часа за день, то есть сделайте мне таблицу всех дней недели на отдельном листе, я смогу хотя бы иметь удовольствие следовать за всеми вашими занятиями, и всякий раз как мои сердце и мысли перенесут меня к вам, я буду точно знать, где вы находитесь. Что до музыки, я не очень одобряю выбор Воло. Клавесин – это слишком громоздкий инструмент для военного, как и вообще для молодого человека, предназначенного к службе; и проведя несколько лет в занятиях с пианино, вы окажетесь, быть может, вынужденными его бросить из-за невозможности перевезти инструмент или даже невозможности его приобрести, поскольку это самый дорогой инструмент. Подумайте об этом, мой добрый друг, и делайте затем что хотите, но будьте готовы впоследствии не пожалеть о потерянных времени, деньгах и усилиях. Вот, мои друзья, письмо Бориса, которое батюшка забыл вам отослать две недели назад, и вот еще нежные объятия вашего доброго и искреннего друга Е.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 27–28 об.

[1] Николай Борисович Пестель (1776 (по другим данным 1768) –1828), брат И.Б. Пестеля, действительный статский советник, московский почт-директор в 1798–1799, в 1801 причислен к Герольдии, в январе 1806 определен за обер-прокурорский стол в 8-й департамент Сената, в марте 1806 получил чин статского советника и в 1806–1817 прикомандирован к И.Б. Пестелю для устроения Сибирского края, в 1811 действительный статский советник, до 1828 состоял за обер-прокурорским столом в 8-м департаменте Сената.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

[декабрь 1805]

Мне весьма досадно, мои добрые друзья, начинать письмо с маленького упрека, но не усматривайте в нем ничего иного, как нежность отца, любящего своих детей. Мы были уверены, что вы пишете нам каждые две недели, и вот уже второй раз после нашего договора вы им пренебрегаете, и мы уже более трех недель не имеем от вас новостей. Ваша добрая матушка и я, мы беспокоимся, но, с другой стороны, один из вас двоих мог бы написать, поскольку даже если один болен или не может писать по какой-то причине, то невероятно, чтобы оба были в одном положении. Ах! дети мои, если бы вы знали, сколь нежно мы вас любим, вы не оставляли бы нас дожидаться ваших писем и не доставляли бы нам беспокойства быть без ваших новостей. Вы видите, что ваша добрая матушка и я, мы точно следуем нашему договору, и что мы вам пишем регулярно каждые две недели. Не нужно писать больших писем, чтобы мы были осведомлены о вашем здоровье. Поругав вас немного, я вас нежно обнимаю и повторяю вам, что беспокойство из-за отсутствия известий от вас в те почты, когда я должен бы их получить согласно нашему договору, есть лишь следствие моей живейшей к вам нежности, мои добрые друзья.

Ваша добрая матушка здорова, как и я. Ваши братья были нездоровы, но теперь чувствуют себя лучше и надеюсь, через несколько дней вполне поправятся. Борис и Александр вас нежно обнимают. Последний часто вам пишет, но поскольку почерк его не создан ни для прочтения, ни для понимания, я и не посылаю вам его писем. Сегодня утром он снова исчеркал целую страницу, говоря, что это для Павла и Повморева (так он зовет Воло) он трудится. Вот два его рисунка. Тот, что на карточке, представляет льва, запертого в тюрьме, где есть только одно маленькое окошко, а другой – это рисунок вышивки в цветочек.

Прошу вас, мои друзья, следовать в точности советам нашего дорогого друга госп[одина] Зейделя, и вы станете как нельзя лучше, и тем создадите счастье своих родителей.

Прощайте, мои друзья, я вас благословляю от всего сердца и обнимаю вас нежно. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Сегодня два года с тех пор, как мы живем в доме Баташева[1], и тому маленькому новогоднему сюрпризу, который мы приготовили для вас и который вам доставил такое удовольствие, мои добрые друзья. Воспоминание об этом исторгло у меня сегодня несколько слез, и думаю, что и вам оно стоило нескольких вздохов. Сейчас я могу лишь издали послать вам свое благословение и делаю это, нежно прижимая вас обоих к сердцу. Дай Бог, чтобы год не закончился без новостей от вас. Прощайте, мои дражайшие друзья.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 29–30 об.

[1] В Петербурге на 1822 имелись два домовладельца с такой фамилией, возможно, это были члены одной семьи. Дом дворянки А. Баташевой находился в 3-й Адмиралтейской части, № 50, по Невскому проспекту; дом коллежского асессора Баташева – в 4-й Адмиралтейской части, № 52 по Мойке. В каком из этих домов нанимали квартиру Пестели, неизвестно.

1806

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 12 фев[раля] 1806 ст[арого] ст[иля]

Уже давно, мои дорогие дети, я должен был лишить себя удовольствия вам писать. Я был весьма тронут похвалами, которые госп[один] Зейдель (наш общий друг) дал

вам за успехи, которые вы делаете в учебе, и за ваше хорошее поведение. Трудитесь, мои друзья, чтобы стать однажды людьми, полезными обществу и вашему отечеству, давшему столько добра вашим предкам. Как я буду счастлив в тот день, когда вы вернетесь на вашу родину, в объятия ваших нежных родителей. Я сожму вас в объятиях и орошу вас слезами нежности, благодаря Всевышнего, сохранившего мне обожаемых детей и руководившего ими. Чтобы эта трогательная сцена смогла произойти, вам нужно, мои друзья, прилежать к учебе и образовывать свои сердца и умы.

Я приготовился к путешествию в Петерб[ург], а оттуда, по всей видимости, поеду в глубь нашей страны[1] и удалюсь еще дальше и надолго от вас, мои дорогие Друзья. Но в какой бы части Земли я ни был, моя отцовская нежность останется неизменной и мои благословения будут следовать за вами всюду.

Прощайте, мои Друзья, нежно вас обнимаю и люблю вас также. П.

P.S. Борис и Александр вас обнимают, последний очень мил. Он говорит по-французски все, что хочет, и много понимает по-английски. Константин, благодаря Бога, совершенно поправился,

Приписка Е.И. Пестель:
и я, мои дорогие дети. Я вас люблю и обнимаю от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 31–31 об.
На л. 32 об.: «Моим дорогим друзьям Павлу и Воло, в *Гамбурге*»

---

[1] Речь о назначении И.Б. Пестеля сибирским генерал-губернатором. В начале 1806 он был вызван для этого в Петербург, 3 марта 1806 назначен на должность и в июне 1806, побывав в Москве, отправился в Сибирь.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Мои дорогие друзья, мои добрые дети. Уже очень давно я не писал вам. И почти столько же не получал от вас писем. Последние новости, которые пришли ко мне от вас, находятся в ваших письмах к матушке от 29 дек[абря] н[ового] ст[иля], я их получил 6-го числа текущего месяца. Боже мой, какое ужасное расстояние нас разделяет! Я вас, однако, заверяю, что оно ничуть не мешает моему сердцу и мыслям быть постоянно с Вами, мои дорогие друзья, а моим благословениям и самым искренним пожеланиям благополучия следовать за вами повсюду. Если бы вы могли читать в моем сердце, то какие нежные чувства нашли бы вы там к вам, мои друзья.

Мне весьма мучительно быть так надолго разлученным с вами, и жертва, на которую я решаюсь согласиться, есть новое доказательство желания приготовить вам счастливое будущее. Следуйте, дорогие дети, благотворным советам нашего уважаемого друга господина Зейделя. Пользуйтесь наставлениями, которые вам дают, и вы приблизитесь, к тому времени как мы свидимся, к тому, чтобы заложить фундамент существования полезного и приятного для вас на вашей родине. Каким счастьем станет однажды для меня и вашей достойной матушки прижать вас к сердцу, благодаря Всевышнего за то, чего наши дорогие дети достигли и стали достойными тех забот, жертв и расходов, которых стоило их образование. Заботы ваших родителей, в настоящий момент так сильно их тяготящие, тогда окажутся вознагражденными.

Обнимите нежно за меня, друзья мои, маленького Александра, вашего брата[1]. Известие о его болезни сильно меня огорчило, а нежные заботы, которыми окружила его в то время ваша дорогая бабушка, чувствительно меня тронули. Благослови ее Бог. Ее прекрасное сердце найдет некоторое вознаграждение в признательности родителей ее внука, которому ее заботы, можно сказать, вернули жизнь. Я поручаю вам, дети, всем

троим, почтительно поцеловать ей ручки от меня и сказать ей о моей признательности, слишком живой, чтобы ее можно было выразить.

Если мы увидимся однажды, вы расскажете мне подробности вашей жизни в Германии. Я же в свою очередь буду говорить вам о Сибири, о находящихся здесь интересных народах, даже о китайцах. Я только что закончил путешествие вдоль границы с Китаем. Я останавливался на восемь дней в Кяхте и целый день провел в Маймацине (торговое место, населенное китайцами, находящееся на их границе). Я там обедал, курил табак и пил чай *по-китайски*. В мою честь даже устроили очень красивый фейерверк, но его было очень трудно увидеть во всем великолепии, поскольку устроили его *днем*. Это очень по-китайски, не правда ли?

Прощайте, мои друзья. Прощайте, мои дорогие дети. Я вас нежно обнимаю и так же прижимаю к сердцу. Павел, Воло и Александр, благословляю вас от глубины души, повторяя заверения в моей отцовской нежности. Весь ваш сердцем и душой. П.

Иркутск, 13/25 марта 1807.

Приписка Е.И. Пестель:

Москва, 22 апреля ст[арого] ст[иля]. Я вам написала такое длинное письмо 8 дней назад, мои добрые друзья, что сегодня воздержусь, заверив вас, что я здорова, как и ваши братья, что я вас люблю всем сердцем и нежно благословляю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 33–34 об.
На л. 34 об. рукой И.Б. Пестеля: «Моим дорогим детям Павлу и Владимиру, *в Дрездене*».

---

[1] Из этого и последующих писем Ивана Борисовича выясняется, что Александр Пестель также провел некоторое время в Германии. Его привезла с собой бабушка А. фон Крок, переехавшая в Дрезден в конце 1806 г.

1807

И.Б. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Иркутск, 3/15 апреля 1807

Мои дорогие друзья, мои добрые дети Павел и Воло, последние новости, которые я имел от вас, были в ваших письмах к дорогой матушке от 16 янв[аря] н[ового]ст[иля]. Я благодарю Всевышнего, что вы здоровы, и что вы, мой дорогой Воло и Александр, вполне поправились от ваших болезней. Я очень рад, что вы прилежно учитесь и чувствуете всякий раз, когда пренебрегаете вашими обязанностями, хотя бы желание исправить свои ошибки. Тот, кто не знает своих ошибок, не может их исправить. Я прошу Всевышнего, чтобы Он дал вам не только желание, но также и возможность исправиться и в точности следовать советам нашего достойного друга госп[одина] Зейделя. Это ваш руководитель, это ваш благодетель, мои друзья. Следуя его принципам, вы приготовите себе прекрасное будущее, став добрыми и полезными своему отечеству. Чтобы иметь право ожидать отличий и наград от своего государя, надо начать с того, чтобы сделать себя способным к употреблению на службе своему отечеству полезным образом. Чтобы достигнуть этого, надо приобрести способности и необходимые познания. Тогда наш повелитель употребит их на благо нашего отечества, управление которым доверено ему Всевышним. Какое счастье иметь возможность сказать себе: я служу своему повелителю с усердием и я полезен отечеству. Ни с чем не сравнимое наслаждение для прекрасной души. Я надеюсь, что вы испытаете однажды это благородное наслаждение.

Я был весьма нежно тронут тем, что вы говорите, мой дорогой Павел, в вашем письме относительно слабости моего здоровья. Я вас нежно за это благодарю, прижимая к сердцу.

Я благословляю вас и обнимаю обоих от всего сердца. Бог мне свидетель, что никогда отец не любил своих детей нежнее, чем я вас люблю, мои дорогие друзья. Вы должны мне взаимную нежность, не только по кровным связям, нас соединяющим, но по чувствам, которые я к вам питаю и которые сохраню до последнего своего часа, а пока дышу – благословляю вас от глубины души. С этим заверением я заканчиваю письмо, нежно вас обнимая. Весь ваш П.

P.S. Передайте мои поклоны вашей дорогой бабушке, поцеловав ей от меня ручки. Я надеюсь, что два письма, которые я имел честь ей направить в течение прошедшего месяца, дойдут до нее. Прошу вас обнять за меня вашего брата, дорогого Александра. Скажите ему, что я его люблю так же, как и его братьев. Говорите с ним обо мне, друзья мои, и извещайте меня о нем, как и о себе.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 35–36.
На л. 36 об.: «Моим дорогим детям Павлу и Воло, в *Дрездене*».

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Иркутск, 15/27 мая 1807

Мой дорогой Павел, 24-го будущего месяца будет ваш день рожденья, и вы войдете в свой 15-й год, а 29-го будут ваши именины. Я благословляю вас от глубины сердца и так же вас поздравляю. Мне очень жаль, что огромное расстояние, нас разделяющее, мешает мне прижать вас к сердцу и дать вам прочесть в моих глазах нежность мою к вам, мой дорогой друг. Я обращаю самые горячие молитвы за ваше счастье ко Всевышнему, прося для вас и всех ваших братьев неизменно хорошего здоровья и исполнения всех ваших желаний, какие провидение найдет нужными для вашего истинного счастья. Мое же не может существовать без вашего, дорогие дети. Сколько ваших праздников провели мы вместе. Как ваша превосходная матушка и я всегда спешили доставить вам удовольствие, особенно в дни ваших праздников. Говорят, что маленькие подарки поддерживают дружбу. Хотя наша не нуждается в такого рода поддержке, мне бы доставило удовольствие послать вам что-нибудь, что бы доставило удовольствие вам, но, к несчастью, расстояние и обстоятельства отнимают у меня такую возможность. Я надеюсь, что ваши успехи в учебе приблизят момент вашего возвращения на родину, к вашим родителям. Вот что утешает меня в нынешней нашей разлуке. Соединимся все, дорогие мои дети, в молитве ко Всевышнему, дабы Он доставил нам счастье свидеться всем в добром здравии и довольстве.

Передайте мои поклоны вашей дорогой бабушке и заверьте ее в моей самой нежной преданности и живейшей признательности. Обнимите за меня нашего уважаемого друга господина Зейделя, как и ваших братьев Владимира и Александра, я благословляю их и прижимаю к сердцу, как и вас, мой дорогой Павел, с нежностью отца и верного друга. Весь ваш П.

Приписка Е.И. Пестель:

От 24 июня.

Я присоединяюсь к вашему доброму батюшке, мой дорогой друг, чтобы повторить вам в самый день вашего рождения самые нежные и усердные пожелания счастья. Мы едем сегодня отмечать ваш праздник и праздник вашего батюшки в деревню, и мне мучительно будет вспоминать, что также мы делали два года назад, но были все вместе, тогда как сегодня мои воспоминания, пожелания и сожаления делятся между восто-

ком и западом. Благослови вас Бог, дитя мое, как я это делаю от глубины сердца, нежно вас обнимая. Все ваши здешние родные и друзья поздравляют вас, особенно два ваших брата, которые вас обнимают. Я также обнимаю дорогого Воло. Прощайте, мы выезжаем. Я отрываю половину листа, служившего конвертом, чтобы облегчить почту.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 37–37 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Дражайшие дети, Павел и Володимер!

Весьма утешили вы меня своими письмами на русском языке от 30 марта и 8 мая. Мне крайно приятно, что вы не забываете природного своего языка, столь нужного для вас в отечестве вашем, коему с усердием служить и со временем быть полезными членами оного, должен всегда быть важнейший предмет вашего воспитания и прилежания в науках. С крайным обрадованием усматриваю я из писем общего друга нашего г[осподина] Зейделя, что вы с успехом прилежание имеете к трудам и приобретению познаний. Продолжайте, любезные мои друзья! стараться заслужить его одобрение, тогда я уверен, что вы и сами собою довольны будете и со временем ощутительную пользу от того почувствуете. Радуюсь, что вы в науках находите удовольствие, сие верное средство легко и скоро научаться и сохранить в живой памяти преподаваемое вам учение.

С удовольствием доставил бы я тебе, любезный Пашинька, камень (mine de plomb rouge*), о коем ты меня просишь, но по почте оного весьма неудобно прислать, а потому решился я собрать для тебя несколько здешних минералов, и сделав оным собрание, со временем лично их тебе вручить.

Не проходит дня, чтобы я два раза утром и вечером Бога бы не просил о сохранении вашего здоровья, мои любезные дети! Вас обеих** я от души моей благословляю, также и брата вашего Александра, – которого от меня поцелуйте, так как я и вас обеих мысленно обнимаю. Слава богу! что вы все опять выздоровели, мне весьма было огорчительно, что вы все страдали болезнями. Я за себя должен Бога благодарить, что почти во все время моего здешнего пребывания большею частию был здоров.

Пишите ко мне, любезные дети, когда время вам будет позволять, не отвлекаясь однакож от учения своего.

Бабушке, при засвидетельствовании моего усердного почтения, поцелуйте ручки.

Дабы облегчить вам чтение сего письма, предпочел я употребить на сие чужую руку, которая яснее моего почерка – ибо я отвык писать тихо, а потому и трудно с непривычки прочесть мое письмо.

Прощайте, любезные дети! Сердечно обнимая вас, пребываю я непоколебимою душою и сердцем вам преданным, искренний друг и нежный отец Иван Пестель***.

Иркутск, 3/15 июля 1807

P.S. Дядюшка ваш Николай Борисович, также и Ник. Ив. Трескин[1] благодарят вас, что вы об них вспомнили – и усердно вам обеим кланяются.

Приписка Е.И. Пестель:****

Не имея времени вам писать сегодня, мои дорогие Дети, хочу хотя бы сказать вам, что я вас люблю, обнимаю и благословляю от всего сердца. 12/[24]***** августа.

---

* «Руда красного свинца» (франц. яз.)

** Так в тексте.

*** Подпись и дата поставлены рукой И.Б. Пестеля, постскриптум написан той же писарской рукой, что и все письмо.

**** Приписка на франц. яз.

***** Вторая дата повреждена, верхний слой бумаги оторван вместе с печатью.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 38–39.
Письмо написано по-русски писарским почерком и подписано И.Б. Пестелем. На л. 39 об. адрес рукой И.Б. Пестеля по-французски: «Моим дорогим детям Павлу и Воло, в *Дрездене*».

[1] Трескин Николай Иванович (1763–1842), сын священника, окончил Рязанскую семинарию, в 1789–1799 служил при И.Б. Пестеле в Московском почтамте, затем в чине статского советника в 1804–1806 занимал должность смоленского вице-губернатора. В 1806 по настоянию И.Б. Пестеля произведен в действительные статские советники и назначен гражданским губернатором в Иркутск, пробыл в этой должности до 1819. Н.И. Трескин был креатурой и доверенным лицом Ивана Борисовича.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Тобольск, 30 ноября 1807

Мои дорогие дети Павел и Воло!

Уже весьма давно я не писал вам, мои дорогие друзья. Вы слишком хорошо знаете мою нежность к вам, чтобы не отдавать справедливости чувствам, которые я к вам питаю, и быть уверенными, что сколь ни редко я пишу к вам, мысли мои не таковы и часто они с вами.

16-го будущего месяца будет день вашего рождения, мой дорогой Воло. Вы вступите в свой 13-й год, мой добрый друг. Посылаю вам самые искренние пожелания и благословения нежнейшего из отцов. Не проходит дня, чтобы я не просил Всевышнего, чтобы он руководил вами и покровительствовал вам *всем*, мои дорогие дети. Поздравляю вас с вашим праздником и надеюсь, что в будущем году мы проведем его вместе. Благослови вас Бог, мои добрые друзья, в новом году, в который мы скоро вступим. Передайте такие же пожелания к новому году нашему лучшему другу господину Зейделю. Обнимите его от меня дружески и скажите ему, чтобы он был столь доволен и счастлив, сколько я ему желаю. Тогда он будет счастливейшим из смертных.

Обнимите за меня доброго Александра. Скажите ему, что я его нежно люблю и благословляю. Мои занятия мешают мне в этот раз написать вам больше. Поэтому заканчиваю, повторяя вам уверения в моих чувствах к вам, будучи сердцем и душой вашим нежным и преданным Отцом. П.

Приписка Е.И. Пестель:

18/30 декабря 1807

Мои дорогие и добрые друзья. Завтра я выезжаю в Тобольск[1], и перед отъездом хочу еще раз вам сказать, что люблю вас и благословляю от всего сердца. Мысль, что я буду еще дальше от вас и что ваши письма будут приходить позже, меня печалит бесконечно, но по крайней мере я буду их читать вместе с вашим добрым батюшкой, который будет весьма рад меня вновь видеть. Может статься, затем мы назначим момент нашего с вами соединения, мои дорогие дети, и этот момент заставит меня забыть то, что так мучительно тяготит мое сердце. Я прошу у Бога благословения вам и обнимаю вас всех троих с чувствами нежнейшей из матерей.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 40–40 об.
На л. 41 об. адрес рукой И.Б. Пестеля: «Моим дорогим Друзьям Павлу и Воло, в *Дрездене*».

[1] В промежутке между этим письмом и предыдущим умер двухлетний младший сын Е.И. и И.Б. Пестелей Константин (о его рождении см. в письме И.Б. Пестеля от 16/28 октября 1805). В дошедших до нас родительских письмах Павлу и Владимиру нет сообщений о смерти младшего брата, о ней упоминается, как об уже известной детям, в письме деда Б.В. Пестеля (см. письмо от 13/25 ноября [1807]). Возможно, смерть ребенка определила решение Е.И. Пестель об отъезде к мужу в Сибирь. В бумагах П.И. Пестеля (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 77–78 об., 81–81 об.) хранятся речь «Слова утешения по случаю безвременной кончины юного Константина Пестеля, произнесенные 22 октября 1807 года», а также стихи, составленные и, очевидно, произнесенные при погребении другом семьи доктором О.О. Реманном, на немецком языке (перевод Е.Е. Рычаловского):

«Благослови нас Господь, призывающий нас к жизни!
Благослови нас Господь, разделяющий нас в смерти!
Благослови нас Господь, который соединит нас навеки!
Аминь.

В сию торжественную минуту сошлись мы здесь, высокопочтенное печальное собрание, дабы совершить погребение дитяти, наконец избавленного от несказанных страданий, в присутствии любящей матери, преданнейшей, преданнейшей печальницы.

Почему сему дитяти суждено было столь рано претерпеть страдания, почему должно ему было столь быстро отцвести и увянуть, сего вам не объяснить и мне. Ибо известно вам, что жалкому, близорукому смертному лишь изредка позволено читать в Книге судеб. Одной Божественной сущности ведомо, в какой срок каждому отойти в вечность, как много земной жизни потребно, дабы скорее и легче приблизиться к великой и прекрасной цели. Седовласому старцу, призванному в мир иной, назначено столь долго пробыть на земле, повидать в течение жизни многие события, которые он должен был повидать, испытать многие волнения, испытания, предчувствия, радости и горести, которые он должен был испытать. Юноше или отроку, которого Господь призывает к себе, назначено в младые лета отойти в вечность. Кому по силам предопределить превратности судьбы и события, которые испытает он в будущей своей жизни, и кто отважится на большее: предопределить счастье и несчастье ближних? И что такое даже наисчастливая жизнь? В мире, где среди вящих радостей является страдание, а с наслаждением соседствует разорение... Как же можно иметь виды, когда оные не таковы, чтобы разумный человек мог на них излишне полагаться. Везде обступают всякого рода тревоги, и завершение наших видов есть и остается... смерть с могилой!

К существу, почитаемому и вами, пред которым преклоняет колена и склоняет главу серафим, к сему великому существу теперь и вы сможете воззвать: Господи! Здесь ты снова обретаешь дитя. Я не скажу ни единого слова, которое бы Ты мне не позволил. О! Оно доставило мне столько радости! С охотой я возблагодарила бы тебя и за то, что Ты забрал его у меня, ибо отлично вижу свой долг тебя благодарить. Но ведь тебе лучше всех ведомо жалкое, слабое сердце, ты знаешь, на что оное способно и на что не способно. В молчании, Господи, чту твой совет. Я выдержала жестокую битву, но я боролась верно и стойко! Мое сердце свидетельствует пред людьми и Богом: в исполнении материнского долга приуготован мне венец правды.

Где ныне найдется больше утешения, нежели в сознании: я дала детям не только жизнь, но и заботилась с любовью и тщанием об их существовании, по доброй воле жертвовала я радостями, с охотой тратила жизненные силы у постели болящего... Нуждается ли таковая мать в другом доказательстве, нежели то, что мы бессмертны, что всякая смерть есть лишь возрождение к новой, высшей жизни; требуется ли другое доказательство, нежели то, что милосердный, справедливый Господь не мог бы, не стал бы призывать дитя к жизни, дабы оная продолжилась один-два года, а страдания – дни и недели, ежели б не было после смерти жизни, в которой зачахший, безвременно увядший побег с пущей свежестью зазеленеет в прекрасном саду вечности?

И каковая благодать расцветает для всех вас у гроба сего спящего ангела, когда вы со слезами на глазах говорите друг другу: в сестринском единении претерпели мы жизненные муки – я у одра супруга, вы у одра дитяти. Тогда стояли вы рядом со мною, сейчас – я рядом с вами. И ваши сердца соединены судьбой, состраданием и помощью еще теснее, нежели связала оные природа...» (Сестра И.Б. Пестеля Е.Б. Биллингс потеряла мужа в предшествовавшем 1806 г.)

1808

И.Б. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Тобольск, 11/23 апреля 1808

Мои нежно любимые Павел и Воло.

Давно, милые мои, я вам не писал. Но ежели б вы знали, как много я занят по службе запутаннейшими и чаще всего неприятными делами, то вы бы убедились, сколь мало у меня настроения и способности упражняться в переписке, когда красноречиво лишь сердце. Но все же, собственно говоря, письма суть единственное, что может соединить меня и вас, любезных моих детей. Упаси вас Господь сделать заключение, что мои дела хотя бы на толику могли остудить теплое чувство моей к вам нежности. Нет, любезные мои дети! Не проходит и дня, когда бы не думал я о вас с нежностью. С глазами, полными горючих слез, обращал я пылкие молитвы за вас к Создателю нашему. Еще на прошлой неделе, неделе страстей нашего Спасителя, когда я по обыкновению со всеми нашими подходил к святому причастию – да! в ту великую для всякого истинного христианина неделю молился я за вас, мои любезные дети, проливая потоки слез нежности. Я представлял себе, что, вероятно, и вы на сей неделе впервые идете к святому причастию. Ах! Ежели б вы, мои превосходные дети, могли как следует постигнуть важность сего мига. Ежели бы оный мог служить вам истинным утешением и опорой в течение всей вашей жизни. Вера истинного христианина есть величайшее счастье не только в этой, но и в той жизни. Сия вера не только облегчает нам земной наш путь и сопряженные с оным столь разнообразные заботы и тягости, но и все более укрепляет нашу убежденность в будущей небесной жизни. Какая другая вера, какие иные основания, пусть они и имеют довольно философический вид и покоятся на распрекрасных химерах, смогут дать нам, для нынешней нашей и будущей жизни, утешение, которое доставляет нам в таком изобилии истинная христианская религия. Простые, ясные каждому, даже самому простодушному человеку, основания учения Иисуса Христа представляются мнящим себя мудрецами слишком заурядными, слишком понятными, чтобы исходить от Всевышнего. Они не довольствуются оными. Они ищут более запутанные, не каждому понятные и пригодные основания. В этих поисках они совершенно лишаются душевного покоя. Оттого что они ничего не находят себе в утешение, существование их делается бременем, а в глубине их душ (что они затем стараются скрыть, чаще всего – от ближних) селятся беспокойство и недовольство. И наконец, уже на краю могилы они оканчивают земной путь, за всю жизнь не проведши собственно ни часа в счастье и довольстве, основанных на истинном покое души.

Ничто не может сравниться с приносящим счастье чувством истинного христианина, когда оный в уголке своей квартиры дает о себе отчет Творцу, когда потом обретают утешение и мир его удрученная душа и тревожная совесть. Мой собственный опыт, любезные мои дети, приводит к тому, что ничего я так страстно не желаю – и за оное готов всякий миг пожертвовать своей жизнью, когда б такая цена была возможна, – чтобы вы, мои милые, так же были счастливы истинной христианской верой, как и я, весьма часто за мою жизнь. О том преусердно взываю к нашему Творцу и Избавителю в моих повседневных молитвах за вас.

Как хотел бы я самолично в первый раз привести вас, мои милые, ко столу Господа! Как хотел бы я немного помочь первым впечатлениям, которые столь важное действо произвело или должно было произвести на ваши нежные души. Ах! мои любезные друзья, ежели б вы застали меня за молитвой о вас! И, более того, ежели б вы видели меня в тот миг, когда я сие пишу, то, конечно, мое состояние убедило бы вас, как искренне и неотступно я желаю, чтобы и вам досталось немного истинного и совершенного счастья, какое только есть у рода людского, а именно истинной христианской веры, и сделало вас

столь же счастливыми в оной, как и меня. Сие желание и мою молитву подкрепляю еще и тем, что налагаю мои отеческие руки на ваши головы и притом мысленно, единственно при Вседержителе и Всеведце, со слезами на глазах, даю вам мое благословение. С чувством неподдельной нежности обнимаю вас яко лучший ваш друг и любящий отец П.

PS. Любовно и дружески обнимаю общего нашего любезного приятеля господина Зейделя.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 42–43 об. Нем. яз.

1809

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Санкт-Петербург, 15 марта 1809 года

Искренне любимый сын мой!

С умилением прочитал твое письмо от 4 числа сего месяца и с чувством удовольствия увидел из писем твоей доброй матушки, с каковой пользой, и для ума и для сердца, сопряжено было отсутствие твое в отечестве в течение почти 4 лет. Ты стал, мой любезный друг, разумнее, образованнее и особенно – покладистее и мягче. А в целом приобрел лучшие душевные свойства. С полными слез глазами упал я на колени и возблагодарил моего Творца за сие новое доказательство того, что он внял моим усердным мольбам. Столь же настойчиво просил я Его сохранить тебя в здравии душевном и телесном. Душу мою уязвляет невозможность прижать тебя к моему сердцу, дышащему любовью и нежностью к тебе, сразу по твоем вступлении под отеческий кров. Верно, провидение доставит мне и сию радость. Когда я думаю о состоянии моем в то мгновение, когда тому почти 4 года покидал я, не простившись, Кронштадт и предоставил тебе и твоему брату по воле провидения плыть по морским волнам. Ах! Как тяжко было у меня на сердце! Как оное тревожно колотилось! Ныне Всемогущий Господь дал мне счастье снова увидеть тебя и твоего брата в отчем доме, иметь надежду нежно обнять вас и успокоиться, будучи уверенным, что вы облегчите тяжкое бремя горя и забот, которые угнетали превосходную вашу матушку. Когда вы, любимые мои, 4 года назад покидали Москву, тогда привел я вас к стопам драгоценной матушки вашей, и вы обещались ей, стоя на коленях, никогда не забывать материнскую ее заботу о вас и стремиться вознаградить ее любовью и всем прочим, что может доставить радость материнскому нежному сердцу. Ты сдержал слово, любезный Павел. Своих родителей ты порадовал совершенствованием характера и прилежанием к учению. Ежели бы мне довелось снова встретиться с вами и любезной вашей матушкой, тогда преклонили бы мы пред ней колена и возблагодарили ее за пожертвованные вам, мои любезные, здоровье и состояние, дабы уготовить вам счастливое будущее.

Теперь попрошу тебя, любезный, славный Павел, заблаговременно привыкать в твоем отце видеть задушевнейшего твоего друга. Кто может быть более верным тебе, нежели я? Привыкай, что и твои младшие братья видят в тебе и во мне преданнейших друзей. Завоюй и сохрани доверие оных, как и я старался то делать касательно вас. Бесспорно, у меня прав более, нежели у тебя. Тем легче будет мне приобрести любовь и дружбу твою и твоих братьев вкупе с безграничным доверием.

Прошу, прочитай это письмо твоим братьям. Доведи до самого их сознания содержание его. Желаю тебе понять чувство, с коим я оное писал, и приданный мною смысл. Моя чувствительность столь обострилась, что принужден я заканчивать, ибо весьма растроган. Впредь напишу еще.

Обнимает и благословляет тебя твой преданный отец и истинный друг П.

PS. Приложенные письма доставь, мой друг, твоим братьям и обнимай их от меня.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 44–45 об. Нем. яз.

И.Б. Пестель – Павлу, Борису и Владимиру Пестелям

Санкт-Петербург, 21 мая 1809 года

Любезные мои дети Павел, Борис и Воло!

Насколько много радостей доставляют мне почтительнейшие письма ваши, настолько же много огорчает меня невозможность отвечать на оные тотчас и каждому из вас особливо. Поелику я всех вас одинаково сердечно люблю и могу, в сущности, каждому сказать то же самое, то можно с полным правом направлять одно письмо всем троим. И притом позвольте мне не описывать столь пространно и столь часто, как я желал бы, многие мои дела и сопряженные с ними поездки. Вам должно быть совершенно уверенными в моей истинно нежной к вам любви и дружеству, мои милые, чтобы приписать мои редкие послания какой иной причине, нежели недостатку времени. С какой радостью вижу я из писем любезной вашей матушки, что все вы втроем прилежно посвящаете себя урокам, вам преподаваемым! Воспользуйтесь, милые мои, этим временем. Когда оно однажды минет, тогда и упущенное с оным не вернешь; и часто на будущем вашем жизненном пути вы пожалеете о потерянном времени.

Тебе, милый мой Павел, я особенно признателен за уроки, которые ты с таким усердием даешь обоим твоим братьям. Меня воистину тронуло, что сие дело ты исполняешь с постоянством и умеешь дорожить пользой, приносимой твоим братьям. Помогай тебе Господь Всемогущий и укрепи тебя в твоих трудах, и дай твоим братьям порадовать тебя! Ежедневно молюсь за вас троих и благословляю моим отеческим благословением, каковое пусть всегда на вас пребудет.

Здоровье мое вполне сносно, и хотя я весьма много труждаюсь, но все же пока не ведаю, когда смогу отселе отправиться в обратный путь. Ах! Загляни вы в мое сердце, сведали бы, как сильно я жажду обнять вас, милые мои; как тогда уверились бы вы еще более в моих нежных к вам чувствах. Поелику догадываюсь, что Александр не понимает немецкого языка, пишу к нему особливое письмо.

Какую радость доставил мне столь выгодный о вас отзыв, услышанный от любезного вашего деда! Особенно хвалит добрый батюшка основательность, каковую ты, милый Павел, показываешь в науках, и между прочим говорит, что в твоем обществе превосходно себя чувствует и охотно ведет с тобой беседы. Как приятен такой отзыв отцу, особенно когда оный исходит к тому ж от деда.

От всего сердца обнимаю вас троих яко самый верный ваш друг и нежный отец. И. П.

PS. Прошу сердечно кланяться общему нашему высокочтимому другу господину Зейделю. Не забывайте, любезные дети, чем вы обязаны сему достойному мужу.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 46–48. Нем. яз. На л. 49 по-французски: «Моим дорогим детям Павлу, Борису и Воло, в *Москве*».

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петербург, 17 июня 1809 года

Любезный мой, нежно любимый Павел! 24 числа сего месяца у тебя день рождения, а 29 числа – именины. И тогда, любезное мое дитя, ты вступишь в свой семнадцатый год жизни. Какими только мыслями и чувствами не заняты моя голова и мое сердце! Первая вспоминает прошедшее твое шестнадцатилетнее существование и заглядывает в будущее, насколько сие доступно человеческому предвидению и поскольку позволяют мне большой опыт, накопленный мною в продолжение жизни, и

приобретенное посредством оного знание людей. Мое сердце совершенно предается отечески-нежным чувствам, которые его наполняют. Чувству признательности Спасителю, который доселе счастливо тебя хранил и оказывал свою милость, и страстному желанию, чтобы ты, любезное мое дитя, когда-нибудь сам мог стать вполне счастливым и полезным твоим ближним, оставаясь всегда неизменно верным основаниям веры, влекущим за собой совершенную честность. Все сии чувства столь переполняют мою голову и сердце, что я, собственно говоря, не могу довольно выразить все происходящее в оных. Следствие того – потоки слез, которыми сопровождаю я самые горячие молитвы о благополучии моего любезного дитяти. Даже находясь вдали, налагаю я руки на твою голову, любезный мой друг, и прошу Спасителя, да почиет на тебе Его святое, а также мое отеческое благословение. Сим хочу я завершить и мое искреннее поздравление с твоими грядущими днем рождения и именинами. Оное поздравление идет от души и, конечно, найдет дорогу к твоему сердцу, а значит, не требует других слов.

Моему поздравлению должен был сопутствовать маленький подарок, но понеже твой дядюшка Леонтьев[1] мне его сегодня еще не принес, то получишь ты его, мой милый, не прежде чем со следующей почтой.

Очень нежно обнимай от меня трех своих братьев. И доставьте мне, милые мои друзья, великое счастье, чистосердечно и нежно любя свою дорогую матушку и друг друга, а также своего искреннейшего и самого верного приятеля

и отца П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 50–51. Нем. яз.
На л. 51 об. по-французски: «Моему дражайшему сыну Павлу, в *Москве*».

---

[1]Леонтьев Николай Николаевич (1772–1830), генерал-майор, служил в военной и дипломатической службе, в 1802 поверенный в делах в Неаполе, первым браком был женат на сестре Е.И. Пестель Софье Ивановне Крок (1776–1809). После ее смерти женился в августе 1810 на сестре декабристов Ивана и Сергея Шиповых Марии Павловне (1792–1874), фрейлине великой княгини Екатерины Павловны, впоследствии статс-даме, в 1838 гофмейстерине двора великой княгини Марии Николаевны, в 1839–1874 начальнице Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища.

И.Б. Пестель – Павлу, Борису, Владимиру и Александру Пестелям

Ст-Петерб[ург], 28 июня 1809

Мои дорогие дети Павел, Борис, Воло и Александр!

Пишу вам, мои добрые друзья, всем четверым одно письмо, потому что прежде всего не имею времени писать их четыре, и потом, поскольку я люблю вас всех четверых одинаково, то и сказать вам имею одно и то же. Прежде всего, я благодарю вас весьма нежно за ваши очаровательные письма от 18-го числа сего месяца и за пожелания ваши мне по случаю именин. Маленькие подарки, которые вы мне прислали, мои друзья, доставили мне большое удовольствие, и я всякий день ношу их при себе, как и рисунок моего дорогого Александра, который я положил в бумажник. С булавкой, бумажником, чехлом для зубочистки, букетом цветов я никогда не расстанусь. Это драгоценные сувениры от моих лучших друзей, которые мне весьма, весьма дороги. Вы не можете себе представить, как я был тронут, увидев оба ваших портрета, мои друзья *Павел и Воло*. Скоро уже четыре года, что мы не виделись. Я нежно поцеловал ваши изображения и пролил слезы нежности. Никогда дети не были любимы нежнее своим отцом, чем вы, мои четверо друзей.

Матушка скажет вам, каким неожиданным сюрпризом для меня было получение ваших писем, подарков и портретов. Я был весьма огорчен тем, что провел день вашего праздника вдали от вас, мой дорогой Павел. Стихи, которые ваш дедушка извлек для вас[1], великолепны, и дай Бог, чтобы они для вас сбылись, чтобы вы вполне почувствовали то, что они выражают, *und daß du dich recht auff das Verdienst deines heylandes und Erlösers verlassen mögest*[*]. Подробности о том, как ваш дедушка воевал, должны послужить вам, мой добрый друг, доказательством того, что дедушка служил своему отечеству с рвением и что он жертвовал жизнью для его защиты. Я восхищен, что дедушка имел доброту беседовать с вами, по двум причинам: прежде всего, потому что это доказывает, что он вас любит, и потом еще, что вы умеете беседовать так, что ему это не скучно, а это всегда делает честь молодому человеку, когда старик находит удовольствие им заниматься, и это мне самому доставляет большое удовольствие. Булавка, которую вы мне прислали, мой дорогой друг, очень мила и поистине доставила мне большое удовольствие, я вас за нее благодарю от всего сердца.

Что до вас, мой дорогой Борис, ваше письмо доставило мне тем большее удовольствие, что оно написано лучше всех предыдущих, что я от вас получал, а всякий раз как я увижу ваши успехи, я буду очень рад. Ваш бумажник очень мил и очень мне полезен, я сразу сложил туда немного денег, которые всегда ношу с собой для бостона, и рисунок Александра. Благодарю вас за него, а русская пословица **чем богат тем и рад** меня весьма тронула, и я прижимаю вас к сердцу, которое нежно вас любит.

Тысяча благодарностей за чехол, дорогой Воло. Я с ним не расстанусь в доказательство того, как я ценю ваш сувенир, мой добрый друг. Я исполню ваше поручение к Сергею, как только его увижу. Он и его братья[2] имеют поистине болезненный вид. Быть может, отчасти причиной тому мучительное путешествие, которое они совершили. Сергей говорит только по-немецки и очень плохо, а Валентин не говорит ни слова и не держится еще на ногах.

Поскольку я не умею сочинять стихов, мой дорогой Александр, то отвечаю на ваши прозой. Я благодарю вас за них и за прелестный букет, который они сопровождают. Я очарован видеть, что вы пишете лучше, чем по прибытии в Москву. Ваш кузен Александр пришлет вам скоро небольшой рисунок на свой манер, как он говорит, но я ему напомню. Я очень радуюсь вас всех снова увидеть, мои добрые дети. В ожидании обнимаю вас нежно и благословляю от всего сердца. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 52–53 об.
На л. 53 об.: «Моим дорогим Друзьям Павлу, Борису, Воло и Александру, в *Москве*».

---

[1] Вероятно, речь идет о гадании на Библии.

[2] Вероятно, речь идет о двоюродных братьях Павла и Владимира Пестелей, детях сестры И.Б. Пестеля Елизаветы (ум. не ранее 1820) и Франца Абрамовича фон Брина. Ф.А. фон Брин, действительный статский советник, в 1805–1807 занимал должность смоленского губернатора, в 1809, видимо, по настоянию И.Б. Пестеля, был назначен томским губернатором и пробыл в этой должности до 26 июля 1810, затем в 1810–1821 был тобольским губернатором. На момент написания данного письма семья фон Брин, очевидно, находилась в Петербурге и готовилась к переезду в Сибирь.

---

* «И, чтобы ты вполне мог положиться на воздаяние твоего Спасителя» (нем. яз.)

1810

И.Б. Пестель – Борису Пестелю

Ст-Петерб[ург], 25 марта 1810

Я пользуюсь минутой досуга, который оставили мне мои занятия, чтобы поблагодарить вас, мой дорогой Борис, за все ваши письма и выраженную в них нежность ко мне. Я люблю вас от всего сердца, дитя мое, и тем более опечален, когда вы доставляете мне огорчение видеть, что ваше нерадение к учебе готовит вам весьма печальное будущее. Вам нужно производство в офицеры для вступления в гражданскую службу. Ваше физическое состояние не позволяет вам военной службы, так что для того, чтобы лучше сделать вашу карьеру и продвинуться, надо, чтобы вы имели познания, необходимые для того, чтобы быть подданным, полезным для службы. Вы в нее вступили, теперь от вас будет зависеть заслужить продвижение и своими трудами снискать однажды место значительное и приятное. Думайте об этом хорошенько и всегда, и тогда вы станете прилежать к учебе, привыкнете повиноваться своим родителям и наставникам, ибо субординация есть душа службы, и вы в конце концов станете достойны сами командовать.

Матушка вас нежно обнимает, как и я, благословляющий вас от всего сердца. Весь ваш П.

P.S. Ваши братья вам кланяются. Я должен отдать им справедливость, они трудятся с большим прилежанием и даже с успехом.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 54–55.

На л. 55 об. по-русски: «**Его благородию Борису Ивановичу Пестелю, в Москве».**

1812

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю*

[декабрь 1811–апрель 1812]

Принуждена довести до тебя, мой милый Павел, некоторые размышления о тебе, на которые давеча навела меня материнская забота. Пускай из оных вынесешь ты убеждение, что не все то мелочь, что ею кажется. И человек истинных, твердых правил и стремления к добру каждому шагу и каждому слову придает значение и смысл.

1. На мои недавние слова о болезненном состоянии Л... ты отвечаешь: «Боже сохрани! Он на это не способен!» Ты, конечно, не задумался о том, что заключают сии слова. «Боже сохрани» показывает отвращение, которое ты испытываешь пред такой возможностью, хотя в сущности ты, к сожалению, думаешь о том совершенно равнодушно. «Он на это не способен!» – Итак, собственно потому такой человек заслужил презрение. Разумеется, ты не считаешь Л... лучше себя самого. И все же – позволь напомнить твоей совести – ты уже давно такой, да что там – ты был бы еще на это способен, хотя твой ответ заставляет предполагать, что с тобою никак не мо-

* Это письмо, хранящееся в деле с письмами к П.И. Пестелю от деда Б.И. Пестеля, бабки А. фон Крок, тетки С.И. Леонтьевой, воспитателя А.Е. Зейделя и других, судя по его содержанию, написано несомненно матерью декабриста Е.И. Пестель. Почерк письма похож на ее руку (см. примечание к письму П.И. Пестеля родителям от [1816]). Письмо датировано на основании того, что по содержанию должно относиться к промежутку между выходом Павла Пестеля из Пажеского корпуса и отъездом в армию.

жет того статься! Слабый человек однажды может ошибиться, порядочный человек в том раскается, станет избегать этого и не будет бахвалиться мнимой добродетелью. На сие способно лицемерие – худший из всех пороков. Искреннему человеку в любом состоянии духа подобает ответ «нет», или «я не думаю», или «я не знаю». Но лицемер сознает собственную низость, пытаясь прикрыть ее видом напускной добродетели, и таким образом он паче всего унижает сам себя. Таковой обман противен искренности и собственному достоинству человека любого пола, возраста и состояния, заставляет дурного человека опускаться еще ниже. В своем ответе ты, собственно говоря, не намеревался лицемерить. Так я полагаю. Сии слова воздавали должное моим правилам и правилам твоего отца. Однако более тонкое чувство, исполненное прямодушия и совестливости, должно было бы подсказать тебе, как будет истолкован ответ.

Тот, кто не смущается при воспоминании о прегрешении и дурной наклонности, готов впасть в порок. И сие заставляет меня страшиться за тебя тем паче, что тебя это совсем не пугает. Павел, пойми и хорошенько поразмысли над сим советом и устрашись грядущего!

2. Давеча ты отпрашивался к твоему дядюшке и Альб[ерту?][1]. Но был ты лишь у последнего и утверждал, будто не застал дядю, тогда как он не выходил из своих покоев. Лицемерие и ложь идут рука об руку. И сего опасайся! Однако взглянем на вещи с другой точки зрения. Признаю, что беседа с дядюшкой не слишком тебя привлекает. Только оный, помимо того что, будучи братом твоего отца, он заслуживает и может рассчитывать на твое внимание, никогда не был повинен в дурном, низком поступке. Об Альб[ерте?] ты знаешь, что это дурной человек. Тебе известно, что он выказал черную неблагодарность к твоей матери, что он смог хулить и порочить оную и превозносить себя. Тебе известно, что в Тобольске он находился в дружбе и согласии с врагами твоего отца, что он несколько раз из своекорыстия и распутства намеревался его покинуть; а ведь твоему отцу он обязан нынешним своим положением врача, твой отец оказывал ему поддержку, ласково обходился с ним, осыпал милостями, значение которых неблагодарный даже не хотел признать. Если он и пользовал большинство из нас, то сие составляло его первый врачебный долг, да притом ему и платили, к тому ж никто не предполагал в нем ничего, что заслуживало бы наказания. Тем не менее я не собираюсь преуменьшать твою признательность, хотя тебе лучше всех должно быть известно, что даже при сем говорит твоя совесть против тебя и его. Ты можешь быть ему благодарным, не становясь его другом. При всем том, что тебе о нем известно, ты ищешь общества его и ему подобных, тогда как ты сторонишься или бежишь тех, кто ходит к нам в дом, кто имеет некоторое право на твое уважение или внимание и к кругу которых ты принадлежишь более, нежели к обществу неблагодарного, распутного, непостоянного ветрогона.

Пойми, милый Павел, подобные размышления не годятся на то, чтобы развлечь меня, увеличить или сохранить мое доверие к тебе. И в какое время ты вынуждаешь меня к тому? В ту пору, когда из твоего благодарного сердца излились самые святые обеты, когда ты, многообещающий юноша, находишься на пути к тому, чтобы стать человеком слова, когда все твои связи, твои обязанности, твои поступки должны приобрести для тебя новый смысл, когда тебе надлежит вознаградить твоих родителей за всякое горе и тысячекратные жертвы, причиной которых ты был и которые еще продолжаются. Меня огорчает, что принуждена так с тобой говорить, но, будучи нежной и заботливой матерью твоей, твоим лучшим другом, надлежит мне обратить твои мысли на то, что не видит твое легкомыслие. Твой отец безмолвствует, однако его сердце удручено не менее. Доверие его к тебе поубавилось, сие ты видишь из того также, что он с такой неохотой отпустил тебя из корпуса в твои 19 лет и с твоей мужественной наружностью. И вместо того чтоб видеть в тебе – как мы по обыкновению

чаяли – утешение и гордость на склоне наших дней, должны предполагать новые печали и заботы о тебе. Конечно, знания необходимы и важны деятельному человеку и государственному мужу, служит ли он государству силой ума или шпагой, но не только они составляют цену человека. Научись судить о нем по лучшему, достойному предназначению его, научись думать о самом себе, о своих обязанностях, о будущем твоем ответе пред тем, кто создал тебя с добрыми задатками, предоставил тебе все возможности для совершенствования, для кого во всеведущем Его правосудии нет маловажных вещей.

Пускай тебе, милый Павел, не прискучат мои увещевания. Узри в оных нежность матери, которая всегда о вас пеклась и с готовностью купила бы истинное, надежное счастье ваше ценой своего, даже ценой своей жизни.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 35–37. Нем. яз.

---

[1] Альберт фон Яков (Александр) Иванович, в 1817–1821 надворный советник, в 1821–1826 доктор медицины, инспектор Тобольской врачебной управы.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст-Петерб[ург], 12 апреля 1812

Только что госп[один] Альбрехт-отец[1] сообщил матушке, что у него есть оказия отправить вам письмо – вы понимаете, конечно, что мы спешим воспользоваться ею, чтобы сообщить вам наши новости. Не прошло еще суток с вашего отъезда, мой дорогой Павел, а мне это время уже показалось неделей. Можете судить о нежности родителей к их детям! Таким образом вы сможете в точности представить себе, что происходит в наших сердцах после вашего отъезда. Я вам высказывал все свое беспокойство на ваш счет. Оно все то же и таковым останется, пока я не узнаю нечто успокаивающее меня на счет вашего поведения как с вашими начальниками, так и с вашими товарищами и подчиненными. Я иду сегодня обедать к е[е] в[еличеству] имп[ератрице] Елизавете[2] и спешу закончить. Благословляю вас мысленно от всего сердца, как сделал это в реальности вчера в момент вашего отъезда, и нежно вас обнимаю. Прощайте, мой дорогой Павел. Никогда не забывайте: *Wenn die Noth am größten, ist Gott am nächsten*[*]. Старайтесь быть достойным своим поведением и преданностью долгу, чтобы Всевышний благословил вас и всегда поддерживал. Прижимаю вас к сердцу. И уступаю перо вашей превосходной матери.

Приписка Е.И. Пестель:

Несмотря на то что не прошло суток с тех пор, как вы нас покинули, дорогой мой Павел, нужно все же воспользоваться этой оказией, чтобы еще раз вас благословить и сказать вам, чего стоит материнскому сердцу расстаться с любимым сыном! Да пребудет с вами Господь! Я тревожусь всякую минуту, чтобы не забыли что-нибудь из ваших вещей. Уже есть забытая ваша чайная ложка, 5 рублей, и пр. Во имя Неба, соблюдайте порядок и экономию. В остальном следуйте всем советам вашего достойного и превосходного батюшки. Ваши братья здоровы, они не знают, что можно вам написать. Только Александр обнимает вас нежно. Софья[3] ласкова со мной сегодня, как будто хочет меня рассеять и утешить. Ах! Да, я весьма нуждаюсь в утешении! Мой почерк покажет вам, что я пишу с трудом: правая рука сегодня онемела и тяжела, как нога. Летний сезон поможет мне восстановиться, а особенно если я получу от вас хорошие

---

* «Когда нужда велика, близок Бог» (нем. пословица).

новости. Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Обнимаю вас и благословляю, как нежнейшая из матерей.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 56–56 об.

---

[1] Иван Карлович Альбрехт, отец двух гвардейцев: Александр Иванович Альбрехт (1788–1828), полковник, командир л.-гв. Драгунского полка, в 1812 командовал Сводным гвардейским кавалерийским полком, в 1814 генерал-майор, с 1817 командир л.-гв. Уланского его величества цесаревича полка; Карл Иванович Альбрехт, ротмистр л-гв. Гусарского полка, в 1817–1818 командир Польского уланского полка.

[2] Императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I.

[3] Софья Ивановна Пестель, младший ребенок И.Б. и Е.И. Пестелей, родилась 15 июля 1810.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст-Петерб[ург], 19 апреля 1812

Вчера прошло восемь дней, как вы уехали, мой дорогой Павел, а у нас нет еще никаких известий от вас. Я предпочитаю думать, что вы нам написали, ибо знаете, как ваше путешествие нас беспокоит и как мы нуждаемся в успокоении. Меня очень заботит ваше здоровье и что вы поехали в кибитке. Этот экипаж ужасен на колесах, и я уверен, что вы сильно страдали. Если бы я предвидел, что вам придется ехать на колесах, то не согласился бы, чтоб вы ехали в кибитке. Всякий день я прошу за вас Всевышнего и надеюсь, что он исполнит мои молитвы и благополучно приведет вас в место назначения.

Сегодня министр полиции (Балашов)[1] выехал отсюда, чтобы явиться в Вильну. Он обещал мне проявлять к вам интерес по всякому поводу, по какому вы сочтете полезным к нему обратиться. Угождайте ему, а чтобы легче этого добиться, обратитесь к госп[одину] Протасьеву, его адъютанту[2], который сказал мне, что знает вас, и который облегчит вам доступ к министру. Если найдете случай представиться гр[афу] Кочубею[3], вы равным образом хорошо сделаете, если не упустите его. Чем больше молодой человек, вступающий в свет, имеет значительных знакомств, тем больше он приобретет хороших мнений, даже если его не знают близко.

Если будете мне писать, адресуйте ваши письма здешнему почт-директору, его адрес в конце этого письма. Я его предупредил.

Мне нечего особенно сказать вам о здешних делах. В нашем маленьком обществе все идет совершенно так же, как и при вас. Послезавтра мой брат Анд[рей] Б[орисович][4] покинет нас, чтобы отправиться к своему полку. Я совершенно закончил наш раздел и получил чистую квитанцию. Должен отдать ему справедливость, он очень хорошо себя вел во всем этом деле с самого своего приезда сюда. Предшествовавшее его поведение в том же деле не обещало, что он закончит так хорошо.

Прощайте, дорогой Павел. Благословляю вас от всего сердца. Поразмыслите, мой добрый друг, обо всем, что я вам сказал за несколько дней до вашего отъезда от полноты души. Чаще обращайтесь ко Всевышнему и будьте уверены, что тот, кем Он руководит, будет руководим хорошо. Обнимаю вас от глубины сердца. П.

P.S. Я адресую это письмо почтмейстеру в Вильне. В случае, если он велит сказать вам (как я его просил) присылать ему ваши письма для доставления ко мне, приносите их к нему сами, адресуя их также *здешнему* почт-директору, вот его адрес.

Его превосходительству милостивому государю Николаю Игнатьевичу Калинину[5], в *С.П[етер]бурге*.

Приписка Е.И. Пестель:

Для большей уверенности и ясности я вам пишу еще раз, мой дорогой Павел, адрес почт-директора

Его превосходительству милостивому государю Николаю Игнатьевичу Калинину в *С.П[етер]бурге*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 57–58.

---

[1] Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал-адъютант, исполняющий должность петербургского военного губернатора, одновременно с 1810 министр полиции, 28 марта 1812 был уволен от обеих этих должностей, 20 апреля отправился в Вильну вслед за Александром I. Во время кампаний 1812–1813 гг. состоял при императоре для поручений.

[2] Протасьев Василий Федорович (1781–1848), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, адъютант А.Д. Балашова.

[3] Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф, друг молодости Александра I, в 1802–1807 министр внутренних дел, член ряда комитетов, с января 1812 председатель Департамента законов Государственного совета, летом 1812 находился при Александре I в действующей армии, затем сопровождал его в Петербург, в кампанию 1813 находился в свите Александра I.

[4] Андрей Борисович Пестель в марте 1812 г., продолжая командовать Тенгинским полком, был назначен шефом Тифлисского пехотного полка и отбыл на Кавказ.

[5] Калинин Николай Игнатьевич, санкт-петербургский почт-директор (с 1819 г. сменен в этой должности К.Я. Булгаковым).

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст-Петерб[ург], 27 апреля 1812

Вчера утром мы наконец получили ваше письмо из Пскова от 14-го сего месяца. Если бы вы видели радость, которую оно доставило вашей превосходной матушке. Как ваши братья все вдруг закричали: *О! письмо от Павла*. Воло первым пришел спросить меня, правда ли, что я получил от вас письмо, ибо Андрей ему сказал, что дежурный офицер передал мне письмо с вашей печатью. Он пришел просить его у меня прежде, чем я успел прочесть ваше письмо. Матушка благодарила Бога, беря ваше письмо у меня из рук. Я же, мой дорогой Павел, я был также очень рад получить от вас известия. Я был обеспокоен сильнее, чем показывал нашим. Путешествие в кибитке на колесах, да еще по нынешним дорогам, есть самая утомительная вещь на свете. Дай Бог, чтобы вы прибыли благополучно!!! – вот истовая молитва, с которой я ежедневно обращался ко Всевышнему.

Вы уверяете меня, что даже все крестьяне путешествуют на колесах, несмотря на глубокий снег, но я остаюсь при прежнем мнении, что вам было бы лучше ехать на полозьях до Пскова, как поступил сам е[го] в[еличество] имп[ератор].

Я был у госп[ожи] Удом[1]. Я нашел ее более или менее поправившейся. Она уверила меня, что дала вам письма к ее мужу, которые доставят ему большое удовольствие, поскольку она написала ему все возможные подробности, которые не могла сообщить ему с его отъезда.

Матушка пишет вам подробно, так что мне ничего не остается сказать, разве что повторить то, что она вам говорит. У нас все идет обычным чередом. Матушка все время более или менее страдает. Софья весьма слаба и нежна. И пр., и пр.

Вообще надеются, что войны не будет. Дай Бог. Я в высшей степени миролюбив и не люблю, когда проливают людскую кровь.

Прощайте, мой дорогой Павел, помните о моих советах, следуйте им и отвечаю вам, что вам от того будет хорошо. Обнимаю вас и благословляю от глубины сердца.

P.S. Я буду писать вам с курьерами (фельдъегери), которых отправляют отсюда к е[го] в[еличеству] имп[ератору]. Я буду адресовать свои письма к вашему полковнику[2], а вы адресуйте свои здешнему почт-директору, адрес которого я вам посылал. Пишите нам каждую неделю. Вы не можете себе представить, как матушка беспокоится, когда не имеет от вас известий. Избавьте ее от этого беспокойства, насколько можете. Прощайте, мой добрый друг.

Приписка Е.И. Пестель:

Мне следует из любви к истине сказать вам, что это письмо написано 26-го, что оно отправится только завтра, 27-го, но мы должны отослать его сегодня, чтобы не опоздать. Ваш добрый батюшка говорит вам только обо мне и не сказал, как он сам беспокоился, не имея от вас писем. Он всегда прячет свои страдания, чтобы заботиться о других. Дай Бог, чтобы однажды вы стали на него похожи! Я не могу пожелать вам лучшего.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 59–59 об.

---

[1] Жена генерал-майора Ивана Федоровича Удома (1768–1821), командира л.-гв. Литовского полка, в котором начал службу П.И. Пестель.

[2] То есть к И.Ф. Удому.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст-Петерб[ург], 30 апреля 1812

После вашего письма от 14-го сего месяца из Пскова мы не имели от вас известий, мой дорогой Павел. Это 3-е письмо, что я вам пишу. Поскольку каждую неделю отправляют трех курьеров в Вильну, я пользуюсь этим, чтобы сообщать вам наши новости. Матушка и я, мы пишем вам поочередно каждую неделю. Вот почему сегодня вы получаете письмо от меня, а в следующий раз вам будет писать матушка.

Мы все более или менее здоровы. Матушка, однако, все время более или менее страдает. У нее никогда не проходят боли, и она переносит их как нечто обычное с ангельским терпением.

С понедельника ваши братья вернулись в свои институты[1]. Я объявил Воло, что в этом году он не выйдет из корпуса. Вы знаете, как я упрекаю себя за то, что позволил вам выйти, так что судите, могу ли я согласиться на то, чтобы Воло вышел в свет и был бы предоставлен себе самому. Он еще таков, что если не переменится, то не сможет выйти и через два года.

Он, кажется, почти уверен, что станет камер-пажом в этом году, нет, пусть рассчитывает на свои заслуги, но он надеется все же им стать, поскольку находился в 1-м классе в прошлом году.

Поскольку я холодно порвал связь с Гогелем[2], он сделал мне три визита по поводу праздников и наконец застал меня. Он с интересом осведомлялся о вас. Клингер[3] меня по-прежнему не любит, и если судить по доброте его характера, останется с этим до самой смерти. Всего ему хорошего!!

Погода у нас самая неприятная, какая может быть в столь поздний сезон. Всего два дня назад снег шел крупными хлопьями несколько раз за день. Вот, мой добрый друг, все новости, какие я могу вам сообщить. Что до прочей болтовни праздной петерб[ургской] публики, не стоит труда ее слушать, и еще менее передавать, особенно же доверять почте.

Сообщайте нам свои новости как можно чаще. Вы сам хорошо знаете, какое удовольствие они нам доставляют и как нас интересует все, вас касающееся. Обни-

маю вас от всего сердца и благословляю также. Матушка делает то же. Кат[ерина] Дмитр[иевна][4] дружески вас приветствует. Ваши братья также. Благослови вас Бог и да руководит он вами. П.

P.S. Сообщайте мне точные новости о вашем здоровье. Пишите все нужные подробности на *отдельном листочке* и скажите мне также о ваших опухших гландах. Как вы? Не пренебрегайте ими, чтобы не расстроить совсем ваше здоровье.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 60–61.

---

[1] Владимир Пестель, как и Павел, учился в Пажеском корпусе; Борис числился там же с 1803 по 1810 гг., уволен из корпуса в марте 1810 г. с чином XIV класса, с 1810 г. помещен в пансион петровской школы в Петербурге (см. в записках Н.И. Греча: Отголоски 14 декабря 1825. Из записок одного недекабриста. Лейпциг: Э.Л. Каспрович, 1903. С. 3). Где учился Александр Пестель, неясно: по сведениям Н.А. Соколовой, он получил домашнее образование (Соколова Н.А. Семейство Пестелей и Россия: новые архивные материалы // Немцы в России. СПб., 2000. С. 360), хотя из писем родителей явствует, что он был в каком-то пансионе.

[2] Гогель Иван Григорьевич (1773 (или 1770) –1834) – генерал от артиллерии, в 1806–1813 директор Пажеского корпуса, 1810 – вице-директор Артиллерийского департамента Военного министерства, 1819 – директор Военно-ученого комитета. Автор ряда работ по военному делу.

[3] Клингер фон Фридрих-Максимилиан (Федор Иванович) (1752–1831) – немецкий писатель и драматург, на русской службе с 1780, лейтенант Морского батальона, придворный чтец Павла I, в 1781–1782 сопровождал Павла Петровича и Марию Федоровну в путешествии по Европе, в 1785 назначен капитаном в Сухопутный шляхетский корпус. В 1811 – генерал-лейтенант. В 1801 – директор Сухопутного шляхетского корпуса, 1802–1821 – член советов Смольного и Екатерининского институтов, управляющий всей хозяйственной частью учебных заведений, попечитель Дерптского университета и округа, с 1806 имел наблюдение над Пажеским корпусом, член Главного правления училищ. Автор множества романов и драм на немецком языке.

[4] Власьева Катерина Дмитриевна (1782 – ноябрь 1824), урожд. Бехтьева, жена коллежского асессора И. Власьева, двоюродная сестра Е.И. Пестель, близкий друг семьи Пестелей.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 5* *С.-Петерб[ург], 10 мая 1812*

Сегодня ровно месяц, мой дорогой Павел, как вы уехали отсюда, а мы получили от вас только одно-единственное письмо. А мы вам пишем 5-е. Я предпочитаю думать, что вы нам писали и что письма запаздывают и не дошли до нас. Я не могу себе представить, чтобы вы могли пренебречь сообщением нам своих новостей, так хорошо зная, какое удовольствие они нам доставят. Но, с другой стороны, я не могу вообразить, чтобы вы не придумали средства писать нам так, чтобы ваши письма доходили. Постарайтесь нас успокоить как только будет возможно, ибо если бы вы знали чувства отцов и матерей, вы бы нас больше щадили.

Матушка вас обнимает. Ее здоровье нехорошо. Она страдает более или менее, но почти никогда ей не бывает вполне хорошо. Она надеется переехать в деревню, которую мы занимали прошлым летом, к 20-му числу сего месяца. Все эти дни у нас был снег и не более 2 или 3 градусов тепла.

Вчера я был на погребении супруги вашего превосходного шефа. Матушка отправилась повидать ее 7-го**, но не была принята, потому что та была уже слишком слаба.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Цифра переправлена чернилами рукой И.Б. Пестеля, сначала было написано «8». Рядом карандашом, вероятно, рукой Е.И. Пестель, приписано «5». В следующем предложении рядом с числом «7» также карандашом поставлено «7».

А 7-го в 4 часа утра она умерла. Вы можете сказать вашему полковнику, что я видел всех его детей. Что они весьма скорбят, но в остальном здоровы. Что я буду их навещать время от времени и буду извещать его о них через вас. Передайте ему также поклоны от меня и от матушки.

Борис и Воло в своих институтах, и я их не видел. Александр вас нежно обнимает. Он не может дождаться момента, когда окажется в деревне. Софья выздоравливает от дизентерии, которая была у нее 4 дня и снова ее ослабила.

Прощайте, дорогой Павел. Благословляю вас, нежно обнимаю и прошу вас никогда не забывать, что есть Всевышний, который видит все ваши поступки и которому вы однажды отдадите отчет. Весь ваш.

P.S. Я получил письмо от вашего дяди Андрея, который шлет вам поклоны. Он потратил *восемь дней* на дорогу *с почтой* отсюда в Москву. *Das ist ein flincker Militaire*[*].

Приписка Е.И. Пестель:

Я только что вернулась, мой дорогой Павел, и застав батюшку занятым окончанием этого письма[**], добавлю к нему несколько строк, чтобы сказать вам самой, что я вас обнимаю, люблю и благословляю от всего сердца. Я была у Гогеля, где добилась, чтобы Воло на время моего пребывания в деревне был освобожден от урока религии и мог оставаться по воскресеньям допоздна, и это единственный случай изо всех. Затем, поскольку я не видела Воло, я прошла в корпус. Он возвратился *из сада* в карете. Он здоров и посылает вам тысячу приветствий. Имп[ератрица] Е[лизавета] снова спрашивала о новостях от вас, сказав с улыбкой, что вы ей простите, что она интересуется ими более для нас, чем для вас самих. Невероятно, как она знает все наши домашние подробности и то, что касается вас и остальных. Прощайте, мой добрый друг. Храни вас Бог. Вот моя ежедневная молитва.

Не подумайте, что мой ревматизм заставил меня сегодня писать так плохо, это потому, что меня дергают за волосы. Vale[***].

Приписка И.Б. Пестеля:

NB. Матушка велела себя причесывать, пока вам писала.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 62–63.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 6[****] *С.-Петерб[ург], 12 мая 1812*

После последнего, что я вам написал, дорогой Павел, мы имели удовольствие получить два ваших письма. Вы не можете себе представить, мой добрый Друг, с каким удовольствием я их читал. Богу было угодно, что вы благополучно прибыли в место своего назначения. Я бесконечно более спокоен с тех пор, как знаю, что вы закончили это несчастное путешествие в кибитке, которое меня так беспокоило. Если бы вы выехали вполне здоровым, я мог бы рассчитывать на ваши физические силы, но поскольку ваша болезнь еще не вполне прошла, я не мог быть спокоен.

Вы ничего не пишете мне о своем здоровье. Заботьтесь о нем хорошенько, пока вы на месте, чтобы оно служило вам в трудностях, к которым вы должны готовить себя. Сообщайте нам новости о себе как можно чаще.

---

* «Это проворный служака» (нем. яз.).

** В тексте письма И.Б. Пестеля рукой Е.И. Пестель (судя по цвету чернил и толщине пера) расставлены надстрочные значки над буквами и сделана мелкая правка орфографии.

*** Перед «Vale» рукой И.Б. Пестеля вставлен знак NB, отсылающий к его приписке.

**** № 6 поставлен И.Б. Пестелем, цифра переправлена, сначала было «7».

Вот письмо, которое г[осподин] Удом написал мне в ответ на то, где я рекомендовал вас его доброте. Старайтесь, мой добрый друг, становиться все более и более достойным его протекции. Я бы в высшей степени желал, чтобы он вас приблизил к своей персоне. Это вам полезно, чтобы узнать вполне службу и по всем прочим соображениям.

Я присутствовал на погребении покойной госп[ожи] Удом. Ее дети так горевали, что я был этим чувствительно тронут. Какие милые дети!

Если кто-то из ваших товарищей хочет писать родным в Петербург*, я охотно возьмусь доставлять их письма, в таком случае вы можете посылать их мне. Предложите это Адлербергу[1].

Я не имею ни писем, ни денег для Лукашевича[2], и я был весьма удивлен, что его дорогой батюшка не торопится хотя бы написать сыну.

Ваше старание избежать ненужной траты 25 руб. серебром за 60 верст доставило мне большое удовольствие. Продолжайте, мой добрый друг, в том же духе, и вы скоро сами увидите вознаграждение.

Прощайте, мой добрый друг. Прижимаю вас к сердцу, благословляю и снова обнимаю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 64–65.

---

[1] Адлерберг Владимир (Эдуард) Федорович (1791–1884), сын любимой подруги императрицы Марии Федоровны, вместе с Павлом Пестелем выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в л.-гв. Литовский полк, участник военных походов. Один из ближайших друзей великого князя Николая Павловича, с 1817 его адъютант, в 1823–1826 управлял его канцелярией по инженерной части, после 14 декабря 1825 – флигель-адъютант, помощник правителя дел Следственного комитета по делу декабристов. В царствование Николая I занимал высокие военные и придворные посты. В 1833 генерал-лейтенант, 1843 генерал от инфантерии. В 1842–1857 главноначальствующий над Почтовым департаментом, в 1852–1870 – министр императорского Двора. Сопровождал в поездках Александра II, участвовал в подготовке крестьянской реформы.

[2] Лукашевич Михаил Екимович (Якимович, Ефимович) (1794 – до 1850), товарищ Павла Пестеля по Пажескому корпусу, вместе с ним выпущен прапорщиком в л.-гв. Литовский полк, участник военных действий, в 1816 по болезни уволен от службы поручиком. В 1817 пехотный капитан.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 9** *С.-Петерб[ург], 28 мая 1812*

Последние письма, которые мы от вас получили, мой дорогой Павел, были от 12-го сего месяца. Они доставили нам поистине большое удовольствие своим разумным и основательным содержанием. Я восхищен, что ваш капитан оказался человеком основательным[1], и что вы сошлись с ним прежде, чем с вашими молодыми товарищами. Благослови вас Бог и помоги он вам всеми возможными способами избежать игры. Это одна из самых опасных страстей. Я весьма рад видеть из вашего письма, мой добрый друг, что вы сами чувствуете опасность вкуса к игре и что вы избегаете всяких обществ, где могут находить в ней вкус.

Содержание ваших лошадей не дорого, если сравнивать с тем, что истратили другие, но в остальном *140 руб.* за 6 недель содержания *двух лошадей*, это довольно дорого даже по здешним ценам. Я уверен, что вы не только будете избегать всех бесполезных расходов, но что вы даже будете экономить, насколько обстоятельства вам позволят. Вы знаете, дорогой Павел, как мы бедны, и что мне случается иногда не иметь в доме

---

* «Петербург» написано над зачеркнутым «Москву».

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

ни гроша. Несмотря на это, я сделаю все возможное, чтобы вы не испытывали затруднений, и я даже говорил об этом с госп[одином] Удомом в одном из писем.

Не говорю вам ничего о матушке и ваших братьях, поскольку они все намереваются написать вам сами. Матушка в деревне. Я навещаю ее столь часто, как могу. Ее здоровье не хорошо, в настоящий момент у нее сильный насморк и кашель, который ее мучает. Реманн[2] (который вами в высшей степени интересуется) надеется, что лекарства, которые он ей даст этим летом, помогут ей и восстановят ее здоровье. Я надеюсь на то же в отношении Софьи, которая все так же, как и при вас. Он даже находит, что она ходит не лучше, чем раньше. Реманн читает ваши письма с большим удовольствием и истинно вас любит. И всякий раз, когда он находит там свое имя, он бывает в восторге. Вы должны написать ему и сообщить что-нибудь о вашем здоровье. Оно его бесконечно интересует. Вообще, все наши знакомые осведомляются о вас с большим интересом. Кат[ерина] Дмитр[иевна] любит вас от всего сердца. Она говорит о вас с нежностью и привязана к вам, как к собственному брату.

Вы не можете представить, какая у нас погода, еще ни одного летнего дня. Вчера было довольно тепло, но ветер такой неприятный, что едва возможно гулять. Сегодня дождь идет.

В субботу и воскресенье я провел два дня в деревне у матушки. Вернулся в воскресенье вечером. Борис также был там, и Воло тоже. Последнему нанесли визиты товарищи. Захаров[3] приехал в **дрожках** тройкой, за которые заплатил *15 руб.* за несколько часов. ***Жилинский***[4] и еще другой, имя которого я позабыл, прибыли после. Старший Ханыков[5] приехал верхом. Воло сделал с ним прогулку верхом, сев на лошадь Ханыкова, а ему дав лошадь Александра. В воскресенье *Левенберг*[6] приезжал его повидать. Из всех этих молодых людей последний мне понравился больше всех. Что до других, особенно первые двое мне не понравились, и по моим сведениям, они не пользуются в корпусе хорошей репутацией. Скажите мне откровенно, мой добрый друг, что *вы* думаете об этих молодых друзьях Воло. Я хотел бы удержать его от опасных связей. Он сейчас в том возрасте, когда связь с шалопаями может стать весьма губительной, а поскольку он не имеет еще никакой основательности в характере, надо им руководить и присматривать за ним. Мне горестно видеть, что он вовсе не прилежит к учебе. Он уверен, что скоро по старшинству станет камер-пажом и очень этим доволен. Слабость его познаний и отсутствие основательности в его характере убеждают меня не позволить ему выйти из корпуса в этом году. Я смогу хотя бы присматривать за ним, иначе, выйди он в полк, придется его предоставить самому себе, а это пока невозможно.

Я весьма раздосадован, что ваша верховая лошадь так испорчена. Если вы не можете ею пользоваться, постарайтесь обменять ее как можно выгоднее и прибавьте небольшую сумму, чтобы получить лошадь, которая будет вам хороша.

Здесь продолжают надеяться, что войны не будет. Да исполнится воля Божья, чтобы он устроил все к лучшему, к пользе нашего дорогого отечества и нашего превосходного государя, дай ему Бог всего наилучшего.

Прощайте, мой добрый друг. Обнимаю вас нежно и благословляю от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 66–67 об.

---

[1] Самбурский Аким Петрович, в 1812 капитан л.-гв. Литовского полка, в 1815–1817 командир Черниговского пехотного полка.

[2] Реманн (Реман, Рейман) фон, Осип Осипович (1779–1831), доктор мецицины, уроженец Бадена, выпускник Венского университета. Известный московский и петербургский врач, друг семьи Пестелей. В 1805–1807 доктор при российском посольстве в Китае, надворный советник. Член различных медицинских обществ. С 1811 член медицинского совета Министерства по-

лиции, затем Министерства внутренних дел. В сентябре 1813 назначен лейб-медиком при дворе е. и. в. В 1814 – надворный советник, в 1816 – коллежский советник, в 1821 – статский советник. В 1816–1819 в заграничном путешествии. В 1820 – лейб-медик Высочайшего двора, в 1821 – генерал штаб-доктор гражданской медицинской части Генерального штаба. Умер от холеры.

[3] Захаров Николай, соученик В.И. Пестеля по Пажескому корпусу, выпущен в 1812 корнетом в Изюмский гусарский полк, убит в 1814.

[4] Товарищами В.И. Пестеля по Пажескому корпусу были два брата Жилинские, выпущенные, как и он, в 1813. Карл Осипович Жилинский выпущен прапорщиком в Кексгольмский гренадерский полк, в чине капитана уволен из л.-гв. Литовского полка в 1822. Андрей Осипович Жилинский выпущен корнетом в конно-польский уланский полк, уволен подпоручиком из 3-го Морского полка в 1820.

[5] Ханыков Петр Петрович, в 1814 выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в л.-гв. Измайловский полк.

[6] Левенберг Иван Иванович, соученик В.И. Пестеля по Пажескому корпусу, выпущен в 1813 прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк, в 1826 в чине майора уволен к статским делам.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 11* *С.-Петерб[ург], 10 июня 1812*

Отвечаю вам, мой дорогой Павел, на два ваших письма, первое от 17-го № 7 из [Скойсе (?)] и второе № 8 от 28 мая из Вильны. Оба доставили нам равное удовольствие. Я как нельзя более доволен, мой добрый друг, видеть из ваших писем, что вы мальчик серьезный, здравомыслящий и что вы любите своих родителей и братьев. Я молю Бога за вас, мой добрый друг, каждый день и надеюсь, что Всевышний будет к вам милостив, благословит и будет руководить вами. Доверьтесь Ему. Обращайтесь к Нему с молитвами, если вы в затруднении, о чем бы ни шла речь. В минуты грусти и даже горя (их столько в этом мире) у Него вы найдете утешение скорее, чем у всех прочих.

Через несколько дней (24-го сего месяца) будет ваш день рождения. Вам будет *19 лет*, мой добрый друг. Начните этот день с обращения к нашему Спасителю. Просите Его, чтобы он взял вас под Свою святую охрану, чтобы он даровал вам истинное чувство христианской религии в душе, дабы оно запечатлелось там неизгладимо. Дабы он составил счастье вашей жизни. Не будем никогда забывать, мой добрый друг, что мы находимся в этом мире лишь для того, чтобы приготовиться быть достойными вечного счастья, ожидающего нас в Выси. Что все в этом мире заботы, горести, даже беды мы имеем лишь для того, чтобы исправить и усовершенствовать себя. Если вы приучите себя, мой добрый друг, хорошенько исследовать все, что с вами происходит неприятного, вы легко обнаружите причины, по которым было необходимо для вашего блага, чтобы это с вами произошло. А если вы глубже изучите причины, вы придете к тому, что часто сможете предупреждать и всегда переносить с мужеством и покорностью все случающиеся с вами превратности. Я на коленях буду молиться Богу за вас, мой дорогой Павел, *24-го сего месяца*. Это весьма радостный день для моего сердца. Благословение мое и вашей превосходной матушки (которая вас нежно обнимает) особенно в этот день будет с вами. Мы вместе прольем несколько слез нежности к нашему первенцу. И мы будем с вами, хотя и разделенные телесно, мы, конечно, не будем разделены в душе. Матушка и ваши братья напишут вам на будущей неделе. Бедная матушка весьма страдает от простуды, которую схватила в первые дни по приезде в деревню. У нее болят зубы и опухли гланды. Ваши братья и Софья все совершенно здоровы.

* № 11 поставлен И.Б. Пестелем. По тексту письма кое-где расставлены надстрочные значки и исправлена орфография, по-видимому, рукой Е.И. Пестель.

После вашего отъезда мы получили все ваши письма, мой дорогой Павел. Не хватает только двух, из *Опочки* и из *Дубровки*, все остальные пришли к нам в точности.

Бедный госп[один] Удом, я очень расстроен из-за горя, которое ему причинила смерть жены. Я его бесконечно уважаю и очень ему признателен за доброту к вам. Скажите это ему, мой добрый друг.

Благодарю вас, мой дорогой, за записочку, которую вы приложили к вашему последнему письму, касающуюся вашего здоровья. Я сообщил ее Реманну, который хотел сам вам написать. Я надеюсь получить его записку до того, как запечатаю это письмо, тогда я вам ее пошлю. Не пренебрегайте вашим здоровьем, умоляю вас. Оно из числа вещей самых важных, особенно для военного. Реманн любит вас от всего сердца. Он со слезами на глазах читает ваши письма и всякий раз восклицает: «das ist gewiß ein junger Mann der ihnen viele Ehre machen wird und schon macht»*.

Катерина Дмитр[иевна] искренне вас любит. Она всегда радуется, когда мы получаем новости от вас, и ей доставляет большое удовольствие, когда есть что-нибудь любезное *для нее*. Госп[ожа] Нагель[1] тоже, и могу сказать, что все ваши здешние знакомые с интересом о вас осведомляются. Скажите в ваших письмах также что-нибудь для маленькой Аннет[2] Кат[ерины] Дм[итриевны].

Известие о мире с турками доставило здесь всем большое удовольствие. Я радуюсь от всего сердца. Это значит, что все силы могут быть собраны против врага рода человеческого. Да благословит Бог меры нашего превосходного государя и да руководит нашими войсками!!! Вот мои молитвы от сердца, желающего блага своему отечеству.

Лукашевич вовсе не выиграл в моем мнении с тех пор, как я узнал его ближе. У него совершенно [нрзб.] *маленького богача*. Я еще не получил за него ни гроша, и не могу вернуть 275 руб., которые потратил на него, ни послать ему письма и деньги от его отца, который, кажется, нашел другое средство доставить их к нему. Это тем выгоднее, что мне заплатят, только когда захотят. Если Лук[ашевич] имеет деньги, заставьте его заплатить эту сумму и оставьте ее себе, известив меня об этом. Если у вас не будет денег, попросите у *госп[одина] Удома*, и пусть он тут же мне укажет, кому возместить здесь то, что он будет иметь любезность и доброту ссудить вам.

Германны[3] получили письма из Вильны от 31 мая, в которых им пишут, что е[го] в[еличество] имп[ератор] провел парад всех полков гвардии. Что он был очень доволен и что все полки получили приказ поступить под команду кн[язя] Багратиона[4]. Не могу на это сетовать, ибо Баг[ратион] известен как бравый и храбрый воин, к тому же имеющий опыт.

Вы не можете вообразить, мой добрый друг, сколько удовольствия мне доставляет видеть из вашего последнего письма, что вы вполне довольны командиром своего полка.

Я надеюсь, что все наши письма до вас дойдут. Сообщите нам, мой дорогой, аккуратно ли они к вам приходят. Я всегда посылаю их через канцелярию кн[язя] Горчакова[5], который отправляет их с *фельдъегерями*, едущими каждые два дня в Вильно.

Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Прижимаю вас к сердцу со всей нежностью, какую к вам питаю, а это много значит, уверяю вас. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 68–70 об.

---

[1] Неясно, какой Нагель был другом И.Б. Пестеля. Существуют сведения о ряде носителей такой фамилии, принадлежавших разным социальным стратам. Вольдемар Нагель, в 1817 доктор медицины; Роман Иванович Нагель, в 1822 штаб-лекарь, ординатор Калинкинской больницы. Людвиг (Илларион) Тимофеевич Нагель, служивший с середины XVIII в., генерал-майор,

* «Несомненно, этот молодой человек сделает вам много чести, и уже делает» (нем. яз.).

в 1791–1797 иркутский гражданский губернатор, затем военный губернатор в Риге, умер в 1807 или после 1807. Нагель Павел Илларионович – полковник, в мае–августе 1816 командир Московского гренадерского полка. Была также генеральша Луиза фон Нагель (1791–1870). Представляется вероятным, что последние трое были членами одной семьи и как раз и являлись знакомыми Пестелей. Далее в письмах упоминается некий Иосиф Нагель, лицо неустановленное (см. письмо Е.И. Пестель от 13 ноября 1813).

[2] Анна Ивановна, дочь Е.Д. Власьевой (р. 1807), троюродная сестра П.И. Пестеля, впоследствии (с 1824) замужем за декабристом И.Ю. Поливановым.

[3] Нет сведений, с какими именно Германнами (Германами) были дружны Пестели. Готовясь к Пажескому корпусу, Павел Пестель занимался с преподававшим там профессором Петербургского университета Карлом Федоровичем Германом (1767–1838), историком, экономистом и статистиком. Позднее, в 1816, П.И. Пестель слушал у него курс политэкономии. Неизвестно, входил ли К.Ф. Герман в число друзей семьи Пестелей. Сохранились сведения о нескольких Германах, бывших в военной службе: на 1812 г. в армии служили Герман Александр Иванович, поручик л.-гв. Преображенского полка; Герман Иван Григорьевич, подпоручик Копорского пехотного полка; существовал также некий Герман, имя которого неизвестно, с 1817 генерал-майор, с 1826 генерал-лейтенант, на службе по октябрь 1826.

[4] Багратион Петр Иванович (1769–1812), кн., генерал от инфантерии, 16 марта 1812 г. назначен главнокомандующим 2-й Западной армией. Л.-гв. Литовский полк, в котором служил П.И. Пестель, входил в состав Гвардейской пехотной дивизии, действовавшей в составе 1-й Западной армии под командованием М.Б. Барклая де Толли.

[5] Горчаков Алексей Иванович (1769–1817), кн., генерал-лейтенант, с августа 1812 управляющий Военным министерством, руководил обеспечением армии всеми видами довольствия. С августа 1814 генерал от инфантерии.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 13* *С.-Петерб[ург], 21 июня 1812*

Пишу вам сегодня, мой дорогой Павел, потому что опасаюсь, что наши письма будут приходить к вам с большими сложностями, если дела еще запутаются. По всем слухам и официальным новостям, которые мы имеем, кажется, что надо каждую минуту ожидать кровавого дела. Нынешняя война интересует меня вдвойне и по самым чувствительным причинам. Прежде всего как ревностного патриота и потом как отца. То и другое является священным долгом для моего сердца. Каждое утро и каждый день я прошу Бога за вас, мой добрый друг. Я прошу у Него милости дать вам случай отличиться и доказать свою ревность к отечеству. Вот уже около 200** лет наша семья не имеет иной родины, кроме России. Ваш дед родился в России. Он был воспитан монаршим попечением в кадетском корпусе. Я же не только родился в России, но и никогда не выезжал за пределы моей родины. Да руководит вами Всевышний и даст вам случай обнаружить ваши способности и образ мыслей, а за остальное я спокоен, ибо уверен, что тогда вы отличитесь. Ваша матушка чувствует себя лучше и, быть может, совсем бы поправилась, если бы могла быть спокойнее. Я уверен, что она была бы в отчаянии, если бы вы не были на войне, т. е. там, куда призывает вас долг; но с другой стороны, она предпочла бы, чтобы ваша жизнь не подвергалась опасности. Это так естественно. Что до меня, мой добрый друг, я думаю как дорогая матушка, но в душе уверен, что наш Спаситель вас охранит, будет руководить вами и пошлет нам счастье вновь вас увидеть и обнять как молодого героя, который умел воспользоваться всеми случаями, чтобы отличиться. Не надобно их искать, но если они представятся, то воспользоваться ими с честью и храбростью. Вновь посылаю вам мое благословение, дорогой Павел,

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Первоначально фраза начиналась «Уже 230», эта цифра переправлена, зачеркнута и написано «около 200».

и советую вам начинать все дела с обращения с молитвой к вашему Спасителю Иисусу Христу. Он приведет вас ко всему, что может быть полезным и спасительным.

Я видел в **приказах**, что есть произведенные из камер-пажей, выпущенных годом раньше вас прапорщиками, потому что недостаточно выучились, чтобы получить чин выше, напр[имер], Глазенап – один из корпусных невежд[1]. Пусть это вас не обескураживает, мой друг, коли они окажутся старше вас в чине, это не могло быть иначе. Что скажут, если вы их обойдете не по старшинству, но по отличиям? С Божьей помощью, я надеюсь, это произойдет.

Если у вас случится нужда в деньгах, просите вашего полковника дать их вам на мой счет. Я выплачу их здесь тому, кого ему угодно будет указать. Я ему уже писал об этом.

Я чувствую себя довольно хорошо, как и ваши братья и Софья. Все вас нежно обнимают. Я совершенно уверен, что братья искренне вас любят. Я вижу тому несомненные доказательства.

Вот письмо от Реманна. Напишите ему, мой добрый друг, если сможете. Он весьма искренне интересуется всем, что вас касается. Кат[ерина] Д[митриевна] шлет вам тысячу поклонов, она любит вас всем сердцем. Ваш дядя Федор Ив[анович][2], как и Никол[ай] Борис[ович], усердно вам кланяются. Последний, несмотря на свой эгоизм, с интересом осведомляется о вас.

Матушка вас обнимает и благословляет, как и я, мой добрый друг и дорогое дитя. Я чувствую как никогда, как я вас люблю. Старайтесь, мой добрый друг, доставить удовлетворение вашим родителям, и я уверен, что вы исполните свой долг как человек чести, и как добрый христианин, и, несомненно, также как подданный, отличный во всех отношениях. Прощайте, мой дорогой, благословляю вас от всей души. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я только что приехала из деревни, как раз вовремя, чтобы прибавить здесь самой, что я вас люблю и благословляю от всего сердца, и что с тех пор как объявлена война, не проходит ни минуты, чтобы я не думала о вас, дорогой и добрый друг, и что я только и молю Бога хранить вас, чтобы я имела счастье вас обнять при вашем возвращении безо всякого горя. Сбудется ли это?

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 71–72 об.

---

[1] Глазенап Александр Григорьевич, выпущен из Пажеского корпуса в 1810 в л.-гв. Семеновский полк прапорщиком, в 1812 подпоручик того же полка, в 1826 полковник, впоследствии генерал-майор, уволен от службы в 1846. Сын генерал-майора Григория Ивановича Глазенапа, начальника войск в Сибири, враждовавшего с И.Б. Пестелем.

[2] Крок Федор Иванович (1739–1818), двоюродный (?) брат Е.И. Пестель, дипломат.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 15* *С.-Петерб[ург], 14 июля 1812*

Я запоздал, мой дорогой Павел, писать вам, поскольку хотел быть уверенным, что мои письма до вас дойдут. Тем временем прибыл аудитор вашего полка, который откладывал отъезд со дня на день; наконец он собрался ехать завтра, так что спешу ответить на четыре ваших письма № 13, 14, 15 и 16. Последнее от 29-го** прошлого месяца.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем. По тексту письма кое-где расставлены надстрочные значки и исправлена орфография рукой, по-видимому, Е.И. Пестель.

** Цифра вставлена другими пером и чернилами, видимо, рукой Е.И. Пестель.

Содержание ваших писем меня тронуло и доставило мне самое чувствительное удовольствие. Они отражают характер человека чести, ревностного солдата, ревностного патриота и нежного сына. Каждого из этих званий было бы довольно, чтобы доставить мне удовольствие – судите, дорогое дитя, о чувстве, которое они должны были произвести в моем сердце собранные вместе. Вы рассчитываете, мой друг, на помощь Всевышнего и на благословение ваших родителей. Последнее вы имеете искренне и нерушимо. Что до первой, вы несомненно также без нее не останетесь, коли обратитесь с доверием к нашему Спасителю Иисусу Христу. Каждый день я прошу Его святого благословения, мой дорогой друг, и когда я молю Бога *за вас*, дорогое дитя, то чувства моей души так сильны und es gehet vieles in meiner Seele vor, was mir beweiset wie zärtlich ich dich meinen guten Jungen liebe!!!* Этот Всевышний, в которого не верят, облегчит ваши лишения, физические и моральные. Он поддержит вас в тяжелых трудах. Он охранит вас среди опасностей, в которых вы находитесь. Наконец, Он вознаградит вас за ревность и за все, что вы совершите похвального и отличного. Пред Ним я прошу за вас! От Него я жду помощи всей нашей армии и нашему отечеству! Он поддержит нашего превосходного государя и вернет отдохновение и спокойствие Его стране, покарав творца несчастий и бич рода человеческого. Все, что мы знаем о нашем положении в целом (а этого немного, поскольку новые передвижения старательно прячут) вправду внушает беспокойство, но ничуть не безнадежно. Наше отечество имеет ресурсы, и чем более враг удаляется от границ, тем более трудным обещает быть его отступление. Одно хорошее сражение и средство окружить его, и он сможет найти свой конец в нашей стране, как нашел его уже Карл XII. Да свершится воля Божия, пусть он покарает нас, но как отец, а не как суровый судия!! Я очень доволен вашими письмами, даже в отношении осмотрительности. Наши принципы состоят в том, что надо всегда следовать с точностью воле наших начальников, а поскольку наш госу[дарь] находит благоразумным не позволять ничего говорить, и тем более писать, об обстоятельствах, в коих мы находимся, надо этому подчиняться, не говорить об этом и тем более не писать.

Мы очень вам обязаны, мой добрый друг, за то, что вы пользуетесь всеми возможностями, чтобы извещать нас о себе. Продолжайте, дорогое дитя, делать так и в будущем, ибо чем более запутанными станут дела, тем больше мы будем заинтересованы иметь новости *о вас и вашем здоровье*, пусть будет лишь сказано: *я в таком-то месте, мое здоровье таково, мои финансы таковы*. Этот последний пункт весьма нужно знать, чтобы смочь вовремя помочь вам. Я просил *госп[одина] Удома* снабжать вас деньгами, если у вас будет в них нужда, что я ему выплачу *здесь* кому он прикажет, но не получил от него ни ответа на этот пункт, и никакого распоряжения о выплате денег. Повторите ему эту просьбу, представив ему [неопределенность?], в которой я ему снова говорю об этом. Тем временем я воспользуюсь этой оказией, чтобы послать вам столько денег, сколько позволят мои средства в данный момент. Эти средства состоят в займах, и я пошлю вам все, что мне дадут. Я укажу вам в конце этого письма сумму и в каких монетах я ее пошлю вам, мой добрый друг.

Не говорю вам ничего ни о матушке, ни о ваших братьях, поскольку матушка предполагает вам писать и расскажет в деталях. Я же здоров и прошу у Бога счастья вас снова увидеть как можно скорее – довольного и счастливого. Вот чем наполнены мои молитвы в настоящий момент.

Я имею большое удовольствие слышать, с каким истинным интересом все ваши знакомые осведомляются о вас. Все наши здешние родные жадны до ваших новостей, в их числе Кат[ерина] Дм[итриевна], несомненно, интересуется ими искренней всех и любит вас всем сердцем. Ник[олай] Борис[ович], этот столь холодный дядя, тоже

* «И многое совершается в моей душе, что доказывает мне, сколь нежно я люблю тебя, мой милый мальчик!!!» (нем. яз.).

бывает в восхищении, если есть от вас хорошие новости, и поручает мне передать вам его поклоны.

Оставляю перо, чтобы отправиться за деньгами, по возвращении продолжу.

Я только что вернулся, и вот записка о деньгах, которые вам посылаю. Der liebe Gott seegne diese Sum[m]a die ein wohlgesin[n]ter dich zärtlich liebender Vater dir zusendet*. Ваш аудитор ждет меня уже час, я должен заканчивать, обнимая вас от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 73–74 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 17 *С.-Петерб[ург], 30 июля 1812*

Хотя прошло всего пять дней, мой дорогой Павел, с тех пор как я вам писал (мое предыдущее письмо № 16 было от 24-го), спешу воспользоваться обязательным предложением гр[афа] Аракчеева[1], который сказал мне вчера прислать ему письма для вас и сказать вам, чтобы вы адресовали прямо ему те, что будете писать ко мне. Он заверил, что мы будем аккуратно получать их. Поскольку граф находится в настоящее время при персоне е[го] в[еличества] имп[ератора], и он во главе военных дел по всему, относящемуся к прямым приказам государя, то никто не в состоянии доставлять наши письма вернее, чем такая особа.

Матушка нежно вас обнимает. Поскольку она в деревне, а я не хочу упустить оказию вам написать, возможно, что она не напишет, ибо у меня не будет времени дожидаться присылки ее письма. Эта превосходная мать неспокойна с тех пор, как вы нас покинули, но при полном доверии ко Всевышнему надежда ее поддерживает.

С приездом сюда е[го] в[еличества] имп[ератора] все время приходят превосходные новости о наших войсках. Они совершенно побеждают повсюду, где сражаются. Я каждый день горячо молю Бога за вас, мой добрый друг, и вообще за успех нашего доброго дела.

Камер-пажи и пажи получили позволение выйти *всем* без исключения, чьи родители того пожелают. Предназначенных к выпуску до 40, поскольку начальники не позволяют, чтобы вышли те, кто еще очень мал, слишком молод или слаб, за этим исключением, я думаю, весь корпус опустеет. Что до меня, я решился оставить Воло еще в корпусе. Вы знаете мое мнение об этом корпусе, так скверно управляемом Клингером. Таким образом, не мое благоприятное мнение о пребывании там для молодого человека побуждает меня оставить там Воло, совсем напротив, я досадую, что принужден к тому слабостью здоровья Воло. Он растет чрезмерно, чему я приписываю его слабость, ибо он все время страдает то от боли в груди, то от боли в голове и пр., и пр. Малейшая усталость его побеждает, а ваш собственный опыт доказывает вам, что на войне надо быть в состоянии пренебрегать невзгодами погоды и усталостью. Он будет сделан *камер-пажом*, как только другие выйдут. Это более счастье, чем заслуга. Чего стоило вам стать камер-пажом! Вы были вознаграждены, мой добрый друг, не выпуском, который был, конечно, весьма неудачен для вас, но мнением всех тех, кто говорит о корпусе, поскольку даже ваши враги отдают вам справедливость. Вот тому доказательство. Тулубьев, ваш враг, узнавши, что Татищев интриговал[2], чтобы получить больше него баллов на экзамене, сказал в присутствии Воло: Пестель мне уже доставил огорчение, но тот, «**он, по крайней мере, умен и знает более меня, а этот дурак, и когда ему дадут более баллов, нежели мне, так я ему лоб раскрою!**» Это сказано в горячности

* «Благослови Господь эту сумму, которую послал тебе доброжелательный и нежно любящий тебя отец» (нем. яз.).

и доказывает, что даже ваши враги отдают справедливость вашим познаниям. Благой Бог несомненно вознаградит вас в будущем за все тяготы, которые вы понесли. Такого рода хорошие поступки никогда не остаются без награды.

Мне любопытно знать, как кончится экзамен. Ибо все те, кто получил позволение выйти, будут подвергнуты экзамену, который определит баллы каждого. Эти баллы будут представлены е[го] имп[ераторскому] в[еличеству], который определит выпуск и чины. Камер-пажи не ожидают большего, чем стать *прапорщиками*. Вообще, нет ни одного, кого можно сравнить с вами и Адлербергом, и даже с некоторыми другими из вашего выпуска, послабее вас двоих. После вашего выпуска корпус много потерял. Никто больше не стал бы работать, а поскольку не ожидали сейчас экзамена, то они вовсе не подготовлены. Это будет прекрасный выпуск и служба получит очень способных офицеров!!!

Матушке сейчас не столь приятно в деревне, как было поначалу. Там устроились госп[ожа] Герхардт с 4 детьми, госп[ожа] Рихтер[3] со своими двумя сестрами и также 4 детьми. С тех пор как установилась хорошая погода, там суета, мешающая Александру брать уроки. Все эти дамы только и делают, что бегают, и всякую минуту одна, а часто и все, являются отрывать матушку от ее занятий. Старая госп[ожа] Медек[4] особенно меня смешит. Эта женщина, которой уже 40 лет, занята только беготней, всякий момент является с новостями, это немного забавляет, но затянувшись, прискучивает.

Ваш дядя Леонтьев здесь уже несколько дней. Он приехал один по делам службы и завтра возвращается в Тессин [?], где находятся его жена и дети. Мы прочли ему некоторые из ваших писем, и он со слезами на глазах читал то место, где вы говорите, *что с благословением ваших родителей вы исполните свой долг верного гражданина и ревностного солдата*. Он сказал, что всегда ожидал, что наш дорогой Павел отличится при любой возможности. Ах! Да, мое дорогое дитя. Я в этом совершенно уверен и прошу Всевышнего послать вам благоприятную возможность, благословляя вас от глубины души.

То, что вы мне говорите о слабости здоровья вашего превосходного полковника Удома, меня весьма огорчает. Укрепи его Бог. Это верный и полезный подданный, а в данный момент наш августейший государь нуждается в таковых, как никогда!!

Я никогда так не гордился тем, что я русский, чем теперь. Вы не можете себе представить, мой добрый друг, сколько сейчас истинных патриотов, готовых пожертвовать всем на благо отечества. Не может быть, чтобы провидение покинуло нашу страну и не благословило мудрые меры нашего августейшего государя, который так доказывает в это самое время, насколько счастье его подданных и слава его империи берут его за сердце.

Сообщайте мне свои новости, мой добрый друг. Мы их не имели с 29-го числа прошедшего месяца. Скажите мне, все ли наши письма до вас дошли. Признаюсь вам, меня беспокоит, что я не знаю, что вы делаете и где вы. Я опасаюсь за ваше здоровье больше, чем о всякой другой вещи. Говорите мне откровенно о состоянии вашего здоровья, мой добрый друг. Сильная жара весьма неблагоприятна для болезни, с которой вы отсюда уехали и которую ваша ревность к службе не позволила вполне вылечить до отъезда. Бог, который есть наша единственная поддержка, да руководит и хранит вас!!!

Ваши братья все чувствуют себя очень хорошо. Они вас нежно обнимают. Софья тоже. Она здорова, но ее силы все еще не соответствуют возрасту, хотя она ходит одна и даже довольно быстро, но она не бегает и не имеет еще крепости в ногах, как следовало бы уже по ее возрасту.

Прощайте, мой добрый друг. Нежно вас обнимаю, прижимая к сердцу, со всеми чувствами отца, а этим много сказано, дитя мое. П.

P.S. Вот адрес графа Аракчеева, который вы поместите на конверте, вложив в него запечатанное письмо на мой адрес.

Его сиятельству милостивому государю графу Алексею Андреевичу Аракчееву*. П.

* Адрес написан по-русски.

Приписка Е.И. Пестель:

Поскольку не моя очередь писать вам, мой дорогой и добрый друг Павел, я прибавлю несколько строк к письму вашего доброго батюшки. Всего три дня назад мы получили ваше письмо № 21 от 16 июня. Оно должно было стоить вам трудов, поскольку содержало разом письма ко всем вашим братьям и к Джексону[5], и было бы поистине досадно и вам, и нам всем, если бы этот № потерялся. Братья напишут вам в следующий раз. Борис навел столько порядка в своих делах, что я вам отослала в последний раз (как он утверждает) старое письмо, которое я нашла в тетради после его возвращения к Шуберту[6], тогда как у него в портфеле лежит новое написанное к вам письмо. Вот два письма, которые мад[ам] Рихтер и м[адемуазе]ль Шарлотта очень просят вас передать. Они не знают, как доставить известия о себе мужу и брату, потому что у них не берут больше писем, которые они отсылали в канцелярию Г.А.* Постарайтесь их доставить. Уже четыре недели, как у нас нет от вас новостей, дорогой друг! Бог знает, в состоянии ли вы еще писать. Когда мне говорят о деле, я становлюсь всех цветов, пока не узнаю судьбы гвардейцев; а когда узнаю, что они были в огне, я буду в смертельном беспокойстве. Да хранит вас Бог, дорогое дитя! Если Адлерберг или Пущин[7] захотят писать, не имея оказии, вы можете взяться доставить их письма. Я ничего не говорю вам о Лукашевиче: в сущности это дурной человек. А госп[один] его отец, который даже не ответил батюшке и не потрудился заплатить долги сына! Кажется, der Apfel fällt nicht weit vom Stamm**. Прощайте, обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 75–79 об.

---

[1] Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф, генерал от артиллерии, председатель Департамента военных дел Государственного совета, член Комитета министров, сенатор, в мае 1812 сопровождал Александра I в Вильну, находился неотлучно при императоре, ведал комплектованием войск и ополчения, был единственным докладчиком по военным и др. вопросам.

[2] Среди выпускников Пажеского корпуса 1812 г. были два Тулубьева и два Татищева. Неясно, кто из них имеется в виду в письме. Тулубьев Александр Дмитриевич был выпущен прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк, в 1828 уволен в чине полковника; Тулубьев Александр Никитич выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк, уволен в 1826 в чине полковника; Татищев Николай Алексеевич выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк, умер в 1815; Татищев Никита выпущен прапорщиком в 1-й егерский полк, в 1827 уволен в чине подполковника.

[3] Герхардт (Gerhardt) – лицо не установлено. Рихтер – жена полковника л.-гв. Егерского полка Бриса Христофоровича Рихтера.

[4] Лицо не установлено.

[5] Англичанин Джексон был одним из учителей П.И. Пестеля, в бумагах декабриста сохранилось одно письмо к нему от Джексона, датированное декабрем 1809, на английском языке (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 81–82.)

[6] Возможно, Борис учился в пансионе Шуберта.

[7] Пущин Николай Николаевич (1792–1848), товарищ Павла Пестеля по Пажескому корпусу, вместе с ним выпущен прапорщиком в л.-гв. Литовский полк. При Бородино ранен пулей в ногу и получил золотую шпагу «за храбрость», участник кампании 1813–1814 гг. С 1817 служил в батальоне л.-гв. Литовского полка, находившемся в Варшаве. Был любимцем великого князя Константина Павловича, однако в результате конфликта с ним в 1823 судим и разжалован в рядовые. В том же году прощен по просьбе великого князя Константина, возвращен в чин капитана. Отличился при подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В 1836 – генерал-майор, в 1848 – генерал-лейтненант.

---

* В оригинале «G.A.», инициалы написаны невнятно.

** «Яблоко от яблони недалеко падает» (нем. яз.).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 22 С.-Петерб[ург], 28 августа 1812*

Ваше письмо, мой дорогой Павел, доставило мне величайшее удовольствие. Оно носит отпечаток вашего характера и образа мыслей, и я благодарю Всевышнего, давшего вам то и другое такими, какими вы обнаруживаете их в своем письме от 13-го сего месяца. Я получил его в тот же день, как писал вам мой № 19, к которому приложил № 20 от вашей матушки. Не вхожу ни в какие подробности относительно того, как вы до сих пор воевали, но могу сказать только, что весь свет и даже самые горячие патриоты радуются, что командование армиями было дано кн[язю] Кутузову[1]. Дай Бог, чтобы мнение публики оправдалось!!! От его мер зависит теперь благополучие нашего отечества. Никогда враг не сокрушит нас, как сделал во всех прочих странах, но он может заставить страдать страну и ее обитателей там, где окажется.

Я приношу за вас, мой дорогой друг, самые горячие молитвы Всевышнему. Быть может, он исполнит мои молитвы, и тогда, дорогое дитя, ничто не помешает вашему благополучию.

То, что вы мне говорите о деньгах, что вы не полагаете возможным доставать их так легко, как я надеялся, через госп[одина] Удома, вовсе не неожиданность для меня. Коли он мог не ответить на матушкино письмо и на два моих, казалось очень вероятным, что он не слишком спешит оказать мне услугу. Я совершенно с вами согласен, мой друг, что не следует без самой крайней необходимости вынуждать его услужить нам; но если нужда будет срочной, я не сомневаюсь ни минуты, что он доставит вам любую помощь, какую будет в состоянии, и вы бы ошиблись, не прибегнув к нему как к вашему начальнику, тем более что он обходится с вами хорошо и при всяком случае выказывал хорошее о вас мнение, которое надо стараться сохранить как только можно. Вообще же, мой друг, сделайте своим постоянным правилом стараться приобретать себе как можно больше друзей. Тех, кто по видимости не отдает вам справедливости в своем мнении, старайтесь вывести из заблуждения. Ах! Как сладостно привлечь к себе того, кто от вас отдалялся из-за неблагоприятного мнения о вас, которое ему внушили. Обяжите ваших врагов отдать вам справедливость мягкостью обращения с ними. Жизнь вдвойне приятней, если чувствуешь себя любимым теми, кто нас окружает, и особенно теми, с кем мы связаны по службе. Я говорю с вами по опыту, мой дорогой Павел, ибо упрекаю себя в том, что недостаточно часто следовал этому принципу. И бывал за это часто наказан очень болезненно!! *Становитесь мудрым, мой друг, на <u>моих</u> неприятностях***, тогда я их перенесу с большей покорностью, имея возможность сказать себе, что это было полезно тому, кого я столь нежно люблю.

Я очень рад, что ваш капитан такой порядочный человек*** и что вы с ним связаны. Если вам будут нужны деньги и он сможет вам их дать, возьмите их у него, но дайте мне тотчас знать, сколько вы взяли, чтобы я мог их послать вам немедля. Я предпочитаю, чтобы вы были обязаны вашему другу, а не начальнику.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Слово «моих» подчеркнуто дважды. Во французском оригинале подчеркнутая фраза зарифмована.

*** В подлиннике: galant Homme. Существующее в русском языке определение «галантный человек» явно не соответствует тому смыслу, какой И.Б. Пестель вкладывал в это французское выражение, используя его как похвалу не только светским, но также нравственным и деловым качествам человека. Поэтому для перевода на русский язык здесь и далее используется оборот «порядочный человек».

Я пошлю вам тулуп, поскольку недавно узнал, что вы оставили свой здесь. Я уже послал за ним и через пять или шесть дней надеюсь отправить его к вам. Я его выбрал так, чтобы в случае нужды он мог в походе служить вам как шуба. Мех теплый и в то же время легкий.

Вот, мой друг, письма, которые передаю вам. Если Рихтер и Германн[2] захотят писать через вас, возьмите их письма и пошлите ко мне в вашем пакете, который адресуйте мне *в конверте к гр. Аракчееву*.

На днях я видел кое-кого, кто хорошо знал двух братьев Пущиных[3], один из которых в вашем полку, а другой также только что выпущен из корпуса, чтобы вступить в ваш полк. Особенно первого чрезвычайно хвалили.

Выпуск из пажеского корпуса сделан, по слухам, но еще не опубликован. *По слухам*, все камер-пажи выпускаются гвардейскими прапорщиками, а все пажи – армейскими прапорщиками. Если это правда, то есть смысл остаться в корпусе камер-пажом, и Воло должен быть мне весьма благодарен, что я не разрешил ему выйти пажом. Он в данный момент занят своим снаряжением, которое обойдется мне еще не менее чем в 600 руб.!!!

Матушка только что вернулась из деревни и поручает мне сказать вам, что нашла через госп[ожу] Рихтер оказию писать вам через адъютанта ген[ерала] Беннигсена, Андржейковича[4].

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас от всего сердца и благословляю также.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 80–82.

---

[1] Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1747–1813), генерал-фельдмаршал, 5 августа 1812 г. единогласно выбран главнокомандующим русскими армиями членами Чрезвычайного комитета по выбору главнокомандующего, 8 августа утвержден в этой должности Александром I.

[2] Рихтер Борис Христофорович, полковник л.-гв. Егерского полка; вероятно, Герман Александр Иванович, поручик л.-гв. Преображенского полка.

[3] Пущин Николай Николаевич, товарищ П.И. Пестеля по Пажескому корпусу и л.-гв. Литовскому полку, о нем см. примечание к предыдущему письму; Пущин Иван Николаевич, выпущен из Пажеского корпуса в 1812 прапорщиком в л.-гв. Литовский полк.

[4] Андржейкович Иван Фаддеевич, с 1810 штабс-капитан л.-гв. Егерского полка, участник кампаний 1805–1807, 1812, в 1812–1817 адъютант генерала Л.Л. Беннигсена. В 1813 полковник, в 1818 флигель-адъютант, в 1821 генерал-майор.

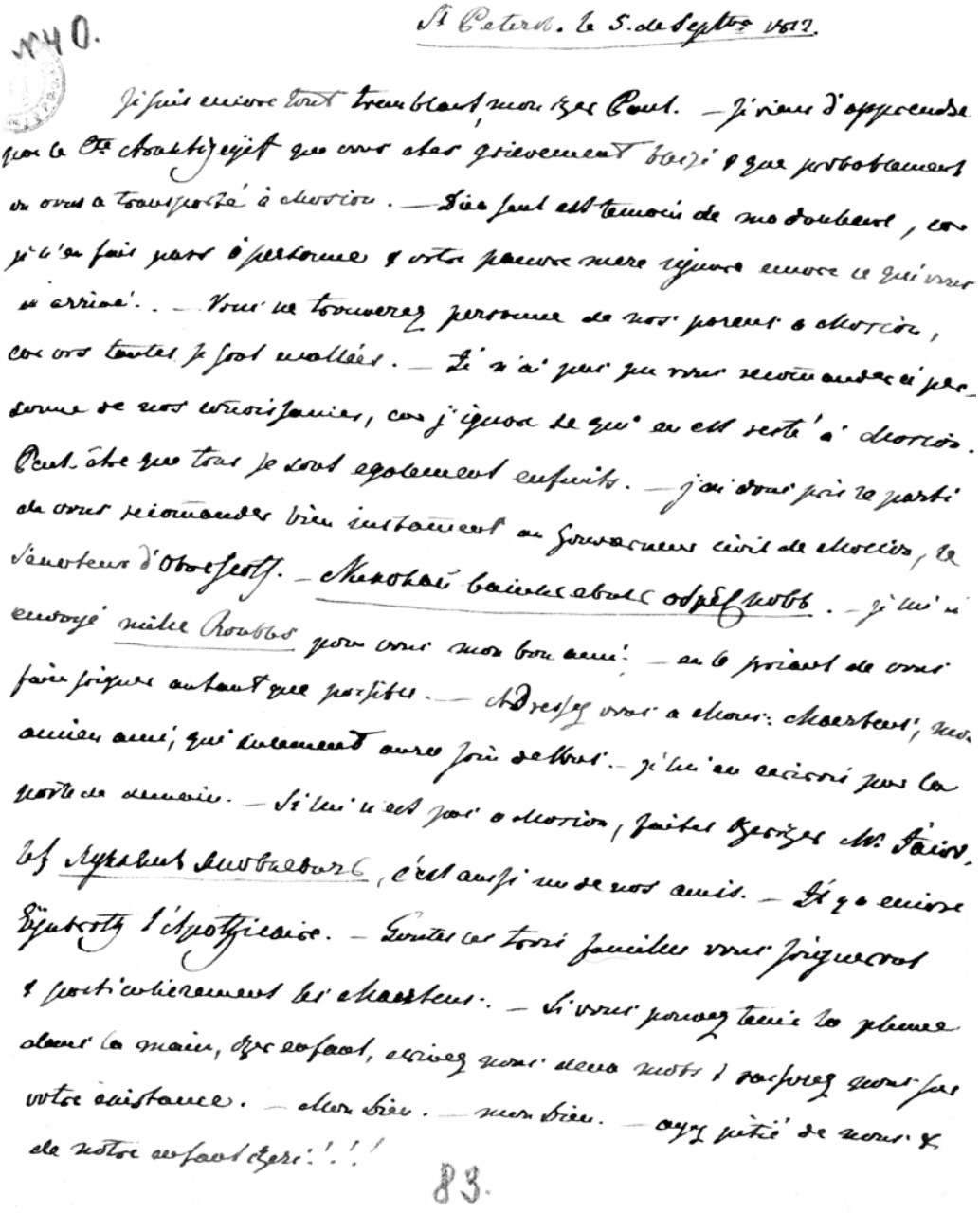
И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

С.-Петерб[ург], 5 сент[ября] 1812

Я еще весь дрожу, мой дорогой Павел. Я только что узнал от гр[афа] Аракчеева, что вы тяжело ранены и что, вероятно, вас перевезли в Москву. Бог свидетель моей боли, ибо я не разделил ее ни с кем, и ваша бедная мать не знает еще, что с вами случилось. Вы не найдете в Москве никого из наших родных, потому что все уехали. Я не могу поручить вас никому из знакомых, потому что не знаю, кто из них остался в Москве. Может быть, все тоже бежали. Я все же решил настойчиво рекомендовать вас гражданскому губернатору Москвы, сенатору Обрескову – ***Николай Васильевич Обресков***[1]. Я послал ему *тысячу рублей* для вас, мой добрый друг, – прося его позаботиться о вас как только можно. Обратитесь к госп[одину] Мартенсу[2], моему старинному другу, который несомненно позаботится о вас. Я напишу ему с завтрашней почтой. Если его нет в Москве, пошлите искать госп[одина] Яковлева ***Лукьяна Яковлевича***[3], это тоже один из наших друзей. Есть еще Евстра-

тий, аптекарь. Все эти три семьи позаботятся о вас, особенно Мартенсы. Если вы можете держать перо в руке, дорогое дитя, напишите нам два слова и удостоверьте нас в своем существовании. Бог мой. Бог мой. Смилуйся над нами и над нашим обожаемым ребенком!!!

Чтобы вам лучше прислуживали, пошлите в дом покойного дедушки за его бывшим камердинером Прохором Федосеевым и велите перенести вас в этот дом. Вот, дорогое дитя, все, что я могу вам посоветовать сейчас. Ради Бога, известите нас о



Письмо И.Б. Пестеля П.И. Пестелю, 5 сентября 1812 г.

себе. Ваша мать не знает, что я вам пишу, как и ваши братья. На коленях молю Бога за вас. Прощайте, любимое дитя, у меня спрашивают письмо. Я вас благословляю и обнимаю нежно. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 83–83 об.
На л. 84 об. по-русски: «**Лейб-гвардии Литовского полка прапорщику Павлу Ивановичу Пестелю**».

---

[1] Обресков Николай Васильевич (1764–1821) – генерал-майор, в военной службе в 1785–1799, в отставке с 1799, в 1809–1810 московский губернский предводитель дворянства, 1810–1813 – московский гражданский губернатор, тайный советник, сенатор.

[2] Мартенс – возможно, Мертенс Вилим Федорович (Mertens Wilhelm-Fridrich) (1762–1839), отставной генерал-майор (1804), сенатор V Департамента.

[3] Яковлев Лукьян Яковлевич – чиновник Московского почтамта. В 1818 статский советник и кавалер, владел домом на Тверской улице в 1 квартале. Отец лицеиста пушкинского выпуска М.Л. Яковлева.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 25 *С.-Петерб[ург], 7 сент[ября] 1812*

Я написал вам позавчера вечером, и матушка прибавила прилагаемую записку, все должно было быть вам отослано через ген[ерал]-адъютанта имп[ератора] барона Меллера-Закомельского[1], когда я получил приглашение от графа Аракчеева, написавшего, что он желает поговорить со мной касательно вас. Когда я пришел, он представил меня своему брату[2] (адъютанту имп[ератора]), который был дежурным генералом у кн[язя] Багратиона, последний сказал, что узнал через полковника гвардейских егерей *Делагарда*[3], что вы были тяжело ранены и что вас должны были перевезти в Москву с другими ранеными. Гр[аф] Аракчеев прибавил к этому, что, если я захочу поручить вас кому-нибудь в Москве, я должен дать ему письмо, чтобы он отправил его с фельдъегерем, которого имп[ератор] пошлет в Москву с депешами. Я тут же этим воспользовался. Я рекомендовал вас московскому гражданскому губерн[атору] госп[одину] Обрескову, послав ему письмо (датированное 5-м числом сего месяца) для вас и *тысячу рублей* банковскими билетами. Надеюсь, что все это будет вам аккуратно доставлено. Сейчас я вам пишу через нашего старого верного слугу Петра Матв[еевича], который вам передаст [письмо]. Я также рекомендовал вас госп[одину] Яковлеву с почты. Я думаю, in der Angst meiner Seele*, что сделал все от меня зависящее, и мне остается только жаловаться и просить Бога за вас, мое дорогое дитя. Ваша бедная мать крайне обеспокоена отсутствием известий от вас. Она спрашивает меня об этом каждую минуту, и заметно, как она чахнет, думая о вас. Одно-единственное известие о вашем существовании вернуло бы покой нашим душам. Ваша мать не знает ничего из того, что я узнал от гр[афа] Аракчеева, и не может усомниться. Она не знает, что я вам пишу, поэтому и не пишет вам.

Если вы не в состоянии сами писать, попросите сообщить нам известия о вас Петра Матв[еевича], или в конце концов через Прохора Федосеевича, или же госп[одина] Яковлева, которому я поручу также ваши письма. Ему же я поручил позаботиться о вас и доставить вам все, в чем вы можете нуждаться.

Я так беспокоюсь, дорогой Павел, что с трудом подбираю слова, потому заканчиваю. Прижимаю вас к сердцу, обнимаю вас нежно и на коленях прошу у Всевышнего

---

* «В смятении души» (нем. яз.).

милости увидеть вас как можно скорее исцеленным и здоровым. Как я тогда сожму вас в объятиях!!! Прощайте, дорогое дитя, поручаю вас охране Всемогущего.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 85–86.

---

[1] Меллер-Закомельский Егор Иванович (1766–1830), барон, генерал-адъютант, в 1812 командовал сначала отдельными отрядами, затем командир 1-го резервного кавалерийского корпуса, участник сражений при Малоярославце и Тарутине.

[2] Аракчеев Петр Андреевич (1778 или 1780 – не ранее 1837), младший брат Алексея А. Аракчеева, учился в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе, артиллерийский офицер, в 1808, находясь в чине капитана, получил звание флигель-адъютанта, в 1810 полковник. В 1812 в должности дежурного генерала 2-й Западной армии под командованием кн. П.И. Багратиона. В конце 1812 назначен комендантом Киева.

[3] Делагард Август Осипович (Иосифович) (Огюстен Мари Балтазар Шарль Пелетье де Лагард) (1780–1834), из французских дворян, поручик мальтийской службы, в русской службе с 1801 подпоручиком. Участник русско-французской войны 1806–1807, русско-шведской 1808–1809. В 1811 полковник л.-гв. Егерского полка. Ранен при Бородине пулей в левый бок навылет. Участник кампании 1813, в 1814 – генерал-майор, в 1815 вышел в отставку и перешел на французскую службу.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 27 *С.-Петербург, 8 сентября 1812*

Слава Богу! мой добрый друг, мы хотя бы ненадолго избавлены от смертельного беспокойства! Брат гр[афа] Аракчеева сказал батюшке, что вы были или убиты, или тяжело ранены. Я не знала этой ужасной новости, но прекрасно видела по выражению и мокрым от слез глазам вашего отца, что он знает больше, чем говорит мне. Вчера утром он пришел ко мне запыхавшись и сияя от радости, и показал еще одну записку, полученную от гр[афа] Ар[акчеева], которой его удостоверяли, что вас нет ни в списке убитых, ни даже в списке раненых, и что, видимо, его брат ошибся. Мы возблагодарили Всевышнего, прося его хранить ваши дни, и живо благодарили гр[афа] Ар[акчеева], дружба которого к батюшке проявляется при любой возможности. Тем не менее поскольку после 26-го могло многое случиться, наше беспокойство не может вполне утихнуть. Если вы ранены, вы заранее рекомендованы гр[афу] Ростопчину[1] и гражданскому губернатору. Я также велела просить госп[одина] д'Изарна[2] через Пет[ра] М[атвеевича] (который вчера выехал в Москву с гр[афом] Комаровским[3]) осведомиться о вас в доме вашего покойного деда (который сейчас принадлежит всей семье). Вероятно или, скорее, наверняка, как раз туда вас и переместят; по крайней мере, вы можете попросить об этом. Вы найдете там ***Прохора Федосеевича*** с женой **Ариной Ильинишной**, которые о вас позаботятся. Вы можете смело обращаться к д'Изарну, если вам что-то понадобится, и можете даже оказать услугу какому-нибудь из товарищей по несчастью, у кого нет в Москве ни дома, ни родных. Я говорю вам все это, мой добрый друг, на всякий случай и чтобы напомнить вам о средствах, которые вы сможете найти в Москве, если по несчастью вам случиться быть туда доставленным. Но я все же надеюсь, что эти предосторожности окажутся ненужными и что по крайней мере ваша жизнь будет сохранена для нас, даже если вы будете ранены. Каждый день узнают о какой-либо новой смерти! Сколько семей в страдании и слезах! Если бы это хотя бы могло спасти отечество и государя и покончить с бичом всего человечества!

Тысяча поклонов от всех наших. *Все* принимают в вас величайшее участие, даже Николай[4] беспокоится и молит Бога за вас. Борис и Александр вам напишут, я по-

лагаю; Воло очень занят, он изо всех сил готовится к экзамену, который начался и закончится через несколько дней. Гог[ель] продолжает к нему придираться и несправедливо отнимать баллы. **Бог с ним**. Сегодня утром, когда все собрались ко мне завтракать, Софья спросила о новостях от вас: **где большой Паша? братиц Паша? далеко? Приа?*** – Она часто говорит о вас. Она становится очень забавной. Иногда она хочет, чтобы бонна взяла ее на руки, та говорит, что у нее голова болит; тогда Софья принимается ощупывать ее шею, щеки, руки и пульс и говорит: **ни, няня, ни, нету жару, ни**. Она заметно окрепла в деревне. Хорошо бы, чтобы 8 месяцев зимы не испортили пользы от недолгой хорошей погоды, которой мы пользовались нашим коротким летом! Все люди в доме, мужчины и женщины, спрашивают о вас и очень к вам привязаны.

Мы все здоровы. Я еще нигде не была, прежде всего потому, что не имею достаточно спокойного сердца, чтобы думать о свете; и потом потому что занята устройством нашего нового дома[5]. Мне здесь гораздо лучше, чем в старом, как по внешности, так и на самом деле. Он тише, чище, просторней. У Софьи здесь есть своя комната, совершенно отделенная, с одной-единственной дверью, без соседства, но все же достаточно близко ко мне, чтобы услышать ее даже из моей кровати, если она станет ходить ночью. Женщины имеют каждая хотя бы уголок, чтобы поставить там кровать, комод, стол и чтобы одеваться не на виду. Прочим домашним не хуже, чем раньше, и даже посуше. Батюшке будет лучше и более прилично. А у Александра вместо уголка для его вещей будет *большая* комната с одной дверью, потому что вторая, ведущая в батюшкины апартаменты, будет заколочена. Нам всем было бы хорошо, только бы вы не причиняли нам горя, мой дорогой Павел. Вы не можете представить себе, что такое страх за свое дитя! Батюшка, который был так испуган на ваш счет, дрожал всем телом до того, что едва держался на ногах. Он провел две ночи без сна, почти не ел, его глаза то и дело наполнялись слезами. И мне тоже было не по себе. Не знаю, что бы со мной стало, если бы мы имели несчастье вас... Не хочу останавливаться на этой мысли! Я предпочитаю думать, что вы вернетесь к нам здоровый и невредимый, может быть, слегка раненый, но все же в добром здравии и, как все, исполнивший свой долг. Даже Е.[6] ждет этого от вас. Боже! Какая будет радость увидеть вас, сжать вас в объятиях, задать вам тысячу вопросов, ласкать вас, лелеять. Можем ли мы, чтобы радоваться этому счастью, быть спокойными за участь нашего отечества и видеть его вполне спасенным от опасности, в которой оно находится. Говорят, никогда никакое сражение не было равно тому, что было 26-го, что сражения у Прейсиш-Эйлау, у Ваграма и др. были детскими играми в сравнении с ним, и что храбрость, ожесточение и ярость войск были беспримерными. Вся нация питает к врагу ненависть и бешенство, подобные испанским. Более того, это не будет больше войной между армиями, но войной национальной, как в Испании! Все кричат о мщении и истреблении; все предпочитают смерть миру с этим ужасным человеком; все согласны лучше сжечь все, чем владеют, чем оставить что-то врагу. Каков будет конец стольких бедствий!!!

Прощайте, мой добрый друг, мой дорогой Павел. Мы как никогда молим Бога за вас. Как никогда я вас прижимаю к сердцу и благословляю с бесконечной нежностью. Е[лизавета] П[естель].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 87–90 об.

---

[1] Ростопчин Федор Васильевич (1763 или 1765 – 1826), граф, генерал-адъютант, обер-камергер. 29 мая 1812 назначен московским военным генерал-губернатором с переименованием

---

* Так в тексте, написано по-русски – возможно, так в детском лепете исказились слова «при армии».

в генерала от инфантерии, 20 июля – главнокомандующий в Москве. 2 сентября выехал из Москвы во Владимир, после ухода французской армии вернулся в Москву, руководил восстановлением города.

[2] Д'Изарн – о нем см. выше. Его дом в Москве находился недалеко от Кузнецкого Моста, в Мясницкой части. Д'Изарн оставался в Москве во время пребывания там французской армии, воспоминания его об этих событиях см.: Русский Архив. 1869. № 9. Стб. 1405–1442. Никаких упоминаний о П.И. Пестеле или других раненых русских офицерах там нет.

[3] Комаровский Евграф Федотович (1769–1843), граф, генерал-адъютант, в 1812 по повелению Александра I занимался сбором рекрутов и лошадей в юго-западных губерниях России.

[4] Николай Борисович Пестель, дядя Павла Пестеля.

[5] Пестели переехали в дом купца Межуева (Мижуева, о нем см. ниже) в Литейной части, № 100 по Фонтанке и Моховой, напротив Михайловского замка. На одном крыльце с Пестелями жила фаворитка А.А. Аракчеева Пукалова.

[6] Вероятно, «Е.» – Empereur, император.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 26* *С.-Петерб[ург], 10 сентября 1812*

Я написал вам, мой дорогой Павел, два письма, которые, вероятно, до вас не дошли. И вот почему, мой добрый друг. Брат графа Аракчеева, который был при кн[язе] Багратионе и который адъютант е[го] в[еличества] имп[ератора], прибыв сюда, сказал, что слышал от разных раненых, которых даже называл, что вы убиты или по меньшей мере очень тяжело ранены. Гр[аф] Ар[акчеев] (который выражает мне постоянно самую искреннюю дружбу) тут же написал мне, прося прийти к нему, поскольку ему нужно со мной поговорить. Когда я к нему явился, он сказал, что не пришел сам ко мне, потому что опасался за вашу мать, не сомневаясь в том, что имел мне сказать. Тут он представил мне своего брата, напрямик объявившего эту страшную новость. Не скажу вам, дитя мое, какое впечатление эта страшная новость произвела на меня. Храни вас Бог когда-нибудь в жизни испытать то, что я чувствовал в течение трех дней, когда был в этой страшной неизвестности!!! В надежде, что вы лишь ранены и что всех раненых офицеров отправляют в Москву, я не мог сделать ничего более, как воспользоваться настоятельным предложением гр[афа] Арак[чеева] отправить вам письмо в Москву. Поскольку все наши уже покинули Москву, и я не знаю даже, кто из моих знакомых находится в Москве, я решился написать московскому гражданскому губ[ернатору] госп[одину] Обрескову, послав ему *последнюю* тысячу рублей, что у меня была, и прося его передать их вам, взять вас под свое покровительство и позаботиться о вас как можно лучше. На следующий день после отправления этого курьера поехал в Москву наш старый верный слуга Петр Матв[еевич], я тоже дал ему письмо к вам, мой добрый друг, и заодно другое к госп[одину] Яковлеву с почты, которого также просил как только можно позаботиться о вас. Прошли три дня в этом страшном беспокойстве, которое я с величайшим старанием скрывал от вашей матери. Я не спал ночами, я предавался горю, разрывавшему мне сердце, как только на мгновенье мог оказаться без вашей матери. 7-го сего месяца гр[аф] Аракч[еев] написал мне вдруг прилагаемую записку, в которой не только уверял меня в вашем существовании, но даже что вы не были ранены. Судите, дорогое дитя, с какой радостью я прочел эту записку. Тогда я пошел к вашей матери, чтобы успокоить ее, ибо она очень, очень страдала, не имея никаких новостей от вас после славного дела 26-го прошедшего месяца, которое по мнению всего света было самым кровавым из когда-либо случавшихся. Е[го] в[еличество] импер[атор], их в[еличества] имератрицы сделали мне милость спрашивать новостей о вас с величайшим интересом. По этому случаю я научился

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

понимать гр[афа] Аракч[еева]. Это достойный человек, человек такой превосходный, ибо он добр и глубоко чувствителен, я привязался к нему от всего сердца, питая к нему самую живую благодарность за интерес, который выказал мне по этому случаю. Вы можете себе представить, мой добрый друг, как я возблагодарил Всевышнего за новое свидетельство Его милости ко мне.

Я полагаю, мой добрый друг, что вы писали нам после этого славного сражения, в котором вы были, потому что е[го] в[еличество] импер[атор] сказал мне сам, что ваш полк весь был в деле, но что ваши письма до нас пока не дошли, я говорю пока, поскольку не могу себе представить, чтобы они могли затеряться, будучи адресованы (как я вам советовал) к гр[афу] Аракч[ееву]. Сделайте милость, пишите нам как только сможете чаще, и особенно всякий раз, как побываете в каком-нибудь сражении.

Я просил гр[афа] Аракч[еева] особо порекомендовать вас генералу Лаврову[1], вашему дивизионному начальнику, и он обещал это сделать, прибавив, что этот генерал из его друзей и, он уверен, проявит внимание к письму на ваш счет.

Поскольку матушка вам пишет, я не сообщаю подробностей о том, что происходит у нас, т. е. в нашей маленькой семье. Мы чувствуем себя все довольно хорошо, насколько это возможно по причине бесконечного беспокойства, в котором находится весь свет, а мы особенно. Я каждый день многократно молю Бога за вас, мой добрый друг, и мои благословения повсюду с вами.

Софья вспоминает о вас, называя вас ***бошой Паша***, то есть **большой Паша**, большой Павел. Прошлое воскресенье (вчера), когда мы *все* собрались к завтраку, она сказала: ***а где бошой Паша***, она сама заметила, никто ей не напоминал, что вы единственный отсутствовавший из семьи.

Если вы будете ранены или больны, всегда сообщайте мне подробные новости о состоянии, в каком находитесь, я буду меньше беспокоиться, если буду знать правду обо всем, касающемся вас. Но сделайте, как мы договорились, прибавьте к письму, которое может прочесть ваша мать, отдельную записку для меня, которую я смогу от нее скрыть, чтобы избавить ее от беспокойства, вредящего здоровью.

Посылаю вам прилагаемый тулуп. Благодаря доброте гр[афа] Аракч[еева], я могу вам его доставить. Я хочу, чтобы он был вам полезен и приятен, по крайней мере, чтобы было тепло.

Прощайте, дорогое мое дитя, мой дорогой Павел, прижимаю вас к сердцу с нежностью и благословляю от глубины сердца. Сообщайте мне о себе новости как можете чаще. П.

P.S. Я не могу послать вам записку гр[афа] Аракч[еева], которую упомянул выше, поскольку я ее потерял. В конце концов, ее содержание вам известно, он говорит, что вы не находитесь в списке раненых и тем более убитых. Vaerte*.

NB. Вот записочка о письмах, которые мы вам писали в последнее место

28 прошедшего месяца через гр[афа] Аракч[еева] мы вам отослали

1. письмо от меня № 22
2. –»– от матушки № 21
3. –»– от Бориса
4. –»– Воло
5. –»– Александра
6. –»– для Рихтера *от его жены*
7. –»– Германну *от его сестры*
8. –»– **Пущину** *от его брата*

---

* Видимо, неточно написанное «Verto» (лат. «повернуть»), отсылающее к тексту на обороте листа. Эта помета находится в нижнем правом углу последнего листа письма (л. 93), следующий текст с пометой NB размещается на обороте листа.

После того ваша мать написала вам письмо № 23 через адъютанта ген[ерала] Бенигсена, датированное 27 августа,

я вам писал в Москву № 24 через гражданского губер[натора] госп[одина] Обрескова, послано с фельдъегерем Павловым, и *тысяча руб.* для вас, *5 сентября* я вам писал в Москву через Петра Матв[еевича], *№ 25* 7 сент[ября], письмо датировано 6-м, но отправилось только 7-го.

Сейчас за № 26 от меня и № 27 от матушки.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 91–93 об.

---

[1] Лавров Николай Иванович (1761–1813), генерал-лейтенант, в августе 1812 командир Гвардейской пехотной дивизии, включавшей л.-гв. Литовский полк, и командующий Пятым пехотным корпусом, в состав которого входила Гвардейская пехотная дивизия. По свидетельствам современников, во время Бородинского сражения Лавров был разбит параличом, не мог ходить и ездить верхом, но позднее находился в сражениях под Малоярославцем и Красным.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 27* *С.-Петерб[ург], 26 сентября 1812*

Я посылаю вам прилагаемые два моих письма, которые отсылал для доставления вам, но несчастные обстоятельства, произошедшие с Москвой, помешали им до вас добраться. Мне их вернули, и я посылаю их вам, мой добрый друг, чтобы заверить вас, что мы о вас думали, что я сделал все, что только можно, чтобы отправить вам не только наши новости, но и всю помощь, какую я мог вам оказать. Я все еще не знаю, где находится тысяча рублей, которую я вам отправил через московского губ[ернатора] Обрескова. Благодаря Бога, я сумел добыть денег здесь на днях, и спешу отправить их вам с подателем этого письма, ***Константин Афонасьевич Случевский, коллежский асессор и кавалер***[1]. Он придан моей канцелярии, и я вам его рекомендую как очень храброго и порядочного человека, который о вас позаботится по его привязанности ко мне, я уверен, что он искренне вами интересуется и заботиться о вас будет так же.

Я не хочу разрывать ваше сердце рассказом о беспокойстве, о бессонных ночах, слезах и глубоком горе, которые мы пережили с тех пор, как узнали, что вы ранены, не зная, как и где вы находитесь. Есть столько умерших от раны в ногу!!! Увы, что бы было с нами (с вашей матерью и со мною), если бы мы имели несчастье потерять самого любимого из наших детей. Надежду нашей старости!!! Не будем говорить об этом! Будем лучше надеяться, что Всевышний сжалится над нами и вернет нам наше любимое дитя, которое мы ждем с распростертыми объятиями.

Последние новости, которые мы от вас получили, были через госп[одина] Яковлева (с почты), который написал мне, что видел вас в доме гр[афа] Бутурлина[2], с пятью вашими товарищами, все раненые, что ваша рана не тяжелая (*как вы*** *ему сказали*), но поскольку он узнал это от *вас*, это меня не успокаивает, напротив, я думаю, что вы ранены весьма серьезно, поскольку раз вы нам не пишете, вы должно быть не в состоянии это сделать, и это меня ужасно опечалило. Если бы вы могли писать, вы дали бы написанные вашей рукой несколько слов Яковлеву, и еще дежурному полковнику у Барклая Койленскому[3], который доставил вам наши письма, пересланные гр[афом] Аракчеевым. Но не будем возвращаться к прошлому, поговорим о настоящем и будущем.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Слово «вы» подчеркнуто дважды.

Его величество император, наш августейший повелитель, много о вас осведомлялся и наконец сделал милость приказать мне послать кого-нибудь разыскать вас, дав в то же время открытый приказ, чтобы вы могли приехать сюда. Я посылаю к вам госп[одина] Случевского с этим приказом. Как только он к вам прибудет, не медлите ни минуты, мой добрый друг, отправляйтесь с ним в путь и приезжайте сюда. Даже если вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы снова явиться в ваш полк, все равно приезжайте сюда, чтобы завершить выздоровление и более выгодным образом вернуться в армию, чего вы не могли до сих пор. Я весьма надеюсь сделать вас адъютантом какого-нибудь ген[ерала], но для этого мне надо посоветоваться с вами непосредственно. Помимо прочего, время года такое, что кампания на этот год должна завершиться, и у вас будет довольно времени, чтобы вернуться, когда она возобновится. Как только ваше здоровье позволит, не сомневайтесь, мой друг, пуститься в путь и летите в объятия ваших родителей, ждущих вас с нетерпением.

Ваша превосходная мать целыми днями думает только о вас, а ночами ей снитесь снова вы. Как она похудела, эта добрая матушка. Как она воспрянет, если ваша сестренка и братья выздоровеют и будут вне опасности[4], и если она сможет обнять вас. Поспешите, дорогое дитя, чтобы это осуществилось как можно скорее.

Госп[один] **Случевский** получил от *меня тысячу пятьсот рублей,* и чтобы дать вам, и для оплаты дорожных расходов. Поскольку мы не знаем, где вы находитесь, добрый человек, передающий вам это, должен проделать долгое путешествие. Он будет искать вас в городах **Ярослав, Кострома, Володимер, Нижний, Резань** и **Воронеж***. Дай Бог, чтобы он нашел вас как можно раньше и привез вас сюда до начала зимы. Мысль увидеть вас доставляет мне столько удовольствия, что рука дрожит, и я с трудом могу ясно выражать мысли, вот, добрый друг, почему я пишу так беспорядочно. Не говорю вам ничего об остальной нашей семье, поскольку матушка была добра рассказать вам со всеми нужными деталями. В остальном податель этого письма сообщит вам все подробности нашего существования здесь.

Прижимаю вас к сердцу и благословляю от всей души, моля Всевышнего взять вас под свою святую защиту. Прощайте, добрый друг, дорогое дитя, храбрый офицер, ревностный слуга отечества, я вас нежно обнимаю. П.

P.S. Приказ имп[ератора], чтобы вы вернулись сюда, находится в руках подателя сего.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 94–95 об.

---

[1] Константин Афанасьевич Случевский (1784 или 1788 – 1848), с февраля 1804 – чиновник канцелярии военного министра по экспедиции, во главе которой стоял В.Р. Марченко (см.), титулярный советник, получал награды как способный и дельный чиновник. В 1812 перевелся в канцелярию Сибирского генерал-губернатора в чине коллежского асессора. Командирован в Сибирь для образования местных казаков и внутренней стражи, произведен в чин надворного советника. В 1814 – начальник отделения Инженерного департамента Военного министерства, стал доверенным чиновником директора департамента генерала К.И. Оппермана, член многих комитетов по инженерному ведомству. 1831 – член Совета Военного министерства, 1834 – обер-прокурор 5-го департамента Сената, 1839 – тайный советник, сенатор. Отец поэта К.К. Случевского.

[2] Дом графа Дмитрия Петровича Бутурлина со значительной библиотекой, музеем, оранжереями и садом находился в Немецкой слободе (совр. Госпитальный пер.) и сгорел в 1812 г.

[3] Койленский Иван Степанович (1778–1814), с 1809 служил при Военном министерстве, 1811 – полковник л.-гв. Артиллерийской бригады, находился в должности дежурного генерала при военном министре. В 1812 при Главной квартире 1-й Западной армии, в Бородинском сражении командовал артиллерией 4-го пехотного корпуса, отличился в боях под Красным.

---

* Все названия написаны по-русски, орфография подлинника.

В 1813–1814 – генерал-майор, состоял при М.Б. Барклае де Толли в должности помощника дежурного генерала общего по армии дежурства, участвовал в ряде сражений. Литератор, военный писатель.

[4] Дети болели корью, см. следующее письмо от 15 октября.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 32* *С.-Петерб[ург], 15 октября 1812*

Отъезд офицера, отправляемого** графиней Комаровской (супругой ген[ерал]-адъютанта), дает мне случай написать вам, мой дорогой Павел. Вы увидите по номеру письма, что мы не упускали вам писать, но Бог знает, дошли ли до вас наши письма. Мы писали вам 11-го числа сего месяца по почте. Я представил наши письма и вашу дорогую персону Калужскому губ[ернатору] госп[одину] Каверину[1], одному из моих старинных знакомых. Это письмо было ответом на ваше от 27-го прошедшего месяца, в котором вы нам сообщали новости о своей ране. Это письмо пришло к нам через гр[афа] Аракчеева, получившего его от полковника Койленского, известившего его, что вы были тяжело ранены и что после того, как пуля была вынута, врач заверил, что нет необходимости отнимать вам ногу. Судите, дорогое дитя, что происходило в наших сердцах, полных нежности и всех чувств к вам, каких никогда не бывало в сердцах родителей, любящих своих детей.

Мы писали вам через фельдъегеря по имени Павлов 5-го числа прошедшего месяца (сентябрь), я послал вам *тысячу рублей*, адресовав все гражданскому губ[ернатору] Москвы госп[одину] Обрескову. После того я послал чиновника моей канцелярии **Константина Афанасьевича Случевского**, чтобы найти вас и привезти сюда. Этот смелый человек поехал с согласия е[го] в[еличества] имп[ератора], который даже сделал милость снабдить его, через военного мин[истра], открытым предписанием, где говорится, что вы должны отправиться в Петерб[ург]*** для излечения от раны, и что все начальники, военные и гражданские, должны содействовать вашему путешествию. Госп[один] Случевский выехал отсюда 26-го числа прошедшего месяца, и Бог знает, когда он вас разыщет. Если бы вы могли, мой добрый друг, известить его в Туле, Владимире, даже в Нижнем Новгороде, о месте, где он может с вами встретиться, вы бы могли ускорить его приезд к вам.

Я могу лишь сказать вам, дорогое дитя, что не буду ни минуты спокоен, пока не узнаю, что вы в дороге, на пути в объятия ваших родителей, раскрытые навстречу вам, чтобы обнять вас с совершеннейшей и живой нежностью.

Хотя я полагаю, что это письмо до вас дойдет раньше того, что я вам писал 11-го**** числа сего месяца, я не стану все же повторять здесь все то, что там уже сказал. Поскольку оно не замедлит прийти к вам, и к тому же офицер, берущий это, очень торопит меня заканчивать.

Матушка вам сама напишет. Ваши братья вас нежно обнимают, как и Софья, которая часто о вас говорит. Что до меня, я обращаюсь ко Всевышнему с самыми горячими молитвами за ваше благополучие. Прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души, ожидая с нетерпением, которого вы себе представить не можете, момента, когда смогу обнять вас и сжать в объятиях. Ваш нежный отец и верный друг П.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Слово «отправляемого» было пропущено И.Б. Пестелем и вставлено над строкой рукой Е.И. Пестель.

*** Первоначально было написано «Москва», затем зачеркнуто и над строкой рукой Е.И. Пестель приписано «Петерб».

**** Первоначально было написано «2», зачеркнуто и рядом написано «11».

Приписка Е.И. Пестель:

Ваше письмо от 27 сент[ября] пришло к нам, мой добрый друг, 8 окт[ября], а письмо от 9 сент[ября] пришло только 10-го. По счастью для нас, ибо несколько успокоенные письмом от 27-го числа, я не могу вам сказать, насколько письмо от 9-го нас огорчило. Знать, что вы страдаете, бедный, лишенный всего и удрученный – эта мысль нас сокрушала. Помощь, которую получают в таких случаях, на самом деле вовсе не является милостыней; может статься, что самый богач окажется в необходимости принять ее от бедняка: на войне бывает, увы! каждый день, и всегда под видом воздаяния; но когда болен, чувствуешь нужду сильнее, и горькие слезы, пролитые вами при этом случае, печалят меня еще больше, чем потеря (весьма чувствительная) всех ваших вещей. Не могу дождаться момента, когда увижу вас. Если у вас есть надежда приехать даже до того, как вас найдет Случевский, не упустите известить нас об этом, мой дорогой и добрый друг, ибо радость снова увидеть вас неожиданно была бы поистине слишком велика для моих бедных нервов. Мы постоянно думаем о вас днем, видим вас во сне ночью и говорим об этом с тех пор, как мы вместе. Софья вернулась домой в субботу 12-го. Корь у нас прошла и остается только легкое Nachwehen* время от времени у Бориса и Алекс[андра]. Софья, ваши братья, ваши дядья, добрая Кат[ерина] Дм[итриевна], наш друг Реманн, госп[ожа] Нагель и другие передают вам тысячу поклонов. Батюшка посылает вам письмо, которое Джексон опоздал передать в прошлый раз. Прощайте, дорогой Павел: нас торопят, и у меня остается время только повторить вам мое нежное благословение.

Батюшка посылает это письмо к госп[одину] Каверину, Калужскому губернатору, прося его ссудить вам на его счет все деньги, какие вам могут понадобиться. Уже 2500 р. ищут вас целый месяц.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 96–97 об.

---

[1] Каверин Павел Никитич (1763–1853), калужский губернатор, затем сенатор.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 34** *С.-Петерб[ург], 5 ноя[бря] 1812*

Последние письма, которые мы вам писали, мой дорогой и любезный Павел, были от 11-го числа прошедшего месяца от меня № 30 и от матушки № 31, от 15-го того же месяца общее письмо от матушки и от меня № 32, я послал их к госп[одину] Каверину, Калужскому губерн[атору], с мыслью, что он скорее всех может знать, куда вы поехали, даже в том случае, если вы покинули Калугу. Тем временем мы получили ваше письмо от 30 сен[тября] через фельдъегерского капитана Штосса [Stoss]. Записка, приложенная к вашему письму, более или менее меня успокоила насчет состояния вашего здоровья, но поскольку я знаю вашу деликатность, мой добрый друг, я не могу быть совершенно спокоен и успокоюсь, лишь когда смогу сжать вас в своих объятиях. Дай Бог, чтобы это произошло как можно скорее, ибо мое сердце требует увидеть вас, мое дорогое дитя. Я давно знаю Штосса. Это Windbeutel*** и врун, и хотя он сообщил нам много деталей о вашей ране, он столько сам себе противоречил, что я вижу, что он даже не знал, где и в какую ногу вы были ранены. Мне нечего было делать, как поспешить возместить ему сто дукатов, которые вы от него получили, и забрать вашу расписку, которая находится у меня.

---

* «Недомогание» (нем. яз.).

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

*** «Ветрогон» (нем. яз.).

Вы сильно ошибаетесь, мой друг, находя, что унизительно быть в нужде и занимать деньги. Это нисколько не милостыня, когда теряют все, что имели, воюя за отечество, то пусть возьмут у того, кто имеет деньги, чтобы вернуть ему незамедлительно.

Прижимая вас к сердцу, я поздравляю вас с разорением, которое вы понесли благодаря вашей храбрости и ревности к службе. Я был тронут до слез, когда граф Аракчеев известил меня, что маршал кн[язь] Кутузов назначил вам шпагу ***за храбрость*** на поле сражения. Вы обязаны этой наградой своим заслугам, безо всякой протекции в вашу пользу. Вот, мой добрый друг, как вся наша семья, т. е. мой дед, мой отец и я, мы все служили России (нашему отечеству), вы едва вышли в свет и уже имели счастье пролить свою кровь при защите отечества, и получили награду, блистательным образом отмечающую вашу заслугу. Я на коленях благодарю за это Всевышнего и молю его сохранить вас в добром здравии, чтобы вы могли продолжать свою ревностную службу отечеству. В настоящий момент почетно, как никогда, быть русским подданным. Мы вот-вот уничтожим французскую армию, не дав выхода ее вредоносному духу. Вы должны уже знать все детали о больших успехах наших армий. Возблагодарим за них Провидение и благословим великолепные войска и почтенный народ, которые вернули нам спокойствие и отдых, освободив нас от поколебавших его чудовищ, которые заставили нас испытать столько несчастий, сколько только могли.

Случевский продолжает ездить и не может открыть, где вы находитесь. Часто он выезжает из города в момент, когда туда приезжает кто-то, кто мог бы сообщить ему новости о вас. Таким образом, он оставил **Володимер** в момент, когда его проезжал ***Самбурский*** (кузен вашего капитана). Я ему уже написал в **Резань**, чтобы известить о вашем местонахождении. Если он к вам приедет, мой добрый друг Павел, хорошенько посоветуйтесь со своим врачом, прежде чем пускаться в путь. Говорят, что холода опасны для ран вроде вашей. Зимой путешествие удобнее, но надо избегать холода. Я рассчитываю на вашу осторожность, ибо не следует ничем пренебрегать, мой добрый друг, чтобы вам совершенно выздороветь. Какое будет счастье для меня сжать вас в объятиях и сказать вам самому все, что я к вам чувствую. Я снова прошу за вас Всевышнего и благословляю вас от глубины души.

Меня торопят неоконченные дела, но поскольку почта снова восстановлена и письма через Москву ходят, я буду писать вам чаще. Прощайте, дорогое дитя.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 1. Л. 98–99 об.

1813

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 21 мая 1813

Ваша матушка хочет еще говорить с вами, дорогой Павел, посылая свое письмо через госп[ожу] **Марченко**[1]. Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы сказать вам, мой добрый друг, что не оставил обыкновения молить Бога за вас по утрам и по вечерам. Я прошу для вас лишь здоровья, мой добрый друг, остальное вы сумеете обеспечить себе сами с помощью нашего Спасителя, который да пребудет с вами повсюду.

Я занят приготовлениями к будущему отъезду Воло. Признаюсь вам, что не представляю, что будет делать этот превосходный мальчик, оказавшись в своем полку. Нет ни души знакомой. **Депрерадович**[2] больше не командир полка, а **Левашова**[3], который командир, я не знаю вовсе. Несмотря на это, я уверен, что все будет хорошо, ибо Провидение особенно заботится обо всей нашей семье.

Признаюсь вам откровенно, мой дорогой Павел, что ваше путешествие с раной, так мало вылеченной, как ваша, беспокоит меня больше всего. Сообщайте нам, мой друг,

новости откровенно и правдиво о своем здоровье и о том, как примет вас ваш новый начальник и каким вы его найдете на ваш взгляд.

В момент, когда я вам пишу, ваша сестра Софья играет в моей комнате, и когда я ее спросил, что сказать вам от нее, она говорит ***скажите Полю, что я его очень люблю***.

Прощайте, мой друг, обнимаю вас нежно и заклинаю вас сообщать нам новости о себе как можно чаще, и особенно после каждого сражения, в котором вы побываете. Адресуйте ваши письма [в][*] Главную квартиру госп[одину] **Марченко**, вот его адрес:

Его превосходительству милостивому государю Василью Романовичу Марченку.

Прощайте, дорогое дитя, мой добрый друг Павел. Прижимаю вас к сердцу. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 1–2 об.

---

[1] Марченко Мария Осиповна, урожденная Шмидт (ум. 1858), жена (с 1806) В.Р. Марченко. Василий Романович Марченко (1782–1840), сын мелкого чиновника, с 1799 в комиссариатской экспедиции Военной коллегии, в 1808 в чине коллежского советника назначен экспедитором Департамента Министерства военно-сухопутных сил, находился с министром гр. А.А. Аракчеевым при действующей армии в Финляндии, в 1810 – статский советник, по предложению И.Б. Пестеля занял должность томского гражданского губернатора. 5 августа 1812 произведен в действительные статские советники, вызван в Петербург для занятия делами Собственной е. и. в. канцелярии. В ноябре 1812 при сохранении прежней должности назначен помощником статс-секретаря Департамента военных дел Государственного совета. В 1812–1814 находился в свите Александра I при действующей армии, затем сопровождал императора в Англию и на Венский конгресс. В 1815 – статс-секретарь императора, управляющий делами Комитета министров. В 1827 – тайный советник, исполняющий должность государственного секретаря.

[2] Депрерадович Николай Иванович (1767–1843), генерал-майор, командир Кавалергардского полка. С 1810 командовал 1-й кирасирской дивизией, в кампанию 1812 г. – Гвардейской кавалерийской дивизией, в 1813 – генерал-лейтенант. Продолжал считаться командиром Кавалергардского полка, но при нем не находился, командовал полком полковник К.К. Левенвольде. Позднее Депрерадович командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом, с 1819 – генерал-адъютант.

[3] Левашов Василий Васильевич (1783–1848), с 1802 служил в Кавалергардском полку, участник кампании 1805, 1806–1807 гг., с 1808 – полковник. В 1812 находился с полком в составе 1-й гвардейской кирасирской дивизии, в декабре 1812 произведен в генерал-майоры. В 1815–1822 – командир л-гв. Гусарского полка, генерал-адъютант. Член Следственной комиссии по делу декабристов. Впоследствии граф, член Государственного совета, председатель Государственного совета и Комитета министров.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 4[**] Ст.-Петербург, 1 июня 1813

Я писал вам, мой дорогой Павел, три раза. 1-й с кузеном Кат[ерины] Дм[итриевны] ***Жемчужниковым***[1], второй раз через ***Марченко*** и третий через *графа Местра-сына*[2]. Надеюсь, что все эти письма до вас дошли. Это я посылаю снова через ***Марченко***, которому я усиленно вас рекомендовал и которому вы можете всякий раз, когда захотите, адресовать письма для нас. Он с большей надежностью, чем кто-либо другой, может доставлять нам ваши письма.

Я не описываю вам в подробностях наш образ жизни, потому что матушка рассказывает вам о нем *обильно, как говорит ученый Борис*. Я ограничусь тем, что скажу вам, что чувствую себя довольно хорошо, что всякий день молю Бога за вас и что беспокоюсь

---

* Письмо написано на сложенном вдвое листке, верхний левый угол оторван и одна-две буквы на каждой стороне утрачены.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

за состояние вашего здоровья из-за скорости, с какой вы путешествовали. ***Марченко*** написал мне 18-го прошедшего месяца из *Швейдница*, что ему сказали, что вы приехали накануне и уже представились вашему генералу[3]. Я надеюсь узнать от вас самого с первым курьером подробности о вашем приезде и устройстве. Я вижу в ***приказах***, что несколько раз упомянуты **старшие адъютанты** и что среди прочих есть полк[овой] **адъ**[ютант], имя которого я позабыл, который сделан ***старшим адъютантом*** у *графа Витгенштейна*. Объясните мне это, мой добрый друг. По старшинству ли над другими адъютантами назначают *старшего*, и каковы прерогативы такого *старшего*. Если они есть – то я уверен, что вы скоро заслужите это своей точностью и ревностью к службе.

Сегодня Воло принес присягу как офицер[4] и готовится уезжать незамедлительно. Я весьма за него беспокоюсь. Он еще очень молод, а я не знаю, кому его рекомендовать, поскольку никого не знаю в полку, в котором он *решительно хотел служить*. ***Марченко*** пишет мне, что граф Воронцов[5], вероятно, будет находиться в корпусе гр[афа] Витгенштейна, расположенного к нему. Если это произойдет, старайтесь, мой добрый друг, поговорить с ним насчет Воло, чтобы он взял его к себе адъютантом. Это было бы большим счастьем для этого славного мальчика. Мое письмо к графу Воронцову, которое я написал отсюда, еще когда вы были здесь, не дошло до него, поскольку ***Марченко*** не знал, где он находится, но в то же время он обещал мне доставить его ему. Быть может, он уже его получил сейчас. Если он согласен попросить его в адъютанты, то вы должны взять на себя его представить и отправить его к ***Марченко***, если это возможно без расстройства обычного порядка службы. Если гр[аф] Воронцов будет под командой гр[афа] Витгенштейна, я полагаю, что представление будет сделано последнему, а не имп[ератору], и тогда вы сможете рекомендовать его **Марченко**, которого я об этом уже предупредил. Я слишком хорошо знаю вас, мой добрый друг, чтобы сомневаться, что вы не упустите ничего от вас зависящего в этом деле.

Поскольку мне еще нужно писать ***Марченко***, у меня нет времени еще говорить с вами на этот раз. Так что заканчиваю, обнимая вас и благословляя от глубины души. Ваши братья вас нежно обнимают. П.

P.S. Вот два письма для двух пол[ковников] Альбрехтов. Их отец просил меня отослать их вам для доставления к ним, стало быть я так и делаю, но старайтесь, чтобы письма доставлялись всегда без промедления. Вы можете сказать *Карлу Альбрехту*, что держите свое обещание находиться в армии *перед ним*. Его отец получил от него письмо от 12 мая, помеченное Ригой, тогда как вы написали с той же датой уже из Кенигсберга.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 6–7 об.

---

[1] В описываемое время в армии служили несколько Жемчужниковых, неизвестно, кто их них приходился родственником Е.Д. Власьевой. Жемчужников Лука Ильич, поручик л.-гв. Измайловского полка, петербургский плац-адъютант; Жемчужников Александр Николаевич, подполковник, с сентября 1813 по июль 1817 командир Перновского гренадерского полка; Жемчужников Аполлон Степанович (1764–1840), полковник, командир Таврического гренадерского полка, в 1812 занимался формированием резервов, затем участвовал в заграничном походе в составе войск П.Х. Витгенштейна; Жемчужников Михаил Николаевич (1788–1865), артиллерийский офицер, бывший адъютант А.А. Аракчеева, служил в 1-м Кадетском корпусе, затем в 24-й артиллерийской бригаде, участник кампаний 1812, 1813–1814, в 1830-х – петербургский гражданский губернатор.

[2] Местр де Рудольф Осипович (1799–1866), гр., сын графа Жозефа де Местра, поручик Кавалергардского полка, в ноябре 1812 назначен адъютантом генерала П.В. Чичагова, затем после увольнения Чичагова в феврале 1813 де Местр стал адъютантом П.Х. Витгенштейна, произведен в штаб-ротмистры, в 1814 состоял при Н.Н. Раевском.

[3] Речь идет о П.Х. Витгенштейне, адъютантом к которому П.И. Пестель был назначен, согласно формулярному списку, 14 августа 1813; однако из писем отца видно, что Павел Пестель состоял при Витгенштейне с самого возвращения в действующую армию в 1813. Витгенштейн Петр Христианович (1768–1843), граф, в кампанию 1812 г. командовал 1-м отдельным пехот-

ным корпусом, с которым прикрывал петербургское направление, в июле под Клястицами остановил продвижение войск маршала Удино, в августе вел бои под Полоцком. В октябре произведен в генералы от кавалерии. В 1813 части под командованием Витгенштейна взяли Берлин. В апреле 1813 после смерти М.И. Кутузова назначен главнокомандующим, по после неудач под Лютценом и Бауценом попросил заменить его М.Б. Барклаем де Толли. В кампанию 1813 Витгенштейн командовал корпусом, в 1814 ранен при Бар-сюр-Об и уехал на лечение в Германию. По окончании войны стоял со своим корпусом в Митаве. 3 мая 1818 назначен главнокомандующим 2-й армией. С августа 1818 член Государственного совета.

[4] В.И. Пестель 13 июня 1813 г. был выпущен из камер-пажей корнетом в л.-гв. Кавалергардский полк.

[5] Воронцов Михаил Семенович, гр. (1782–1856), генерал-майор, в 1812 командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией в составе 2-й Западной армии, ранен при Бородино. По выздоровлении назначен командовать авангардом 3-й Западной армии. В 1813 генерал-лейтенант, с августа 1813 воевал в составе Северной армии.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 5 Ст.-Петерб[ург], 15 июня 1813*

Я получил четыре ваших письма, мой дорогой Павел, и поскольку последнее от 28 мая имеет № 5 пять**, тогда как оно только 4-е из пришедших к нам, надо полагать что № 4 потерян. Я очень на это сердит, потому что ваши письма доставляют мне большое удовольствие. Перемирие очень выгодно для вас, мой дорогой Павел, потому что вы сможете воспользоваться им для лучшего ухода за вашей раной, чтобы возобновить ваши военные подвиги с большей легкостью. Я совершенно уверен, что вы не единственный, кто желает продолжения войны. Она воистину бич рода человеческого, но поскольку чудовище, затеявшее ее со всеми державами Европы, еще опаснее в мирное время и в это время готовит все возможное зло для всякого мира, то остается желать, чтобы война продолжалась до тех пор, пока чудовище окажется не в состоянии делать зла. По всей видимости, никогда не будет для этого момента более благоприятного, чем настоящий, если только Австрия не захочет увидеть себя уничтоженной этим чудовищем, которое, видя сейчас как никогда, что она может быть гибельной для него, потрудится поставить ее в положение, в котором она перестанет быть для него опасной. Это мне кажется столь ясным, что почти невозможно, чтобы Австрия не присоединилась к союзу, который объял с таким рвением и славой дело всей вселенной. Впрочем, не будем больше об этом, ибо политика есть дело кабинетов, а не наше.

Я чувствую себя хорошо, но матушка с некоторых пор страдает болью в ушах, и, несмотря на ее большое терпение, видно, что у нее должны быть весьма мучительные боли.

Воло уехал (...*** сего месяца) со своим товарищем по корпусу кн[язем] Долгоруким[1]. По этому поводу я поближе рассмотрел этого последнего и нахожу, что это славный малый, но не более того. Воло глух и беспечен до непостижимого. Григория (слугу, которого Воло *сам выбрал*) вы знаете, а люди кн[язя] Долг[орукого] еще хуже. Бог знает, как эти господа устроятся, но я опасаюсь за них, пока они будут в дороге. Для Воло было бы великой пользой быть адъютантом гр[афа] Воронцова, ибо он еще не дозрел, чтобы быть предоставленным самому себе. Тем временем я пока не имею никакого ответа от гр[афа] Воронцова и не знаю еще, смог ли ***Марченко*** доставить ему мое письмо.

Матушка говорит вам о письме вашего генерала к госп[одину] гр[афу] Солтыкову****[2] в ответ на то, которое последний написал ему для вас, в котором он вас рекомендовал.

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Так в тексте – цифра повторена словом.

*** В подлиннике число пропущено.

**** Так в подлиннике – Солтыков.

Я очень рад, что среди петерб[ургской] публики продолжают отдавать справедливость выдающимся заслугам графа, вашего начальника. Даже досадуют, что он не сделан главнокомандующим!!! Впрочем, я полагаю, что лично для него более выгодно им не быть, по многим причинам.

Сион[3] получил удовлетворительный ответ на письмо, которое вы передали от него ген[ералу] Барклаю де Толли[4], и он вас очень благодарит за услугу, которую вы ему оказали.

Я очень рад, что ген[ерал]-майор Олсуфьев[5] хорошо вас принял. Старайтесь сохранить его расположение. Это весьма порядочный человек – по крайней мере, он всеми таковым признан.

Помилосердствуйте, мой добрый друг, сообщите мне новости о Пашкове и письме и пакете, которые вам поручили для него его родители[6]. Они весьма обеспокоены, не имея от него писем.

Я заказал значок с саблей[7], потому что не сумел найти готовый, есть только со шпагами. Мне его обещали завтра, и я не отправлю этого письма, пока он не будет сделан. Мне принесли один сегодня утром, но он ничего не стоил и я его вернул.

Борис пишет вам сам, как и Александр. Первый одержал победу над госп[ожой] Пукаловой[8], которая просила меня позволить ему навещать ее время от времени. Он был там и оказался довольно надолго с ней наедине. Вчера она пригласила его выпить с ней чаю, но он там не был, потому что был в деревне. После мы узнали, что госп[ожа] Пукалова провела день в постели с приступом лихорадки. Я надеюсь, что это не от исступления, в которое она впала в обществе любезного Бориса. Воло также сделал к ней визит. Он застал ее с подругой госп[ожой] Львовой[9], очень красивой женщиной. Воло оставался там недолго.

Впервые в моей жизни я был занят устройством траурной церемонии, т. е. похоронами Амалии Адам[10]. Все прошло самым приличным образом, какой здесь в употреблении. Покойная причастилась за восемь дней до смерти. Кат[ерина] Д[митриевна], я и Воло при этом присутствовали, с тем чувством, какое это действие должно вызывать.

Прощайте, мой дорогой Павел. Нежно вас обнимаю и благословляю от глубины сердца. Весь ваш П.

P.S. Я оканчиваю это письмо 17-го, поскольку лишь только что получил значок с саблей, который вы у меня просили. Как и 3 арш[ина] ленты. Значок стоит *25 руб.* и лента по 4 руб. аршин – *12 руб.* Я вкладываю все в письмо и адресую к *госп[одину] Марченко* для доставки вам.

Среди распространяеемых здесь новостей, происходящих из писем из Гл[авной] квартиры, говорят, что у вашего ген[ерала] не хороши дела и что он предполагает уйти. Я не прошу у вас никакого ответа на это, но советую вам, если это случится, спросить у него (как у вашего начальника) совета, что вам делать, и просить его отыскать вам другого ген[ерала], чтобы стать его адъютантом. Также вы можете поступить с графом Аракчеевым, который несомненно заинтересуется вами и который имеет средства быть вам полезным. Я не советую вам возвращаться в полк, раз уж вы его покинули, будет лучше продолжать вашу новую карьеру, гораздо более выгодную, тем более что ваша нога не позволяет вам служить в полку. В записке, отдельно от вашего письма, которое может видеть матушка, скажите мне, мой добрый друг, о вашей ране и вообще о вашем здоровье. Я горячо молю Бога за вас каждый день и благословляю вас от глубины сердца, нежно вас любящего.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 8–10 об.

---

[1] Долгорукий Василий Васильевич (ум. 1825), кн., товарищ В.И. Пестеля по Пажескому корпусу, выпущен в 1813 корнетом в л.-гв. Гусарский полк.

[2] Салтыков Николай Иванович (1736–1816), гр., воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, с марта 1812 г. – председатель Государственного совета и Комитета министров с поручением управлять внутренними делами в отсутствие императора.

[3] Оде де Сион Карл (Чарльз) Иосифович (1753–1837), из савойских дворян, был приглашен в Россию А.В. Суворовым для воспитания его сына, поступил на военную службу. С 1799 учитель в 1-м кадетском корпусе, преподавал фортификацию. С 1802 майор, инспектор классов Пажеского корпуса. В 1810 подполковник, в 1811 полковник, служил в корпусе до 1827. Его сын Карл Карлович (Яков Викторович) (1791–1858) был товарищем Павла Пестеля по учебе в корпусе, выпущен с ним вместе прапорщиком в л.-гв. Литовский полк. Участик кампании 1812 г., с августа 1812 по 1816 – адъютант М.Б. Барклая де Толли. По свидетельству С.Г. Волконского, К. Оде де Сион во время пребывания французской армии в Москве был заподозрен в шпионаже, выслан из действующей армии в Петербург, некоторое время находился под следствием, спасло его заступничество М.Б. Барклая де Толли (Волконский С.Г. Записки / Подг. А.З. Тихантовская, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991. С. 210–211).

[4] Барклай де Толли Михаил Богданович (1757–1818), 17 мая 1813 назначен главнокомандующим российско-прусскими войсками, с августа, после вступления в войну Австрии, командовал российско-прусскими войсками в составе Богемской армии. В декабре возведен в графское достоинство, в 1814 за взятие Парижа произведен в чин генерал-фельдмаршала. После окончания войны главнокомандующий 1-й армией.

[5] Олсуфьев Николай Дмитриевич (1775–1817), офицер л.-гв. Конного полка, с 1800 и до конца жизни адъютант великого князя Константина Павловича, сопровождал его в кампаниях 1812 и 1813–1814 гг., в декабре 1812 произведен в генерал-майоры «с состоянием по кавалерии и оставлением при особе великого князя Константина Павловича».

[6] По-видимому, имеется в виду Пашков Андрей Иванович (1793–1850), в 1812 корнет Кавалергардского полка, в 1813 поручик, с осени 1813 исполнял должность полкового адъютанта, в 1816 штаб-ротмистр, адъютант Ф.П. Уварова, в 1817 переведен в л.-гв. Гусарский полк, в 1826 уволен в отставку с чином генерал-майора. Его родители – полковник Иван Александрович Пашков (1756–1828) и Евдокия Николаевна (1770–1838), урожденная Яфимович.

[7] Речь идет о пряжке с миниатюрным изображением золотой шпаги «За храбрость», которую носили в знак обладания этой наградой.

[8] Пукалова Варвара Петровна, урожд. Мордвинова (р. 1784), жена действительного статского советника И.А. Пукалова, любовница А.А. Аракчеева. Семья Пестелей жила в одном доме с ней на Фонтанке (см. выше).

[9] Неясно, о ком из Львовых идет речь.

[10] Лицо не установлено. В Петербурге жили представители этой фамилии, известны Адам Егор Андреевич (1794–1864), генерал-майор путей сообщения и Горного ведомства, заведовал постройкой мостов в Петербурге; Адам Генрих Альберт (1770–1820), главный живописец Императорских фарфоровых заводов; Адам Евграф Романович, в 1823 коллежский асессор, экзекутор во II Департаменте Сената.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 6 Ст.-Петерб[ург], 20 июня 1813*

Мое последнее письмо вам, мой дорогой Павел, № 5, отправилось 17-го через госп[одина] **Марченко**, которому я его адресовал. После этого, а именно позавчера, я получил ваше письмо № 6 от 4 июня из Волденбурга[1]. Оно доставило мне поистине большое удовольствие, прежде всего потому, что вы так довольны своим новым начальником, затем, мне кажется, он должен находить вас способным исполнить поручение, требующее исполнителя, уверенного в себе и умеющего удовлетворительным образом дать ответ иностранному генералу. Я уверен, отдавая вам справедливость, что ваш генерал сделал хороший выбор, но что мне доставляет особенное удовольствие, это то, что он, кажется, узнал вас за то короткое время, что вы находитесь при нем. С другой стороны, ваша рана меня беспокоит. Я говорил о ней с Реманном, который считает, что осталась еще какая-то маленькая косточка, которая выйдет, и что это и есть причина, по которой рубец не закрывается.

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

24-го числа сего месяца будет ваш день рождения, а 29-го ваши именины. Мне весьма грустно провести эти два дня разлученным с вами, но будьте уверены, мой добрый друг, что я буду таковым лишь телесно и что, напротив, сердцем и душой я буду весьма близко к вам. Примите, дорогое дитя, мои пожелания благополучия и благословения. В эти два дня особенно я буду на коленях молить Провидение о вашем счастье, просить для вас руководительства Всевышнего и проливать слезы нежности за моего любезного Павла, благодаря всемогущего, давшего мне сына такого, каковы *Вы есть, мое дорогое дитя*. На этом я вас нежно обнимаю и прижимаю к сердцу.

Я получил письмо от Воло из Пскова, которое матушка еще не видела, поскольку оно пришло вчера вечером, и я повезу его ей сегодня в деревню. Это письмо от 14-го числа сего месяца написано в Пскове, в 326 в[ерстах] от Петерб[урга], тогда как наши юные герои отбыли 11-го. Им понадобились полных три дня, чтобы проделать этот путь. Вы видите, он путешествует не так, как вы. Воло меня очень, очень беспокоит. Он очень молод, очень беспечен, безо всякого опыта, и я дрожу за этого превосходного мальчика. Его товарищ кн[язь] Долгорукий славный малый, но ограниченный как нельзя более. Как бы я был счастлив, если бы он мог быть при гр[афе] Воронцове или же ординарцем при вашем генерале, если иначе невозможно устроить. Он бы имел вас советчиком, и я бы был гораздо спокойнее. Его письмо полно чувства и по нему видно, как ему одиноко, бедному мальчику!!

Я позаботился обо всех письмах, которые вы мне прислали, так что они будут доставлены в точности[2].

Я очень рад, дорогой Павел, что вы написали Реманну, вы не можете представить, какое это ему доставило удовольствие и как ваша матушка этим довольна.

Я крайне спешу сегодня, поскольку должен идти в Сенат. Вы видите это по беспорядку, в котором я вам пишу. Прощайте, дорогой друг, будьте здоровы и сообщайте нам свои новости как только можете часто. Весь ваш сердцем и душой П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 11–12.

---

[1] Возможно, Вартенбург.

[2] П.И. Пестель пересылал отцу письма сослуживцев для передачи их адресатам.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 7 Ст.-Петерб[ург], 27 июня 1813*

В эту самую минуту я получил ваше письмо, дорогой Павел, от 14-го числа сего месяца № 7. Я спешу на него ответить в ту же минуту, чтобы вы как можно скорее имели решение, о котором спрашиваете нас касательно вашего перемещения к ген[ерал]-майору Кайсарову[1]. Моя мысль в том, что надо сначала вам хорошенько увериться в двух важных пунктах, т. е. 1-е, одобрит ли ваш начальник граф В[итгенштейн], что вы его покидаете, и 2-е, *есть ли Кайсаров* человек, который может вам подойти и который будет уметь отдавать справедливость тем, кто находится при нем. Поскольку я знаю об одном и другом только по их репутации, я не могу иметь никакого основательного мнения. Если граф В[итгенштейн] соглашается на это *охотно* и не находит, что начав службу возле него, вы не слишком стараетесь остаться при его персоне и дать узнать себя ближе, и что Кайсаров может вас употребить с пользой для вас и для службы, тогда я не усомнюсь ни на минуту дать вам свое благословение для осуществления вашего плана. Подумайте хорошенько, дорогой друг, на месте, не рискуете ли вы навредить

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

себе в мнении графа В[итгенштейна], как вашего *нового* начальника, и потом действуйте соответственно. С этим связана дальнейшая ваша служба. Быть может, возможно, чтобы ***Марченко*** (который, кажется, интересуется вами чистосердечно) мог посоветоваться с гр[афом] Аракчеевым насчет вашего проекта. Если это может устроиться без больших затруднений, сделайте это; в противном случае смотрите сами и держитесь того, что вы сочтете более благоразумным, чтобы не задеть гр[афа] В[итгенштейна]. Мотив, заставляющий вас желать получить возможность отличиться, несомненно, достоин человека чести, но надо также, чтобы вы были вполне уверены, что найдете возможностей больше или быстрее при Кайсарове, нежели оставаясь при гр[афе] В[итгенштейне]. Повторяю вам еще раз, что полагаюсь на ваше благоразумие и соображение. Со своей стороны, я даю вам позволение решать так, как вы найдете наиболее подходящим в обстоятельствах, которые всегда нужно согласовывать с вашими вкусами, но никогда не решать согласно последним, не рассмотрев условий. Вообще, говорят много хорошего о Кайсарове. Я его знал как московского плац-адъютанта. Уже тогда это был достойный мальчик, всеми уважаемый. Решайте, дорогой Павел, по моему совету, и дайте мне знать как можно раньше, чего будете держаться. Я буду радоваться вашим успехам еще больше, чем орденам и наградам, которые они вам принесут. В остальном, я буду рад иметь сына, *заслужившего* орден Св. Георгия. Вы меня обяжете также, если обеспечите себе Прусский *орден за заслуги*. Тем временем я буду горячо молить Бога за вас, и мое благословение повсюду будет с вами.

№ 1, который вы не получили, мой дорогой Павел, был вам послан через Кат[ерину] Д[митриевну], которая передала его Windbeutel* **Жемчужникову** признаюсь, я ожидал, что это письмо до вас не дойдет. До нас все еще не дошло ваше № 4 через Томилова [?][2], вы говорите, что послали нам косточку, которая вышла из вашей язвы. Это доказывает, что вы сообщали в этом письме подробности о вашей ране, которых мы не знаем, не получив этого письма. Я вам писал уже в предыдущем, что Реманн предположил, что рубец не закрывается из-за косточки, которая ищет выхода.

Вы весьма экономны, дорогое дитя, имея еще столько денег, сколько вы мне указали. Как только я смогу достать денег, я вам пошлю, но в остальном, если у вас их не будет, возьмите у кого сможете и переведите платеж на меня.

Мы получили лишь одно письмо от Воло с его отъезда, то, о котором я вам говорил в предыдущем письме. Уже 16 дней, как он уехал. Я вас обнимаю, дорогой Павел, за ваше намерение уступить вашу великолепную лошадь Воло, но не делайте этого, по крайней мере пока не будете уверены, что вы достанете себе столь же хорошую. Поскольку гораздо нужнее и по вашему роду службы, и по причине вашей раны, чтобы *вы* имели хорошую лошадь, чем Воло, который может обойтись скорее, чем вы, лошадью посредственной. Он здоров и будет служить во фронте до нового приказа.

Матушка чувствует себя лучше, но еще не вполне поправилась. Она пишет вам сама и сообщит подробности обо всех наших домашних.

Марченко послал мне ваше письмо, на которое я сейчас отвечаю. Он написал мне 15-го числа, а ваше от 14-го. Он говорит, что познакомился с вами лично, поскольку вы к нему явились. Ваше письмо из Волденбурга, а **Марченко** – из Петерсвальде. Он говорит о вас много хорошего и, кажется, был доволен познакомиться с вами лично. Я думаю, вы хорошо делаете *dich an diesen Menschen zu halten***, он пользуется большим кредитом у гр[афа] Аракчеева и человек умный, хорошо знающий *карту страны*, в которой он весьма осведомлен[3].

Прощайте, мой добрый друг, не забывайте никогда, что все зависит от Всевышнего и к Нему одному мы должны обращаться, от него одного мы должны ожидать всего,

* «Ветрогон» (нем. яз.).

** «Держась таких людей» (нем. яз.).

и что ничто не может иметь для нас никакой пользы, если не от Него исходит, и что нужно, чтобы Он благословил все наши поступки, чтобы они вели к нашей истинной пользе. Так что все, что мы предпринимаем, следует начинать с обращения к Нему. Ему я поручаю вас, благословляя от глубины сердца и обнимая очень, очень нежно. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 13–15 об.

---

[1] Кайсаров Паисий Сергеевич (1783–1844), генерал-майор, в кампанию 1812 г. состоял при штабе Кутузова дежурным генералом, осенью 1812 – начальник авангарда казачьего корпуса М.И. Платова. В 1813–1814 командовал летучими отрядами, затем всем казачьим корпусом Платова.

[2] Томилов (?) – лицо не установлено.

[3] Очевидно, таким завуалированным способом Иван Борисович давал понять сыну, что Марченко хорошо разбирается в состоянии и интригах придворных партий, степени влияния различных персон.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 8 Ст.-Петерб[ург], 7 июля 1813*

Последнее из ваших писем, дорогой Павел, дошедшее до нас, это № 8 из Валденбурга от 16-го прошедшего месяца. Мы его получили весьма точно, как и все те, что вы нам посылали через ***Марченко***, таким образом, из 8 номеров, что вы нам написали, нам недостает только *№ 4*, посланного через госп[одина] Томилова, которого я не смог разыскать. Есть офицер с таким именем, к которому я обратился, но оказалось, что этот в Петерб[урге] с янв[аря] месяца, и что он приехал после взятия Полоцка, где был тяжело ранен, и этот самый Томилов сказал мне, что есть еще один с таким именем, но тот должен быть в армии. Я весьма раздосадован, что ваше письмо не дошло до нас, мой дорогой Павел. Последнее, что вы нам написали, доставило мне истинное удовольствие. Я по нему вижу с большой радостью ваш образ мыслей и как вы рассудительны, мой добрый друг. То, что вы говорите о невозможности просить позволения отправиться повидать вашу бабушку[1], как нельзя более справедливо, и я совершенно разделяю ваше мнение. Это может вам навредить в мнении имп[ератора], и вы не сможете ничем быть полезным для вашей бабушки. Все, что вы можете сделать в этом случае, это написать ей, если найдете хорошую оказию, чтобы засвидетельствовать ваше сожаление, что не можете ее повидать.

Воло пишет нам из Вильно от 19-го числа прошедшего месяца. Он едет как молокосос. Он, кажется, весьма огорчен тем, что разлучен с вами. Он вынужден много издержать на путешествие и не имел столько, сколько я бы хотел ему дать!! Его начальники принимают его как обыкновенного офицера, и это ему также кажется странным. Я не сержусь, коли он привыкает к этому и учится субординации, которой всегда крайне пренебрегали в Пажеском корпусе. Все, что вы мне говорите о нем, дорогой Павел, в вашем письме, меня трогает и снова доказывает, что вы превосходный мальчик и добрый брат. Я уверен, что он устроился бы совершенно хорошо, если бы был *с вами* при гр[афе] вашем начальнике. Не будет ли возможным, чтобы тот взял его к себе как офицера-ординарца или иным подходящим образом. Если вы находите, мой добрый друг, что это могло бы иметь успех, передайте вложенное графу и просите его также со своей стороны. Я сообщил об этом Воло. Если граф Воронцов согласится взять

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

его адъютантом, это будет еще лучше, но мне кажется, что одно другому не помешает. Если, напротив, вы найдете, что это может помешать, не передавайте моего письма графу. В целом, я полагаюсь на ваше разумение того, что вы найдете более полезным для вашего брата, и посылаю вам свое письмо только на случай, если вы сочтете, что оно может быть употреблено с пользой. Если оно не окажется нужным, порвите его и известите меня, что вы предприняли для благополучия вашего брата. Он находится сейчас в резерве, т. е. под началом *Беннигсена*[2], но это еще не наверняка, поскольку, по слухам, гвардейские роты не находятся больше в резерве и уже отправлены в большую армию. Он на днях будет отправлен также.

Я очень рад вашему объяснению насчет **старших адъют[антов]**. Я весьма вам обязан. Так граф Местр не адъютант графа?

Не забудьте про письмо и пакет для Пашкова. Мать объявит вам большую войну, если вы не исполните ее поручения, это решительная женщина, как вы знаете.

Если мои письма носят печать грусти, мой дорогой Павел, я этим раздосадован, поскольку не хотел бы, чтобы вы полагали меня грустным. В остальном, вы достаточно меня знаете, как и обстоятельства, в которых я нахожусь в различных отношениях. В действительности нечему радоваться, но, с другой стороны, вы знаете также, что я не огорчаюсь постоянно и что мое доверие ко Всевышнему меня успокаивает, и что *вообще говоря* я спокоен.

Матушка в деревне. Я бываю там чаще, чем в прошлые годы. Обычно я приезжаю в пятницу к обеду, и остаюсь пятницу, субботу, и возвращаюсь в город только в воскресенье после ужина. Кат[ерина] Дм[итриевна] тоже поселилась здесь. Но не буду вам говорить о наших семейных делах – это часть, которую матушка будет добра вам сообщить.

Все наши знакомые вспоминают о вас крайне лестным образом и посылают вам свои поклоны. Я же вас нежно обнимаю и благословляю от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я не пишу вам отдельного письма, мой дорогой друг, по 3 причинам, как госп[ожа] Пиме[3]. 1-е. Потому что, будучи совершенно одного мнения с батюшкой, я могу лишь сказать «*аминь*» на все, что он вам пишет, нет надобности повторять это с моей стороны. 2-е. Глава *мелких заметок*, или дел семейных и общественных, настолько однообразна и узка, что ничего особенного и не скажешь; и 3-е, я нахожу, что могу воспользоваться этим остатком бумаги, дающим *полную свободу** всему, что я могу вам сказать. Все хорошенько обдумав, я не могу удержаться от повторения вам, мой дорогой Павел, того, что батюшка вам уже сказал, что я, как и он, в высшей степени довольна вашими письмами, вашей манерой действовать и всей вашей дорогой персоной. Я прошу вас только прибавить к вашему ответу на это письмо специально для меня небольшую часть, содержащую подробности о вашей манере держаться со всеми окружающими и в доме графа. Есть ли что-то особенное; обращаются ли с вами и судят ли о вас, как обо всех, или чего-то больше или меньше? Поручения, которые вы передавали от двух имп[ератриц], и все письма, которые вы принесли к гр[афу] В[итгенштейну], доказали ли ему, что с вами надо обходиться и судить о вас не так, как обо всех лицах вашего возраста и ранга? Какова графиня[4] вообще и в особенности с вами? Вспомнила ли, что знала вас некогда? Я удивлена, что она мне не отвечает; мое письмо было достаточно обязательным, чтобы заслуживать ответа, и она не может затрудняться написать мне более, нежели герцогине Вюртембергской[5] и импер[атрице] Елиз[авете]. Я не столь самонадеянна также, чтобы думать, что мой стиль мог ее стеснить; так что полагаю, что сначала она была занята, потом ленива, потом что она забыла, что не слишком лестно. **Так и быть**, – говорит Софья, которая

* В оригинале – carte blanche.

Paul ce que Papa vous a déjà dit; qui est, que je suis comme lui extrêmement satisfaite de vos lettres, de votre manière d'agir et de toute votre chère Personne. Je vous prie seulement d'ajouter dans votre réponse à celle ci un petit article particulier pour moi, qui renferme des détails sur votre manière d'être avec tous vos alentours et dans la maison en toute. y a-t-il quelque chose de particulier; êtes vous traité et jugé comme tout le monde, ou y a-t-il du plus ou moins? Les commissions dont vous étiez porteur de la part des deux Trup: et toutes les lettres que vous avez apportées aux W: ont du lui prouver que vous n'étes pas tout-à-fait traité et jugé comme tout le monde de votre âge et de votre Connoissance, la société en général et particulièrement avec vous? S'est elle rappelée de vous avoir connu jadis? Je suis étonnée qu'elle ne me réponde pas; ma lettre était assez obligeante pour mériter une réponse, et elle ne peut pas être plus embarassée de m'écrire à moi, qu'à la Cour de Wurtemberg ou à l'Empereur: Elis: Jen'ai pas compris la fabilité de penser que mon style puisse plaire le sien; je suppose donc qu'elle a d'abord été occupée, puis paresseuse, puis qu'elle a oublié, ce qui n'est pas très flatteur.: Mais n'importe, dit Sophie qui vous embrasse bien, se porte bien et se conduit bien. Alexandre en fait autant. Madame Catherine vous fait des amitiés bien fraternelles, et Annette, en faisant une reverence pour les yeux souvenirs dit: дядюшкаю тебя цалуют и благословляют. Mon oncle Krasnitzki. Maître Nicolas m'a fait un grand discours pour me prouver que c'était par excès de sentiments qu'il ne me disait rien pour vous autres, qu'il me priait pourtant cette fois ci de vous dire ..... mille choses, entr'autres Daß er sich täglich in sein gebet an den Großfürsten Nicolaus empfiehlt, mais que généralement parlant si je rendais justice à ses sentimens je parlerais toujours pour lui sans qu'il me dise rien. Ivan Karlowitch est très malade d'une fièvre chaude. Mad.e Nagel vous remercie beaucoup de votre souvenir et des bonnes nouvelles que vous lui donnez de ses fils. Elle vous prie de lui faire parvenir encore une lettre qu'elle va vous envoyer. Elle croit qu'il est capable de ne pas vous répondre du tout parce qu'il ne saura pas comment s'y prendre pour cela, ni qui vous êtes, ni comment vous demander de l'argent. Il paraît que la jeune homme n'est pas très sage: mais la mère vous aime beaucoup et moi aussi. Mad.e Brickoff vous fait encore ses amitiés. — Vous vous trompez, mon cher, de croire que l'aîné Albrecht ait un jeune cheval pour la chasse. C'est le cadet, le benjamin: Martchenko nous dit qu'il a reçu mille roubles pour se faire traiter à je ne sais quelles eaux; et l'aîné n'est pas malade, du moins que personne ici ne sache. — Rehmann vous dit bien des choses. Il avait commencé à vous écrire chez moi; mais une conversation malencontreuse l'ayant fait faire des taches de sang sur la lettre à moitié écrite, il l'a froissée de colère, l'a mise dans sa poche et a dit qu'il vous écrirait une autre fois. Je ne l'ai pas vu depuis quelques jours parce qu'il ne fait qu'aller de chez Ivan Karlow: qui est très malade: chez Mad.e Naschkin, la femme du grand maréchal de la cour, qui demeure à la

19.

Приписка Е.И. Пестель к письму И.Б. Пестеля, 7 июля 1813 г.

вас обнимает хорошо, чувствует себя хорошо и ведет себя хорошо. Александр также. Госпожа Катерина шлет вам родственные приветствия, а Аннет[6], делая монастырский реверанс и опуская глаза*, говорит: «**Дядюшкам Павлу Ивановичу и Влад[имиру] Ив[ановичу] прошу кланяться»**. Мэтр Никола[7] произнес мне большую речь, доказывая, что это из-за *приступа чувств* он мне не *сказал ничего* для вас, что он просит меня тем не менее** *на этот раз* сказать вам... столько всего, среди прочего daß er dich täglich in sein Gebeth an den Heyland einschließt***, но что, вообще говоря, если бы я отдавала должное его чувствам, я бы всегда говорила от него, хоть он ничего и не сказал. Иван Карлович[8] очень болен горячкой. Госп[ожа] Нагель *очень* вас благодарит за память и за добрые новости, которые вы ей сообщаете о сыне. Она просит вас доставить ему еще одно письмо, которое она нам пришлет. Она считает, что он способен вовсе вам не ответить, потому что не будет знать, как за это взяться, ни кто вы такой, ни как просить у вас денег. Кажется, молодой человек не очень ловок, но мать вас очень любит, и я тоже. Госп[ожа] Брейткопф[9] снова шлет вам поклоны. Вы ошибаетесь, мой дорогой, думая, что старший Альбрехт взял отпуск из-за здоровья. Это младший, гусар. Марченко нам сказал, что он получил тысячу рублей, чтобы лечиться на не знаю каких водах. А старший не болен, по крайней мере здесь никто об этом не знает. Реманн говорит вам много всего. Он было начал вам писать у меня, но по неловкости порезался и запачкал кровью наполовину написанное письмо, он его от гнева смял, положил в карман и сказал, что он вам напишет в другой раз. Я не видела его несколько дней, потому что он только и ездит от Ивана Карлов[ича], который *очень болен*, к госп[оже] Нарышкиной[10], жене гофмаршала, которая живет на 14-й версте Петергофской дороги и которая тоже сильно больна, а от госп[ожи] Нарышкиной к Ив[ану] Карл[овичу]. В промежутке надо посетить нескольких других больных и съездить на Аптекарский остров повидать его жену, которая ... guter Hofnung****. Поскольку он не любит, когда говорят об этих вещах, не говорите ничего в ваших письмах: он так жаден до ваших новостей и писем, что почти вырывает их у нас из рук, чтобы прочесть, если только я не сяду напротив него *через* стол, чтобы прочесть ему главные места. Он вас любит и крепко уважает; любит он также и Воло.

Итак, не имев ничего вам сказать, вот уже 3 большие страницы исписаны, а я еще не закончила. Скажу вам еще, что Сепель [Sépele] Нагель был так рад узнать из газет о вашем повышении в подпоручики*****, что говорит, будь он маршалом и в то же время эгоистом, он повышал бы вас каждые 8 дней. Его жена наградила его третьим ребенком, о рождении которого матушка узнала здесь через иностранцев. Кат[ерина] Дм[итриевна], которая живет здесь уже восемь дней, бывает с нами больше, чем я могла думать, хотя ездит в город каждый день. Мы пользуемся наилучшей погодой, которая стоит уже 15 дней. Мое ухо лучше. Никаких новостей от моей бедной матери! Вы ошибаетесь, мой добрый друг, думая, что я грустна: это случается со мной иногда, когда я размышляю; но я стараюсь размышлять как можно меньше, смотрю на ваш портрет[11], читаю ваши письма, молюсь Богу, и я спокойна и даже иногда довольно любезна, тем более что перемирие длится. Прощайте, дорогой, дорогой Павел, нежно вас обнимаю, благословляя как лучший друг и самая нежная мать.

Приписка И.Б. Пестеля:

P.S. Я пишу вам эти строчки, мой дорогой Павел, без ведома вашей превосходной матери. Если будете на это отвечать, пишите также на отдельном листке, чтобы она

---

* Слова «опуская глаза» вписаны над строкой.

** «Тем не менее» вписано над строкой.

*** «Что он каждодневно поминает тебя в своих молитвах Спасителю» (нем. яз.).

**** «В интересном положении» (нем. яз.)

***** «В подпоручики» вписано над строкой.

не узнала. Поскольку письмо, которое вы мне прислали для Воло, не застало уже его здесь, я решился его открыть, конечно, не из любопытства, но чтобы узнать, не даете ли вы ему советов касательно его путешествия, которые мне было бы полезно знать. Я обнаружил, что вы, должно быть, серьезно страдаете от своей ноги, раз готовитесь ехать в коляске и не в состоянии сесть на лошадь, которую купили. Я был этим чувствительно огорчен и ничего не сказал об этом вашей матери, которая впала бы в еще большее беспокойство. Ей его и так довольно оттого, что вы в армии, а если она узнает еще и о состоянии вашей раны, – что с ней станется? Расскажите мне откровенно, мой добрый друг, о своем состоянии. Не зная, что с вами происходит, я могу только больше беспокоиться. Я могу лишь молить Бога за ваше совершенное выздоровление, и делаю это от глубины души.

Что касается поручения, которое вы даете Воло, купить вам хомуты для 4 лошадей к коляске, я исполню его в точности, но не знаю, каким образом их вам доставить. Я уже этим занялся и если найду способ, то пошлю их вам тотчас. Я очень спешу закончить. Прощайте, мой дорогой Павел, я вас нежно прижимаю к сердцу.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 16–20 об.
На л. 20 об. внизу следы пробы пера и пятно от красного сургуча.

---

[1] А. фон Крок проживала тогда, по-видимому, в Дрездене.

[2] Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), генерал от кавалерии, в кампанию 1813 г. командовал Польской армией, участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Лейпциге, за отличие возведен в графское достоинство.

[3] М-м Пиме (Pimé) – вероятно, литературный персонаж.

[4] Графиня Витгенштейн Антуанетта (Антонина) Станиславовна (1779–1855), урожденная Снарская, жена П.Х. Витгенштейна, статс-дама с 1820.

[5] Проживавшая при русском дворе герцогиня Мария-Антуанетта, жена принца Александра Вюртембергского, брата императрицы-матери Марии Федоровны (с 1811 белорусский военный губернатор, в 1813 командовал корпусом, осаждавшим Данциг, с 1822 главноуправляющий путями сообщения); или же ее дочь герцогиня Мария, подруга великой княгини Александры Федоровны, с 1832 герцогиня Саксен-Кобургская.

[6] Имеются в виду Катерина Дмитриевна Власьева и ее дочь.

[7] Возможно, шутливое прозвище Н.Б. Пестеля.

[8] Вероятно, Иван Карлович Альбрехт-отец.

[9] Возможно, Брейткопф (Brietkopf) Анна Франциска (Анна Ивановна) (1751–1823), первая директриса Екатерининского института. Известен также Брейткопф Бернгард Теодор (1749–1820), действительный тайный советник, нотный издатель, работавший в Петербурге.

[10] Мария Алексеевна Нарышкина (1762–1822), урожденная Сенявина, жена Александра Львовича Нарышкина (1760–1826), обер-гофмаршала, обер-камергера, главного директора Императорских театров. Их дача на 13-й версте Петергофской дороги была известна по праздникам и театральным представлениям, которые устраивали хозяева (Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005. С. 140).

[11] Известный портрет П.И. Пестеля, датируемый 1813 г., был написан самой Е.И. Пестель.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 9 Ст.-Петерб[ург], 18 июля 1813*

Последнее письмо, которое я вам написал, мой дорогой Павел, было от 8-го числа сего месяца, № 8. С тех пор я имел удовольствие получить два ваших письма, № 4 от 9 июня, которое госп[один] Томилов вручил мне лично, и № 9 от 24 июня

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

через госп[одина] Марченко. Оба доставили мне поистине большое удовольствие, и я спешу ответить. Тысяча благодарностей, мой добрый друг, за ваши пожелания по случаю моих именин. Я знал вашу любовь ко мне и совершенно уверен в искренности ваших пожеланий. Поздравляю вас столь же усердно с таковым же днем, мой добрый друг. Всякий день я поручаю вас покровительству Всевышнего. Он – единственный покровитель людей честных и порядочных. Но, несомненно, не люди. Вполне отдавая справедливость истинным заслугам человека чести, патриота, который ревностно служит отечеству, они его, в сущности, не любят. Вот весьма грустный опыт, который я приобретаю ежедневно и к которому вы должны привыкнуть со временем, мой добрый друг. Ибо вы тоже человек чести и, следовательно, верный слуга своего отечества и ревностный подданный государя. Вы провели день 24 июня (день, когда вам исполнилось полных 20 лет) в одиночестве. Вы были оставлены со своими размышлениями, и я полагаю, что читаю в вашем сердце. Я думаю, что среди множества мыслей, которые вас посетили, вы думали также, что не очень блистательно быть *подпоручиком* в этом возрасте. Если вы сравниваете себя со множеством других, которые вас не стоят, и о которых можно сказать что они не стоят sie sind deinen Absatz nicht werth*. Вы часто будете обнаруживать, что отстали. Со мной всегда происходило то же самое, несмотря на это, я всегда оказывался *через некоторое время* вровень со многими персонами, которые имели больших и могущественных покровителей. Которые делали все низости, необходимые для того, чтобы добиться, и единственная вещь, в которой я также всегда находился выше них, это то, что меня уважали повсюду, где я появлялся, что я мог сам уважать себя и что, напротив, особенно во всех серьезных случаях, мое превосходство, происходившее не от гордости (которой я не знал), но от моей действительной стоимости, внушало им почтение. Есть ли ранг и отличия для того, кто стоит этого чувства, столь необходимого для человека чести? Исполняйте всегда ваш долг как таковой. Отдайтесь во власть Всевышнего и будьте уверены, что все, что может быть вам полезным, придет к вам в тот момент, когда вы меньше всего будете этого ожидать. Подробности, которые вы мне сообщаете о службе в целом, и частности, относящиеся к некоторым лицам, выдающиеся места в военной службе, вполне доказывают, что *истинная заслуга* всюду находит завистников и что ей всегда трудно пробиться, но поверьте мне, дорогой друг, что в конце концов она одерживает верх. Опыт доказывает это вполне, в течение этой войны. Я не вхожу ни в какие рассуждения об *этих подробностях* из предосторожности. Удовольствуюсь тем, что скажу, что ежедневно вижу в гражданской службе то, что вы видите сейчас в военной. Вспомните, мой друг, что я повторял вам так часто, что надо привыкнуть к субординации и уметь подчиняться даже начальникам, которых нельзя уважать. Вы понимаете меня и знаете, конечно, что это ни в коей мере не касается вашего нынешнего начальника, который уважаем всеми и которому всякий честный человек отдает справедливость, как человеку чести, спасшему свое отечество, оказав ему услуги, каких оно никогда не забудет. Вот, мой добрый друг, все, что я могу вам сказать в ответ на ваше письмо № 4, которое Томилов мне вручил.

У нас говорят только о мире. Никто из благомыслящих его не желает из опасения, как бы он не оказался пагубным как для настоящего момента, так и особенно по своим последствиям. Как верить слову и договорам чудовища, которое господствует лишь обманом и самым отвратительным деспотизмом. Которое в момент, когда заключает договор, думает лишь о том, как использовать то время, пока союзники будут считать его другом. Большинство его друзей понесли самые большие потери и были совершенно разорены за время союза с этим чудовищем. Помолимся Богу. Он один может

* «В подметки вам не годятся» (нем. яз.).

положить конец всем несчастьям, в которые мир ввергнут с тех пор, как это чудовище правит Францией!!!

Воло написал нам последний раз из *Слонима** 3-го числа сего месяца. Он огорчен тем, что остается в резерве под командой ген[ерала] Кологривова[1]. Несмотря на то что он был превосходно принят по рекомендации кн[язя] Лобанова[2], который взял Воло под свое особое покровительство и ответил на мое письмо, в котором я ему его рекомендовал самым удовлетворительным образом, – я был бы доволен, если бы он мог быть с вами при вашем графе. Но опасаюсь, что это будет трудно устроить – *не без основания*. Воло плохой эконом. Он купил 2-х лошадей за *800 руб*. в Белостоке, и поскольку говорит, что прибыл с этими лошадьми в Слоним, я полагаю, что это упряжные лошади. Если так, то какая огромная цена!!! Он велел сшить себе колет и панталоны в Белостоке, тогда как был полностью одет и экипирован здесь. Таким образом, у него осталось лишь несколько дукатов. Вы видите, мой добрый друг, что он устраивается не так, как вы это делаете. Еще одна причина желать, чтобы он был с вами и под вашим руководством. Я действительно тронут вашей братской нежностью к Воло. Он говорит в письме, что у них тоже все толкуют о мире, и он этим раздосадован, поскольку ему любопытно *испытать свою храбрость*. Вот его собственные слова. Как только мне будет из чего, я пошлю вам денег, мой дорогой Павел.

Если граф Витгенштейн не сможет взять к себе Воло, *не сможет ли князь Репнин*?[3] Я оставляю это дело на ваше суждение и соображение.

Я не говорю вам ничего о нашей маленькой семье. Матушка взялась вам сообщить все детали. Мы все здоровы. Мы привыкли к деревне, особенно Александр и Софья чувствуют себя превосходно.

Я продолжаю посылать вам свои письма через ***Марченко***, делайте так же. Это самый верный способ, поскольку мы этим путем не потеряли ни одного.

Прощайте, мой добрый друг. Прижимаю вас к сердцу, обнимая и благословляя от глубины души, в которой занимаете совершенно особенное место. П.

P.S. Смерть моего кузена Крока[4] меня весьма чувствительно огорчила. Это был порядочный человек и один из наших родственников, делавших нам честь. Этого нельзя сказать о многих других из их числа.

Мой брат Никол[ай] Борис[ович] поручил мне заверить вас в его к вам нежности. Андрей Борис[ович] был представлен к новому награждению, поскольку отличился в деле на Кавказе[5]. Вот письмо для госп[одина] ***Чагина***[6] в ответ на то, что вы мне послали и которое я доставил.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 21–24 об.**

---

[1] Кологривов Андрей Семенович (1774 или 1775 – 1825), генерал от кавалерии, с октября 1812 – командующий кавалерийскими резервами для действующих армий.

[2] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), кн., генерал от инфантерии, с началом кампании 1812 г. назначен «военным начальником в пространстве империи от Ярославля до Воронежа» с поручением формировать резервные войска. В марте 1813 – главнокомандующий Резервной армией, войска которой осаждали крепость Замостье. Впоследствии член Государственного совета, в 1817–1827 – министр юстиции.

[3] Репнин (Репнин-Волконский) Николай Григорьевич (1778–1845), кн., брат декабриста С.Г. Волконского. В 1812 – генерал-майор, командовал резервными эскадронами 1-й Западной армии, вошедшими затем в 1-й отдельный пехотный корпус П.Х. Витгенштейна. В 1813 командовал летучими отрядами в корпусе Витгенштейна, 8 марта произведен в генерал-адъютанты,

---

* Название повторено над строкой и подчеркнуто.

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело. За л. 21 об. должен следовать л. 24–24 об., затем л. 22–23.

состоял при Александре I, после Лейпцигского сражения назначен от имени союзных держав генерал-губернатором Саксонии. В марте 1814 – генерал-лейтенант, сопровождал Александра I на Венский конгресс. С 1816 малороссийский военный губернатор.

[4] Фамилию фон Крок имели отец Е.И. Пестель и мать И.Б. Пестеля (супруги были двоюродными братом и сестрой), семьи были довольно многочисленными, таким образом, «кузен Крок» мог быть как одним из братьев Е.И. Пестель, так и приходиться им обоим кузеном. Поскольку в письмах И.Б. Пестеля содержится только этот отзыв на смерть фон Крока, но не сообщение о ней, можно предположить, что речь идет об одном из родственников, проживавших в Саксонии, и известие о его смерти было получено от П.И. Пестеля.

[5] А.Б. Пестель в марте 1813 г. участвовал в боевых действиях против персов между реками Тальши и Араксом, при переправе через Аракс и затем в преследовании неприятеля до границ Эриванского ханства, в начале апреля находился в сражении с персидскими войсками под начальством эриванского сардаря Гуссейн-Хана при Карабюрки, за что награжден орденом Св. Анны 2-й ст.

[6] Чагин Петр Николаевич (р. 1782), в молодости – в военной службе, затем – в чине титулярного советника в г. Юрьевце, в Инспекторском департаменте Военного министерства. В 1812 вступил в петербургское ополчение, вместе с ним прибыл в войска П.Х. Витгенштейна. В 1813–1815 служил при штабе Витгенштейна. Имел 4 ордена за военные отличия и золотую шпагу «за храбрость», был несколько раз ранен, отличился в сентябре 1813 в отряде генерал-майора П.С. Кайсарова, когда, командуя вакантным эскадроном, атаковал неприятеля. В 1815 вышел в отставку за ранами, служил по гражданской части, сменил много мест службы. 31 мая 1824 уволен указом Александра I с предписанием впредь на службу не определять и выслать на жительство в уездный город под надзор полиции. Причиной этому было обвинение в подлоге, которое сам Чагин называл ложным и вызванным гонением на него со стороны министра финансов Гурьева и чиновника его министерства Взметнева за опубликованное Чагиным сатирическое стихотворение. Чагин был выслан из Петербурга в г. Зубцов Тверской губернии, в 1826 получил разрешение выехать в Грузию «для употребления против неприятеля», прибыл в Тифлис, служил при Нижегородском драгунском полку. Проезжая через Москву, в доме знакомых говорил о П.И. Пестеле, что послужило поводом для доноса о том, что Чагин хранит рукописи Пестеля, в том числе «Русскую Правду». Расследование показало неосновательность доноса, И.И. Дибич характеризовал это дело как совершенно пустое «по совершенно неосновательному характеру Чагина». В 1827 Чагин отличился в сражении на Кавказе, был представлен к награде, но вскоре с Кавказа уехал, дальнейшая судьба неизвестна (Семенова А.В. Из истории борьбы III Отделения с отголосками движения декабристов (Дознание о П.Н. Чагине – товарище П.И. Пестеля по военным походам 1813–1814 гг.) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 61–65).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 10 Ст.-Петерб[ург], 29 июля 1813*

Лишь позавчера, мой дорогой Павел, ваше письмо № 11 от 9-го числа сего месяца дошло до меня, и я спешу на него ответить. Начну с того, чтобы нежно обнять вас и заверить, что я со слезами удовольствия на глазах видел, с какой деликатностью вы настаиваете, чтобы я послал деньги скорее вашему брату, чем вам, стараясь мне показать, что вы в них не нуждаетесь. Это великодушие с вашей стороны, мой друг, весьма вас достойно. Благородство вашего характера и достоинство вашей души во всякое время доставляют мне большое удовольствие. Сохрани вам Бог навсегда эту манеру мыслить, и вы всегда будете иметь всеобщее уважение. С удовольствием заверяю вас в моем совершенном удовлетворении благородством вашего характера, и воздавая вам полную справедливость за добрые качества, которые знаю, я все же согласен с вашей превосходной матерью в том, что она вам пишет в письме, которое прилагаю, о легкости, с которой вы увлекаетесь впечатлением, которое производят на вас пересуды

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

людей, пользующихся вашим доверием. Я вовсе не сомневаюсь, что это люди очень уважаемые, но, поскольку они являются людьми, они не могут быть совершенными. И матушка очень хорошо говорит, что неудовольствие, даже несправедливость не должны принуждать нас так легко менять хорошее мнение, которое мы имеем о комлибо, особенно же о лицах, с которыми мы должны жить и от которых обстоятельства вынуждают нас более или менее зависеть. Сделайте милость, как подсказывают вашим родителям дружеские наблюдения и нежность, не спешите говорить с ними откровенно и говорить все, что вы думаете. Есть ли в мире существо, могущее столь же желать вам блага, как ваши родители? Вы составляете их счастье, вы для них все. Никогда не забывайте об этом, мой добрый друг.

Я весьма огорчен, что Воло будет в резерве, не столько тем, что он не сможет участвовать в войне, сколько тем, что он будет далеко от вас. А этому доброму мальчику необходим друг, который бы им руководил. Я пишу на этот счет Марченко, и если вы его увидите, поговорите с ним, каким образом было бы возможно перевести Воло ближе к вам, так, чтобы не вызвать неудовольствия имп[ератора] и великого князя[1], от которого Воло зависит более, чем вы, служа в кавалерии.

Перемирие будет окончено 4 августа, и по всем признакам, война будет возобновлена в большем размере, чем когда-либо. Этого желают все достойные люди, ибо кажется, что упустив настоящий благоприятный момент, никогда уже не положить конца этому чудовищу, опустошившему весь мир!! Бог, несомненно, благословит наше оружие, защищающее доброе дело. Невероятно, чтобы армия под командованием ген[ерала] Беннигсена присоединилась к вашей. Одна из причин, заставляющих меня в этом сомневаться, – наименование этой армии *польской*. К чему бы было давать ей это имя, если бы с ней не было связано дальнейших планов, нам неведомых?

Вы имеете от меня полную свободу в проектах с Кайсаровым, если будете соблюдать предосторожности, о которых я вам говорил подробно в одном из писем, что вы уже получили. Старайтесь, мой добрый друг, снискать расположение своего генерала. Он пользуется такой репутацией, что для вас было бы весьма досадно не иметь его протекции.

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас очень, очень нежно. И люблю вас так же, благословляя от глубины сердца, в котором вы занимаете одно из первых мест. Я прошу за вас Всевышнего в ежедневных молитвах. Не забывайте, дорогой друг, что наше беспокойство на ваш счет возрастет, когда возобновятся военные действия, и что ваши письма будут бальзамом для душ ваших родителей. Прощайте еще раз, мое дорогое и доброе дитя. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 25–26 об.

[1] Великий князь Константин Павлович в 1813–1814 гг. командовал резервом Богемской армии.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 11 Ст.-Петерб[ург], 20 августа 1813*

Хотя я крайне занят, не хочу отсылать вам прилагаемое письмо, не сказав хотя бы двух слов, мой дорогой Павел. Ваши последние письма доставили мне очень, очень большое удовольствие. Они доказывают, что вы столь же хороший сын, как и

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

брат, а ваша большая экономия достойна моего восхищения. Вы не только сумели устроиться с тем немногим, что я мог вам дать, но вы даже захотели помочь своему брату. Если бы вы видели меня за чтением ваших писем, дорогое дитя, вы были бы тронуты чувствами, которые они произвели в моем сердце. Я молю Бога за вас каждый день и благословляю вас от глубины души. Да руководит и поддерживает вас Бог в ваших принципах чести, честности и нежности к родителям и братьям. То, что вы говорите в записке в ответ на мой вопрос о состоянии вашего здоровья, доставило мне большое удовольствие. Продолжайте сообщать мне новости о себе со всей откровенностью, которой я заслуживаю по интересу, который в вас принимаю. Реманн заверяет меня, что ваша *другая болезнь*, которая не есть следствие вашей службы отечеству, ни о чем не говорит, кроме того, что все врачи, уверяющие вас, что это болезнь [нрзб.]*, ошибаются. Это лишь следствие слабости, перешедшей на поврежденные части. Укрепляя их и не подвергаясь новым случайностям, эта болезнь пройдет сама собой. Рана не имеет никакой связи с этой болезнью, которая не будет иметь последствий, *если вы побережетесь*. Ваша рана будет вполне излечена, если осколки, отделившиеся от кости, все выйдут, и Реманн подтверждает, что вы будете пользоваться ногой как и до ранения. Не могу скрыть от вас, что возобновление войны причиняет мне новое беспокойство за вас. Бог наш единственный покровитель. Да хранит он вас!!!

Я больше не знаю, куда писать Воло. Последнее письмо было из Варшавы, и он там сам говорит, что не может мне указать, куда я должен ему писать. Я решился посылать ему мои письма через ген[ерала] Беннигсена, под командованием которого, как я полагаю, должен находиться его эскадрон.

Матушка сообщает вам необходимые подробности в своем письме, и мне нечего к этому добавить.

Я аккуратно доставил все письма, которые вы мне прислали, и вот расписка в получении письма **Чагина** для **Сипягина**[1], который отсутствовал, и письмо вручено его домоправителю.

Прощайте, дорогой друг, мой превосходный Павел. Прижимаю вас к сердцу и нежно обнимаю. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 27–28.

[1] Неясно, о каком из Сипягиных идет речь.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 12** *Ст.-Петерб[ург], 10 сент[ября] 1813*

Вы превосходный человек, мой дорогой Павел, написав нам сразу после сражений, в которых вы были. Ваше письмо от 19-го прошедшего месяца, № 17***, последнее, которое к нам пришло, прибыло в момент, когда здесь стали известны официальные новости о сражениях. Судите, дорогое дитя, по нежности, которую мы к вам испытываем, как мы были рады узнать, что вы здоровы и перенесли войну и все сопровождающие ее бедствия, не будучи ни ранены, ни больны. Я на коленях вознес благодарность Всевышнему и благословил вас от глубины сердца. Блестящие сражения, выигранные нами, как и союзными с нами армиями, доставили здесь величайшее удовольствие.

* Далее две или три неразобранные буквы, очевидно, сокращенное название болезни.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

*** Номер приписан над строкой.

Барклай отличился и был вознагражден беспримерным образом. Я бы желал для вас и вашего генерала, чтобы его армия тоже имела случай отличиться. Лучше поздно, чем никогда, и гр[аф] Витг[енштейн] не тот человек, чтобы упустить случай. Нет, он даже будет его искать и найдет. И тогда мой дорогой Павел воспользуется преимуществом его успехов и тем, что находится при человеке столь знаменитом. Я по крайней мере на это надеюсь. Но чего я особенно прошу для вас у Всевышнего, это здоровья и спокойствия душевного.

Насколько вы нас успокоили своими письмами, дорогой Павел, настолько же молчание Воло возбуждает во мне беспокойство. С 26 июля (которым датировано его последнее письмо) мы не только не имеем от него ни строчки, но и не знаем даже, где он есть, в каком корпусе и под командой какого генерала. Я уверен, что у него нет денег, и не знаю, куда их ему послать и к кому адресоваться, чтобы он мог их получить. Я трепещу, как бы он не оказался болен и лишен всякой надежды на помощь, не имея средств ее получить.

Я пишу вам мало, потому что ваша превосходная матушка хочет сообщить вам все подробности, которые могут вас интересовать. Мне не остается ничего сказать, кроме как повторить благодарности за то, что часто нам пишете, и просить вас делать так и дальше. Вы не можете себе представить радости нас *всех*, когда мы получили ваши письма. Ваша бедная мать не имеет ни минуты спокойствия с тех пор, как вы и Воло уехали. И на ее здоровье это очень сильно сказывается. Когда говорят о состоявшемся сражении, она дрожит со слезами на глазах. Если она получает письма от вас, она пару дней весела.

Прощайте, дорогой друг. Нежно прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 29–30.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 13 Ст.-Петерб[ург], 22 сент[ября] 1813*

Отвечаю на ваше последнее письмо из Кульма от 6-го числа сего месяца, мой дорогой Павел. Закончив его чтение, я не мог не поспешить возблагодарить Всевышнего, пославшего вам хорошее здоровье, и что ваша нога подает надежду на совершенное исцеление. Все, что вы говорите, мой добрый друг, о ходе дел со стороны кн[язя] Шварценберга[1], кажется довольно очевидным, и без наших дорогих соотечественников, русских, никак не подумать, даже пруссаки, которые сражаются с такой честью, не сделали бы того, что сделали, без нас**. Я очень огорчен, что, кажется, руки связаны обстоятельствами у вашего ген[ерала]. Он столько сделал в прошлогоднюю войну, что никто не сомневается, что он заставил бы говорить о себе и впредь, если обстоятельства, или скорее австрийцы, действовали с равной энергией, что и другие союзники. Храни их Бог, и в особенности русские войска. Не может быть иначе, пока наш превосходный монарх верит в Бога и ждет всего от Него. Прошлый год достаточно доказал, что Он с нами. Продолжим молить Его о спасении и будем взывать к Нему при всяком предприятии!!!

То, что вы мне говорите о вашем месте как адъютанта, очень просто, никогда не было иначе и всегда будет так же. Те, кто умеют быть придворными, всегда будут иметь преимущество перед теми, кто этого не делает. Но надо также ставить себя на место

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Так в тексте.

людей; вы сами будете благосклонней к тем, кто выказывает более старания вам нравиться. Есть очень благородные средства ухаживать за персонами, которые могут быть вам полезными. Этими средствами не следует пренебрегать, мой добрый друг. Служба прежде всего, но маленькие любезности, которые человек чести может себе позволить, не должны оставаться в пренебрежении. Вы достаточно знаете меня, мой дорогой Павел. Э! Такой, какой я есть, я никогда не пренебрегал случаем засвидетельствовать услужливость и почтение моим начальникам, что не было моей обязанностью как подчиненного. Возраст и различие других обстоятельств сделали меня менее любезным с некоторых пор. Быть может, я даже слишком мало любезен. Быть может, я даже неправ. В остальном, не падайте духом, мой дорогой друг, если увидите награжденными людей, которые менее вас того заслуживают. Мой собственный пример должен вас поддержать. Я в течение службы весьма часто видел себя отстающим по сравнению с другими – но через некоторое время я снова видел себя не только сравнявшимся, но даже их опережал. Человек чести исполняет свой долг, а остальное приходит само собой с Божьей помощью. Я говорю вам все это, мой дорогой и добрый друг, чтобы вы не падали духом. Молодой человек с вашими средствами и вашим образом мыслей может принести большую пользу службе отечеству, и было бы потерей для службы и большой неприятностью для вас, если бы обычные издержки света заставили вас упасть духом. Поручаю вас Всевышнему и благословляю от всего сердца, благодаря Бога за то, что дал мне такого сына, как вы!!!

Поскольку матушка сообщает вам все необходимые подробности о нашей маленькой семье, мне нечего прибавить. Только то, что неизвестность о месте пребывания Воло меня сильно беспокоит. Я написал об этом кн[язю] Лобанову, б[арону] Беннигсену и кн[язю] Горчакову, написал также последнему, чтобы просить его осведомиться.

Прощайте, дорогой Павел, прижимаю вас к сердцу и очень благодарю за то, что пишете нам так часто, и прошу вас продолжать так же, поскольку ваши письма поистине составляют наше счастье, матушкино и мое.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 31–32 об.

---

[1] Шварценберг фон, Карл Филипп (1771–1820), князь, австрийский фельдмаршал, с августа 1813 г. командующий Богемской армией и главнокомандующий всеми вооруженными силами союзников.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 14 Ст.-Петерб[ург], 2/14 октября 1813*

Отвечаю вам, мой дражайший и добрый друг Павел, на ваше последнее письмо от 10-го числа прошедшего месяца. Всякий раз, как получаю ваше письмо, я благодарю Бога, сделавшего вас моим сыном. Я как нельзя более доволен вами и прошу у Всевышнего покровительства для вас, благословляя вас от глубины души. На этом я вас нежно обнимаю.

Вы увидите из прилагаемого письма от матушки, что мы наконец получили новости от Воло. Благодаря Бога, он здоров. Он еще совершенный ребенок, этот добрый мальчик, несмотря на внешнюю серьезность. Его письмо есть письмо ребенка 14–15 лет. Я не ошибался, не желая, чтобы он вступил в службу раньше, и дай Бог, чтобы мне не пришлось себя упрекать, что позволил ему вступить сейчас. Его нрав-

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

ственные и физические силы еще весьма невелики. Я послал ему мои последние деньги через госп[одина] **Марченко**, прося доставить их ему, как только найдется возможность. Это 80 дукатов, *по 12 р. 60 коп.* это составляет *1008 руб.* Ваша экономия вызывает полное мое восхищение, дорогое дитя, я вас умоляю тем не менее, как только вы станете нуждаться в деньгах, взять их у кого сможете и указать мне сразу, кому я должен их возместить или куда мне их послать, чтобы заплатить долг, который вы сделали. Вы можете взять таким способом *тысячу рублей*, которую я найду возможность уплатить незамедлительно. Может быть даже, что ваш генерал захочет послать денег своим детям, тогда ему лишь надо дать их вам, а я их выплачу здесь по первому вашему уведомлению.

На днях сюда приехал госп[один] Рихтер, полковник гвардейских егерей. Он тяжело ранен и долго не сможет пользоваться рукой. Он сообщил нам новости о вас, но весьма устаревшие, поскольку относятся ко времени перемирия. Все новости о ходе политических дел и особенно о поведении наших войск таковы, что надо гордиться тем, что ты русский. Наше отечество навсегда создаст себе славную репутацию, а доброта и справедливость нашего государя обеспечат ему великолепное место в истории. По всей видимости, этот год положит конец многим бедствиям, и кажется, что Бонапарт приближается к своему концу. Дай Бог, чтобы это чудовище окончило по заслугам!!!

Сегодня похороны ген[ерала] Моро[1] на его месте в католической церкви. Известия о его поведении на последнем месте безупречны. Что до меня, я разделяю ваше мнение, с которым не согласна матушка и тем более Реманн.

Прощайте, мой дорогой Павел, спешу окончить это письмо, поскольку должен отправить его сегодня же утром, воспользовавшись фельдъегерем в армию, адресовав его к госп[одину] Марченко. Я одновременно пишу Воло, которому весьма рекомендую сообщать вам незамедлительно свои новости. Этот добрый мальчик – самый серьезный ветреник, какого я знаю.

Обнимаю вас тысячу раз очень нежно, мое дорогое дитя. П.

P.S. Вот расписка на письмо к госп[оже] Сипягиной, которое получил ее управляющий.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 33–34 об.

[1] Жан Виктор Моро (1763–1813), генерал первой Французской республики, в 1799 был противником Суворова в Итальянском походе. Изгнан Наполеоном из Франции, несколько лет жил в Америке, в 1813 по приглашению Александра I вернулся в Европу, находился при главной квартире союзной армии в роли советника, убит в сражении при Дрездене. Похоронен в Петербурге в католической церкви Св. Екатерины.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 15** Ст.-Петерб[ург], 15/27 октября 1813

Вчера утром я имел удовольствие получить ваше письмо из Ауенберга[1] от 21-го прошедшего месяца. Я был весьма огорчен, мой дорогой Павел, новым происшествием, случившимся с вами. Я даже поражен им сильнее, чем вы полагаете, мой добрый друг. Я уверен, что вы снова много страдали и что вы скрываете это от нас. Мы были уверены, дорогой Павел, что вы будете со мной откровенны и не скроете от меня ничего из того, что с вами произойдет, даже ужасного. Что скажете мне это на отдельном

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

листочке, чтобы ваша мать не узнала того, что могло бы ее слишком живо потрясти. Вы не говорите ничего отдельно, и это меня беспокоит. Я вижу из ваших писем, что вы ни довольны, ни счастливы. И это пронзает мое сердце. Я бы желал, чтобы все порядочные люди, во всей силе этого слова, были счастливы, поскольку они единственные, кто умеет служить своему господину* и отечеству, и (благодаря Всевышнему) вы из их числа!!! Всякий день я прошу за вас провидение и умоляю его охранять вас, чтобы огорчения, часто даже весьма чувствительные, неизбежные на службе для всякого порядочного человека, не расстраивали вас, и чтобы вы имели великодушие, необходимое для исполнения долга, не расстраиваясь, несмотря на все несправедливости, столь неизбежные в нашем существовании в этом низком мире. Эти несправедливости есть величайшее доказательство, что провидение предназначило нам другое существование после того, что мы имеем здесь. Без этого оно было бы так несправедливо, и берегись того, кто может это предполагать!!

Вы говорите мне в своем письме о болезни ген[ерала] Барклая де Толли. И об имевшем место большом повышении генералов. *Я со своей стороны не говорю об этом ничего и пишу еще меньше!!!* В остальном дела идут как нельзя лучше. Имп[ератор] играет самую блестящую роль и никогда не было так почетно быть русским, как сейчас. Благослови Бог нашего превосходного государя и его армии, вот моя горячая молитва, а в остальном все будет хорошо, настоящий ход войны доказывает, что провидение с нами и хочет положить конец ужасному переворачивателю мира: *Бонапарту*.

Я только что узнал, что было большое производство в гвардии тех, кто участвовал в деле при Кульме, ваш полк не был в их числе, и вы не можете быть. Бог все ведет к лучшему.

Матушка напишет вам и сообщит подробности обо всем, нас касающемся, так что я не буду об этом говорить. Воло написал нам от 26-го прошедшего месяца старого стиля из Леркау, он должен быть в большой армии, поскольку присоединился к своему полку с эскадроном, в котором находится. Дай Бог, чтобы вы могли увидеться.

Прощайте, дорогой Павел. Я обнимаю вас очень, очень нежно, люблю вас так же и благословляю от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 35–36.

---

[1] Возможно, Альтенберг.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 16** Ст.-Петерб[ург], 30 окт[ября]/11 ноя[бря] 1813*

Ген[ерал]-адъютант Голен[ищев]-Кутузов[1] прибыл сюда 22-го числа сего месяца ст[арого] ст[иля] с блестящей новостью о великолепном успехе войск коалиции у Лейпцига. Я плакал от радости, а мое сердце трепетало за вас, дорогой Павел. Госп[один] Кутузов уверил меня, что все адъютанты гр[афа] Витгенштейна в добром здравии и никто не был ранен, – но я полагаю, что он об этом знает не более меня и он говорит так, только чтобы меня успокоить. Что во всем этом верно, это что я вовсе не спокоен и вижу только вас, мой дорогой Павел, днем и ночью, и что я был бы счастливейшим из отцов, когда бы узнал, что вы и Воло счастливо спаслись

---

* И.Б. Пестель употребил здесь слово maître (господин, хозяин, мастер), но не souverain (государь, монарх), также встречавшееся в его письменной речи.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

из этой ужасной битвы!!! Я говорю себе, что вы не могли написать сразу; если бы могли, вам требуется еще оказия, чтобы отправить письмо. К тому же после этой славной битвы приехал только ген[ерал] Кутузов, и всякий день ждут курьера от е[го] в[еличества] нашего императора. Этот курьер, очень может быть, не привезет вашего письма, и это ничего не означает. Несмотря на все столь серьезные резоны, мое отцовское сердце желает получить новости от вас. Я не говорю о том, как ваша мать их желает, ибо вы сами знаете нашу нежность к вам, так что сами можете это себе ясно представить. Я не прошу у вас никаких подробностей ни о чем, кроме как о вашем здоровье и о всем том, что касается *вашей персоны*. Я прошу Бога за вас по двадцать раз на дню, и мне кажется, что Всевышний слишком добр ко мне, чтобы не исполнить моих горячих молитв.

Вы знаете, дорогой Павел, как я люблю свое отечество и государя, так что можете представить, в какой восторг меня привели все новости о больших делах нашей армии и о великолепной роли, которую играет наш государь во всей этой войне. Русский имп[ератор], его страна и его армии создали себе бессмертную славу, и очень видно, что божественное провидение воздает имп[ератору] за доверие, какое он питает ко Всевышнему, который руководит им и который, по всей видимости, вознаградит его за твердость желаемым успехом, т. е. быть миротворцем и восстановителем всеобщего спокойствия всего мира. Я горячо молю Бога за него и за его армии всякий день.

Я пишу вам мало, поскольку матушка сообщит вам подробности о нашей семье, которые могут вас интересовать.

Если вы нуждаетесь в деньгах, попросите о них вашего генерала, которого весь свет называет столь добрым и столь заинтересованным в благополучии тех, кто от него зависит и имеет нужду в его помощи. При первом известии с вашей стороны я отправлю, куда вы укажете, деньги, какими он будет добр вас снабдить.

Прощайте, мой дорогой Павел. Я вас нежно обнимаю и прижимаю к сердцу, полному совершеннейшей нежности к вам, мой добрый друг. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 37–38 об.

---

[1] Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843), генерал-адъютант, в 1813 командовал авангардом корпуса Витгенштейна, в сентябре 1813 произведен в генерал-лейтенанты. За Лейпцигское сражение награжден золотой саблей «за храбрость» с алмазами. Впоследствии с 1823 г. директор ряда петербургских военно-учебных заведений, после 14 декабря 1825 г. петребургский военный генерал-губернатор, член Следственного комитета по делу декабристов.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 17 Ст.-Петерб[ург], 13 ноября ст. ст. 1813*

После вашего письма из Ауенберга от 21 сентября ст. ст. № 23 я не получал никаких новостей от вас, мой добрый друг Павел. Блестящее дело при Лейпциге было сходно с таковым при Бородино. Ваш генерал был среди первых в огне со своим армейским корпусом. Я уверен, что вы несомненно там были[1], разве что вам было совершенно невозможно там находиться. Я знаю также аккуратность, с какой вы нас успокаиваете во всем, что вас касается. В вашем последнем письме вы говорите, *что лошадь* так вас ударила, что у вас было вырвано мясо, что вы не имели возможности

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

ходить 15 дней и что вы *почти* поправились. Это слово *почти* меня тогда же обеспокоило. Я даже усомнился, что это *лошадь* причинила вам такое зло. В ожидании быть разуверенным в этом беспокойстве, произошло Лейпцигское дело. Из ваших товарищей граф Местр и Гурьев[2] написали своим родителям после этого великого и кровавого дела. А вы не подаете нам признаков жизни. Я в величайшем беспокойстве!!! И не буду иметь ни мгновения отдыха, пока не увижу вашего почерка. Бывают моменты, когда я говорю себе, что вы не могли писать, потому что корпус, командуемый вашим ген[ералом], был сразу в преследовании врага, что вы, быть может, писали и ваше письмо не дошло до *Марченко*, который находится отдельно от Гл[авной] квартиры, но как же письма гр[афа] Местра и Гурьева пришли? Наконец, мой дорогой Павел, нужно быть отцом, нужно любить свое дитя столь нежно, как я вас люблю, чтобы представить себе мое беспокойство за вас. Ваша мать, которая любит вас столь же нежно, как я, но которая имеет расстроенное здоровье и ужасно слабые нервы, страдает еще больше меня, и одна строка вашей рукой послужила бы в данный момент единственным бальзамом, в котором нуждаются наши сердца для полного исцеления. Не подумайте, мой добрый друг, что мне хоть на мгновение приходило в голову, что это по вашей вине у нас нет от вас известий. Нет, мой добрый друг, я слишком умею отдавать справедливость вашим чувствам к родителям, чтобы не быть вполне убежденным, что вы не пренебрегли ничем, чтобы известить нас о себе. Но чем больше я в этом уверен, тем больше беспокоюсь. Я не могу помешать себе думать, что вы были больны из-за удара лошади и не могли быть в деле под Лейпцигом. Потом я воображаю, что вы снова были ранены и что вы Бог знает где!! Наконец, все мои подсчеты ведут лишь к усилению беспокойства, и мне не остается иного утешения, кроме как молить Бога за вас, с жаром поручая вас его покровительству и со смирением ждать известий о вас. Рука провидения ведет нашего превосходного государя и его армии. На каждом шагу наш августейший глава пожинает лавры и готовит себе вечную память в истории. Страны, которые он освобождает от ярма Бонапарта, всегда будут его благословлять, а Россия будет обязана ему бессмертной славой. Почетно быть русским, и я наслаждаюсь этим счастьем от всей души. Я молю Бога за нашего превосходного государя с чувством самой нерушимой привязанности к его персоне и к нашему отечеству.

Если будете нам писать, не говорите ни о чем, кроме вас самого. Скажите нам подробно, что вы делаете и каково ваше здоровье. Вот все, что нам нужно знать. До настоящего времени с вашего отъезда у нас недостает лишь одного вашего письма *№ 22*, все остальные аккуратно к нам пришли. Но с № 23 мы не видели ни строки вашим почерком. Матушка просит у меня перо, чтобы написать вам два слова, и я его ей уступаю, обнимая вас и благословляя от всего сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я пишу вам сегодня всего несколько строк, мой добрый друг, потому что свирепая головная боль и болезненность глаз мешают мне написать больше. Тем более, что я могла бы лишь повторить вам то, что говорит ваш добрый батюшка. Наше беспокойство на ваш счет усиливается день ото дня, и кроме того, нет новостей от Воло и ни строки от моей матери. Желавши поначалу, чтобы вы участвовали в великолепных днях Лейпцига, всякого рода страхи стали нас одолевать каждое мгновение. Отврати от вас Бог всякое зло и неприятности, каких мы страшимся. Я прошу у него благословения для вас, дорогой, дорогой Павел, давая вам свое от глубины сердца, которое вас обожает со всей нежностью матери. Ваши братья и Софья вас обнимают. Тысяча и тысяча поклонов от дорогой Катерины, от Реманна, от ваших дядей, включая Леонтьевых, от Иосифа Нагеля, который мне пишет, и его матери, как и от многих других. Прощайте.

Приписка И.Б. Пестеля:

P.S.* Вот толстый пакет от Сипягина для госп[одина] Чагина, получение которого я прошу вас подтвердить.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 39–40 об.

---

[1] В формулярном списке П.И. Пестеля значится, что он был «2, 4, 6 и 7-го чисел октября при городе Лейпциге и в авангардном деле» (ВД. Т. 4. С. 7).

[2] Гурьев Николай Дмитриевич (1789–1849), сын министра финансов Д.А. Гурьева, в 1812 – поручик л.-гв. Семеновского полка, адъютант П.И. Багратиона, в 1813 – штабс-капитан, в 1814 – капитан, в 1813–1814 – адъютант П.Х. Витгенштейна. В 1816 переведен полковником в Полоцкий пехотный полк, в 1817 – в чине статского советника в Коллегии иностранных дел, в 1818 – полковник, флигель-адъютант. Впоследствии посланник в Риме (1832–1837) и Неаполе (1837–1841).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 18** *Ст.-Петерб[ург], 27 нояб[ря] ст[арого] ст[иля] 1813*

Зная аккуратность, с какой вы нам пишете, мой дорогой друг Павел, вам будет легко вообразить, до какой степени мы были обеспокоены, так долго не получая от вас новостей, и особенно не зная ничего о вас после Лейпцигского дела. Тем временем гуляли слухи, что вы были ранены и даже ***без вести пропал***, что заставляло меня бояться, не в плену ли вы. Ваша превосходная мать, которая была больна, проводила ночи, мучая себя, я со своей стороны так же. Это так повлияло на мое физическое состояние, что даже сейчас я мучим бессонницей, проводя ночи без сна. Среди этого смертельного трепета из-за вас пришло однажды большое письмо от Марченко. Я открыл его с поспешностью – и нет письма от вас, а в его письме ко мне – ни слова о вас. И вот наше беспокойство стало еще серьезнее. Восемь дней спустя, а именно 18-го числа сего месяца, в момент, когда мы собирались ужинать, я получил ваше письмо из Франкфурта-на-Майне от 26 октября ст[арого] ст[иля]. Судите о моем счастье. Как только прочел его, я бросился на колени и возблагодарил Всевышнего, приславшего мне это утешение, в котором я так нуждался. Я побежал скорее к вашей матери, которая прочла ваше письмо, дрожа от радости. Оно не только сообщило нам, что вы здоровы, но даже что вы были награждены орденом Св. Владимира с бантом[1]. Новая причина возблагодарить провидение за то, что сохранило вас и поддержало ваше рвение к службе. Я сказал себе, что вот я и отец кавалера, делающего мне честь, ибо он ревностный слуга своего отечества. Поздравляю вас с этим от всего сердца, и мы посылаем вам при сем, ваша мать – хорошенький маленький крест Св. Владимира, какие сейчас носят здесь элегантные люди, а я – 3 аршина ленты этого ордена. Вспоминайте, мой добрый друг, нося то и другое, что они от ваших лучших друзей, которые любят вас очень, очень нежно и благословляют от глубины души. Марченко ничего не говорит мне о вашем награждении, но он говорит, что вы и Воло, что вы оба здоровы, а о вас прибавляет следующее: ***Павла Ивановича отменно все любят и, конечно, нет сомнения, что в теперешней службе ничего он не потеряет***. Дай Бог!!! В конце концов, не награды и большие отличия более всего трогают наши сердца. Лишь бы вы были здоровы и довольны – вот что всегда будет составлять мое величайшее счастье.

---

* Постскриптум приписан рукой И.Б. Пестеля вертикально по левому полю листа.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

В момент, когда вам пишу, я чувствую себя не совсем хорошо, а поскольку в настоящее время я занят как никогда, имея новый комитет по Сибирским делам, в котором я членом, у меня остается мало свободного времени. Граф Кочубей – президент этого комитета, членами являются 1 – я, кн[язь] Александр Голицын, прок[урор] Синода, и барон Кампенгаузен[2]. Я страдаю от геморроя, от которого у меня кровь бросается в голову, а бессонница сильно меня ослабила. Ваша бедная мать сильно страдала. Сейчас она выздоравливает, но все еще очень слаба. Вообще, в городе много болезней, поскольку зима не хочет устанавливаться: сейчас, когда я вам пишу, у нас 3 градуса тепла. До сих пор было не более 4 градусов холода, вещь удивительная для здешнего климата. В прошлом году 16 октября Нева уже стала, а в этом году пока нет признаков, что это вообще случится.

До нас не дошли два ваших письма, № 24 и 25. Быть может, вы там писали, видели ли вы Воло. Он нам об этом ничего не говорит. Я написал о нем к гр[афу] Аракчееву, дабы просить, чтобы он был помещен при гр[афе] Воронцове, который согласен его взять к себе. Вы узнаете значительно раньше меня, если это произойдет. Но я в этом немного сомневаюсь, из-за вел[икого] князя. Если узнаете что-нибудь о Воло, известите нас. Я недоволен им из-за небрежности, с какой он нас извещает о себе.

Прощайте, мой добрый друг. Не пишу вам больше, поскольку не имею времени, а курьер скоро едет. Заканчиваю, обнимая вас от всего сердца и благословляя от глубины души. Я горячо молю Бога за вас и надеюсь, что он исполнит мои молитвы и ниспошлет вам здоровье и удовлетворение. П.

P.S. Если у вас будет случай, не упустите представиться графу Аракчееву и госп[одину] Марченко. Я посылаю вам при сем письмо Александра, в котором маленький Алек[сандр] Леонтьев[3] приписал несколько строк для вас. Если вам время позволит, напишите ему два слова особо, он будет к тому весьма чувствителен, поскольку это превосходное дитя, которое вас любит.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 41–43.

---

[1] Согласно формулярному списку, П.И. Пестель был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом и австрийским орденом Леопольда 3-й ст. за отличие в сражении при Бутельштадте 11 октября 1813 г.

[2] Вероятно, об этом комитете писал в мемуарной записке И.Б. Пестель, относя его создание к 1814 г. Комитет был создан после просьбы Пестеля отправить в отставку за злоупотребления иркутского вице-губернатора Левицкого (занимал эту должность в 1809–1814). Левицкому покровительствовал министр финансов кн. Д.А. Гурьев, которого Пестель считал своим «величайшим врагом». Для рассмотрения дела Левицкого Александр I распорядился создать особенный Сибирский комитет. Гурьев, по воспоминанию Пестеля, был туда тоже назначен, но отказался от участия. Всех членов комитета Пестель в записках называл своими врагами. Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), гр., с 1812 – председатель Департамента законов Государственного совета, в кампанию 1813 находился в свите е. и. в., президент Центрального совета антифранцузской коалиции. Голицын Александр Николаевич (1773–1844), кн., в 1803–1817 обер-прокурор Синода, член Государственного совета, сенатор, управляющий Министерством народного просвещения, человек, лично близкий к Александру I. Кампенгаузен Бальтазар Бальтазарович (1772–1823), входил в ближайшее окружение М.М. Сперанского, в 1810 государственный казначей, с 1811 государственный контролер, сенатор, член Государственного совета, в апреле 1812 назначен членом Особого комитета для выработки постановления о введении экзаменов при производстве в чины.

[3] Александр Леонтьев – двоюродный брат П.И. Пестеля.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 21 Ст.-Петерб[ург], 18 дек[абря] ст[арого] ст[иля] 1813*

Отвечаю на два ваших письма, мой дорогой друг Павел. Они оба из Галле, одно от 14-го, другое от 28-го числа прошедшего месяца. Я благодарю Всевышнего за то, что Он имел милость сохранить вас в добром здравии, и я горячо его прошу о продолжении того же. Не могу скрыть от вас, мой добрый друг, что подробности, которые вы нам сообщаете о своем существовании, о вашем ген[ерале], о будущем, которое вас беспокоит, об отчем доме и нежных чувствах, которые [...]** естественно все вместе заставило меня проливать слезы умиления, смешанного со сладким удовольствием, видя из всего, что вы говорите, что вы рассудительны, что вы истинный патриот, желающий быть полезным своему отечеству, и что вы нежный сын, любящий родителей от всего сердца. Я даю вам на этом свое благословение, и глубоко уверен, что Всевышний будет руководить вами, что вы однажды насладитесь счастьем, столь заслуженным, – быть полезным своему отечеству и семейству. То, что вы говорите о вашем ген[ерале], мне было достаточно известно через судивших о нем персон, особенно через ген[ерал]-майора Бегичева[1], который был некоторое время при нем дежурным генералом. Он говорит об этом почти в тех же выражениях, что и вы, по крайней мере смысл совершенно тот же. Сколько раз в моей жизни я предавался тем же размышлениям, что и вы, касающимся моей службы, сколько раз я был беспокоен за свое будущее и особенно за тех, кто существует лишь с моей помощью! Всякий раз провидение предусматривало все в моменты, когда я меньше всего это ожидал, и за 33 года службы весьма, весьма тягостной во многих отношениях, я всегда одерживал победу над своими врагами, которая давалась мне потому, что я желал добра и действовал как честный человек и истинный христианин. Будьте вполне уверены, дорогой друг, что за ваше рвение и желание делать добро будет воздано, если не каждый раз наградами, которыми вы обязаны прав[ительств]у, то по крайней мере вашим собственным чувством и справедливостью, которую благонамеренные люди воздадут вашим заслугам. Даже плуты будут отдавать вам справедливость всякий раз, когда вы не будете противоречить их низким интересам, что, впрочем, будет случаться всякий раз, как вы будете иметь с ними дело.

Мы здесь совершенно не знаем, что делается у вас и чего следует ожидать. Одни надеются на всеобщий мир, другие думают о продолжении войны, конца которой не видно, поскольку она идет с чудовищем, которого забавляет переворачивать мир и лить человеческую кровь, чтобы оставаться деспотом всего мира. Он им не является больше в данный момент, благодаря *нашему* превосходному государю и твердости его бодрствующих войск. Я часто думаю, что ваш генерал должен бы вам доверить маленький отряд войск, как дают уже младшим офицерам, чтобы доставить им случай отличиться.

Граф Кочубей просил меня передать вам просьбу от него, сообщить новости о двух его племянниках, носящих то же имя, что он (Кочубей), и находящихся в свите гр[афа] Витгенштейна[2]. Если вы знаете о них что-нибудь, скажите мне, чтобы я мог передать графу, которого я весьма хотел бы обязать в этом отношении, много заимствуясь у него в делах службы.

Скажите мне, дорогой Павел, на какой ноге вы с молодым Гурьевым, который ваш товарищ? По репутации, которую имел этот молодой человек, прежде чем оказаться в армии, вы совсем не можете быть близко связаны, поскольку он был весьма ветрен – каков он теперь, и каковы вы с ним?

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Далее бумага повреждена, текст затерт, два или три слова пропали.

Скоро наступает новый год. Я приношу самые усердные молитвы за ваше благополучие и даю вам свое благословение от глубины сердца.

Нам все еще недостает из ваших писем двух номеров, о которых я вам писал прежде. Судя по письмам Воло, вы должны были писать нам о вашем свидании с ним перед Дрезденской битвой, и после вы не говорите об этом ничего в письмах, которые пришли от вас. Есть также много потерянных писем от Воло, но тут его вина, поскольку я ему настоятельно советовал адресовать их г[осподи]ну Марченко, потому что все ваши письма, посланные через него, пришли к нам весьма точно и очень быстро.

Ваш товарищ ***Чагин*** сюда еще не приехал, по сведениям, которые я получил, он остался больной в Варшаве, однако, поскольку ему стало лучше (по словам госп[одина] Сипягина, его родственника), его приезда ждут со дня на день. У меня уже четыре письма, присланных вами для него, я вручу их, как только он приедет. Я всякий день посылаю осведомиться о его приезде. Я не знаком с ним лично, как вы знаете, но о нем говорят не столь хорошо, как мне бы хотелось. Быть может, в нем ошибаются, но я скоро увижу, увидав его лично, *Welches Geistes Kind er ist*[*].

Прощайте, мой дорогой Павел. Я вас нежно прижимаю к сердцу и люблю вас так же. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 44–46 об.

---

[1] Бегичев Иван Матвеевич (1766–1816), генерал-майор с 1799, в 1802 начальник Казанского порохового завода, затем Охтенского порохового завода, с 1804 в отставке, в 1812 член комитета Петербургского ополчения, возглавил его 2-й отряд, вошедший в корпус П.Х. Витгенштейна, участвовал в делах под Полоцком, Чашниках, Березине, в октябре 1812 назначен дежурным генералом в корпусе Витгенштейна. По окончании кампании 1812 отправлен в Петербург для лечения. В 1813 находился при осаде Модлина и Данцига. С 1814 в отставке.

[2] Вероятно, речь идет о двоюродных племянниках В.П. Кочубея, сыновьях его двоюродного брата Василия Васильевича: Кочубей Василий Васильевич (1784–1844), позднее полковник л.-гв. Преображенского полка; Демьян Васильевич (1786–1859), в 1811 чиновник по особым поручениям при принце Георгии Ольденбургском, в 1812 перешел в военную службу, с октября 1812 штабс-капитан Гродненского гусарского полка, участник кампаний 1812 и 1813–1814 гг., в октябре 1813 майор, в марте 1814 подполковник, с 1820 на статской службе, впоследствии сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник; Александр Васильевич (1788–1866), впоследствии член Государственного совета, сенатор; Аркадий Васильевич (1790–1878), впоследствии сенатор. Кто из них находился в свите П.Х. Витгенштейна, неясно.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 22 Ст.-Петерб[ург], 28 дек[абря] 1813

Наконец ваш товарищ Чагин приехал и передал нам ваше письмо от 1 окт[ября] № 24. Он пришел принести нам ваше письмо 24-го (накануне рождества) вечером. Мы его приняли наилучшим образом и пригласили прийти обедать на следующий день; поскольку он полагал, что в тот день прийти не сможет, матушка пригласила его на послезавтра, несмотря на это, он пока так и не появился и мы совершенно не знаем, что с ним сталось. Исходя из вашего письма, я полагал найти в нем молодого

---

* «Какого он образа мыслей» (нем. яз.).

человека, готового откровенно говорить обо всем, что вас касается, как и о прочем, но, совсем напротив, я ничего от него не узнал. Быть может, он счел нужным быть скромным, особенно в первый раз, и при второй встрече станет лучше. Насколько я могу судить о нем, он не может быть вашим близким другом. Он, быть может, славный малый, но в остальном его голова не может вам подойти. Я говорю вам о своих мыслях вполне откровенно, но не полагаю их за непреложные, ибо очень можно обмануться, когда судишь кого-то по первой встрече и получасовому разговору. Среди прочего, он сказал нам о внимании, которое граф (ваш начальник) имеет к вам и пр., и пр. Я надеюсь еще увидеть этого милого человека и написать вам с большим знанием сути.

Я очень огорчен, дорогой Павел, что вы все еще ходите с костылем и что у вас все время выходят осколки кости из ноги. Великий Боже, когда вы вполне поправитесь!!! Я каждый день горячо прошу Бога за вас.

Вы долго оставались, мой добрый друг, без наших писем, но это меня не удивляет, потому что вы были непрестанно в пути и в дороге, вдали от главной квартиры, куда я адресую письма к вам. Когда получите наши письма, вы увидите, что мы вам писали каждые две недели, а обычно даже чаще.

Я в точности исполню ваши поручения насчет чая, аксельбанта и вышивки для мундира. Посмотрю, пошлю ли вам все с Чагиным или иначе. Если смогу, пошлю вам также денег, по крайней мере сделаю все возможное, чтобы достать их для вас.

Воло весьма неаккуратно нам пишет, и у нас нет о нем никаких новостей после 28 октября, когда он написал из Франкфурта.

Я страдаю неделю и даже остаюсь дома из-за простуды, которая меня мучает, которая вообще-то ничего не стоит, но досаждает и мешает сильнее, чем серьезная болезнь. Потому я не двигаюсь из дома все эти праздники. Реманн, впрочем, обещает, что я смогу выходить через несколько дней.

У меня нет ничего интересного, чтобы сообщить вам, мой дорогой Павел. Я думаю о вас днем и ночью. Я молю Бога за вас и прошу его о милости увидеть вас вновь довольным и счастливым и прижать вас к сердцу, дышащему лишь живейшей нежностью к вам. На этом я вас благословляю от всего сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Спеша написать вовремя и не желая задержать отправление этого письма, я прибавлю лишь несколько строк, мой дорогой и добрый друг Павел. Г[осподи]н Чагин **(Бог его знает каков он)** принес нам в качестве новогоднего подарка осколок кости, вновь вышедший из вашей ноги, и грустную уверенность, что вы менее благополучны, чем хотите нам показать. Ах! Мой Бог, если бы я могла страдать вместо вас, с какой радостью я бы взялась за это! Вчера был праздник Аннеты[1]. Мы там были все, кроме батюшки. Все там навевало на меня грусть. Два года назад мы были там *все*, вы и Воло там танцевали, в прошлом году Воло был героем бала, а вы – героем Бородино: вы были на костылях, но с нами; и я не думала, что через год я получу в тот же день осколок из вашей бедной ноги! А в этом году вы далеко и, быть может, грустны или нерадостны, Воло также в армии, батюшка был дома по нездоровью, Борис в углу со своей деревянной ногой, а Александр в другом углу и не мог ни танцевать, ни ходить, потому что, положив в карман ножницы без футляра и упав на бок, укололся в бедро двумя концами ножниц почти на полвершка глубины, что, по счастью, не будет иметь последствий. Вы бесконечно были у меня перед глазами и на сердце, и я не могла отогнать грусть воспоминаний и тревог. Это еще раз докажет вам, дорогой друг, то, что вы и так знаете – до какой степени я вас люблю. Но сделайте милость, из нежности ко мне, смотрите не столь мрачно на то, что вас окружает, и старайтесь быть хороши со всеми. У меня мысль, что вас стараются расстроить, чтобы воспользоваться этим и половить для себя в мутной воде. Этот дорогой Чагин – который несомненно вас не

стоит – весьма уязвлен орденом и, конечно, не располагает никаким достоинством, чтобы его получить. Прощайте, **душенька**, я вас нежно обнимаю. Ваши братья, Софья, Аннет, Катерина также.

Приписка И.Б. Пестеля:*

29 дек[абря]

P.S. Я написал это письмо вчера утром, но, поскольку курьер едет только сегодня, я могу еще кое-что добавить. Вчера ваш товарищ ***Чагин*** пришел к нам перед обедом. Я оставил его обедать. Я говорил с ним с глазу на глаз и был доволен его откровенностью. Он сообщил мне подробности о разных вещах, которые мне были совершенно неизвестны. Эта пресловутая история Новосильцева некрасива[2]. Она к тому же изменила мою точку зрения в отношении заговора, который я тут вижу, а вы знаете, мой друг, какое отвращение я питаю ко всему, что его напоминает. Вот письмо вам от ***Чагина***. Он предполагает остаться здесь по крайней мере на месяц. Если он пробудет слишком долго, я вам пошлю то, что вы просите, прямо через г[осподи]на Марченко. Я более доволен ***Чагиным*** после этого второго свидания. Он показался мне славным малым. Прощайте, дорогой Павел.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 47–49.

---

[1] Аннета – дочь Е.Д. Власьевой

[2] Вероятно, речь идет об интригах в окружении П.Х. Витгенштейна. Новосильцев Иван Петрович, сын сенатора, генерал-провиантмейстера П.И. Новосильцева (ум. в 1805), в 1812 – поручик л.-гв. Преображенского полка, на 1 марта 1813 И.П. Новосильцев адъютантом Витгенштейна не числился, на 31 декабря 1813 он в чине штабс-капитана находился адъютантом при Витгенштейне.

1814

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 24*** Ст.-Петерб[ург], 1 февр[аля] ст[арого] ст[иля] 1814

Я так занят, мой дорогой Павел, в разных экстраординарных комитетах, прибавившихся к моим обычным делам, которых, как вы знаете, у меня выше головы, что не остается ни минуты свободной, и еще это ужасающе сказывается на моих глазах. Если бы речь шла писать не вам, мой добрый друг, я бы, конечно, не стал этого делать. Это должно служить мне оправданием, коли я вам пишу мало и в беспорядке. Я исполнил все ваши поручения. Я уплатил *пятьсот руб.* госп[оже] Сипягиной, в чем посылаю расписку, и два письма для госп[одина] Чагина от нее, сообщающие ему об этом. Ваш аксельбант куплен, и вышитый воротник куплен, они прибудут к вам с ***Чагиным***, который еще здесь и предполагает отправиться в непродолжительном времени. Я не знаю, сколько продлится это *непродолжительное время*, поскольку мне показалось, он большой Windtbeutel***. Несмотря на это, он мне нравится, поскольку кажется славным малым, со страстью к игре, черта, которая мне совершенно неприятна и которой я вас прошу именем Бога быть всегда заклятым врагом. Это неслыханное зло для молодого человека. Графы Завадовский и Ростопчин увязли в пучине игроков[1] и должны были уплатить им, как говорят, до полумиллиона рублей.

---

* Приписка на отдельном листке.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

*** «Сумасброд, ветрогон» (нем. яз.).

Но потеря денег еще не все, ведь репутация этих бедных молодых людей потеряна и ничто в мире не сможет ее восстановить. Я уверен, мой добрый друг, что все эти разбойники не смогут никак повлиять на ваши принципы и поведение, чему до сих пор были все доказательства.

Матушка взялась сообщить вам все здешние подробности, которые могут вас интересовать. Я воздержусь также от описания чувств моей самой живой нежности, нежно вас обнимая и благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 50–50 об.

---

[1] Завадовский Александр Петрович (1794–1856), гр., в 1817 – поручик Александровского гусарского полка, камер-юнкер, служил в Коллегии иностранных дел. В 1817 – участник известной двойной дуэли, когда Завадовский убил на дуэли В.В. Шереметева, затем стрелялись их секунданты А.С. Грибоедов и А.И. Якубович. Завадовский после этого уехал за границу, жил в Лондоне. С 1826 г. состоял на учете в тайной полиции как лицо неблагонадежное и крупный игрок. Ростопчин Сергей Федорович (1794, 1795 или 1796 – 1835 или 1836), гр., сын московского военного генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, в 1809 – камер-паж, в 1812 – поручик Ахтырского гусарского полка, адъютант М.Б. Барклая де Толли, участник кампаний 1812 и 1813–1814 гг., в марте 1813 переведен в Кавалергардский полк, в апреле 1814 – штабс-ротмистр. В 1815 уехал за границу для лечения, осенью 1816 вернулся во фронт, в марте 1817 уволен на два года за границу для лечения. В 1818 жил в Париже, за долги посажен в тюрьму. Игрок, вел беспутную жизнь.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

№ 26 Ст.-Петерб[ург], 4 февр[аля] 1814*

Госп[ода] великие князья Николай и Михаил отправляются в Главную квартиру[1]. Их отъезд назначен на послезавтра. Первый воспитатель их имп[ераторских] выс[очеств] генерал Ламздорф[2] спросил у меня письма для вас, мой дорогой Павел. Я счел долгом воспользоваться этим любезным предложением, чтобы сказать вам всего два слова, поскольку не знаю, когда это письмо до вас дойдет. В случае, если вы окажетесь в том же месте или неподалеку от местопребывания их имп[ераторских] в[ысочеств], постарайтесь им представиться. Оба осведомлялись о вас с большим интересом всякий раз, как где-нибудь меня встречали. Они даже, кажется, приняли участие в вашем награждении, поздравив меня с ним. Генерал Ламздорф всегда оказывал мне учтивость, и это человек весьма достойный и почтенный во многих отношениях. Постарайтесь ему представиться.

Естественно, дорогой друг, что вы сделаете все это, только если сможете явиться к ним без ущерба для службы, поскольку о ней вы должны, по вашим собственным принципам, заботиться прежде всего.

Мы имеем здесь самые удовлетворительные новости о ходе политических дел, и наш августейший государь, будучи очевидно избран провидением для исправления всех зол, произведенных всемирным ЧУДОВИЩЕМ Бонапартом, восстановив спокойствие Европы, обратится к средоточию своих детей в России, ждущих его с нетерпением, чтобы броситься к ногам обожаемого государя. Всякий день в определенный час я простираюсь перед Всевышним и прошу его милости и поддержки для нашего императора, которому предан сердцем и душой и которого любил бы еще больше, будь он лишь простым частным лицом, так хорошо зная его великие качества и ангельскую доброту.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

Мы все чувствуем себя превосходно. Что до меня, то я так погружен в дела службы, что не имею ни минуты свободной. Я работаю с удовольствием, насколько силы позволяют, но, к несчастью, чувствую, что они уменьшаются и что зрение мое становится заметно слабее. Через два дня мне будет *49 лет*. Возраст не очень большой, но я служу с 16 лет, а 33 года службы, всегда тяжкой, заставляют стареть раньше времени.

Благослови вас Бог и да будь он всегда вашим руководителем. На этом я вас обнимаю и благословляю от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я написала вам длинное письмо позавчера, мой дорогой Павел, к которому мне не остается ничего прибавить здесь, кроме нежнейших благословений. Позавчера прибыл курьер с великолепными новостями, но без писем от вас! Уже два месяца как мы их лишены, и я вздыхаю о них с живейшим нетерпением и даже с беспокойством. Да будет угодно Богу внять моим горячим молитвам, благословить вас, охранять и сохранить нам на утешение. Прощайте, дорогой друг, обнимаю вас с нежностью. Като[3], Софья, Аннет, Борис и Александр, написавший мне вчера, также.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 51–52 об.

---

[1] Великие князья Николай и Михаил Павловичи отправились в свое первое заграничное путешествие из Петербурга 5/17 февраля 1814. Они посетили Берлин, где Николай Павлович познакомился с будущей женой принцессой Шарлоттой, Лейпциг, Веймар, Франкфурт-на-Майне, Базель, во Франции нагнали действующую армию. Из-за оживившихся боевых действий Александр I приказал братьям вернуться в Базель, где они пробыли до взятия Парижа. В апреле великие князья в арьергарде армии въехали в Париж, летом посетили Голландию и через Пруссию вернулись в Петербург.

[2] Ламздроф Матвей Иванович (Густав Матиас) (1745–1828), генерал от инфантерии, в 1797 – правитель Курляндии, в 1798 – директор Шляхетского кадетского корпуса. В 1800–1817 надзирал за воспитанием великих князей Николая и Михаила Павловичей. С 1817 граф.

[3] В оригинале «Cateau» – видимо, Е.Д. Власьева.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 27 Ст.-Петерб[ург], 13 февр[аля] 1814 ст[арого] ст[иля] 1814*

Ваш сослуживец ***Чагин*** известил меня, что едет, позавчера и просил приготовить письмо для вас и пакет, который я хотел вам отправить. Зная этого человека, я не стал ничего делать, а сегодня, имея свободную минуту, пользуюсь ею, чтобы написать вам, дорогой мой Павел, совершенно не зная, когда госп[один] **Чагин** придет его забрать.

Я посылаю вам с ним *два аксельбанта, двое эполет*, одни для праздников, другие для обыкновенных дней, чтобы беречь те, что красивей; *два темляка и форменный шитый колет*, поскольку ***Чагин*** заверил меня, что отвезет его вам *как подарок от себя*. Как и крест Св. Владимира, побольше того, что я вам уже отослал. Как только я получу немного денег, я пошлю их вам незамедлительно через госп[одина] Марченко, к которому вам следует лишь обратиться в случае нужды.

Мы все здоровы, даже Александр, который находится в пансионе в Царском Селе. Матушка часто грустит, когда думает о вас, дорогие дети, с которыми мы разлучены. Я также знаю, что у меня на сердце по тому же поводу, и как я желаю, чтобы нам повезло всем собраться и не разлучаться хотя бы некоторое время.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

Я чрезвычайно занят, с тех пор как е[го] в[еличество] импер[атор] назначил меня членом комитета, учрежденного для изучения водочных откупов[1], где недостает платежей на 63 миллиона рублей. Поскольку это относится к ведению мини[стра] финансов, а вы знаете, на какой ноге я с Гурьевым, то можете себе представить, какое удовольствие это назначение доставило этой скотине. Я докажу ему, что умею платить добром за зло и что причиню ему неприятности, только если ради общего блага потребуется, чтобы меры, противные общему благу, были бы отменены. Эта необходимость весьма неприятна, но мне она в высшей степени лестна, потому что е[го] в[еличество] импер[атор] дал мне доказательство своего доверия и доброго мнения обо мне.

Судите, как я должен быть занят, ибо сверх больших хлопот, доставляемых мне руководством тремя огромными Сибирскими губерниями, я заседаю в Сенате в 1-м, 4-м и 5-м Департаментах, в общих собраниях департаментов, в Комитете Министров ради сибирских дел, в особом комитете, учрежденном исключительно для сибирских дел, и в этом комитете по водочным откупам, о котором я вам сказал. Бог милостив укрепить и хранить меня. К нему я прибегаю во всех важнейших случаях жизни. Ему поручаю я вас, мой дорогой Павел. Меня зовут, я должен прервать письмо. Надеюсь продолжить прежде, чем **Чагин** придет за ним.

18 февр[аля] ст[арого] ст[иля]. Вы видите, дорогой Павел, что я не ошибался и что госп[один] **Чагин** еще здесь. Сегодня он обедает у нас. Завтра он возьмет наши письма и послезавтра едет, *по его словам*. Но я из предосторожности не стану пока запечатывать свое письмо. Я посылаю вам с ним крест *Св. Владимира* побольше того, что уже вам послал, и *ящик* превосходного чаю, который получил из Сибири несколько дней назад. Написав до этого места, я был прерван и продолжаю, начавши до обеда, – после обеда, на котором был и добрый **Чагин**. Тем временем я имел удовольствие получить ваше письмо из Мери [Mairy] от 24 января № 35. Поскольку позапрошлое из Русто... [Rusto... (?)] было № 32, нам недостает двух ваших писем № 33 и 34, что меня весьма огорчает. Слава Богу, что вы здоровы, мой дорогой Павел. Я возблагодарил за это Всевышнего сразу же, как только окончил чтение вашего письма, которое доставило мне величайшее удовольствие. Вы поистине славный мальчик, поскольку нашли время и возможность написать вашей бабушке. Также и ее ответ очень ласков и доказывает, какое удовольствие доставило ей ваше внимание и насколько она вас любит.

Вы не можете себе представить, как я доволен, видя из ваших писем, что вы добрый друг со своими товарищами, в особенности с Гурьевым, тем более что я был всегда так плох с его отцом, а он сейчас хорош со мною, *по видимости*, возможно, полагая, что я воспользуюсь средствами, какие имею, чтобы навредить ему, изложив, как дурно он действовал в делах с откупами. Я докажу ему обратное, он весьма ниже меня, судя обо мне столь неблагородным образом. Я слишком хороший христианин, чтобы не платить за зло добром.

Я был тронут тем, как ваша бабушка окончила свое письмо и как она советует вам доверяться Всевышнему. Раньше она была вовсе лишена этого доверия и уверовала лишь с тех пор, как несчастья доказали ей, что Он есть единственное утешение и прибежище для тех, кто нуждается в утешении и поддержке. Только одна эта вера дает истинную твердость и единственное *надежное счастье*, каким можно наслаждаться в этом мире, а после еще и в ином.

Я благодарю вас за новости, которые вы мне сообщаете о племянниках гр[афа] Кочубея – я их ему сразу же передал.

Я совершенно разделяю ваше мнение касательно ***Чагина***: чем больше его знаешь, тем больше видишь, что он поистине славный малый. Он только что ушел от нас, не имея времени ни остаться дольше, ни вернуться завтра. Он решительно едет послезавтра, и мы распрощались весьма дружески. Он показался мне вполне довольным

нашим приемом. Коли не так, то он был бы не прав, поскольку мы его приняли как могли лучше.

Я очень раздосадован настолько задерживающимся вашим повышением. Я написал об этом ***Марченко***, который его поторопит, если представление в его руках, и поговорит о нем с гр[афом] Аракчеевым. Быть может, до конца кампании у вас будет случай отличиться и получить награды. Я написал гр[афу] Витгенштейну на ваш счет, чтобы поблагодарить его за крест, дав ему (весьма деликатно) почувствовать, что надеюсь, что он этим не ограничится.

Прощайте, мой добрый друг Павел. Приведи вас Бог здоровым и невредимым в объятия ваших родителей. Как нежно я сожму вас в своих. В ожидании этого обнимаю вас от всего сердца и благословляю так же. П.

P.S. В эту минуту я получил письмо от ***Марченко***, которого просил поторопить решение о вашем повышении, если представление пришло к нему. Он пишет от *25 января*, что у него нет никакого представления ни от кого о вашем повышении. Так что постарайтесь, мой добрый друг, осведомиться на этот счет, и в случае, если представление от вашего генерала было отправлено к гр[афу] Барклаю де Толли, вы можете написать к госп[одину] *Койленскому*, который находится при нем и будет рад ускорить успешное окончание этого дела, поскольку он вас очень любит. Если представление у великого князя, тогда напишите к госп[одину] **Марченко**, чтобы он поговорил об этом с графом Аракчеевым, поскольку на днях я предупрежу об этом госп[одина] **Марченко** письмом. Еще раз прощайте, мой добрый друг.

Вот, мой дорогой Павел, ответ гр[афа] Кочубея на записку, которой я сообщил ему полученные от вас новости о его племянниках. Вы видите, какого он о вас мнения, находя, что знакомство с вами весьма выгодно для его племянников. Если они захотят писать дяде, возьмитесь доставить мне их письма.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 53–56.

---

[1] О деятельности этого комитета И.Б. Пестель рассказал в своих записках (Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 393–395). Комитет был учрежден, чтобы выяснить, почему откуп привел к огромной задолженности откупщиков перед казной. Пестель выступил против исходных условий откупа, утвержденных министром финансов Д.А. Гурьевым, считая их невыгодными для казны.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 27 Ст.-Петерб[ург], 21 марта ст[арого] ст[иля] 1814*

На коленях, мой дорогой Павел, я возблагодарил Всевышнего, взявшего вас под свою святую защиту в двух кровавых делах при Бар-сюр-Об и Труа[1], которые вы нам так подробно и живо описали в двух письмах от 16 и 21 февр[аля] *ст[арого] ст[иля]*]. Нужно быть отцом, мой добрый друг, и любить своих детей так же нежно, как я вас люблю, чтобы иметь возможность ясно представить себе мои разнообразные чувства по прочтении двух ваших писем. Все, что я могу вам сказать, это что вы были бы вполне, вполне довольны, если бы могли читать в моем сердце. Вы были достойным и храбрым офицером в этих двух делах, вы описали их как разумный и понимающий военный, и вы говорите о своих товарищах и о себе самом по-рыцарски. Итак, все это делает вам честь, а меня делает весьма счастливым. На этом я прижимаю вас к сердцу, нежно обнимаю и благословляю

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем, цифра переправлена, первоначально было 23.

от глубины души, вознося самые ревностные молитвы* за вашу сохранность и благополучие. Я сделал экстракт из ваших писем и показал его старому госп[одину] гр[афу] Солтыкову и другим персонам, способным по достоинству оценить подобные вещи, и получил много похвал вам, а себе большое удовольствие. Среди прочих кн[язь] Горчаков (в должности военного мин[истра]), возвращая мне экстракт, написал: «Все, что я могу сказать в[ашему] пр[евосходительству], закончив чтение подробностей, описанных вам госп[одином] вашим сыном, это что я сожалею о том, что лишен счастья сам иметь такого сына». Это делает честь сыну и большое удовольствие отцу, мой добрый друг.

Среди слухов, которые ходили по городу, был и такой, что гр[аф] Витгенштейн был вынужден покинуть свой пост из-за раны и что он отправился в Росток [?] ее лечить[2]. Со вчерашнего дня говорят, что он поправился и вернулся в армию к своей команде. Я уверяю, что не верю ни первой, ни второй новости.

Вы говорите, что были у Марченко, он написал мне об этом сам, говоря, что вы были посланы с рапортами в Гл[авную] квартиру и поехали назад, не имев времени нам написать. Со следующим курьером он прислал нам вышеупомянутые ваши письма. Вы не говорите, узнали ли вы, что произошло с представлением о вашем повышении. Я тут ничего не понимаю. Я был совершенно уверен, что если бы оно попало в руки гр[афа] Аракчеева, он его сразу представил бы е[го] в[еличеству] импер[атору], который никогда не отказывает таким генералам, как гр[аф] Витг[енштейн], в утверждении их представлений. Я надеюсь, что эти два последних сражения также принесут вам награды. И прошу Бога, чтобы это произошло, к вашему удовольствию и ободрению.

Все новости, приходящие к нам из армии, таковы, что невозможно достаточно отблагодарить провидение. Кажется, все идет к превосходному завершению, столь желанному всей Европой.

Поскольку матушка сообщает вам все подробности о нашем образе жизни в прилагаемом письме, мне не остается ничего добавить. Скажу только, что чувствую себя лучше и работаю как лошадь. Быть может, я чувствовал бы себя совсем хорошо, если бы занятия по службе были менее утомительны и не сопровождались столькими неудовольствиями. Но что поделать, мы в этом мире лишь для того, чтобы стать достойными получить вечное отдохновение в ином, лучшем мире.

Прощайте, мой дорогой Павел, обнимаю вас еще тысячу раз и благословляю от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 57–58.

---

[1] В формулярном списке П.И. Пестеля указано, что он участвовал в 1814 г. «февраля 15-го в сражении при городе Бар-Сюр-Об, у деревни Лябрюссель, 20-го при взятии города Троа (правильно – Труа. – *О.Э.*), где за оказанное отличие награжден орденом Св. Анны 2-го класса» (ВД. Т. 4. С. 7).

[2] П.Х. Витгенштейн был ранен в сражении при Бар-сюр-Об и уехал лечиться в Германию.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 32*** Ст.-Петерб[ург], 10 мая ст[арого] стиля 1814

После вашего письма, мой дорогой Павел, от 4-го числа прошлого месяца из Парижа, мы не имели от вас никаких известий. Позавчера прибыл курьер из Па-

---

* В подлиннике слово «молитвы» по ошибке написано дважды.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

рижа от 13 апреля, и снова нет писем от вас. Я надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо и что удовольствия Парижа не повредили вашему здоровью и не отняли у вас времени писать нам, но я думаю, что вы оставили Париж, следуя за вашим генералом, который, вероятно, вернулся в свой корпус. Я вам писал 26-го числа прошедшего месяца. Утром я отправил свое письмо, а вечером получил ваше от 4-го. Благодаря Бога, вы здоровы! Да хранит Он вас всегда также, и да приведет Он вас в объятия родителей целым, здоровым и довольным собой самим и другими. Вот, дорогой друг, единственная милость, о которой я прошу Всевышнего в ежедневных молитвах.

Я прекрасно знаю, мой дорогой друг, что ваших средств, и особенно того немногого, что я могу к ним добавить, должно быть не только вам недостаточно, но даже ставит вас в сильное затруднение. Я не могу помочь иначе, кроме как предложив вам потратить еще *тысячу рублей*, переписав их на меня, я уплачу их здесь тому, кто представит мне вашу расписку, таким же образом, как уплатил м-ль Ливио деньги, взятые вами в Нанси у Эзегиля [Ezegiel][1].

Прилагаю при сем мое письмо к графу вашему генералу. Оно написано по-русски и легким почерком. Я заинтересован, чтобы оно попало к графу, поскольку благодаря его за всю его доброту к вам, я очень деликатно высказываю настоятельную просьбу помочь вам продвинуться в чине. Я говорю ему, что надо только спросить вас, каким образом вы вступили в службу, что на вашу неудачу, вместо того, чтобы быть гвардейским поруч[иком] уже 2 1/2 года, вы и теперь всего лишь *подпоруч[ик]*. Расскажите графу, как это получилось, и что изменение правил выпуска камер-пажей вовсе не содержавшее ничего личного против вас, стало тому единственной причиной, и что ее величество императрица* высказалась на ваш счет делающим вам честь образом. Если вы представите мое письмо графу, напишите, мой добрый друг, какой эффект оно произведет. По тому, что мне известно, я не надеюсь, чтобы он приложил большое старание, но вы по крайней мере будете иметь случай торопить и настаивать. Я уверен, что если бы подобное представление было хоть раз сделано графу Аракчееву, он бы усердно им занялся. Быть может, чин поруч[ика] достанется вам по старшинству, значит представление о вашем повышении, сделанное уже давно, о котором вы мне говорили, сможет послужить тому, чтобы затем произвести вас в штабс-капитаны, – уверяю вас, это меня очень беспокоит – ибо что до наград, то у вас их достаточно. Было бы неплохо иметь еще иностранный орден, как напр[имер] «Pour le mérite», но это не столь существенно, как повышение. Потрудитесь над этим и напишите мне, что я могу сделать со своей стороны. Я уже писал об этом графу Аракчееву и Марченко некоторое время назад.

Матушка сообщает вам здешние подробности, которые могут быть вам интересны. Мне нечего тут прибавить. Поскольку я очень занят делами по должности, ограничусь на этот раз тем, что сказал вам. Прощайте, дорогой Павел. Я очень нежно люблю вас, обнимаю так же и благословляю от глубины сердца. П.

P.S. Если увидите Воло, сообщите нам поподробнее новости о нем, особенно о его службе и связях в полку.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 59–60.

[1] Речь идет о банковских займах. В 1822 в Петербурге жил иностранный подданный банкир Степан Ливио.

* По смыслу письма скорее здесь должен быть упомянут император, но читается довольно отчетливо «S.M. L'Imper».

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 1 Ст.-Петерб[ург], 16 сент[ября] 1814*

Пишу вам второпях, дорогой Павел, ибо мои дела по откупам день ото дня умножаются, и по мере того как продвигаются к окончанию, они становятся все более серьезными. Я имею время только сказать вам, мой добрый друг, что мои благословения повсюду следуют за вами. Что я никогда не перестаю возносить ко Всевышнему самые горячие молитвы за ваше счастье и что люблю вас от глубины сердца.

Я посылаю вам при сем толстый пакет для вашей бабушки в Дрезден. Среди прочего он содержит переводной вексель на *2550 р.*, что составляет треть ее пенсиона. Приложите к этому письмо к бабушке от себя и отошлите все в Дрезден в адрес кн[язя] Репнина[1]. Поскольку граф ваш начальник должен иметь официальные сношения к кн[язем] Репниным, вам будет проще, нежели мне отсюда, доставить этот пакет точно по назначению. Ради Бога, примите все возможные меры, чтобы все дошло до вашей бабушки как можно скорее и точнее. Прижимаю вас к сердцу и нежно вас обнимаю. П.

P.S. Я также посылаю вам письмо для некого **Д[обреева]**[2], которое Воло позабыл передать, проезжая Митаву, как и письмо кн[язя] Репнина к его адъютанту **Бедряге**[3], который ранее прибытия Воло уже возвратился в Дрезден.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 61–62.

---

[1] Н.Г. Репнин-Волконский от имени союзных держав был назначен генерал-губернатором Саксонии.

[2] Лицо не установлено.

[3] Бедряга Иван Иванович, находился в военной службе с 1803, участник 12 военных кампаний, в 1812 находился в составе корпуса П.Х. Витгенштейна. Состоял при генерале Н.Г. Репнине. В 1829 – генерал-майор.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№ 2** Ст.-Петерб[ург], 6 октября 1814*

Первое письмо, которое мы получили от вас, мой добрый друг Павел, после вашего отъезда, было от 23-го числа прошлого месяца. Я вам пишу второе. Я посылаю вам письма через госп[одина] Калинина (здешнего почт-директора) и думаю, что вы хорошо сделаете, если будете адресовать ему свои письма к нам. Для этого посылаю вам ниже его адрес.

Я благодарю Бога, что вы здоровы и прошу, чтоб и далее так продолжалось, пред Всевышним, которому каждый день поручаю вас в своих молитвах.

В настоящий момент я не имею ни копейки денег, чтобы вам послать, но через восемь дней, надеюсь, смогу это сделать. Если тем временем вы найдете *500 р.* взаймы, переведя платеж мне сюда, вы можете это сделать.

Я не мог достать креста Леопольда[1], но мне его обещали в магазине также через восемь дней. Все письма, что вы мне прислали для Полозова[2] и **Чагина**, я им доставил в точности.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Номер поставлен И.Б. Пестелем.

Ваш товарищ Гурьев приехал. Реманн его видел, но он еще не рассудил прийти нас повидать. Быть может, вы не дали ему письма для нас.

Воло ходит время от времени к Гурьевым, но, кажется, скучает, поскольку все время надо ему напоминать заранее, чтобы он туда вернулся. Он молчит везде, кроме дома, так что весьма натурально, что он нигде не развлекается.

Я непрестанно в ***откупах***, а поскольку дела идут обычным порядком, мне достаются лишь скука и огорчения.

Вот письмо от *Гогеля*, который просил меня осведомиться у вас по поводу просьбы, с которой он обратился к вам в своем письме. Постарайтесь, мой добрый друг, посоветоваться об этом деле с теми лицами на месте, кто понимает в делах аренды, и устройте для вашего бывшего начальника дело, в котором он так надеется на вашу дружбу к нему.

Матушка пишет вам более подробно, я же не имею времени на этот раз. Потому заканчиваю, обнимая вас нежно и благословляя от глубины сердца. П.

Его превосходительству г[осподину] тайному советнику, с[анкт-]п[етер-]б[ургскому] почт-директору и кавалеру Николаю Игнатьевичу Калинину.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 63–64.

---

[1] Австрийский орден Леопольда 3-й ст. Такой орден П.И. Пестель получил за сражения при Лейпциге и Бутельштадте, однако, судя по следующему письму, Иван Борисович покупал крест не для него, а для его товарища Петрулина.

[2] Возможно, Полозов Даниил Петрович (1794–1850), в 1811 выпущен из 1-го Кадетского корпуса подпоручиком в л.-гв. Артиллерийскую бригаду. 30 апреля 1814 в чине капитана назначен адъютантом к генерал-лейтенанту Довре. В 1819 командир 2-й л.-гв. Артиллерийской бригады, в 1826 флигель-адъютант и генерал-майор, 1829 – начальник 2-й артиллерийской дивизии. В 1831 переведен в Корпус жандармов, в 1833 начальник 1-го округа Корпуса жандармов, в 1837 генерал-лейтенант.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 3[*]

Ст.-Петерб[ург], 7 нояб[ря] 1814

Я должен был отправить вам приложенное от вашей матушки с предыдущей почтой, но торопясь сам вам написать, я держал его всю неделю и сейчас только едва нашел минуту, чтобы сказать вам два слова, мой дорогой Павел. Тем более я доволен вами. Тем более нежно я вас люблю, и тем более я огорчен, что все еще не могу послать вам денег. Я и сейчас не могу этого сделать, но сделаю все возможное, чтобы достать их и послать вам как только смогу. Дай бог, чтобы импер[атор] по возвращении пожелал немного устроить мои финансы, иначе я и ума не приложу. Но я предпочту не говорить об этом, чтобы не причинять вам огорчения. Бог смилуется над нами, надеюсь!!

Я восхищен тем, что вы развлекаетесь, и гр[аф] Келлер[1], которого мы видели у гр[афини] Фермор[2], сказал матушке, что вы нравитесь в Митаве и что *вы нравитесь* вообще повсюду. Что вы часто бываете в разных домах, особенно у Берюера[3], где есть очень хорошенькая особа, являющаяся дочерью дома.

Я надеюсь, что мои самые докучные занятия оканчиваются, поскольку уже несколько дней, как водочные откупа по всей империи прекращены. Вы помните, что

---

[*] Номер поставлен И.Б. Пестелем.

мин[истр] финансов сказал в свое время, что они давали лишь половину прибыли за последние четыре года. Я постоянно настаивал на противном, и теперь открылось, что они превышают более чем на 60 т[ысяч] руб. прибыль за последние годы. Можно ошибаться, но подобное заблуждение не очень простительно для мин[истра] фин[ансов].

Крест Леопольда для Петрулина[4] и баденский крест для вас[5] еще не готовы. Нам их обещают к следующей почте. Скажите мне, есть ли у вас надежда получить прусский орден за заслуги, – хорошо бы в пару.

Борис слывет любезным и дерзким повсюду и, кажется, нравится. Воло танцует и одевается с элегантностью и также нравится. Они стали довольно известны; таким образом, матушка и я частенько остаемся в четырех стенах, не имея экипажа. Я опасаюсь, как бы Борис и Воло не стали в конце концов ничтожеством по службе, имея полное отвращение ко всяким серьезным занятиям.

Я так тороплюсь закончить, чтобы не опоздать на почту, что не имею даже времени перечитать мое письмо. Прощайте, мой добрый друг Павел. Обнимаю вас нежно, люблю и благословляю вас от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 65–66.

---

[1] Келлер фон, Федор Федорович, в 1812 поручик, в августе 1812 штабс-ротмистр л.-гв. Гусарского полка, адъютант П.Х. Витгенштейна. Сестра П.Х. Витгенштейна Амалия Луиза была замужем за прусским дипломатом, посланником в России гр. Доротеем Людвигом Кристианом фон Келлером –таким образом, молодой граф Келлер мог быть родственником своего начальника П.Х. Витгенштейна.

[2] Ферморы – шведский графский род, живший в Эстляндии. Графиня Сарра-Элизабета Вилимовна Фермор, единственная дочь последнего графа В.В. Фермора, вышла замуж за графа Понтуса Стенбок и получила в 1825 г. разрешение передать имя и титул сыну.

[3] Берюер – лицо не установлено.

[4] Петрулин Яков Васильевич (ум. 1818), в 1812 поручик л.-гв. Гусарского полка, бригадный адъютант генерал-лейтенанта И.С. Дорохова, в октябре 1812 за отличие произведен в штаб-ротмистры, затем состоял ординарцем при П.Х. Витгенштейне. В 1815–1818 полковник, командир Ольвиопольского гусарского полка. Принят в Союз Спасения П.И. Пестелем в Митаве в 1817–1818 г. Убит на дуэли. (См.: Ильин П.В. Новое о декабристах. СПб., 2004. С. 400.)

[5] П.И. Пестель был награжден Баденским военным орденом Карла II за переправу через Рейн и занятие крепости Форт-Луи 18 декабря 1813 г.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 5 Ст.-Петерб[ург], 17 нояб[ря] 1814*

Вы знаете, дорогой Павел, что, если я нахожу *верной* какую-то вещь, о которой прошу, я не отступлюсь от нее, по крайней мере пока не уверюсь, что все мои настояния будут бесполезны. По этому принципу я не оставил стараний относительно вашего старшинства в чине поручика[1]. Превыше желания обеспечить вам это старшинство, я хотел еще, чтобы прошение, которое граф ваш генерал подал *по моей просьбе*, не осталось бы без успеха, и наконец я добился этого для вас. Наш августейший государь, поняв, что ваша [просьба ... и преимущества и признает]**, что ваши просьбы, имея те же права, имея еще такие же преимущества, и я посылаю вам копию приказа е[го] в[еличества]

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

** Строка текста испорчена из-за порванного сгиба листа.

имп[ератора], данного кн[язю] Горчакову через генерал-адъютанта кн[язя] Волконского[2], которым *вы*, как и все те, кто находится в одном с вами представлении, получили старшинство с того дня, когда отличились под Дрезденом и Пирной. Копия была мне прислана *Марченко* из Вены, и он говорит мне: ***«По сему высочайшему повелению не только Павел Иванович получает свое старшинство, но и целый корпус графа Витгенштейна ему* тем обязан»***. Я вас от всего сердца с этим поздравляю, прошу вас сообщить об этом вашему генералу и благодетелю и сказать, что я благодарю его за сделанное в свое время примечание и надеюсь, что он не будет жалеть, согласившись на мою просьбу за вас. Возблагодарим Всевышнего и нашего превосходного государя. На этом я вас обнимаю от всего сердца.

Я на этих днях получил и другое удовлетворение: ваш брат Борис был произведен в чин коллежского асессора, и приказ уже официально утвержден Сенатом, но я еще не объявил об этом Борису, поскольку в следующую субботу его день рождения и я хочу объявить ему об этом в его праздник.

Могу вас заверить, что, если бы со мной самим произошло что-нибудь, я бы не испытал столь великой радости, какую ваши два производства мне доставили. При таких случаях я вижу, насколько нежно я вас люблю, мои дорогие дети. Благослови вас всех Бог и сделай он вас такими довольными и счастливыми, как я желаю и прошу его всякий день.

Ваше последнее письмо, которое доставил нам госп[один] Паттон[3], было от 1-го числа сего месяца. Я был нездоров, так что не видел подателя вашего письма, но матушка его приняла.

Я весьма рад, что вы заняты делами службы, дорогой Павел, но признаюсь, что я бы предпочел, чтобы вы имели другую часть, нежели интендантство, ибо это дело столь сомнительное и требующее сильного присмотра.

Матушка рассказывает вам в своем письме о Воло достаточно подробно, так что мне не остается ничего прибавить. Я наставляю его *на свой лад*, который не сладок, я уверен, но, к несчастью, опыт доказывает мне, что это имеет более действия, чем слезы вашей бедной матери. У матушки есть все основания сказать, что дорогая кузина[4] причиняет ей много огорчения. Чем она старше, тем более становится глуха, кокетлива, расточительна и пр. Свой дом для нее более чужд, чем дома всех ее знакомых. Она там ночует. С утра или визиты, или модные продавщицы и пр. Потом она отправляется в институт, где делает глупости с м-ль Мейран[5] и прочими. Потом она бегает по городу и по балам. Непрестанные расходы на туалеты, и закончит тем, что разорится. Я ей больше ничего не говорю, поскольку ее это только раздражает, не производя никакой пользы. Я слишком ее люблю, чтобы не огорчаться этим, и дай Бог, чтобы все зло, какое я для нее предвижу, не осуществилось!!! И довольно.

Я несколько дней страдаю болями в [нрзб.], происходящими от геморроя. Благодаря Бога наши **откупы** прекращены, как и мои ежедневные заседания в Сенате, которые длились по четыре-пять часов, занимая все дни. Это дело закончилось удачнее, чем я предполагал. Но осмелюсь с чистой совестью сказать, что мне досталась наибольшая часть. Бог знает, узнает ли имп[ератор] все его подробности. Я сделал рапорт, но поскольку мне не пристало говорить о себе самом, а никто другой не будет говорить в мою пользу, то более чем вероятно, что моя скромная заслуга останется неизвестной. Что делать! Я исполнил свой долг и наградой мне чистая совесть, и Бог видит мое стремление к благу дорогого отечества и августейшего государя.

Меня зовут, я должен заканчивать. Прощайте, дорогой Павел, обнимаю вас от всего сердца и благословляю вас так же. Весь ваш П.

---

* Слово «ему» в подлиннике подчеркнуто дважды.

P.S. Я весьма раздосадован, что обстоятельства создают холодность к вам со стороны графини. Я бы предпочел, чтобы она была к вам столь же расположена, как и ее супруг. Говорят, вы приедете сюда с графом в следующем месяце. Дай-то Бог! Прощайте.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 67–69.

---

[1] Согласно формулярному списку, П.И. Пестель был произведен в поручики 10 августа 1813 г. «за отличие против неприятеля».

[2] Волконский Петр Михайлович (1776–1852), кн., генерал-адъютант, с конца 1812 – начальник Главного штаба действующей армии.

[3] Паттон – лицо не установлено.

[4] Имеется в виду Е.Д. Власьева.

[5] Сведений о женском институте Мейран не обнаружено. В Петербурге имелся частный мужской пансион Мейера, находился на 8-й линии Васильевского острова, на Среднем проспекте; возможно, речь идет о родственнице его владельца.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

№ 6 Ст.-Петерб[ург], 28 нояб[ря] 1814*

Я весьма беспокоюсь за вас, мой дорогой Павел, ибо с 1-го числа сего месяца не получал от вас ни писем, ни вестей. Я уже начал искать сведений, и оказалось, что ваш товарищ Новосильцов писал от 14 нояб[ря]. Хотя он ничего не говорит о вас, я все же не могу отказаться от мысли, что вы больны, зная вашу точность в сообщении нам новостей. Прошу Бога, чтобы мое беспокойство не оправдалось, но не буду совершенно спокоен, пока не получу от вас письма. Ваша матушка сильно беспокоится, она не пишет вам сегодня, потому что отправилась повидать Александра в Царское Село и даже не знает, что я вам пишу. Я не хотел пропустить эту почту, не отослав вам два креста, которые вы желаете иметь. Баденский для вас и Леопольда для г[осподина] Петрулина. Наконец мне их принесли сегодня утром, и я спешу их вам послать. Они стоят каждый *100 руб.*, оба красивы сами по себе и в то же время хорошо изготовлены.

Я чувствительно огорчен, мой дорогой Павел, что еще не могу послать вам денег, но надеюсь, что вы смогли достать *500 руб.*, записав платеж на меня здесь, как я вам давно советовал. Первые же деньги, которыми я смогу распоряжаться, я доставлю вам. Честно сказать, сейчас во всем доме я имею лишь *75 руб.*, которых едва достанет на пропитание.

С начала этой зимы в городе всякий день балы, иногда даже два или три в один день. Воло один из завсегдатаев здешних балов, его повсюду приглашают, но поскольку невозможно пригласить его и забыть его брата, Борис также на всех балах и находит возможность развлекаться там наилучшим образом. Я очень доволен их ролью в обществе, выказывая себя хорошо воспитанными молодыми людьми.

На днях они были на балу у ***Молчанова***[1], где был большой свет. Катерина Дмитриевна так бегала по всем балам, что сильно страдает от болей в горле, но несмотря на это всякий день выезжает. Она поручила мне передать вам ее множество поклонов, поскольку приехала меня повидать и знает, что я вам пишу.

Ваши братья нежно вас обнимают, а Софья говорит: ***«Скажите Полю, что я его очень, очень люблю»***. Нам подают надежду, что вы приедете сюда в следующем месяце с

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

вашим шефом. Дай Бог, чтобы это было правдой. Мне не терпится увидеть и обнять вас. В ожидании я делаю это мысленно, благословляя вас от глубины сердца. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 70–71.

---

[1] Вероятно, Петр Степанович Молчанов (1770–1831), с 1807 статс-секретарь, с 1808 управляющий делами Комитета министров, с 1812 сенатор. Литератор.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*№7 * Ст.-Петерб[ург], 15 дек[абря] 1814*

Я пользуюсь отъездом шурина вашего генерала, чтобы написать вам, дорогой Павел, и одновременно послать вам лепту вдовицы, составляющую тысячу руб. в билетах банка, которым я пользуюсь здесь, в надежде, что этой суммы так или иначе достанет для ваших нужд. Податель этого письма (полковник Снарский[1]), родной брат графини Витгенштейн, уверяет меня, что вернется сюда через пятнадцать дней, или самое позднее через три недели, и привезет вас с собой. Раз это становится очень легко по причине плана, который вы мне сообщили в вашем письме, что вы приедете сами, я заранее радуюсь, что увижу и обниму вас. Так что откладываю до тех пор все, что имею вам сказать, тем более что мои занятия совершенно не позволяют мне сегодня писать подробно. Госп[один] Снарский, кажется, имеет ко мне доверие, я говорил с ним откровенно, как всякий человек чести должен во всех своих поступках. Я обращался с ним как с шурином вашего начальника, который любит вас и без околичностей это доказывает. Я подробнее расскажу вам о деле Снарского изустно. По всей видимости, Гурьев-*отец* более не имеет нужды в графе Витг[енштейне], имея намерение поместить сына или как флигель-адъютанта при имп[ераторе], или же определить его в штаб графа Барклая де Толли, и поэтому он уже не так, как прежде, готов дать место Снарскому, которое тому было обещано. Быть может, *идея*, что я заменю *Гурьева*[2], заставила его обратиться ко мне, но он совершенно ошибается, ибо только через мой труп я соглашусь на эту должность и далек от надежды, что у меня даже будет случай от нее отказаться, поскольку меня и не подумают понуждать.

Посылаю вам, дорогой Павел, приказ, данный 30 октября, о вашем повышении – приказ имп[ератора] (копию которого я вам присылал) о старшинстве в этом чине был тем временем издан, и кн[язь] Горчаков уже послал копию этого приказа в **Инспекторский департамент** для сообщения в полк[3], но полк, несмотря на это, очутился в затруднении, не зная, с которого месяца и числа считать, потому надобно, чтобы граф Витгенштейн сообщил кн[язю] Горчакову, от какого именно месяца и числа следует считать ваше повышение, ибо, если будут считать от последней даты, означенной в приказе, то есть дела *при Борне*, имевшем место *29 сентября*[4], тогда вы будете 14-м поручиком в Кавалергардском полку; если же, напротив, будут считать от того *августовского* дела, о котором речь, вы будете 5-м поруч[иком] во всем полку. Посмотрите, как вы можете это устроить, поскольку для будущего и для вашего следующего повышения это весьма важно.

Вы увидите из матушкиного письма, что она была больна – я не хотел вам говорить об этом в своих письмах, чтобы не причинить беспокойства, теперь же, когда она чувствует себя много лучше, мы можем вам об этом рассказать, и надеюсь, к вашему приезду она вполне поправится. Прощайте, дорогой Павел, прижимаю вас к сердцу и благословляю, поручая вас святому покровительству Всевышнего. П.

---

* Номер поставлен И.Б. Пестелем.

P.S. Вот, мой дорогой Павел, письмо для молодого графа Шамборо[5], находящегося в корпусе графа вашего ген[ерала]. Оно от Пиру[6], который настоятельно вас просит доставить его в точности.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 72–73 об.

---

[1] Снарский Константин Станиславович, брат графини А.С. Витгенштейн, с 1807 полковник (по данным А.Подмазо (см: URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_s.html), в 1807 подполковник, полковник с 1821), в 1806–1813 командовал Житомирским драгунским (с декабря 1812 уланским) полком, в 1816–1818 вице-губернатор Волынской губернии, в 1820–1823 командовал Харьковским драгунским, с 1823 по январь 1826 Мариупольским гусарским полком.

[2] В своих записках И.Б. Пестель писал, что во время пребывания Александра I в армии доверие его к министру финансов Д.А. Гурьеву «стало упадать, и слух разнесся (не без основания), что я буду вместо него министром финансов». По возвращении императора в столицу «кредит Гурьева очевидно поднялся», он сохранил свой пост и получил новые награды (Бумаги И.Б. Пестеля... С. 396).

[3] С 21 августа 1814 г. П.И. Пестель был переведен в Кавалергардский полк, продолжая служить адъютантом при П.Х. Витгенштейне.

[4] Согласно формулярному списку, П.И. Пестель был награжден чином поручика за дела при Пирне и Дрездене 10, 12, 13, 14 и 15 августа 1813, а за отличие в делах 23 августа у Полендорфа, 24-го при Инстерсвальде, 26-го при Пирне, 2 сентября при Петерсвальде, 3-го у Полендорфа, 5-го у Кульма, 29 сентября при Борго и 2–7 октября при Лейпциге награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и австрийским Леопольда 3-й степени (ВД. Т. IV. С. 6–7). Корпус П.Х. Витгенштейна в сражении при Борне не участвовал, там сражался корпус принца Евгения Вюртембергского.

[5] «...молодого графа Шамборо» – личность не установлена.

[6] Пиру (Pirou) – личность не установлена.

1815

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 27 февр[аля] 1815

Я не мог написать вам, мой дорогой Павел, в последний раз как матушка вам писала, поскольку не имел времени; сегодня тот же случай, ибо я должен этим утром отправиться по делам, но обстоятельство, которое меня всегда сильно интересовало, обязывает поговорить с вами хотя бы наспех, чтобы не пропустить сегодняшнюю почту. Вот о чем идет речь. Депрерадович дал вам старшинство с 10 августа, он даже отдал в **приказах** и выдал вам о том свидетельство. Вчера он сказал мне, что его начальники находят, что ваше старшинство может считаться лишь *с последней даты, когда* вы отличились, поскольку сказано, что вы представлены за *все дела*, даты которых находятся в **приказе**. Я отвечал ему на это, что он не может знать, какая последняя дата касается вас, потому что все означенные в **приказе** даты относятся не к вам одному, но более чем к 40 другим лицам одновременно. Он продолжал настаивать на собственном своем приказе, которым он считает ваше старшинство от 10 августа, и сделал о том рапорт **по команде**, который поступит к госп[одину] гр[афу] Барклаю на решение. Вместе с тем он находит, что я прав в том, что он не может знать, какие даты касаются персонально вас. Потому мы сошлись на том, что я напишу вам, чтобы снова призвать на помощь вашего генерала, который мог бы официально уведомить маршала гр[афа] Барклая[1] и Депрерадовича, каким образом он считает верным считать ваше старшинство. Отошлите при первой возможности бумагу Барклаю, а таковую же для

Депрерадовича – ко мне. Если ваш ген[ерал] придумает нечто более действенное для вашей пользы, постарайтесь побудить его сделать это наилучшим из возможных образом. Для вашего сведения посылаю копию **приказа**, данного по армии и утвержденного е[го] в[еличеством] импер[атором], касательно этого предмета. Я также сейчас написал об этом **Марченко**, с теми же подробностями. Я слишком боюсь опоздать к почте, отправляющейся сегодня утром, чтобы писать вам еще.

Матушка вас нежно обнимает и благословляет от всего сердца. Ваши братья и Софья вас обнимают. Мы все здоровы, за исключением Софьи, которая хоть и выздоравливает, но еще много кашляет, весьма слаба и сильно похудела. Прощайте, дорогой Павел, обнимаю вас от сердца и благословляю так же. Весь ваш сердцем и душой П.

P.S. Вот письмо для вас, которое я получил с вчерашней почтой. Жду с нетерпением известия о вашем прибытии и не буду спокоен, пока не узнаю что вы на месте.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 74–75.

---

[1] М.Б. Барклай-де-Толли имел чин фельдмаршала, И.Б. Пестель неточно именует его маршалом.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 20 марта 1815

Спешу, мой дорогой Павел, ответить на ваше письмо от 13-го числа сего месяца, которое получил позавчера. Ваши опасения кажутся обоснованными, по крайней мере в данный момент, и я весьма одобряю вашу предосторожность сказать мне это вовремя, предварив, что матушке не следует знать о содержании вашего письма. В следующий раз вы хорошо сделаете, прибавив другое письмо, которое я мог бы показать, чтобы можно было показать матушке*, что мы получили от вас весточку, ибо сейчас она беспокоится, полагая вас больным. Если вы будете уверены, что должны отправиться в поход[1], напишите мне об этом сразу же, тем временем займите также сразу *2500 р.* на экипировку, а я вышлю вам эти деньги по первому требованию. Невозможно купить здесь лошадей для вас. Они слишком дороги, к тому же невозможно достать *таких, какие нужны вам*. Здесь все для щегольства и ничего для полезного использования на службе. У меня будут деньги в конце этого месяца, так что располагайте суммой от *2000* до *3000* р., я с точностью вам их выплачу. Я купил для вас дрожки, за которые заплатил 800 р. Я хотел было отослать их к вам, но решил не делать этого, пока вы не скажете, ибо они будут вам совершенно бесполезны, если вы выступите.

Новость о бегстве презренного Бонапарта дает основания полагать, что вы можете уже быть в движении, но это скоро решится, и я надеюсь, что провидению угодно положить конец дням гнусного узурпатора. В любом случае (как я сказал выше) займите у ваших друзей в Митаве на мой счет и укажите мне, куда следует послать вам деньги, а еще лучше, я предпочел бы уплатить здесь, если возможно. В любом случае, даже если вы не выступите, я пришлю вам к концу этого месяца *тысячу р.* в качестве трети того, что я вам обещал. **Дрожки** и к праздникам ваш мундир. Когда я получу лошадей из тех, что жду из Москвы, я пришлю вам одну, предварительно велев ее выдрессировать здесь; а если у вас есть возможность выдрессировать ее у себя, напишите мне, тогда я вам пошлю ее, как только она прибудет. Все это будет сделано, даже если вы не выступите. Здесь не знают ничего положительного, как и нигде. Когда Бонапарте будет взят, решится, что все остаются в покое, и я на это еще надеюсь, во всяком случае, меры

---

* Так в оригинале.

Венского конгресса (благодаря нашему августейшему императору) превосходны и заставляют надеяться, что ничего серьезного не случится.

Я рад, что вы довольны графом вашим начальником, но признаюсь вам, что я был бы еще более доволен, если бы вы избавились от провиантской и комиссариатской части, ибо можно быть сколь угодно честным человеком – никто в это не поверит, пока вы заняты этими несчастными частями, в которых мошенничество глубоко укоренено.

Ничего не передаю вам от матушки, поскольку она не знает ни о содержании вашего последнего письма, ни о том даже, что я получил от вас письмо; но я сказал ей, что пишу вам, и она поручила сказать, что нежно вас обнимает и любит так же. *Вчера мы праздновали ее день рожденья.* Ей исполнилось 43 года, этой превосходной во всех возможных отношениях женщине. Кажется, мой добрый друг, что вы забыли об этом дне, и ей это причиняет огорчение, хотя она и не говорит об этом. Если будете отвечать, напишите ей письмо, датированное 13-м числом сего месяца, чтобы ее поздравить. Она сможет думать, что оно дошло до нее слишком поздно. Она постоянно страдает от нарывов в ухе. Едва один пройдет, как появляется другой. Вчера (ради праздника) ей приложили пластырь. Сегодня боль не такая свирепая, она даже лучше провела ночь. Софья чувствует себя лучше, но все еще весьма слаба и хрупка. Борис и Воло здоровы.

Вот письма и [ябеды], которые Борис вам посылает, а также письмо от Чагина.

Прощайте, мой дорогой Павел. Обнимаю вас нежно и люблю так же. О вашем старшинстве мне нечего сказать, коли вы сами находите, что оно более не имеет для вас большой важности. По мне, я нахожу, что надо трудиться для настоящего, ибо будущее нам, людям, неведомо. И есть большая разница, быть ли 5-м или 11-м поручиком в полку. Со своей стороны, я сделал для вашей пользы все, что было в моей власти, и умываю руки. Этот последний пункт моего письма отвечает на ваше от 6-го сего месяца.

Прощайте, мой добрый друг. Благой Бог вас ведет и пребудет всегда, как и теперь, в вашем сердце. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 76–78.

---

[1] К тому времени было получено известие о бегстве Наполеона с о. Эльба.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 3 апреля 1815

После вашего письма, дорогой Павел, от 19-го числа прошедшего месяца, я не имел от вас никаких известий. Признаюсь, что меня это беспокоит. Все успехи адского чудовища Буонапарта должны быть вам известны, быть может даже, вы знаете более нас. Поскольку здесь все новости только из газет. Судя по всему, война неизбежна, стало быть, ваш ген[ерал] и вы также несомненно туда отправитесь. Наша семья более ста лет предана нашей родине (России)*, надо служить ей со рвением. Вы уже дали недвусмысленные доказательства вашего, и я уверен, что снова их предоставите, как только у вас будет к тому случай. Мне остается лишь поручить вас руководству Всевышнего и поддержать вас в неизбежных расходах изо всех моих сил. Начинаю с того, что посылаю вам первые деньги, какими смог располагать. Это тысяча рублей, которые я прилагаю *в ассигнациях Ролла на Кляйна, которые к сему прилагаю***. Если вы смогли тем

---

* Так в тексте.

** «Assignations de Roll sur Klein». В тексте слово «прилагаю» повторено дважды. Подчеркнутое окончание фразы приписано внизу листа со знаком вставки.

временем раздобыть денег, я жду вашей расписки, чтобы ее оплатить. Через несколько дней я смогу дать вам еще две тысячи руб. Укажите мне, как следует их вам доставить. Меня бы лучше всего устроило выплатить их здесь. Не можете ли вы взять их у *Кляйна*, чтобы я оплатил здесь в банке *б. Ролла*[1]. Сделайте милость, сообщайте нам почаще о себе и о том, что у вас происходит и куда вам предназначено отправиться с вашим генералом. Здесь никто ничего об этом не знает, даже военный мин[истр]. *Говорят*, что ваш ген[ерал] будет пока командовать арьергардом и что он уже имеет приказы о выступлении, но все это *слухи*, которых тут столько, что невозможно больше ничему верить, ибо болтовня ужасная. Разумные люди помалкивают, а болтуны и бездельники злословят. Кн[язь] Долгорукий[2] должен быть уже у вас. Он уехал, не сказав мне ни слова. Я бы охотно написал через него, но он не счел даже нужным меня уведомить. Это совсем неприлично с его стороны.

Я посылаю вам также, мой дорогой Павел, ваш зеленый мундир, за который я заплатил, давши Борису просимые им *150 руб*., он же забрал мундир и велел портному его упаковать, так что я его даже и не видел. Надеюсь, вы будете им довольны.

Ваша матушка тоже пишет вам, она чувствует себя лучше, но основание ее болезни (ревматизмы) остается все тем же и вызывает ужасное раздражение нервов. Вместе с чувствительностью, которую это производит, вы можете вполне представить себе, какое действие производят настоящие обстоятельства и страх, что вы, как и Воло, будете на войне, на ее здоровье, и без того расстроенное. Софья также хрупка и часто больна, какова была при вас. Она становится все любезней и интересней. Я же веду свое обычное существование. Измученный и издерганный все так же. Я снял дом в деревне для матушки, в Царском Селе. Судите, он мне обойдется в 1500 р., и он такой маленький, что негде будет поместить прислугу. Я же остаюсь в городе и буду только время от времени навещать матушку. Моя служба не позволяет мне покинуть город.

Прощайте, мой дорогой Павел. Прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души. П.

P.S. Я остановился покупать для вас **дрожки**. Они стоят 800 руб., и вероятно, что вы даже не сможете ими воспользоваться этим летом.

Я уже запечатал свое письмо, как мне принесли с почты ваше письмо от 28-го числа прошедшего месяца. Поскольку я должен был отправляться на обед к кн[язю] Солтыкову[3], я просил матушку на него ответить, а Воло сказать вам насчет вашего старшинства, и вот два их письма и еще одно от Бориса. Прощайте.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 79–80 об.

---

[1] Раль (Ралль), фон Александр-Франц Францович (Александрович) (1756–1832), барон, купец 1 гильдии, придворный банкир в Петербурге.

[2] Долгорукий Николай Андреевич (1794 или 1792 – 1847), кн., впоследствии генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Был женат на Марии Дмитриевне Салтыковой (1795–1823).

[3] Графу Н.И. Салтыкову (Солтыкову) в августе 1814 г. был пожалован титул светлейшего князя.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 7 апреля 1815

Только что (в полдень) я получил ваше письмо от 29-го числа прошедшего месяца. И спешу послать вам сразу же еще *тысячу рублей*, в надежде, что их еще согласятся принять на почте. 3-го числа сего месяца я вам уже послал *тысячу рублей*, которые, как я надеюсь, прибудут к вам вовремя. Как только вы прибудете в Вильну, известите меня

об этом, и я пришлю вам еще, что сумею найти возможность раздобыть* [...]вынужден порекомендовать вам экономить, вы знаете сами мою бедность.

Я видел вчера графа Аракчеева, которому рассказал о вашем сожалении не быть там, где сражаются за отечество, он сказал, как я – что нужно служить там, куда судьба приведет, и покоряться воле провидения. Можно быть полезным повсюду.

Постарайтесь получить от графа бумагу, подобную той, что он послал Депрерадовичу для кн[язя] Горчакова. Он даст вам такое старшинство, какое граф ему укажет. Если он будет добр так поступить, это дело окончится в вашу пользу, и поверьте мне, что для вас это весьма важно. Пришлите мне эту бумагу, и я сам передам ее кн[язю] Горчакову. Спешу отослать мое письмо на почту и уступаю перо матушке, которая хочет прибавить два слова.

Прощайте, мой друг, благословляю и обнимаю вас от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Хотя вы не едете сражаться, по крайней мере сейчас, все же я очень грустна от вашего перемещения, потому что оно составляет часть войны и еще более удаляет вас от нас! Благослови вас Бог, мой добрый друг, в вашем новом положении, и да сохрани Он вашу жизнь и чистоту вашего сердца, как хранил до сих пор. Только от вас мы можем ожидать утешения, ибо от прочих....!** Я чувствую себя лучше, несмотря на то, что мне *положено* еще *непреложно* не знаю сколько пластырей, мазей, масел, **полосканий** (для уха) и пр., поскольку эта несчастная летучая влага образует у меня то там, то здесь скопления влаги, которые следует рассеивать, и пр., но в конце концов улучшение дает надежду на лучшее, и я довольна. Я бы весьма охотно отдала то немногое здоровье и удовольствия, какие у меня еще остались, чтобы прибавить их к вашим. Вот все, что я могу вам сказать сейчас, поскольку надо спешить отослать письмо. Итак, прощайте, дорогое дитя. Поручаю вас еще раз божественному провидению и благословляю вас, прижимая к сердцу.

Ваши братья, Софья, Като, дяди, друг Реманн, Случевский шлют вам тысячу приветов, как и многие ваши знакомые. Эрнестина[1] особенно говорит вам, что она всегда имела и более чем когда-либо сохраняет к вам дружбу и очень нежное уважение. Прощайте... прощайте...

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 81–82.
На л. 82 об. рукой И.Б. Пестеля по-русски: «**Его благородию Павлу Ивановичу Пестелю. *В Митаве*. При сем тысячу рублей банк[овскими] ассигн[ациями]»**.

[1] Лицо не установлено.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 8 мая 1815

Последнее письмо, которое мы от вас получили, дорогой Павел, было от 21-го числа прошедшего месяца из Вильны. Я очень рад, мой добрый друг, что вы получили в точности 2 т[ысячи] руб., которые я вам послал. В течение этого месяца я пришлю вам еще тысячу руб., как обещал. Дороговизна у вас ужасающая, и я не понимаю беспечности графа в отношении его окружения. Я говорил (натурально никого не называя)

* Так в тексте. Строка «раздобыть... экономить» пришлась на сгиб листа, затерта и читается с трудом, примерно два слова прочесть невозможно.

** Так в тексте.

гр[афу] Аракчееву касательно прогонов, которые вам не оплатили, когда вы следовали за графом, он находит, что вы имеете полное право того требовать всякий раз, как вы едете по службе, а не по собственным своим делам. Вот его собственные слова: «**Когда адъютанты в армии противу неприятеля, тогда выдают им рационы и тогда они прогон не получают, но внутри государства, не получая рационов, должно им по чинам выдавать и прогоны, когда они с генералами ли своими ездят, или от него посылают по делам службы»**. По всей видимости, вовсе невероятно, чтобы вы могли долго оставаться в Вильне. Корпус в 150 т[ысяч] человек слишком велик, чтобы в нем не оказалось нужды в столь важный момент, как нынешний. В остальном мы здесь ничего не знаем, не имея других новостей кроме тех, что читаем в газетах.

Я ничего не говорю вам ни о матушке, ни об остальном, ибо матушка собирается написать вам сама. Скажу только, что некоторое время назад имел огорчение, пронзившее мне сердце, и что доставил мне его Борис. Он связался с несколькими игроками, и в один вечер проиграл тысячу рублей в азартную игру. Я наказал его благороднее, чем он того заслуживает, и вексель оплачен, но, поскольку я дал честное слово никогда не платить подобных долгов моих детей, я вычту тысячу руб. из его жалованья, а чтобы доказать, что в том разорении, в каком находятся мои финансы, я не прощаю ему этих денег не от скупости, я назначил эти *тысячу руб*., по мере того как они будут взяты из его жалованья, раненым инвалидам, и деньги будут регулярно отсылаться тем, кому назначены. Вы знаете мой образ мыслей, мой добрый друг, как и мою чувствительность. Судите, какое впечатление должна была произвести на меня эта несчастная история. Я уверен, что она стоила мне нескольких лет жизни. Всевышний, единственная моя поддержка во всех случаях, укрепил меня, и я горячо молю его, чтобы подобное огорчение никогда более не потревожило моей души. Это тем более непростительно Борису, что всякий день, постоянно ваша матушка и я, мы наставляли его, предупреждая, чтобы сильная страсть к игре не дала ему наделать глупостей. В самое утро того дня, когда он потерял эту сумму, мы говорили с ним, и он уверял, что никогда в жизни не играл и не будет играть в азартные игры. Я не хочу ни причинять вам огорчения, ни освежать своих огорчений, которые я так живо почувствовал, сообщая вам больше подробностей этой скверной истории: вы будете с презрением смотреть на брата, а я в отчаянии видеть, что мое мнение о Борисе (которое было не особенно благоприятным) слишком подтверждается всякий раз, как я стараюсь подвергнуть его сомнению и убедиться в обратном. Воло также доставляет мне огорчения, но другого рода. Он – самое пустое существо, какое может быть, как для службы, так и для всяких других вещей. Дитя, будто ему не более 15 лет, – и притом безграничное самолюбие. Бездельничает всю жизнь, думая только о том, чтобы порисоваться и сделать фатовство. Уверяю вас, что часто у меня голова идет кругом, когда я думаю о будущем. Воло следовало бы иметь сурового начальника, который научил бы его служить и заставил бы узнать субординацию. Депрерадович знает службу, но он балует Воло и занят лишь игрой. Воло полагает, что ревностно служит, коли делает перед своим генералом все упражнения верхом, которых летом много. Простите, мой добрый друг, что рассказываю вам эти детали. Они могут только огорчить вас, но я вам открываю сердце, как своему ребенку, которого люблю и на которого весьма рассчитываю во многих отношениях. Особенно по части утешения от горя, причиняемого мне вашими братьями.

Дело с вашим старшинством еще не закончено. Князь Горчаков дал мне слово, что, как только граф Витгенштейн напишет ему то же, что писал Депрерадовичу, он велит дать вам такое старшинство, какое тот пожелает указать. Чтобы дать к тому графу хороший повод, я посылаю вам здесь рапорт к графу от Депрерадовича, а также копию его содержания. Добейтесь от графа, чтобы он написал князю Горчакову официально, и пришлите мне эту бумагу вместе с копией для меня, а остальное я тотчас улажу.

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас нежно и благословляю от глубины души. Сообщайте нам новости о себе как можете чаще. Если у вас нет времени писать подробно, скажите нам, по крайней мере, как вы себя чувствуете.

Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 83–85 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 13 мая 1815

Я пользуюсь предложением подателя сего письма (Полозов), чтобы послать вам, дорогой Павел, ящичек чаю, и пришлю вам другой такой с братом госп[одина] Новосильцова (вашего товарища), который должен отправиться незамедлительно, чтобы явиться к вашему графу. Один из этих ящичков для графа, а другой для вас самого. Я желал бы, чтобы чай прибыл к вам как чай, а не как порошок, как это обыкновенно случается при посылке с оказией, особенно летом.

Я получил ваше письмо от 2-го числа сего месяца и рад, что вы здоровы и довольны (говоря в общем). Что касается поляков, я глубоко убежден, что они никогда не полюбят русских. Эта нация, низкая и гордая, никогда не сможет забыть того зла, которое Россия главным образом им сделала, и новое положение их страны ничуть не уменьшит их враждебности. Дай Бог, чтобы последствия в конце концов не стали самыми серьезными и чтобы эта страна, являющаяся царством лишь по названию, не стала бы однажды им на самом деле, вопреки нам. Мы ничего не знаем о том, что происходит в политическом мире, не имея других новостей, кроме тех, что дают опубликованные бумаги. Лишь этим путем в столице страны узнали, что наш император будет королем Польши!!!

Я вам подробно писал о вашем старшинстве в письме от 6-го сего месяца и даже послал вам рапорт Депрерадовича гр[афу] Витг[енштейну] на эту тему. Полагаю, что все это до вас дошло, и с нетерпением жду бумаги от графа для кн[язя] Горчакова, чтобы закончить это дело к вашей выгоде. Последний не желает иного, кроме как отдать вам справедливость, но его головы недостает на то, чтобы найти к тому возможность, хотя его доброе сердце ее поистине чувствует. Каков военный мин[истр]!!!

Я уступаю перо матушке, которая хочет сама сказать вам два слова. Прощайте, мой добрый друг, благословляю вас от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я хочу вам сказать действительно два слова, мой добрый друг, поскольку я так занята своим переездом в Ц[арское] С[ело], что только и имею времени сказать, что обнимаю и благословляю вас от всего сердца. Тысяча приветов от ваших братьев, от доброго маленького ангела Софьи, от Като, от Леонтьевых, от Ременна, от *Альберта*, который снова помещен при ген[ерал]-губ[ернаторе] Сибири. Прощайте, дорогой друг, благослови и храни вас Бог. Я чувствую себя много лучше, но мои подагрические боли *немного* беспокоят меня с *правой* стороны головы.

Приписка И.Б. Пестеля:

P.S. Опасаясь злоупотребить любезностью г. Полозова, я не решился нагрузить его обоими ящичками чая для вас. Но Катерина Дмитриевна взялась просить его взять и второй ящичек тоже, так что вы получите от него оба ящика, и мне это больше нравится, чем разделять их, тем более что я не уверен, захочет ли Новосильцов обременить себя этим.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 86–87.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 14 мая 1815

Уже два дня как запечатано мое прилагаемое письмо к вам, дорогой Павел, и, поскольку Полозов еще не пришел за ним, я могу прибавить эти строки, чтобы сказать вам, что ***Чагин*** старший пришел ко мне вчера утром и просил, чтобы я уплатил то, что вы ему должны, говоря, что это *600 руб.* банковскими билетами и *50 дукатов*. Я сказал ему, что напишу вам об этом, поскольку он сказал, что не имеет никакой от вас бумаги на эту сумму для вручения мне. Итак, поторопитесь, мой добрый друг, как можно скорее дать указание, что я должен делать. Я обещал вам посылать всякую треть (т. е. каждые четыре месяца) тысячу рублей. Если надо уплатить **Чагину**, я буду вынужден сделать это из этих денег, ибо, послав вам *2000 руб.*, у меня ничего не остается, а мне еще нужны деньги на случай, если Воло выступит в поход со своим генералом, который всякую минуту ожидает об этом приказа, полагают, что гвардейцы пойдут по крайней мере в Варшаву, чего особенно желает великий князь Константин.

Прощайте, обнимаю вас от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 88.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 26 мая 1815

Сию минуту, мой дорогой Павел, я получил ваше письмо из Вильны от 15-го числа сего месяца, и спешу ответить на него тотчас же, адресуя письмо, как вы указали, *в Митаву*, я просил почт-директора доставить его вам в точности, направив почтмейстеру этого города.

Я не могу сказать вам ничего достоверного относительно назначения корпуса, находящегося под командой графа вашего начальника. Военный министр этого и сам не знает, но предполагают, что вы скоро будете отправлены присоединиться к армии, назначенной воевать. Если узнаю что-нибудь об этом, не замедлю вам сообщить, здесь все узнают лишь задним числом. Ваше направление на Белосток заставляет меня предполагать, что вас назначают, быть может, в Молдавию, но говорят, что турецкая граница будет охраняться армией гр[афа] Беннигсена, но все это суть *слухи*, на которые не следует полагаться. Все гвардейцы имеют приказ выступать, и Воло отправляется со своим полком 30-го сего месяца. Они идут прямо в Вильну и, по слухам, будут под началом великого князя Константина.

К 15-му числу следующего месяца в этих краях не останется гвардейских полков. Я уже издержал 2600 руб. на отправление Воло и смогу дать ему не более *500 руб.* серебром.

Что касается коляски, то я отдал ее вам, дорогой Павел, и вы хозяин располагать ею как вам угодно. Матушка охотно готова без нее обойтись. У вас достаточно подтверждений тому, что ее не затруднит никакое лишение ради ее детей, которых она любит, как никогда мать не любила своих детей.

Вы весьма хорошо сделали, ни на минуту не удаляясь от графа. Даже если бы он сам был способен не забыть отсутствующего, всегда гораздо лучше находиться неотлучно при начальнике, каков бы он ни был.

Я приобрел **бричку** для Воло, сделанную в Польше, откуда поставляют наилучшие. Я заплатил за нее *350 руб.*, и она в своем роде превосходна.

Я обещал вам *тысячу руб.* в июне и задержался с их отправкой, только чтобы уплатить ***Чагину***, если вы пожелаете, но поскольку вы имеете большую нужду в деньгах,

чем он, то я решился отослать вам эти деньги, которые прилагаю здесь, а если **Чагин** потребует от меня платежа, скажу ему, что ожидаю вашего ответа; но если даже вы захотите, чтобы я ему уплатил, я не смогу сделать этого раньше сентября месяца, к тому же из *тысячи руб*., которую я полагал вам доставить. Даю вам честное слово, что не могу сделать иначе, ибо отъезд Воло меня совершенно разоряет.

Я не говорю вам ничего о том, что происходит в нашей семье. Матушка вам это расскажет, насколько ей позволит спешка, в которой мы пишем. Я уступаю ей перо* и заканчиваю, обнимая вас от всего сердца и благословляя так же. Прощайте, мой добрый друг. П.

P.S. Я доставлю ваши письма к кн[язю] Долгорукому и Владимиру **Чагину**[1] в точности.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 89–90.

Вы отбыли из Петербурга в Митаву 18 февр[аля] 1815**
Я вам писал
1. *в Митаву* 24 февр[аля]
2. –»– 27 –»–
3. –»– 20 марта
4. –»– 3 апреля, посланное вместе с векселем на *1000 руб*.
5. –»–7 –»– банковскими билетами *1000 руб*.
6. *в Вильну* – 6 мая – письма 1. к вам от **Случевского**
2. –»– Петрулину от Альбрехта
7. *в Вильну* – 13 – через Полозова, отбывшего 18 мая, послано два ящичка чая и рапорт Депрерадовича к гр[афу] Витгенштейну касательно вашего старшинства.

Эта записка докажет вам, дорогой Павел, что я писал вам дважды в Вильну и 5 раз в Митаву. Известите меня, все ли письма до вас дошли. Постарайтесь особенно узнать, куда Полозов отдал мои письма и два ящика чаю, если он не нашел вас в Вильне, как я предполагаю. Он отбыл вместе с младшим братом Новосильцова, который должен явиться к брату.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 91.

[1] Чагина, бывшего товарищем П.И. Пестеля по военной службе, звали Петр Николаевич. Здесь идет речь о его родственнике.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 июня 1815

Отправляю вам это письмо, дорогой Павел, с кн[язем] Долгоруким, который сказал, что едет завтра. Распрощавшись с вами, мой добрый друг, когда вы меня покидали, чтобы явиться туда, куда вас звал долг службы, я ушел в свою спальню, стал на колени и снова просил за вас Всевышнего, который благополучно провел вас через все опасности, каким вы подвергались в последнюю войну. Я снова сделал это 24-го числа сего месяца, в день вашего рождения, и сегодня утром также, в день ваших именин. Я поздравляю вас с ними и поздравляю себя самого, благодаря провидение, давшее мне

* В данном письме приписка Е.И. Пестель отсутствует.

** Записка на отдельном листе без даты, рукой И.Б. Пестеля; возможно, является приложением к предыдущему письму от 26 мая.

такого сына, как вы, и прося его сохранить вас, чтобы однажды вы стали опорой моей старости и поддержкой вашим братьям и сестре.

Матушка сообщает вам все подробности, какие могут вас интересовать, к которым мне не остается ничего прибавить, только сказать, что гр[аф] Разумовский[1] весьма милостиво дал разрешение, чтобы Александр оставался при матушке до своего полного выздоровления. Я думаю, что его болезнь есть не что иное как выпитое холодное после перегрева. Реманн надеется его совершенно вылечить, поскольку можно будет за ним должным образом ухаживать. Несмотря на это, бедная матушка имеет новое беспокойство, прибавляющееся к разлуке с вами и с Воло, который отбывает сегодня и придет со своим генералом прощаться с нами в Царское Село, через которое они пройдут, но, вместо чем прийти обедать, как Депрерадович обещал, он придет только после обеда или даже, может быть, поздно вечером, ибо по тому, что я вижу, этот милый человек не имеет никакого порядка ни в голове, ни в делах. Он никогда не делает того, чего хочет, и всякий момент обстоятельства заставляют его менять планы. Потому-то он ни государственный человек, ни большой генерал.

Я ничего не говорю вам о военных делах, поскольку вы о них несомненно знаете больше там, у себя, чем мы здесь. Если все подробности, которые рассказывают здесь о деле Веллингтона и Блюхера[2], есть точная правда, то вероятно, что война может окончиться одним этим делом, но я в этом сильно сомневаюсь. Дай Бог, чтобы я ошибался. Блюхер, может быть, великий генерал, но не менее великий фанфарон.

Я познакомлюсь с адъютантом вел[икого] князя Лагодой[3] и через него доставлю вам деньги, которые обещал, в точности.

Вот, мой добрый друг, все что я успел вам написать на этот раз. Сообщайте нам новости о себе как только сможете чаще. Вам нет необходимости писать нам длинные письма, достаточно, чтобы мы знали, где вы и здоровы ли вы. Нам нужно это знать для своего спокойствия и счастья. Я нежно прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души.

Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 92–93.

---

[1] Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), гр., в 1810–1816 министр народного просвещения.

[2] Имеется в виду сражение при Ватерлоо 18 июня 1815 (н. ст.), где войска Наполеона потерпели поражение от армий союзников под командованием английского фельдмаршала герцога А.-У. Веллингтона и прусского фельдмаршала Г.-Л. фон Блюхера.

[3] Лагода Иван Григорьевич (1765–1843), в 1812 – полковник л.-гв. Конного полка, адъютант великого князя Константина Павловича, впоследствии член Государственного контроля.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 июля 1815

Князь Долгорукий, которому я уже позавчера отослал письмо для вас, дорогой Павел, в предположении, что он поедет вчера, как он намеревался сделать, еще здесь и едет сегодня уже непременно, *как он говорит*. Тем временем пришло *вчера вечером* ваше письмо из Митавы (без даты), из которого я узнал досадную новость о вашей болезни. Я этим в высшей степени огорчен, мой добрый друг. Корь сама по себе болезнь незначительная, но (если не беречься хорошенько после) последствия могут быть скверными. Воспаление легко переходит на глаза и на грудь. Я тем более этого боюсь для вас, что вы будете торопиться ехать, а путешествие на **перекладных** после

кори может быть весьма неприятно. Так что советую вам, мой добрый друг, оставаться в Митаве до полного выздоровления. Я отправляю Бориса с этим письмом к кн[язю] Долгорукому, чтобы сказать ему о вашей болезни и просить его проехать через Митаву, чтобы найти вас там. Быть может, вы тогда сможете поехать с ним в его коляске. Это бы меня весьма успокоило.

Я провел вчерашний и позавчерашний день (29 и 30 июня) у матушки в Царском Селе. Мы выпили там за ваше здоровье 29-го, в день ваших именин. В тот день Депрерадович был к нам обедать со всей семьей, женой, детьми и пр. и пр. Они уехали от нас в 9 ч[асов] вечера, чтобы пуститься в дорогу. Воло и другой адъютант Депрерадовича Львов[1] остались у нас до 10 1/2 и покинули нас, чтобы нагнать своего генерала.

Я не покажу ваше письмо матушке, пока не узнаю, что вы вполне поправились, чтобы избавить ее от беспокойства, которое это ей причинило бы.

Все наши здоровы. Софья совершенно поправилась от ячменя, который имела на глазу. Александр чувствует себя много лучше, и его болезнь будет без последствий. Я тороплюсь закончить, чтобы послать Бориса к Долгорукому, опасаясь, что он его уже не застанет. Прощайте, мой дорогой Павел. Благословляю вас и прошу у Всевышнего его святого благословения для вас. Прощайте, дорогой Павел, нежно прижимаю вас к сердцу. П.

P.S. Вам тем менее следует торопиться ехать, что, по последним известиям, арест Буонапарте действительно состоялся и ключи от Парижа переданы Блюхеру, который прислал их королю Пруссии; более чем вероятно, что война закончена, особенно для русских армий.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 94–95.

---

[1] Львов Дмитрий Михайлович (1793–1842), в 1812 корнет Кавалергардского полка, участник войны 1812 г., с сентября 1812 адъютант Н.И. Депрерадовича, в 1813 поручик.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 14 июля 1815

Я только что получил ваше письмо, дорогой Павел, от 4-го числа сего месяца из Митавы, и спешу на него ответить с первой почтой, поскольку боюсь, что два письма, которые я и матушка написали вам, не дойдут до вас так скоро. Они отправлены с кн[язем] Долгоруким, вашим товарищем, который написал жене 4 июля и в этом письме сообщил, что не застал уже вас в Митаве, что мне кажется довольно странным, так как вы нам пишете от 4-го, объявляя, что едете на следующий день. Я пишу вам это письмо, адресуя его почтмейстеру в Митаве, как вы мне указали, и буду так делать и впредь, пока не найду более верного и быстрого способа доставлять вам письма.

Судя по обороту, который принимают политические дела, почти наверное у нас не будет войны, и особенно корпус, командуемый вашим генералом, не уйдет далеко. Дай-то Бог для общего блага и для нашего собственного счастья, ибо тогда мы имеем надежду скоро вас увидеть.

Матушка пишет вам одновременно со мной, а поскольку она в Царском Селе и я доставил ей ваше письмо только сегодня, я не смогу послать вам ее ответ, но отправлю его в субботу (17-го сего месяца). Она чувствует себя лучше с некоторых пор и много гуляет, особенно когда я у нее, поскольку я заставляю ее ходить как можно больше. Софья совершенно поправилась, как и Александр. Последний находится при матушке на время каникул, которые продлятся до 8 августа. Борис дружески вас обнимает. Он здоров и много развлекается. Его хотят заставить играть в комедии у кн[ягини] Долгорукой, и я изо всех сил стараюсь его отговорить. В этом обществе актеров судят

очень строго, а Борис, во-первых, никогда не играл комедии, и потом, у него деревянная нога. Никогда не видывали в театре, и еще менее в подобном обществе, на сцене актера без ноги.

Я весьма огорчен, мой добрый друг, что ваша болезнь заставила вас так потратиться. Я посоветуюсь с Лагодой, адъютантом вел[икого] князя, каким образом доставить вам в сентябре тысячу рублей, которые я вам предназначил. Если тем временем вы найдете верный способ, как их доставить, укажите его мне как можно раньше.

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас нежно и благословляю от глубины души. Весь ваш П.

P.S. Я спешу закончить, поскольку меня зовут.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 96–97.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 21 июля 1815

Как раз в момент отправления почты, мой добрый друг, кн[ягиня] Долгорукая прислала мне прилагаемое для ее мужа, велевши просить меня отослать его вам сегодня же, чтобы оно наверняка дошло до ее мужа. Она весьма огорчена тем, что уже несколько почт не имеет от него писем. Уговорите его писать чаще и отошлите мне его ответ на это письмо, если найдете надежный способ мне его доставить.

Мы все чувствуем себя превосходно. Матушка, несомненно, сама вам напишет, но она в деревне и не знает даже, что я вам пишу. Сообщите нам, дорогой Павел, свои новости. Признаюсь, что обеспокоен тяготами вашего путешествия, как курьера, после болезни, которая вовсе не опасна сама по себе, но последствия которой, если не беречься, могут быть пагубными. Я молю за вас Бога всякий день.

Тороплюсь закончить и делаю это, обнимая вас очень нежно и благословляя от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 98.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 3/15 августа 1815

После вашего письма от 4-го числа прошедшего месяца, где вы объявляете о своем отъезде из Митавы на следующий день, мы не имели от вас, мой дорогой Павел, ни письма, и никаких новостей. Тем временем кн[язь] Долгорукий написал своей жене от 4 июля из Митавы, что он вас там уже не застал. С тех пор он писал ей из Вильны и не знаю откуда еще, ни слова не говоря про вас. Признаюсь вам, мой добрый друг, что это меня сильно беспокоит, тем более что я бесконечно опасаюсь последствий кори, особенно из-за тягостного путешествия на **перекладных**, которое вы совершаете. Вы слишком знаете нашу нежность к вам, чтобы не понимать, что мы должны весьма беспокоиться, а что до меня, то я слишком отдаю должное точности, с которой вы извещаете нас о себе, чтобы не прийти в еще большее беспокойство. Дай Бог, чтобы все это оказалось лишь неаккуратностью почты и сложностью получать ваши письма вовремя.

Мы все здоровы. Даже матушке много лучше. Несколько дней назад мы были в Гатчине, где она два часа ходила перед обедом и час после обеда, чтобы увидеть все, что там есть интересного. Она написала вам длинное письмо, но забыла мне его дать, когда я возвращался в город позавчера. Я его вам непременно пришлю со следующей почтой.

Я направляю свои письма к вам на адрес почтмейстера в Митаве, как вы мне указали, и продолжу так же, пока вы не укажете другого пути. В следующем месяце следует отправить вам тысячу руб., которые я вам предназначил. Укажите мне, каким образом я смогу их вам доставить. Если тем временем я найду верный способ, как вам их получить, я не упущу его.

Здесь ожидают возвращения е[го] в[еличества] и[мператора] к 30-му числу сего месяца. Одни думают, что он прибудет даже раньше, другие полагают, что это случится не ранее конца следующего месяца. Здешние слухи касательно корпуса под командованием вашего генерала различны. Одни говорят, что вы уже получили приказ не двигаться далее, другие уверяют, что вы предназначены остаться на неопределенное время во Франции и что главная квартира графа будет в Труа. Я спрашивал новости об этом у кн[язя] Горчакова, который сказал, что не имел никакого ни приказа, ни распоряжения на этот счет. Надеюсь, что ваше первое же письмо сообщит нам новости на этот счет.

Вот письмо для кн[язя] Долгорукого от его жены. Она присылает их мне всякую неделю, и я буду весьма раздосадован, если вы не получите ни моих писем, ни ее. Я часто пишу вам, мой друг.

Обнимаю вас от всего сердца, молю Бога за вас всякий день и благословляю вас от глубины души. П.

P.S. Борис два дня как уехал с Тиро[1] в деревню в 50 в[ерстах] отсюда. Он вернется на этой неделе.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 99–100.

[1] Тиро – вероятно, собака.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 6 августа 1815

Когда я собирался ехать навестить вашу матушку в Царском Селе, она прислала мне прилагаемое письмо для вас, мой дорогой Павел. Не хочу его запечатывать, не сказав вам хотя бы два слова. Я весьма беспокоюсь, мой добрый друг, на ваш счет и чрезвычайно боюсь, как бы злосчастная корь не сыграла с вами скверной шутки. Поторопитесь меня успокоить и сказать нам, что с вашим пребыванием во Франции. Здесь об этом много говорят. Дай Бог, чтобы это не было правдой.

Вот еще письмо для кн[язя] Долгорукого от его жены. Напишите мне, добрый друг, приходят ли к вам аккуратно мои письма и должен ли я продолжать адресовать их к почтмейстеру в Митаве, как я делаю в настоящее время, или же вы знаете более верный путь.

Прощайте, дорогой друг, нежно вас обнимаю и благословляю от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 101–101 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 18 августа 1815

В момент отправления почты кн[ягиня] Долгорукая прислала мне письмо для ее мужа. Я прилагаю его здесь, прося вас доставить в точности. Я все время, мой дорогой Павел, в беспокойстве на ваш счет. С 4-го числа прошедшего месяца, когда мы получили ваше последнее письмо из Митавы, никаких новостей от вас, и мы не знаем даже,

где вы. Ваш товарищ кн[язь] Долгорукий довольно часто пишет своей жене и никогда не говорит ни слова о вас. Смилуйтесь, мой добрый друг, выведите нас из этого ужасного беспокойства. Зная вашу точность, я только еще более беспокоен. Сейчас уже решено, что ваш корпус, и граф тоже, возвращается в Россию, но я не знаю, где вы будете расквартированы и где будет главная квартира графа. Надеюсь, что, как только это станет возможно, вы приедете нас навестить. Воло будет здесь, если не приедет прежде полка (что я предполагаю) 15 октября.

Матушка все еще в Царском Селе и не знает, что я вам пишу. Она чувствует себя достаточно хорошо, принимая во внимание беспокойство, причиняемое ей отсутствием известий от вас. Борис, Александр и Софья здоровы как нельзя более. Что до меня, я езжу каждую пятницу вечером в Царское Село и возвращаюсь в город вечером в воскресенье. Всего восемь дней, как мы имеем прекраснейшую на свете погоду.

Я тороплюсь закончить, чтобы не запоздать на почту. Посылаю вам письма попрежнему к почтмейстеру в Митаве.

Прощайте, мой добрый друг. Я горячо молю Бога за вас всякий день, благословляю вас и обнимаю от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 102–102 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 8 сент[ября] 1815

Последнее письмо, полученное мною от вас, мой добрый друг Павел, было от 8 августа ст[арого] ст[иля] из Загау [Sagau]. Оно последнее и первое после такового от 4 июля, которое вы написали нам из Митавы накануне отъезда из этого города. Зная точность, с какой вы сообщаете нам новости о себе, – вашу болезнь в Митаве, менее опасную саму по себе, чем по последствиям, – я был весьма обеспокоен, не имея известий и не зная даже, где вы находитесь. Вы говорите о письме, написанном из Калиша, и что вы желаете приехать сюда [особенно], чтобы привести в* [...] то что вы нам [...] в этом письме, а оно вовсе до нас не дошло. [Постарайтесь], мой добрый друг, узнать достоверно, что случилось с вашими [письмами], равно как и что госп[один] Кюльвейн[1] сделал с моими письмами к вам, я адресовал их к нему по вашему собственному указанию. Были [...] от 17 и 21 июля и от 7 и 18 августа, в каждом из этих писем было по письму от княгини Марии Долгорукой к ее [мужу], вашему товарищу. Я написал к г[осподи]ну Кюхвейну, чтобы спросить у него новостей, доверив ему и это письмо, не имея иного средства доставлять вам свои письма. [Признаюсь] вам, что эта необязательность госп[одина] Кюхвейна мне тем более неприятна, что от нее пострадала княгиня Мария, не имея возможности сообщать новости своему мужу, а она надеялась вернее делать это через меня. Я надеюсь, что вы скоро будете в Митаве и сможете дать мне объяснение этого беспорядка, и если разыщете эти письма, поторопитесь, мой добрый друг, отослать их мне незамедлительно для возвращения кн[ягине] Марии.

Матушка говорит вам в прилагаемом письме о ходящих здесь слухах на ваш счет[2]. Я вторю ей во всем, что она вам говорит на эту тему, и так умею отдавать справедливость сыновней нежности, дружбе лично ко мне и разуму моего дорогого Павла, что говорю, что эти слухи есть ложь, выдуманная каким-то дурным лицом, злокозненным бездельником. Я даже подозреваю **Чагина**, который продолжает объявлять о *600 руб.*, *750 дукатах*, которые, как он говорит, вы ему должны, не имея предъявить никакого документа. Должен ли я ему это платить? Скажите мне откровенно.

* Далее имеются лакуны в тексте, вызванные повреждением краев и сгиба листов этого письма.

Поскольку нет никаких верных новостей относительно возвращения е[го] в[еличества] нашего августейшего императора, я не могу высчитать время вашего прибытия сюда, потому как вы можете приехать только с графом к приезду е[го] в[еличества] импер[атора]. Я желал бы, чтобы это могло произойти поскорее, как ради удовольствия вас обнять, так и чтобы удалить вас из Митавы. Немецкая пословица говорит: Wer sich in Gefahr begiebt der kom[m]t leicht um*.

Говорят, есть новый мундир для всех адъютантов при генералах. Красный колет с серебряным шитьем, эполеты и аксельбанты серебряные и вышивка по карманам. Кавалерийские имеют только один ряд пуговиц – таким образом, ваш мундир не придется сильно переделывать. Те, кто в гвардии, имеют более богатую вышивку, чем в армейских полках. Если я смогу получить более точные описания, я вам их сообщу и пришлю даже цвета и пр., чтобы вы как можно ранее имели такой мундир.

Меня зовут, и я должен закончить и даже запечатать письмо, не имея времени его перечитать. Прощайте, дорогой друг, нежно вас обнимаю и благословляю так же. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 103–104 об.

---

[1] Кюльвейн (Kühlwein) – почтмейстером в Митаве был Христиан Христианович Кильвейн, надворный советник, кавалер ордена Владимира 4 ст.

[2] Как видно из следующего письма, до родителей П.И. Пестеля дошли слухи, что в Митаве он влюбился и намеревается жениться.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Получил 29 октября. Ответил 2 ноября**.

Ст.-Петерб[ург], 22 октября 1815

Новый рекрутский набор доставил мне много экстраординарных дел по трем сибирским губерниям, и сегодня курьер, который должен везти мои приказы, еще не отправлен. Вот, мой дражайший друг, причина, до сей поры мешавшая мне писать вам и отвечать на ваши два последних письма. Уверяю вас, мой добрый друг, что я был весьма чувствительно тронут их содержанием, особенно касательно того, что вы говорите о слухах о вашей женитьбе, которые дошли до нас и которые матушка подробно вам сообщила. Я писал вам тогда же, что я им не поверил, и могу вас заверить, что слишком отдаю справедливость вашему превосходному сердцу, вашей хорошей голове и особенно вашей привязанности к родителям, которые слишком нежно вас любят, чтобы хоть на мгновение вообразить, что вы сделаете столь важный в человеческом существовании шаг, не сказавши об этом родителям. Я сердит на тех, кто распустил эти слухи, потому что это выказывает дурные сердца, но в целом я весьма рад, ибо это лишний раз подтвердило мое благоприятное мнение о вас, насколько такое возможно, т. е. если бы моя нежная привязанность и уважение к вашим принципам могли бы еще усилиться, это сделалось бы после ваших последних двух писем. На этом я вас нежно обнимаю и благословляю от глубины сердца, поручая вас Всевышнему, да хранит он вас всегда и да руководит своею милостью, которая одна может сделать нас счастливыми в этом ничтожном бытии и уготовить нам вечное блаженство.

Вы спрашиваете, дорогой Павел, мое мнение, не лучше ли вам прислать своих лошадей, чтобы продать их здесь. Я думаю, что перевезти их будет много стоить. По

---

* «Кто попадает в беду, тому легко сгинуть» (нем. яз.).

** Помета о получении письма по-французски чернилами рукой П.И. Пестеля.

возвращении сюда гвардейских полков большинство офицеров, имея большее число лошадей, чем им нужно в Петерб[урге], продают их, так что лошадей любого рода в избытке, и я не смогу продать ваших по выгодной цене. Постарайтесь, мой добрый друг, отделаться от них на месте, как с тем, чтобы не кормить их, так и с тем, чтобы получить деньги, в которых вы должны сильно нуждаться и которых я, к моему большому и весьма чувствительному огорчению, не могу вам пока послать.

Я буду в восторге, если вы приедете сюда с вашим генералом, когда имп[ератор] возвратится. Уверяют, что е[го] в[еличество] будет здесь непременно 15-го числа следующего месяца, и даже говорят, что, вероятно, раньше, нежели позже 15-го числа. Итак, мы сможем сговориться о множестве вещей, особенно относительно вашей службы, которая, как мне кажется, не слишком вам нравится при гр[афе] В[итгенштейне]. Здесь ходят слухи, что г[осподин] Паулуччи[1] просит отпуска, чтобы ехать в Италию, и что тогда гр[аф] В[итгенштейн] заместит его. По мне, это место не по силам графу. Вообще, я смотрю на это только как на слухи, возбужденные праздными болтунами, коих полон Петерб[ург]. Я надеюсь, что с прибытием е[го] в[еличества] моя участь будет решена, и если мои надежды исполнятся, тогда матушка совершит путешествие на воды в Теплиц с Софьей и Александром, а я вернусь на два года в Сибирь, ибо жизнь в Петерб[урге] слишком чувствительна для моих средств. Дай Бог, чтобы е[го] в[еличество] дал мне что-нибудь, чтобы расплатиться хотя бы с частью долгов!!!

Ваше письмо из Калиша, о котором вы говорили в двух последних письмах, до меня не дошло. Вот большое письмо от митавского почтмейстера, которым он подтверждает, что аккуратно доставлял вам мои письма. Оно слишком вежливо и настойчиво, чтобы можно было не ответить, и пишу ему сегодня, благодаря его за хлопоты.

Как только моя участь решится по прибытии импер[атора], я вам об этом сообщу и попрошу графа В[итгенштейна] позволить вам приехать сюда, даже если он не поедет.

Матушка вас нежно обнимает. Благодаря Бога, она чувствует себя лучше, но еще не имеет позволения выходить. Софья кашляет два дня и имеет пластырь на всю грудь. Ваши братья здоровы и обнимают вас. Кате[рина] Д[митриевна] шлет вам тысячу дружеских поклонов. Она также продолжает хворать, болезнь вовсе не опасна, но Реманн все же не позволяет ей выходить. Это женское расстройство, которое требует времени и очень регулярной жизни, чтобы вернуть *регулярность*.

Бедная Елиз[авета] Карл[овна] Муравьева[2] сильно больна. Ее врач объявил, что она не поправится. Так она чахнет на глазах. Я этим весьма огорчен, ибо это превосходная личность и она так нужна своей дочери.

Прощайте, мой добрый друг. Обнимаю вас еще миллион раз со всеми чувствами нежности, на какие отец способен к своему дитя. Это не пустые слова, уверяю вас. Весь ваш П.

P.S. Вообразите, что Джексон поступает вторым гувернером детей герцогини Вюртембергской[3], с 3500 р. жалованья, все за казенный счет и считаться на действительной службе!–!–!

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 105–107 об.*

[1] Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849), маркиз, генерал-адъютант. С октября 1812 по 1829 – рижский военный губернатор.

[2] Елизавета Карловна Муравьева (ум. до 1826), урожд. Поссе, в первом браке Энгельгардт, жена Захара Матвеевича Муравьева, мать декабриста Артамона Муравьева. Ее дочь Екатерина (1796–1879) была замужем за гр. Е.Ф. Канкриным, с 1823 г. бывшего министром финансов.

* При подшивке в дело л. 106 и 107 оказались перепутаны.

[3] Речь идет о сыновьях герцога Александра Вюртембергского и его жены Марии-Антуанетты, урожденной принцессы Саксен-Кобургской, живших в Петербурге: Фридрихе Вильгельме Александре (1804–1881), Эрнсте Константине (1807–1868), Фридрихе Константине Эбергарде (р. 1810).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю
Получил 1 ноября. Ответил 2 ноября*

Ст.-Петерб[ург], 27 октября 1815

Уже отправив на почту последнее письмо к вам, мой дорогой Павел, я получил ваше от 15-го числа сего месяца. Я тотчас же отправился к [Грибауеру][1] (у которого есть ваша мерка) и заказал ему новый адъютантский мундир для вас, мне принесли его сию минуту, а поскольку я боюсь опоздать на почту, то весьма тороплюсь закончить письмо, чтобы отправить его вам с мундиром, который находится в прилагаемом пакете. Я хотел бы, чтобы он пришел к вам вовремя и в хорошем состоянии, но особенно, чтобы он вам подошел. Е[го] в[еличество] императора не ждут ранее 15-го числа следующего месяца, так что мундир прибудет к вам еще вовремя. Я пришлю вам другой колет к кавалергардскому мундиру.

Матушка чувствует себя, благодаря Бога, много лучше, как и Софья. Обе вас нежно обнимают. Добрая крошка часто говорит о вас и весьма вас любит. Кате[рина] Д[митриевна] также чувствует себя лучше, хотя еще не вполне поправилась. Бедной Елиз[авете] Карл[овне] Муравьевой, напротив, все хуже и безо всякой надежды выбраться из этой болезни.

Прощайте, дорогой Павел, дай Бог вам свое руководство и святую защиту. Обнимаю вас от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 108–108 об.
Л. 109 – служивший конвертом этого письма листок неполного формата, со следами складок и краями, вырезанными по месту сургучной печати, с адресом рукой И.Б. Пестеля по-русски: «**Его благородию Кавалергардского полка г[осподину] поручику, адъютанту графа П.Хр. Витгенштейна и кавалеру Павлу Ивановичу Пестелю. В Митаве. При сем посылка в вощанке под *лит[ерами] П.И.П.***»

[1] Вероятно, петербургский портной. В списке портных и хозяев магазинов Петербурга на 1822 не найден.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю
Получил 30 н[оября]**

Ст.-Петерб[ург], 17 ноя[бря] 1815

Вчера, дорогой Павел, пришло ваше письмо из Митавы от 9-го числа сего месяца. Я весьма огорчен, мой добрый друг, что ваша рана снова заставляет вас страдать. По вашем приезде сюда надо будет устроить серьезную консультацию, чтобы вылечить вас решительно, и применить средства, какие врачи предпишут. Признаюсь вам, что я не слишком верю в кавказские воды. Если воды Теплица или какие другие будут вам рекомендованы предпочтительно, быть может, вы сможете воспользоваться ими*** [...] что совершенно

* Приписка о получении письма по-французски чернилами рукой П.И. Пестеля.
** Приписка о получении письма по-французски чернилами рукой П.И. Пестеля.
*** Листы письма сильно попорчены, утрачены значительные куски бумаги по краям и вокруг складки посередине.

[...] ревматизмы, заставляющие ее страдать почти [...] ежедневно милость Всевышнего [...] путешествие на эти воды возможно для вашей превосходной матери. Это будет в числе первого, что я попрошу у нашего доброго государя, прибытия которого жду с большим нетерпением, и на что я много надеюсь для собственного моего благополучия.

Первые деньги, какие я получил только вчера, спешу отправить вам при сем, прилагая *тысячу рублей* банковскими билетами. Я буду весьма рад увидеть и обнять вас снова. Все, что имею сказать, я откладываю до этого счастливого момента, и на этот раз воздержусь повторять вам заверения в моей совершенной к вам нежности. П.

P.S. Софья вас весьма любит. Она всякий день говорит о вашем [...] Как только появился вопрос о [...] имп[ератор] о подсчете сразу же [...] вы должны прибыть также. Вы не имеете [...] дитя как это. Она имеет разум, превосходящий ее лета и (что еще лучше) лучшее в мире сердце.

Приписка Е.И. Пестель:

Я могу лишь вторить вашему отцу, мой дорогой Павел, во всем, что он вам сказал, и в чувствах, которые он к вам питает. Дай Бог, чтобы вы скорее приехали и чтобы мы смогли провести вместе некоторое время! По вашему письму кажется, что вы не получили папенькиного от 27 окт[ября], сопровождавшего адъютантский мундир, который он вам послал, а между тем Александр Муравьев[1] уверяет, что видел вас в адъютантском мундире, который не смотрится сделанным по-курляндски. В остальном молодой человек, кажется, не всегда заслуживает уважения по своим речам. Кстати [...] снова заинтересована, говорю вам, что это [...] Борис [сделался] *придворным советником* уже три недели как. Вот вам и бедный калека, идущий со своей деревянной ногой гигантскими шагами, будто бы у него сапоги Мальчика-с-Пальчик. Нет дня, чтобы Софья не спрашивала или не высчитывала вашего приезда, я делаю то же в отношении прибытия е[го в.]. Я ужасно боюсь, что ваша нога сделает ложными наши расчеты; ибо это несомненно не пустяки, что она все еще в таком виде. Все же я надеюсь, что осколок кости наконец выйдет и вы почувствуете облегчение или навсегда, или надолго. Надо будет поразмыслить над всем этим, когда мы обретем вас здесь, и составить планы основательные и возможные для исполнения. В ожидании я вас нежно обнимаю, как и ваши братья и Софья. Ваша кузина, передающая вам поклоны, все еще больна, что не мешает ей быть не менее элегантной, чем прежде, и очень веселой, за исключением коротких моментов, когда она плачет о том, что больна. Она [...] похудела и пожелтела, но вечером она красивей, потому что стала бледнее.

Прощайте еще раз, мой добрый друг, благословляю вас от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Т. 2. Л. 110–111 об.

---

[1] Муравьев Александр Николаевич (1792–1863), с августа 1814 капитан Гвардейского генерального штаба. Декабрист, один из основателей Союза Спасения, член Союза Благоденствия.

1817

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 16 фев[раля] 1817

Я весьма спешу, мой дорогой Павел, написать вам, чтобы не опоздать на почту, поскольку там принимают деньги только до 11 ч. утра. Случевский передал мне *260 руб.*, которые следуют вам из жалованья. В следующий раз я пришлю вам его самого, уполномочив на уплату этой суммы, чтобы вы могли продолжать получать свое жалованье на месте.

Вы достаточно нас знаете, матушку и меня, чтобы понимать, как мы огорчены новой разлукой с вами[1], и на неопределенное время. Наши благословения повсюду следуют за вами, и я всякий день возношу самые ревностные молитвы за ваше счастье, которые я каждое утро и каждый вечер обращаю ко Всевышнему. Матушка еще сильно кашляет. У меня все еще болит горло. Ваши братья и Софья здоровы. Все вас обнимают очень, очень нежно, и я также от всего сердца.

Вчера мы имели два приглашения на вечер к Опперману[2] и к госп[оже] Велио[3]. Мы вынуждены были отказать обоим из-за нездоровья. Матушка вам не пишет, потому что не знает, что я пишу. Сейчас 8 ч. утра и матушка еще спит, я слишком спешу отослать письмо на почту, чтобы ждать ее пробуждения. Прощайте, мой добрый друг, благословляю вас, как и люблю, от всего сердца, известите нас о вашем прибытии. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 1–2 об.
На л. 2 об.: «В Митаве, господину Павлу Пестелю».

---

[1] П.И. Пестель провел 1816 год в Петербурге.

[2] Опперман Карл Иванович (1766–1831), инженер-генерал-лейтенант, управляющий Инженерным департаментом Военного министерства.

[3] Велио (Velho) Софья Ивановна (1770–1839), урожд. Северина, жена придворного банкира барона Иосифа Велио (1755–1802).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 3 марта 1817

Со времени вашего отъезда я посылал вам газеты с каждой почтой весьма регулярно, таким образом, вы должны были получить с № 36 до № 48 включительно, и здесь я прилагаю № 49–50 и 51. Я писал вам 16-го числа прошедшего месяца, посылая 260 руб., которые мне вручил Случевский как ваше жалованье. Матушка вам писала 28-го того же месяца. Все было адресовано в Митаву. Позавчера приехала гр[афиня] Фермор и вручила нам ваше письмо из Риги. Оно доставило нам поистине большое удовольствие по высказанному вами сожалению об оставлении Петерб[урга], но я весьма огорчен, что вы так недовольны Ригой, тогда как, по слухам, общество там хорошее и приятное. Я приписываю это краткости времени, на которое вы там остановились, и бродячей жизни, которую вы вынуждены вести. Мы живем как всегда; не будучи слишком счастливыми, мы также и не самые несчастные в Петерб[урге]. Я влачу свое существование с большими или меньшими затруднениями и огорчениями. Матушка чувствует себя лучше и уже выезжает. Она провела вчерашний вечер у Полторацкой[1], где был превосходный концерт любителей. Дочь Гурьева и кн[ягиня] Софья Волконская[2] были там и были очень любезны с матушкой, последняя – старая знакомая, которую она давно не видала. Борис и Воло все те же, без надежды на перемену. Последний снова был арестован на 24 часа за опоздание на смотр, с тех пор он регулярно в 6 ч. у своего ген[ерала]. Зачем же тот так поздно его арестовал, если *это единственное*, что может заставить его исполнять свой долг?

Вот письмо, которое передал мне Никита[3] и которое я вам посылаю, касающееся отправления ваших вещей. Я уплатил ему *30 руб.*, о которых речь.

Матушка нежно вас обнимает. Я тоже, благословляя вас и поручая покровительству Всевышнего, единственной моей поддержки и защиты.

Прощайте, мой добрый Друг. П.

P.S. Я видел вчера в концерте Нико Муравьева[4], который много меня расспрашивал о ваших новостях. Его мать больна, и я боюсь за нее из-за ее большой слабости. *Я* сумел

закончить дело Муравьева-Апостола[5] таким образом, что Комитет Мин[истров] с одобрения имп[ератора] распорядился вернуть ему его имение в 5 т[ысяч] крестьян. Я с такой настойчивостью говорил об этом гр[афу] Аракчееву, что он все сделал. Теперь Мур[авьев]-Апостол возносит меня до небес, называя меня благодетелем и спасителем всей его семьи; мне это доставляет удовольствие, поскольку атт[естация] верна.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 5–5 об.

---

[1] Полторацкая, возможно, Софья Борисовна (1795–1871), урожденная княжна Голицына, жена генерал-майора К.М. Полторацкого (1782–1858), в то время находившегося в составе Оккупационного корпуса во Франции.

[2] У Д.А. Гурьева было две дочери: Мария (1787–1849), с 1811 замужем за К.В. Нессельроде, Елена (179?–1834), замужем за А.В. Сверчковым; Волконская Софья Григорьевна (1785–1868), урожд. княжна Волконская, жена кн. П.М. Волконского, сестра декабриста С.Г. Волконского и кн. Н.Г. Репнина-Волконского.

[3] Слуга или управляющий у Пестелей.

[4] Муравьев Никита Михайлович (1795–1843), декабрист, участник кампании 1813–1814 гг., в 1817 – подпоручик Гвардейского генерального штаба. Его мать – Екатерина Федоровна Муравьева (1771–1848), урожд. Колокольцева.

[5] Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1768–1851), дипломат, член Российской академии, автор книги «Путешествие по Тавриде» (1823), сентор, отец декабристов С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

3 марта 1817*

Вот, дорогой Павел, письмо от графа, на которое я отвечаю, прося вас доставить ему адресованное ему вложение. Матушка и я, мы нежно вас обнимаем. Матушка не пишет вам, потому что занята приготовлениями, ибо у нас будет много народу к ужину. Видите, права пословица **не богатый пиво варит, а тороватый**.

Приписка Е.И. Пестель:

Несмотря на приготовления к ужину, я беру перо, мой дорогой Павел, чтобы сказать вам, что обнимаю вас, люблю и благословляю от всего сердца. С нетерпением жду ваших новостей. Дай Бог, чтобы они были лучше недавних!

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 4 об. Записка написана на обороте следующего письма П.Х. Витгенштейна:

Милостивый государь Иван Борисович!

Податель сего отставной подполковник Гласио по хорошим его свойствам и по служению его под моим начальством знакомый мне человек, имеет в Сенате дело с ксендзами доминиканами, которое в скором времени должно будет рассматриваться в общем Сената собрании. Честность его жизни и благородные правила уверяют меня без сомнения в справедливой его тяжбе, а потому, пользуясь благосклонным ко мне вашего высокопревосходительства расположением, я смею его, Гласио, поручить милостивому вашему покровительству, всепокорнейше прося оказать ему законную защиту и решение по вышеписанному делу его, чем чувствительно обяжете имеющего честь быть навсегда с совершенным почтением и преданностию.

---

* Дата поставлена рукой И.Б. Пестеля по-русски вверху на лицевой стороне листа с письмом П.Х. Витгенштейна. Приписки И.Б. и Е.И. Пестель находятся на обороте чистого второго листа.

Милостивый государь, вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга граф Витгенштейн*

21 февраля 1817
Гор. Митава
Его выс[окопревосходительст]ву И.Б. Пестелю

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 3–3об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 10 марта 1817

Лишь в самый момент отбытия почты я нашел минуту, чтобы сказать вам два слова, дорогой Павел. Ваше последнее письмо от 2-го числа сего месяца доставило нам, матушке и мне, большое удовольствие, потому что хотя бы сообщает нам известия о вас, но с другой стороны, оно нас весьма огорчило из-за несчастий Витгенштейна[1]. Я помню о подобных событиях в семье несчастных, поскольку ничто не может живее затронуть нежных родителей, чем то, что касается их детей. Дай им Бог утешение и сохрани им детей, чтобы однажды в старости они смогли воздать им за все их превратности. На днях подполк[овник] Гласио вручил мне письмо от графа, которым он просит меня о деле, которое п[одполковник] Гласио[2] имеет в Сенате. Я еще не ответил графу, и сделаю это по моему удобству, поскольку он не ответил мне на мое, написанное через вас. Матушка и я, мы весьма беспокоимся за вас, мой добрый друг. У вас еще не было скарлатины, и коли вы смогли заразиться корью от Софьи, вы можете также подхватить и гадкую скарлатину. Известите нас о себе, чтобы успокоить. Я чувствительно огорчен, что не могу послать вам денег и вы должны будете оплатить экипаж. Мне не удается продать моих лошадей. Да смилуется Бог над моими финансами!!! Первое, чем я смогу распоряжаться, я отошлю вам.

Здесь нет ничего нового, все идет обыкновенным образом! Добель[3] после трех лет ожидания получил теперь то, что могло бы быть ему дано в первые дни по приезде в Петерб[ург]. Все, что я просил дня него, было дано. Он сделан сов[етником] при дворе на русской службе, генеральным консулом в Маниле, 5 т[ысяч] дукатов, что составляет 25 т[ысяч] руб. жалованья в год, годовое жалованье на путешествие. Он в восторге. Это сделано через гр[афа] Нессельроде[4]. Его корабль, который он хотел преподнести в подарок, возвращен ему, и позволено вывезти товары, которые он не смог продать, без уплаты за право. Я не могу сообщить вам никаких новостей о ваших друзьях, поскольку никого не вижу, Нико не приходит, Глинка[5] больше не появлялся, только Шиповы[6] заходят довольно часто. Сергей пока не получил полка. Ему поручено упражнять младших офицеров и научить их командовать ротами в батальонах, и пр. и пр., и наконец приготовить их к экзамену, который сделает имп[ератор] и который определит их производство в офицеры. Иван Шипов уже сдал командование своей ротой другому и ждет лишь отпуска, чтобы выехать с сестрой к отцу.

Скажу вам по секрету, что импер[атор] уже утвердил старого Абаку суперинтендантом[7], 10 дней тому назад, но указ еще не подписан, и вот почему пока не решаются сообщить об этом ему. Кн[язь] Голицын старается о том, чтобы он был подписан на днях, тогда матушка ему его пришлет, поскольку Тургенев[8] пообещал незамедлительно прислать ей копию. Так что ничего не говорите этим увлекающимся болтунам.

Матушка вас нежно обнимает. Я делаю то же от глубины сердца и благословляю вас так же. Весь ваш.

* Письмо написано по-русски писарским почерком и подписано П.Х. Витгенштейном.

P.S. Софья часто говорит о вас и шлет вам ласковые приветы. На днях она меня растрогала. Однажды утром, пока матушка еще спала, она пришла в мой кабинет и пожелав мне доброго дня, сказала: «Я пришла поговорить с вами, дорогой папенька». Судите о моем удивлении от такого начала. «На днях (19-го) будет матушкин праздник, она сочинила стихи для вас, вот я и хочу просить, чтобы вы сочинили для нее. Я выучу их наизусть и скажу их матушке». Я нахожу здесь много чувства для ребенка 6 лет: подумать заранее о том, чтобы доставить удовольствие своей матери. На следующее утро, увидев меня, она сказала: «Ну, папенька, а как наше дело?»

Ваши дяди шлют вам поклоны, как и Кате[рина] Д[митриевна], Нагель, Случевский, Шиповы, Новосильцов (который вчера обедал у нас). Андр[ей] Борис[ович] прозябает здесь[9] почти как Никол[ай] Борис[ович], он никуда не ходит, спит временами с 6 ч. пополудни до 10 ч. утра. Даже довольно часто пропускает парад, пренебрегает всеми своими начальниками, и я опасаюсь, что между обоими моими братьями нет большой разницы для службы. Он был весьма счастлив оказаться в Грузии, denn weit vom Schuß macht alte Krieges-helden*, как говорит пословица. Я недавно послал к нему требовать назад ваши бумаги, и останавливаюсь сейчас, чтобы иметь возможность написать вам его ответ. Вот ответ. Борис взялся сделать копии для Андрея Борис[овича]. Он сделал половину, а другую отослал копировать в мою канцелярию, я посылаю спросить, что с ней сделалось, и снова останавливаюсь. Мне несут ответ, что успели скопировать лишь две прилагаемые бумаги, третья не закончена, а я боюсь опоздать на почту, так что я вам пришлю ее со следующей почтой.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 6–8 об.**

---

[1] Судя по дальнейшему содержанию письма, дети П.Х. Витгенштейна болели скарлатиной.

[2] Лицо не установлено.

[3] Добель Петр Васильевич (?–1855), ирландец по происхождению, провел молодость в Северо-Американских Соединенных Штатах, окончил Филадельфийский университет. Путешественник и торговец, в 1812 пришел с двумя торговыми судами в Петропавловский порт на Камчатку, совершил путешествие через Сибирь в Петербург, отрывки из его дневника путешествия в 1815–1816 гг. печатались в «Сыне Отечества» (Сын Отечества. 1815. Ч. 22. С. 83–94; Ч. 25. С. 243–251; Ч. 26. С. 53–56; Ч. 27. С. 9–24; 1816. Ч. 29. С. 51–60). Принял русское подданство, записался в купцы 2-й гильдии. Подал правительству планы развития промышленности и торговли на Тихом океане, предлагал учредить активную торговлю между Охотском и Филиппинскими островами. В обсуждении и продвижении его плана принимал участие И.Б. Пестель. План был одобрен, Добель получил право торговли на льготных условиях. Принят на русскую службу с чином надворного советника и назначен русским генеральным консулом в Маниле. В 1818 возвратился на Камчатку, впоследствии несколько раз бывал в Петербурге. Торговые предприятия Добеля оказались неудачными.

[4] Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), барон, дипломат, с 1811 статс-секретарь е. и. в., в 1813–1814 начальник походной дипломатической канцелярии при е. и. в., с августа 1814 управляющий Коллегией иностранных дел, с августа 1816 управляющий Министерством иностранных дел, сопровождал Александра I в поездках на конгрессы Священного Союза, в 1832 переименован в министра иностранных дел.

[5] Глинка Федор Николаевич (1786–1880), декабрист, член Союза Спасения и Союза Благоденствия. Участник кампаний 1805–1806 гг., 1813, 1813–1814 гг., адъютант при М.А. Милорадовиче, в 1816 капитан л.-гв. Измайловского полка с назначением состоять при Гвардейском генеральном штабе, в 1818 полковник, в 1819 чиновник по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе М.А. Милорадовиче.

---

* «Ибо сторониться опасности свойственно старым воякам» (нем. яз.).

** Листы письма пронумерованы в правильной последовательности, но перепутаны при подшивке в дело, л. 8 оказался перед л. 6.

[6] Братья Шиповы, декабристы, члены Союза Спасения и Союза Благоденствия. Шипов Сергей Павлович (1789 или 1790 – 1876), участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., в 1816 полковник, с ноября 1817 командир Перновского гренадерского полка (с 1818 переименован в гренадерский наследного принца Прусского), с апреля 1821 командир л.-гв. Семеновского полка нового состава, с июля 1825 генерал-майор, 15 декабря 1825 генерал-адъютант, исполняющий должность начальника штаба Гвардейского корпуса, участник русско-турецкой войны 1828 и подавления польского восстания 1831 г., в 1843 генерал от инфантерии, в 1846 сенатор. Шипов Иван Павлович (1793–1845), участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., офицер л.-гв. Преображенского полка, в декабре 1820 полковник, 17 декабря 1825 назначен командиром л.-гв. Гренадерского полка, с 21 февраля 1826 командир л.-гв. Сводного полка, участник русско-персидской войны 1826–1827, подавления польского восстания в 1831 г.

[7] Абакумов Андрей Иванович (1772–1841), в 1812 заведовал провиантским депо при армии (под начальством помощника генерал-провиантмейстера, генерал-интенданта 1-й армии Е.Ф. Канкрина), в 1813 обер-провиантмейстер авангарда русских армий, в 1815 полевой генерал-провиантмейстер, статский советник. 4 ноября 1816 назначен генерал-провиантмейстером Главного штаба и директором провиантского департамента Военного министерства, оставался в этой должности до 1827. Затем главноуправляющий продовольственной частью действующей армии в русско-турецкой войне и при подавлении польского восстания 1831 г., действительный тайный советник, сенатор московских департаментов.

[8] А.Н. Голицын являлся членом Государственного совета. Тургенев Николай Иванович (1789–1871), декабрист, член Союза Благоденствия и Северного общества, в 1816–1824 помощник статс-секретаря Государственного совета и управляющий 3-м отделением канцелярии Министерства финансов.

[9] А.Б. Пестель находился в столице в отпуске. Его начальник по службе в кавказских войсках А.П. Ермолов писал 26 января 1817 г. дежурному генералу Главного штаба А.А. Закревскому: «Есть у меня генералы ни на что негодные. В сем смысле особенно рекомендую Загорского, Мерлини, хорош и Пестель. Он поехал в отпуск и лично будет иметь честь представить тебе свою неспособность». Снова вспомнил Ермолов об А.Б. Пестеле 21 марта того же года: «Оканчается март, и все возвратятся из отпусков. Трепещу, что мой *Пестель* как тут и есть! Брат ограбил его умом и способностями, и мой Пестель пренесчастное существо! Он перед отъездом имел великодушие успокоить меня на счет возвращения своего, чтобы не впал я в отчаяние, и я боюсь, что он как *немец* будет иметь *аккуратность* в исполнении обещания» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 208, 224). Столь же иронически отзывался Ермолов об А.Б. Пестеле и позднее, но затем стал признавать за ним определенные достоинства: «Пестель у меня в отличных людях, но шутки в сторону, я доволен тем, что он верный исполнитель, и боясь меня как чумы, делает что может точнейшим образом» (Там же. С. 278, письмо А.А. Закревскому от 13 мая 1818.)

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

В ту минуту, когда я хотел запечатать письмо, я получил прилагаемое письмо от графа вашего начальника в ответ на мое, которое вы ему передали. Сообщаю его вам, поскольку оно доставило мне весьма большое удовольствие, и полагаю, что и вам доставит. Странно, что ваше письмо от 2 марта пришло ко мне уже 6 дней тому, а это, от 28 фев[раля], мне принесли только сегодня. Прощайте, дорогой Павел, обнимаю вас нежно и благословляю от всего сердца. [10] марта 1817*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 10 об.
Написано на обороте письма П.Х. Витгенштейна к И.Б. Пестелю:

Милостивый государь мой Иван Борисович!

* Дата переправлена и читается плохо. Вероятно, эту записку следует считать приложением к предыдущему письму от 10 марта 1817 г.

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 13-го сего февраля имел я честь получить, за которое приношу чувствительнейшую благодарность. Я поставляю себе за особенное удовольствие известить вас, милостивый государь, что сын ваш прибыл ко мне совершенно здоровым, и нелестно уверяю вас, что для меня весьма приятно иметь его под начальством моим как офицера, заслуживающего особенное уважение своими достоинствами, которые ценю я в полной мере.

С чувствами истинного почтения и совершенной преданности имею честь пребыть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга
граф Витгенштейн*

28 февраля 1817.
Г. Митава
Его прев[осходительст]ву И.Б. Пестелю

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 9–9 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю
*Получил и ответил 15 апреля***

Ст.-Петерб[ург], 11 апреля 1817

Если я не пишу вам так часто, как хотел бы, мой дорогой Павел, это потому, что я завален делами, особенно же одним, которое мои враги, кажется, хотят использовать, чтобы представить меня виновным в мнении имп[ератора] и чтобы заставить меня уехать из Петерб[урга] под предлогом, что мое присутствие необходимо в Сибири из-за вздорного дела, имевшего место в Томской губ[ернии][1]. Гр[афиня] Фермор должна была уехать уже 6 дней как, и ваша матушка дала ей письмо, содержащее все подробности этой истории. Я не знаю еще, каков будет результат, ибо решение имп[ератора] последует на днях. Его, по всей видимости, настроили против меня. Но сердце государя в руке Божьей, и я рассчитываю на него, ибо он еще никогда не покидал меня. Это дело помешало мне исполнить ваше поручение насчет книг по уходу[2]. Я куплю их вам и пришлю. Их полезно иметь. Не беспокойтесь, дорогой Павел, о том что я вам сказал о своих делах. Я сказал вам о них лишь для того, чтобы вы знали обо всем, что у нас происходит. Моя служба из самых ревностных. Моя совесть чиста, и есть Всевышний, на милость и покровительство которого я полагаюсь безгранично.

Все у нас здоровы. Матушка нежно вас обнимает, как и Софья. Что до ваших братьев, то непростительно, если они вам не пишут. У меня много огорчений, а ваши братья далеки от того, чтобы их облегчать, а только доставляют новые своим поведением и пр. и пр. Простите, что все новости, что я вам сообщаю, неприятны. Я нахожу утешение, изливая сердце другу, у меня их немного, а вас я помещаю во главе их по взаимности чувства и долга. Ваша болезнь заставляет меня беспокоиться, особенно потому, что уже две почты, как мы не имели ваших писем. Прощайте, дорогой Павел, я вас благословляю и нежно обнимаю. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 12–12 об.

[1] См. об этом деле в записках И.Б. Пестеля (Бумаги И.Б. Пестеля... С. 397–399). Регулярные голодовки коренных народов Туруханского уезда, зачастую со смертельными исходами,

* Письмо написано по-русски писарским почерком и подписано П.Х. Витгенштейном.
** Отметка о получении чернилами по-французски рукой П.И. Пестеля.

были поставлены в вину пестелевской администрации. И.Б. Пестель утверждал, что в его правление, напротив, масштабы этих голодовок удалось существенно сократить. По его мнению, дело было раздуто его недоброжелателями, и с этого времени доверие к нему Александра I заметно упало.

[2] Так в подлиннике – livres des soin. Неясно, какие именно книги просил купить П.И. Пестель.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю
*Ответил 10 мая**

Ст.-Петерб[ург], 28 апреля 1817

Мое здоровье, дорогой Павел, и вообще все мое положение все еще прежние. Я жду каждую минуту бумаг, чтобы оправдаться. Сделать это будет несложно, ибо я не могу видеть и отвечать за то, что происходит в 6 т[ысячах] верст от меня. Если бы даже я был на том месте, какое подразумевает моя должность, я был бы, быть может, на несколько сотен верст ближе, но все же без средств предупредить то, что случилось. И почему министерство полиции не ответственно так же, как я, тогда как мы находились в момент, когда произошла катастрофа, на одном расстоянии от места, где случилось зло, т. е. в Петерб[урге]. Во всем, что со мной происходит, я вижу лишь руку провидения. Оно карает меня. Оно смилуется надо мной. Я переношу свое несчастье с покорностью и глубоко уверен, что Всевышний все ведет к лучшему и что время докажет, что он есть отец, карающий не для того, чтобы принести несчастье своему детищу, но, чтобы сделать его лучше. Дай Бог, чтобы так со мной было и сейчас.

Матушка вас обнимает. Она вполне разделяет мои горести, и признаюсь вам, что я бы страдал с гораздо большей смелостью, если бы не было столько людей, страдающих со мною.

Прощайте, дорогой друг. Благословляю вас и прижимаю к сердцу. П.

Приписка Е.И. Пестель:

И я также, мой добрый друг, вас нежно обнимаю. Молодые Витгенштейны[1], как говорят, уезжают через несколько дней. Быть может, я напишу вам с ними, если буду предупреждена о времени их отъезда. Мы поручили Воло пригласить их к нам на чай: быть может, он вспомнит об этом только после их отъезда. Так что, даже если они не привезут вам писем от нас, будьте спокойны и вполне уверены, что мы все чувствуем себя хорошо. Вчера я сделала визит соболезнования гр[афине] Головкиной[2], Мими умерла в день, который я вам назвала. Сейчас я иду делать поздравительный визит к госп[оже] Козляниновой, которая послезавтра выдает замуж младшую дочь за Леонида Львова[3]. Вот новости дня. На этом прощайте, я иду одеваться.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 13–14.

[1] Старшие сыновья П.Х. Витгенштейна: Лев Петрович (1799–1866), в 1817 г. корнет Кавалергардского полка, член Союза Благоденствия и Южного общества; Станислав Петрович (1800–1820), корнет Кавалергардского полка, Александр Петрович (1802–1858), впоследствии на статской службе, Георгий (Егор) Петрович (1807–1857), учился в Петербурге в пансионе.

[2] Неясно, о какой из Головкиных здесь идет речь.

[3] Елена Николаевна Козлянинова (1800–1850) была замужем за Леонидом Николаевичем Львовым (1784–1847), коллежским советником, сыном архитектора Н.А. Львова.

* Отметка о получении чернилами по-французски рукой П.И. Пестеля.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю
Ответил 10 мая[*]

Ст.-Петерб[ург], 4 мая 1817

Простите, мой дорогой Павел, что забыл с прошлой почтой отправить вам газеты. Я более огорчен не по причине опоздания газет, сколько из-за беспокойства, которое это могло вам доставить на мой счет. Спешу вам сказать, что все мы здоровы. Что провидение, видимо, поддерживает меня нравственно и физически. Бумага, на которую я должен ответить, еще не прислана мне из Мин[истерства] полиции и Бог знает, за чем задержка. Мое оправдание будет весьма ясным. И надо надеяться, если такова воля Божья, что оно будет принято благосклонно. В остальном, все приходит к нам от Всевышнего и надо все терпеть с покорностью и говорить «да будет воля твоя». Не беспокойтесь обо мне, мой добрый друг. Тот, кто надеется на Бога, никогда не будет покинут. У меня нет времени писать больше. Я вас благословляю и прижимаю к сердцу как самый нежный из отцов. Весь ваш П.

P.S. Я только что получил ваше письмо, дорогой Павел, от 25-го числа прошедшего месяца. Его содержание достойно вас. Да будет всегда религия вашей поддержкой! Вы всегда найдете в ней столько добра, сколько может быть в этом мире. Прощайте, дорогой друг. TSVP[**].

Приписка Е.И. Пестель:

Я ждала с живейшим нетерпением и беспокойством, мой добрый друг, вашего ответа на письмо, которое вам привезла гр[афиня] Фермор. Временами я упрекала себя, что сообщила вам столько подробностей нашей несчастной истории, но у меня не могло быть лучшей возможности посвятить вас во все происходившее, и казалось слишком несомненным, что вы должны быть осведомлены тем или иным образом. Дело вовсе не окончено; возможно, оно не будет окончено к нашему удовлетворению, но оборот, который оно приняло в самый грозный момент, был совершенно неожиданным: оно обязано этим отважному представлению А[ракчеева][1], что такого рода шаг был до сих пор неслыханным и совершенно противен принципам, которые дечудовищеировали в течение 17 лет. Ende gut, alles gut[***], говорит пословица, лишь бы этот конец наступил, как ему и должно. Несчастье в том, что удары такого рода, даже когда их счастливо преодолевают, всегда немного убивают способность *наслаждаться* и *верить*. Когда что-то произойдет, вы узнаете об этом в точности. Пока же будьте спокойны и доверьтесь божественному могуществу, которое может остановить молнию в самый момент ее вспышки.

Вы не понимаете, говорите вы, истории свадебных проектов[2]. Два брата метили в одну цель. Кат[ерина] Дм[итриевна] *формально* просила для Андрея. У нее спросили письменного ответа. Этот ответ был *формальным отказом*, и этот-то отказ показали Николаю как относящийся к нему. Не могли же предлагать всех братьев одного за другим, и этому несомненно отказали бы еще скорее, чем другому. Андрей написал нам из Москвы, где он все еще находится, не говоря, когда уедет. Ваши братья, Софья, ваши дядья, ваш кузен, ваши друзья передают вам тысячу приветствий. На днях у нас было до 23 градусов тепла, а сейчас гроза, которая вернет нас к обычным нашим заморозкам. Завтра большой вечер у Полторацких в честь именин, рожденья и свадьбы госп[ожи] Ирины[3]. Мы там, вероятно, будем; мы даже сделали поездку в Катериненгоф 1 мая, так что вы видите, что мы еще не совсем мертвы для удовольствий этого земного мира. Де-

* Отметка о получении написана чернилами по-французски П.И. Пестелем.

** TSVP – «tournez s'il vous plait» («переверните пожалуйста»). Помета рукой Е.И. Пестель, отсылающая к ее приписке на обороте листа.

*** «Все хорошо, что хорошо кончается» (нем. яз.).

лайте так же, мой добрый друг. Твердость вашего характера и религиозных принципов заставляют меня надеяться, что вы всегда останетесь верным нашему девизу.

Прощайте. Благослови вас Бог. Обнимаю вас, как люблю, т. е. со всей силой чувств моей души.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 15–16.

---

[1] Намек на развитие событий в связи с «туруханским делом». По воспоминаниям И.Б. Пестеля, 13 апреля 1817 г. А.А. Аракчеев объявил ему, что, по мнению Александра I, Пестель не может оставаться сибирским генерал-губернатором. Пестель, оправданий которого не выслушали, заявил Аракчееву, что отправлять в отставку на основании непроверенных доносов его врагов «несправедливо и недостойно нашего государя». В результате Аракчеев вмешался и добился рассмотрения дела в Комитете Министров, после чего обвинения с Пестеля были сняты (Бумаги И.Б. Пестеля... С. 398–399).

[2] Вероятно, речь идет о каком-то неудачном сватовстве братьев Андрея и Николая Борисовичей Пестелей, посредницей в котором выступала их родственница Е.Д. Власьева.

[3] Неясно, о каких Полторацких идет речь. 6 мая праздновался день Св. Ирины, однако в родословных росписях Полторацких представительницы этой семьи по имени Ирина обнаружить не удалось.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю
30 мая[*]

Ст.-Петерб[ург], 19 мая 1817

Ваше последнее письмо, дорогой Павел, доставило мне большое удовольствие, потому что то, каким образом вы говорите о вашем начальнике, доказывает, что вы им довольны. Существует столь мало вещей в вашем существовании, и особенно в вашей службе, которые могут доставлять вам удовольствие, что я рад, что по крайней мере вы хороши с начальником и его семейством.

У нас все здоровы. Матушка вас обнимает, как и Софья и ваши братья. Матушка вам не пишет, поскольку занята приготовлениями к поездке в Царское Село к мад[ам] Вельо. Она пробудет там три дня с Софьей и Борисом. Тем временем все будет перевезено на Крестовский в ее отсутствие, и она вернется прямо из Царского Села в свое летнее жилище. Я остаюсь один в городе, чтобы работать над моей несчастной бумагой, которая не закончена и которая будет занимать меня еще по меньшей мере две недели. Я должен изложить состояние вещей таким образом, чтобы было видно, что было до меня и что сталось под моим управлением. Будет видно, среди прочего, что в уезде, о котором речь, до меня в 18 лет было меньше муки, чем в 4 года при мне, и что последние два года ежегодно в магазинах в 3 раза больше провианта, чем было в течение 18 лет до меня. Если это не послужит доказательством того, что я занимался снабжением продовольствием, тогда ничто больше не сможет этого доказать. Вы видите, дорогой Павел, по одной этой маленькой детали, что мое оправдание будет весьма ясным и достоверным. Несмотря на это, вся моя надежда основана на милости Всевышнего, который никогда не покидал меня.

Я получил сегодня несколько денег и спешу послать вам тысячу руб., которые следуют вам за треть. Поскольку я поздно получил деньги, не уверен, примут ли их на почте, но, в случае если не примут, вы несомненно получите их со следующей почтой, в любом случае осведомитесь на почте.

Со следующей почтой я пришлю вам чаю, мой добрый друг. Прощайте, дорогой Павел. Как я огорчен, что не могу пока сказать вам ничего решительного, что могло бы

---

* Отметка о получении написанв чернилами по-французски П.И. Пестелем.

вас совершенно успокоить насчет моей будущей участи!! Но что есть, то есть. Благой Бог с нами и несомненно приведет все к лучшему. Обнимаю вас и благословляю от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 17–18.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*30 мая**

Мы все чувствуем себя очень хорошо. Матушка еще в Царском Селе с Софьей, но я жду ее сегодня. Завтра она переберется на все лето на Крестовский. Я работаю над моей несчастной бумагой, и все, кто ее читает, удивлены принятыми мной мерами и находят, что одни эти меры заслуживают благодарности. Бог все ведет к лучшему, на него одного я надеюсь.

Прощайте, дорогой Павел. Я спешу закончить, поскольку должен идти в Совет.

Весь ваш сердцем и душой.

23 мая 1817

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 19.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*Ответил 14-го***

Ст.-Петерб[ург], 2 июня 1817

Не сердитесь на меня, дорогой Павел, если я пишу вам мало и не столь часто, как бы желал. Я в самом деле слишком занят, и моя бумага доставляет мне много труда, поскольку я должен, благодаря глупости моего начальника канцелярии, делать все сам, и поскольку надо наводить справки о разнообразных крупных делах, которые надо читать целиком, чтобы извлечь немногое необходимое. Я надеюсь вскоре закончить мои труды, и тогда моя судьба решится. Рука провидения простерта надо мною и я глубоко уверен, что всякая вещь, какая случится, будет к моему благу, и заранее благодарю за нее Всевышнего.

Матушка нежно вас обнимает. Она здорова, как и все мы. Я обедал у нее на Крестовском и вернулся работать и писать вам. 10 дней как мы имеем бесконечные хлопоты. Гр[афиня] Витгенштейн прибыла. Я был у нее и не застал. Поскольку я нашел ее помещение весьма скверным, матушка написала ей, предлагая наше городское жилище, но она не согласилась под предлогом, что ее жилье так близко от школы Св. Петра, где находятся ее дети, что она может видеть их у себя каждый день. Она поехала в Павловск к имп[ератрице]-матери, таким образом, ни матушка, ни я еще ее не видали. Она написала матушке, что придет сама ее благодарить за обязательное предложение жилища.

Вот, дорогой друг, все, что я имею сказать вам из здешних новостей, но прежде чем закончить, хочу еще повторить старую истину, что я вас люблю со всей возможной нежностью, благословляю вас и молю за вас Бога всякий день. Прощайте, мой добрый друг. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 20–20 об. На обороте оставшегося незаполненным второго листа письма (л. 21 об.) в углу рукой [П.И. Пестеля] написано по-французски: «и прибавляя, что я сделал»

* Отметка о получении написана чернилами по-французски П.И. Пестелем. Письмо написано на половинке листа.

** Помета об ответе чернилами по-французски рукой П.И. Пестеля.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 8 июня 1817

Несмотря на все приложенные мной старания, дорогой Павел, мне было совершенно невозможно найти *здесь* верховую лошадь такую, какая могла бы вам подойти и какую я был бы в состоянии купить. Судите о ценах на лошадей здесь по тому, что мне дали за лошадь Полторацкого, которой нельзя больше пользоваться, настолько она стала злой. Я вчера продал ее за *1500 руб*. И спешу доставить вам эти деньги с этой же почтой, вам надо лишь прийти на почту, чтобы получить деньги, которые я послал без письма в ваш адрес. Постарайтесь достать себе лошадь на месте. Не можете ли вы найти какого-нибудь офицера, который может продать подходящую вам лошадь? Примите, мой добрый друг, эту небольшую сумму как лепту вдовицы. Благослови ее Бог. Я ее вам посылаю от глубины сердца и проливаю слезы, что не могу дать больше. Вот честность, к чему она приводит среди людей!! Но для Всевышнего и еще более для совести христианина, это другое дело. Если бы я был один и не было бы стольких людей, чья судьба связана с моей, я поступал бы совсем по-другому, и это не досаждало бы мне так, как сейчас. Бог сжалится над нами и еще даст нам почувствовать свою благую руку, ведущую все к лучшему.

Матушка, ваши братья и Софья нежно вас обнимают. Все на Крестовском. Я один остался в городе работать, чтобы существовать в нищете.

На днях графиня Витгенштейн придет к нам на весь вечер со всей своей семьей. Она в высшей степени любезна с нами.

Прощайте, дорогой Павел, благословляю вас от глубины сердца и обнимаю так же. Весь ваш сердцем и душой П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 22–22 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 20 июня 1817

Через четыре дня вам будет 24 года, мой дорогой и добрый друг Павел. Я всякий день молю Бога за вас, но в этот день с усердием буду поручать вас его святой охране. Пусть его рука руководит вами, покровительствует и благословляет вас. Пусть его святой дух руководит вашим сердцем, внушает вам обязанности религии, волю Всевышнего, даст вам добрую волю и силы, нужные, чтобы применять их по обстоятельствам. Пусть ваша жизнь будет жизнью *истинного христианина*, и все успехи, и даже несчастья, которыми наполнено все наше существование в этом мире, вам будет легко переносить, и спокойствие вашей души, основанное на вере, сделает вашу жизнь счастливой. Вместе с этим я прошу у Всевышнего неизменно доброго здоровья – чтобы вы наслаждались как счастьем чистой души, так и телесным здоровьем. С этим я вас благословляю от глубины сердца и нежно обнимаю. В прошедшем году я имел счастье провести этот день с вами. В этом же году мы в этот день будем в разлуке. Я огорчен этим, мой добрый друг. Повторяю вам, мой добрый друг, заверения в моей нежной и искренней привязанности к вам и самой большой дружбе. И прошу у вас продолжения ваших дружбы и доверия. Они мне дороги, и я имею на них права, не только как отец, но также как тот, кто желает вам всякого вообразимого счастья искреннее всех, кто только знает вас на свете. Вы надежда не только дней моей старости, но я также рассчитываю на вас, даже когда закончу свой путь на этом свете – я рассчитываю на вас для вашей матери, сестры и братьев, когда меня больше не будет. Я надеюсь, мой добрый друг, что смогу однажды в последнее мгновение моей жизни поручить их вашим

заботам в глубокой уверенности, что вы замените меня возле них!!! Все, что я говорю здесь, весьма живо прочувствовано и исходит от сердца, полного самых нежных чувств к вашей матери и ко всем вам, мои дорогие дети. Вы бесспорно находитесь во главе их. С этими чувствами я поздравляю вас с днем вашего рождения и именинами. Не знаю, смогу ли провести этот день с моими, поскольку 24-го числа сего месяца будет большое собрание при дворе по случаю миропомазания принцессы Шарлотты, коли на следующий день состоится ее помолвка с великим князем Николаем[1].

Поскольку матушка сообщает вам в прилагаемом письме все подробности, которые могут вас интересовать, мне нечего к тому прибавить, кроме того, что мое дело еще не решено, ибо мои бумаги еще не рассмотрены и, вероятно, не будут в ближайшее время из-за свадебных празднеств, которые займут весь свет вплоть до 23-го числа будущего месяца.

Хотя гр[афиня] Витгенштейн сказала нам, что вы должны были уже выехать с графом и что следует адресовать вам письма в Витебск, я посылаю это письмо еще в Митаву в уверенности, что вы перед отъездом устроили так, чтобы письма были вам пересланы, и что затем вы мне укажете, куда надо будет их адресовать впоследствии.

Заканчиваю, обнимая вас тысячу раз со всевозможной нежностью. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 23–24.

---

[1] Прусская принцесса Шарлотта прибыла в Россию в начале июня, 9 июня ее торжественно встречали в Мемеле, 24 июня состоялось ее миропомазание, после чего она получила имя Александры Федоровны, на следующий день обручение с великим князем Николаем Павловичем, 1 июля прошло их бракосочетание в церкви Зимнего дворца.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 27 июня 1817

Я надеюсь, дорогой Павел, что мое письмо от 8-го числа сего месяца с № 129 и 130 «Инвалида» дойдет до вас, и вы увидите, что *1500 руб.*, которые вы получили от того же числа, принадлежат вам и посланы на покупку лошади, поскольку мне оказалось совершенно невозможно найти ее здесь. Здесь их покупают столько, что нет более возможности найти лошадь, которой можно было бы пользоваться, – а те, которых можно употребить, при всей их убогости, стоят непомерную цену.

Всю неделю я был только при дворе по случаю помолвки вел[икого] князя и сопутствовавших ей праздников. Несмотря на это, я отослал мое оправдание мин[истру] полиции. Оно будет представлено в Комитет Мин[истров]. Оно ясно, верно и безупречно. Написано с достоинством, и могу сказать, я там говорю как честный человек и верный подданный. Моя бумага была прочитана малым числом лиц, желающих мне добра, и все сказали мне, что будет поистине несправедливо, если кто-то захочет еще обвинять меня после прочтения этой бумаги. Я не искал протекции ни единой живой души. Мое дело слишком справедливо, чтобы делать шаги, какие приличны лишь тому, кто ищет милости. Я взываю к справедливости и о ней прошу Всевышнего. Он еще никогда меня не оставлял, и что ни придет, я буду считать исходящим от Него, буду верить, что это к лучшему для меня и покорюсь со смирением. Ожидают (несомненно, не я) повышений, награждений и пр. и пр. Время покажет, насколько окажутся правы.

Да руководит вами Бог в ваших путешествиях, и дай Он вам доброго здоровья и спокойствия души, по справедливости достойной, имеющей Бога в сердце. Прощайте дорогой Павел, благословляю вас от глубины сердца и обнимаю так же.

Весь ваш П.

P.S. Я пропустил одну почту послать вам газеты, поскольку не знал, куда их посылать. Я продолжу вам их направлять по-прежнему в Митаву, как вы указали.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 25–25 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 июня 1817

Сегодня, мой дорогой друг, день ваших именин, и хотя я уже поздравил вас с ними, когда поздравлял вас с днем вашего рождения, не хочу пропустить эту почту, не повторив вам пожеланий, какие я возношу за ваше счастье. Я просил Бога за вас сегодня утром и вытащил для вас следующие два стиха[1]:

Es ist in keinem andern Heil, ist auch kein anderer Name den Menschen gegeben, darinnen wir sollen seelig werden. Glaubet an das Licht dieweil ihr es habt, auff daß ihr des Lichtes Kinder seyd*.

Эти два стиха, мой дорогой Павел, если вы их и не понимаете сейчас, то будьте уверены, что однажды поймете, и тогда они послужат вам утешением.

Я поручил вас покровительству нашего Спасителя Иисуса Христа. Чем более вы его будете узнавать, тем более будете счастливы, становясь лучше.

Матушка вас поздравляет и нежно обнимает. Поскольку сегодня я ее не видел, то не мог попросить ее написать что-нибудь для вас. Все здоровы, за исключением Софьи, у которой вчера был сильный жар и потом ужасное потение. Доктор полагает, что это может стать перемежающейся лихорадкой, которой много в городе.

Прощайте, мой добрый друг, прижимаю вас к сердцу, благословляя от глубины души.

4 июля. Это письмо должно было уйти с прошлой почтой, но помехи заставили меня пропустить почту, так что отправляю вам его сегодня, еще раз обнимая вас с нежностью.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 26–26 об.

[1] Вероятно, И.Б. Пестель гадал на Библии.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 10 июля 1817

С тех пор как вы покинули Митаву, я пишу вам, дорогой Павел, лишь один раз в неделю. Мы все совершенно здоровы. Матушка вас нежно обнимает, как и ваши братья и Софья. Последняя весьма утешает нас добротой нрава и основательным умом, который все более развивается. Она велит сказать вам, что сама вам напишет *однажды*. Вот ее собственные слова. На днях она читала что-то, где шла речь о море (die See). Матушка спросила ее, какая разница между la mer (die See) и la mère (die Mutter)**, она тут же сказала, что первое пишется без *e* на конце слова. Это неплохо для ребенка 6 лет.

Сейчас матушка живет на Крестовском с Софьей, Борисом, Воло и Александром. Ибо последний дома по случаю каникул, а Воло потому, что его полк снова на летних квартирах в **Новой Деревне**.

* «Нет иного спасения, и не дано другого имени людям, в нем мы спасемся. Верьте в свет, ибо он с вами, и будете детьми света» (нем. яз.).

** «Море» и «мать» (франц. яз.), в скобках И.Б. Пестель дал немецкий перевод этих слов.

В моем деле пока никаких перемен. Мои бумаги находятся у мин[истра] полиции и еще не внесены в Комитет Мин[истров]. Я полагаюсь совершенно на доброту Всевышнего, который хранил меня с самого рождения. Он меня не покинет, я в этом уверен.

Новости в эти дни не очень утешительные. На днях в Павловске в один день случились две досадных катастрофы. П[ринц] Вильгельм Прусский[1], второй брат великой княгини Александры, пойдя в конюшню с великим князем Николаем, был укушен в ногу собакой, бывшей на привязи. Она вырвала ему кусок мяса, но рана не опасна, поскольку собака не была бешеной; тем не менее полагают, что он две недели не сможет выходить из комнаты. Вторая катастрофа, что ген[ерал]-лейт[енант] Ахвердов[2], которого вы должны знать, поскольку он был одним из кавалеров великих князей, будучи на обедне при дворе, почувствовал себя плохо. У него случился апоплексический удар и он умер на месте. В этот день должны были давать бал в Павловске, который сочли уместным отменить.

Женитьба Адлерберга на м[адемуазе]ль Нелидовой объявлена и состоится незамедлительно[3]. Это очень хорошенькая особа.

Я не желал бы иного, мой дорогой друг, нежели послать вам лучший чай, какой у меня есть; но невозможно посылать его летом по почте, мой опыт доказывает невозможность этого, ибо всякий раз, как мне его посылали летом, я получал его в виде порошка и должен был выбрасывать. Как только найду какую-нибудь оказию, я воспользуюсь ею, чтобы послать вам добрый ящичек лучшего чаю.

Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Прижимаю вас к сердцу, искренне благословляя. Весь ваш П.

P.S. В будущее воскресенье Софье будет 7 лет, а матушка и я, мы отметим нашу серебряную свадьбу, поскольку будет 25 лет, как мы женаты. Мы предполагаем пойти всей семьей в церковь возблагодарить Всевышнего за счастье, которым наслаждаемся в нашем союзе. Мы помолимся Богу и за вас также, мой добрый друг Павел.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 27–28.

---

[1] Принц Вильгельм (1797–1888), второй сын короля Фридриха Вильгельма III, с 1858 принц-регент при старшем брате Фридрихе Вельгельме IV, в 1861 взошел на трон как Вильгельм I, после франко-прусской войны 1871 г. провозглашен германским императором. В царствование Александра I и Николая I принц Вильгельм неоднократно бывал в России.

[2] Ахвердов Николай Исаевич (1754 или 1755 – 8 июля 1817), генерал-лейтенант, воспитатель великих князей Николая и Михаила Павловичей.

[3] В.Ф. Адлерберг 15 июля 1817 женился на фрейлине Марии Васильевне Нелидовой (1797–1870), дочери сенатора В.И. Нелидова.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 8 августа 1817

Наконец, мой дорогой Павел, я могу вас обнять, поздравляя с повышением[1]. Благослови и храни вас Бог, вот единственное пожелание, приносящее счастье. Мы, люди, желаем то той, то другой вещи, полагая найти в ней счастье. Чаще всего с нами случается противоположное. Покровительство Провидения, вот то, что, пришедши, все обращает к нашему счастью, ибо истинное счастье *в этом мире* есть то, что случается с нами, дабы сделать нас достойнее мира *иного*. Так что, дорогой друг, радуясь вашему повышению, зачем мне говорить: оно запоздало, и вот пришло теперь; все к добру, коли мы обращаемся к воле Всевышнего даже в малейших вещах, нас касающихся. Я желаю вам на этот раз, мой добрый друг, чтобы вы переносили все превратности

этого мира с большей смелостью и смирением. Благодаря Всевышнего, я гораздо более способен к смирению, чем прежде, я испытал это в последнем моем несчастном деле. Я вижу руководящую им руку провидения и убежден, что как бы оно ни окончилось, это всегда будет к моему благу. Мои бумаги прочли в Коми[тете] Мин[истров]. Все были согласны, что я вовсе не могу отвечать за то, что произошло, но одни, оправдывая меня, пожелали представить свое мнение к сведению импер[атора], другие этого не пожелали. Эти последние, вероятно, не хотели, чтобы имп[ератор] прочел мои бумаги и увидел бы мой отчет за 11 лет управления Сибирью. Вчера я был призван в Ком[итет] Мин[истров] для некоторых справок, которые пожелали. Я там был, но ушел в момент, когда должно было начаться обсуждение, ибо не могу быть судьей в собственном деле. Еще не знаю, что было решено. Все зависит лично от имп[ератора], и вы вспомните, что даже в Казанском соборе, над местом, где стоит имп[ератор], находятся в золотых буквах следующие слова из Святого писания: ***Царево сердце в руце божией***. На это я и полагаю всю мою надежду!

Пишу вам в спешке, дорогой друг, поскольку должен идти сегодня утром в Совет. Заканчиваю, поздравляя вас еще раз от всего сердца и благословляя от глубины души. Я был в высшей степени доволен, получив известие о вашем повышении.

Прощайте, дорогое дитя, прижимаю вас к сердцу с живейшей нежностью. П.

P.S. Только что я получил новые сведения о вашем повышении. Импер[атор] утвердил ваше повышение, но **приказ** еще не отдан по причине отъезда имп[ератора] в Царское Село, но непременно появится на днях. Я надеюсь сообщить вам о нем со следующей почтой.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 29–30.

---

[1] Согласно формулярному списку, 9 августа 1817 г. П.И. Пестель был произведен в штабс-ротмистры, продолжая числиться в Кавалергардском полку. И.Б. Пестель узнал об этом незамедлительно и спешил сообщить сыну.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 12 сентября 1817

Самый большой ветреник[1] (чтобы не сказать больше) передает вам это письмо. Я лишь этим утром узнал, что он едет сегодня утром, и даже не от него самого, поскольку он даже не пришел попрощаться со мной. Но речь не о воспитании этого молодого человека, которое, к его несчастью, быть может, совершенно окончено.

Добрая гр[афиня] Витгенштейн, которая так любезна с нами, приехала сама объявить нам, что вы приедете сюда к 20-му числу сего месяца, и поскольку ее муж имеет отпуск на 28 дней, вы сможете оставаться это время с нами. Не только я и матушка имели слезы радости на глазах, но даже Софья вскрикнула от радости и говорит лишь о вашем приезде. Стоит кому-нибудь войти в комнату, она тут же объявляет ему о вашем приезде. Мы ожидаем вашего приезда, мой дорогой Павел, с распростертыми объятиями. Ваш приезд весьма кстати во многих отношениях, и я в восторге, что смогу говорить с вами как с лучшим моим другом, будучи совершенно доволен вами как отец.

Я также полагаю, что вы доставите нам радость видеть вас еще ранее 20-го, и вот почему не шлю вам тысячу рублей за эту треть, а также, чтобы не доверять их ветренику. В случае, если это письмо застанет вас еще в Митаве, тогда позаимствуйте тысячу рублей, и я их вышлю тотчас отсюда. Если возможно, чтобы они могли быть посланы лишь в декабре месяце, это бы меня еще больше устроило, мне будет где их взять, и в таком случае вы можете взять *1300 руб.* на мой счет.

Я беспокоюсь, зная, что вы в Митаве, откуда писал граф, а вы этого не сделали. Я не могу сочетать это с вашей точностью, разве что полагая вас больным. И это меня огорчает и беспокоит. Ответьте разом на все, прилетев в наши объятия как можно скорее. Больше ничего не говорю, откладывая все до вашего приезда.

Матушка и Софья вас обнимают. Первая занята переездом из деревни в город, сегодня она уже ночует в городе, где вы найдете нас совершенно устроившимися к вашему прибытию. Постарайтесь, дорогой Павел, чтобы оно случилось как можно скорее. Обнимаю вас нежно, благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 31–32.

---

[1] Возможно, речь идет о Чагине.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю
*№ 1-й**

Ст.-Петерб[ург], 27 октября 1817

С вашего отъезда, мой дорогой Павел, мы не получили ни письма, и никаких известий от вас. Это беспокоит меня из-за вашего скверного здоровья. Дай Бог, чтобы первая же почта нас успокоила. Мы прозябаем все так же, как и при вас. Я все в той же неуверенности на свой счет. Поскольку я желал, чтобы ваш брат Александр был в Пажеском корпусе, ибо институт Бетанкура[1], по сведениям, которые я вновь собрал о нем, есть заведение чистого шарлатанства, где математики поглощают все способности молодых людей, я порешил просить об этом прямо императора. Я отправил по почте мое письмо в собственные руки безо всякого посредничества кого бы то ни было. Если это не удастся, буду думать, что провидение не желало, чтобы Алекс[андр] был в Пажеском корпусе, и утешусь этим. Ваша добрая матушка нежно вас обнимает, она снова страдает от своего ревматизма. Боюсь, как бы эта зима не стала для нее хуже зимы прошедшей, когда ей было лучше, чем когда-либо.

Говорят, что импер[атор] развлекается в Москве и что москвичи от этого в восторге. Кн[язь] Павел Лопухин[2] приехал сегодня утром и привез эти добрые новости. Вовсе нет речи о приезде е[го] в[еличества] в Петерб[ург], как говорили неделю назад.

Здесь много больных. Сенатор Донауров[3] умер, кн[язь] Горчаков[4] безнадежен. Вот все наши новости.

Благослови и храни вас Бог, я же вас обнимаю и благословляю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 33–34.

---

[1] Генерал Бетанкур Августин Августинович (1753–1824), эмигрант из Испании, инженер, в 1808 зачислен на русскую службу с чином генерал-майора, с 1809 начальник Института корпуса инженеров путей сообщения, где сам читал лекции по инженерному делу.

[2] Лопухин Павел Петрович (1790–1873), кн., сын председателя Государственного совета и Комитета Министров, участник войны 1806–1807, в марте 1812 ротмистр, в ноябре полковник Кавалергардского полка, флигель-адъютант, участник войны 1812, походов 1813–1814, в 1817 генерал-майор, командир 2-й бригады 1-й уланской дивизии. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, из-под следствия освобожден после первого допроса. Впоследствии генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания в 1831, с 1835 в отставке.

---

* № 1 (Le 1 N) поставлен чернилами рукой П.И. Пестеля (?).

[3] Донауров Михаил Иванович (1758 – 21 октября 1817), сенатор 3 департамента Сената, член советов Смольного и Екатерининского институтов.

[4] Горчаков А.И., в 1812–1815 управляющий Военным министерством, затем министр, весной 1816 отпущен в заграничный отпуск для лечения, в августе 1817 уволен от службы, умер в декабре (по другим сведениям, ноябре) 1817.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 3 ноября 1817

Я был вчера и сегодня утром настолько занят, мой дорогой Павел, что упустил, забывши, отослать вам газеты с сегодняшней почтой. Хотя и поздно, не хочу отсылать их на почту, не прибавив ни слова, чтобы известить вас, что, благодаря Бога, мы все чувствуем себя довольно хорошо физически. Матушка, которая нежно вас обнимает, время от времени страдает от своих нервов, а наше несчастное положение, в особенности в отношении финансов, увеличивает ее нравственные страдания и сказывается на здоровье. Мое дело, хотя все еще не решено, пойдет не так, как я бы хотел и как, полагал, я достоин. Я имею новые доказательства, что мое оправдание и таковое Ком[итета] Мин[истров] или не было прочтено, или же ничего не изменило в мою пользу. Моя совесть чиста, и я желаю из любви к отечеству, чтобы у него было более слуг столь же верных и благонадежных, каков я есть и каков я был всегда в течение 37 лет службы, по большей части весьма тягостной и безо всякой протекции. Я полностью вверяю свою судьбу Всевышнему и прошу у него милости к моей семье, к тем, кто зависит от меня.

Вчера день рожденья госп[ожи] Муравьевой[1], мы провели вечер у нее. Она выражает самую нежную дружбу к вашей матушке. Я боюсь опоздать на почту и должен закончить письмо. Прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души, поручая вас заботам провидения, которое никогда не оставляет тех, кто полагается на Него.

Прощайте, дорогой и добрый друг.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 35–35 об.

[1] Екатерина Федоровна Муравьева, мать декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых, родилась 2 ноября 1771 г.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 21 ноя[бря] 1817

После вашего отъезда, мой дорогой Павел, мы получили от вас лишь два письма, к тому же весьма кратких и не содержащих никаких подробностей о том, что вы делаете и что намереваетесь делать. Мы пишем вам *по меньшей мере* каждую неделю, а матушка (которая вас нежно обнимает) всегда сообщает вам все детали, какие могут вас интересовать. Отнюдь не недостаток времени мешает вам писать чаще и более подробно. Госп[ожа] Рихтер (которую мы видели вчера у нее, поскольку мы с матушкой были у нее с поздравлениями к именинам) сказала нам, что вы должны были прибыть в Ригу, чтобы предпринять намеченное путешествие с ее мужем[1]. Вы нам об этом ничего не говорите.

Мы все здоровы, и матушка даже выезжает чаще, чем раньше, чем я весьма доволен. Я также выезжаю чаще, но в глубине души предпочитаю быть у себя, ибо настроение и обстоятельства не делают меня достойным находиться в обществе, куда следует привносить свою долю любезности, чего я более не имею.

Окончание пресловутого дела достигло до того, что следствие, сделанное на месте гражданской частью, окончено и может быть сопоставлено с таковым же военной. Мое оправдание, одобренное Ком[итетом] Министров, отослано на новое рассмотрение по окончании гражданского следствия и оправдания от губер[натора]. Последнее также было пересмотрено в Ком[итете] Мин[истров], и губер[натор] оправдан[2].

Вот, мой дорогой Павел, все, что я имею вам сказать касательно нас. Матушка и я, мы благословляем вас от глубины души, а ваши братья и Софья вас обнимают. Весь ваш П.

P.S. Прошу вас прочесть письмо гр[афа] Аракчеева, находящееся в одной из прилагаемых газет, в № 269[3], и сказать мне, как вы находите это письмо. По мне, оно несет след хвастовства и эгоизма, содержа софизмы о собственности его крестьян, которой распоряжается он сам.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 36–36 об.

---

[1] Борис Христофорович Рихтер, полковник л.-гв. Егерского полка, в 1813 за отличие в деле под Кульмом произведен в генерал-майоры. В 1815 переведен в л.-гв. Финляндский полк, затем назначен бригадным командиром 3-й бригады 3-й гренадерской дивизии, с января 1816 – командир л.-гв. Финляндского полка, принял полк во Франции, командовал им до 1821 г. Вероятно, предполагалось, что П.И. Пестель должен сопровождать его во Францию.

[2] Речь идет о действительном статском советнике Демьяне Васильевиче Илличевском, в 1812–1819 находившемся в должности томского губернатора и обвинявшемся по «туруханскому делу».

[3] В газете «Русский инвалид» № 269 от 17 ноября 1817 на первой полосе было опубликовано письмо А.А. Аракчеева к Александру I от 7 сентября 1817. В ответ на решение Комитета Министров о возвращении крестьянам Грузинской волости издержек на устройство большой Тихвинской дороги в сумме 86589 руб. Аракчеев объявлял, что он как помещик не стремится к своему обогащению и заботится лишь о благосостоянии крестьян, «вверенных Богом и Правительством его попечению», счастлив, что процветание его крестьян было замечено императором во время визита в Грузино, а всю полученную сумму в целях «лучшей для благосостояния крестьян пользы» вносит в Государственную комиссию погашения долгов на вечность как бессрочный капитал, проценты с которого принадлежат крестьянам Грузинской волости и должны быть обращены на уплату ими государственных податей. Александр I наложил на письмо одобрительную резолюцию, и Аракчеев счел нужным опубликовать то и другое, что являлось не вполне типичным для того времени жестом.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 5 дек[абря] 1817

Я не хочу посылать вам, мой дорогой друг, прилагаемых газет, не сообщив при этом наших новостей. Матушка вас нежно обнимает, Софья также. Не говорю ничего о ваших братьях, поскольку они могли бы написать вам сами, если бы умели делать что-то полезное. Борис прозябает, как Воло, только каждый делает это на свой манер. Борис огорчает меня своим характером, вздорным и глубоко дурным. Никакого благочестия – никакого благородства чувств – любезный в обществе, умеющий говорить забавные глупости – спорящий со всяким, невзирая ни на возраст, ни на другие вещи. Воло научился стрелять из оружия и отличается на балу – в остальном никакого серьезного занятия. Он так проводит молодость, что готовит себе существование ничтожное и незначительное до конца дней. Я наставляю, я браню и делаю все, что внушает мне отцовский долг, и все это ни к чему, кроме как к тому что *мое присутствие* стесняет. Помоги Бог!!! В настоящее время я совещаюсь со свояком Леонтьевым от-

носительно Александра. Я вижу, что в гимназии он ничему не научится. Я желал бы принудить его употребить с пользой пару лет, которые остаются ему на завершение учения, а чтобы иметь возможность следить за ним, я уладил с Леонтьевым, что Александр будет брать уроки вместе с кузеном Александром в доме Леонтьева, где он будет под верным присмотром, потом он поступит на службу в один из гвардейских полков, или в инженеры в институт Бетанкура, смотря по тому, что будет выгоднее. Это решится к новому году.

Что до меня, я все еще в неуверенности о моей участи и жду решения с покорностью руке провидения, которому вручаю мою судьбу с полным доверием!!

Будьте любезны, мой дорогой Павел, сказать госп[оже] графине Витгенштейн, что я с готовностью исполнил поручение, которое она мне дала, находясь здесь, относительно *еврея Альтшулера*[1]. Я говорил о нем с кн[язем] Лопухиным[2] и даже дал подробную записку на его счет, поскольку его дело находилось в Комитете Мин[истров]. Оно обсуждалось, но решение не было столь благоприятным, как я предполагал. Несмотря на великолепный баланс, который представил мин[истр] финансов и который показывает состояние финансов в превосходном состоянии, всякий раз, как заходит речь о выплате какой-либо суммы, министр переворачивает небо и землю, чтобы ничего никому не платить. Так же было и в этом случае, вместо возмещения убытков, о котором просит еврей ввиду потерь, которые он понес, служа нашему делу когда здесь были французы, он хочет дать ему в награду медаль, и еще собрать сведения на его счет, прежде чем дать ее ему. Выразите мои сожаления госп[оже] графине, что не смог добиться успеха в этом деле. По крайней мере, моя заслуга в том, что я приложил к нему все усердие, какое внушило мне желание исполнять приказы госп[ожи] графини.

Извещайте нас о себе, мой дорогой Павел, как можете чаще, и верьте, что я привязан к вам со всей возможной нежностью. П.

P.S. Надо сообщить вам некоторые новости о нашем добром Сергее Шипове. Он с утра до ночи занят своим полком. **Жемчужников** настолько расстроил денежные дела этого полка, что Шипов не отваживается его принять[3], и всего состояния **Жемчужниковых** недостаточно, чтобы уплатить то, что он должен уплатить. Это составляет к настоящему времени 140 т[ысяч] руб., и Шипов сказал, что счета еще не окончены. Мне жаль **Жемчужникова**, но также и бедного Шипова, который находится в ужасном затруднении.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 37–38 об.

---

[1] Альтшулер, армейский поставщик, подрядчик и откупщик, в 1812 г. снабжал русскую армию фуражом, потерпел убытки из-за быстрого продвижения французской армии, завладевшей частью его фуражных запасов. Альтшулер обратился к правительству за возмещением убытков, дело слушалось в Сенате.

[2] Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), кн., с 1816 председатель Государственного совета и Комитета министров.

[3] С.П. Шипов 17 ноября 1817 был назначен командиром Перновского гренадерского полка, которым с сентября 1813 по июль 1817 командовал полковник Александр Николаевич Жемчужников, затем в течение трех месяцев – декабрист М.А. Фонвизин.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 26 дек[абря] 1817

Я был живо тронут, мой дорогой Павел, содержанием вашего последнего письма от 17-го числа сего месяца. Все, что вы говорите о своих финансах, мне хорошо известно,

и я весьма чувствительно огорчен, зная, что вы в затруднении, в каком находитесь. Я вполне отдаю справедливость экономии, которая делает вам честь и которой я искренне восхищаюсь, вознося благодарность провидению, давшему мне такого сына, как вы, во многих отношениях, и в том числе в отношении экономии. Быть может, провидение сжалится надо мной и доставит мне средства больше сделать для вас, мой добрый друг, чем я делаю. Не подумайте, что я стараюсь сделать вам упрек за то, что сказали мне о своих затруднениях совсем напротив, я рассматриваю эту откровенность как новое доказательство вашего доверия, которое прошу сохранить ко мне и впредь. Что касается ваших проектов сменить службу, надо рассудить об этом здраво, и может быть, что к тому времени, когда надо будет решаться, решатся и наши обстоятельства, устроив все разом. В свое время мы поговорим об этом подробней и тогда придем к самому благоразумному и подходящему решению.

Мы отмечаем рождественские праздники. Это рождество нашего Спасителя Иисуса Христа. В эти дни я возношу молитвы с чувством чистейшего благочестия. Я убежден в глубине сердца, что рука провидения руководит мной. И оно же благословит вас, мой дорогой друг. Я особенно просил его о вас. Пусть его рука благословит вас, хранит и руководит вами. Пусть новый год, в который мы вступаем, будет благотворным и счастливым для вас, мое дорогое дитя! – ! – ! Вот молитвы, которые возносит за вас отец, любящий вас очень нежно. Как и матушка, которая благословляет вас. Софья вас обнимает и очень радуется тому, что на днях будет вам писать. Она была очень чувствительна к вашей нежной памяти. Это поистине превосходное дитя. Ваши братья вас обнимают, Борис почти принят в департ[амент] внутренних дел, при мин[истре] Козодавлеве[1]. По мне, это тот из мин[истров], кто деликатнее и благороднее всех обращается с теми, кто находится под его началом. Дай Бог, чтобы Борис изменился и загладил бы тем все глубокие огорчения, какие его характер и поведение доставляли мне столь долго!!!

Прощайте, мой добрый друг, благословляю вас, нежно прижимая к сердцу. П.

P.S. Посылаю вам с сегодняшней почтой тысячу рублей, которые следуют вам в следующем месяце, одновременно вот счет Гиштудта[2], который я оплатил в точности.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 39–40.

---

[1] Козодавлев Осип Петрович (1754–1819), тайный советник, с 1810 член Государственного совета, с 1811 министр внутренних дел, с февраля 1818 действительный тайный советник. Б.И. Пестель 31 декабря 1817 был определен помощником столоначальника в Департамент хозяйственных и публичных зданий Министерства внутренних дел, в июне 1818 прикомандирован к канцелярии министерства для занятия по особым поручениям, с августа 1818 – секретарь при министерстве от департамента мануфактур и внешней торговли.

[2] Гиштудт (Gistoudt?), лицо не установлено. Очевидно, П.И. Пестель в Митаве взял у него взаймы или что-то купил.

1818

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 12 января 1818

В последнем письме ваша матушка сообщила вам новость, мой дорогой Павел, о смерти вашего дяди Карла Иван[овича] Крок, скончавшегося 26-го числа прошедшего месяца, а вчера его брат, ваш дядя Федор Иван[ович], тоже умер[1]. Потеря брата, по-видимому, сильно его потрясла, он заболел и вчера в полдень скончался при мне, я закрыл ему глаза. Это первый раз в моей жизни, когда я закрывал кому-то глаза.

Я очень сожалею о почтенном дядюшке. Он от души любил меня, и я сохраню за это признательность к нему на всю жизнь. Я занят приготовлениями к похоронам. Все его имущество оставлено им своей матери **Дарье Карловне**, а я являюсь исполнителем завещания; чтобы предупредить любые посягательства других родственников, я запечатал сегодня утром в присутствии свидетелей все вещи покойного, дабы открыть их в присутствии родственников, и тогда завещание будет предъявлено пастором Рейнботом[2], которому покойный сам его вручил по моей просьбе.

Не могу вам высказать, до какой степени я потрясен всеми этими хлопотами. В остальном все у нас здоровы, и матушка вас нежно обнимает. Она также весьма огорчена этим происшествием.

Есть верные известия, что дочь графа (вашего генерала) будет сделана фрейлиной[3] послезавтра, в день рождения имп[ератрицы] Елизаветы. Передайте мои поздравления графу и графине. Я полагаю, они об этом уже предварены.

Вчера Новосильцов пришел с нами прощаться. Он должен сегодня ехать в Москву со своей матерью. Здесь рассказывают новость, будто бы граф был назначен военным губер[натором] на место герцога Вюртембергского[4]. Что за ним сохраняется командование корпусом, а его главная квартира будет переведена из Митавы в Витебск, но кажется, это всего лишь сказка, каковых много при дворе.

Я чувствую себя довольно хорошо физически, но о нравственном состоянии не могу этого сказать. Дела мои идут все так же, хотя, по правде, есть некоторое улучшение, но это улучшение не означает ничего решительного. Я взываю к воле Божьей и весьма, весьма твердо уверен, что она все приведет к лучшему. Ей я поручаю и вас, мой дорогой Павел, благословляя вас от глубины сердца и нежно обнимая. П.

P.S. Софья просит сказать, что она вас нежно обнимает и с нетерпением ждет ответа на свое письмо. Она говорит: я уверена, что мое письмо доставило Павлу большое удовольствие.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 41–42.

---

[1] По-видимому, Карл и Федор Ивановичи фон Крок приходились двоюродными братьями Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестель, которые в свою очередь были между собой двоюродными братом и сестрой (Кроки не могли быть родными братьями Е.И. Пестель, так как ее мать – Анна фон Крок, а не Дарья Карловна Крок).

[2] Фридрих-Тимофей Николаевич фон Рейнбот (1781–1837), пастор при церкви Св. Анны в Петербурге, генерал-суперинтендант, вице-президент петербургской лютеранской консистории. Духовник семьи Пестелей, исповедовал и причащал П.И. Пестеля накануне казни.

[3] Эмилия Петровна Витгенштейн (1801–1869), впоследствии замужем за кн. Петром Ивановичем Трубецким (см.).

[4] Это назначение не состоялось, П.Х. Витгенштейн был назначен командующим 2-й армией. Герцог А. Вюртембергский в 1811–1812 и 1815–1822 занимал должность белорусского военного губернатора.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 января 1818

Ваши письма всегда доставляют нам величайшее удовольствие, мой дорогой Павел. Есть лишь одно место в вашем последнем письме, где размышление спорит с удовольствием. По размышлении, я не могу не быть в высшей степени доволен, что вы предпочитаете свой долг всем прочим вещам и решились отправиться в путешествие с ген[ералом] Рихтером, отказавшись сопровождать вашего генерала в поездке сюда. И я возблагодарил Всевышнего, давшего вам такое рвение исполнять долг, но не могу

в то же время помешать себе с огорчением отказаться от удовольствия обнять вас лично и увидеть среди нас. Да пребудет с вами Бог и да руководит он вами повсюду, где вы будете, мой добрый друг. Вот молитва, которую я возношу за вас от глубины сердца. Ген[ерал] Рихтер должен был выехать сегодня, и не знаю еще, отправлю ли я это письмо с ним или по почте. Поскольку я не люблю писать с оказиями, то, возможно, что это письмо отправится по почте, которая отправляется также сегодня.

Матушка намеревалась писать вам с Рихтером, и не знаю, сделает ли, поскольку она поехала обедать к кн[ягине] Белосельской[1] с Борисом и Воло. Я не сопровождаю их, потому что хотел писать и потому что из-за обеда у княгини будет потерян весь день. Мы благодаря Бога все чувствуем себя превосходно, даже Александр весьма хорошо поправляется. Что до меня, то я все донимаем моими врагами, которые (осмелюсь сказать) одновременно есть враги пользы службы и являются моими по той же причине. Судите, какую будущность мне готовят. Есть презренный[2], который был под уголовным судом по нашумевшему делу и который находится в Иркутске под надзором полиции. Этот человек, известный за такового губер[натору], послал мин[истру] юстиции донос на губернатора, в котором нападает и на меня, хотя и косвенно. Комитет Мин[истров], до сведения которого была доведена эта мерзкая бумага, решил послать сенаторов для расследования на месте и по этому случаю обследовать заодно двух других губер[аторов], томского и тобольского. Узнав об этой благоразумной мере, я направил письмо прямо к е[го] в[еличеству] нашему августейшему государю, рассчитывая как на его справедливость, так и на хороший повод. Я получил ответ через гр[афа] Аракчеева, сделанный по приказу е[го] в[еличества]. Что имп[ератор] никогда не принимает решений по подобным доносам, не выслушав обе стороны. Что, наконец, тот, о котором я говорю в моем письме, не дошел еще до е[го] в[еличества]. В конце письма гр[аф] Аракчеев прибавил собственной рукой: *читано е[го] импер[аторским] в[еличеством].* Когда импер[атор] прибыл сюда, пресловутый журнал Комитета Мин[истров] с доносом были представлены е[го] в[еличеству]. Он решил отправить прямо мне донесение, и после моего ответа принять новое решение. Итак, я жду присылки этих бумаг. Я не могу не быть чувствительным к такой манере со стороны импер[атора] трактовать это дело. Во время пребывания е[го] в[еличества] в Петербъ[урге] не было представления членов Комитета, так что я видел импер[атора] лишь на ходу, при выходе из церкви после воскресной обедни при дворе. Вот, дорогой Павел, все, что касается до меня и положения, в каком находятся мои дела.

Матушка только что вернулась и сказала, что напишет вам с Рихтером, от которого мы узнали, что в марте месяце гр[аф] Витгенштейн будет назначен начальником второй армии на место Беннигсена[3], который попросит *тогда* отставки, но поскольку я услышал об этом только от него, то не сообщаю вам эту новость как верную, не зная, из какого источника он ее извлек.

Заканчиваю, нежно вас обнимая, благословляя и поручая покровительству Всевышнего, от глубины сердца. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 43–44 об.

---

[1] Белосельская-Белозерская Анна Григорьевна (1773–1846), кн., урожденная Козицкая, статс-дама.

[2] В записках И.Б. Пестель называет его фамилию – Гарновский, стряпчий, судимый за мошенничество, надворный советник, председатель иркутской уголовной палаты.

[3] Генерал Л.Л. Беннигсен с 20 октября 1814 по 3 мая 1818 занимал пост главнокомандующего 2-й армией, уволен в отставку по прошению и вернулся на родину в Ганновер. П.Х. Витгенштейн был назначен главнокомандующим 2-й армией 3 мая 1818 г.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 24 апреля 1818

После вашего отъезда, мой дорогой друг Павел, это первая почта, отправляемая в Митаву, и я пользуюсь ею, чтобы сказать, насколько ваш отъезд меня огорчил и какое большое удовольствие доставило мне ваше пребывание у нас. Я возношу горячую благодарность Всевышнему, давшему вам истинное религиозное чувство, которое единственное может сделать нас счастливыми и довольными в этом мире и охранить ото всех нравственных горестей, каким мы бесконечно подвержены в этом мире. Я всякий день поручаю вас покровительству нашего Спасителя, чтобы Он утвердил в вашем сердце чувства, делающие нас лучше и любезнее нам самим и ближним. Если вы пожелаете обратить на это внимание, вы найдете доказательства тому в вашем собственном опыте. Вы оставили в нашем доме пустоту, которую не только мы с матушкой, но и все обитатели дома почувствовали. Еще вчера Альбрехты и госп[ожа] Вельо говорили о вас таким образом, что это доставило мне величайшее удовольствие. Доброта всегда сама себя вознаграждает, и если бы все умели это замечать, то стали бы добрыми по расчету и из эгоизма.

В самый день вашего отъезда я имел объяснение с Воло, которое окончилось нежными объятиями и *взаимным* обещанием откровенности и доверия[1]. Это тоже *вам* мы оба обязаны таким сближением. Матушка обнимает вас очень, очень нежно. Она любит вас более, чем когда-либо мать любила свое дитя. Софья вспоминает о вас с нежностью и весьма часто о вас говорит.

С начала этой недели начались мои труды, и я все дни провожу в Сенате. Позавчера матушка провела с вашими братьями вечер у госп[ожи] Вельо, а я в 11 часов измученным вернулся домой. Благодаря Бога, физически и нравственно я чувствую себя хорошо. Никакая новая неприятность не поколебала моего спокойствия.

Самая важная новость на сегодня та, что вел[икая] княгиня Александра родила принца, названного Александром[2], 17-го числа сего месяца в 11 ч. утра.

Вот номера «Инвалида», появившиеся после вашего отъезда, я буду высылать их вам регулярно с каждой почтой, даже если не буду писать.

Прощайте, мой добрый *друг*, благословляю вас от глубины души и очень нежно обнимаю. П.

P.S. Сын Гурьева не женится, как о том говорили, но его дочь Елена выходит замуж за молодого человека 26 лет, очень красивого мальчика по имени ***Сверчков***[3], он атташе при Колл[егии] иностранных дел, при миссии в Рио-Жанейро в качестве советника посол[ьства] в чине стат[ского] советника, – без состояния. М[адемуазе]ль Гурьева получит в приданое доход в 20 т[ысяч] руб.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 45–46 об.

---

[1] Ср. в наст. издании письмо В.И. Пестеля к П.И. Пестелю, написанное, вероятно, тогда же.

[2] 17 апреля 1818 г. у вел. кн. Николая Павловича и вел. кн. Александры Федоровны родился сын Александр Николаевич, будущий император Александр II.

[3] Елена Дмитриевна Гурьева (179?–1834) была замужем за действительным статским советником А.В. Сверчковым (ок. 1791–1828).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Окажите дружбу, мой дорогой Павел, скажите господину графу вашему начальнику, что я не пренебрегаю ничем от меня зависящим, чтобы исполнить его поручение относительно *госп[одина] Могучего*[1]. Граф знает из моего письма, что представление остановлено тем, что мин[истр] финансов ожидает ответа от мин[истра] юстиции. Я сделал

нужные шаги перед мин[истром] юстиции, который наконец ответил Гурьеву, что нет никаких препятствий к назначению г[осподина] Мог[учего] вице-губер[натором] в Витебск. Вчера я говорил об этом в Сенате с Гурьевым, который обещал отослать свое представление с первым курьером к е[го] в[еличеству] импер[атору]. Как только я узнаю, что оно послано, то сообщу вам, чтобы довести до сведения графа.

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас от всего сердца. П.

27 апреля 1818.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 47–47 об.

---

[1] Могучий Станислав Мартынович, статский советник, витебский вице-губернатор с 15 мая 1818 по 1825.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 мая 1818

Уже отославши на почту газеты за эту неделю в ваш адрес, мне принесли новость, что представление и даже указ на подпись е[го] в[еличеству] импер[атору] были отосланы ему мин[истром] финансов 28-го числа прошедшего месяца, чтобы госп[один] Могучий был сделан витебским вице-губерн[атором]. Моя роль была в том, чтобы получить благоприятный ответ от мин[истра] юстиции и поторопить с отправкой бумаг к е[го] в[еличеству] импер[атору]. Прошу вас сказать все это графу, вашему уважаемому начальнику, выразив ему мое почтение, как и госпоже графине. А также и от вашей матушки, которая вас нежно обнимает. Сегодня мы едем с двумя молодыми графами на первомайское гулянье. Прощайте, дорогой Павел, я тороплюсь закончить, чтобы ехать в Совет. Мы весьма обеспокоены, не имея ни писем и даже никаких новостей от вас с вашего отъезда. Дай Бог, чтобы вы были здоровы и чтобы ваше тягостное путешествие вам не навредило. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 48–48 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 16 мая 1818

Только что, дорогой Павел, мне сообщили следующую новость, которую я вам передаю теми же словами, в каких мне ее сообщили: «**Приказом, данным в Одессе, граф Витгенштейн назначен главнокомандующим 2-ю армиею со всеми правами**». Хотя и полагаю, что вы об этом извещены давно, я счел долгом сообщить, прося вас поздравить с этим вашего почтенного начальника. Мне кажется, всякий раз как с ним происходит нечто приятное, что я так в этом участвую, будто бы это происходит со мной самим. Матушка, которая вас обнимает, была весьма рада за графа, но вся дрожала и имела слезы на глазах, думая о вас, поскольку у нас это отнимет удовольствие, я бы даже предпочел сказать счастье, видеть вас столь часто, как мы видели вас, пока вы располагались в Митаве. Я не менее нее огорчен в этом отношении, но с другой стороны, думаю, что служба в Молдавии[1], может быть гораздо полезнее в том отношении, что вы сможете там получить большие преимущества в отношении вознаграждений, имея начальника, умеющего воздать за тяготы службы. Наконец, все, что делает провидение, ведет к нашему благу, и я полностью уверен, что Всевышний, внушивший вам основания веры и истинной религии, которые вы выказываете при всяком случае и которые

составляют мое величайшее счастье, будет руководить вами и сохранит над вами свое святое покровительство повсюду, где вы будете, и в любом положении, в каком вы окажетесь. Я присоединяю свои горячие молитвы к вашим, мой дорогой Павел. Пусть наш Спаситель Иисус Христос руководит вами, хранит вас и все более и более утверждает в основаниях веры и религии, которые посеяны в вашем сердце, добром и восприимчивом к этим чувствам, составляющим единственное истинное счастье во время нашего существования в этом мире и уготовляющим нам даже после кончины вечное счастье. На этом я прижимаю вас к сердцу и снова благословляю от глубины души!!!

Поскольку я надеюсь видеть вас *здесь* в течение следующего месяца, не стану говорить о том, что нужно будет устроить перед вашим отъездом для путешествия и жизни в Молдавии. Однако в случае (от чего сохрани Бог), если вы окажетесь обязаны ехать прямо из Митавы, не заезжая сюда, скажите мне откровенно о том, в чем вы нуждаетесь и каковы ваши соображения на этот счет.

Я посылаю вам с этой же почтой *500 руб.*, уже передав, по вашему письму от 30-го числа сего месяца, такую же сумму Никите[2], что составляет *тысячу рублей*, следующих вам за треть.

Ваше письмо от 3-го числа всем нам доставило большое удовольствие. Мы как раз собрались в гостиной, когда я его получил и прочел вслух. Все были тронуты его содержанием, а добрая Софья была в слезах. Потом она просила меня подарить ей это письмо и тут же придумала также вам написать[3]. То, что вы говорите там о Религии, было бальзамом для отцовского сердца, и я горячо возблагодарил Бога. Да укрепит он вас еще более в этих спасительных принципах!!!

Воло весьма благополучен, но я думаю, что он имел бы более уверенности развивать далее свои добрые намерения, если бы постоянно находился с вами и под вашим руководством. Петерб[ург] и здешние молодые люди являются настоящим ядом для неокрепшего еще сердца, принципы которого не вполне утвердились. Быть может, возникнет благоприятная возможность осуществить план, который давно уже (как вы знаете) занимает меня – услать Воло прочь из Петербурга, чтобы он каким-то образом вынужден был заняться своей будущностью и мог бы в этом продвинуться.

По всему, что вы нам говорите о мад[ам] де Крюденер[4], надо полагать, что она имеет добрые основания Религии, но ее голова, которая во все времена была экзальтирована, делает ее экстравагантной, и оттого она почитает себя за избранную провидением, в этом отношении она достойна сожаления. Мне было бы весьма любопытно поговорить с ней, и я бы отправился к ней, если бы существовала возможность ее увидеть. Я бы желал, чтобы вы воспользовались ее предложением писать ей. Я уверен, что ваша переписка могла бы быть интересной. Если вы сделаете это, или если вы ее увидите, передайте ей поклоны от меня и выражения дружеских чувств от вашей матушки.

Сегодня 2 старших сына гр[афа] вашего начальника придут к нам обедать. Быть может, они еще не знают о назначении своего отца.

У меня нет печати с моим гербом, только с гербом и плевком, – но я заказал одну для вас и пришлю ее, как только она будет закончена, пока же вот одна, фантазийная с одной стороны и с вашей фамилией с другой.

Я заканчиваю письмо, потому что мне мешают продолжать. Прощайте, дорогой Павел, благословляю вас и обнимаю от всего сердца. П.

P.S. Два старших гр[афа] Витгенштейна обедали у нас и только что ушли. Только у нас они узнали о назначении своего отца. Указ об этом уже отдан Сенату, подписан 3 мая в Одессе.

T.S.V.P.*

* Сокращенное по первым буквам «Tournez s'il vous plait» («Переверните пожалуйста», франц.), помета отсылает к обороту листа, где сделана приписка Е.И. Пестель.

Приписка Е.И. Пестель:

Надо, чтобы и я вам сказала, мой добрый друг, что я все еще взволнована новостью, о которой говорит вам батюшка, и что радость от уверенности видеть вас этим летом в течение нескольких недель рассеивается перед опасением разлуки на несколько лет, когда вы будете в Молдавии, в этом блаженном Тульчине, который в 1576 верстах от Петербурга!

Пока же, до момента, когда вы окончательно распрощаетесь с Митавой, я полагаю, что вы будете все еще в разъездах с Рихтером, и мы, вероятно, будем не очень регулярно получать известия от вас. Пишите нам все же как можно чаще: это верно, что письма служат величайшим утешением в разлуке. Мы обедали сегодня очень поздно, потом батюшка писал, а поскольку мы идем вечером к гр[афине] Миних[5], куда следует приходить вовремя, у меня остается лишь минута, чтобы сказать вам, как я вас люблю и что благословляю вас от глубины души.

Со следующим курьером я напишу графине, которую покамест прошу вас заверить в моих дружеских чувствах.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 49–51 об.

---

[1] И.Б. Пестель и Е.И. Пестель полагали, что штаб-квартира 2-й армии Тульчин расположен в Молдавии.

[2] Никита – слуга Пестелей.

[3] Письмо Софьи Пестель: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 54–54 об.

[4] Крюденер (Криденер, Krüdener) де, Варвара-Юлиана (1764–1824), баронесса, урожденная фон Фитингоф, известная писательница и проповедница мистицизма, родилась в Риге, куда возвращалась несколько раз после многолетнего пребывания в Париже и других европейских городах, где ее проповеди вызывали недовольство властей. В мае 1818 приехала в Ригу. В 1821–1822 находилась в Петербурге, в мае 1822 ей было предписано покинуть столицу и жить в своем лифляндском поместье.

[5] Возможно, графиня Миних Анна Андреевна, урожденная Ефимовская, тайная советница (1751–1824), в 1822 проживала в Петербурге во 2-й Адмиралтейской части; или графиня Миних Екатерина Христофоровна (1787–1822), девица.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*Ст.-Петерб[ург], 18 мая 1818**

Я буду отвечать вам, мой дорогой Павел, на ваше письмо от 10-го числа сего месяца, пришедшее вчера. То, что вы мне говорите относительно нового ген[ерал]-губер[натора], более чем вероятно, хотя я ничего не слыхал касательно *Ка[н]крина*[1]. Судя по ходу нашего дела, кажется, что наверху давно решено, что я не буду более ген[ерал]-губер[натором]. Что будут ген[ерал]-губер[наторы] нового образца, и на эти места назначат военных. Я возблагодарю провидение, если отделаюсь от Сибири почетным образом и с куском хлеба, пусть скромным, но по крайней мере приличествующим. Об этом я обращаюсь с горячими молитвами ко Всевышнему, и поскольку никогда, ни в каких важных случаях моей жизни благой Бог не оставлял меня, я надеюсь, что все его повеления будут к моему благу и ко благу моих ближних. Впрочем, я хотел бы думать, что е[го] в[еличество] имп[ератор] увидит по делам, как были несправедливы на мой счет, и что его решение будет справедливо, вот все, о чем я прошу. Тогда меня не смогут отослать обидным образом.

---

* В верхнем правом углу листа прочитывается густо вымаранная помета «получено» рукой П.И. Пестеля.

Сейчас я работаю над окончанием дел, которые были на меня навалены по злому умыслу моих врагов, которые суть (говорю с добрым намерением и без гнева) враги порядка и пользы службы. Если милостью Божьей я доведу их до конца, то буду ожидать решения моей судьбы с признательностью и храбростью, каковые должно иметь истинному христианину, которого поддерживают вера и доверие ко Всевышнему!!!

Канкрин сейчас здесь, как и его жена (приехавшая повидать нас и принести извинения, что муж еще к нам не являлся). Они пробудут до конца этого месяца, а потом он вернется на свое место в 1-ю армию. Он приехал сюда закончить счета с прусским мин[истерством] за последнюю войну. Ради этого он был сюда призван. Признаюсь вам, что сомневаюсь, что ему предложено *мое место*, впрочем, коли так, я предпочел бы, чтобы заменил меня *он*, а не Глазенап[2]. По крайней мере, я буду иметь дело с человеком с головой, действующим *самостоятельно*, а не под воздействием окружения, как Глазенап. Заканчиваю эту тему, говоря *да будет воля Божья*.

Что касается деревни, я уже принял нужные меры, на следующий день после того как мы об этом с вами говорили, – и со дня на день жду ответа Альбединского[3]. Будьте уверены, что я устрою это дело, как мы условились.

Матушка вас обнимает и просит передать прилагаемое графине Витгенштейн.

Погода у нас очень холодная, каждую ночь бывает от 2 до 5 градусов холода. Днем идет дождь, но мало, в целом лето пройдет так, что мы не сможем им воспользоваться, разве что хорошая осень нас вознаградит, но это жалкое вознаграждение, ибо дни будут уже уменьшаться, а вечера холодные.

Ожидают приезда е[го] в[еличества] имп[ератора] к 1-му июня в Москву, к 20-му сюда[4]. Говорят, что вел[икий] князь Константин также приедет на маневры в Петербург. Я надеюсь, что вы тоже приедете.

Прощайте, дорогой Павел. Благослови вас Бог и будь он вашим руководителем везде и во всем. Обнимаю вас нежно. Софья также, и ждет вашего ответа на свое письмо с нетерпением. Весь ваш.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 55–56 об.

---

[1] Канкрин Егор Францевич (1774–1845), в 1812 генерал-интендант 1-й западной армии, в 1813 генерал-интендант объединенной действующей армии, в 1815 вел переговоры с правительствами союзников и Франции о возмещении расходов по содержанию русской армии и выплате контрибуции, в 1815–1820 генерал-интендант 1-й армии, штаб-квартира которой находилась в Могилеве. Впоследствии министр финансов (с 1823). Его жена (с 1816) Екатерина Захаровна Муравьева (1795–1849), сестра декабриста А.З. Муравьева.

[2] Глазенап Григорий Иванович (1750 – 10 марта 1819), генерал-майор с 1799, генерал-лейтенант с 1816, участник русско-турецких войн 1769–1774, 1787–1791, русско-персидской войны 1803–1813 и кампании 1803–1806 на Кавказе. С 1803 инспектор кавалерии на Кавказе, с 1805 управляющий Кавказским краем. С 1807 инспектор войск Сибирской линии и начальник войск в Сибири, с 1815 командир Отдельного Сибирского корпуса. Враждовал с И.Б. Пестелем.

[3] Вероятно, Альбединский (Альбедильский, Альбедиль) Петр Романович, обер-гофмейстер, из числа лиц, близких к императрице Марии Федоровне, состоял при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах, с 1816 генерал-майор, с 1817 управляющий гоф-интендантской конторой (атрибутирован на основании упоминания в письме Е.И. Пестель от 21 августа 1825 его невестки, урожденной Багратион). Альбединский был впоследствии соседом Пестелей по смоленскому имению и, судя по упоминанию в письме Е.И. Пестель от 31 июля 1823 (см.), послужил посредником при покупке Пестелями деревни Васильево.

[4] Александр I в феврале 1818 уехал в Варшаву на открытие сейма, на обратном пути совершил путешествие по южным губерниям России и приехал в Москву 1 июня. В Москве он встретился с прибывшим туда прусским королем, к 19 июня двор и оба монарха вернулись в Царское Село, 4 июля был совершен торжественный въезд в Петербург. В конце августа Александр I отправился на Аахенский конгресс.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 22 мая 1818

После вашего письма от 10-го числа сего месяца мы от вас ничего не получали. Я с нетерпением жду, что вы мне скажете о перемещении графа вашего генерала и приедете ли вы сюда с ним в следующем месяце. Я очень бы этого желал по многим соображениям, а в особенности, чтобы обнять вас прежде, чем вы нас покинете и уедете далеко и на неопределенное время. Вот экземпляр указа, данного Сенату относительно нового назначения графа.

В моем положении все еще никаких изменений, по крайней мере мне об этом неизвестно, и дела мои все в том же нерешительном положении, в ожидании розысков, которые (*я сам*) я велел сделать на месте и которые будут представлены в Комитет Мин[истров], а им – е[го] имп[ераторскому] в[еличеству]. Моя совесть вполне чиста – стало быть, вполне спокойна. Мое доверие ко Всевышнему безгранично. Я имею столько доказательств его бесконечной доброты ко мне, что был бы достоин осуждения, если бы не предоставил ему мою судьбу, делая со своей стороны все, что рассудок и долг предписывают.

Сообщу вам нечто, что доставит вам удовольствие *как русскому* – никто не усомнится, что вы им всем сердцем являетесь. Г[осподи]н Шишков[1] (президент Российской академии, стало быть тот, в чьих обязанностях чистота русского языка от иностранных слов), – г[осподи]н Шишков сказал мне, что один русский крестьянин научил его настоящему русскому слову (которого он не мог отыскать), выражающему слово *капитал*, по-немецки также Kapital. Крестьянин говорил с ним о деньгах, которые отдал под проценты: **«Я деньги отдал в рост. Но мне не только не платят ростовых денег, но и *истенника* не отдают»**. Это слово ***истенник*** в совершенстве выражает смысл слова *капитал*. Вот русская нация!!

Матушка вас обнимает. Она занята приготовлениями к переезду в деревню, и ей весьма мешает, что починка и прочие перемены в *Доре* еще не закончены. Ваши братья и Софья вас обнимают, последняя всякий день спрашивает, не прибыла ли почта из Митавы и нет ли от вас письма.

Кутайсовы[2] сняли на лето деревню напротив нашей, ту, что занимал кн[язь] Юсупов[3], и сегодня они туда уже переехали, несмотря на скверную погоду. Графиня чувствует себя много лучше; несмотря на это, для нее безумие перебираться в дом, столь мало защищающий от холода, прежде чем лето установилось.

Прощайте, мой добрый друг, нежно вас обнимаю и благословляю так же.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 57–58 об.

---

[1] Шишков Александр Семенович (1754–1841), вице-адмирал, в 1812–1814 государственный секретарь, состоял при Александре I, с 1813 президент Императорской Российской академии, с 1814 член Государственного совета, заседал в Департаменте законов, с марта 1818 председатель Сибирского комитета. В 1824 адмирал, министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий. В 1826 член Верховного уголовного суда по делу декабристов. Литератор, глава направления архаистов, занимался филологическими изысканиями, доказывал тождество русского и церковнославянского языков, призывал к очищению «славянорусского» языка от иностранных заимствований.

[2] Кутайсовы – вероятно, семья Павла Ивановича Кутайсова (1780–1840), гофмейстера, сенатора, председателя Общества поощрения художников, женатого на Прасковье Петровне Лопухиной (1784–1870). По-видимому, Кутайсовы квартировали тогда в Петербурге в одном доме с Пестелями (см. письмо И.Б. Пестеля от 1 июня 1818).

[3] Юсупов Николай Борисович (1750–1831), кн., дипломат, сенатор, коллекционер, в 1796–1802 заведующий Эрмитажем и придворным театром.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 мая 1818

Лишь позавчера, мой дорогой Павел, я получил вечером ваше письмо от 18-го числа сего месяца, так что смогу исполнить поручение графа вашего начальника только завтра днем; все сведения, какие я мог добыть относительно переговоров, которые имел гр[аф] Беннигсен, находятся в прилагаемой бумаге, вы можете передать ее графу. Я предполагаю также получить сведения в Финансовом деп[артементе] и сообщить вам результат с субботней почтой. Я думаю, что граф (ваш начальник) сделал большую ошибку, не описав е[го] в[еличеству] импе[ратору] своего положения, своих денежных средств и вообще домашних дел и не попросив средств существовать приличным образом со всей семьей. Все это должно быть сделано прежде, чем приступать к должности, и я уверен, что он получит все, чего попросит.

После смерти кн[язя] Барклая неизвестно, кто его заменит[1], мнения очень различные. Одни полагают, что это будет граф, другие – что Сакен и пр. и пр. На место графа шефом 1-го корпуса прочат кн[язя] Голицына Дмитрия Волод[имировича][2] (генерала от кавалерии), но все это основано лишь на неосновательных слухах. Я не знаю, что почетнее – командовать 1-й или 2-й армией, так что не могу судить, чего должен желать граф. Мне кажется, что со 2-й армией проще управляться, ибо там меньше любимчиков и избалованных. Потом, в случае разрыва с турками вторая армия будет первой в деле, тогда граф как старший окажется верховным начальником двух армий.

Я искренне разделяю ваше, мой дорогой Павел, огорчение, что вы должны будете отдалиться от нас, к тому же на неопределенное время. Мое сердце обливается кровью, но если на то воля Божья, надо покориться в твердой уверенности, что все, *что он* повелит, то к лучшему. Я сам имел тому столько доказательств, что не имею более никаких сомнений. Положимся на его святую волю и помолимся о ниспослании милости исполнить наш долг наиточнейшим образом и в полном соответствии с принципами истинного христианина.

Если даже свидание имп[ератора] с графом будет назначено в Москве, граф согласится, чтобы вы приехали хотя бы на восемь дней повидать нас и уладить ваши дела, чтобы затем явиться к месту назначения. Попросите об этом, мой добрый друг. Благой Бог, так часто исполнявший мои молитвы, поможет мне также достать вам, с чем совершить путешествие и существовать на новом месте. Кстати, было бы очень плохо покинуть графа сейчас, когда он имеет более возможностей быть вам полезным, ваша карьера сделается заметнее и у вас будет больше возможностей отличиться.

Я надеюсь в течение этого лета закончить свои неприятные дела, и осмелюсь сказать, обидные. Я уже получил из Иркутска оправдание губ[ернатора][3]. А поскольку оно пришло, пока я писал это письмо, мне будет что читать весь день, ибо это огромное множество бумаг, мне присланных. Да соблаговолит Бог расположить головы и сердца тех, кто будет судить эти бумаги, к справедливости, только этого прошу я у Бога, ибо сами по себе дела несомненно справедливы. Все, что со мной происходит, я рассматриваю как испытание, посланное провидением, которое принесло мне ощутимую пользу в отношении религиозных принципов и веры.

Братья и Софья вас обнимают. Последняя была в восторге от вашего письма и хохотала, читая слово *щеголиха*. Сейчас она перечитывает ваше письмо, и трогательно видеть, какое удовольствие оно ей доставляет.

Прощайте, мой дорогой Павел. Я тороплюсь закончить и делаю это, обнимая вас от глубины сердца и благословляя так же. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 59–60 об.

[1] М.Б. Барклай де Толии умер 14 мая 1818. После окончания боевых действий в 1815 он занимал пост главнокомандующего 1-й армией, включавшей 2/3 всех полевых войск. На эту должность 8 июня 1818 был назначен барон Ф.В. Остен-Сакен.

[2] Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), кн., генерал от кавалерии, с 1814 командовал 1-й и 2-й гвардейскими пехотными дивизиями, с 1815 – также и гвардейской легкой кавалерийской дивизией. 17 июля 1818 назначен командующим 2-го пехотного корпуса, с января 1820 – московский военный генерал-губернатор.

[3] Иркутским губернатором в 1806–1819 был ставленик И.Б. Пестеля, пользовавшийся его полным доверием, Николай Иванович Трескин.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 июня 1818

Я наконец получил бумаги, которые останавливали разрешение моих неприятностей, и они настолько меня заняли, что есть лишь минута написать вам, дорогой Павел, и сообщить сведения, которые я обещал в последнем письме, вот они. Граф Беннигсен не имел другого оклада, кроме того, который я вам уже назвал; все ему выплачивалось в банковских билетах и ничего серебром, монетой. Покойный маршал кн[язь] Барклай получал 67 т[ысяч] руб. в банковских билетах, но это платилось из Кабинета по приказанию е[го] имп[ераторского] в[еличества], в котором говорилось, что эта сумма должна ему выплачиваться ежегодно на употребление, известное е[го] имп[ераторскому] в[еличеству], не спрашивая отчета у маршала. Таким образом, покойный мар[шал] получал то же содержание, какое имел в военное время и за границей, и никто из нынешних **главнокомандующих** не имеет права требовать такого же содержания, какое имел маршал. Это доказывает, что будет затруднительно увеличить однажды назначенное содержание, но это не должно помешать графу настаивать, как это делал и добился покойный мар[шал]. Я от всего сердца желаю ему счастливого успеха, в котором заранее уверен.

Если будет решено, что граф приедет сюда, надо предварить меня и известить, приедет ли также и графиня, и из скольких персон будет состоять вся свита, требующая размещения, как господ, так и слуг. В настоящее время комнаты матушки будут свободны, поскольку она переезжает на днях на Крестовский. Кроме того, помещение гр[афа] Кутайсова[1] под нами также пока пустует сейчас, ибо он съехал, я спрошу о нем моего доброго **Межуева**[2], на случай если граф и графиня приедут вместе. Я буду ждать от вас обо всем этом сведений, которые прошу вас мне дать, переговорив с графом и графиней.

Матушка вас обнимает. Она на Крестовском с Борисом, Воло, Алексом, Софьей и Кат[ериной] Д[митриевной], я намереваюсь ехать туда обедать, ибо мы все обедаем у гр[афини] Миних.

Бумаги, которые я получил из Сибири, из Томска и из Иркутска, таковы, что нужно быть одержимым дьяволом, чтобы не увидеть, какую непростительную ошибку сделали с этими двумя губер[наторами], которые несомненно лучшие, как в отношении честности, так и по ревности к службе, из существующих в России.

Прощайте, дорогой Павел. Я тороплюсь и заканчиваю, обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 61–62.

[1] По-видимому, гр. Кутайсов Павел Иванович, позднее (в 1822) проживал в 1-й Адмиралтейской части в собственном доме на углу Б. Миллионной и Дворцовой набережной.

[2] Мижуев (Межуев) Корнилий Евтихиевич (1753–1827), коммерции советник, петербургский первостатейный купец, домовладелец.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 5 июня 1818

Как только я запечатал прилагаемое матушкино письмо к вам, дорогой Павел, как получил новые сведения, что сверх фиксированной суммы, о которой я вам сообщил, которую получал начальник 2-й армии, ему еще назначается сумма на экстраординарные расходы *в пятьдесят тысяч рублей в год*, о которой он отчитывается только мин[истру] финансов, на текущий год эта сумма уже ассигнована в генеральной ***смете*** расходов Военного мин[истерства]. Радуюсь, что вскоре вас увижу и нежно вас обнимаю. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 63

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 5 августа 1818

Ваш отъезд, дорогой Павел, огорчил меня намного больше, чем вы можете себе представить. Но, поскольку я во всем полагаюсь на волю Божью, я утешаю себя глубокой уверенностью, что все, что делает провидение, то к лучшему. Быть может, нужно, чтобы мы снова были разлучены и вы оказались бы среди чужих. Быть может, это нужно и даже полезно. Несмотря на это, я не могу удержать себя от огорчения от этой новой разлуки, а больше всего меня огорчает неизвестность, на какой срок мы разлучены. Мои молитвы за ваше благополучие и благословения всюду с вами. На этом я вас нежно обнимаю!!!

С позавчерашнего вечера я чувствую стеснение во всем теле, а сегодня остался в городе, чтобы принять лекарства, которые Шибаль (по случаю отсутствия Герцога)[1] мне прописал. Это просто простуда, и я надеюсь завтра от нее избавиться и вернуться на Крестовский. Все наши, весьма нежно вас любящие и живо о вас жалеющие, здоровы. Вчера на променаде Крестовского была большая толпа гуляющих и экипажей, больше, чем бывало все лето. Георгий[2] провел вчерашний и позавчерашний день у нас. Вчера вечером я отвез его в пансион. Если будете говорить об этом его родителям, скажите, что он вел себя безупречно и что чем более я его наблюдаю, тем более вижу, что у него превосходное сердце, которым весьма легко руководить, и что при небольшом надзоре он может стать превосходным человеком. Он сам говорит, что младший сын Биля[3] [Biel] дает ему дурной пример, и мне кажется, что Биль-отец недостаточно деликатно обращается с Георгием, поскольку действует руганью, тогда как из него можно сделать что угодно мягкостью. Я намереваюсь брать его каждую субботу к нам. Посмотрите, мой друг, подойдет ли это родителям, и в таком случае следовало бы предварить об этом Биля или Годениуса[4]. Я совершенно уверен, что пребывание Георгия в нашем доме принесет ему большую пользу. Он бесконечно привязан к матушке, и она из него делает что хочет.

Гр[афиня] Кочубей прислала мне маленькие золотые часы с цепочкой, которые бабушка послала через нее Софье[5]. К ним еще приложено письмо для матушки, которое графиня обещала доставить, как только отыщет его среди своих бумаг, которые она еще не имела времени разобрать. Все продолжают прочить гр[фа] Кочубея на место мин[истра] полиции[6], но в то же время уверяют, что он отказывается его принять. Однако надо полагать, что это вскоре решится. В остальном пока никаких перемен, из тех что были обещаны и порешены петерб[ургской] публикой.

Сообщайте нам, дорогой Павел, известия о себе как сможете чаще, мы (матушка и я) будем писать вам регулярно каждые две недели, а прилагаемую газету я буду высылать с каждой почтой, т. е. еженедельно.

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 64–65.

[1] Шибаль (Schiebal), Герцог (Hertzog) – петербургские врачи. Шибаль (Шибель) Константин Иванович, в 1822 – коллежский советник, практикующий врач, проживал в Петербурге в 1-й Адмиралтейской части, на Мойке, в доме надворной советницы Елены Шибель. Известен Герцог Федор Иванович (ок.1785–1853), доктор медицины и хирургии, в 1818 устроил в Москве психиатрическую больницу, существовавшую до 1825. В 1826–1832 присутствующий при Московской медицинской конторе, в 1832 назначен старшим врачом в больницу Всех Скорбящих в Петербурге. Член Медицинского совета МВД, автор нескольких трудов по психиатрии. Родоначальник медицинской династии. Неясно, работал ли он в описываемые годы в Петербурге, или в письме речь идет о другом враче.

[2] Георгий Витгенштейн (1807–1857), сын П.Х. Витгенштейна.

[3] Биль (Biel) – вероятно, воспитатель в пансионе Годениуса.

[4] Частный мужской пансион Годениуса находился близ Литейного двора по Воскресенской улице.

[5] Кочубей Мария Васильевна (1779–1844), гр., урожденная Васильчикова, жена гр. В.П. Кочубея. В 1816–1817 Кочубеи жили за границей. Бабушка – А. фон Крок, жившая тогда в Дрездене, где, очевидно, Кочубеи с ней виделись.

[6] В.П. Кочубей был назначен управляющим Министерством внутренних дел в ноябре 1819 после объединения Министерства внутренних дел с Министерством полиции. Аналогичные слухи см. в переписке братьев Булгаковых. 11 августа 1818 А.Я. Булгаков писал из Петербурга: «Нет сомнения, что министерства полиции и внутренних дел будут соединены; но еще неверно, что Кочубей будет оными заведовать» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. М.: «Захаров», 2010. С. 537).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 22 августа 1818

Будучи бесконечно занят сегодня и не имея возможности писать вам, дорогой Павел, как бы я того желал, я попросил матушку сделать это и сообщить вам те подробности, которые могут вас интересовать. Я же прозябаю все еще в той же неопределенности, как и при вас. Пока никаких перемен. Е[го] в[еличество] имп[ератор] делает* большой парад 26-го числа сего месяца. После которого будет большой военный обед. Потом он поедет в Павловск, а ночью с 26-го на 27-е е[го] в[еличество] из Царского Села отправится в дорогу[1]. Возвращение будет иметь место к январю месяцу, т. е. к концу года.

Матушка только что вошла и поручает мне просить вас посмотреть, нет ли среди ваших вещей кальсон Александра и полотенец Григория (камердинера Воло), полагают, что ваш Илья увез их по ошибке.

Да благословит вас Бог и да руководит Он вами. Я вас нежно обнимаю. П.

P.S. Что вы делаете в деле Случевского! Верите ли вы, что он может получить место, которые вы ему прочите!

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 66–66 об.

[1] Александр I отправился на Аахенский конгресс Священного союза, проходивший с 30 сентября по 21 ноября 1818.

* В тексте было написано и зачеркнуто слово «сделает» (fera), никакого другого глагола на его место И.Б. Пестель не поставил.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 августа 1818

Посылая вам газеты, спешу, мой дорогой Павел, сообщить некоторые здешние новости. Граф ваш генерал, как и граф Сакен, назначены членами Государственного Совета[1]. Кажется, что е[го] в[еличество] имп[ератор] нашел приличным, чтобы **главнокомандующие** были также членами Государственного Совета. Сделайте дружбу передать мои поздравления господину графу и выразить мое почтение госпоже графине.

Также вышел указ о наборе рекрутов со всей империи из 500 *двоих*. **Военные поселения** и дистрикты, в которых они расположены, вследствие того составляют исключение.

Уже с некоторых пор Марченко впал в немилость у гр[афа] Аракчеева[2], и хотя он говорит, что не знает причины тому, я не могу себе представить, чтобы она не была серьезной, и что граф постиг этого человека, и что какая-то протекция, оказанная по его обыкновению, не заставила его утратить доверие. Перед отъездом е[го] в[еличество] имп[ератор] подписал указ, что Марченко сдает дела по Комитету Мин[истров] старшему после себя, каковым является нынешний государственный сов[етник] Колосов[3], а Марченко будет государственным секретарем для гражданских дел в Департаменте Совета по этим делам. И вот он под началом госп[одина] Оленина[4] и удаленный от всякой прямой работы с имп[ератором]. Это происшествие меня вовсе не удивляет.

Имп[ератор] уехал на конгресс поздним утром 27-го числа из Царского Села. Имп[ератрица]-мать 28-го, и имп[ератрица] Елизавета 29-го. Вот все здешние новости.

Мы все чувствуем себя очень хорошо. Ваша матушка поехала с Софьей в Царское Село вчера утром и вернется только завтра.

Прощайте, дорогой друг, обнимаю вас, как и люблю, от всего сердца.

Весь ваш

P.S. После вашего отъезда я более не видал ни кн[язя] Трубецкого, ни Новикова[5].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 67–67 об.

---

[1] П.Х. Витгенштейн был назначен членом Государственного совета 26 августа 1818, Ф.В. Остен-Сакен стал членом Государственного совета после назначения командующим 1-й армией 8 июня 1818 г.

[2] По воспоминаниям В.Р. Марченко, недоброжелательство к нему А.А. Аракчеева, недовольного приближением Марченко к Александру I, явно проявилось с переводом Марченко в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. Указ о назначении Марченко статс-секретарем этого департамента появился 26 августа 1818 (Марченко В.Р. Автобиографическая записка // Аракчеев: свидетельства современников / сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 81). Ср. в письме А.Я. Булгакова брату К.Я. Булгакову от 12 августа 1818: «Марченко поссорился с Аракчеевым, явно государю на Тормасова наговорил что-то, и государь так был сердит, что хотел его отставить, но удержался» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. М.: «Захаров», 2010. С. 540).

[3] Колосов Иван Петрович (1775–1819), с сентября 1818 управляющий канцелярией Комитета министров.

[4] Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), с января 1810 тайный советник, статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, с 1811 директор Императорской Публичной библиотеки, с августа 1814 исполняющий должность государственного секретаря, с 1817 президент Академии Художеств, с 26 августа 1818 статс-секретарь Департамента законов Государственного совета с оставлением в прежних должностях.

[5] Князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), участник наполеоновских войн, с 1816 штабс-капитан л.-гв. Семеновского полка, в 1819 капитан, старший адъютант Главного штаба, декабрист, член Коренного совета Союза Благоденствия, затем один из руководителей Северного общества. Новиков Михаил Николаевич (1777–1824), участник заграничных походов

1813–1814 гг., с августа 1816 – чиновник канцелярии малороссийского генерал-губернатора кн. Н.Г. Репнина-Волконского в Полтаве, с 1820 в отставке. Член Союза спасения, основатель масонской ложи в Полтаве, которую пытался превратить в управу Союза благоденствия.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 20 сент[ября] 1818

С большим удовольствием получили мы ваше последнее письмо из Тульчина от 6-го числа сего месяца. Благодаря Бога, вы наконец прибыли, но что вовсе не приятно, это что вы должны были тут же снова пуститься в дорогу. Я знаю, что эти длительные путешествия должны наконец прискучить. Я понимаю это лучше других, ибо никто не может питать отвращение к путешествиям более меня, имея в виду, что я их совершал только по России, где они самые неприятные какие можно вообразить, нигде не сыщешь ничего, что могло бы сделать их сносными. Несмотря на все это, я думаю, что ваши путешествия будут вам полезны, поскольку вы узнаете интересные места – я полагаю, что в этот раз вы увидите Одессу, этот город, столь интересный во многих отношениях.

То, что вы говорите о ваших отношениях с различными партиями, имеющимися в вашей армии, несомненно трудно, но следуя плану, который вы себе наметили, вы наконец окажетесь в хорошем положении, снискав уважение всех партий, как раз потому, что не принадлежали ни к одной. Я всем сердцем желаю, чтобы вам это удалось, хотя, зная живость вашего характера, я думаю, что вам будет весьма трудно следовать своему плану. Часто будут случаться исключения, в которых вы время от времени будете раскаиваться. Дай Бог, чтобы разнообразные положения, в которых вы будете оказываться во время службы, послужили вам уроками на будущее, когда вы сами станете начальником!!! Я ничуть не сомневаюсь, что так случится, и в этом отношении нахожу, что опыт, который вы приобретете, приведет вас к знанию людей, а это знание чрезвычайно важно и необходимо.

Матушка вас обнимает. Она не имеет времени вам писать сегодня, поскольку только что переехала из деревни в город и настолько занята разными распоряжениями, что не имеет ни минуты досуга.

Поскольку я абонирован на Сенатскую газ[ету] и на «**Сын Отечества**», я буду отсылать их вам после прочтения, и начинаю с посылки сегодня двух номеров газеты и журнала.

Все у нас здоровы и шлют вам выражения дружбы. В том числе Зейдель. Он отложил свое путешествие в Германию на будущую весну. Его дело с евреем закончено. Еврей освобожден. Мин[истр] полиции сообщил подробности *всем губернаторам в России*, чтобы предупредить подобные злоупотребления, а Зейдель получил *2000 руб.* за то, что кормил еврея!!! Он продолжает надеяться, что этим не ограничится, ибо ему *обещано* по возвращении имп[ератора] сделать для него *что-нибудь*. Вы видите, что перспектива блистательная!!!

Мне нечего рассказать вам интересного. Все идет обыкновенным образом. Прощайте, дорогой Павел, благословляю вас и обнимаю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 68–69 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 3 октября 1818

Хотя я не имею ничего интересного вам сообщить, дорогой Павел, сажусь писать, чтобы дать вам известие о нас. Все у нас здоровы, благодаря Богу, и даже Александр, который имел четыре дня сильную лихорадку, от нее избавился, но чувствует еще не-

которую слабость. Матушка, которая нежно вас обнимает, также чувствует себя лучше и уже несколько дней выходит делать визиты, чего она еще не делала с тех пор, как вернулась в город. Мои дела все в том же состоянии нерешительности и неуверенности. Это останется так же вплоть до возвращения имп[ератора]. Дай Бог, чтобы это хорошо закончилось и чтобы я освободился от должности в Сибири. Пока я ей занимаюсь, нет надежды, что я смогу жить спокойно. Это край, где собраны величайшие плуты в империи. Так что возможно ли, чтобы они были довольны и оставили в покое честных людей, не позволяющих им обворовывать людей. Но не будем говорить об этом, это материя настолько избитая, что не стоит труда о ней говорить!!!

Дело Воло также подвешено, поскольку судьи еще не утверждены имп[ератором][1]. Я надеюсь, что это дело не будет иметь больших последствий ни для кого.

Случевский писал вам с фельдъегерем, которых отправляют к вам раз в каждый месяц. Я же отсылаю вам письма, газ[еты] и журналы еженедельно, мы с матушкой пишем вам поочередно. На сегодня моя очередь, и я с удовольствием ею пользуюсь.

Старший сын Трескина приехал сюда, и отец доверил его моим заботам. Новая ответственность, налагаемая на меня дружбой. Этот молодой человек, кажется, имеет хорошую голову и особенно много характера. Я недостаточно еще его знаю, чтобы хорошо судить. Ему 19 лет и он вовсе не знал света, тем не менее я вижу, что он много наблюдал и увидел за два года, которые провел в Москве в домах дяди и деда. Первый в чине коллежского сов[етника], другой сенатор в одном из московских деп[артаментов][2].

Простите, мой дорогой, что не присылаю положенной вам трети. Я сделаю все возможное, чтобы не замедлить доставить ее вам, воспользовавшись для этого отъездом фельдъегеря.

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас нежно и благословляю также. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 70–71.

---

[1] Дело, грозившее судом В.И. Пестелю, затрагивало и полкового командира кавалергардов В.И. Каблукова (см. письмо И.Б. Пестеля от 28 февраля 1819); возможно, речь идет о скандале и разбирательстве, последовавшем за свадьбой штабс-ротмистра Кавалергардского полка барона Е.(Г.)К. Арпс-Гофена, вступившего в брак с женой отставного гвардейского полковника Путятина Александрой Петровной Демидовой. Арпс-Гофен за это в 1817 был отдан под суд, свидетелем на свадьбе был В.И. Пестель.

[2] Тестем Н.И. Трескина и дедом его сына был Федор Петрович Ключарев (1754, 1751 или 1755 – 1822), масон, друг Н.И. Новикова, в 1795 служил в Московском почтамте, затем Астраханской губернской почтовой конторе, в 1801–1812 московский почт-директор, действительный статский советник, с 1816 – тайный советник, сенатор 2 отделения 6 департамента Сената. Поэт, драматург, член Императорского общества испытателей природы при Московском университете. Его сыновья Ключарев Иван Федорович (1792 или 1789 – не ранее 1841), в 1819–1824 коллежский советник, экспедитор Московского почтамта; Ключарев Андрей Федорович (р. 1783), в 1806–1822 – коллежский асессор, в 1821–1827 – чиновник для особых поручений при Московском генерал-губернаторе кн. Д.В. Голицыне. Вероятно, в письме имеется в виду И.Ф. Ключарев.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 26 октября 1818

Я начинаю беспокоиться, мой дорогой Павел, оставаясь столь долго безо всяких новостей от вас. Ваше последнее письмо, дошедшее до нас, было от 6 сент[ября], накануне вашего отъезда из Тульчина. Я не могу вообразить, чтобы вы так долго не извещали нас о себе и полагаю, что ваши письма стали жертвой неаккуратности почты, как

случается со многими другими. Дай Бог, чтобы вы были все время здоровы и довольны своим путешествием и совершенно счастливы. Таковым можно и должно быть, даже не имея вещей, которые свет находит необходимыми для счастья, но для этого нужно быть истинным христианином. Я надеюсь, что вы им однажды станете, поскольку видел с большим, большим удовольствием эти ростки в вашем сердце, от природы добром, честном и благородном. Благодаря Бога, я часто имею в душе это чувство счастья, несмотря на то, что у меня нет почти ничего, нужного для счастья в этом мире. В настоящий момент Ком[итет] Мин[истров] занимается делами, которые вы знаете. Пока нет никакого решения, по крайней мере, я о нем не знаю, но уверен, что мои враги делают все от них зависящее, чтобы доставить мне огорчение. Ах! Я им прощаю и желал бы сделать им столько же добра, сколько они мне делают зла, и даже сколько они желали бы сделать, ибо я совершенно уверен, что провидение не позволит им сделать мне столько, как они желают.

Дело Воло также движется. Он приготовил бумаги, которые еще не представил, и его оправдание просто, благородно и одновременно справедливо.

Матушка вас обнимает. Она чувствует себя не слишком хорошо. Я приписываю это слишком частым выездам и позднему бодрствованию, к которому она не привыкла. Ваши братья и Софья делают так же, т. е. вас обнимают, – они здоровы. Александр уже представлен в офицеры, и бумага ушла к е[го] имп[ераторскому] в[еличеству], **Инспекторский депар[тамент]** послал ее утвержденной, чтобы подписать **приказ**.

Два дня тому два старшие графа Витгенштейна обедали у нас. Они не имеют известий от отца со времени отъезда из Тульчина. Последние новости от матери они получили с письмом от 16 сентября. Георгий у нас каждую субботу и остается до вечера воскресенья, когда возвращается в свой пансион. У нас его заставляют работать, чтобы приготовиться к понедельнику, и г[осподи]н Годениус находит, что он много больше прилежит к урокам с тех пор, как он не у Биля. Софья экзаменует его, когда он должен выучить что-либо наизусть, и так серьезно, будто бы Софье по меньшей мере лет на десять больше, чем Георгию. Она бесконечно образованней и взрослее него; в остальном это превосходный мальчик, очень послушный и податливый, но с невообразимым легкомыслием.

Катерина Дмитр[иевна] и мой брат Николай у нас сейчас, когда я вам пишу. Они поручили мне передать вам тысячу и тысячу приветствий и поклонов.

Я прижимаю вас к сердцу, нежно обнимаю и поручаю покровительству Всевышнего, да будет он вам руководителем, и благословляю вас.

Весь ваш

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 72–73.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 26 ноября 1818

Простите, дорогой Павел, что пишу вам так редко, уверяю вас, что у меня нету времени. Мои дела близятся к концу, и мне много нужно сделать. Комитет все изучил, вероятно, ничего не обнаружил и, вероятно, все решено – что на настоящий момент точно, это что по моей просьбе пошлют делать следствие в Иркутской губ[ернии], может быть, там найдется какой беспорядок, на счастье моих врагов. Несмотря на это, все останется без окончательного решения до прибытия имп[ератора], которое должно состояться не позднее 23-го числа будущего месяца.

То, что вы говорите о графе относительно вас и ваших товарищей, достойно него. Люди такого рода делают добро лишь тем, кто их о том попросит. Дайте ему почув-

ствовать его ошибку, и я уверен, что он захочет ее исправить. Нельзя ли этому быть сделану через ген[ерала] Рудзевича![1]

Матушка вас обнимает, ваши братья и Софья также. Матушка сильно страдала вчера от головных болей, сегодня ей лучше. Меня зовут, я не могу продолжать и весьма раздосадован этим. Прощайте, дорогой Павел. Благослови вас Бог и руководи вами.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 74–75.

[1] Рудзевич Александр Яковлевич (1776–1829), сын крымского татарина, крестник Екатерины II, участник польских кампаний 1792 и 1794, занимался топографическими съемками и составлением карт различных регионов России, участник боевых действий на Кавказе, в 1810 – генерал-майор, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., в 1813 – генерал-лейтенант. По окончании войны командовал 13-й пехотной дивизией, в 1816–1819 – начальник штаба 2-й армии (сменен П.Д. Киселевым), с февраля 1819 – командующий 7-м пехотным корпусом, в 1826 – генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1828–1829.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], *21* дек[абря] 1818

Если я редко пишу вам, мой дорогой Павел, это, конечно же, не значит, что я не думаю часто и постоянно о вас и что немного имею вам сказать, но, с одной стороны, я чрезвычайно занят, с другой, писать – не говорить. Нужны целые страницы, чтобы объяснить то, что я понимаю в двух словах. Итак, не вините меня, что пишу мало и не столь часто, как бы хотел. Мое положение все то же, в отношении нерешенности, и я имею лишь новые доказательства, что мои враги хотят причинить мне зло, насколько то будет в их власти, но власть эта зависит от государя, и его приезд решит мою судьбу. Тогда решится, сохраняю ли я мое место, или, как того желают, потеряю его незаслуженно, когда никакая уважительная причина на свете не ведет к тому. Я более года прошу, чтобы сделали расследование в губ[ерниях], вверенных моему руководству. Выбирают для этого лицо, но чтобы этот выбор был сделан не моими врагами, но е[го] имп[ераторским] в[еличеством]. Что еще я могу сделать, дабы доказать, что не имею ни малейшего намерения скрыть зло, если оно есть в Сибири. Я желал бы, чтобы прав[ительство] было уверено, что я никогда не желал скрыть, и того менее страдать от злоупотреблений в моем подчинении, и что если они имеются, они должны быть совершенно мне неизвестны, иначе бы я первый вывел их на свет, отдав всей строгости Закона. Как только это будет доказано (единственная милость, какую я прошу у Бога), я ни минуты не останусь более на своем месте сибирского ген[ерал]-губ[ернатора]. И довольно обо мне и моих делах. Мое здоровье оставляет желать, уже три дня как я чувствую такую боль в пятке правой ноги, что не могу шагу ступить и остаюсь в своей комнате, не имея возможности двинуться с места без помощи. Надеюсь, через некоторое время это пройдет.

Одолеваемый огорчением, я имел большую радость, что Александр стал офицером. Не имея ничего блистательного, кроме как будучи сыном старого слуги отечества, по моему состоянию, в возрасте 17 лет, *прапорщик в армейском полку*[1]. Не могу не признаться, что я этим весьма доволен. Дай Бог, чтобы он хорошо нес службу. Он хрупкого здоровья, и я предпочел бы, чтобы он служил по гражданской части, но боже упаси об этом подумать, он стал бы несчастнейшим из людей. Быть может, он узнает, чего стоит оружие и тогда переменит мнение. Хотя на этом свете одним из необходимейших для спокойствия качеств является *скромность*, но не из-за этого качества (которое я бы весьма хотел иметь) мне нечего более вам сказать нового, но в самом деле, полагаю, я все сказал.

Матушка, ваши братья и Софья обнимают вас, я также от всего сердца и благословляя вас от глубины души. Да благословит вас Всевышний и да руководит он вами в течение года, в который мы скоро вступим, дав вам здоровья и душевного спокойствия, покоящегося на основаниях христианской религии. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 76–77 об.

[1] А.И. Пестель в январе 1818 поступил подпрапорщиком в Перновский гренадерский полк, в июне 1818 переименованный в гренадерский наследника Прусского полк, командиром полка был С.П. Шипов, родственник Пестелей (сестра Шипова вышла замуж за Н.Н. Леонтьева, первым браком женатого на С.И. Крок, сестре Е.И. Пестель). 8 ноября 1818 А.И. Пестель произведен в прапорщики.

1819

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 5 янв[аря] 1819

Пишу вам, мой добрый друг, сегодня, поскольку не знаю, буду ли в ближайшие дни иметь время из-за прибытия и отъезда сибирской почты, которые должны быть завтра и послезавтра, а это письмо я вам отошлю с графом Витгенштейном, о дне отъезда которого не знаю. Я хочу сообщить вам наши новости и поговорить о вещах, которые не доверяют почте, которая менее надежна, чем когда-либо. Комитет Мин[истров], изучив все дошедшие до него доносы, из коих лишь один был передан мне по приказу имп[ератора], на него я смог сделать опровержение. Остальные поступили в Ком[итет] Мин[истров] в отсутствии е[го] имп[ераторского] в[еличества], иначе бы он велел, вероятно, также передать их мне. Все эти бумаги, не имеющие общего смысла, исходящие от людей сосланных, приговоренных за преступления, сделали сенсацию в умах моих врагов, и осмелюсь сказать по совести, врагов всем благомыслящим. Но поскольку они в милости, то те, кто не был против меня, защищали слабо, и решение большинством голосов этого знатного Комитета было примерно в таких выражениях: «Хотя нет никаких доказательств ***злоупотребления***, но, возможно, что есть ***беспорядки***, которые надо тотчас же исправить, и которые, вероятно, *не произошли бы, если бы генерал-губернатор находился на своем месте в Сибири*, *итак*[*], надо назначить другого ген[ерал]-губер[натора] на мое место, надо безотлагательно послать сделать расследование на месте по всем пунктам доносов, пришедших в Ком[итет] Мин[истров]. Поскольку иркутский губер[натор] Трескин просит об отставке, надо ее ему дать и тотчас же назначить нового губер[натора] на его место, но Трескин должен оставаться в Иркутске до тех пор, пока новый ген[ерал]-губер[натор] не сочтет более ненужным его присутствие в Иркутске». Мнения сошлись на том, что новый ген[ерал]-губер[натор] должен в то же время иметь военного под своим началом. Кн[язь] Лопухин, кн[язь] Лобанов (мин[истр] юстиции)[1], Балашов[2] и м[аркиз] Траверсе[3] были того мнения, что было бы несправедливо отстранять настоящего ген[ерал]-губер[натора] от должности по доносам без доказательств и сделанным людьми, не заслуживающими доверия. Поскольку это замечательное решение доведено до моего сведения голосами публики, ибо весь Петерб[ург] о нем говорил, я решил написать письмо имп[ератору], копию его посылаю вам при сем, и прошу вас хранить его в величайшем секрете. Это письмо, будучи сам болен, я отослал к камердинеру имп[ератора] через Воло, и оно было пере-

[*] Слово подчеркнуто дважды.

дано 24-го числа прошлого месяца. С тех пор не знаю наверное, что происходит с моими бумагами. Публика разносит различные новости. 1-е, что Балашов будет послан проводить расследования и что имп[ератор] сам поедет в Сибирь, 2-е, что Канкрин меня заменит и что я сохраню должности члена Совета и сенатора, 3-е, что все бумаги, рассмотренные в Ком[итете] Мин[истров], были отосланы к ген[ералу] Глазенапу, чтобы *он сам* провел расследования на месте. И пр., и пр. Я совершенно не знаю, что из всего этого правда, но полагаю, что последний слух самый правдоподобный, поскольку Балашов здесь, и Ком[итет] Мин[истров] не принял никакого решения. Вот, мой добрый друг, чем обернулось на данный момент мое дело, или по крайней мере все, что я об этом знаю. Да исполнится воля Божья, мои совесть и вера (как христианина) говорят мне, что все обратится к лучшему. Сейчас я только отдаю себя на суд е[го] имп[ераторского] в[еличества], имея в виду мои письма к нему, и надеюсь, что последнее не окажется бесполезным.

6 янв[аря]. Продолжаю письмо сегодня, мой дорогой Павел, не зная, в какой день оно отправится, ибо графы Витгенштейны не приходили повидать меня и я не мог узнать день их отъезда. Тем временем я приготовил ящик чая для вас, колет и вышитые адъютантские отвороты, за которые заплатил *50 руб.*, и три портупеи из тисненой кожи с серебром, такие, как вы просили. Они стоят по *20 руб.*, все три *60 руб.* Газеты военные, или «Инвалид», для ген[ерала] Игнатьева[4] должны быть уже отправлены по почте, поскольку я велел доставить вам квитанцию здешней газетной экспедиции. Они стоят *40 руб.* Все эти расходы я не считаю и прошу вас принять их как новогодний подарок от меня, ***чем богат тем и рад***, дорогой Павел. Вы знаете так же хорошо, как и я сам, в каком состоянии находятся мои финансы. Уверяю вас, что не могу даже послать вам на этот раз *тысячу рублей*, которые следуют вам за последнюю треть. Я посылаю вам при сем пока *пятьсот руб.* в счет этого, а остальное доставлю вам незамедлительно. Поскольку матушка пишет вам, она сообщит подробнее новости обо всем, что у нас происходит, я же ограничусь, *скромно*, тем, что поговорю с вами только о собственной своей персоне. Здоровье мое лучше, но, несмотря на это, я не выхожу еще из комнаты из предосторожности, с другой стороны – я вовсе не тороплюсь вновь появиться в свете. В остальном, даю вам честное слово, что чувствованием сердца я бесконечно убежден, что мои дела закончатся к лучшему и что Всевышний оградит меня несмотря ни на что и вопреки всему. Крест, который Провидение ниспослало мне сейчас, послужит моему спасению и даже мирскому благополучию. Я получил уроки, которые будут мне очень полезны до конца дней. Дай Бог и вам такое убеждение. Оно утешает нас и дает твердость, какую никакое другое чувство не могло бы дать, соединенную с кротостью и признательностью. Качествами христианина должны быть любовь, кротость, смирение, надежда, а особенно вера и терпение, с этими добродетелями невозможно никогда быть несчастным. На этом я останавливаюсь в ожидании, что Витгенштейны пришлют за моим письмом и пакетами.

9 января. В эту минуту прибыли два графа Витгенштейна, чтобы попрощаться. Они уезжают сегодня, и я не имею времени писать еще, ибо они ждут, пока я запечатаю письмо, чтобы уйти. Касательно себя я узнал лишь, что имп[ератор] прочел мое дело, но неизвестно, что он решил. Наконец, ген[ерал] Ка[н]крин должен прибыть во вторник (14-го числа сего месяца), и полагают, что он меня заменит. Да исполнится воля Божья. Я уверен, что Провидение охранит меня.

Прощайте, дорогой Павел, обнимаю вас и благословляю от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 78–80 об.

[1] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), кн., генерал от инфантерии, с августа 1817 министр юстиции.

[2] Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал-адъютант, с 1816 состоял в свите е. и. в. по особым поручениям и присутствовал в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета, в 1817 участвовал в обсуждении проекта об учреждении генерал-губернаторских округов, в октябре–ноябре 1819 министр полиции, уволен от этой должности после вхождения Министерства полиции в состав МВД, назначен генерал-губернатором округа из Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний.

[3] Траверсе Иван Иванович (Жан Франсуа) (1754–1831), маркиз, участник военных действий периода американской войны за независимость, полковник и капитан корабля французской службы, с 1791 приглашен на русскую службу в чине генерал-майора и контр-адмирала, с 1810 член Государственного совета, с 1811 министр морских сил, в 1815 переименован в морского министра.

[4] Игнатьев Дмитрий Львович (1771 или 1782–1833), с 1814 генерал-майор, участник кампаний 1812, 1813–1814, по окончании войны командовал 1-й бригадой 1-й гусарской дивизии, с июля 1818 дежурный генерал 2-й армии. Летом 1819 из-за болезни назначен состоять при командующем армией для особых поручений, с марта 1822 за болезнью уволен в отставку.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

10 янв[аря] 1819

Графы Витгенштейны имели любезность сказать, что, если я желаю, они возьмут второй ящик чая для вас, поскольку я выказал им досаду, что могу вам послать только 3 фунта чаю. Я спешу воспользоваться и посылаю вам при сем еще 3 фунта, так что вы получите в общей сложности 2 ящика с чаем, каждый по 3 фунта, пакет с двумя большими письмами от матушки и от меня с пятьюстами руб. в банковских билетах. Ящик с 3 портупеями и другой с вашим колетом и вышитыми позументами. Я посылаю вам также при сем ваши журналы, письмо от Зейделя, который сам мне его принес. Он не очень знает, чего хочет. Всякая новая идея о службе, приходящая ему в голову, ему нравится, он трудится над ней с энтузиазмом и экзальтацией, последняя заканчивается, он принимается за другую, и так проходит все его существование, а он так и не решит хорошенько, чего держаться. Нет никакой основательности в характере этого человека.

Сегодня утром прибыл курьер с известием о вел[икой] к[нягине] Екатерине, королеве Вюртембергской[1]. Имп[ератор] и особенно имп[ератрица]-мать, как говорят, очень расстроены этим известием.

Мне нужно отправлять письмо, так что заканчиваю, обнимая вас, матушка, братья и Софья также, последняя подсчитывает дни, чтобы знать, когда она может иметь счастье получить ваш ответ на ее письмецо. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 81–82*.

На обороте записка рукой П.И. Пестеля:**
Случевский
Инвалид Игнатьев
деньги получены
[колокольчик] (?) [clochette]
другие вещи
письма от Нагеля

* К письму приложено письмо С.И. Пестель с припиской Е.И. Пестель (Л. 84–84 об.)

** На обороте оставшегося незаполненным второго листка письма Ивана Борисовича (л. 85 об.) рукой П.И. Пестеля по-французски составлен перечень, вероятно, того, что он собирался написать в ответном письме. Каждая строчка перечня зачеркнута (возможно, по мере исполнения) и затем все перечеркнуто одной вертикальной чертой.

Александр в свете
Софья и Виллерс[2]
дело батюшкино и письмо в *Дух*.
Тургенев[3] и Камен

[1] Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819), любимая сестра Александра I, в первом браке за принцем Георгием Ольденбургским, во втором браке с 1816 за наследным принцем Вильгельмом Вюртембергским, в тот же год вступившим на престол. Умерла 9 января 1819 от рожистого воспаления.

[2] Виллерс (Willers) – гувернантка Софьи Пестель (см. письмо от 5 февраля 1819).

[3] Павел Пестель просил отца прислать книгу Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов», см. письмо И.Б. Пестеля от 22 февраля 1819.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

15 янв[аря] 1819

Хотя я не имею времени писать подробно, мой дорогой друг, я не хочу все же отправлять вам прилагаемые бумаги, не сказавши, что здоровье мое лучше, хотя я еще не выхожу; что мои дела все в той же нерешительности; что ваша матушка здорова и благословляет вас. Что Софья вас обнимает и часто думает о вас, как и все мы, и что я вас люблю, как и благословляю, от глубины сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 83.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 5 фев[раля] 1819

Принимаюсь вам писать, мой добрый друг, имея перед собой ваше письмо от 23-го числа прошедшего месяца, пришедшее вчера. Я был весьма тронут, мой дорогой Павел, читая его. Я нашел в нем чувства религии, нежности к вашим родителям, братьям и сестре, которые есть истинный бальзам для моего сердца, искренне вас любящего. Да соблаговолит Бог все более укреплять вас в этим чувствах!!! Это милость, которой я всякий день прошу у него для вас и для всех, кто мне дорог. Собственный опыт доказывает мне, что не существует истинного счастья без религии. И что не существует без этого добродетели, ибо мораль наставляет нас, каковыми мы должны быть, а религия дает нам силы и средства осуществить принципы, внушенные моралью. Могу вас заверить, как перед Всевышним, что я никогда не был *в глубине души* счастливей, чем с тех пор, как испытал мучения от неприятностей и горестей, *присущих этому миру*. Тогда я достиг лучшего знания самого себя. Тогда я достиг понимания, сколького мне недоставало, чтобы быть таковым, каким я должен, дабы заслужить имя *христианина*. Я не могу скрыть от себя, что стал лучше в некоторых отношениях, но увы! сколького мне еще недостает, чтобы быть тем, чем должен быть истинный христианин в этом мире стенаний и слез. Когда я обозреваю все добро, какое враги сделали мне с этой стороны, я не могу не благословлять их и не молить Бога за них. Говоря, как Иисус Христос сказал о врагах своих: «Vater vergieb ihnen, denn sie wissen nicht was sie thun»*. По мере того как провидение пошлет вам милость, укрепив вас в истинных принципах религии, вы тогда станете понимать то, что я изложил сейчас. Это то, чего я горячо прошу для вас у Всевышнего.

* «Отец, прости им, ибо не ведают, что творят» (нем. яз.).

Мои дела по-прежнему не решены, и я в этом ничуть не продвинулся за те два года и несколько месяцев с тех пор, как они начались. Совершенно не зная, что со мной сделают, я не могу ничего вам сказать сейчас, но всякую минуту жду решения. Я рассчитываю на милость Бога, никогда меня не покидавшего, и могу сказать, положа руку на сердце: «Завтра мне будет 54 года, за эти полвека я имел лишь доказательства того, что рука Провидения всегда руководила мною и что события моей жизни, казавшиеся самыми несчастными, приводили меня к самому истинному счастью». Оттого надеюсь, что так же будет в моем положении, во многих отношениях весьма мучительном. И довольно на этом о моей персоне.

Нежно вас обнимая, мой дорогой Павел, я благодарю за поистине прекрасную материю, которую вы прислали; возможно ли, чтобы вы тратились на роскошь *для меня*, когда не имеете рубашки на теле. Это одно из величайших моих несчастий, быть слишком бедным и не иметь возможности сделать для вас и ваших братьев то, что я желал бы, в отношении финансов, и избавить вас от моей нищеты. Как бы я был счастлив, если бы она выпала исключительно *моей персоне*, с каким удовлетворением и счастьем я переносил бы ее *один*, но заставлять переносить ее тех, кто дороже всего в мире – это для меня истинное несчастье!!!

Случевский совершенно убежден, что не по вашей вине решение о его зачислении к графу все еще задерживается. Он так же, как я, уверен, что вы сделаете все от вас зависящее и что если даже не последует желаемого успеха, то это будет не по вашей вине, и он будет равно вам признателен. Мне весьма огорчительно видеть, что любезный граф запутается, если будет иметь слабость характера, какую уже выказал при многих случаях. Надо будет, как вы верно сказали, дожидаться возвращения Рудзевича, чтобы закончить это дело. Любезная графиня весьма не права, вмешиваясь в дела, в которых ничего не понимает.

Госп[ожа] Виллерс уже 15 дней как в нашем доме. Насколько можно судить за столь малое время, она должна нам подойти. Она кажется мягкой, сведущей, отличный тон в обществе, и Софья уже к ней привязалась и, кажется, снискала ее взаимную привязанность. Дай Бог, чтобы она подошла нам и чтобы ей тоже у нас понравилось надолго.

То, что вы говорите насчет Софьи, совершенно справедливо, она весьма заслуживает того, чтобы вы любили ее со всей братской нежностью. Если бы вы видели, с каким удовольствием она получила ваше письмо и канарейку, с которой я его вручил ей. Она вся дрожала от радости, несмотря на это, оставила птичку, не занявшись ею, ради того, чтобы прочесть ваше письмо, но была так возбуждена, что не могла в тот момент читать, так что я ей прочел. Она плакала, говоря, что в высшей степени желала бы вас увидеть и благодарить вживе.

Я исполню все ваши поручения в точности и пришлю вам все, что вы просите, как только приобрету.

Добрый Павел Маркович будет, конечно, весьма тронут вашей памятью. Он постоянно в деревне, чтобы иметь чем жить, разве что мать сжалится над ним. Его жена здесь и намеревается прийти повидать нас. Дмитрий Марков[ич] умер, и его зять *Гурко*[1] взял на себя наладить его расстроенные дела. Он был сделан адъютантом имп[ератора] и получил отпуск на год, чтобы заняться своими делами. Смерть Дмитр[ия] Марк[овича] огорчила меня. Вот еще одним порядочным человеком меньше в этом мире. Стольких можно было бы отдать за него одного, которые есть лишь бич для человечества.

Мне кажется, граф берет в адъютанты всякого, кто только попросит, ибо нет газеты с **приказами**, где не было бы нового адъютанта. Также он делает необдуманные представления, оттого часто получает отказы, а однажды начавшись, *эти отказы* будут лишь расти и расцветать. Я хотел бы, чтобы вы получили от графа повышение, а сделавшись полковником, вы сможете избавиться от неприятного положения, в которое

ставят вас обстоятельства как адъютанта графа. Надо быть с ним менее деликатным и попросту просить, чтобы он получил для вас повышение. Я думаю, что вы не захотите, иначе сам бы написал ему на этот счет. Скажите, что вы об этом думаете! Быть может, *Рудзевич* или *Игнатьев* могли бы этого добиться. Вы должны знать это на месте лучше меня, но не пренебрегайте удобными случаями и будьте деликатны лишь с теми, кто умеет это ценить.

Ваша матушка вас благословляет и обнимает, я делаю так же. Весь ваш сердцем и душой. П.

P.S. Мы мало видим Зейделя, он много бывает у гр[афини] Потоцкой[2] и у графа Милорадовича[3]. Последний обещает ему место при себе. Зейдель все тот же Windbeutel*, каким был всегда. Он хочет жениться, кажется, первый опыт не отбил у него охоту. Вот письмо для одного из ваших товарищей, которое Зейдель отдал матушке, прося отрекомендовать его вам.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 86–89.

---

[1] Полторацкий Павел Маркович (1768–1827), его жена Варвара Михайловна Мордвинова, мать – Агафоклея Александровна, урожденная Шишкова. Полторацкий Дмитрий Маркович (1761 – 26 ноября 1818), статский советник в отставке, хозяин имения Авчурино, где завел образцовое хозяйство, внедрял новые приемы агрокультуры, усовершенствованные плуги и сельскохозяйственные машины, многопольный севооборот. Пропагандировал травосеяние, введение культуры картофеля. Хозяин известного конского завода, один из основателей Общества сельского хозяйства. Его дочь Варвара Полторацкая (1793–1838), ее муж Гурко Леонтий Иосифович (1783–1860 или 1861), с 1800 служил в л.-гв. Семеновском полку, с 1819 генерал-майор. В.Д. Гурко унаследовала от отца обширную библиотеку и все имения.

[2] Вероятно, София Потоцкая (1765–1822), гр., урожденная Глявоне, в первом браке Витт. Третья жена Станислава-Феликса Потоцкого (Станислав Щенсний, Феликс Францевич), единственного наследника состояния Потоцких, верховного маршала Тарговицкой конфедерации, с 1796 г. перешедшего на русскую службу с чином генерала от инфантерии. Потоцкие, помимо прочего, владели местечками Тульчиным, где находился их дворец, и Уманью, где в честь Софии Потоцкой был разбит знаменитый парк Софиевка. Сыном С. Потоцкой от первого брака был генерал И.О. Витт, дочь от второго брака Софья Станиславовна Потоцкая с 1821 замужем за П.Д. Киселевым.

[3] Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), гр., генерал от инфантерии, герой наполеоновских войн, с 19 августа 1818 петербургский военный генерал-губернатор. А.Е. Зейдель в 1819 был принят на службу правителем иностранного отделения при канцелярии Милорадовича.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 22 фев[раля] 1819

Я исполнил те из ваших комиссий, какие смог, мой дорогой Павел, два адъютантских колета вышиты и я отошлю их вам с первым фельдъегерем, который отправится в конце этого месяца, стало быть, менее чем через восемь дней. Сочинения Тургенева не нашлось в здешних книжных лавках[1]. Я спросил о нем самого автора, и как только он узнал, что это вы его просите, то просил позволения прислать мне один из оставшихся у него экземпляров для отсылки вам от его имени. Он сказал: «**Хотя я и не имею чести лично быть знакомым Павлу Иван[овичу], но мне весьма лестно, что он желает иметь мое сочинение**» и пр. и пр., так что прилагаю здесь это сочинение. Оно хорошо в некоторых отношениях, но в остальном видно, что это теория, и что она не подтверждена опытом для нашего отечества.

---

* «Сумасброд, ветрогон» (нем. яз.).

Остальное из того, что вы просите, я пришлю вам с курьером.

Мы все здоровы. Матушка вас обнимает и благословляет, Софья всякий день говорит о вас и писала бы вам с каждой почтой, если бы ей позволяли. Она в настоящее время весьма занята сколько старыми своими учителями, столько и гувернанткой, которая, кажется, в точности то, что нам нужно. Дай Бог, чтобы она продолжала, как начала, и нам всем будет отчего быть довольными.

Ваши братья здоровы и шлют вам самые дружеские поклоны. Решения по делу Воло еще нет, но ожидается всякий день. Дай Бог, чтобы оно было менее сурово, чем осмеливаются надеяться!!! Мои дела также все в том же состоянии, и я не знаю, что с ними сталось. Я полностью полагаюсь на милость Божью и справедливость имп[ератора]. Теперь публика никого более не прочит на мое место, но это решительно ничего не означает.

Поскольку матушка всякий раз сообщает вам все подробности о происходящем у нас, мне не остается ничего прибавить, ибо вам все известно от нее.

Я каждый день поручаю вас в своих молитвах Святой охране провидения и заканчиваю, благословляя вас и обнимая от всего сердца. П.

P.S. Мой брат Андрей имел дело с обитателями Кавказских гор и одержал весьма блестящую победу[2], подробностей которой я не знаю. Е[го] в[еличество] имп[ератор] пожаловал ему в награду орден Св. Анны 1-го класса.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 90–91.

---

[1] Книга Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» была издана в 1818 г. П.И. Пестель мог узнать о ней как от общих знакомых, так и из рецензии Куницына в журнале «Сын Отечества» (№ 50, 51). В описи книг на русском языке библиотеки П.И. Пестеля, оставшейся после его ареста в Тульчине, книга Н.И. Тургенева не значится, впрочем, опись, очевидно, неполна (Киянская О.И., Азиатцев Д.Б. Опись библиотеки П.И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. V. СПб.; Кишенев, 2002. С. 17–26).

[2] А.Б. Пестель 9 января 1819 занял местечко Башле под Дербентом. А.П. Ермолов был очень доволен этим успехом и представил Пестеля к награждению, однако А.Б. Пестель не заметил приготовлений горцев к ответным действиям. Отряд его был застигнут врасплох и почти полностью погиб, Ермолову пришлось лично с небольшим отрядом спешить им на помощь. Это дело стало концом военной карьеры Пестеля. Ермолов приказал ему с остатками отряда вернуться на прежние квартиры, позднее, 1 июня 1819, написав А.А. Закревскому, что Пестеля «спас Бог от гибели, но, видно, с перепугу он еще стал бестолковее. Препровождается на линию к бригаде, и ему сделано особенное и важное поручение *ни во что совершенно не мешаться*!» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 331). 20 апреля 1820 г. А.Б. Пестель был уволен в отпуск за границу до излечения болезни и зачислен по армии.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 28 фев[раля] 1819

Случевский сказал мне, что на днях отправят фельдъегеря к вам, я хочу этим воспользоваться, чтобы написать вам, дорогой Павел. Итак, начну с себя самого. Я чувствую себя хорошо физически, морально также, во всех случаях, когда я твердо храню свои религиозные принципы; но, поскольку превыше человеческих сил оставаться неколебимо на одном уровне в своих принципах, я становлюсь весьма несчастным всякий раз, как эти принципы оказываются поколеблены. Мои дела продолжают оставаться нерешенными, в ожидании враги на меня кляузничают, не глядя даже, хорошо ли это

или плохо для службы. Я не имею никакого способа привести ее в порядок и должен переносить неприятности, могущие происходить лишь от людей без сердца и головы, и увы!!! сколько их у нас, занимающих первые места в управлении!!! На этом довольно обо мне и моих делах. Всякую минуту, поистине в постоянной готовности, я ожидаю решения и ничуть не надеюсь, что оно будет благоприятным, соображая все обстоятельства, касающиеся меня лично. Дело Воло будет, вероятно, решено на днях. Дай Бог, чтобы оно закончилось, как ему подают надежду, тогда можно будет сказать, что он более счастлив, нежели благоразумен. Никто не интересуется Воло, но довольно тех, кто принимает живой интерес в Арпсе и Каблукове[1], а невозможно быть полезным этим двоим без того, чтобы Воло не получил своей доли. Я доволен Воло как никогда ранее, но в целом замечаю, что он лучше и особенно мягче, когда имеет огорчения, а его дело все же его мучает, хоть он и не хочет в том признаться. Его самолюбие преуменьшает дело, заставляя рассматривать все его касающееся со столь выгодной точки зрения, что он возмущается, когда не одобряют его поведения в каком бы то ни было отношении. Я щажу его и говорю с ним ласково, в первый момент он обижается, но замолкает, затем приходит в себя и следует советам, которые ему дают. Что я рассматриваю как величайшее для него несчастье, это что он бесконечно празден, если он занят чтением, то романов, которые было бы много лучше бросить в огонь, чем читать. Надо мне серьезно подумать о помещении его возле генерала, который займет его службой и будет более способен приготовить его к службе, нежели его генерал, который храбрый человек, но убогий во всех отношениях. Александр болезнен, и всякий раз как побывает на воздухе в плохую погоду, он заболевает на несколько дней. Весьма прискорбно, что он изо всех сил желает служить военным, тогда как его тело и, скажу даже, его дух не позволяют ему этого. Я сказал его дух, потому что он ***плох***, как говорят по-русски. Он безумно застенчив, и тогда не знает, ни что делать, ни что сказать. Он выказывает желание образовать себя. Он даже читает сочинение Жомини с Никитой Муравьевым[2], который отвлекается от себя самого, чтобы заняться с ним. Если будете ему писать, поблагодарите его за эту доброту, которая несомненно есть следствие дружбы к *вам*. Вообще говоря, я доволен Александром. А вот Борис повергает меня в отчаяние. У него нет ни сердца, ни души, ни головы. Это нравственная карикатура, как по несчастью (за которое я его всем сердцем жалею), каков он телесно. Весь его ум есть лишь собрание шуток, заставляющих смеяться и не содержащих здравого смысла. Если он хочет рассуждать, он несет вздор. Он ни к кому не испытывает никаких чувств. Он не способен ни к какой серьезной привязанности. Он любит Бога так же, как восхищается Дьяволом. Я имею несчастный опыт, что нет никакого способа руководить им *посредством ласки*. Он уступает лишь от страха, до того, что, с тех пор как я стал только его отцом, но не начальником[3], он значительно более противится моим замечаниям, нежели во времена, когда я был и начальником, и отцом, но я умею навести порядок. Я позволил ему выходить когда он хочет, не прося позволения, как он делал раньше. Я уже давно дал ему это позволение, вместо чем просить его у меня, он хотел получить его натиском, *год тому назад*, но приступ не удался, как никогда не удастся со мной. Чем больше я его узнаю, тем больше он меня огорчает. Он не уважает сам себя. Он груб и горд с теми, с кем отваживается быть таковым, и труслив и низок там, где ему выказывают превосходство. Он вовсе ничего не делает на службе. Всякое утро он идет в присутствие и возвращается лишь в 3 ч. Я пару раз был у него в присутствии, но его там не было – это доказывает, что он уходит куда-то и хочет это скрыть. Что делать с подобным характером!!! Ему уже 24 года. Он должен бы уже быть тем, чем будет на всю жизнь. Несчастье для него и для меня, если он останется тем, что есть. И я весьма опасаюсь, что он более не изменится!!! И довольно говорить о предмете, который меня огорчает.

Вы уже знаете, что имеете нового начальника Главного штаба. Это ген[ерал]-майор Киселев[4]. Я видел его при дворе и говорил ему о вас. Он сказал, что в высшей степени

желает сойтись с вами, потому что вы пользуетесь весьма благоприятной репутацией. Старайтесь сойтись с ним. Он гордец, но, *говорят,* порядочный человек. Я знаю его лишь по наружности, и он всегда был очень любезен со мной. Я думаю, что если граф сойдется со своим новым начальником Главного штаба, его дела пойдут значительно лучше, ибо *Киселев* имеет доверие имп[ератора]. Говорят, он уедет не ранее чем через восемь дней, чтобы явиться к своему посту. Случевский совершенно вверяет вам свою судьбу. Он рассуждает очень хорошо. Он говорит, что мог бы занять место, которого ищет, пользуясь уважением начальника Главного штаба, он был бы в восторге его получить, но если Киселев пожелает сделать из него мальчика и обращаться с ним как с ***подъячим***, тогда он предпочтет от этого отказаться и сохранить свое нынешнее место, где его начальник обращается с ним благородно. Зейдель в восторге от вашего письма. Я думаю, что для него, и для графа также, будет лучше, если Зейдель не будет в вашей армии. Этот легкомысленный человек на всю жизнь таким останется. Будучи без места и живя день за днем, всегда занятый тысячей проектов, ни один из которых не продуман здраво и которые он первым бросает в тот момент, когда его воображению является следующий. Он ищет места при графе Милорадовиче. Вот начальник, какого ему надо, ибо оба не знают, чего хотят, и всякую минуту хотят чего-то другого.

Ну вот и довольно на сегодня, прощайте, дорогой Павел, благословляю вас, люблю и обнимаю от глубины сердца.

P.S. Посылаю вам при сем два вышитых адъютантских колета. Они были вышиты по вашим указаниям и моделям, которые кладу с колетами. Оба стоят *сто рублей*, которые я уплатил. Оба сочинения, 1. Хамела о ланкастерских школах, и 2. о кухне Бовилье[5], я не мог отыскать, несмотря на все приложенные старания. Мы обошли с вашей матушкой все книжные лавки, чтобы разыскать их, но бесполезно. Прощайте.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 92–95.

---

[1] Каблуков Владимир Иванович (1780–1848), с 1810 полковник Кавалергардского полка, командующий лейб-эскадроном, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг. В 1814 вступил в командование Кавалергардским полком, за дело при Фер-Шампенуазе произведен в генерал-майоры. С января 1819 командир 1-й бригады 1-й Кирасирской дивизии, с июля 1821 командир Лейб-Кирасирского ее величества полка и командир 2-й бригады 1-й Кирасирской дивизии. Судебное дело, затрагивавшее Каблукова и В.И. Пестеля, было, по-видимому, связано с женитьбой штабс-ротмистра Кавалергардского полка барона Е.(Г.)К. Арпс-Гофена на замужней женщине (см. выше, письмо И.Б. Пестеля от 3 октября 1818). Арпс-Гофен (Хофен) Егор (Георг) Карлович (1790 – до 1857), барон, офицер Кавалергардского полка, участник кампаний 1806–1807, войны со Швецией 1808, походов 1812 и 1813–1814 гг., в 1812 штабс-ротмистр, в 1817 ротмистр, в 1818 командир эскадрона, в 1819 полковник, в 1821 временно командовал Кавалергардским полком, в 1822 отчислен в кавалерию, с июля 1825 в л.-гв. Гусарском полку, в 1826 флигель-адъютант, командир л.-гв. Казачьего полка, генерал-майор, с июля 1826 по 1833 командир л.-гв. Гусарского полка.

[2] Жомини Антуан Анри (1779–1869), бригадный генерал армии Наполеона, в 1813 перешел на русскую службу с чином генерал-лейтенанта, состоял в свите Александра I в качестве военного советника, в 1817–1822 жил в Париже, затем в Петербурге. Известный и авторитетный военный теоретик. Декабрист Никита Муравьев, серьезно изучавший военные науки, штудировал труды Жомини.

[3] Б.И. Пестель начинал службу в канцелярии отца, где пробыл до 12 декабря 1817, затем определен помощником столоначальника в Департамент хозяйственных и публичных зданий Министерства внутренних дел.

[4] Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), генерал-майор, участник кампаний 1806–1807, 1812, 1813–1814 гг., флигель-адъютант, состоял в свите Александра I на Венском конгрессе, в 1815–1816 командирован в Крым для исследования дел по военной и гражданской части, в 1817 и 1818 дважды командирован для обозрения управлением 2-й армией и осмотра войск. 22 февраля 1819 назначен начальником Главного штаба 2-й армии, в 1823 генерал-адъютант.

[5] Имеются в виду книга о ланкастерских школах: Hamel J. Der gegenseitige Unterricht; Geschichte seiner Einführung und Ausbreitung durch Dr. A.Bell, J. Lancaster und andere... Paris, 1818; а также кулинарная книга «L'Art du Cuisinier» (вероятно, первое издание, появившееся в Париже в 1814), автором которой являлся Антуан Бовилье (Beauvilliers), знаменитый французский кулинар, шеф-повар графа Прованского (будущего Людовика XVIII), хозяин первого в Париже роскошного ресторана, открытого в середине 1780-х гг. и в начале XIX в. расположенного у входа в Пале-Рояль.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 14 марта 1819

Говорю вам лишь два слова, мой дорогой Павел, ибо написал вам сегодня с оказией, и поскольку, вероятно, то письмо дойдет до вас раньше этого, мне нечего сказать, кроме как отослав к его содержанию. Мы все здоровы и нежно вас обнимаем. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 96

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 14 марта 1819

Иван Шипов только что сказал, что ваш друг Бурцов[1] недавно назначен состоять при новом начальнике Главного штаба 2-й армии (Киселеве) и что он незамедлительно поедет с ним в Тульчин. Хотя я и не знал Бурцева, я рад что он едет к вам, поскольку вы о нем отзывались хорошо и, как мне кажется, вы с ним даже сошлись. Я думаю, что могу написать вам *без стеснения* через него и спешу этим воспользоваться. Начну с предметов, касающихся вас лично. Я полагаю, что Бурцев сообщит вам более верные подробности, нежели я, но, несмотря на то, скажу вам, что знаю через Зейделя. Здесь есть доносчики, сообщающие подробности того, что у вас происходит. Они говорят, что Жуковский[2] – плут, укравший миллионы. Что он нашел средство вкрасться в милость к графине через поляка – о котором вы мне говорили весьма неблагоприятным образом, что этот поляк дал значительные суммы гр[афине], ген[ералу] Сталю[3] (тому, кто заменил Жуковского) и другим. Что Сталь напыщенно рекомендовал Жуковского кн[язю] Волконскому[4], сказав, что Рудзевич преследовал Жуковского, который совершенно честный человек. Полагают, что вследствие этого Киселев был назначен начальником Главного штаба на место Рудзевича. Те же доносчики говорят, что *вам* предлагали *десять тысяч рублей*, чтобы вы также были благосклонны к партии Жуковского, но что вы с презрением их отвергли. В этом я вас узнаю, мой дорогой Павел, и возблагодарил Бога, моля его поддерживать вас всегда в этих принципах честности и порядочности. Это тем более достойно уважения, что я знаю о том, что вы нуждаетесь до того, что не имеете рубашки на теле, которая была бы без дыр. Будьте уверены, что провидение вознаградит вас чистой совестью и уважением всех добрых людей. Я не знаю, известны ли касающиеся вас подробности имп[ератору], и даже те, что касаются гр[афини]; кажется, что партия Жуковского сумела навредить Рудзевичу и что доносчики, которые за него и против графа, еще не проникли до имп[ератора]; наконец, я в этом не уверен, ибо уже несколько дней не видал Зейделя. Я сердит, что довольно серьезный донос находится в руках Зейделя, который легкомыслен и не имеет твердых принципов в поведении и во всем своем существовании. Если я узнаю что-то еще до отбытия этого письма, я вам сообщу. Дай Бог, чтобы Киселев был честным человеком и чтобы плуты не могли на него влиять, тогда все злоупотребления у вас будут приведены к порядку, ибо граф будет следовать, я полагаю, его советам не по убеждению,

но по слабости и даже, быть может, из опасения. Во всем этом ваше положение весьма неприятно и сомнительно. Вы честный человек, вы христианин, у вас есть характер и голова, так что у вас лишь одна дорога. Дорога честности без оглядки на личности и обстоятельства. В эту минуту пришел Зейдель поговорить со мной. Он считает, что донос, касающийся графини, не был передан, но Киселев ознакомлен с ним во всех подробностях, даже тех, что касаются вас, т. е. что вы из числа честных людей и что вы отвергли 10 т[ысяч] руб., которые вам предлагали. Что эти толки дошли прямо до имп[ератора], по мне безразлично, как только Киселев о них узнал, он несомненно говорил с имп[ератором]. Боюсь, что граф по своей слабости непоправимо навредит себе в мнении всего света. Я искренне желаю, чтобы Киселев был честным человеком, тогда вы сможете связаться с ним и это будет для вас выгодно во многих отношениях. О нем говорят много хорошего. Вот что я узнал касательно этого дела.

Что до моей персоны, мои дела все в той же неопределенности. Я всякую минуту имею доказательства, что мне навредили в мнении имп[ератора], и мои враги причиняют мне столько неприятностей, сколько пожелают, а я не могу ничего сделать, чтобы обезопасить себя. Я полагаю, что сохраню свое место до того, как будут назначены ***областные***, тогда на мое место поставят другого, и я возблагодарю Всевышнего. Мне хотя бы есть на что существовать!!! Чем ближе развязка моего дела, тем я становлюсь спокойнее. Моя совесть чиста. Моя надежда на провидение безгранична. Я печален и беспокоен, только если моя вера слабеет. Я не говорю о своих делах ни единой живой душе, и не хочу унижать себя, прося покровительства одного из существ, которых не могу уважать. Только к самому имп[ератору] я обратился бы, в случае если на меня слишком насядут. Вы увидите из **приказов**, что Сипягин больше не начальник Главного штаба Гвардейского корпуса[5]. Это следствие пересудов, в которые он вступил с Милорадовичем, и других причин, которые Бурцов сможет вам объяснить. Когда захотели его сместить, он вел себя хорошо, но прежде был виноват, и я нахожу, что имп[ератор] действовал с ним еще снисходительно, ибо он обнаружил дурные намерения.

Германн[6] более четырех раз, посредством разных персон, просил о получении полка, но ему всякий раз отказывали. Наконец, *Дибич*[7], будучи здесь в последний раз, добился, чтобы он стал **дежурным штаб-офицером** при нем, в надежде быть начальником главного штаба при начальнике корпуса, как только явится вакансия. Хотя он предпочитал бы получить полк, но предпочел это пребыванию в Петерб[урге], как он говорит, и особенно в гвардейском полку.

Я сказал вам почти все, что может вас интересовать, и заканчиваю, обнимая вас с нежностью. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 97–99.

---

[1] Бурцов Иван Григорьевич (1795–1829), с 1818 штабс-капитан, участник кампаний 1812 и 1813–1814 гг., в марте 1819 переведен в л.-гв. Московский полк с назначением адъютантом к П.Д. Киселеву, в декабре 1819 капитан, с марта 1822 состоял при Киселеве по особым поручениям, с июля 1822 полковник, управлял канцелярией Киселева, с 1824 командир Украинского пехотного полка. Декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия.

[2] Жуковский Степан, статский советник, в 1816–1818 генерал-интендант 2-й армии. Был назначен на эту должность по решению Александра I, чтобы разобраться с финансовыми делами армии, чрезвычайно запутавшимися, пока главнокомандующим был Л.Л. Беннигсен. Затем, стремясь скрыть уже собственные злоупотребления, Жуковский написал донос о злоупотреблениях в штабе П.Х. Витгенштейна, однако хищения Жуковского были обнаружены, по его делу велось следствие под руководством генерал-майора С.Ф. Желтухина, для проверки дел 2-й армии Александром I был командирован флигель-адъютант П.Д. Киселев, что предварило его назначение начальником Главного штаба армии.

[3] Сталь Карл Густавович (1787–1853), генерал-майор, участник наполеоновских войн, с ноября 1818 по декабрь 1819 генерал-интендант 2-й армии.

[4] Вероятно, П.М. Волконский, начальник Главного штаба.

[5] Сипягин Николай Мартемьянович (1783 или 1785 – 1828), участник кампаний 1805, 1807, 1812, 1813–1814, с 1813 генерал-майор, с 1814 начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса. По его инициативе начато издание «Военного журнала», учреждена библиотека при штабе Гвардейского корпуса, открыты типография и школа для обучения детей нижних чинов. 10 марта 1819 переведен в армию начальником 6-й пехотной дивизии. В 1826 генерал-лейтенант, с 1827 тифлисский военный губернатор.

[6] Неясно, кто из носителей этой фамилии имеется в виду.

[7] Дибич Иван Иванович (Иоган Фридрих Карл Антон) (1785–1831), из силезских дворян, на русской службе с 1798, участник наполеоновских войн, в 1813 генерал-лейтенант, с 1815 начальник штаба 1-й армии, в 1818 генерал-адъютант. С 1823 член Государственного совета, с 1824 начальник Главного штаба. В 1829 заменил П.Х. Витгенштейна на посту главнокомандующего 2-й армией в ходе русско-турецкой войны.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 26 марта 1819

Признаюсь вам, мой дорогой Павел, что я был весьма беспокоен на ваш счет, не имея от вас никаких известий с 15-го числа прошедшего месяца. Я предполагал вас опасно больным. Вчера утром я был разуверен вашим письмом от 2-го числа сего месяца, которое добиралось до нас 21 день. Я тут же возблагодарил Всевышнего, успокоившего меня, а радость вашей превосходной матушки была безгранична, когда я вручил ей ваше письмо. Пишите нам чаще, пусть это будут всего два слова, чтобы заверить нас в вашем здоровье. Я был бы весьма рад видеть вас и беседовать с вами. Вы будете удивлены тем, что происходит со мной, и особенно со всеми моими делами. Насколько утонченной сделалась неприязнь моих врагов в доставлении мне огорчений. Все же я не говорил бы ничего, если бы все это касалось одного меня, но не страдала бы польза для службы! Кажется, воля Провидения на то, чтобы всякое делаемое зло осуществилось. Стало быть, надо вести себя с терпением и покорностью. Каким бы я почитал себя счастливым, если бы то, о чем давно говорят, оказалось правдой, т. е. что имп[ератор] предполагает сам отправиться в Сибирь и что он предпримет это путешествие в мае месяце. Тогда он увидит, что такое Сибирь и одновременно то добро, какое я там сделал за 13 лет своего управления, несмотря на все помехи, которые постоянно устраивали мои враги при всякой представлявшейся возможности. Я всякую минуту ожидаю, что буду смещен, и был бы этому искренне рад, если бы не опасение не иметь чем существовать, потеряв содержание, которое дает мне мое место, не по каким-то воображаемым доходам, но по жалованию ген[ерал]-губер[натора]. Если бы мне дали, на что пристойно жить со всем моим многочисленным семейством, я согласился бы быть писарем при каком-нибудь столе скорее, чем ген[ерал]-губер[натором] таким образом, каким я имел несчастье им быть, в особенности в течение трех последних лет. В остальном как христианин я не должен жаловаться, ибо благой Бог никогда не покидал меня, только будущее меня страшит.

В остальном я чувствую себя хорошо, и чем более приближается момент решения, тем менее я беспокоюсь. У меня есть глубокая уверенность, что Бог меня не оставит.

У меня нет никаких интересных новостей для вас. У вас уже должен быть новый начальник Главного штаба. Дай Бог, чтобы он оказался на своем месте и чтобы вы были им также довольны на ваш собственный счет. Я полагаю, что теперь Случевский не поедет больше к вам! Сообщите мне новости на этот предмет. Опперман снова говорил со мной о нем и в высшей степени желает его сохранить.

Борис искал муаровую бумагу, которую вы просите, но пока не нашел, я настою, чтобы он ее нашел и тогда пришлю вам незамедлительно, как и деньги, которые я вам должен.

Прощайте, дорогой Павел. Благословляю вас от всего сердца, желая, чтобы Всевышний всегда находился в вашем сердце, руководил вами и благословлял вас, как я вас благословляю. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 100–101 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 марта 1819

Хотя я весьма тороплюсь, не хочу пропустить эту почту, мой дорогой Павел, не сообщив вам новости, занимающие нас всех, – т. е. все наше семейство. Я больше не генерал-губернатор, но остаюсь членом Совета и сенатором, по крайней мере не вышло **указа**, что я больше не являюсь. Я не знаю даже, с каким содержанием я сохраняю эти последние должности. Вероятно, я буду иметь только жалованье сенатора в 3 т[ысячи] руб. и мой пенсион в 3 т[ысячи], так что я теряю 18 т[ысяч] рублей, которые давало мне место ген[ерал]-губер[натора], т. е. 12 т[ысяч] руб. серебром столовых и 6 т[ысяч] руб. на путешествия. Я говорю вам здесь о том, что может произойти, но еще не решено, что это не будет пересмотрено. Я надеюсь даже, что, когда мой преемник доведет до сведения государя то добро, которое я сделал в Сибири за мое 13-летнее управление, ибо 3-го числа сего месяца было 13 лет, как я управлял тремя сибирскими губер[ниями], тогда как никто из моих предшественников не смог продержаться более 4 лет, как генерал-губер[наторы], так и иркутские губер[наторы], ибо эта последняя губерния всегда ломала шею всем, кто ею правил. Я продолжу службу с тем же рвением, как я делал это в течение 39 лет, что я на службе. Всевышний пожелал послать мне крест, который я несу теперь. Я буду нести его со смирением, и прошу у него нужного для этого мужества. Оно бы несомненно не покидало меня, если бы я был один, но когда я думаю о вашей превосходной матери, столь заслуживающей быть счастливой, когда я думаю о вас, мои дорогие дети, тогда моя душа часто сокрушается и я думаю то, чего не могу описать. Будьте покойны, дорогой Павел. Моя вера и доверие к Богу поддержат меня, и еще настанет время, когда я вновь возблагодарю Провидение, пославшее мне повод, как я надеюсь, сделаться лучше и более достойным моего спасителя Исуса Христа, который тоже страдал и страдания которого нельзя сравнить с нашими. Что в этой перемене мне служит большим утешением, как лично, так и для блага службы, так это выбор того, кто меня заменит. Это *госп[один] Сперанский*[1]. Выбор превосходный для благополучия Сибири и тех немногих благомыслящих людей, которые там находятся. Поддержи его Бог в его добрых принципах!!!

Я заканчиваю, чтобы оставить вашей матушке место сказать вам два слова, но прежде благословляю вас и обнимаю от глубины сердца.

Приписка Е.И. Пестель:

Мои два слова состоят в том, что я вас благословляю от всего сердца и предписываю вам мужество и смирение. Мы все в этом нуждаемся, мы все в величайшем затруднении! И вы также!!! Я беспокоюсь, любопытствую, и мне не терпится узнать, что будет с вами остальными, и особенно с вами в частности. Здесь еще ничего неизвестно. Перемена, произошедшая с батюшкой, является новостью дня. Дай Бог нам всем поддержку и помощь. Обнимаю вас, мой добрый друг, от глубины сердца. Ваши братья и Софья также.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 102–103 об.

[1] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), с 1816 пензенский губернатор, 22 марта 1819 назначен сибирским генерал-губернатором, 7 мая отправился, 27 мая прибыл в Тобольск и вступил в должность.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 2 апреля 1819

Пишу вам, мой дорогой Павел, только чтобы не оставлять вас без новостей о нашем существовании. Я снова болен, много страдая от ревматизма, который уже несколько недель имею в правой ноге. Три дня боль такая сильная, что я не могу переместиться без посторонней помощи с одного стула на другой. Это мне тем более некстати, что я желал быть особенно точным в исполнении своих обязанностей как члена Совета и сенатора, которые еще сохраняю. Привыкши исполнять свой долг с ревностью, я огорчен тем, что не могу этого делать сейчас. Благодаря Бога, в остальном я спокоен, ибо провидение и чистая совесть дают мне силы, каких ничто не могло бы дать. Я убежден, что мне еще отдадут справедливость, и тогда я буду только счастливее. Ваша матушка здорова, как и ваши братья и сестра. Кстати о Софье. Мы говорили с вашей превосходной матерью о переменах, которые необходимо сделать в нашем существовании, раз я теряю столовые деньги, которые имел как ген[ерал]-губер[натор], что составляло 12 т[ысяч] руб. в год. Софья долго слушала и сказала: «Матушка, я больше не буду пить чаю и не буду ужинать. Я могу без этого обойтись, а это уменьшение расходов». Я был тронут этой идеей 8-летнего ребенка. Благослови ее Бог и сохрани ее нам. Вообще, вы, дорогие мои дети, будете всегда тем, что вы есть сейчас: моим единственным утешением, но также и главным предметом всех моих превратностей. Матушка не пишет вам, поскольку отправилась делать поздравительный визит госп[оже] Леонтьевой, у которой именины и день рождения. Я не слыхал никаких разговоров о графе, только – что подтверждают, что он просит отпуска и что ничего еще на этот счет не решено. Если это правда, я надеюсь, что он не оставит своего места, не подумав о вас и не сохранив вас (если он едет в отпуск) при себе, устроив вас способом, достойным того усердия, которое вы всегда имеете к службе и своему долгу.

Вот письмо к вам от **Щировского**[1], он прислал его мне, написавши мне преогромное, где рассказывает в подробностях, каким образом он потерял место, которое имел в Москве, и просит у меня места *в Сибири*. Я отвечал ему, но если бы я даже мог дать ему место, то не захотел бы, ибо полагаю, что это человек беспокойный и неприятный в службе. Я хорошо сделал, не дав ему места в свое время.

Прощайте, дорогой мой Павел, обнимаю вас и благословляю от глубины сердца, и прошу вас быть покойным и не беспокоиться о нас. Я как никогда уверен, что наконец все будет хорошо. Прощайте еще раз. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 104–105.

[1] Щировский Яков Дмитриевич (1768–1842), врач, с 1793 в звании лекаря, с 1802 служил в л.-гв. Преображенском полку, с 1806 инспектор Оренбургской врачебной управы, в 1809 инспектор Гродненской, затем Киевской врачебной управы, состоял при Киевском и Петербургском сухопутных военных госпиталях, с 1811 доктор медицины и хирургии. Служил инспектором Калужской и Тамбовской врачебных управ, в 1823–1826 ординатором Московского военного госпиталя, в начале 1830-х инспектором Смоленской врачебной управы. Автор ряда медицинских трудов: «О любострастной болезни» (1807, в награду получил из кабинета е. и. в. 500 рублей), «О способе лечения злокачественной горячки в Уфимском мушкетерском полку» (1809, объявлено монаршее благоволение), «О госпитальной горячке» (1811, высочайше пожалован бриллиантовым перстнем). В 1812 лечил в Калуге раненого при Бородине Павла Пестеля, см. его письмо в наст. изд.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 мая 1819

Я буду отвечать, мой дорогой Павел, на ваши два последние письма от 30 марта и 15 апреля. Первое пришло к нам 24-го, а последнее 23-го числа сего месяца. Первое – через г[осподина] Иванова[1], последнее с фельдъегерем, с которым и это, вероятно, отправится. Все подробности, которые вы сообщаете о происходящем у вас, крайне интересны, и, хотя я превосходно знаю, насколько должно быть неприятно ваше положение по всем интригам и разным партиям, работающим одна против другой, я не могу воздержаться от удовольствия оттого, что вы приобретаете опыт, который может принести вам большую пользу в военной карьере и в знании людей, какое вы имеете случай приобрести. Я ничуть не сомневаюсь, что вы с честью выпутаетесь изо всех затруднений, в которых находитесь по слабости вашего шефа. Я даже имею мысль, что Киселев свяжется с вами, ибо уверяют, что это порядочный человек и что он не свяжется с **Жуковским**, Сталем и пр. Это означало бы злоупотребить доверием государя, коли бы он захотел иметь общее дело с этими людьми; а раз этого не будет, он будет с вами, Рудзевичем и честными людьми вашей армии. По мне, я бы в высшей степени желал, чтобы вы были сделаны полковником. Тогда вы сможете с легкостью оставить графа и не иметь более ничего общего с дорогой графиней, которая оставила по себе в Митаве ту же репутацию, как и у вас. Это нам сказала г[оспожа] Виллерс.

Копия письма, которое вы мне прислали, совершенно хороша и делает честь автору. Говорят, что ответ был весьма лестным, но прежде всего весьма ловким. Вот все, что я могу сказать на этот счет. Вы должны потрудиться, чтобы Игнатьев остался при графе, раз он такой порядочный человек.

Я полагаю, вы уже получили мое письмо через Бурцева, там я говорил вам о своем положении. Я послал вам через **Краснокутского**[2] копию указа относительно назначения Сперанского сибирским ген[ерал]-губер[натором]. Нет ни слова обо мне, и я восемь дней был в неуверенности, не смещен ли я со всех своих должностей. ***На милости образца нет***!!! Открылось, что я остаюсь членом Совета и сенатором, и буду иметь 3000 р. жалованья как сенатор и 3000 р. серебром столовых, которые мне были даны в награду за ревизию Вятской и Казанской губ[ерний]. Я не буду ничего просить и постараюсь прожить год, хорошо ли, худо, не подавая признаков жизни. Я надеюсь, что, дождавшись окончания расследований, которые поручены моему преемнику в сибирских губ[ерниях], тогда решат что-то на мой счет. Если госп[один] Сперанский порядочный человек (а я в этом уверен), он представит вещи такими, каковы они есть, а не как мои враги, и осмелюсь сказать, враги всякого честного человека, желали бы это сделать, тогда я буду иметь право на компенсацию и на то, что имп[ератор] мне не откажет, ибо я глубоко убежден, что он ничего не имеет лично против меня и хочет удостовериться в том, что происходит в Сибири, чтобы положить конец всем пересудам, которые слышит со всех сторон на мой счет. Я надеюсь, что в этом году смогу по-прежнему давать вам то же, что вы получали до настоящего времени, как и Воло. Я вышлю вам непременно *500 р.*, следующих вам за прошедшую треть, и тысячу за новую. Таким образом, у вас нет необходимости, мой добрый друг, выходить из гвардии и менять что-либо в вашей службе, я даже буду в отчаянии, если вы это сделаете, ибо это сильно отсрочило бы для вас чин полковника. Дело Воло гнетет мое сердце, оно снова в аудиториате, и Бог знает когда и как окончится, здесь новый ген[ерал]-аудитор с не лучшей репутацией.

Истории гр[афини] Потоцкой с ее младшим сыном[3] следовало ожидать. Мать – дырявая корзина, уже разорившая столько народа, а сын глупый и скверный во всех отношениях.

Я исполнил ваше поручение к Зейделю. Мы редко видим его, и я воздерживаюсь упрекать его за это. Я никогда не уважал этого человека и чем больше его знаю, тем

менее люблю. Он настолько бесхарактерен, что можно употребить его на что угодно, самое низкое. И он не усомниться наделать низостей. Иной раз он взбирается на коня и желает выказать честолюбие и честь и пр., и пр., но это ничего не значит. Я думаю, не беда, что он не будет у вас. Бог знает, какую роль он бы там играл. У него тысяча проектов, за которые он берется разом, и бегает целый день. Я уверен, что никакой из этих проектов не будет иметь успеха и что наконец его дела окажутся весьма плохи. Он хочет быть то статским советником, то простым живописцем, и кончится тем, что он не будет *хорош* ни в одном, ни в другом. Он ищет чинов и пренебрегает живописью, а оттого происходит, что он теряет возможность снискать себе пропитание и даже иметь что-то на черный день.

Случевский чрезвычайно чувствителен к интересу, который вы в нем принимаете. Он сомневается, что ему могут дать место, о котором вы говорите в своем письме, из-за его чина, тем более что ему не дают 5-го класса.

Я отправил всю свою канцелярию и всех лиц, ее составлявших. Там есть новые лица и 3 казака. 19-го числа первая партия пустилась в путь, а вторая и последняя – 28-го сего месяца. Вы не можете представить, дорогой мой Павел, как трогательно было мое прощание с этими господами. Они все плакали горячими слезами, даже казаки. Никогда не думал, что заслужил такую привязанность этих людей. Я всегда был с ними весьма строг, но осмелюсь сказать, в то же время справедлив. Я не упускал ничего, что от меня зависело. Благодарю Бога за это прощание, которое стало настоящим бальзамом для моего сердца. Добрый Крестнев[4] был особенно взволнован и прощался с Софьей так, что и камень бы растрогался. Бог благослови и храни их всех!!!

Вот, дорогой Павел, два темляка, которые вы просили, что же до календаря, я не мог еще его получить, поскольку река не позволяет отправиться в академию, а только там можно купить этот календарь.

Прощайте, мой добрый друг. Нежно вас обнимаю. Матушка, ваши братья и Софья также. Да хранит вас Бог, да руководит, защищает и благословляет вас. Весь ваш П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 107–109 об.

---

[1] Иванов – аудитор 2-й армии.

[2] Краснокутский Семен Григорьевич (1787 или 1788 – 1840), с 1816 командир Олонецкого пехотного полка, в ноябре 1821 уволен от службы генерал-майором, с января 1822 за обер-прокурорский столом в 4 департаменте Сената, с июня 1823 обер-прокурор в 1 отделении 5 департамента Сената. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества.

[3] Мечислав Потоцкий, пасынок (по другим сведениям – сын) С. Потоцкой, украл и продал ее драгоценности, а ее выгнал из фамильного дворца в Тульчине, за что был заключен в крепость.

[4] Крестнев – возможно, Крестников Николай Васильевич, в 1823 надворный советник, исправляющий должность председателя Иркутского губернского правления и председатель в Иркутском приказе общественного призрения.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 16 мая 1819

Великое легкомыслие нашего доброго Случевского – причина тому, что я посылаю вам разом множество газет и журналов. Он взялся доставлять их вам через своего брата[1], которому вручал их в разное время, а тот не только позабыл о них, но и сказал об этом только на днях. Я написал вам длинное письмо, чтобы отослать его с курьером, уезжавшим 1 мая, но письмо было передано после обеда, а курьер уехал утром. Так что письмо осталось у меня. Я выполнил ваше поручение насчет двух

темляков, которые пришлю с другими вещами, а также деньгами, которые прибудут к вам с вашим аудитором Ивановым, уезжающим 22 или 23-го сего месяца. А поскольку до этого остается всего неделя, я думаю, что это не делает большой разницы и мы выиграем деньги, какие пришлось бы заплатить на почте. В ожидании не стану сообщать вам наших новостей*. Матушка, ваши братья и Софья здоровы и все нежно вас обнимают. Матушка вам не пишет, поскольку занята приготовлениями к переезду на наше летнее жилье на Крестовский, в тот же дом, который мы занимаем три лета. Доктор находит, что для моего здоровья необходимо быть в деревне, поскольку он хочет, чтобы я взял последовательный курс. Я с декабря месяца страдаю перемещающейся подагрой, которая наконец остановилась в артрите левой ноги, перед этим она перемещалась по всему телу, и я даже 6 дней имел ее в обоих ногах. Я не мог переместиться без посторонней помощи. Теперь она остановилась в левой ноге, и я остаюсь в комнате, чтобы ее не потревожить. Моя поспешность исполнить обязанности службы в немалой степени послужила причиной усиления этой беды, ибо едва мне становилось немного лучше, как я выходил всякое утро и отправлялся в Совет по понедельникам и средам, а в остальные дни недели в Сенат. Я надеюсь с помощью последовательного курса отделаться от этой беды, если не навсегда, то хотя бы на продолжительное время. Не говорю вам ничего о своих делах, ибо не слыхал о них ничего с тех пор, как был замещен Сперанским. Надо порадоваться за удачу бедной Сибири, что этот далекий край находится под его управлением. Насколько я его знаю, я считаю его за человека не только с головой и познаниями, но в то же время человека порядочного во всем смысле слова и *истинного* христианина; я говорю *истинного* из-за тех христиан, каковых мы знаем множество, которые лишь по видимости ими являются и которые хуже язычников, поскольку их лицемерие творит неисчислимое зло. Я совершенно спокоен, благодаря Бога, мне не нужно более ничего делать с Сибирью, и враги мои кажутся довольными, удаливши меня с этого места, а их подчиненные желали все 13 лет, что я управлял Сибирью, получить в свои руки человека, который дал бы им делать, что они хотят, чтобы обогатиться за счет бедных обитателей этого несчастного края. Благодаря Бога, я от него отделался, а плуты не почувствуют себя лучше по причине моего преемника, который человек порядочный.

Я напишу вам через Иванова, как сказал выше, так что ограничусь на этот раз тем, что благословлю вас и обниму от глубины сердца. П.

P.S. Никита Муравьев едет на днях с матерью в Одессу[2]. Их не будет, по меньшей мере, четыре месяца. Катерина Дм[итриевна] и Никол[ай] Борис[ович] поручили передать вам множество любезностей.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 110–111.

---

[1] Брат Константина Афанасьевича Случевского – Случевский Капитолин Афанасьевич, впоследствии сенатор, считается прототипом героя повести К.К. Случевского «Мой дядя».

[2] Е.Ф. Муравьева, незадолго перед тем унаследовавшая обширные имения на юге России, в апреле 1819 попросила для сына отпуск для поправления здоровья и приведения в устройство имения «находящегося в разных губерниях на пути к Одессе лежащих». 22 апреля Н.М. Муравьев вместо отпуска получил командировку в Одессу по особому поручению и вернулся в Петербург в ноябре 1819 (Павлюченко Э.А. Декабрист Никита Муравьев: Отступник или подвижник? // Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813–1826 / сост. Э.А. Павлюченко. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 20–21).

---

* Так в тексте, хотя отрицательная форма предложения противоречит дальнейшему содержанию письма.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 20 мая 1819

Только что госп[один] Иванов пришел сообщить мне, что выезжает завтра утром, и я сажусь вам писать, чтобы отослать письмо с ним. Я написал вам письмо 1 мая в намерении отослать его с фельдъегерем, который должен был ехать в тот день. Я отослал его **Случевскому**, который слишком поздно переслал его своему брату, так что оно не могло уже быть отправлено с этой оказией. Я взял его назад и счел неуместным доверить его почте. Я сохранил его и посылаю вам с госп[одином] Ивановым. Мне нечего к нему прибавить касающегося лично меня, разве что то, что я нахожусь в том же положении. Я остаюсь членом Совета и сенатором первого Деп[артамента] Сената. Я имею 3 т[ысячи] руб. жалованья, 3 т[ысячи] руб. серебром столовых и 3 т[ысячи] руб. пенсиона. Я потерял 6 т[ысяч] руб. серебром командировочных денег и 12 т[ысяч] руб. серебром столовых как ген[ерал]-губ[ернатор], из числа которых 3 т[ысячи] руб. серебром столовых мне продолжают выплачивать. Стало быть, всего я теряю 15 т[ысяч] руб., потеряв мое место ген[ерал]-губерн[атора]. Это важное обстоятельство в моем положении, но я надеюсь, что один год смогу существовать, делая большую экономию и некоторые неизбежные долги. К концу этого срока ревизия Сперанского будет окончена, и тогда я посмотрю, что мне делать, а до тех пор благоразумие требует запастись спокойствием и вверить себя милости Бога, который еще никогда не покидал меня. Я продолжу, мой дорогой Павел, выдавать вам 3 т[ысячи] руб. в год, которые вы имеете, но прошу простить, что не могу послать вам сейчас же причитающиеся вам *1500 руб.* Госп[один] Иванов передаст вам *тысячу рублей*, которую я ему вручил для доставления вам. А остальные *500 р.* я доставлю вам из первых денег, какими смогу располагать. Сердце обливается кровью от столь малой обязательности, но, мой добрый друг Павел, вы знаете причину моей необязательности и не можете винить в том меня. Здоровье мое поправляется, вот уже снова пятнадцать дней, как я не выхожу из комнаты. Надеюсь начать выезжать на следующей неделе и снова с аккуратностью приступить к своим делам и обязанностям. Я постараюсь быть в своих [делах]* настолько полезным, как только возможно и прошу в том помощи у Всевышнего. Не говорю вам ничего о матушке и остальных членах нашей семьи, ибо матушка взялась сообщить вам все подробно.

Никита Муравьев вручил мне пакет для вас, прося доставить его надежным образом. Посылаю его при сем. Он сам едет сегодня в Одессу со своей матерью. Его путешествие было остановлено матерью. Он не уверен, сможет ли приехать повидать вас, но, быть может, вы его встретите, ибо Иванов уверяет, что вы должны снова быть в пути с графом, совершающим объезд своей армии. Никита Муравьев уверял меня, будто слыхал, что е[го] в[еличество] имп[ератор], говоря о 2-й армии и о графе, сказал: «**При нем честный и умный молодой человек, адъютант его Пестель**». Дай Бог, чтобы он это сказал и чтобы он был в этом уверен!!!! По всей видимости, с графом предупредительны, и его письмо (копию которого вы мне присылали) произвело хорошее впечатление. Мне любопытно узнать, как ведет себя *Киселев* и как вы его находите, а также на какой ноге вы с ним. Сообщите мне все это, мой дорогой Павел. Госп[один] Иванов вручит вам также два темляка, которые я посылаю.

Вот, мой дорогой Павел, письмо, которое написал мне Чагин. Я ничего ему не ответил. Скажите, должен ли я уплатить ему объявленную им сумму? В таком случае перешлите мне это письмо или скорее пришлите мне вычет для него, в который я помещу деньги, которые вы пришлете ему этим письмом, – это было бы еще лучше.

Прощайте, мой дорогой Павел. Благословляю вас и обнимаю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 112–113.

* В тексте пропущено слово, буквально: «я постараюсь быть в моих как только можно...».

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 мая 1819

Два ваших письма, мой дорогой Павел, пришли ко мне почти одновременно. То, что от 15-го числа сего месяца через фельдъегеря, дошло до меня 23-го, а по почте от 6-го числа – 28-го сего месяца. Отвечаю вам на оба с фельдъегерем, который выезжает завтра. Чувства, которые вы в них выказываете, мой добрый друг, относительно вашего интереса к тому, что происходит со мной в службе, достойны вас и служат бальзамом для моего сердца. Надобно запастись терпением и сказать: да будет воля Божия!!! Если он посылает нам тяжкий крест, то это, несомненно, для нашего блага. С тем он даст нам и силы нести его с мужеством и смирением. Я испытываю это на самом себе в настоящее время. Я спокоен и надеюсь увидеть счастливый конец, но как? и когда? – вот большой вопрос, на который не в нашей власти ответить, ибо мудростью Всевышнего будущее от нас сокрыто. Успокойтесь, мой друг, обо всем что касается лично меня. Мое здоровье стало лучше, нет больше болей в ногах. Я плохо хожу и особенно легко устаю, но и в этом есть также благо, ибо я работаю и занимаюсь прежде всего вещами полезными, а в моем возрасте и с моим жалким сложением надобно отказаться от удовольствий и предоставить их персонам крепким и здоровым. Я хожу меньше, но и мои маленькие прогулки доставляют мне более удовольствия, чем большие, какие я мог совершать когда-то, ибо я могу лучше ценить преимущество использования собственных ног. В моем положении нет никаких перемен, и я даже не знаю, когда мой преемник прибыл в Тобольск. Знаю, что 13-го числа сего месяца он был еще в Казани. У меня нет с ним никаких иных отношений, кроме того что я отослал ему бумаги, приходившие ко мне после его назначения на мое место. Я даже не мог иметь никакого ответа на эти *официальные* бумаги из частной переписки, она может возникнуть лишь если *он* того пожелает. Мне не пристало ее затевать. Скажу, как сказал Сюлли Генриху IV: «*Если вы честный человек, вы меня полюбите – если вы не таковы, вы меня возненавидите, и я этим утешусь*». И довольно обо мне. Все наши здоровы, и матушка нежно вас обнимает. Она не пишет вам сегодня, поскольку занята устройством переезда на Крестовский на все лето. Мы будем жить там *все* – т. е. я, Борис и Воло. Что до меня, я могу жить там и оттуда всякий день ездить в Совет и Сенат. Не имея более канцелярии, я могу одинаково хорошо делать свою работу и в деревне. Борис будет поступать так же, всякое утро отправляясь со мной в город. Воло едет на 15 дней со своим генералом и всем полком в Красное Село в лагерь и на маневры. Когда они окончатся, он вернется на Крестовский. Его дело должно, наконец, скоро решиться. Я надеюсь, хорошо, или по крайней мере со снисхождением, *не к нему*, но к товарищам, которые не могут, разумеется, быть наказаны менее строго, нежели он, будучи более оплошны.

Один пункт из вашего письма от 15-го числа сего месяца огорчил и обеспокоил меня. Говорю с вами, как друг, а *не как отец*, хотя никогда я не позволял себе разделять эти два качества. Ибо нахожу, что отец должен всегда быть величайшим и первым *другом* своим детям. Положа руку на сердце, я делаю это искренне и с нежностью. Вы говорите мне как бы мимоходом о своих планах оставить графа и принять место, которое предлагает вам граф Витт[1], начальника штаба при нем. Поскольку вы не советуетесь со мной в этом большом и важном шаге, который намерены предпринять, я мог бы ничего не говорить вам об этом. Но ни звание отца, ни таковое друга этого мне не позволяют. Так что скажу вам свое мнение с откровенностью, с какой *я действовал всю мою жизнь с вами, мой дорогой Павел.* Вы при графе уже много лет. Он вас знает. Он вас уважает и воздает вам. Он искренне привязан к вам и нет ни малейшего сомнения, что как по привязанности, так и по природной доброте (ибо он любит делать добро всякому) он о вас позаботится и всегда, что бы ни случилось, будет иметь достаточно способов доставить вам чин полковника, даже раньше срока, ибо всегда будут, хотя бы только

из расчета, уважать его службу и вообще его репутацию, известную по всей Европе более, чем в нашем отечестве. Быть адъютантом человека с репутацией графа значит, несомненно, более, чем быть приставленным к персоне гр[афа] Витта в какой бы то ни было должности. Граф Витт не имеет устоявшейся репутации. Он молод. Легкомыслен. Неопытен. Он *под началом* гр[афа] Аракчеева, который взыскателен и которого вы знаете столь же хорошо, как и я. Граф Витт обещает вам чин полковника через полгода. На чем может быть основано это обещание? Это будет зависеть от *его начальника*, который не щедр на награды. Вы знаете это лучше меня по его адъютанту князю Долгорукому[2], и Кочубей[3], находившийся при нем, может служить доказательством. Этот самый Кочубей находится, если не ошибаюсь, также при графе Витте. Служить при начальнике армии **(главнокомандующем)** совсем другое дело, нежели при ген[ерал]-майоре, имеющем дивизию, которую сделали милость назвать корпусом; когда она состоит из 10 т[ысяч] человек, этого недостаточно. Кто знает, что станется еще с его войсками, которые хотят обратить в поселенцев!!! Это навсегда останется командой, состоящей наполовину из солдат, наполовину из крестьян. Наконец, не являетесь ли вы одним из старших капит[анов] в полку. Кто знает, не придет ли через полгода к вам чин полковника без протекции, по старшинству. Как выменять вероятное на верное!!! И это вероятное покоится на обещании. Кого! – графа Витта, ***который и сам еще не оперился***. Вот мое мнение, сообщаю его вам, и если когда-нибудь вы пожалеете об этом шаге, я умываю руки и живо разделю ваше огорчение, если в конце концов вы увидите свое заблуждение. Выйдя из гвардии таким образом, вы ничуть не уменьшите расходов – совсем напротив, они должны возрасти. Если даже ваши доходы увеличатся, они не будут соразмерны росту ваших издержек, ибо начальник штаба *должен* представлять себя совсем иначе, нежели адъютант. Особенно при графе Витгенштейне, где знают, что вы бедны и немногого от вас требуют.

Я ничего не знаю касательно вашего начальника. Но я видел в **приказах**, что ген[ерал] Игнатьев получил бессрочный отпуск, это доказывает, что объяснение графа на его счет ничего ему не стоило. Мне кажется, что прекрасное письмо графа не было им поддержано и что его письмо и его поведение не вполне согласны одно с другим! В конце концов, судя лишь по слухам, я могу ошибаться. Я полагаю, что граф хорошо бы сделал, приехав сюда; *барон Сакен* здесь и был принят совершенно особенным образом. Он живет при дворе в большом дворце. Он имеет стол и экипаж не только для себя, но даже для каждого из своих адъютантов, оплаченные от двора. На следующий день после его приезда Васильчиков[4] получил приказ представиться Сакену со *всеми* старшими и младшими офицерами. Говорят, он был в большом смущении от такого приема и, не зная что делать и что сказать, спросил у офицера конных пионер (новая рота, созданная по настоянию великого князя Николая[5]), какой мундир он носит и в каких войсках служит. Потом он обратился к офицеру гвардейского Финляндского полка, находившемуся поблизости, и спросил, не из конной ли он артиллерии, а тот ему ответил, что нет. Эти подробности я получил от Ивана Шипова, бывшего свидетелем всей этой прекрасной сцены. Поскольку он ненавидит немцев, быть может, он преувеличил, но это доказывает, как привязываются к мелочам, чтобы замарать репутацию кого-то, кто уже отличился в большом!!! Я полагаю, что если граф приедет сюда, для него сделают столько же, т. е. для его приема, ибо он такой же **главнокомандующий,** как Сакен, и даже старше последнего.

Вообразите, что *ген[ерал]-лейт[енант] Капцевич*[6] заменил покойного Глазенапа как начальник Сибирского корпуса. О нем хорошо говорят по части нравственности. Дай Бог, чтобы бедная Сибирь имела добрых начальников и хороших попечителей, а особенно честных людей.

Завтра мы все будем ночевать на Крестовском. Катерина Дмитр[иевна] уже там с позавчерашнего вечера, а Минихи 8 дней. Графиня Кутайсова тоже 8 дней. Она зани-

мает дом рядом с нами, где раньше были Грибоедовы[7]. Княгиня Белосельская приехала из Москвы дней десять тому и также живет на Крестовском.

Позавчера вел[икий] князь Михаил вернулся из путешествия. Вот все наши новости. Заканчиваю, благословляя вас и обнимая с нежностью. П.

P.S. Софья сейчас вошла и говорит мне: «*Дорогой Батюшка, скажите Павлу от меня, что я его очень люблю и буду очень счастлива, если он приедет к нам*».

Вот квитанция аудитора на *тысячу рублей*, которую он взялся вам вручить. Я прилагаю также два календаря для записей расходов, которые вы у меня просили, я их с трудом достал.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 114–117 об.*

---

[1] Витт Иван (Яков) Осипович (1781–1840), сын коменданта Каменец-Подольска, мать во втором браке за гр. С. Потоцким, в 1800 – штабс-ротмистр Кавалергардского полка, с 1801 – полковник, участник кампании 1805. В 1807 из-за неприятностей по службе вышел в отставку, в 1809 вступил волонтером в армию Наполеона и проделал с ней австрийскую кампанию 1809. В 1811–1812 – русский военный шпион в герцогстве Варшавском, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., в 1812 – генерал-майор. После окончания войны командовал поселенной на Украине 3-й уланской дивизией, в мае 1818 – генерал-лейтенант. В 1823 – командующий 1-го резервного поселенного кавалерийского корпуса. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 и подавления польского восстания 1830–1831 гг.

[2] Долгоруков (Долгорукий) Илья Андреевич (1797–1848), кн., в 1813 перешел из гражданской службы в военную, юнкер л.-гв. артиллерийской бригады, в 1814 – прапорщик, в декабре 1815 – подпоручик с назначением адъютантом к А.А. Аракчееву, в июле 1819 обращен в строй в л.-гв. 2-ю артиллерийскую бригаду, поручик в ноябре 1819, в 1821 переведен в л.-гв. 1-ю артиллерийскую бригаду, в 1823 – штабс-капитан, затем капитан, в 1825 – полковник. Декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия.

[3] Кочубей Демьян Васильевич (1776 или 1786 – 1859), в 1809–1811 – чиновник экспедиции путей сообщения, служил при принце Георгии Ольденбургском. В 1812 – штабс-капитан Гродненского гусарского полка, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., в 1818 – полковник, состоял по кавалерии и находился при генерал-лейтенанте Лисаневиче, вышел в отставку в 1820, затем служил по Министерству финансов. Г.И. Лисаневич в 1814 назначен начальником 3-й (впоследствии 2-й) уланской дивизии, переведенной после 1817 на положение поселенных войск, в 1820 вышел в отставку.

[4] Васильчиков Илларион (Ларион) Васильевич (1776 или 1775 – 1847), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1815 командовал гвардейской легкой кавалерийской дивизией, с 1818 – 1-м резервным кавалерийским корпусом.

[5] Великий князь Николай Павлович, в 1817 назначенный генерал-инспектором по инженерной части, занимался развитием инженерных войск. В марте 1819 несколько саперных и пионерных батальонов были объединены в три сводные пионерные бригады, приданные 1-й и 2-й армиям; в гвардии для обеспечения действий кавалерийских дивизий в том же году был сформирован лейб-гвардии конно-пионерный эскадрон.

[6] Капцевич Петр Михайлович (1772–1840), генерал-лейтенант, в 1803–1808 служил на Кавказе, с 1808 – дежурный генерал при военном министре, с 1810 командовал 7-й пехотной дивизией, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг. С 26 мая 1819 по июнь 1827 командовал Отдельным Сибирским корпусом, одновременно в 1822–1827 был генерал-губернатором Западной Сибири.

[7] Вероятно, нанимать дачу на Крестовском острове мог Алексей Федорович Грибоедов (1767–1833), дядя по матери А.С. Грибоедова, московский барин, хозяин имения Хмелита в Смоленской губернии, активно вводивший племянника в большой свет. В 1815 А.Ф. Грибоедов перебрался в Петербург, в 1817 его дочь Елизавета вышла замуж за И.Ф. Паскевича. А.С. Грибоедов по приезде в Петербург в 1815 первое время жил у дяди. К описываемому моменту А.С. Грибоедов находился секретарем миссии в Персии, куда уехал осенью 1818.

---

* Листы перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: л. 114–114 об., 117–117 об., 115–116 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 6 июня 1819

Не хочу посылать вам прилагаемые газеты, мой дорогой Павел, не сказавши двух слов о нас. Все здоровы, матушка вас обнимает, как и ваши братья и Софья. Матушка занята устройством своих комнат на Крестовском. Я переехал позавчера и полностью обосновался в деревне. Езжу всякое утро в город, чтобы идти в Совет или в Сенат, остальную часть дня я на Крестовском. Погода великолепная. Соседи наши графини Кутайсовы, выигрывающие при знакомстве. Все хорошо при финансовых издержках, а поскольку это один из важнейших пунктов существования, наше страдает от некоторых препятствий!!!

Я буду в восторге, если вы приедете сюда с вашим генералом, если он не изменит намерению приехать в следующем месяце.

Я должен закончить и скорее запечатать письмо, но, прежде чем сделать это, хочу еще поздравить вас с днем рождения и именинами, которые мы будем праздновать в этом месяце 24-го и 29-го числа. Благодарю Бога, сохранившего вас здоровым и невредимым, защитившего вас и даже ниспославшего вам милость познать себя. Вы также, мой добрый друг, имели удачу снискать себе почтенную репутацию, которую помоги вам Бог сохранить навсегда. Снова поручаю вас защите провидения, благословляю от глубины сердца и обнимаю очень нежно. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 118–119.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 2 июля 1819

Полагая вас в пути, мой дорогой Павел, я не писал вам с последним курьером. Надеюсь, к прибытию этого вы будете накануне возвращения в Тульчин. Тем временем ваше письмо от 30 мая пришло к мне 22 июня. Непостижимо, что письма находятся в дороге почти месяц. Если граф берет с собой своего адъютанта Горленко[1], чтобы иметь возможность представить его к переводу в гвардию, в то время как ясно, что он всего лишь сделает поездку, и что это вы осуществляете все работы, почему он не представит вас в полковники, имея довольно доказательств ваших трудов, с очевидностью показывающих, кто несомненно заслуживает этого повышения, которое вам следует и которое придет к вам по старшинству, что уже не будет наградой. Ваш начальник один из тех, с кем следует ставить точки над i, он добр, он любит оказать услугу, и я ничуть не сомневаюсь, что, если ген[ерал] Киселев выскажется в вашу пользу, он сделает представление, которое несомненно будет принято, особенно если еще и Киселев захочет поддержать его. Не говорю вам ничего на то, что вы пишете о графе Витте, ибо уже достаточно подробно говорил об этом пункте в одном из предыдущих писем. То, что вы говорите об этом в последнем письме, не заставит меня переменить мнения.

Записка Рудзевича, которую вы прислали, доставила мне большое удовольствие, ничто не может быть мне приятнее, чем видеть, что вы связаны с людьми уважаемыми и что они отдают вам справедливость. Я надеюсь, что то же самое будет и с Киселевым, ибо о нем хорошо отзываются во многих отношениях. Я полагаю, вы довольны видеть при нем одного из ваших друзей, Бурцева! Каковы вы с ним, и может ли он что-то при своем генерале?

Мы живем на Крестовском, где я совершенно поселился, что мне удалось отлично устроить, работая одному и не имея более канцелярии. С 1-го числа сего месяца я сво-

боден от Совета и Сената на целый месяц, т. е. примерно до 1 августа. Я хочу воспользоваться этим временем, чтобы взять последовательный курс, в котором нуждаюсь как никогда. Мои ревматизм и геморроидальные боли мучают меня все время более или менее. Я похудел и стал весьма слаб, стоит мне походить час, как начинаются такие сильные боли в ногах, что не могу больше идти. Вы знаете, каким славным ходоком я был раньше.

На днях я имел весьма чувствительное огорчение. Представьте, что бедный Трескин, иркутский губер[натор], имел несчастье потерять жену[2]. Недомогание заставило ее ехать на воды в Баргузин в Иркутской губ[ернии]. Они ничуть не помогли, а при возвращении ее опрокинули, без большого вреда, кроме испуга, который оказался таким сильным, что с ней случился апоплексический удар, от которого она умерла в дороге в тот же день как упала. Бедный муж остался с 8 детьми и одной замужней дочерью, в их числе есть 9* лет, 8 и 7 лет, весьма нуждающиеся в материнской заботе. Четыре дочери и четыре сына. Отец безутешен, и это непоправимая потеря. Судите, дорогой Павел, в каком состоянии он должен быть, имея серьезные беспокойства от преследований сибирских плутов и наших врагов в Петербурге. Я опасаюсь за его жизнь, ибо поистине нужны силы, чтобы перенести подобные удары. Единственная вещь, еще дающая мне надежду – это что Трескин верит в Бога и основательность его религиозных убеждений и доверия ко Всевышнему. Его старший сын здесь, под моим присмотром. Этот молодой человек не великая птица. Он не лишен ума, но избалованный и невежественный ребенок. И я же сообщил ему известие о смерти матери. Он огорчен, но при его сильном характере его горе сосредоточенно. Тем хуже для него. Тем дольше он будет страдать.

Мой преемник уже в Тобольске с 25-го числа прошедшего месяца. Он вступил в должность 27-го и пока все идет превосходно. Я благословляю порядочного человека.

Ваша матушка чувствует себя достаточно хорошо. Некоторые случившиеся недомогания также заставили ее предпринять последовательный курс. Она поручает передать вам много нежностей – она не пишет вам сегодня, поскольку поехала в город с Кат[ериной] Дм[итриевной], шлющей вам тысячу дружеских уверений. Софья вас обнимает и велит сказать, что все надеялась увидеть вас здесь к вашему дню рожденья или именинам. Последние мы провели у кн[ягини] Белосельской, где за обедом пили за ваше здоровье. Несколько иностранных министров, там находившихся, тоже выпили за ваше здоровье, не зная вас. Борис почти целыми днями совершает *свои прогулки* в канцелярию министра, где он *секретарь*[3]. Воло в **Красном Селе** с 25-го числа прошлого месяца и останется там до 15-го сего месяца. Учения идут, и милости импер[атора] каждой бригаде отдельно. Поскольку бригадиры являются в лагерь в Красное Село поочередно, это будет продолжаться до сентября месяца, а тогда будут, *как уверяют*, большие маневры. Александр вблизи от нас в **Новой Деревне**, где находится его батальон. Этот батальон учится два раза в день и Александр весьма занят, а если он свободен, то отдыхает и засыпает от усталости. Вот я и рассказал все, что может быть вам интересно. Заканчиваю, обнимая вас нежно и благословляя от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 120–122 об.

[1] Горленко Петр Иванович (1790–1851), служил в л.-гв. Гусарском полку, адъютант П.Х. Витгенштейна, в 1820 ротмистр, затем полковник Мариупольского (гр. Витгенштейна) гусарского полка. В 1826 арестован по подозрению в причастности к тайным обществам, высочайше повелено перевести тем же чином в другой полк. Переведен в Павлоградский гусарский полк, в

* Первоначально была написана цифра 7, потом переправлена на 9.

1828 «за неприличные поступки» отставлен, жил под надзором. Женат на Анне Константиновне Снарской, дочери полковника Снарского и племяннице графини А.С. Витгенштейн.

[2] Жена Трескина – Агнесса Федоровна Трескина, урожденная Ключарева, дочь сенатора Ф.П. Ключарева. Разбилась 9 мая 1819 во время проезда из Верхнеудинска к Погроминским кислым водам. Подробности о ее гибели см.: Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи / Сост. Н.В. Зейфман, В.П. Шахеров. Иркутск, 1992. С. 176, 371 (прим. 21), 382 (прим. 68).

[3] Б.И. Пестель с 12 августа 1818 состоял секретарем при Министерстве внутренних дел от департамента мануфактур и внешней торговли.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 19 июля 1819

9-го числа сего месяца мы получили ваше последнее письмо от 27-го прошлого месяца. Благодарю Бога, что вы здоровы; что вы, насколько возможно, довольны своим начальником и особенно что вы в хороших отношениях с Киселевым. Я слышу о нем много хорошего. Говорят вообще (как и вы также говорите), что у него хорошие намерения. Что он тонок, остроумен, будучи в сущности добрым человеком. В остальном, довольно мало образован. Увлекающийся и переменчивый. Ваша связь с Рудзевичем доставляет мне большое удовольствие, ибо это человек заслуженный, вообще за такового известный всем, кто судит о нем беспристрастно. Я желал бы, чтобы он взял Александра к себе адъютантом, особенное если вы продолжите службу во 2-й армии. На днях Александр должен быть произведен в секунд-поручики, он представлен по старшинству. Он ничего не выиграет, если продолжит службу в полку, где находится. Наш добрый Шипов большой говорун, но весьма малый деятель. Я все больше и больше в этом убеждаюсь. Он вовсе не занимается Александром, и он предоставлен обществу офицеров полка, которые дурно воспитаны, невежественны и во всех отношениях весьма дурного толка, и невежественны даже в той ничтожной службе, которую их преимущественно заставляют нести. Если какой-нибудь офицер в полку умеет льстить Шипову, тот находит его превосходным и воображает, что нет лучших офицеров, чем у него. Это может только навредить Александру, и надо бы постараться, чтобы он оказался при генерале, где научится повиноваться и исполнять свой долг как следует. Вы знаете, что матушка балует его, и оттого происходит, что мои замечания кажутся ему пристрастными. Он даже перенимает манеры своих товарищей, не видавших хорошего общества. Он будет весьма дурным адъютантом, ибо не умеет правильно писать ни на одном языке, и скажу вполне беспристрастно, что он не в состоянии писать так же хорошо, как Софья, которой 15-го числа сего месяца исполняется *9 лет*. Ему же в следующем месяце будет 18. Он всегда питал отвращение к повиновению. Начиная с Познера, Джексона, Зейделя, Ханеншильдта, Миддендорфа[1] и до Шипова он отказывался повиноваться и знать, что такое субординация. Одному мне он уступает, замолкая, но вовсе не повинуясь. Я нахожу, что было бы полезно удалить его от родительского дома, но не иначе как доверив его генералу, который бы занимался им по-отцовски. А найди такого! Кто посторонний захочет за такое взяться!!! Все это весьма меня огорчает, особенно ввиду будущего, какое подобный молодой человек себе готовит. Я говорил об этом Шипову, который заверил меня, что доволен им и что очень с ним строг, тогда как я всякий день вижу доказательства противного, даже в его небрежности к службе. Мы с вами займемся этим пунктом в сентябре месяце, когда вы будете здесь[2]. Я заранее радуюсь, ибо к тому времени нам всем надо будет уладить множество вещей в нашей жизни. *Я не могу и не должен* сам продолжать жить изо дня в день так, как обстоятельства обязывали меня делать в течение несчастных десяти лет, с тех пор как я поселился в Петербурге. Этим мы также займемся, как и касающимся проектов графа Витта.

Мы все достаточно здоровы, не считая некоторых нравственных и физических страданий. Матушка, которая нежно вас обнимает, страдает время от времени от нервов, несмотря на лекарства, которые она уже месяц принимает. Я же не могу избавиться от ревматизма и геморроя. Я принимаю отвар, который, кажется, приносит пользу. Что до дел, 3 года доставлявших мне столько огорчений, я снова ничего о них не слышу. Мой преемник в Сибири и ведет себя достойным его всегдашней доброй репутации у всех благомыслящих людей образом.

Портрет Капцевича, что вы мне написали, совершенно справедлив, и так же судят все, его знающие. Потому я думаю, что он хорошо поладит со Сперанским, особенно потому, что весь свет считает, что он не останется надолго начальником над Сибирью и что это снова приведет его на какую-то должность в Петербурге. Эта идея производит то, что все министры его опасаются и все для него устраивают. Какое великое преимущество, по сравнению со мной, которому весь свет завидовал и старались низвергнуть!!

Зейдель еще не взял отставки и даже, кажется, не искал бумаг, которые, как вы говорите, давно уже посланы вашим генералом кн[язю] Волконскому[3]. Бедный Зейдель, он горемыка во всех смыслах. Он просит совета, чтобы поступить противоположным образом по собственному разумению. Потом ему оказывается худо, раскаивается, что не последовал советам, а при первом случае делает то же самое. Я наконец слушаю его и не говорю того, что думаю. Все его демарши перед кн[язем] Волконским, кн[язем] Голицыным, гр[афом] Нессельроде, Обресковым, гр[афом] Милорадовичем* и пр. и пр. сделаны разом и в одно время, не принесли пока никакого успеха, и он начинает понимать, что ничего не добьется, ибо уже начинают тяготиться его видом и соответственно принимать его. *Wem nicht zu rathen ist, dem ist auch nicht zu helfen***. Случевский составляет совершенную ему противоположность. Он полностью полагается на вас и ваши советы. Он спокойно остается на своем месте, где им довольны и желают его сохранить. Он дождется вашего приезда и ваших советов. Это весьма достойный мальчик, но я боюсь за него из-за его слабого здоровья. Сомневаюсь, что он доживет до старости, этот бедный дьявол.

Первые деньги, какими смогу располагать, я употреблю на уплату ***Чагину***, **Случевскому** и всем, кого вы указали в последнем письме, и пришлю вам, что позволит моя бедность.

Среди нынешних новостей – болезнь мин[истра] внутренних дел, который был при смерти, но несколько дней назад болезнь приняла более благоприятный оборот, *и говорят*, что опасность миновала. Знаменитейшие здешние доктора, долго его лечившие, наконец совершенно его приговорили. *Шибаль*, которого вы знаете и который пользовал наших домашних, вытащил его из этого положения очень простыми средствами.

Маневры были очень хороши, имп[ератор] был очень доволен Кавалергардским полком, и как никогда есть надежда, что дело Воло счастливо закончится.

Прощайте, дорогой Павел. Благословляю вас и нежно обнимаю. П.

P.S. Вы уже давно прислали мне записку о деле князя Мещерского[4]. Поскольку вы дали то же поручение Случевскому, я просил его сообщить вам об окончании этого дела. Кажется, он позабыл сказать вам об этом. Вот как оно закончилось. Сенат приказал продать имение в пользу кредиторов, и я нахожу это решение в высшей степени справедливым. Отец этих князей Мещерских, чтобы спастись от обыска кредиторов, сделался монахом. Есть много тех, кто таким образом ничего не получит, но было бы несправедливо отнимать у них все, передавая имение детям отца, который их обманул. Итак, ваш кн[язь] Мещерский проиграл дело, и я нахожу это

* Фамилия Милорадовича приписана над строкой.

** «Кому нечего посоветовать, тому нельзя и помочь» (нем. яз.).

очень справедливым. Сообщаю вам это для большей верности, не зная, исполнил ли Случевский мое поручение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 123–126 об.*

[1] Перечислены имена гувернеров и учителей братьев Пестелей.

[2] А.И. Пестель в декабре 1819 был переведен в Лейб-кирасирский ее величества полк с прикомандированием к Кавалергардскому полку.

[3] Волконский П.М., начальник Главного штаба.

[4] Неясно, о каком из Мещерских идет речь. Во 2-й армии служил некий князь Мещерский, который в начале 1822 был откомандирован для особых поручений к гр. И.О. Витту, в штабе армии подозревали, что он правительственный шпион [см. переписку П.Д. Киселева с А.Я. Рудзевичем (Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу (1817–1823) / Публ. А.Н. Акиньшина, М.Д. Долбилова. Воронеж, 1998. С. 78, 124–125].

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 16 августа 1819

Я был так занят все это время, мой дорогой Павел, что не только не мог вам писать, но даже забывал посылать газеты, спешу сделать это с сегодняшней почтой, но, поскольку она отбывает сейчас же, я успеваю только сказать вам два слова, т. е. что мы все здоровы, любим вас и нежно обнимаем и что ваш приезд сюда будет истинным праздником для всех нас, ожидающих вас с величайшим нетерпением. Мои дела примерно в том же состоянии. Ничего нового, ни хорошего, ни плохого, разве что мой преемник все больше и больше оправдывает мое о нем мнение.

Прощайте, дорогой Павел, повторяю вам заверения в моей нежности и благословляю вас от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 127–127 об.

1820

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 июня 1820

Сегодня 27 мая, будучи совершенно один во всем доме, я пользуюсь одиночеством, чтобы написать вам, мой дорогой друг Павел. Я один, потому что со вчерашнего вечера ваша матушка со всем домом перебралась на Крестовский, как и Борис, Александр и Софья. В городе остался один Воло из-за ежедневных учений, которые они имеют. Я рассчитываю переехать в деревню в субботу к обеду и обосноваться там тоже на все лето. Уже 3 дня как у нас прекрасные дни и тепло, и я чувствую себя много лучше, поскольку мои ревматизмы и геморроидальные приступы боятся теплого климата и упражнений, а я делаю их достаточно, ибо каждое утро хожу пешком в Совет и в Сенат и возвращаюсь так же, несмотря на ждущий меня несчастный экипаж, оставленный матушкой. Так что я хожу пешком из-за режима, а не по необходимости. Все наши здоровы, за исключением Александра, который все не может избавиться от болезни горла. Он потерял голос и все еще страдает. С вашего отъезда мы с матушкой постоянно думаем о вас, по 20 раз на дню считаем, где

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 123–123 об., 126–126 об., 124–125 об.

вы можете быть, и проливаем по вас слезы нежности. Воспоминание о прощании с вами запечатлеется в моем сердце навсегда. Я нашел в вас нежного сына, чувствительного человека, глубоко доброго и почтенного во многих отношениях. Надобно быть отцом, чтобы знать, какой бальзам для отцовского сердца иметь возможность сказать себе то, что я твержу о вас с таким удовольствием!!! Благослови вас Бог! Да руководит Он вами и охраняет вас, вот постоянные молитвы, которые я возношу всякий день и почти ежечасно ко благому Провидению, дарующему мне свои милости, ведущему и поддерживающему меня с такой милостью!!! Если вы однажды, дорогой Павел, возымеете счастье ощутить, что Всевышний желает нам лишь блага и счастья будущего и настоящего, вы увидите в особенности в превратностях жизни столь же великую его доброту, как и в счастливейших событиях этого мира, полного бедности и тягот.

У меня нет ничего интересного рассказать вам. Мои дела в том же положении, как были при вашем отъезде. Отъезд Тр[ескина] из Иркутска так же не решен, как был и в вашу бытность здесь, в остальном нет ничего нового, ни приятного, ни неприятного.

Я поручил Случевскому доставить вам ящик с вашей шапкой, который я ему отправил хорошо упакованным.

Дело Александра еще не окончено, ибо Депрерадович (как уверяет Воло) не имеет еще ответа, которого мы ждем[1]. Я полагаю, что Васильчиков еще занимается этим. Я тут не могу ничего поделать, будучи в неизвестности, что происходит*.

Я начал это письмо позавчера** (28-го), а вчера утром полностью переехал на Крестовский. При входе в мою комнату, которая наверху самая большая, я был живо тронут вниманием вашей матушки, приготовившей мне помещение уютное и даже элегантное, я нашел там два десятка горшков с самыми разными цветами и устроился как нельзя лучше. Вот как провидение дает нам способ наслаждаться этим миром в те моменты, когда мы лишены, или полагаем, что лишены, чего-то другого, к чему привязаны или по привычке, или по причудам ума и сердца.

Вы забыли здесь ваш лорнет, который посылаю при сем. У меня нет более времени писать, заканчиваю, благословляя вас от всего сердца, как нежнейший из отцов и вернейший из ваших друзей. Весь ваш сердцем и душой П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 97–98 об.

[1] Речь идет о хлопотах по переводу А.И. Пестеля из армии в гвардию (см. следующее письмо).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 10 июня 1820

Поистине не проходит дня, чтобы я не молил Бога за вас, мой дорогой Павел, и не благодарил за ваше существование, горячо прося сохранить вас. Несмотря на это, я позабыл о дне вашего рождения и именинах, которые оба будут в этом месяце, и даже прежде, чем это письмо дойдет до вас. Итак, мои поздравления и пожелания к этим двум дням дойдут до вас слишком поздно. Верьте, мой добрый друг, что от того они не станут менее искренними и что я благословляю вас и обнимаю со всей нежностью, на какую способен нежный отец и искренний друг. Благослови вас Бог и руководи Он вами со всей своей добротой, и дай вам всего, что может быть вам полезно и принести счастье. Я весьма огорчен, что мы не проводим эти дни с вами, мой добрый друг. Бла-

* Далее текст написан другим, лучше заточенным пером.

** Приставка «поза» вставлена над строкой, первоначально было написано «вчера».

годаря Бога мы *все* чувствуем себя очень хорошо. Жизнь в деревне упражняет нас и полезна для здоровья. Особенно последние два дня дни совсем летние, но по вечерам все еще свежо.

У меня нет ничего неприятного из Сибири. Александр окончательно остается в полку, где он был при вашем отъезде, ибо отказ в переводе его в гвардию основан на принятом правиле, что только корнеты и прапорщики могут перейти из гвардии в армию. Он утешился, и я тоже.

Сергей[1] часто говорит о вас и очень вас любит. Он просил напомнить вам о нем.

Борис ведет ту же жизнь, что и в ваше время, занимаясь дурными шутками и потом отдыхая в домашнем платье на своих лаврах.

Воло в **Красном Селе** на маневрах. Его полк прошел смотр, и имп[ератор] благодарил не только Депрерадовича, но и всех офицеров, каждого особо, Воло получил свою долю как командующий эскадроном. На следующий день имел место смотр полка Конной гвардии и благодарности были те же, но в конце смотра шеф полка *ген[ерал] Орлов* был сделан ген[ерал]-адъютантом[2]. Что скажет Киселев! Который коллега и товарищ по службе Орлова[3]. Бедный Киселев, он только что потерял отца[4], умершего в Москве пару недель назад.

Бумага и время вынуждают меня заканчивать. Делаю это, нежно вас обнимая. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 99–100 об.

---

[1] Вероятно, Сергей Францевич фон Брин (И.Б. Пестель всюду пишет их фамилию «Бринен»), племянник и воспитанник Пестелей, сын сестры Ивана Борисовича Елизаветы (ум. не ранее 1820) и Франца Абрамовича фон Брина, в 1810–1821 тобольского губернатора.

[2] Орлов Алексей Федорович (1786–1861), с января 1819 командир л.-гв. Конного полка, 4 июня 1820 произведен в генерал-адъютанты.

[3] П.Д. Киселев был произведен в генерал-адъютанты в 1823.

[4] Дмитрий Иванович Киселев (1761 – 30 мая 1820), действительный статский советник, первоприсутствующий в Московской оружейной палате.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 июня 1820

Сегодня, мой дорогой Павел, день ваших именин, который мы отпразднуем в семейном кругу, вспоминая о вас с нежностью. Я начал этот день с горячих молитв за ваше благополучие, а стихи, которые я нашел для *вас*, мой добрый друг, и посылаю вам при сем, укажут вам самое надежное и верное средство, где найти счастье в этом мире бедности и печалей!!! Провидение дарует вам душевное спокойствие, я поистине нашел его в нем; и единственное счастье в этом мире, как и в ином, где нас ждет вечный покой. Всевышний дарует нам этот покой, давая нам силы исполнить наш долг; исполняя его, мы довольны самими собою, и наши ближние приходят к тому же, ибо уверяются, что мы желаем им лишь блага. Даруй вам Бог эту высшую милость, и тогда вы будете счастливы в том положении, в каком окажетесь в жизни! На этом благословляю вас от глубины сердца, желая вам доброго здоровья и превыше всего – душевного спокойствия.

После вашего отъезда мы получили от вас только одно письмо. Оно от 10-го числа сего месяца из Тульчина, и поскольку вы там ничего не говорите о том, куда следует адресовать вам письма, я продолжаю посылать их в Тульчин. Это отправится с фельдъегерем, выезжающим послезавтра, а поскольку я предполагаю, что ***Случевский*** придет сегодня, то готовлю письмо заранее, чтобы отдать ему.

Мы все здоровы, даже я страдаю меньше, несмотря на ужасную погоду. Целыми днями идет проливной дождь, и дождей такой силы я никогда не видал. В течение 27 часов непрерывно шел дождь, и сильный дождь, начавшийся вчера в полночь, не прекращается до сих пор, сейчас, когда я вам пишу, час пополудни. При этом сделалось так холодно, что мы вынуждены были топить, но в помещениях всего 10 градусов тепла. Климат есть одно из преимуществ жизни в Петерб[урге], так что единственная молитва, какую я возношу за свое бытие в этом мире, ограничивается пожеланием оказаться в лучшем климате.

Поскольку матушка вам пишет, она взялась сообщить все, что вас может интересовать из здешнего, я же ограничусь тем, что поговорю с вами о *моих делах*. Финансы сохраняются *in statu quo*, все остальное *касательно меня лично* также. Я продолжаю свое размеренное поведение, удаляюсь от всего, что могло бы заставить обо мне говорить, несмотря на это мне случается подавать мнения, основанные на справедливости, на которые несправедливости часто даже приходится опираться. В общем, провидение дарует мне душевное спокойствие, о котором я говорил выше и которого желаю вам так живо, потому что оно составляет мое счастье. А я бы так хотел разделить мое счастье *с вами, мой дорогой Павел, мой добрый друг*. В Сибири все идет своим чередом, как и в вашу бытность. Все ставят *с ног на голову*, чтобы изменить, действуя без понимания, без опыта и со всем самолюбием ученого по преимуществу, во всем и повсюду. Естественным следствием этой страсти к новшествам становится то, что, изменив, *переменяют снова*, вынуждены действовать, несмотря на возвращение к старому, которое было основано на обдуманном многолетнем опыте. Дай Бог, чтобы мой преемник не пробыл в Сибири и трех лет. Я слишком его люблю, чтобы не желать ему освободиться как можно скорее, ибо в сущности он обладает наилучшими качествами, но фортуна его испортила. Если он побудет три года, он наделает гораздо больше бед, чем я к исходу 14 лет самой обременительной службы, какая может существовать. Бог ему помоги и особенно прояви милость к бедной Сибири, которая вновь наводнена плутами, опустошающими ее к своей выгоде. Трескин имел позволение оставить Сибирь, и сейчас он должен быть в дороге, чтобы явиться сначала в Москву, а потом, вероятно, сюда. Я весьма рад, что этот честный человек приедет хотя бы умереть в России, ибо горести настолько сокрушили его сердце и тело, что маловероятно, чтобы он мог еще долго прожить. Его скверный сын продолжает здесь переписку со своей Дульсинеей и не спрашивается насчет своего намерения жениться. Этот молодой человек настоящий скверный повеса. Я гораздо более доволен вторым моим воспитанником Сергеем Бриненом. Это превосходный мальчик, которого я очень люблю. Он послушный, добрый ребенок, но никогда не станет лицом выдающимся. Для этого у него слишком мало средств. Вы не поверите, как он вас любит. Доказательством тому, что, несмотря на легкомыслие, не проходит дня, чтобы он не вспомнил о вас.

Кстати или, скорее, некстати. Томи потерялся почти на три недели, к концу которых пришел в наш городской дом. Судите о радости Софьи, и скажу больше, нас всех, даже матушка была счастлива его видеть. Сергей говорит, очень досадно, что Томи не может рассказать подробностей всего, что с ним происходило во время отлучки.

Поскольку я собираюсь сделать два визита, один к кн[язю] Лопухину, другой к гр[афине] Кутайсовой, поскольку сегодня именины у первого и у мужа второй (она сегодня прислала нам поздравления с вашим праздником, а на Св. Иоанна пришла сама), я заканчиваю письмо, обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

К письму приложен листок на немецком языке рукой И.Б. Пестеля:

Не бойся, ибо Я с тобою. Не смущайся, ибо я Бог твой. Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей.

Те, кто доверяется Господу, узнают, что Он остается верным. И Он не оставит тех, кто верен ему в любви, ибо святые Его пребывают в милости, и Он призревает своих избранных[1].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 101–105*.

[1] Исаия, 41,10.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 июля 1820

Последнее дошедшее до нас ваше письмо, мой дорогой Павел, было от 15-го числа сего месяца. Я начинаю уже беспокоиться, не имея столь долгое время никаких новостей от вас. Я благодарю Всевышнего, что вы здоровы и достигли покорности судьбе, которая столь нужна в вашем положении, весьма неприятном во многих отношениях. Возможно, когда это письмо дойдет до вас, вы уже узнаете о результате свидания имп[ератора] с вашим начальником и что из него произойдет *для вас*. Уже совершенно отвыкнув узнавать что-нибудь приятное относительно моих ближних и собственной моей особы, я не ожидаю ничего особо утешительного и ограничиваюсь тем, что прошу у Бога милости принять с твердостью и благодарностью все происходящее со мною. И сохранить уверенность, что рука Божья ведет нас и что все к нашему благу, даже вещи, кажущиеся нам наименее для того пригодными. Помоги вам Бог и поддержи вас во всех разнообразных положениях, в каких вы окажетесь во время путешествия с графом и особенно во время пребывания в Вознесенске у гр[афа] Витта и пр., и пр. Поскольку это не ваш собственный выбор, лишь обстоятельства привели вас к путешествию с графом, я ожидаю, что оно принесет вам какую-то пользу, но как и каким образом – не в моих силах в это углубляться. Сообщайте мне, мой добрый друг, ваши новости. Говорите со мной откровенно, как *с вашим лучшим другом*, я им поистине являюсь, Бог мне свидетель, во всем, что только вас касается. Я буду молить Бога о вас, чтобы он даровал вам свою святую защиту. Старайтесь быть в хороших отношениях со всем светом, насколько это позволяют ваши понятия о чести и порядочности. Особенно старайтесь ухаживать, как за новобрачной, за Киселевым и графом. Вот все, что я имею сказать сейчас *о том, что касается вас* лично. Что до меня и наших, мы почти в том же положении, что и при вас, все время в нужде, разве что чуть более или менее, вот и вся разница. Посудите, я все еще веду переписку о тех *1700 руб*., которые должен был получить из Тобольска перед вашим отъездом. Как только они прибудут, я заплачу по вашей записке и начну с *300 руб*. Сен-Флорану[1] без отлагательства. Новости из Сибири все те же, кроме того, что Трескин выехал из Иркутска 10 июня и сейчас должен быть в Москве. Я получал от него известия с дороги, и 24 июля он был в Казани. Он совсем уехал из несчастной Сибири со всей семьей. Поведение Сперанского было одинаково до последней минуты. Он расстался с ним весьма вежливо, но в совершенном неведении, что с ним станется и каковы вообще его намерения. Я восхищаюсь столь твердым поведением, но прошу Бога о милости никогда не оказаться способным на подобное!!!

Матушка напишет вам сама. Ваши братья и Софья здоровы, благодарят вас за память и нежно обнимают. Сергей также. Он был крайне чувствителен к тому, что вы сказали для него в письме.

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 101–101 об., 104–104 об., 102–103 об., 105.

Я с большим удовольствием готов исполнить поручение графа и прошу вас сказать ему, что всегда готов исполнять его комиссии. Я пишу ему как раз сегодня на этот предмет. Вы увидите, какое ничтожное обстоятельство мешает закончить это дело. Я хотел просить поговорить об этом с имп[ератрицей]-матерью, но меня заверили, что она отказала на такую же просьбу гр[афине] Кутузовой и госп[одину] Загряжскому, хлопотавшему о том же для генерала **Желтухина**[2]. Постарайтесь как можно скорее послать бумагу, о которой я прошу, а также письмо к ничтожному Саблукову[3], который ускорит движение дела и который любит делать придирки, чтобы показать свою власть. *Как это благородно*.

Посылаю вам при сем газеты и журналы. Я копил их, думая, что они, может быть, быстрее до вас дойдут с курьером, нежели по почте.

Прощайте, дорогой друг. Обнимаю вас от глубины сердца и благословляю также. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 106–107 об.

---

[1] Сен-Флоран – книготорговец, его лавка французских книг находилась на Невском проспекте, в доме Глазунова у Казанского моста.

[2] Желтухин Петр Федорович (1777–1829), генерал-майор, в 1817 командовал л.-гв. Гренадерским полком, с 1819 1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии, позднее начальник штаба Гвардейского корпуса; или Желтухин Сергей Федорович (1776–1833), генерал-майор, с 1819 начальник 13-й пехотной дивизии.

[3] Саблуков Александр Александрович (1749–1828), действительный тайный советник, член Государственного совета.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 12 августа 1820

Пишу вам наспех, мой дорогой Павел, чтобы доставить прилагаемое от Шипова и послать вам квитанцию от Сен-Флорана на *триста руб*., которые вы мне поручили ему уплатить. Я в настоящее время занят уплатой всего, что вы указали в оставленной мне записке, и что составляет *1300 руб*. Благодаря Бога, я могу закрыть этот счет!!!

С нетерпением жду новостей от вас и о свидании е[го] в[еличества] имп[ератора] с графом вашим начальником. Дай Бог, чтобы оно оказалось чем-нибудь полезным для вас, мой дорогой друг. Я настолько отвык получать хорошие новости, которые не одни *слухи*, но тем не менее убежден, что все устраиваемое провидением гораздо лучше того, что выдумываем мы сами. На этом поручаю вас руководству Всевышнего, благословляя от глубины сердца.

Матушка вас нежно обнимает, она собиралась писать, но ей помешало приглашение госп[ожи] Депрерадович провести у нее вечер. Матушка поручила мне сказать вам, что весьма досадует на эту помеху и при первой возможности возместит ее. Ваши братья и Софья нежно вас обнимают. Кате[рина] Дмит[риевна] и Никол[ай] Борис[ович] шлют вам тысячу поклонов, а также Шиповы и Случевский.

Мы проводим время довольно приятно, часто бываем в обществе наших соседей на Крестовском и Каменном Острове, вот лица, которых мы часто видим: гр[афиня] Белосельская, госп[ожа] Муравьева, гр[аф] Кутайсов, кн[ягиня] Дадианова и ее сестры госп[ожи] Нарышкина и Кнорринг[1]. Трое последние составляют новые знакомства, сделанные этим летом, поскольку кн[ягиня] Дадианова занимает загородный дом рядом с нами, где в прошлом году жила гр[афиня] Кутайсова. В остальном мы не особенно наслаждаемся деревенской жизнью из-за постоянных дождей этим летом. Я поза-

был назвать гр[афиню] Миних и вспомнил о ней, потому что она отмечала этим летом дни, когда не было дождя, и уверяет, что их было всего 19.

Мне нечего вам сказать о моих делах и о делах Сибири, ибо совершенно ничего не знаю, особенно с тех пор как Никол[ай] Ив[анович] Трескин уехал из Сибири. Он сейчас в Москве, где его задержала болезнь и не позволяет приехать сюда.

Прощайте, дорогой Павел. Заканчиваю, обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 108–109 об.

---

[1] Речь идет о трех сестрах, дочерях Дмитрия Ивановича Нарышкина (1751–1790). Мария Дмитриевна (1779–1854) была замужем за князем Леоном Александровичем Дадиани; Анна Дмитриевна (1774–1848), замужем за Павлом Петровичем Нарышкиным; Александра Дмитриевна (ум. 1862), в первом браке за генерал-майором Карлом Богдановичем Кноррингом, во втором за Карлом Федоровичем Фошем.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

[С.-Петербург, 26–31 августа 1820]

Хотя это письмо предназначено к отправке с фельдъегерем, который едет 1-го числа будущего месяца, я сажусь писать сегодня (*26 августа*), не будучи уверен, будет ли у меня время в другой день. Я вам отвечаю на ваше последнее от 15-го числа сего месяца. Я был живо тронут, закончив его чтение. Чувствования разного рода пробудились в моей душе. Первым и самым живым было удовольствие видеть, с какой откровенностью и с каким доверием вы открываете нам свое сердце. Я возблагодарил Всевышнего и молю его сохранять для нас навсегда чувствования вашего сердца, глубоко доброго, чувствительного и честного. Это справедливость, которую мне весьма сладостно вам воздавать, мой дорогой Павел. Одна из самых священных для меня обязанностей, как отца и искреннего друга, говорить с вами со всей возможной откровенностью и в свою очередь ничего от вас не утаивать. Я исполняю эту обязанность с удовлетворением, ибо обязанность эта для меня естественна, особенно с вами, мой дорогой сын, мой добрый друг!! Начну высказывать вам свое мнение по всем пунктам, о которых вы говорите, ничего от вас не утаивая. Ваша мера относительно службы находится в противоречии со всем, что мы говорили, когда вы были здесь в последний раз. **Поселение** и граф Аракчеев, как и сам ген[ерал] Витт, казались нам тогда противными нашему образу мыслей, чтобы согласиться на место, которое в то время вам предлагали. Тогда эти соображения заставили вас от него отказаться. Я был того мнения, что вы хорошо сделали. Одной из причин было также отдалить вас от персоны, о которой идет речь[1], *denn wer sich in Gefahr begibt kommt leicht um*[*]. Вы спрашивали мнения у гр[афа] Витгенштейна и Киселева, и они вам советовали согласиться. Первый тоже был в Москве противного мнения. Почему все это после переменилось? Я не знаю никакой из причин, приведшей вас *тогда* к отказу и *после* переменившейся? Напротив, я вижу, что, чтобы занять это место, вам показалось необходимым занять 5 т[ысяч] руб. (хотя и у друга), которые вы не имеете никакой надежды уплатить. Зачем располагать своим другом таким образом? Зачем иметь перед ним *подобное* обязательство, когда есть средство этого избежать? Если *ваше место* обязывает вас к представительству, превосходящему ваши начальные средства, вы будете вынуждены продолжать тем же. Хотите ли вы продолжать жить за счет ближнего, пусть даже вашего ближайшего дру-

---

* «Кто попадает в беду, тому легко сгинуть» (нем. яз.).

га? Я согласен, что вы не можете более оставаться адъютантом, особенно при графе, по множеству причин, но нет ли все же другого средства отделиться, кроме места при де Витте? Даже уйдя в полк, вы приблизите время получения полка в свое командование и не будете вынуждены входить в столь значительный долг. Вот, дорогой Павел, мое мнение относительно места при гр[афе] Витте. Это мнение придет, возможно, слишком поздно, чтобы заставить вас переменить планы, и мне не остается ничего сказать, кроме как просить у Бога милости, чтобы это оказалось к вашему благу и вам бы никогда не пришлось упрекать себя за то, что согласились на настояния Витта, который имеет очень веские причины желать иметь вас при себе. Уверяю вас, дорогой Павел, что буду просить у Бога этой милости горячо и от глубины сердца, ревностно желающего вам счастья. Теперь поговорим о других обстоятельствах. Персона, о которой идет речь, является фрейлиной при дворе. Стало быть, приуготовлена к тому, чтобы играть роль в свете. Богатство *ничто*, ибо зависит от смерти отца, транжиры, который в таком возрасте, что может прожить достаточно долго для того, чтобы ничего не оставить дочери. Вы сами имеете *менее чем ничто*, ибо у вас есть долги, которые нет (в настоящий момент) никакой надежды уплатить. Чем вы будете жить? Что станется потом с вашими детьми? Вы желаете между тем счастья *особы*? Если вы основываете свои расчеты на вероятностях и надеждах, то это слишком ненадежное основание. Я надеюсь и даже не сомневаюсь в том, что однажды вы окажетесь в лучшем положении, нежели то, в каком вы находитесь в настоящий момент, но этого еще нет, а на *надежде*, что в один прекрасный день что-нибудь *может* произойти, не должно рисковать счастьем особы, которой желаешь добра. Первый план, который мы сделали вместе, был, стало быть, значительно основательней и разумней: удалится и дать времени возможность залечить рану, которая сейчас, кажется, велика и сильна как никогда. Вы, кажется, уверены, что никто из семьи, как и сама молодая особа, не подозревают о том, что происходит из-за нее в вашем сердце. Я же, напротив, твердо уверен, что молодая особа это знает и что вы это сами от себя прячете, взращивая тем не менее в сердце надежду, что вы ей небезразличны. Кто знает, что Витт об этом не догадывается? Кто знает, не желает ли он отделаться от этого? Я могу ошибаться, но признаюсь вам, что, судя о Витте по его репутации, я считаю его способным на многие вещи, которых не должно бы быть. Его поведение с женой, которая ему многим пожертвовала, также это доказывает. Когда надевают очки с зелеными стеклами – все нам, кажется, зеленым. Так же и с любовью, которая является чувством экзальтированным и очень легко заставляет нас видеть вещи с той точки зрения, какой мы желаем. Вот, дорогой Павел, мое мнение по этому пункту вашего письма. Я не знаком с молодой особой. Я слыхал о ней только самое хорошее, но я не знаю, та ли это особа, которая может *вам* подходить. Вы вполне в том возрасте, когда женятся, но не возраст определяет счастье в браке, надо еще изучить свой характер. Выработался ли ваш в достаточной мере! Достаточно ли вы хозяин сам себе, чтобы сделать счастливой женщину, вы, кто в глубине души не уважает женщин? Полячки известны своим легкомыслием. Сколько среди них разводившихся по несколько раз, даже их закон облегчает эти расставания. Полячка, ежедневно видя дурные примеры, легко к ним привыкает. Воспитанная в такой семье, как у Потоцких, было бы чудом, если бы молодая особа имела настоящие принципы, делающие совместную жизнь счастливой. Я не верю в чудеса в таких случаях и опасаюсь, как бы ваши зеленые очки не заставили вас увидеть зеленым то, что является черным, или наоборот. Да руководит вами Бог и да отвратит Он вас с пути, на котором я не вижу для вас никакого счастья, мой добрый друг. Это говорит вам нежный отец, искренний друг. Отдалитесь и спасайтесь со всех ног от опасности, в которой вы увязли и которой так твердо решили было избегать. Вы уже доказали вашу слабость, как можете вы говорить: «Не опасайтесь за меня, что я еду в Вознесенск, *я все же сам "себе хозяин"*». Чем более вы будете рассчитывать на собственные свои силы, тем сильнее будет опасность для вас, мой добрый друг. Спасайтесь и старайтесь забыть страсть, которая может принести лишь несчастье и вам, и

молодой особе, а затем вашим детям. Думаю, я вам это достаточно доказал выше. Признаюсь вам, что для меня было бы счастьем видеть вас женатым. Я желал бы этого для вас и для блага всей нашей семьи, где вы однажды должны будете заменить меня. Быть может, замена эта случится раньше, чем вы думаете. Я слаб. Я чувствую, что заметно убываю физически и морально. Ваша бедная матушка и сестра будут нуждаться в вас, дорогой Павел. Вы сделаетесь более основательным, надежным и зрелым, чтобы стать их поддержкой, если сам будете мужем и отцом семейства. Вам легче будет поставить себя на их место и быть им полезным наилучшим образом, но я хочу и прошу Бога, чтобы вы женились более разумным образом, нежели тот, о котором идет речь. Вам нужно иметь, чем жить приличным образом. Вам нужна жена основательная, надежная и разумная. На этом я вас благословляю, нежно обнимаю как отец и друг и поручаю вас Божественному провидению, да будет оно вашим руководителем, поддержкой и дай оно вам надежду и силы составить свое счастье и таковое своих родителей, ибо, конечно, наше счастье и ваше столь тесно связаны, будто это одно и то же.

То, что вы говорите, дорогой Павел, что сомневаетесь, что Никита Муравьев имеет успех, дает мне повод думать, что вы имеете поводы полагать, будто *вас* ему предпочтут. Исследуйте сами себя, и вы увидите, что я прав, а, чтобы иметь эту надежду, надо, чтобы о ваших чувствах догадывались. Я уверен, что мои соображения справедливы. Я знаю вас лучше, чем вы сами. И потому я уверен, что если бы вы полагали, что к вам безразличны, вы бы *имели силы* следовать разуму и стать господином своей страсти. Рассудок должен говорить вам то же, что я вам раньше говорил об этом союзе. И не одобрять того, что вы подвергаетесь весьма большой опасности, ибо решается все ваше будущее счастье и таковое ваших родителей и всей вашей семьи. Не думайте, что вы сильнее, чем вы есть, дорогой друг. Я заканчиваю это рассуждение, поручая вас Всевышнему, да соблаговолит он руководить вами, чтобы исполнить ваш долг перед самим собой, перед особой, о которой идет речь, и перед всей вашей семьей!

Я узнал недавно, что Киселев просил повышения или иной награды для Бурцова и что он его не получил, но хочет добиваться. Полагают, что одна из помех для Бурцова суть та, что колеблются, повышать ли *вас* или дать ли вам полк, и что не хотят уязвить графа Витгенштейна, наградив кого-то по просьбе Киселева, но отказывая на просьбу графа насчет вас. Если все это правда, то вероятно, что Киселев по доброй воле сделает шаги в вашу пользу. Мотив безразличен, лишь бы успех увенчал дело. Однажды узнают ваши способности и ревность к службе и наконец воздадут вам должное. Рано или поздно. Что меня удивляет, это что ничего не сделали даже для Киселева, по крайней мере я не знаю, было ли что-нибудь сделано. Здесь говорят, что Витт получил ленту Св. Александра, но эта новость еще не наверное. Завистники находят, что это было бы слишком скоро, поскольку всего несколько месяцев назад он получил Св. Владимира 2-го класса.

Ничего вам не говорю о моих собственных делах. Я не знаю, что делается в Сибири после отъезда Трескина, который в Москве болен и приедет сюда, как только здоровье ему позволит продолжить путешествие. Я слишком полагаюсь на милость Божию, чтобы беспокоиться о моих служебных делах. Мое здоровье плохо, и даже сейчас, когда я вам пишу, я не могу ходить из-за боли, которую чувствую в правой ноге уже несколько дней. Я надеюсь все же, что скоро избавлюсь от нее, ибо она значительно менее сильна, чем раньше. Все же она достаточно сильна, чтобы мешать мне выходить из комнаты и, чтобы быть при дворе 30-го числа на празднике имп[ератора].

Вообразите, что 24-го сего месяца Федор Христиан[ович] Криденер[2] внезапно умер. У него часто бывали приступы удушья, и во время одного из этих приступов он скончался.

Я заканчиваю это письмо 31 августа, посылая вам по прилагаемому списку вещи, которые вы у меня просили, в двух деревянных ящиках, увязанных в один сверток с

вашим адресом. Надеюсь, все придет к вам в хорошем состоянии. Прощайте, дорогой Павел. Заканчиваю, нежно вас обнимая и благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 110–114 об.*

[1] Речь идет о приемной дочери гр. О. Витта Изабелле (Елизавете) Адамовне Валевской (1800–1886), в которую Павел Пестель был влюблен.

[2] Федор Христиан[ович] Криденер – личность не установлена.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петербург, 11 сентября 1820

Я весьма спешу, чтобы не пропустить почту, не сказав вам двух слов, мой дорогой Павел. С последнего моего к вам от 1-го числа сего месяца я был в постели из-за подагры и не мог пошевелиться. Как только смог ступить на ногу, я тотчас отправился в ломбард, чтобы получить деньги графа Витгенштейна. Наконец, мне их вручили. Я тотчас написал ген[ералу] Закревскому[1], чтобы узнать, каким образом было бы возможно отправить эти деньги, чтобы граф получил их как можно скорее. Прилагаю здесь его ответ, который покажет вам, что не было иного средства, кроме курьера, отправляющегося 1 октября. Я решил дожидаться этого времени, поскольку нарочный стоил бы очень дорого, а я надеюсь, что граф не будет ко мне в претензии за задержку, учитывая, что она произошла сначала от госп[одина] Саблукова, потом от моей болезни, и наконец оттого, что я хотел избавить графа от расходов, на мой взгляд, бесполезных. Если все же ген[ерал] Закревский найдет оказию, он обещал меня предварить, и тогда деньги отправятся незамедлительно. Окажите мне дружбу сказать все это графу, заверив его, что я с живейшей поспешностью воспользуюсь любой представившейся оказией, чтобы доказать ему свою готовность услужить и быть чем-либо полезным.

Мы все чувствуем себя посредственно. Я еще выздоравливаю от своей подагры, матушка, которая вас нежно обнимает, страдает от своих сердечных недомоганий, Воло нездоров, у него [нрзб.] и крайняя слабость. Софье также нехорошо, к этому прибавьте, что в деревне холодно, а мы не сможем переехать еще восемь дней, поскольку в городском доме заново красят комнаты. Все вас любят и нежно обнимают. Матушка вам не пишет, потому что я пишу наспех, чтобы не опоздать на почту. Кажется, для вас сбывается пословица **на милость образца нет**. Я узнал, что **Рудомоев** и **Бурцов** получили ордена[2] в награду за службу, а вы... ничего... насколько я знаю!!

Нагель приехал, поскольку его жена приехала прежде него, чтобы возбудить против него дело и развестись с ним. Эта женщина – настоящее чудовище. Здесь она уже порвала со всем светом, даже с доброй госп[ожой] Брейткопф.

Прощайте, дорогой Павел, с нетерпением жду ваших новостей, обнимаю вас и благословляю от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 115–115а.

[1] Закревский Арсений Александрович (1786–1865), генерал-майор, с 1815 дежурный генерал Главного штаба, в 1821 генерал-лейтенант, с 1823 финляндский генерал-губернатор.

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 110–110 об., 114–114 об., 111–113 об.

[2] И.Г. Бурцов, адъютант П.Д. Киселева, в это время никаких наград не получал. Рудомоев – старший адъютант П.Д. Киселева почти с самого его вступления в должность начальника штаба в 1819. В 1822 П.Д. Киселев писал А.А. Закревскому, что Рудомоев болен чахоткой и долго не проживет, Киселев даже обсуждал кандидатуру нового адъютанта на его место. В 1829 Киселев через А.А. Закревского добился для Рудомоева должности градоначальника в Феодосии, где тот и умер (См. переписку П.Д. Киселева с А.А. Закревским // Сборник ИРИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 6, 93, 196, 315, 317; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Подг. И.В. Порох. Иркутск, 1988. С. 52).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 октября 1820

Все эти дни, и сейчас также, мой дорогой Павел, я был настолько занят, что не имел времени ответить на ваше последнее письмо от 15-го числа прошедшего месяца так подробно, как бы хотел. Я просил матушку это сделать, и в ее письме вы найдете мое мнение о вашей женитьбе. Вдумайтесь, достаточно ли дохода, который, как вы говорите, обеспечен основательным образом, чтобы продолжать жить даже женатому и с детьми и так, как привыкла молодая особа. Если она пожелает принести жертвы, чтобы иметь счастье быть соединенной с вами, и если вы считаете, что с 60 тыс[ячью] фл[оринов] ренты вы можете устроиться. Если вы *уверены* наконец, что найдете счастье в этом союзе и будете несчастны, отказавшись от него, я даю вам свое благословение и буду горячо просить Всевышнего благословить ваш выбор и даровать вам благополучное и счастливое существование. Вот все, что я имею прибавить к тому, что говорит вам на этот счет ваша матушка в сегодняшнем своем письме.

Кажется, просьба гр[афа] Витта иметь вас при нем не принята, ибо я не видел еще ничего в **приказах**, пришедших вчера из Варшавы. Если в этом отказано, что вы будете делать? Мне кажется, надо хорошенько поразмыслить, прежде чем принять решение. Ехать в полк – это удалиться от графа Витгенштейна, который при всей своей незначительности все же лучше, чем ничто или никто. По крайней мере может ли он просить, чтобы вы были сделаны полковником, когда придет ваша очередь в кавалергардах, – где вы 3-ий, Муравьев, Львов, *вы* и Кологривов[1]. В полку вас совершенно забудут, и вы никогда не станете полковником.

Я нахожу весьма дурной услугой, если Витту было отказано. Я полагал, что согласятся на то, чтобы вы были при нем, но без повышения в чине. Если так, то Бог знает, не желают ли таким образом отметить statu quo. Но не нам судить, что лучше или хуже. Провидению, ведущему все к лучшему, одному ведомо. К нему следует обратиться с мольбой о защите.

Посылаю вам другие эполеты, а те, что вы отослали, прибыли совершенно черными. Колль[2] просит прибавить ему еще *50 р.*, но я надеюсь, хорошенько поторговавшись, заставить его уменьшить сумму. У него горе, ибо его мать недавно умерла.

Прощайте, дорогой Павел, я слишком тороплюсь, чтобы писать далее. Я вас обнимаю, как и люблю, от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 116–117.

[1] Муравьев Александр Захарович (1795–1842) был переведен в Кавалергардский полк в 1814 за отличия в сражениях. Львов Дмитрий Михайлович (1793–1842) служил в Кавалергардском полку юнкером с 1810, с марта 1812 корнет. Сходного рангом с П.И. Пестелем Кологривова в Кавалергардском полку не значится.

[2] Колль – мастер или хозяин магазина, сведений о нем не найдено.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 октября 1820

Поскольку курьер выезжает 1-го числа следующего месяца, я принимаюсь загодя вам писать, мой дорогой Павел. После последнего моего письма я дважды был болен и в последний раз весьма страдал. С 18-го числа сего месяца приступы подагры охватили правую ногу, а потом и левую, заставив меня страдать смертельно и мученически. Пока подагра была в одной ноге, я еще мог переменить место, подпрыгивая, но когда обе ноги были ею охвачены, я был обездвижен. Сейчас боли меня оставили и опухоль ног прошла. Но все же еще бывает время от времени колотье, и я хожу лишь с большим трудом. Я очень слаб, до такой степени, что голова кружится время от времени. Вот причина, мой дорогой Павел, почему я не могу вам на этот раз писать так, как хотел бы. Несмотря на это, отдыхая время от времени, надеюсь, что смогу сказать вам необходимое. Ваше последнее письмо от 15-го числа сего месяца пришло ко мне как раз вчера. Я доставил все вложенные в него незамедлительно. А поскольку Иван Новосильцов находится здесь, чтобы присутствовать на свадьбе своего брата Петра[1], которая состоится на следующей неделе, ваше письмо было передано ему в собственные руки. Он пришел повидать меня и хотел прислать мне свой ответ для вас. Если пришлет, приложу его сюда. Он говорит о вас дружески и ведет себя с нами всегда по-старому, т. е. никогда не упускает явиться всякий раз, как приезжает в Петерб[ург], сразу же по прибытии. Его брат Петр снова принят на службу корнетом в тот же полк, где Александр поручиком, тогда как он был еще учеником гимназии, когда Новосильцов был титулярным советником и потом офицером свиты. Сейчас он станет адъютантом, вероятно, у Закревского. Поскольку матушка пишет вам, она расскажет все, что может вам быть интересно о нашей маленькой семье.

Ваше последнее письмо не содержит ничего требующего ответа. Напротив, оно не говорит нам ничего на ваш счет, кроме того, что мы не увидим вас этой зимой. Вы теперь хозяин своих действий касательно обитателей Одессы. Я *каждый день* прошу у Бога милости, чтобы он внушил вам делать то, что, может быть, для вас полезно и спасительно как для вашего сегодняшнего счастья, так и для будущего. Бог знает, что нет ничего такого, чего бы я не был готов сделать, нет жертвы, на какую я не был бы способен, если бы мог хотя бы чем-то сделать вас счастливым; но чем более я размышляю, тем более опыт доказывает мне, что истинное счастье человека не заключается в окружающих его условиях, но в его собственном сердце, и что истинное спокойствие душевное состоит лишь в вере и религии, ведущей нас к покорности путям провидения и *полному доверию* к нему!!!! Если этого нет, то не сыскать счастья во всей вселенной. Мы всегда будем гнаться за призраком и никогда не достигнем его и наконец станем несчастными, имея столь простые средства в себе самих для того, чтобы быть счастливыми даже посреди бедствий. То, что я говорю вам, мой дорогой Павел, есть следствие разнообразного опыта, приобретенного в течение многих лет. Бог наш Спаситель да наставит вас и заставит узнать истинное счастье, и вы совершенно со мной согласитесь. Итак, надо брать вещи такими, *каковы они есть*, не иметь более самонадеянности желать изменить людей и само мироздание, оттого что оно не таково, как *наш рассудок* хотел бы. Мудрый человек понимает, что не в *человеческой* власти сделать, чтобы все шло хорошо, и старается извлечь доброе даже из плохого. Вот единственный способ человеку быть полезным и довольным. И на этом довольно для больного, вынужденного отдыхать перед каждой страничкой, которую хочет прибавить.

Никита Муравьев должен был уже оставить Одессу, по всей видимости, ничего не достигнув в своих планах женитьбы. Я рад за девицу, поскольку глубоко убежден, что сам Никита и тем более его мать способны лишь сделать несчастнейшим на свете существом ту, которая станет его женой. Подумайте хорошенько, дорогой Павел, имеете

ли *вы* все качества, необходимые, чтобы сделать женщину счастливой и хорошо воспитать детей! То и другое большой труд, и надо много отдавать. Большие способности, чтобы руководить самим собой и пр. и пр. Без помощи провидения эти качества никогда никому не удавалось получить постоянно и неколебимо.

Я прошу вас не посылать мне денег, которые я потратил для вас. Я вычту их из *1000 руб*., следовавших вам уже в сентябре месяце, и пришлю остальное как только смогу. В настоящий момент у меня нет ни гроша.

Сен-Флорен не имеет книги, о которой вы говорите, он отослал вам последний экземпляр. Все же надеюсь найти ее у какого-нибудь другого книготорговца. Я поищу ее, как только смогу выходить.

Письмо к Шипову я вручил ему сам, таковое к С.-Флорену отнес к нему Борис, а на остальные вот расписка. Вы просите меня не требовать их, но поскольку я должен доставить эти письма с моим прислужником, которого не могу посылать во второй раз, если он не застанет нужное лицо дома, то нужна квитанция, что письмо принесено в дом, когда владельца письма там нет.

Сперанский в Тобольске и не приедет сюда, пока имп[ератор] не вернется в Петерб[ург]. Его возвращение должно иметь место к 15-му числу будущего месяца, а может быть, даже раньше.

Вот примерно все, что я имею вам сообщить на этот раз, мой дорогой Павел. И так я столько писал, что едва вожу пером. Заканчиваю, благословляя вас от всего сердца и любя также. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 118–121 об.*

---

[1] Новосильцов Петр Петрович (1797–1869), начал службу в 1810 чиновником Министерства внутренних дел, в 1814 титулярный советник, в 1815 уволен с гражданской службы по прошению, в 1816 принят колонновожатым в свиту е. в. по квартирмейстерской части, в 1817 прапорщик, в мае 1818 вышел в отставку по болезни. В 1818–1819 находился в Митаве. В 1820 определен корнетом в Лейб-Кирасирский ее величества полк, с ноября 1820 поручик, в 1822 переведен в л.-гв. Кирасирский е. в. полк, в 1823 – в Кавалергардский. В 1821–1836 адъютант московского генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына. В 1838–1851 московский вице-губернатор, 1851–1858 рязанский гражданский губернатор. Был женат первым браком на Настасье Павловне (Наталье Петровне) Мансуровой (1789–1830), точная дата свадьбы не известна, их первый ребенок родился в октябре 1821.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 ноября 1820

Поскольку курьер едет завтра, я пишу вам сегодня, чтобы не опоздать с отсылкой письма. Ваше последнее от 15-го числа сего месяца пришло ко мне в точности, я доставил все вложенные в точности. Я уплатил *5 руб*. Сен-Флорану и уплачу *175 руб*. Сергею Шипову в первых числах следующего месяца, т. е. когда мне будет выплачено жалованье. Вот, мой дорогой Павел, все ваши поручения исполнены.

Ваше письмо меня весьма огорчило тем отпечатком грусти и упадка духа, который оно носит. Вам, конечно, не везет в службе, но покамест нет ничего оскорбительного или унизительного. Вас даже не обошли напрямую. Для себя я принял обыкновение сравнивать себя с теми, кто имеет больше оснований жаловаться, и поскольку нахожу многих, кто несчастнее меня, то благодарю Бога и считаю, что у меня меньше непри-

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 118–118 об., 121–121 об., 119–120 об.

ятностей и поводов жаловаться. Делайте так же, мой дорогой друг. Прибавьте к этому, что нам не дано знать нашу судьбу и угадывать намерения провидения, тогда вы тем более увидите, что, возможно, события, которые мы считаем несчастными для себя, в конце концов окажутся необходимыми для нашего счастья и благополучия даже и в этом мире. Что до меня, то признаюсь откровенно, я весьма доволен, что ваше назначение при гр[афе] Витте не состоялось. Вы знаете тому причины, поскольку мы часто говорили об этом, когда вы были здесь, и чем более общественное мнение ополчается против партии, направляемой гр[афом] Виттом, тем больше я вас поздравляю, что вы в этом не участвуете.

Я полагаю, наконец, что ничтожность вашего генерала является главной причиной невнимания к его представлениям на тех, в ком он принимает интерес и кто находится под его началом. Что касается ваших сердечных дел, вы знаете мое мнение, и сейчас сами вольны окончить дело, как ваш *здравый рассудок* подскажет. Позвольте только голове действовать согласно с сердцем и дайте им обоим успокоиться, прежде чем сделать решительный шаг. Я думаю, что если гр[аф] Витт имел на вас виды в этом отношении, он не должен их оставить, если намерения его были добрыми; но если этот проект был ему нужен только, чтобы подкрепить себя и крепче завладеть вашей персоной, привязав вас к себе для службы ему, он станет менее заинтересован в первом проекте, не достигши успеха в другом. Малое уважение, которое я испытываю к гр[афу] Витту, заставляет меня, быть может, судить о нем хуже, чем он заслуживает, но, к несчастью, я разговаривал лишь с теми, кто его знает по делам, какие с ним имели, и они все не говорят о нем ничего хорошего. Мои извинения, если я ошибаюсь на его счет. При его принципах вполне возможно, что благополучие приемной дочери он принимает не столь близко к сердцу, как бы ему должно. Здесь опять же нужно принять вновь предосторожности в отношении *состояния*. Это *необходимо* уладить сейчас более, чем когда-либо. Ибо оно нужно для брака, а если его нет, это весьма прискорбно. Я ежедневно в этом убеждаюсь. Дай Бог мне выпутаться из этого ужасного затруднения!!!

Я был бы в высшей степени рад увидеть вас и говорить с вами, мой дорогой Павел. Я надеюсь, по зрелом размышлении вы не станете столь одобрять, как делаете в последнем письме, шага Клейна[1], оставившего службу в том возрасте, когда еще можно сделать много хорошего отечеству и с пользой служить ему. Безумие полагать, что он может жить на свое жалованье как на пенсион. О чем он думает, если жизнь дорожает с каждым годом. Служа, можно надеяться на прибавление дохода, тогда как пенсион всегда будет оставаться таким же, а нужды увеличатся. Я сожалею о бедном молодом человеке, тем более что слышал о нем только самое хорошее.

Как заклятый враг всяких новостей, вы найдете весьма естественным, что я вам не сообщаю ни одной. Наш имп[ератор] написал недавно своей матери, что не вернется сюда к своему празднику (12 декабря), в то же время отдан приказ, чтобы фельдъегеря, которых еженедельно отправляют в Троппау, направлялись прямо в Вену до нового приказания. Иван Шипов сказал мне, что ваш друг ген[ерал] фон Визин[2] здесь уже 10 дней. Я видел его пару раз, но он не знает причины его приезда. Многие лица полагают, что он будет сделан командиром нового Семеновского гвардейского полка, который формируется после раскассирования старого. Визин не приходил повидать меня, и у меня нет иных причин его ожидать, кроме его связи с вами. Никита Муравьев здесь уже более двух недель и еще не удосужился заглянуть ко мне, не будучи в неведении, что я болен и не выхожу из комнаты уже 6 недель. Я на это не сержусь, ибо нахожу его столь переменившимся физически и еще более нравственно, что он меня более не интересует никоим образом.

С 18 октября до позавчерашнего дня я не покидал комнаты, и только позавчера в первый раз отправился к матушке, обедал там и провел день. Вчера я выходил поздравить Никол[ая] Ив[ановича] Трескина, у которого был день рождения. Я передал ему

поклоны от вас, он был этим весьма тронут и поручил мне передать вам множество любезностей. Он здесь, и ничего не делается по делу в Сенате, по которому был вызван. Подагра моя прошла, это правда, но еще не прошли боли в ногах и ступнях, и в целом я чувствую себя слабым.

Сперанский в Тобольске и останется там, вероятно, всю зиму. Он ожидает прибытия имп[ератора] в Петербург, чтобы тоже сюда явиться, но еще не вполне ясно, сможет ли он отлучиться, ибо беспорядки всякого рода ужасно усиливаются в Сибири, грабежи, убийства и нищета умножились настолько, что недовольство благомыслящих жителей становится всеобщим. В Иркутской губер[нии] ожидают голода. Не было принято никаких мер для наполнения складов, и пр., и пр., и если ген[ерал]-губерн[атор] не предпримет вовремя мер, беда будет непоправима. В течение 14 лет моего правления успели отвыкнуть от краж и грабежей, а что до убийств, о них даже речи не было в Сибири, т. е. менее, чем во всех прочих губерн[иях] России. Да смилуется Бог над этим несчастным краем.

Прощайте, мой дорогой Павел, я вас нежно люблю и благословляю от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 122–125 об.*

---

[1] Клейн – лицо не установлено.

[2] Фон Визин (Фонвизин) Михаил Александрович (1787–1854), участник кампаний 1805, 1812, 1813–1814, войны со Швецией 1809–1810, военных действий периода «Ста дней» 1815. В 1813 полковник, командир 37-го егерского полка, до 1816 оставался с полком во Франции в составе оккупационного корпуса М.С. Воронцова, в июле–октябре 1817 командир Перновского гренадерского полка (которым затем командовал С.П. Шипов), затем повелено состоять по армии, в октябре–декабре командирован в оккупационный корпус во Францию, с января 1818 командир 38-го егерского полка, в сентябре 1819 переведен с полком во 2-ю армию, в Тульчин, в феврале 1820 генерал-майор, командир 3-й бригады 12-й пехотной дивизии, затем 3-й бригады 22-й пехотной дивизии, 16 августа 1820 повелено состоять по армии, в декабре 1822 уволен в отставку. Декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 декабря 1820

Ваше письмо, дорогой Павел, от 15-го числа сего месяца, доставило мне поистине большое удовольствие, прежде всего тем, что сообщило о вашем добром здоровье, и потом тем, что есть в виду нечто, могущее сделать вашу службу не столь неприятной, какой она стала с некоторого времени. В предыдущих письмах вы говорили нам о своих страданиях и с тех пор не подавали признаков жизни. Даже если бы мы вас любили менее, чем любим, нам было бы отчего беспокоиться, так что судите, скольких слез нам стоило ваше молчание. Избавьте нас, дорогой Павел, от беспокойств такого рода и чаще сообщайте известия о себе.

Ваше письмо пришло ко мне 24-го числа сего месяца, а 25-го я видел при дворе Закревского, который говорил со мной о сделанном в вашу пользу представлении. Он назвал его вполне ожидавшимся и ничуть не сомневается в успехе. Он сказал мне еще, что был вопрос о вашем старшинстве в чине, чтобы вы не были обойдены в кавалергардах. Я прошу Всевышнего, чтобы все, что ни произойдет, было к вашему благу, в остальном мне безразлично, что это будет. Пехота, кавалерия, Главный штаб и пр., и пр., название ничего не значит, лишь бы это вело к истинному счастью для *вас,*

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 122–122 об., 125–125 об., 123–124 об.

мой добрый друг!!! Вот горячая мольба, с которой я всякий день обращаюсь к провидению. Вы говорите мне также о месте начальника Главного штаба в корпусе под командой Рудзевича. Ф[он] Визин, будучи здесь, рекомендовал это место Сергею Шипову, который рад *всему*, что ему предложат, так что он будет готов также искать его. Я не сказал ему ничего касательно вас. Ибо сделал себе законом не говорить об этом ни с кем. Мелочный Сергей Шипов так скромно считает себя способным занять *всякое место* с малейшим отличием, а я, всецело отдавая ему справедливость, считаю его слишком мелочным и слишком не способным *отличиться* на всяком месте, каково бы оно ни было.

Не говорю вам ничего о любезной Изабелле, я сказал вам на этот счет все, что имел на сердце. Вы имеете мое благословение, а в остальном полагаюсь на ваше благоразумие. Вы знаете, что это наиважнейший шаг и, так сказать, *последний*, решающий счастье *всей жизни*. Я поручаю вас руководству провидения и возношу самые горячие молитвы за ваше благополучие!!!

Борис еще не справлялся о деньгах госп[ожи] Бистром[1], но после праздников осведомится. Он мог бы это сделать, но он развлекается, в особенности *игрой* с утра до вечера. Он потерял голову и весьма меня огорчает. У него нет чувства деликатности ни в каком роде. Но не будем говорить об этом. Тем временем пришел меня повидать полковник летучей гвардейской артиллерии госп[один] Бистром[2], чтобы поговорить о деле, которое его покойный брат имел в Совете и о котором вы мне также говорили, если не ошибаюсь. Этот Бистром сказал мне, что получил деньги, о которых вы мне говорили и которые Борис должен получить. Он сказал, что получил *1500 руб*., из которых, как он сказал, уже отослал в Нарву *500 руб*., а остальное передаст Закревскому для отправки с курьером, который привезет вам это письмо и который едет завтра, 1 января. Осведомитесь, верно ли все это, и, если Борис исполнит свое дело в Кабинете, я извещу вас о результате с первой же почтой.

Посылаю вам при сем газетное извещение, из которого вы увидите, что гр[афине] Вигтенштейн следует из банка 150 руб. 36 коп., эту небольшую сумму ей были должны по счету, имевшему место в то время, когда я был уполномочен получать из ломбарда деньги, которые посылал графу. Счет был между ломбардом и банком, и, если графиня пожелает прислать мне законным образом сделанное верящее письмо, мне выплатят эту сумму незамедлительно. Доставьте мне удовольствие сказать все это графу и передать прилагаемое извещение, предложив ему мои услуги для получения этой суммы.

Все письма, которые вы мне прислали, были в точности переданы адресатам.

Заканчиваю, обнимая вас от глубины сердца и поздравляя вас с концом года, как и с его началом, да благословит вас Всевышний и руководит вами и хранит вас весь год, в который мы завтра вступим. Сегодня вечером я еще раз горячо помолюсь Богу за вас. Прощайте, добрый друг дорогой Павел. П.

P.S. Последние известия от имп[ератора] говорят, что он выехал 16-го числа сего месяца ст[арого] ст[иля] из Вены в Лайбах и что его возвращения в Петерб[ург] можно ожидать самое раннее 15 февр[аля]. Король неаполитанский, имп[ератор] австрийский, король прусский будут лично присутствовать в Лайбахе. Англия, Франция и все государи Италии, даже *папа* будут иметь своих представителей на конгрессе в Лайбахе.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 126–128 об.*

[1] У П.Х. Витгенштейна был адъютант Фридрих Бистром, умерший в Тульчине в 1825 г., его жена Каролина, урожденная фон Бараноф, имела троих детей (Серков А.И. Русское масонство.

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 126–126 об., 128–128 об., 127–127 об.

М., 2001. С. 119), возможно, имеется в виду именно эта г-жа Бистром, а дата смерти ее мужа требует корректировки.

[2] Бистром фон Филипп Оттонович (1778 или 1789 – 1825), в 1818 полковник гвардейской конной артиллерии, затем командир л.-гв. конной артиллерии. Убит на дуэли Карновичем. Вероятно, родственник предыдущего.

1821

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 28 янв[аря] 1821

Я готовлю письмо заранее, чтобы оно было послано вам 1-го числа следующего месяца. Ваше от 15-го числа сего месяца доставило мне удовольствие по причине вашего восстановившегося здоровья, по крайней мере вы не говорите противоположного. Дай Бог, чтобы имп[ератор] дал вам в командование полк, к которому вы представлены!! Я желаю этого более для того, чтобы видеть вас в роде службы, более достойной вас, нежели та, где вы сейчас находитесь. Закревский, которым я не могу нахвалиться, ничуть не сомневается в успехе, но я, совершенно отвыкший видеть исполнение своих чаяний, я не вполне верю вещам такого рода, пока они не сделаны. Как только будет получено решение, Закревский мне сообщит, и я безотлагательно исполню ваше поручение насчет эполет и шпаги и пришлю вам все с первой оказией, чтобы все это прибыло к вам как можно скорее. Я уплачу Коллю немедленно, вы никогда не получите счетов от него за поручения, которые мне даете, и я прошу вас давать их мне почаще, как только пожелаете. Обещаю вам, что никто с таким старанием и точностью их не исполнит, *как я*. Что до ваших братьев, я не могу их вам рекомендовать ни по части точности, ни в других вещах, ибо они небрежны во *всем*, даже в собственных своих делах. Говорят, что Томский полк – хороший полк с хорошими офицерами[1]. Там есть подполк[овник] Лаппа[2], служивший в полку Сергея Шипова, о котором он хорошо отзывается. Я просил его рассказать вам об этом в подробностях, чтобы вы его узнали *прежде*, чем он окажется под вашим началом. Вы ничего не говорите нам о месте, где этот Томский полк расквартирован? Не забывайте, дорогой Павел, о подробностях вашего будущего житья. Это в особенности необходимо для нашей переписки. В то же время скажите мне, смогу ли я вам писать через фельдъегерей, как сейчас, когда вы при графе.

Борис получил для госп[ожи] Бистром *500 руб.* по первому верющему письму, которое осталось в Кабинете, откуда ему были выплачены эти деньги. Посылаю вам эти деньги с тем же фельдъегерем, ибо я их передам Закревскому для отсылки к вам. Так же я поступлю с деньгами, которые Борис должен получить из **Казначейства**. Он должен пойти туда сегодня, и только по его возвращении я буду знать, как это устроится.

Вы не говорите нам ни слова об очаровательной Изабелле!! Каковы наконец ваши намерения на этот счет? Женитьба Киселева, кажется, секретом из комедии, ибо весь город говорит об этом как о деле решенном[3]. Я желаю им обоим счастья. Об этой г[оспоже] Софье Потоцкой говорят больше хорошего, чем обо всех, кого я знаю с этим именем (*фамилией*).

Признаюсь вам, дорогой Павел, что я весьма огорчен, не имея надежды увидать вас вскорости. Сердцу моему требуется излиться вам, а моя отцовская любовь весьма желает сжать вас в объятиях!-!-! Да будет воля Божья, служба и долг должны быть прежде всего, итак, я уступаю, хотя и с болью.

Не говорю вам ничего о себе и своих делах, они совершенно в том же состоянии, в каком были уже несколько лет, в неизвестности, как и когда закончатся. В ожидании этого долги мои копятся и нужда увеличивается. Я не теряю мужества, ибо имею свое-

го верховного защитника невинных и тех, кто с доверием полагается на него. Я уверен, что все окончится к моему благополучию и что я, и все мы, увидим руку того, кто всех ведет ко благу.

Госп[ожа] де Крюденер приехала сюда. Я ее еще не видел, но собираюсь пойти повидать как старую знакомую. Она остановилась в доме кн[ягини] Мещерской[4], урожденной Всеволожской, которую здесь знают под именем *святоши*[*], или той, кого имп[ератор] часто приходит повидать по причине ее религиозных принципов.

Совершенно не знают о времени возвращения имп[ератора] в Петерб[ург], но сомневаются, чтобы оно могло иметь место вскорости, ибо полагают, что даже если дела, обсуждаемые в Лайбахе, закончатся, имп[ератор] еще предпримет путешествие в Италию, которой он еще не знает.

Здесь я останавливаюсь в намерении продолжить письмо, прежде чем его отправить. Пока обнимаю вас от всего сердца, полного нежности и дружбы к вам, мой дорогой сын и друг.

Продолжаю письмо. Борис получил из **Казначейства** пенсион госп[ожи] Бистром по *последнему* верющему письму, присланному вами для него. Этот пенсион до 1 января составляет *425 руб*., которые я посылаю вам таким же способом, что и упомянутые выше 500 руб., т. е. через ген[ерала] Закревского, которому я их вручил. К этим деньгам для госп[ожи] Бистром я прибавляю *500 руб*. для вас самого, дорогой Павел, принося вам тысячу и тысячу извинений, что не мог на этот раз прислать их вам раньше. Это денье бедной вдовицы, и я со слезами на глазах прошу у вас прощения, что мало посылаю. Я остаюсь еще должен вам *1500 руб*. из скромной суммы, назначенной вам ежегодно. Дай мне Бог поскорее средства сделать для вас больше, дорогое дитя, как желало бы того мое сердце!!!!

Прощайте, мой добрый друг. Благословляю вас и поручаю Всевышнему, который есть наша единственная и могущественная поддержка. Весь ваш сердцем и душой. П.

P.S. Ген[ерал] Закревский взялся доставить вам *всего 1425 руб*., для вас *500 руб*. и для госп[ожи] Бистром *925 руб*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 1–4 об.[**]

---

[1] Назначение П.И. Пестеля в Томский пехотный полк не состоялось.

[2] Лицо не установлено. Не путать с декабристом М.Д. Лаппой.

[3] П.Д. Киселев женился на С.С. Потоцкой 25 августа 1821 г.

[4] Мещерская Софья Сергеевна (1775–1848), урожденная Всеволожская, сестра Н.С. Всеволожского.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 28 фев[раля] 1821

Ваше последнее письмо, дорогой Павел, от 15-го числа сего месяца, прибыло ко мне в точности 23-го. Оно доставило мне большое удовольствие тем смирением, какое я нашел в различных неприятностях, о которых вы говорите. Отказ в полке – это вещь, которой я ожидал по множеству причин. Единственная важная, по мне, это что решено, что никакой адъютант, не служивши во фрунте, не может получить полка, и что надобно быть во фрунтовой службе к моменту получения командования полком.

---

* В подлиннике – «la dévote».

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 1–1 об., 4–4 об., 2–3.

Способ, каким этот отказ был сделан, должен позолотить пилюлю и доставил мне удовольствие. Тем более что в то же время есть надежда получить в конце концов полк, когда вы прослужите во фрунте *некоторое время*. Что до продолжительности этого *некоторого времени*, то вам еще понадобится смирение, и если оно сопровождается глубокой уверенностью (которую мне дала милость Божья и которую я твердо храню), что божественное провидение руководит нами ко благу и спасению, то вы будете совершенно уверены (как я), что даже это обстоятельство уладится таким образом, чтобы доказать вам, что сделанное Богом это лучше того, что устраиваем мы сами!!! Прилагаю здесь, мой добрый друг, несколько стихов, которые для меня были истинным бальзамом на сердце, часто уязвляемое событиями службы и существованием в последнее время, когда разного рода беды падали на меня. Мне любопытно знать, что сообщил вам Киселев по поводу отказа в полке, и прошу вас поделиться со мной. Я не видал Закревского с тех пор, как состоялся этот отказ, и не хотел бы торопиться идти к нему, чтобы не выглядеть тянущим сопли, но если встречу, я поговорю с ним. В конце концов, что он может мне сказать нового и интересного? Откровенно говоря, отказ в полке кажется мне основанным на принятом принципе для адъютантов, но на чем же основана задержка в производстве, обещанном графу? В **приказах** отдано о производстве в чин полковника за отличие адъютантов Сакена, Дибича, Ермолова и других. В этом, как и во многих других вещах, надо сказать: *Боже, да будет воля твоя*!!! И на этом довольно, и даже, пожалуй, слишком, на эту тему.

Я очень рад, что вы желаете служить в полку 2-й армии, и именно в том, которым командует гр[аф] Ностиц[1]. Леонтьев (который две недели как здесь и дружески вас обнимает) говорит бесконечно хорошо об этом г[рафе] Ностице. Дай Бог, чтобы этот план вам удался!!! И я очень прошу вас делать шаги последовательно. Я надеюсь послать вам денег в апреле месяце. Несомненно, постараюсь, чтобы это было наибольшее из того, что я смогу. Ибо сердце мое обливается кровью оттого, что не могу с этой стороны делать для вас, мой добрый друг, столько, сколько бы хотел и даже должен.

Мы в настоящий момент здоровы, вся наша маленькая семья любит вас и нежно обнимает. Ваша превосходная матушка, которая пишет вам сама, сообщит все подробности, которые могут вас интересовать.

По последним известиям из Сибири, *Сперанский* должен был уже выехать, чтобы прибыть сюда. Он остановится на некоторое время в своих землях в Пензенской губ[ернии]. Полагают даже, что он останется там до тех пор, пока не узнает точно времени возвращения имп[ератора] в Петерб[ург]. Это возвращение еще пока не наверное, по крайней мере здесь не знают истинной даты. Дай Бог, чтобы это было как можно скорее.

Я в затруднении относительно Александра. У меня было обещание Депрерадовича, что он возьмет его себе в адъютанты, тем временем у него оказалась вакансия, которую он отдал другому. Когда я упрекнул его, он снова пообещал мне, но еще не первую вакансию, которая обещана другому. Я сказал, что тогда Александр может надеяться стать его адъютантом в *моем возрасте*, – он засмеялся и уверил меня, что это не будет долго. Я опасаюсь отпустить его в полк, видя его ничтожество *во всех отношениях*. Нет ли у вас в виду какого-нибудь генерала, которому его можно было бы надежно доверить?

Сообщайте мне чаще, дорогой Павел, ваши новости. Это слишком редко, получать лишь по одному письму в месяц.

Я регулярно отсылаю вам газеты раз в неделю. Надеюсь, что они приходят к вам аккуратно.

Последний фельдъегерь привез мне письмо от графа Витгенштейна, который просил меня проявить интерес в пользу дела в Сенате княгини Четвертинской, урожденной гр[афини] Платер[2]. Когда наведу необходимые справки, я напишу ему в другой

раз. Скажите ему это, дорогой Павел, чтобы оправдать меня в том, что не отвечаю ему с этой же оказией. Это будет со следующим фельдъегерем.

Я молю Бога, чтобы он взял вас под свое святое покровительство, обнимаю вас и благословляю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 7–9 об.*

[1] Ностиц Григорий Иванович (ум. 1838), гр., в русской службе с 1807 (по другим сведениям, с 1813), служил по кавалерии, с 1815 полковник, с 1823 генерал-майор, в 1817–1823 командир Смоленского драгунского полка.

[2] Мария Платер, замужем за кн. Готфридом Антоновичем Четвертинским. Их дочь Эмилия Готфридовна (р. 1819) впоследствии вышла замуж за Георгия Петровича Витгенштейна (1807–1857), сына П.Х. Витгенштейна.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 марта 1821

Последнее письмо, пришедшее к нам от вас, мой дорогой Павел, было от 15-го числа сего месяца, я его получил 24-го. Оно доставило мне весьма большое удовольствие, потому что вы в нем сообщаете о своем приезде к нам[1]. Дай Бог, чтобы никакая помеха тому не помешала и мы смогли бы *как можно скорее* сжать вас в объятиях. Тем не менее поскольку может статься, что вам придется отсрочить или даже (от чего сохрани Бог) вовсе перенести ваш приезд к нам, я не хочу, чтобы вы оставались без известий от нас и отошлю это письмо с фельдъегерем, едущим завтра. Я немного скажу в ответ на ваше письмо в надежде сказать вам вживе все, что мое сердце чувствует к вам, мой добрый друг. Все, что происходит сейчас в мире, заставляет меня вздыхать и дрожать. Последствия будут неисчислимы, кровь потечет потоками!!! Мы здесь довольно не осведомлены о событиях, а чем менее знают, тем более людей, любящих распространять и разносить новости, сочиненные ими самими, исключительно ради того, чтобы заставить слушать себя и сделаться интересными. Мое же сердце разрывается от боли. Все обстоятельства для того соединяются. За свою особу я спокоен. Моя совесть чиста, я вверяюсь руководству Провидения, которому верю, которое никогда меня не покидало и всегда приводило к настоящему для меня благу! Да сбудется Его воля!!! Но вы, мои дорогие дети! – вот еще новая разлука нас ожидает, и она обещает быть долгой, и исход ее нельзя предвидеть!!! Да смилуется над нами Бог. Вы и Воло, вы выпутаетесь из этого дела, но Александр, что с ним станется? Единственный способ, какой я вижу, – сделать его адъютантом генерала, находящегося в армии, ибо поместить его при генерале, который не отправится на войну, значило бы представить его в неблаговидном виде, это будет выглядеть как желание избежать войны и оставить фрунтовую службу, дабы остаться в столице. Дай Бог, чтобы вы приехали к нам, чтобы обсудить этот вопрос. Если бы Рудзевич захотел взять его к себе, это было бы, по мне, самым лучшим, ибо он бы присматривал за ним и имел бы к нему снисхождение из привязанности к *вам*.

Более ничего не скажу в этом письме в надежде, что вы приедете к нам прежде, чем оно успеет дойти до вас, но если вы не будете сюда к празднику Пасхи, напишу вам более длинное письмо по почте, адресовав его графу. Я ему еще не ответил на письмо о деле кн[ягини] Четвертинской, потому что оно еще не было представлено на заседание

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 7–7 об., 9–9 об., 8–8 об.

Сената и, вероятно, появится только после праздников. Скажите это графу и заверьте его, что я не упущу ничего для того, чтобы его рассудили по справедливости.

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас нежно в ожидании удовольствия прижать вас к сердцу. Весь ваш сердцем и душой. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 10–11 об.

---

[1] Приезд П.И. Пестеля в Петербург не состоялся, по-видимому, из-за приготовлений к заграничному походу в связи с революционными событиями в Италии. См. в письме С.И. Пестель: «Я с большим огорчением узнала, что вы не приедете к нам; но что меня еще больше огорчило, так этот бесполезный поход, который будет лишь причиной горя и затруднений и который разлучит меня с тремя братьями, которых я люблю с живейшей нежностью» (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 12–12 об. Оригинал по-французски).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 апреля 1821

Ваше последнее письмо от 15-го числа сего месяца пришло ко мне аккуратно 22-го. Отвечаю на него наспех и без всякого порядка, ибо уверяю вас, у меня его вовсе нету в голове из-за разного рода затруднений, в которых я нахожусь по причине отъезда ваших братьев. Александр отбывает со своим полком завтра, а Воло 8-го. Их экипировка, весьма скудно устроенная, обошлась мне в 4 т[ысячи] рублей. Я вошел в новый долг в 6 т[ысяч] руб., чтобы иметь возможность послать вам хотя бы *2000 руб.*, которые я еще ищу и надеюсь сегодня передать ген[ералу] Закревскому для отсылки вам. Вещи, о которых вы меня просили, я тотчас заказал и отсылаю их вам с тем же фельдъегерем, который вручит вам это письмо. Прилагаю здесь список всего, что посылаю, и буду просить Закревского, чтобы **кивер** также был взят, если он мне откажет, я пошлю его по почте. Вы не можете себе представить ужасного затруднения, в котором я нахожусь по части финансов, и даю вам честное слово, что мне было совершенно невозможно послать вам больше *2000 руб*. Надеюсь, дорогой Павел, что вы слишком умеете отдавать справедливость моей любви к вам, чтобы не сомневаться, что если бы я мог, то был бы весьма рад послать вам больше. Да сжалится надо мной Бог и даст мне выпутаться из этого дела, чтобы моя честь не была скомпрометирована!! Ибо я не имею в виду никакого средства уничтожить все долги, какие имею и которые всякий год еще увеличиваются!!! Я не решался говорить вам об этом, чтобы избавить вас от огорчения, но мне нужно оправдаться, дорогой Павел, мой добрый друг, что не делаю сейчас для вас больше того, что делаю. Я прижимаю вас к сердцу и благословляю, прося у Всевышнего милости, чтобы после 40 лет самой ревностной службы вы были счастливее, чем я есть!!!

Ничего не говорю вам о здешних новостях, поскольку самые интересные сейчас должны к нам приходить из ваших краев. В Италии все кончено и спокойно. Говорят, что вы уже получили приказ не переходить границу. Полагают, что гвардия не выступит, но еще нет никакой отмены приказа и полки три дня как выходят, за два дня было велено отправляться 3 полкам, выехало уже два транспорта, и если даже последует отмена приказа, мои расходы уже сделаны, с этой стороны я ничего не выиграю. И все же я желал бы этого, ибо разлука с вашими братьями для меня мучительна, а их расходы в походе будут гораздо значительней, нежели на месте. Матушка расскажет вам с большими подробностями о том, как они совершают поход.

При получении вашего последнего письма мы уже знали о вашем назначении в Смоленский полк[1]. Дай Бог, чтобы ваши рапорты принесли вам одобрение имп[ератора] и чтобы все это привело к чему-нибудь полезному в службе! Я горячо прошу об этом Бога!!!

Ваше свидание с Изабеллой лишь укрепило *дружбу*, существующую между вами, и ее желание быть с вами в переписке есть несомненно важное доказательство *дружбы*. Да приведет Провидение эту связь спасительным для *вас обоих* образом. Я уже интересуюсь *вашим другом*[*], ибо хочу, чтобы все ваши друзья стали также и моими. Я все вам сказал, дорогой Павел, в свое время относительно этой связи. Дай Бог, чтобы вы этого не забывали. Wie man sich bettet so schläfft man[**] – эта старинная поговорка весьма применима в данном случае.

Относительно векселей, которые предъявляет Бессанж, вы должны ответить, что вы никогда ничего не были должны Бессанжу и что полагаете, что это должен быть ваш брат Воло, бывший адъютантом в армии, где был дан вексель, и что вы ему напишете на этот счет. Тем временем я выиграю немного времени и уплачу деньги здесь Закревскому, который заберет векселя из кабинета. Я надеюсь уничтожить этот долг прежде, чем ваш ответ придет к Закревскому.

Сперанский здесь уже месяц. Он сделал мне визит, который я ему вернул, но мы не застали друг друга. Кажется, он особенно избегает меня видеть, и я не нахожу никакой надобности его искать. Дай Бог, чтобы после 40 лет службы его совесть и таковая всех моих соотчичей была столь же чиста и столь же покойна, какова моя, и скажу больше, чтобы они смогли быть столь же полезными своему отечеству, каков я был. Сперанский очень лестно отзывается обо мне и моем правлении, но, зная его слабый характер, я опасаюсь, как бы он не стал другим, чтобы угодить сильнейшим из моих врагов. Я не буду предпринимать никаких шагов, они бы меня унизили, а чистота моей службы и намерений мне того не позволяют. Да исполнится надо мной воля Божья, я остаюсь при твердой уверенности, что Провидение все ведет к лучшему и способом, наилучшим для моего спасения, что превыше всего и является вечным, вместо всего того преходящего, что случается с нами в этом низменном мире, и что Божественная мудрость не налагает на нас более того, что мы можем вынести!

Сергей Шипов передал свой полк пр[инца] Прусского своему батальонному командиру полковнику Толмачеву, а сам командует гвардейским Семеновским полком[2], с которым выступает в поход послезавтра. Е[го] в[еличество] имп[ератор] выбрал его сам, и он скоро будет назначен настоящим шефом полка и адъютантом имп[ератора]. Я желаю ему всякого мыслимого счастья, ибо это поистине порядочный человек, но у него будет весьма трудное положение, ибо зависть принесла ему великое множество врагов, которые постараются его погубить. У него есть религиозные принципы, и да руководит им Бог!!!

Вы получите в двух ящиках, подписанных **П.И.П.** № 1 и № 2, то, что указано в прилагаемом списке. Сверх того, 2000 руб. в конверте на ваше имя. Прилагаю письма от вашей матушки и от Софьи. Сверх того, пачка газет, которые скопились, поскольку я ждал вашего приезда и думал, что отдам их вам здесь. Затем я буду вам их отсылать регулярно раз в неделю, адресуя в Тульчин, пока вы мне не укажете другого места.

Вещи, которые я вам посылаю, старательно упакованы самим Кербером[3] с двумя условиями: 1-е, если какая-то вещь вам не понравится или окажется против формы, чтобы вы ее отослали, и Кербер обязуется ее заменить по вашему требованию, 2-е, если какая-то вещь попортится в дороге из-за погрешности в упаковке, Кербер обязуется ее заменить. Из счета Кербера вы увидите, что все должно стоить 630 руб., но он уступил 30 руб., таким образом, все стоит лишь верные 600 руб. Заметьте, что все хорошего качества. ***Лядунка*** из массивного серебра, как и полагающиеся к ней пряжки, цепочки и весь **прибор *84 пробы серебряный***. Надеюсь, вы будете им довольны.

---

* В подлиннике слово «друг» женского рода (amie).

** «Как постелешь, так и поспишь» (нем. яз.).

Я должен отослать все к Закревскому, а для этого надо заканчивать письмо. Я это делаю, нежно обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

P.S. Я советую вам, дорогой Павел, распаковать ящики самому и хорошенько проверить, все ли там находится по прилагаемому списку*.

шарф серебряный	
серебряная к нему пряжка	115 руб.
лядунка с прибором	100
2 пары эполетов по 155 руб.	310
кивер с прибором и султаном	100
всего	625

в ящике № 1
1. кивер
2. султан
3. пряжка к шарфу
4. *четыре цветные рубашки*
Во 2-м ящике № 2
1. шарф
2. две пары эполетов
3. лядунка

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 13–16.

---

[1] П.И. Пестель был переведен в Смоленский драгунский полк 20 марта 1821 г.

[2] С.П. Шипов назначен командиром л.-гв. Семеновского полка нового состава 4 апреля 1821. Флигель-адъютантом он назначен не был, звание генерал-адъютанта получил 15 декабря 1825.

[3] Кербер – торговец, хозяин магазина в Петербурге. Сведений о нем не обнаружено.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 июня 1821

Вы не поверите, мой дорогой Павел, до какой степени я сердит, что могу написать вам всего два слова, да и то наспех. Я написал вам длинное письмо, матушка также, и я вернулся в город, приказавши слуге сложить все в карету. Приехав, я обнаружил, что он все позабыл, а поскольку курьер едет этим утром, то не остается времени послать за письмами на Крестовский, тем более что, отправляясь в Совет, я не имею кого послать. Я спешу выходить, дабы не явиться в Совет слишком поздно, и вынужден послать вам эти несколько строк, чтобы не оставлять вас без известий от нас. Ваша матушка вас обнимает, Борис и Софья тоже. Мы все чувствуем себя превосходно и желаем, чтобы вы хорошо окончили свое путешествие. Бумаги, которые вы мне прислали, в высшей степени хорошо написаны и интересны, и внушают мне надежду, что вам отдадут справедливость и ваша заслуга будет замечена и вознаграждена по достоинству[1]. Я тем более на это надеюсь, что говорят, ваши бумаги были очень хорошо приняты. Почта доставит вам письма, оставшиеся в деревне. Прощайте, дорогой Павел, обнимаю вас от глубины сердца и люблю вас так же. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 19–19 об.

---

[1] Вероятно, П.И. Пестель прислал отцу копии первых двух своих донесений о положении в Бессарабии и греческом восстании (см. след. письмо).

---

* Список на л. 16 написан И.Б. Пестелем по-русски.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 июня 1821

Начинаю письмо, нежно вас обнимая, мой дорогой Павел, и от глубины сердца поздравляя с вашими праздниками 24-го и 29-го числа сего месяца. Я начал их оба с просьбы ко Всевышнему о его святом благословении для вас. Да руководи Он вами, храни и наставляй вас в вере и следовании его святой воле. Лишь *хорошо* зная *Его* и предавшись ему всем сознанием, можно хорошо исполнить свой долг в этом мире и иметь твердость, нужную, чтобы перенести все превратности этого мира. Лишь *Он* один дает нам истинную твердость и истинное мужество во всех обстоятельствах. Руководствуясь Им, даже сами ошибки наши обращаются к нашему благу и исправляют нас, делая лучше.

Я имею перед собой два ваших письма, одно от 3-го числа сего месяца, пришедшее 14-го, и другое от 15-го, пришедшее ко мне 24-го. Благодарю вас за пожелания по случаю моих именин. Я провел их весьма печально во всех отношениях, но мужество меня не покидает и я твердо уверен, что тот, кто руководит судьбами людей, приведет наши к лучшему и даст нам почувствовать, как мы ошибались, бывши не довольными тем, что с нами происходит, желая, чтобы вещи шли так, как *мы* того хотим, а не как судьба (которая есть провидение) заставляет их идти. Эта твердая уверенность заставляет меня со спокойствием наблюдать происходящее с вами, мой дорогой друг Павел. Прилагаю здесь письма, которые мы написали вам по случаю полученной мною новости о вашем назначении в чин полковника и командира Вятского полка. В минуту, когда я хотел отослать вам эти письма, мне сказали, что ход вашего дела был следующим[1]. Имп[ератор] написал на записке, присланной Киселевым на ваш счет: ***Исполнить***. Когда принесли ***приказ***, он сказал: ***Повременить***. С тех пор это оставалось без исполнения. Еще вчера я видел ген[ерала] Закревского, сказавшего мне, что находится в совершенном неведении о причинах этой задержки, что он осведомлялся у кн[язя] Петра Волконского, который заверил его, что знает не более него. Закревский написал об этом сегодня Киселеву, быть может, там есть подробности, которые он не пожелал мне поведать, но я в том сомневаюсь, ибо мне кажется, он весьма расположен *к нам*. Он заверил меня, что нет никаких неблагоприятных причин этой задержки и что дело не замедлит разъясниться. Мне кажется, что война с турками неизбежна, тогда будет много новых назначений, при которых, может быть, на ваш счет есть другие планы. В остальном Закревский уверяет, что эта задержка не есть немилость. Вот, мой добрый друг, все, что я знаю. Закревский говорит, что Киселев вправе повторить свое прошение о вас, будучи официально осведомлен о вашем назначении, а госп[один] Кромин остается еще командиром полка, который он привел в беспорядок[2]. Поговорите об этом с Киселевым и предложите ему осведомиться к вашей пользе. Терпение и мужество, мой дорогой Павел. Надеюсь, что все будет к лучшему, ибо Бог милостив и справедлив.

Мне нечего прибавить к новостям, которые сообщает ваша превосходная матушка, ибо она сказала все, что может вас интересовать. Сибирские дела еще изучаются, и я совершенно не знаю об их ходе, содержании и тем более окончании. Моя совесть настолько чиста, что, если бы я должен был снова начать управление Сибирью, я поступал бы так же, как делал в течение 14 лет, когда эти губерн[ии] были мне доверены. Опыт доказывает мне, что я хорошо делал, ибо перемены, которые были там введены, возвратили старые беспорядки и зло, которым за 14 лет стараний и усердия я положил конец таким образом (осмелюсь сказать с чистой совестью), что никогда жители этих краев не были управляемы лучше, чем в мое время. Беспорядки и даже злоупотребления, которые были там откопаны самыми тщательными розысками, суть таковы, каких гораздо больше во всех прочих губ[ерниях] России, где есть все средства их предупре-

дить, каковых нет в Сибири. Там нашли такие, какие физически и морально невозможно ни предупредить, ни открыть, если они сами не откроются; ибо их и обнаружили случайно. Те же самые злоупотребления существуют и в настоящее время, при новом правлении и в гораздо большем числе, нежели в мое время. По этому всему мне нечего опасаться неприятного и огорчительного, каковые провидению будет угодно мне послать, а поскольку это произойдет от *Него*, я покорюсь ему и со смирением облобызаю руку, заставляющую меня страдать!!!

То, что вы говорите нам, дорогой друг, в ваших двух письмах об Изабелле, доказывает, что вы к ней весьма нежно привязаны, но поскольку нет никакого объяснения причин, побудивших вас совершенно отказаться от этой связи, я не могу ничего сказать вам наверное, разве что повторить еще раз то, что я весьма часто говорил вам. Что мы (ваши родители, отец и мать) дали вам позволение действовать по вашему разумению и совести, в остальном же в любом случае наше благословение и самые искренние пожелания счастья будут следовать за вами повсюду!!!

Ваши вложения будут переданы в точности, то, что для Сергея Шипова, будет отослано через Леонтьева, который часто ему пишет. Борис отчитывается вам в поручении относительно денег госп[ожи] Бистром.

Я заканчиваю письмо, повторяя вам заверения в моей любви. Это чувство к вам весьма живо запечатлено в моем сердце. Благословляю вас и обнимаю.

P.S. Не могли бы вы, дорогой Павел, сообщить мне ваши последние рапорты о вашем 3-м путешествии в Бессарабию? Я сохраню их в совершенном секрете.

Маленький праздник, который ваша превосходная матушка устроила к моему празднику и о котором она говорит вам в своем письме, живо меня тронул. Я приложил все в мире старания, чтобы не разрыдаться, настолько мое сердце умеет понимать нежность жены, составляющей мое счастье, и дитя, которое находит столько удовольствия в том, чтобы приносить мне только радость*.

Вот, дорогой Павел, стихотворение госп[одина] Эртеля[3], которое добрая Софья прочла после окончания спектакля, о котором матушка говорит вам в своем письме:

Кое-кто спросить меня бы мог,
Что означает эта пьеса?
И я б с охотой дал бы толкование:
Мое сердце полно любви.
Ибо когда недостает слов и нету сил,
Чтобы выразить чувства,
Мы любим устраивать праздник,
Взывающий из нашей души.
И разве сердце не бьется сильнее,
Когда звучит усладой отеческое имя?
И могут ли передать слова
То, что отдается глубоко в сердце.
Но, отец, ты поймешь меня,
В мою душу проникает твой взор.
Ты чувствуешь, как овевает тебя моя молитва,
Моя горячая молитва о твоем счастье.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 20–24.

[1] Назначение П.И. Пестеля командиром Вятского полка состоялось позднее, 15 ноября 1821 г. Источником подробностей о ходе дела был, вероятно, Случевский. См. в написанном

* Далее на отдельном листке приписка по-французски и стихи на немецком языке.

одновременно с данным письмом письме Софьи Пестель: «Мы узнали от господина Случевского, что вы сделаны полковником и шефом Вятского полка» (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 17–18).

[2] Кромин Павел Евграфович (ок. 1787 – после 1823), полковник, командир Вятского пехотного полка с января по 15 ноября 1821, затем состоял при штабе 2-й армии.

[3] Стихотворение на немецком языке. Возможно, автором стихов был генерал Ф.Ф. Эртель, в 1802–1807 петербургский обер-полицмейстер, с 1810 генерал-провиантмейстер Молдавской армии, в 1812 командир 2-го резервного корпуса, затем генерал-полициймейстер действующих армий, после окончания войны военный генерал-полициймейстер 1-й армии.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 июля 1821

Ваше последнее письмо было от 14-го числа сего месяца. Я получил его 25-го и отослал вложения для Никиты Муравьева и пакет для г[осподина] Андре[1] в Нарву. Содержание этого письма весьма меня огорчило, мой дорогой Павел, из-за царящих там уныния и язвительности. Вы напрасно хотите скрыть их от *себя самого*, вы не станете оттого менее живо чувствовать происходящее с вами. Я нахожу это вполне естественным и живо этим огорчен. Ни я, ни кто другой не может здесь ничего поделать. Сами лица, нечто знающие, уверяют меня (и, как кажется, чистосердечно), что все устроится удовлетворительным для вас образом и что то, как вы исполнили свое поручение в Бессарабии, принесло вам одобрение и подало мысль использовать вас в случае войны иначе. И тем более в случае переговоров. Я знаю, что гр[аф] Каподистрия[2] хвалил ваши рапорты самым лестным для вас образом. Стало быть, надо ждать, не терять терпения и не забывать, что не бывает службы без огорчений. Люди есть люди, какое бы большое место они ни занимали в свете, и, ставя себя на их место, часто обнаруживаешь, что следует судить о них не столь сурово и требовать от них менее, чем делаем мы, когда они перед нами не правы. Это размышление естественно приводит к большей строгости к себе и большей снисходительности к другим. Часто неосторожные замечания, плохо увиденные связи навлекают на нас недоброжелательство, при том что мы не замечаем, что навлекли его и, быть может, даже вполне его заслужили. Воспользуемся уроками, которые дает нам подобная опытность, и употребим их, чтобы впоследствии предвидеть то, чего мы не можем изменить в настоящем!!! Вот, дорогой Павел, рассуждение, которое собственный опыт заставил меня сделать, и я каждый день благодарю Всевышнего за уроки, заставившие меня живо почувствовать огорчение, но в то же время принесшие большую пользу на будущее, и которые утешительны по тому добру, какое я извлекаю для себя самого и своего поведения в свете. Люди повсюду одинаковы, и во все времена они таковы, какими мы сейчас их видим. Это так же в отношении нравственном, как и в физическом. После дождя наступает хорошая погода. Вы *не всегда* будете страдать от препятствий в службе, что вы испытываете с некоторых пор. Не забывайте, дорогой Павел, что в то время как вы видите перед собой препятствие в службе, вы имеете новый случай отличиться во мнении многих лиц, и что даже сам имп[ератор] снова нашел вас достойным, из чего однажды он сделает употребление удовлетворительным для вас образом. Это также наблюдение, основанное на собственном моем опыте. Вот мое мнение относительно слова ***повременить***.

Что касается Изабеллы, это тема для долгого обсуждения. Я во многих отношениях придерживаюсь мнения, противоположного вашему. Образ жизни *вашей* семьи не имеет никакого касательства к вашей женитьбе. Наш образ жизни, если он вам не подходит, не обязывает вас вести подобный же. Вы и ваша жена всегда найдете лучших друзей в ваших родных, и они полюбят ваших друзей как своих. То,

что вы говорите о своем характере, мало любезном, и что в сущности вы имеете сердечную привязанность лишь к своим родным, т. е. к матушке и ко мне, быть может, верно, но не до такой степени, как вы находите. Вы от природы добрый, верный, вы любите услужить и имеете много качеств, заставляющих любить вас и уже доставивших вам друзей, тому доказательство, что есть много лиц, желающих вам добра, но есть важный пункт, который всегда будет вам мешать иметь прочные связи, это ваше полное отвращение к какому бы то ни было стеснению. Вот причина, часто делавшая ваше пребывание в родительском доме неприятным. Вот почему часто происходит, что лица, жившие с вами, были не очень вами довольны. С этим отвращением к стеснению весьма трудно быть приятным мужем и любящим отцом. Когда хотят, чтобы другие делали что-то для нас, надо также и со своей стороны доказывать им готовность поступать так же. Жизнь есть бесконечный обмен взаимными поступками и нуждами. Если этого нет, всякая связь прерывается и мало-помалу становится в тягость, от которой хотят избавиться, а способы, которые употребляют для достижения этого, отдаляют нас от тех, кто нас стесняет, включая и те связи, которые могли бы, быть может, составить счастье обоих, если бы каждый захотел проявить снисходительность, необходимую, чтобы оставаться в связи. Христианская религия рекомендует нам *любовь к ближнему* как добродетель, необходимую для собственного нашего счастья, на ней основан принцип: 1. Liebe Gott über alles und deinen Nächsten als dich selbst. 2. Thue deinem Nächsten was du wünschtest, daß er *dir* thue*. Следуя этим наставлениям, мы никогда не утратим связей и даже друзей. Вы скажете мне, или по крайней мере подумаете, быть может: «*Откуда идет, что вы (т. е. я**) не имеете более связей и друзей». Я на это отвечу: это потому, что я недостаточно следовал этим спасительным правилам*». Я прошу за это прощения у Бога и каждый день прошу у него силы победить мое отвращение к стеснению и действительно любить ближнего как себя самого. Так удобно не зависеть ни от кого, кроме себя, не отдавать никому отчета в своем поведении и делать, что *нам* нравится, не оглядываясь на то, понравится ли это нашим ближним, не неприятно ли им это. Нечувствительные становятся не способными к любой жертве и кончают тем, что остаются *одинокими* в мире. Я стараюсь исправиться от этой большой ошибки, наказание за которую находится в нас самих и делает нашу жизнь однообразной и пресной. Я нахожу тем не менее, что без помощи религии я бы никогда к этому не пришел. Она дает мне силы судить себя самого беспристрастно, работать над собой, не упрекать ближних в том, в чем я сам виноват. Я всем сердцем желаю, мой добрый друг Павел, чтобы вы так же, как и я сам, прониклись истинностью того, что я вам сказал.

Дела Сибири находятся по-прежнему в том же состоянии нерешительности. Сперанский был сделан членом Совета с повелением заседать в Деп[артаменте] законов, и поскольку с ним нас будет 5 членов этого деп[артамента], тогда как в таковом по гражданским делам и вероисповеданиям есть лишь трое, из коих один просит отпуска на год, е[го] в[еличество] повелел, чтобы наконец я заседал в Деп[артаменте] гражданских дел и вероисповеданий. Это приказание было отдано 17-го числа сего месяца, и признаюсь вам, что я от него в восторге по *многим причинам*.

Благодарю вас, дорогой друг, за две копии, которые вы мне прислали. Они весьма интересны и принесли вам одобрение, в особенности гр[афа] КаподистРии, который сказал, что имп[ератор] был очень доволен. Кажется, что бедные греки будут жертвой в этой истории.

---

* «1. Возлюби Господа превыше всего и своего ближнего, как самого себя. 2. Поступай с ближним твоим так, как пожелал бы, чтобы он поступал с тобой» (нем. яз.).

** Слова «вы», «я» подчеркнуты дважды.

Гр[афиня] Потоцкая довольно часто навещает нас. У нее снова дело, и вот причина ее визитов и дружбы, которую она нам оказывает[3]. Эта женщина самая большая интриганка, какую я знал, а дела ее доказывают, что у нее нет ни веры, ни закона.

Матушка пишет вам и сообщит новости обо всех членах нашей семьи. Я же заканчиваю, обнимая вас от всего сердца и благословляя так же.

P.S. Сергей передает вам тысячу и тысячу любезностей, он очень вас любит и часто о вас думает.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 25–28 об.

---

[1] Андре (Andrae/Audrae), пастор в Нарве (см. ниже письмо от 29 августа).

[2] Каподистрия Иоанн (Иван Антонович) (1776–1831), граф, из греческих дворян, уроженец Корфу, с 1809 на русской службе в Коллегии иностранных дел, в 1811 причислен к русской миссии в Вене, затем в дунайской армии Чичагова, в 1813 управлял дипломатической канцелярией М.Б. Барклая де Толли. Участвовал в работе Венского конгресса, с августа 1815 статс-секретарь по иностранным делам, с января 1816 по 1822 совместно с К.В. Нессельроде возглавлял Коллегию иностранных дел. В 1822 уехал за границу. В 1827 стал президентом освобожденной Греции, убит в результате покушения.

[3] Речь шла о тяжебном деле по имению между С. Потоцкой и ее пасынком гр. М.С. Потоцким. Одновременно об этом деле хлопотал П.Д. Киселев, собиравшийся жениться на дочери Потоцкой (свадьба состоялась 25 августа 1821) и заинтересованный в приданом. Киселев действовал через А.А. Закревского, который в письме к нему от 1 августа 1821 г. сообщал, что говорил о деле Потоцкой с В.Р. Марченко (Бумаги графа А.А. Закревского / изд. Н. Дубровина. Т. 2. СПб., 1891 // Сборник ИРИО. Т. 78. С. 248).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю*

Только что я узнал, что *Бринен*[1] (мой свояк) был сделан сенатором, он замещен как губер[натор] Тобольска моим бывшим начальником канцелярии *Осиповым*[2].

Был назначен комендант Иркутска ген[ерал]-майор Цейдер[3] губернатором Иркутска, а о Трескине *пока* речь не идет.

Говорят, что для Сибирских дел и нового устройства администрации этого края назначен сведущий комитет, в котором будут заседать:

1. Граф Кочубей, 2. Гр[аф] Аракчеев, 3. Кн[язь] Голицын, 4. – Нессельроде, 5. – Гурьев, 6. Барон Кампенгаузен, 7. Сперанский. Последний назначен членом Государственного Совета и будет заседать *в деп[артаменте] законов*, а я буду заседать в *деп[артаменте] гражданских дел и исповеданий*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 29.

---

[1] «Бриненом» И.Б. Пестель именует фон Брина Франца Абрамовича (см.), женатого на сестре Ивана Борисовича и занимавшего должность тобольского губернатора в 1810–1821 гг.

[2] Осипов Александр Степанович, тобольский губернатор в 1821–1823 гг.

[3] Цейдлер Иван Богданович (1777 или 1780–1853), из немецкой семьи, переселившейся в Россию во время Семилетней войны, службу начал в л.-гв. Конном полку, участник Итальянского и Швейцарского похода, в 1806–1811 участник русско-турецкой войны, в 1812 полковник, директор госпиталей в Молдавской армии, затем командир Переяславского драгунского полка, участник заграничных походов 1813–1814, с 1819 комендант Иркутска, в 1820 генерал-майор, в 1821–1835 иркутский гражданский губернатор с переименованием в действительные статские советники.

---

* Письмо без даты на отдельном листке написано И.Б. Пестелем с помарками и торопливо, вероятно, является дополнением к предыдущему письму.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 29 августа 1821

Поскольку ни завтра, ни послезавтра у меня не будет времени вам написать, мой дорогой Павел, а письмо должно быть передано 31-го, чтобы отбыть первого, я пользуюсь сегодняшним утром, чтобы написать вам. Ваше последнее письмо было от 15-го числа сего месяца, и оно меня огорчило, поскольку я примечаю, что вы недовольны и ваше положение легко может ожесточить ваш характер. Я молю у Бога милости, чтобы этого не случилось! Мой собственный опыт доказывает мне, насколько следует остерегаться этого зла, когда препятствия всякого рода встают перед вами. Меня облегчило доверие к Богу! Моя глубокая уверенность, что Всевышний, ведущий все к нашему нравственному благу, лишь для того заставляет нас испытать все горести и неприятности, с нами случающиеся, чтобы привести нас к нам самим, дабы мы беспристрастно рассмотрели, не сами ли мы причиной тому, что с нами случается, и дабы мы старались исправить себя, познав свои ошибки и недостатки. Без этого *напоминания* нам самим, мы бы лишь прирастали и расцветали в своих недостатках, которые стали бы наконец неисправимыми и сделали бы нас еще более несчастными непоправимым образом. Поскольку эти размышления поддерживают меня в несчастьях и придают мне величайшее мужество в их перенесении, я почитаю своим долгом призвать вас, мой дорогой сын, подумать об этом и просить у Всевышнего милости в этом увериться. Это самым натуральным образом приведет вас к тому, чтобы искать причины ваших неприятностей не в других или в ближних, но в самом себе. Вы станете снисходительней к другим и строже к себе самому, и какое бесконечное благо может из этого последовать!! Вы столь живо почувствуете, мой добрый друг, какое дьявольское зло есть *des Menschen Wille ist sein himmelreich*[*]. Со времен первого человека этот принцип принес человечеству самое большое зло. Этот принцип заставил первого человека утратить Himmelreich[**], этот принцип делает нас несноснейшими для ближних, это он первопричина всех революций, когда-либо бывших. Против этого принципа должен более всего трудиться истинный христианин, ибо он есть первопричина всех наших несчастий и делает нас самыми несносными для ближних. Уступить обстоятельствам со смирением и благородством, искать своего счастья в счастье других, ибо что может более удовлетворить чувствительное сердце, нежели способствовать счастью ближних! Наслаждаясь их блаженством, коему смог способствовать, не из тщеславия, но единственно, чтобы сделать их счастливыми. Люди по натуре неблагодарны, нужно делать им добро, отказываясь от их признательности, не желая, чтобы делаемое нами добро стало известно или вознаграждено. Вот истинное благородство характера и принципов, которое никогда не сможет существовать, если говорят себе des Menschen Wille ist sein himmelreich[***]. Высказав вам откровенно свое мнение об этом принципе, мне надобно также объясниться, что я буду весьма огорчен, коли вы сможете вообразить, что я предполагаю, будто вы способны следовать этому принципу. Нет, мой дорогой Павел, я от этого весьма далек и имею слишком много доказательств благородства вашего характера, чтобы менее всех на свете этому верить, но никогда не следует быть уверенным в себе самом до такой степени, чтобы не следить не только за своими поступками, но особенно за принципами, побуждающими нас действовать.

Что касается второго пункта вашего письма относительно женитьбы, я не имею ничего прибавить к тому, что ваша превосходная матушка сказала в письме, которое

* «Желание человека есть его высший закон» (нем. яз.).

** «Царствие небесное» (нем. яз.).

*** «Желание человека есть его высший закон» (нем. яз.).

я здесь прилагаю. Она высказывается элегантно, справедливо и даже красноречиво. Я хотел бы уметь писать, как она, быть может, тогда мои мнения были бы лучше услышаны и им воздавали бы большую справедливость. Вот, дорогой Павел, что я имею сказать в ответ на ваше письмо.

О вашем повышении я ничего не могу сказать. Я не могу ни у кого осведомиться, ибо полагаю, что никто не знает причины этой задержки. Некоторые, желающие заставить думать, что они что-то знают, уверяют, что это будет безо всякой ошибки и что задержка не содержит ничего для вас неблаговидного. Дай-то Бог. Это в том же роде, что и моя участь, остающаяся все еще без решения, несмотря на то что Сибирский комитет часто собирается, много работает, и ничего пока не появилось. Меня даже не извещают. Все оставляю руководству Всевышнего. Моя совесть настолько чиста и ни в чем меня не упрекает, что, если бы я должен был начать сначала, я просил бы у Бога сил служить с тем же рвением и теми же добрыми намерениями, и скажу, с тем же успехом для настоящего блага службы, как я это делал в течение 14 лет моего управления 3 губерн[иями] Сибири, и уберечь меня от содействия злу, заведшемуся там с тех пор, как я больше не во главе этой отдаленной части моего отечества.

30 августа. Собравшись запечатать это письмо, хочу прибавить еще два слова. При дворе были лишь поздравления у двух императриц, где мы видели имп[ератора], прошедшего, чтобы отправиться в Невский монастырь. О том, что я смог узнать о награждениях, матушка сообщит вам в своем письме. Завтра я узнаю, есть ли еще что-нибудь, но не смогу известить вас, ибо это письмо нужно отослать с утра Закревскому, которого я видел и поздравил, встретивши при дворе[1].

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас, как и люблю, от глубины сердца. П.

P.S. Все письма, которые вы мне прислали, были переданы под расписки в книге, которую я для этого завел и с которой я также отправляю мои собственные письма на почте. То, что для пастора Андре *в Нарве*, отправилось по назначению.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 30–33 об.**

[1] А.А. Закревский 30 августа 1821 был произведен в генерал-лейтенанты.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 сентября 1821

Я написал большое письмо, но в момент, когда хотел его отослать, пришел граф Людвиг Витгенштейн объявить, что он на днях едет явиться к своему почтенному отцу. Так что я предпочел дать ему свое письмо, тем более что оно содержит пенсион г[оспожи] Бистром (*396 руб.*), который Борис получил для нее из Кабинета. Так что пишу вам лишь несколько строк, чтобы уверить вас и предупредить, что вы получите от меня и матушки два больших письма с графом Людвигом. Потому здесь ограничусь лишь повторением заверений в моей живой любви, благословляя вас, мой дорогой Павел, от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 34.

* Листы подшиты в дело в правильной последовательности, однако пронумерованы не по порядку, после л. 30 об. следует л. 33, затем л. 31–32.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 сентября 1821

Отвечаю на ваше последнее письмо от 15-го числа сего месяца, мой дорогой Павел. Оно пришло ко мне раньше обыкновенного, т. е. 21-го сего месяца. Благодаря Бога, вы здоровы, это единственная хорошая новость, которую вы можете сообщить о себе, мой добрый друг, и я весьма огорчен, что в остальном вам со всех сторон плохо. Ваше повышение еще задерживается, и по-прежнему уверяют, что оно скоро последует и что причиной отсрочки вовсе не служат какие-либо причины, касающиеся лично *вас*, мой дорогой Павел. Уверяют, что по-прежнему остановка из-за следствия по де[лу] Кромина и что оно скоро будет завершено. На это я говорю, что дело Кромина может помешать дать полк, но чин полковника не имеет с этим ничего общего. Мне на это говорят, что это ошибка того, кто представил **приказ** одновременно с прошением Кромина. Я не могу постигнуть, как это, и вынужден *верить*, что это не замедлит статься. У меня нет никакого средства напомнить об этом, ибо все те, кто мог бы это сделать, имеют чувство лишь к себе самим и к тем, покровительство коих может принести какую-нибудь пользу. Потерпим. Попросим у Бога милости не падать духом и вручим все руководству Божественного Провидения, которое все ведет к лучшему. Что пронзает мне сердце и вызывает протесты, это что я не могу послать вам денег. Судите о моем бедствии. Урожай в Смоленской губ[ернии] настолько плох, что я должен буду почитать себя счастливым, если не окажусь вынужденным посылать денег, чтобы поддержать крестьян на нашем клочке земли, а, чтобы иметь какой-то доход в этом году, об этом и речи нет. И вот на 6 т[ысяч] руб. доходу меньше на этот год. В прошлом году я имел лишь *1500 руб*. вместо 6 т[ысяч] руб. У меня были две аренды, из коих одна, меньшая, давала мне чистых 750 руб. серебром. 12 лет истекли, и в этом году я ее больше не имею. Вот еще на 4 т[ысячи] рублей доходу меньше!!! Я весьма огорчен, мой дорогой Павел, посвящать вас в столь неприятные подробности, но вынужден, дабы оправдаться в вынужденной задержке с присылкой вам денег!!! Да смилуется над нами Бог. Wenn die Noth am größter, so ist Gott, (denen auf Ihn vertrauen) am nachsten*, оттого я надеюсь и молю Бога. Вот все, что я могу сейчас сделать, ибо не могу говорить, пока не будут окончены сибирские дела, а Комитет, учрежденный для этих дел, еще работает и конца не видать, он в особенности занят устройством новой организации этой страны. Новая организация вообще есть благоприятный случай для моей отставки, и верно, что гораздо проще так сделать (особенно если *другим* будет поручено ее исполнение), нежели самому поддерживать порядок собственными усилиями. Быть может, мне оттого станет лучше, если я буду снова представлять планы, а не трудиться ради счастья обитателей провинции, доверенной моему управлению.

Я часто вижу гр[афиню] Потоцкую, она мне угождает, ибо опасается меня из-за своего дела, которое должно перейти из Сената в Совет. Нет низости, какой бы она не сделала, нет лжи, какой бы она себе не позволила, дабы доказать мне, что имп[ератор] имеет к ней особенное расположение. Я уверен в обратном. Она позволяет себе желать покровительствовать мне. Желать доставить вам повышение, наконец ничем, что может изобрести женщина дурная и интриганка, она не пренебрегла. Меня этим не одурачишь, и я в своем поведении с ней придерживаюсь принципа богу ***свечу, а черту две***. Она не может и даже не хочет никому сделать добра, но она может навредить. Сегодня мы должны у нее обедать с матушкой, к которой она то и дело приходит.

Не можете ли вы попросить *Киселева* просить для вас чин полковника, дав вам старшинство в полку, где вы есть[1], если гр[аф] Ностиц произведен в ген[ерал]-майоры? Гр[афиня] Потоцкая снова сказала матушке, что это очень обидно для Киселева, что

* «Чем больше беда, тем ближе (тем, кто на Него уповает) Бог» (нем. яз.).

ваше повышение задерживается, что, если это еще продлится, он попросится в отставку единственно по этой причине. Из этого судите, чему эта женщина хочет заставить нас верить. Со *мной* она не имеет смелости говорить подобные глупости, ибо я ей уже милейшим образом ответил по такому случаю, но с матушкой она еще позволяет себе набивать себе цену.

Граф Витт меня навестил и провел у нас вечер с женой, и, хотя матушка пригласила дочь (Изабеллу) тоже, она не пришла, в извинение сославшись на то, что ее кузина графиня Ольга[2] была больна, – таким образом, я еще не видал Изабеллы. Матушка, которая вам напишет с Людвигом Витгенштейном, уезжающим завтра или послезавтра, чтобы явиться у вас, поговорит с вами на эту тему подробнее.

Несмотря на все предпринятые шаги, перевода Александра в Кавалергардский полк не добились, тогда как из того же полка Петр Новосильцов и кн[язь] Солтыков (выпущенный из Пажеского корпуса 5 месяцев назад) были переведены в гвардию[3]. Это исключительно недоброжелательство Васильчикова, как я вижу.

Все наши здоровы, за исключением Бориса, у которого крапивная лихорадка, второй день заставляющая его оставаться в своей комнате.

Прощайте, дорогой Павел. Нежно вас обнимаю и люблю так, как нежный отец и истинный друг может любить. И благословляю вас от глубины сердца. П.

P.S. Граф Витт, показавшийся мне большим шарлатаном и **хвастуном**, уверял меня, что имп[ератор] не отказал поместить вас при нем, и что это состоится только когда Штаб подтвердит, кто составит его Главный штаб. В остальном он любезен, остроумен и показался мне превыше всего ловким. Доказательством то, что он сумел наилучшим образом поладить с гр[афом] Аракчеевым. Я не выказал никакой заинтересованности, чтобы вы оказались под его началом.

P.S. Я написал прилагаемое письмо в намерении послать вам его с фельдъегерем, едущим 1 октября, но поскольку граф Людвиг Витгенштейн едет почти в то же время, я предпочел дать ему это письмо, и фельдъегерь привезет вам только газеты и несколько строк, чтобы вас успокоить.

Прилагаю здесь *396 руб.*, эти деньги принадлежат госп[оже] Бистром, Борис получил их для нее из Кабинета за последнюю треть.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 35–39 об.*

---

[1] П.И. Пестель 20 марта 1821 был переведен в Смоленский драгунский полк.

[2] Ольга Станиславовна Потоцкая (1802–1861), гр., дочь упомянутой в письме графини Софии Потоцкой и сестра жены П.Д. Киселева. С 1823 замужем за Л.А. Нарышкиным.

[3] Петр Петрович Новосильцев (см.), с поручик Лейб-Кирасирского е. в. полка, был переведен в л.-гв. Кирасирский е. в. полк в октябре 1822, в сентябре 1823 – в Кавалергардский. Князь Салтыков был выпущен из Пажеского корпуса весной 1821 корнетом в Лейб-Кирасирский ее величества полк.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 октября 1821

Вот я опять две недели остаюсь в комнате из-за болезни. Она началась с большой простуды, и хотя кашляю немного, я от нее еще не вполне отделался. Но что меня заставляет сильно страдать, это новый приступ подагры в правой ноге, мешающий мне

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 35–35 об., 39–39 об., 36–36 об., 38–38 об., 37.

ходить, ибо я не могу никак пользоваться больной ногой. Но не будем больше об этом. Скучно бесконечно слушать сетования, от которых тем временем нет иного лекарства, кроме терпения. В моем возрасте и с моими немощами надо совершенно отказаться от удовольствий хорошего здоровья, надо страдать, и Бог, милостивый ко мне, не пошлет мне креста превыше моих сил и прибавит мне их столько, чтобы все вынести. Но все же вещь, неприятная мне среди прочих, это что я не могу писать столько, сколько хотел бы, ибо слишком слаб. Так что, дорогой Павел, простите, если я скажу в письме лишь самое необходимое, матушка взялась сообщить подробности, которые могут быть вам интересны.

Поговорим о вас. Я умею ценить всю вашу деликатность относительно вашего безденежья и потери всякой возможности удовлетворять свои нужды. Уверяю вас, что признателен за выказанное вами в этом отношении настолько, что благодарность будет запечатлена в моем сердце на всю жизнь и прибавится ко множеству добрых качеств, какие я за вами знаю и за которые благодарю Провидение, давшее мне столь превосходного сына, каковы вы есть, дорогой Павел. Весьма далекий, дорогой Павел, от того, чтобы думать, что вам хочется откровенно говорить мне о своей нищете, я был тронут и ужаснулся, узнавши, что вы в такой большой нужде. Чтобы хоть немного доказать это, посылаю вам с тем же курьером в отдельном конверте на ваш адрес, который я отдал под расписку в Инспекторский департ[амент] – *тысячу рублей банковским билетом*. И скажу пословицу Ein Schelm der mehr gibt als er hat*. Примите и верьте, что я вам посылаю их от всего сердца. Что до вашего повышения в чин полковника, сейчас больше чем когда-либо надежды, что это сделается вскорости. Я имею доказательства, что задержка не имела никаких личных причин ни против меня, ни против вас. Это небрежение и, быть может, злая воля окружения, в котором, кажется, сам имп[ератор] ни при чем. Еще *немного* терпения, и вы увидите, что это дело устроится вам по вкусу. 3-я статья, касающаяся вас, это Изабелла. Я видел ее у нас один единственный раз. Я видел, что это довольно хорошенькая особа, но обещающая в будущем еще похорошеть. Ее поведение казалось робким, но очень осторожным, и даже более осторожным, чем я желал бы в особе ее возраста. Ее мать сумасшедшая, непрестанно болтающая и говорящая все, что ей приходит в голову, не долго думая. Она мне вовсе не понравилась. Ее муж граф Витт интриган низкий и [нрзб.] там, где ему выгодно им быть, предатель там, где того требуют его интересы, и вообще человек, не устраивающий меня ни в каком отношении. Говорят, он *сам себя* считает достаточно в силе, чтобы начать интриговать против гр[афа] Аракчеева. Это самое верное средство сломать себе шею до срока. Я говорил с ним лишь однажды, когда он провел вечер у нас, и когда он сказал мне, что еще не оставил проекта служить с вами, я ничего ему не ответил и даже головой не кивнул, к чему бы обязывала вежливость. Все родственники Витты, Потоцкие, Колиновские и пр. и пр., с которыми я познакомился, достойны презрения. Я сужу по фактам, которые могу перечислить. Но оно не стоит труда. Изабелла имеет мать, в первый раз вышедшую замуж, потому что спешила получить мужа, будучи беременна. Она оставила этого мужа (Валевский), который, как говорят, пребывает в бедности[1]. Ее сын от 1-го мужа – ничтожество. Какой пример имеет Изабелла в своей семье? Какие ужасы видела она от всех этих ближайших родственников? Какие отношения существуют между ее матерью и отчимом? Как не опасаться, что молодая особа привыкла ко всему этому и не почитает маловажными неверности, разводы и придерживается совершенно других взглядов. Все это вскружило мне голову и внушило опасения, от которых я так желал бы иметь возможность избавиться. Открываю вам, мой дорогой Павел, свое сердце как ваш лучший друг. Кто на свете может быть, другом самым беспристраст-

* «Хитрец дает больше, чем у него есть» (нем. яз.).

ным, самым искренним, как не нежный отец, любящий свое дитя до обожания. Вот, дорогой Павел, все, что я имею сказать вам относительно вас самого. Дай Бог, чтобы вы имели те же чувства, читая это письмо, какие я испытываю, пока его пишу, и были мне признательны за мою нежную переменчивость к вашему благополучию и мою безграничную откровенность.

Я исполнил ваше поручение насчет английских пуговиц, рисунок которых вы прислали. Я еще довольно хорошо себя чувствовал, чтобы выходить (ибо никогда не чувствую себя вполне хорошо) и сам побывал в имеющихся здесь трех английских магазинах, как и в других лавках, где думал их найти, но не только не нашел этих пуговиц, но мне сказали даже, что *никогда таких не имели*. Примите мои сожаления, что не достиг успеха в исполнении вашего поручения по вашему вкусу, несмотря на все мое желание.

Читая прилагаемое матушкино письмо, я должен вам заметить, что мы получили *сегодня* письмо от Воло, у которого я просил отчета о его просьбе, о которой он сказал, что она не была исполнена. Мы предположили, что он просил денег, как намеревался еще давно, но он отвечает, что никогда ничего не просил для *себя самого* и что даже надеется, что ему бы не отказали в деньгах, но он счел неподобающим просить после маневров какую-либо награду, и особенно *деньги*. Я был рад и засвидетельствовал ему мое большое удовольствие. Просьба, которую он подал, была в том, чтобы Александра перевели в гвардию. Письмо, которое я посылал ему к графу Сакену относительно Александра, не было передано, потому что Васильчиков ему уже обещал, и я об этом еще [нрзб.] В целом, я в высшей степени доволен поведением Воло. Он регулярно пишет нам всякую неделю. Он очень хорошо несет службу и ведет себя с достоинством. Александр молод, весьма невежествен, ибо никогда не хотел учиться, но у него есть оригинальность ума. Он очень весел. У него приятный талант к рисованию, в полку его любят, и товарищи желают ему добра. Борис прозябает. Он проводит жизнь за едой, сном и игрой в карты. Я опасаюсь, как бы он снова не наделал долгов. Он сам себя недостаточно уважает, чтобы внушать другим малейшее уважение.

Я сражен усталостью, ибо, думая отослать это письмо, чтобы оно отправилось к вам, я писал его утомленным без передышки. Прощайте, дорогой Павел, прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 40–43*.

[1] Графиня Иозефа Витт, урожденная княжна Любомирская, в первом браке была за Валевским.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 9 ноября 1821

Не хочу посылать вам, дорогой Павел, прилагаемые газеты, не прибавив несколько строк, чтобы поздравить вас с вашим производством в чин полковника. **Приказ** был отдан 1-го числа сего месяца, и мне обещали послать его вам с фельдъегерем, который в тот же день отправлялся в Тульчин. Совершенно не знаю, что случилось, чтобы о вас вспомнили, но уверяют, что ваше назначение командиром полка лишь отложено, но что оно также состоится. Быть может, вы о том знаете больше меня. Я благодарю Бога,

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 40–40 об., 43–43 об., 41–42.

что вы будете полковником. Это доставляет мне большое удовольствие. Хоть это и запоздало на полгода, вы на этом еще выиграли, ибо Муравьев и Львов, которые капитаны гвардии старше вас, еще не полковники, и таким образом вы получили преимущество, вовремя оставив Кавалергардский полк[1], поскольку, оставаясь там, несомненно вы бы не были сделаны полковником. Еще раз благодарю Бога и обнимаю вас нежно, мой дорогой полковник, поздравляя от глубины сердца. Теперь нам остается желать, чтобы вы получили полк. Но да исполнится воля Божья! Он ведет *все* к лучшему, и ниспошлет вам и эту милость, если она будет вам на пользу!!

Я не выходил из комнаты после последнего моего письма, т. е. с 1-го числа сего месяца. Сначала страдал от простуды, потом подагра пришла меня мучить. Вот уже два дня как я больше не страдаю, но еще весьма слаб и остаюсь в комнате, так что даже не бывал в комнатах, занимаемых вашей матушкой, уже 10 дней. Она проводит дни у меня. Софья также больна простудой и сильным кашлем, часто мешающим ей спать.

Не говорю вам ничего нового, поскольку матушка сообщает, как она говорит, все что вам интересно и не интересно.

В будущем году я не буду больше брать «Инвалид», поскольку он дорого стоит и совершенно неинтересен. **Приказы** составляют в нем только *часть*, и печатаются поздно, а прочие новости помещаются гораздо полнее в Сенатской газете, которую я сохраню на будущий год. Придерживаетесь ли вы моего мнения, или хотите, чтобы я продолжал посылать вам и «Инвалид» тоже?

Слабость напоминает мне, что я должен заканчивать, я делаю это, обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 45–46 об.

---

[1] П.И. Пестель в декабре 1819 г. перевелся в Мариупольский гусарский полк, по которому числился до марта 1821 г.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 16 ноября 1821

Вот уже несколько лет как я совершенно утратил привычку видеть, как случается что-либо, доставляющее мне особенное удовольствие. Оттого я еще более чувствителен к новости, что вы наконец назначены командиром полка, назначенного вам по крайней мере полгода тому. Я на коленях возблагодарил Всевышнего горячо и с чувством. Что мне особенно было утешительно и приятно, это подтверждение, что задержка в вашем повышении не имела никакой личной причины, ибо намерение имп[ератора] было отложить ваше назначение командиром полка, уступая просьбе вашего предшественника хорошенько исследовать его дело, вследствие которой графу Витгенштейну было поручено это сделать, и когда его рапорт был получен, полк был вам дан в ту же минуту. Имп[ератор] (как уверяют) даже выказал неудовольствие непониманием, т. е. что приказ ***повременить*** приняли как относящийся к вашему чину полковника, тогда как он касался только полка. *Военные* уверяют меня, что если бы граф Витгенштейн или госп[один] Киселев захотели спросить, должно ли ваше старшинство в чине полковника считаться с тех пор, когда это повышение было им официально объявлено в приказе имп[ератора] к кн[язю] Волконскому, или же считать только с дня, когда **приказ** был дан. Этот вопрос может быть задан напрямую командующим армией (графом) начальнику Главного штаба (кн[язю] Волконскому), или же Киселевым к ген[ералу] Закревскому как к начальнику **Инспекторского департ[амента]**. Судите, стоит ли труда сделать подобный шаг. И сообразуйтесь с этим.

Вы чрезмерно выиграли тем, что сделаны полковником сейчас, ибо по новому порядку к производству в чин полковника и тем более назначению командующим полком будут большие затруднения и задержки, особенно в гвардии, где капитаны не будут более повышаться в тех полках, где находятся, но по дивизиям.

Уже очень поздно, и я опасаюсь упустить почту сегодня утром. Так что спешу послать вам печатный **приказ**, в котором находится ваше назначение, и тороплюсь закончить. Я молю Бога руководить вами на новом поприще и даровать вам все качества истинного христианина. Samftmuth, Hoffnung, Geduld, Liebe und Glauben*. На этом я вас благословляю и нежно обнимаю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 47–48.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 22 нояб[ря] 1821

Только что **Случевский** пришел сказать мне, что офицер вашего полка по имени Бухтеев[1] через полчаса выезжает к вам, мой дорогой Павел. Я не хотел упустить столь хорошую, возможность сказать вам несколько слов. Брат **Случевского** доставил мне прилагаемые справки по вашему полку, спешу их вам вручить, чтобы вы знали в точности о последних рапортах, имеющихся в Инспекторском деп[артамен]те по вашему полку, и посмотрели, верны ли они. Помоги вам Бог в принятии полка, о котором говорят, что он весьма расстроен. Будьте осмотрительны, не дайте взять себя врасплох, чтобы не отвечать за злоупотребления вашего предшественника.

Не сообщаю никаких новостей, ибо нечего хорошего сообщить, кажется, что война в конце концов вспыхнет, несмотря на то что наши мин[истры] желают противного, а австрийский и английский дворы делают все возможное, чтобы помешать ей.

С 23-го числа прошедшего месяца я не покидал комнаты. Я предпринял попытки выйти на воздух, но, хотя это не причинило мне вреда, большой пользы тоже не принесло. Погода скверная, я предполагаю еще несколько дней оставаться в комнате, поскольку, коли выйду, чтобы приступить к своим обязанностям, придется ходить каждое утро в Совет или в Сенат. Вчера у меня был новый приступ геморроидальной колики. В целом я в разных отношениях бедный страдалец. Не говорю вам ничего о наших, ибо матушка сообщает вам новости в прилагаемом письме.

Завтра или послезавтра мы надеемся получить ваше письмо с курьером, выезжающим от вас 15-го числа. Мы напишем вам обстоятельней с тем же курьером, сегодня я слишком тороплюсь, поскольку ваш офицер ждет наших писем у **Случевского**, чтобы ехать.

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас от всего сердца и благословляю также. П.

P.S. Ваши товарищи по Кавалерг[ардскому] полку Муравьев, Львов, Рагдин[2] и многие адъютанты *все еще* капитаны.

В прилагаемом списке ваших офицеров находится некий *Капцевич*[3], не будет ли он родственником генералу того же имени, командующему войсками в Сибири на месте покойного Глазенапа.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 49–50 об.

[1] Бухтеев, подпоручик Вятского пехотного полка. Значился в полковых списках в августе 1822, в списках на апрель 1823 его уже не было. В это время в офицерском составе полка прои-

* «Смирение, надежда, терпение, любовь и вера» (нем. яз.).

зошли большие изменения, многими офицерами П.И. Пестель был недоволен и постарался от них избавиться. Очевидно, это относилось и к Бухтееву.

[2] Рагден Федор Иванович (р. 1790), в марте 1813 был переведен в Кавалергардский полк из гвардейских резервных эскадронов, участник кампании 1813–1814 гг., в сентябре 1820 переведен подполковником в Каргопольский драгунский полк, не прибыв в полк, был уволен от службы за болезнями полковником 17 марта 1822.

[3] Капцевич, офицер Вятского полка, в апреле 1818 подпоручик, в марте 1821 полковой квартирмейстер, в августе 1822 – поручик 4-й мушкетерской роты, в апреле 1823 в списках полка уже не значился. Сведений о родственных отношениях с генералом Капцевичем не обнаружено.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 1 декабря 1821

Отвечаю на ваше последнее письмо от 15-го числа сего месяца, дорогой мой Павел. Перечитывая его, я вижу, что оно не требует никакого иного ответа, кроме как сообщить вам, что оно получено и что я в точности доставил вложения.

Когда вы его писали, вы уже знали о своем повышении, но еще не о назначении командиром полка. Вы не говорите об этом в письме из осторожности, ибо **приказы** до вас еще не дошли, и по той же причине мы ничего не говорили в письмах от 1-го числа прошедшего месяца и поздравили вас с почтой от 16 ноября. Вы знаете из этих писем подробности о причине задержки вашего повышения и пр., и пр. То, что вы мне говорите о том, что вас полагали шпионом гр[афа] Аракчеева, это так подло и так низко, что нужно быть подлой душонкой, чтобы вообразить подобные низости. Как бы удивились эти господа своей в вас ошибке, когда бы узнали вас таким, каковы вы в действительности. Мнение людей почти всегда преувеличено, и по большей части всякий судит других по себе самому, но в конце концов достойный человек узнается и ему воздают наконец справедливость, часто слишком поздно для благополучия того, в ком ошибались, но все же лучше поздно, чем никогда. Помоги вам Бог в вашей новой заботе принять и привести в порядок полк. Вам надо запастись в особенности большой дозой терпения, поскольку с ним можно добиться успеха во многих самых затруднительных обстоятельствах. Уже несколько лет, и особенно с тех пор, как окруженный врагами, я должен был быть очень осмотрительным в своем поведении и даже в разговорах, я поставил себе правилом всякий день отдавать себе отчет в своем поведении за день. Признаюсь вам откровенно, что редко проходил *единый день*, когда бы я был *вполне* доволен собой. Но я и судил себя с величайшей строгостью. Мне часто случалось, и еще случается, учиться на ошибках и исправлять их. Я особенно исследовал все свои поступки, особенно важные, когда следовал предписанию морали: *не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе*, и второму предписанию христианской религии: *делай ближнему то, что хочешь, чтобы сделали тебе*. Сколько превосходных вещей можно сделать с этими двумя принципами!!! Привыкши судить себя беспристрастно, достигаешь познания себя, и тогда христианское смирение учит вас, сколь малого вы стоите. Как после этого быть самонадеянным, запальчивым и гордым? Чтобы быть любимым, надо любить ближнего, себя самого, а любя, можно ли желать ему зла, разве что его благо того требует, и он ничего, кроме зла, не достоин. Если я выхожу из себя, я удаляюсь, чтобы не сделать глупости. Ибо если человек в горячке, может ли он почитать себя здоровым. Вот, мой добрый друг, мой дорогой Павел, небольшой очерк моей манеры себя вести, и мне она хороша. Если бы мой опыт был вам сколько-нибудь полезен, чтобы у вас не было необходимости в собственном досадном опыте, ибо пословица говорит, что урон делает мудрыми. Пусть вас делает мудрым урон других, но не ваш!!! Это искреннее пожелание нежного отца, который, несомненно, вам лучший из друзей.

Мое здоровье все еще весьма плачевно. С 24-го числа прошедшего месяца вчера я впервые возобновил службу, отправившись в Совет, а вечером снова имел ревматическую боль в правой ноге. Несмотря на это, я продолжу являться к своим обязанностям.

Матушка сообщит вам новости обо всех наших, а я заканчиваю, благословляя вас и обнимая от всего сердца. П.

P.S. Вы нам пишете всего один раз в месяц, и такие письма, которые очень мало говорят нам о том, что касается лично *вас*, тогда как нам это всего интереснее. Пишите нам чаще и подробнее, дорогой Павел, вы доставите мне этим большое удовольствие.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 51–52 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 декабря 1821

Сегодня последний день этого года! Завтра мы вступим в новый! Есть ли что более для меня натуральное, чем заняться всеми вами, мои дорогие дети, и в особенности вами, дорогой мой и добрый друг Павел, ибо сейчас вы единственный, кто находится далеко от нас. Три ваших брата и сестра с нами. Самые искренние пожелания и самые горячие молитвы, возносимые с нежнейшими чувствами к вам, мой дорогой сын, занимают всецело мою душу!! Я глубоко убежден, что Всевышний приведет всех нас к лучшему и что он будет руководить вами и хранить вас всегда. От вас зависит, чтобы это сбылось, следуя предписаниям, кои он столь торжественно дал нам через своего сына, нашего Спасителя. Бог справедлив и милосерден. Справедливость требует наказания, а милосердие – прощения и сострадания. Итак, от вас зависит заслужить своим поведением его милосердие, защиту и милость так же, как вы должны страшиться в противном случае и ждать исполнения его Суда!!! Переберите в памяти ваши поступки в истекшем году! Будьте себе суровым судьей. И вы несомненно увидите многие вещи, требующие перемены, наблюдения и сожаления, что они не были сделаны иначе. Ваша совесть несомненно также сделает вам упреки, что вы не всегда в точности следовали ее порывам, и проч., и проч. Я во всех этих отношениях не строже к другим, нежели к себе самому. Я делаю себе все эти упреки и могу лишь удивляться бесконечной снисходительной доброте Божьей. Я имел много огорчений в течение этого года. Я вовсе не уверен, не ожидают ли меня еще большие, но, несмотря на это, не могу считать, что Всевышний ко мне несправедлив. *Люди*, которых он использует, дабы напомнить мне о моих обязанностях *как христианина*, несправедливы, но не Бог*. Мне не в чем себя упрекнуть против ближнего, каков он есть. Государь или подданный, хозяин или раб – я не пренебрег никем и исполнил свой долг как честный человек, но Бог всегда снисходителен, и я вижу в самих горестях, посылаемых им мне, благо, которого он для меня хочет, и счастье, какое он мне готовит, желая сделать меня достойным вечного блаженства, к коему хочет приготовить меня, уча самопознанию и давая мне силы сделаться лучше и исправить свои недостатки. Так что я окончу год, благодаря его за доброту и доказательства милости, которые он во стольких случаях мне являл. Я возблагодарю его за доброту к *вам* и буду просить милости к вам, мой дорогой сын, мой добрый друг. Работайте, мой добрый друг, над тем, чтобы стать достойным их, и вы будете *вдвойне* счастливы в счастье и никогда не несчастны в несчастье. Вот, дорогой Павел, мои поздравления к новому году, с каковыми я вас нежно обнимаю и благословляю также. Вы даете мне

* Между этим предложением и следующим над строкой вписан знак NB, следующие три строчки текста отчеркнуты фигурной скобкой по левому полю и возле нее также стоит знак NB, оба они отсылают к приписке в конце письма.

в последнем вашем письме от 15-го числа сего месяца поручение прислать вам кивер и эполеты. Эполеты были уже не только готовы, но и упакованы за неделю до получения вашего письма, я ждал только отъезда фельдъегеря, чтобы отослать их вам, так что я предвидел ваше желание. Кивер был заказан тотчас, и если сдержат слово, я получу его сегодня и отправлю к вам с этим письмом.

То, что вы говорите мне о своем полке, меня огорчает, и я прошу Бога, чтобы вы нашли его менее плохим и имели бы меньше затруднений с приемкой, чем полагаете. Сергей Шипов, который здесь в отпуске и шлет вам поклоны, сказал мне, что тем лучше, что ваш предшественник уже долго командовал полком. Приемка будет проще из-за сроков службы многих вещей, которых может недоставать. Он не знает, как приемка полка может длиться так долго, тогда как есть приказ, что она не может длиться долее четырех месяцев, а если такое случится, шефы должны учредить комиссию для приемки полка и передачи его новому командиру[1]. Подумайте хорошенько, дорогой Павел, об этом сроке в четыре месяца.

Все вложения в вашем письме были переданы в точности по назначению.

Мне нечего сообщить вам интересного, но говорят, что завтра (в новый год) будет много перемен, не знаю, до какой степени это верно, но в конце концов, так бывает каждый новый год, когда обещают много нового, а не происходит ничего. Если будет что-то, могущее вас интересовать, я напишу вам с экстраординарной почтой, отбывающей отсюда дважды в месяц *1-го и 15-го числа*.

Обещают, что Сибирский комитет окончит труды к 10-му числу следующего месяца. Дай Бог, чтобы и вправду эти дела были окончены и я бы знал, чего держаться в будущем моем существовании. Я не могу и не должен оставаться в настоящем положении. И Бог несомненно смилостивится надо мной, и однажды мы *все* увидим, почему все случившееся со мной *должно* быть к добру, и постигнем рано или поздно милость *не людскую*, но Всевышнего, который есть сама мудрость и доброта!!!

Прощайте, дорогой Павел. Прижимаю вас к сердцу со всей нежностью, на какую когда-либо был способен отец по отношению к своему дитя.

NB. Перечитывая свое письмо, я нашел необходимым яснее высказаться по пункту, где я говорю, что мне не в чем упрекнуть себя по отношению к людям и что я никем не пренебрег. Я жду, чтобы совесть моя заверила меня, что я не причинил никому зла *преднамеренно*[*]. Я весьма далек от того, чтобы думать, что никто не может на меня пожаловаться. Я мог пренебречь по слабости, по характеру, но никогда не по намерению причинить зло. Сердце мое никогда не участвовало в зле, какое я мог сделать, – и я за то прошу у Бога прощения, что не был достаточно внимателен, и в этом Его снисхождение ко мне столь велико!!!

Посылаю вам, дорогой Павел, при этом два ящика: один с эполетами, в другом находится **кивер** с прибором.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 53–55 об.[**]

---

[1] П.И. Пестель жаловался на проволочки и нечестность Кромина при сдаче полка в дошедших до нас письмах начальнику штаба 2-й армии П.Д. Киселеву (см., например, письмо предположительно от середины февраля 1822: Письма Пестеля к П.Д. Киселеву (1821–1823 гг.) / публ. Покровский Ф.И., Васенко П.П. // Памяти декабристов. Вып. 3. 1926. С. 161–171; письма и рапорты Пестеля на эту тему непосредственным начальникам не известны). Киселев 19 февраля 1822 сообщил корпусному командиру А.Я. Рудзевичу о жалобе Пестеля на предше-

---

* Слово подчеркнуто дважды.

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 53–53 об., 55–55 об., 54–54 об.

ственника: «Кромин отличается, всевозможные прижимки делает Пестелю. Главнокомандующий приказал назначить посредников», о чем Киселев известил дивизионного командира князя А.В. Сибирского. Рудзевич отозвался 26 февраля: «Пестель рапортом просил меня нарядить посредника при приеме полка от Кромина, с которым он не сошелся, и я о сем предписал князю Сибирскому» [Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу (1817–1823) / публ. А.Н. Акиньшина, М.Д. Долбилова. Воронеж, 1998. С. 79, 125–126].

1822

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 января 1822

С 15 числа прошлого месяца вы не подавали признаков жизни, дорогой мой Павел, и, если бы гр[афиня] Витгенштейн не написала матушке, что вы должны были 3-го числа сего месяца уехать к своему полку[1], мы не знали бы, существуете ли вы еще. Привыкши иметь от вас новости по меньшей мере всякий раз с фельдъегерем, едущим из Тульчина 15-го числа каждого месяца, я был бы весьма обеспокоен на ваш счет, если бы новость о вашем отъезде не была подтверждена офицером Главного штаба по имени *Петров*, которого мы видели у гр[афини] Белосельской и который положительно меня уверял, что вы здоровы и отсрочили свой отъезд на два дня, попрощавшись уже с графом Витгенштейном и ген[ералом] Киселевым. Вы в самом деле виноваты, что оставили нас так надолго без новостей от себя. Но мне нравится думать, что вы нам писали и письмо или потерялось, или же еще не дошло до нас. Уверьте нас как можно скорее и почаще сообщайте свои новости. Они тем более нужны сейчас, когда мы знаем, что вы один и удалены от всех прежних связей и друзей при вашем бывшем начальнике графе Витгенштейне.

Надеюсь, что мои письма и все, что я послал вам с последним курьером, дошло до вас в точности. Дай Бог, чтобы вы были здоровы и имели меньше, чем ожидаете, неприятностей при приемке полка. Петров (который, впрочем, кажется, не очень осведомлен) уверяет, что ваш полк вовсе не в скверном состоянии и что на последнем смотре его даже нашли очень хорошим. Я всякий раз радуюсь, когда слышу, что о вас говорят те, кто знал вас во время службы при графе, поскольку о вас говорят вообще очень лестным образом, а это настоящий бальзам для моего отцовского сердца.

Мне нечего особенно сообщить вам о нас. Нищета, в какой я нахожусь, не только*, но лишь растет и расцветает. Здоровье мое весьма слабо. С 23 октября по 28 ноября я оставался в комнате из-за болезни, а 16-го числа сего месяца заболел и снова оставался в комнате до 27-го. Я чувствую себя лучше, но не могу сказать, что пользуюсь хорошим здоровьем. Ревматизмы, настигающие вдруг, или чаще подагрические боли и геморроидальные страдания терзают меня непрестанно по очереди. Еще, по счастью для меня, зима очень мягкая, что для моих болей лучше, нежели сильный холод. Мы все живем так же, видя лишь немногих, что мне весьма подходит, ибо я люблю уединение как никогда.

Все у нас в ожидании, будет ли война или нет. Большинство полагает, что ее не будет, но никто не знает ничего положительного.

Мне кажется, что вы, будучи здесь, интересовались делом графа Кайзерлинга[2]. Оно только что решено е[го] в[еличеством] имп[ератором] в его пользу и самым справед-

* Дальше, видимо, И.Б. Пестель пропустил слово, и предложение осталось грамматически не завершено.

ливым образом, несмотря на могущественную и многочисленную поддержку его противника. Мне самому это доставило большое удовольствие.

Расскажите мне, мой дорогой Павел, подробно о вашем полке. Я желал бы, чтобы вы снискали себе через полк благоприятную репутацию, как та, что приобрел Сергей Шипов через оба полка, которыми командовал. Ген[ерал] Дибич, который здесь, с большой похвалой говорит о Семеновском полке и заявляет, что он лучший из всех гвардейских полков.

Воло был здесь пару недель. Я был очень рад его повидать, но имел с ним большую беседу об отсутствии порядка и экономии в его делах. Мне показалось, он почувствовал свою вину и обещал исправиться. Александр еще здесь и получил продление отпуска до 1 марта. До настоящего времени все мои шаги в его пользу, чтобы или быть адъютантом, или перейти в кавалергарды, не имели успеха, и все же я не могу пожаловаться ни на чью злую волю. Кажется, это судьба, что он должен остаться там, где есть. Да исполнится воля Божья! Я доволен им за его поведение, даже в отношении расходов, он разумнее Воло в этом отношении, но его невежество и неспособность меня огорчают!!!

Прощайте, мой добрый Друг, нежно вас обнимаю и благословляю так же. Весь ваш сердцем и душой. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 56–57 об.

---

[1] По сведениям историка полка, П.И. Пестель отправился из Тульчина к месту расположения Вятского полка 8 января 1821.

[2] Сведений о деле графа Кайзерлинга не обнаружено.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 13 фев[раля] 1822

Гр[аф] Людвиг Витгенштейн, вручивший нам ваше последнее письмо от 25-го числа прошедшего месяца, взялся доставить вам это письмо с верной оказией, я пользуюсь этим тем более охотно, что имею сообщить вам новость, которую вы найдете в прилагаемых бумагах, но прошу вас, мой дорогой друг, прочтите их *совершенно один*, а если вскроете это в чьем бы то ни было присутствии, не читайте вложения, пока не останетесь совсем один. Это предосторожность, которую я вам очень рекомендую. Благодаря Бога, мы все вполне здоровы и радуемся, что ваша болезнь, сильно нас обеспокоившая, прошла и что вы находитесь в месте назначения. Будьте осторожны, дорогой Павел, не только в своем поведении, но также и в речах, хорошенько изучайте тех, кто окружает вас, прежде чем оказывать им доверие. Вы никогда не пожалеете, что были слишком осторожны.

Я в затруднении из-за Александра. В настоящий момент он у нас. Мне обещали перевести его в резервный эскадрон, находящийся здесь, принадлежащий к их полку. Я бы в высшей степени желал, чтобы он был в полку Шипова, который согласен его просить, зная его, поскольку он уже служил под его началом, но Александр не любит Шипова и никогда не полюбит никого из своих начальников, умоляет не служить при нем. Я думаю, что буду вынужден устроить дело без оглядки на него, ибо он слишком ничтожен и слишком избалован, чтобы мог служить при ином начальнике, кроме Шипова, который друг его родителей и безупречно порядочный человек. Если будете ему писать, растолкуйте ему это. Будущее Александра меня страшит, он невежествен, упрям и притом с большой претензией, а матушка его балует.

Я чувствую себя превосходно, благодаря Бога. Матушка страдала от ревматизма, но сейчас поправилась.

Прощайте, мой дражайший и добрый друг, обнимаю вас нежно и благословляю от всего сердца. П.*

Комитет, судивший сибирские дела, из следующих лиц:

1. Граф Кочубей
2. -»- Гурьев
3. -»- Аракчеев
4. Князь Голицын
5. Сперанский
6. Б[арон] Кампенгаузен.

Все бумаги, даже указ Сенату, данный е[го] в[еличеством] имп[ератором], были составлены в канцелярии Сперанского *им самим*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 58–60.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 28 фев[раля] 1822

Я в большом беспокойстве на ваш счет, мой дорогой Павел. С 26-го числа прошлого месяца мы не имели ни строчки, ни даже никаких косвенных известий от вас! Вы, бывший прежде таким точным в сообщении нам своих новостей, вы с некоторых пор пишете столь редко. Я не сомневаюсь, что принятие полка отнимает у вас много времени, но его остается довольно, чтобы подать признак жизни вашим родным. Дорогой Павел, не причиняйте нам этого беспокойства, мы их достаточно имеем в настоящем нашем положении.

Не могу сообщить вам ничего утешительного о теперешнем состоянии наших дел, я предпочту не говорить о них вовсе, чем причинять вам напрасные огорчения. Я крепок верой в Бога, я понимаю добро, которое огорчения в этом мире принесли мне для вечного блага, и могу лишь благодарить провидение, пославшее их мне. Дай Бог, чтобы вы пришли однажды к той же уверенности и находили бы во всем, что может произойти с вами самого несчастливого в этом мире, утешение в себе самом, какого ничто, ничто в мире не сможет заменить. Я наслаждаюсь, благодаря Бога, этим спокойствием правоты, т. е. истинного христианина. Когда не знают еще счастья проникновения в истины Св. Евангелия, не понимают вовсе этого счастья и можно даже найти того, кто почитает это смешным или по меньшей мере фантастическим. Что до того, кто хочет ввести нас в заблуждение и даже в сомнение в этих священных истинах. Он может отнять их у нас, но что даст он взамен? Философию? Эта ничтожная химера человеческого рассудка, полезная нам, лишь когда сила наших горестей не поработит душу, остающуюся сильной, пока физические силы ей позволяют; но вера и истинные принципы христианства возносят ее надо всякой философией и остаются при вас, когда все человеческие силы вас покидают, и делают вас сильным через вас самого. Этой силой пользуюсь я сейчас и всего ожидаю от Всевышнего, давшего мне эту силу. Это вовсе не означает, что я имею право оставаться со сложенными руками и ждать, что провидение все сделает все, а я ничего. Нет, оно дало мне человеческий рассудок, чтобы заботиться о человеческих нуждах, так что я с

* Дальнейший текст написан на отдельном листке, вложенном в письмо (л. 59). На обороте этого листка имеются сделанные чернилами рукой П.И. Пестеля три столбца арифметических подсчетов, возможно, денежных сумм:

600	50	1900
9	15	1500
5400	250	2000
750	50	800
6150	7	6200

утра до вечера думаю, как изменить образ жизни, чтобы иметь возможность существовать, чтобы иметь возможность, насколько от меня зависит, отдать должное моим долгам. Я менее деятелен, потому что ожидаю ответа из Смоленска, как и когда перебраться на житье в деревню. Я не могу существовать ни в одной столице, мое состояние делает это невозможным, и я не хочу оставаться ни в каком губерн[ском] городе, находя, что это во многих отношениях хуже, чем деревня. Ответ из Смоленска заставит нас действовать решительно. Вот, дорогой Павел, все, что я могу сказать вам сейчас о наших делах.

Воло часто пишет нам, и я тронут чувствами, содержащимися в его письмах. Александр был придан резервному эскадрону, находящемуся здесь и принадлежащему к его полку. Борис продолжает прозябать, причиняя мне горе из-за будущего, которое я для него предвижу по причине его ничтожества, беспечности и характера без принципов и безо всякого надежного и обдуманного хода; все есть порыв минуты, без размышления и без рассуждения. Софья еще ребенок, но благодаря Бога ребенок, обещающий стать доброй особой и разумным существом.

Никита Муравьев был здесь в отпуске, он уезжает сегодня, он лишь однажды приходил повидать меня на минуту, и интерес, выказанный им мне, был довольно холоден, да я на другое и не рассчитывал.

Прощайте, дорогой Павел, нежно вас обнимаю как лучший из ваших друзей и как нежнейший из отцов, благословляя вас от глубины сердца. П.

P.S. Вы помните, дорогой Павел, как бывший учитель истории и русского языка у Софьи **Драницын**[1] всегда держался по отношению к нам. Он и сейчас продолжает так же, и я ему много обязан, вообще это совершенно порядочный человек, заслуживающий всякого нашего уважения. Он желал бы оставить научную карьеру, не ведущую ни к чему, кроме нищенской жизни на скромное жалованье. Он полагает, что мог бы сделать лучшую карьеру в военной канцелярии при графе Витгенштейне или при Киселеве. Я не разделяю его мнения. Но, чтобы доставить ему удовольствие, обращаюсь к вам, дорогой Павел, чтобы узнать, возможно ли это и каковы преимущества, которые он сможет найти в отношении: 1. жалованья, 2. чинов, 3. работы, и 4. видов на будущее. Вы больше, чем кто-либо, в состоянии дать мне сведения. Дайте их мне, дорогой Павел, *по-русски*, чтобы он мог сам их прочесть, и прибавьте ваше мнение, советуете ли вы ему сделать для этого шаги, к кому и как следует обращаться для этого. Простите, что даю вам это поручение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 63–66 об.*

[1] Драницын Дмитрий Михайлович, из духовного звания, в 1822 чиновник 8 класса, позднее 5 класса, в 1813–1838 преподавал российскую словесность в Пажеском корпусе, давал уроки «истории, географии и пр.»

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 24 марта 1822

Последнее письмо, которое мы получили, от 24-го числа прошедшего месяца, было передано мне вашим капитаном ***Зыбиным***[1] 12-го числа сего месяца. Так что оказывается, оно добиралось до нас три недели. Я беспокоюсь, дорогой друг Павел, что не имею еще никаких новостей от вас после того, как вас достигла новость о моем крушении [которую я сообщил вам письмом от 13-го числа прошлого месяца (февраля)]. Гр[афиня]

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 63–63 об., 66–66 об., 64–65 об.

Витгенштейн известила меня, что это письмо было аккуратно вам послано. Я знаю твердость вашего характера, но ваша чувствительность, ваше чувство справедливости и особенно нежная привязанность ваша к родителям заставляют меня опасаться, как бы эта новость не причинила вам нравственного и физического вреда. Если бы я был так уверен, как хотел бы быть, в ваших религиозных принципах и полном доверии к путям Провидения, я бы ничего не опасался, ибо собственный опыт доказывает мне, что нет несчастья, какому нельзя предать себя со смирением и надежной, когда рассчитываешь на доброту Всевышнего, никогда не посылающего нам креста свыше наших сил. Итак, я несу свой с мужеством и доверием и желал бы, чтобы вы могли меня видеть, дабы убедиться в этом. Ничто в моем положении не изменилось. Я совершенно решился не делать никаких *официальных* шагов и в особенности ничего не просить у государя. Что, в конце концов, могу я просить? Быть судимым, чтобы *доказать* мою невиновность? Кто бы меня судил? Те же могущественные лица, которые десять лет трудились над моим ниспровержением. Они будут судить уже не *мое дело*, а *свое собственное*, ибо ради *своей чести* им нужно будет доказать, что они были правы, приговорив меня и не выслушав. Попрошу ли я о возвращении на службу? Для меня это было бы одним злом больше, поскольку я выиграл бы лишь 6 т[ысяч] руб. прибавления дохода и был бы обязан жить *здесь*, как делал в течение 12 лет после возвращения своего из Сибири, где я удвоил число своих долгов. Можно было бы упрекнуть меня, что не попросил отставки раньше, но мог ли я? Имея столько затруднительных неоконченных дел, я рисковал по доброй воле поставить себя в положение, в которое меня поставили по вопиющей несправедливости. Нельзя ли было бы упрекнуть меня, что сам навлек на себя крушение, оставив службу в момент немилости? Наконец, за 12 лет пребывания в Петерб[урге] я просил отставки *4 раза письменно* и более 3 раз изустно. Я не имел никакого ответа на письменные прошения, а последние три раза мне всякий раз давали денежную награду. 1-я была 15 т[ысяч] руб. на *уплату долгов*. Вторая – 6 т[ысяч] серебром дорожных в год, которые мне не выплачивали, поскольку я не был при своем месте в Сибири, и в 3-й раз я получил аренду. Должен ли я просить, чтобы уплатили мои долги? Прежде всего, надо мной посмеются, если я попрошу *в настоящий момент*, и потом, даже если захотят сделать мне нечто хорошее, то что сделать? Я могу подсчитать в точности. В то время, *когда я был более всего в милости*, я представил бумагу, в которой излагал свое положение, что имея 150 т[ысяч] рублей долгов и не имея средства их уплатить, я прошу их оплаты. *К моей просьбе проявили внимание* и дали мне *15 т[ысяч] руб*. ***на уплату части долгов, на службе нажитых***. Что мне дадут в настоящий момент? Так что вы видите, дорогой друг, что мне ничего не остается, кроме как молчать, страдать и ждать *всего* от провидения, руководившего мною в течение 57 лет моего существования, 58-й самый мучительный, но он принесет мне *морально* величайшую пользу на остаток моих дней, а также несомненно и моим добрым и дорогим детям, если они захотят воспользоваться моим опытом, который избавит их от многих горестей и превратностей в их собственных карьерах и который *превыше всего* приготовит их к знанию света таким, каков он есть, а не таким, каким мы его воображаем. Это знание приведет нас *всех* к такому образу жизни, чтобы умереть спокойно, без угрызений, готовясь через временное существование к другому, вечному, где все заботы заканчиваются, где существует *истинное счастье*, никогда не кончающееся. С этими принципами я занят устройством своих дел. Я ищу занять денег под мою годовую пенсию в 3 т[ысячи] руб. и аренду в 16 т[ысяч] руб. в год, которая останется за мной лишь до 1826 года. Этот заем делается исключительно для уплаты долгов, могущих мне помешать оставить Петерб[ург]. Уладив это, ваша превосходная матушка, Софья и я поедем, если будет возможно, не позднее (а если можно, то раньше, как только будет возможно,) конца мая или в начале июня, в *Псков* провести лето у Пальчикова и Яхонтова[2], которые приглашают нас самым любезным и дружеским образом. Оттуда мы предпримем путешествие на Смоленские земли, чтобы озна-

комиться с ними и посмотреть, есть ли какая возможность там жить в ожидании, пока будут приняты меры, чтобы сделать дом хоть немного пригодным для житья. И потом. И потом. Мы отправимся похоронить себя в этой ничтожной земле, лишенной всякой мыслимой привлекательности!!! Если бы было возможно приемлемым образом получить в аренду землю в Подолии или в Крыму, климат, по крайней мере подходящий для расстроенного здоровья вашей матушки и моего так же, как и слабого сложения бедной Софьи. Осведомитесь, дорогой Павел, не найдете ли вы что-нибудь, могущее подойти вашим бедным родным!!! И дайте нам советы в соответствии с полученными сведениями. Ваша матушка говорит вам в своем письме о поистине обязательных предложениях гр[афини] Потоцкой, но как связываться с ней, тем более что ее здоровье заставляет опасаться, что она долго не проживет, хоть она и чувствует себя много лучше и сама себя полагает вне опасности.

Ваше намерение, дорогой друг Павел, прислать 1 т[ысячу] руб. Александру – истинно милосердное дело, ибо из денег, которые я занял под мою годовую пенсию на два года вперед под 6 %, я дал *тысячу руб*. Александру, чтобы уплатить еврею в Витебске, который арестовал его лошадь и вещи и готов вернуть не менее чем за *900 руб*., которые Александр ему должен уплатить. Он держит все его вещи и лошадь в 2 т[ысячи] руб. за сумму в *900 руб*. Я не знаю, как устроится Воло, но он обещает экономить, чего никогда не желал делать до настоящего времени, имея непростительный беспорядок в делах. Если вам случиться поддержать братьев, не забывайте себя самого и делайте это со всей возможной экономией, ибо они, в особенности Воло, легки и беспечны. Воло и Борис – это дырявые корзины, а последний должен прожить с *2000 руб*., имея 1500 руб. жалованья и не менее 500 руб. наградных каждый год. Он представлен к кресту Св. Владимира, но я полагаю, что ему дадут только Св. Анну 3-го класса, поскольку по принятому обычаю статским сов[етникам][3], не имеющим еще наград, дают только этот последний крест. Впрочем, он вскоре станет коллежским советником по старшинству. Представление это уже утверждено в Сенате.

Ваш капитан **Зыбин**, как мне показалось, – большой болтун, но жалкий деятель. Он говорил мне о претензии, которую ваш полк имеет за годы 1814, 1815 и 1816. Он не сумел получить этих денег, но я взял у него записку по этому делу и предприму необходимые шаги для получения, однако сведения, которые смог дать мне **Зыбин**, недостаточны. Он даже не смог дать мне копию вашего представления в Провиантский деп[апртамент] на этот счет. Если вы хотите, чтобы я этим занялся, дайте мне сведения и скажите, что вы хотите, чтобы я сделал. Тем временем я не упущу осведомиться и сообщить вам, что узнаю; это все, что я могу сделать с неудовлетворительной запиской, какую ваш кап[итан] **Зыбин** мне дал.

Прощайте, дорогой Павел, я молю Бога за вас всякий день, а на будущей неделе сделаю это особенно, ибо это святая неделя и я намереваюсь причаститься со всеми нашими. Да будет благой Бог близок вашему сердцу и да наполнит его чувствами святой религии. Благословляю вас и обнимаю от всего сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 67–70 об.*

---

[1] Зыбин 2-й, офицер Вятского полка, в 1816 поручик, в апреле 1818 – штабс-капитан, в марте 1821 капитан, в этом же чине значится в полковых списках в августе 1822, но в апреле 1823 в списках полка его уже не было.

[2] Пальчиковы и Яхонтовы – родственники Пестелей, помещики Псковской губ. Яхонтов Николай Александрович (1790–1859) – внучатый племянник М.И. Кутузова, участник войны

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 67–67 об., 70–70 об., 68–69. Л. 70 подшит в деле между л. 66 и 67.

1812 г., чиновник коллегии иностранных дел, с 1823 в отставке, в 1825–1832 псковский уездный, в 1832–1835 губернский предводитель дворянства, женат на Любови Федоровне Кандалинцевой, их сын Александр (1820–1890) лицеист IX курса, автор воспоминаний о Лицее, поэт, переводчик. Яхонтов Николай Петрович (1764–1840), похоронен в селе Устье Псковского уезда. Там же были похоронены Яхонтов Петр Николаевич (1800–1851), полковник корпуса путей сообщения; Пальчиков Петр Андреевич (1762–1843), другие представители семьи Пальчиковых. Пальчиков Николай Андреевич, майор, в 1823 служил судьей в совестном суде Псковской губернии (см. Месяцеслов на 1823 г.).

[3] Так в тексте, должно быть «надворный советник».

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 11 апреля 1822

Ваше письмо от 13-го числа прошлого месяца, мой лучший друг, пришло ко мне 5-го сего месяца, и, хотя это уйдет лишь 15-го, я пользуюсь первой минутой тишины, какую имею, чтобы на него ответить[1]. Я прочел его, это прекрасное письмо! Я его тотчас перечел и оросил его слезами! Ах! мой друг, как сладки эти слезы!!! Быть может, самые сладкие, какие я пролил в своей жизни, а я проливал их часто, много и разного рода! Оно достойно *вас*, мой дорогой и добрый сын, и останется запечатленным в моей душе на всю жизнь, и даже умирая, я благословлю доброго сына, написавшего его! Не должен ли я благодарить Всевышнего, пославшего мне случившуюся со мной катастрофу, ибо ей я обязан поступком, какой вы выказали столь ослепительным образом! Не думайте, что подобного поступка я не ожидал от *вас*, мой добрый друг. Ваша душа мне слишком известна, ваше превосходное сердце было слишком открыто передо мной, а ваша возвышенная душа во всякое время заставляла ожидать от вас подобного поступка, но тем не менее видеть все эти высокие качества в действии не может не тронуть и обрадовать нежного отца и искреннего друга. После всего, что я вам сказал и что идет от живо чувствующего сердца, было бы неуместно говорить вам о моей признательности: вы должны прочесть ее во всей полноте в сердце, где вы занимаете столь большое место!!!

Итак, я *вам* буду обязан всем, что имею и всем моим существованием, оно будет тем более драгоценно, что я вам им обязан, поскольку я знаю, что это единственный способ, каким я могу вознаградить душу, столь возвышенную, как ваша, и заклинаю вас верить, что, если я не соглашаюсь на *все* ваши предложения, это потому, что разум и обстоятельства делают это отчасти невозможным, отчасти бесполезным. Прежде всего, все, что я должен по векселям, уже было частью переписано на год, а те, что еще не переписаны, будут переписаны до 26-го числа этого месяца, поскольку мои кредиторы согласились самым учтивым образом. Среди них есть несколько, заверивших меня, что намерены были предложить мне отсрочку уплаты прежде, чем я их попросил об этом. И вот я спокоен до апреля месяца следующего года. Мелкие долги без векселей и долг **Межуеву** будут уплачены из моей аренды, которую я употреблю на это, дав ее авансом тем, кто снабдит меня деньгами. Ваши планы относительно Софьи приводятся в исполнение, и матушке надо лишь подписать завещание, что будет сделано на днях, мы только ждем для этого пастора, который его подпишет вместе с несколькими свидетелями из наших друзей, чтобы узаконить его по закону. Что до Александра, я в точности согласуюсь с вашим мнением. Я написал письма к графу Витгенштейну и пол[ковнику] Снарскому, чтобы просить их о переводе Александра в Харьковский драгунский полк[2]. Как только это будет сделано, он отправится к вам и я предоставлю его вам как второму отцу. Позаботьтесь о нем, присмотрите за ним. Он молод, но сердце у него по сути доброе, он любит вас и будет следовать вашим советам, поскольку уважает вас так, что мне это доставляет величайшее удовольствие.

Мне нечего сказать вам о себе. Ничто не изменилось в моих делах и даже не может измениться, ибо я не делал никаких шагов и не сделаю, хотя должен землю пахать. Я 42 года служил как честный человек, как ревностный слуга отечества. Я служил государю, как должно, в соответствии с моими принципами порядочности и религии. Я лучше служил ему, и даже сейчас искреннее предан ему, чем все те, кто его окружает, и особенно те личности, кто старался погубить меня в его мнении. Если он не научился *сам* лучше знать меня и видеть мою службу, я не сделаю ни шага, чтобы привести его к тому, ибо мне нечего сделать лучше того, что я делал в особенности последние 20 лет службы. Трескин ведет себя как порядочный и благородный человек. Он написал письмо к имп[ератору], в котором, говоря о сделанной с ним несправедливости, не просит ни о милости, ни об освобождении от суда, которому был отдан, но лишь о том, чтобы его не лишали средств оправдаться, поскольку его преследователи хотели бы, конечно, отнять их у него. Имп[ератор] послал это письмо в Сибирский комитет – который *так хорошо*[*] судил представления Сперанского, написав собственной рукой: ***доставить возможное пособие***. Если бы были справедливы, Трескин был бы полностью невиновен, и несправедливость, сделанная с ним, вышла бы на свет. Но будет ли так? Имп[ератор] того хочет. Но когда ему представляют дела таким образом, как было сделано с сибирскими, – он должен думать, что был совершенно прав, не будучи таковым. И невинные будут, быть может, еще осуждены.

Я заканчиваю это письмо 14 апреля, чтобы отослать его на почту и чтобы оно отправилось завтра с экстраординарной почтой, адресуя мои письма тульчинскому почтдиректору, как вы мне указали, и буду продолжать делать так же, пока вы не дадите мне другого указания. Обнимаю вас от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 71–72 об.

---

[1] Письмо П.И. Пестеля от 13 марта 1822 см. в настоящем издании. Оно было опубликовано вместе с бумагами И.Б. Пестеля в журнале «Русский архив» (1875. Кн. 1. С. 415–416), выбор именно этого письма для публикации дополнительно свидетельствует о том, какое значение придавали ему в семье Пестелей.

[2] А.И. Пестель 12 мая 1822 был переведен в Харьковский драгунский полк, командиром которого был полковник К.С. Снарский.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 19 мая 1822

Граф Людвиг Витгенштейн уезжает на днях и любезно готов взять письмо для вас, мой дорогой Павел. Но поскольку он еще не назначил день своего отъезда, я готовлю это письмо заранее, чтобы передать ему. После 2-го числа прошлого месяца мы не имели от вас новостей, дорогой мой друг. Последнее письмо носило черты чувств того, кто столь удручен горем и препятствиями разного рода, что одна лишь сила характера поддерживает еще грустное и безрадостное существование. Я был охвачен болью, мой добрый друг, при виде того, до какой степени вы видите все в черном цвете, имея лишь горе в настоящем, мало видов, что может измениться к лучшему, никакой надежды и утешения, каковые может дать только религия, дающая истинную силу характера, истинную возвышенность души, с который никто еще не изнемог. Все это принесло мне весьма чувствительное огорчение на ваш счет, мой дорогой и добрый лруг. Несомненно, я много более несчастен, чем вы, ибо вы по существу несчастны лишь из-за катастрофы, случившейся *лично со мной.* Несмотря на это, уверяю вас, что я не все вижу в черном цвете, подобно вам. *Я надеюсь*, и моя

---

* В подлиннике подчеркнуто дважды.

надежда не окажется ошибкой. Я глубоко убежден, что вы полагаете меня много более несчастным, нежели я есть, мое доверие к Богу оправдается каким-нибудь образом, я уверен. Я покоряюсь и несу свой крест со смирением, не стремясь увидеть будущего, которое провидению не угодно дать знать людям. Делайте так же, дорогой друг, и вы станете менее холодны, сердце ваше согреется для вас самого, для ваших ближних, чувства станут менее отгораживать вас, и вы увидите вещи иначе, чем видите сейчас. Наша собственная душевная сила столь незначительна, так зависит от обстоятельств, что о ней решительно не стоит говорить, если она не основывается на религии и силе Господа, испытывающего и направляющего нас. Мои вера и принципы поддерживают меня, заставляют прощать врагам и любить ближних и друзей с их недостатками. По всему по этому, дорогой Павел, могу ли я сетовать так, как вы полагаете? Итак, успокойтесь, мой добрый друг, касательно нас, не думайте о нас, кроме как со всей дружбой и нежностью, какие к нам испытываете, а мы возвращаем вам от глубины сердец.

Наш отъезд еще откладывается по некоторым обстоятельствам, задерживающим его и являющимся исключительно *нашими частными делами*. Что до службы, то меня ничто не задерживает и кажется, что все кончено. Все мы чувствуем себя очень хорошо.

Александр перешел в полк Снарского. Граф Витгенштейн и вправду написал к ген[ералу] Дибичу, прося его, чтобы Александр перешел в Харьковский драгунский полк, но поскольку прошение было представлено здесь ген[ерал]-адъютанту Кутузову[1], он перешел до того, как Дибич успел его попросить. Я полагал долгом торопить это дело, чтобы оно было окончено до отъезда имп[ератора] (имевшего место 15-го числа сего месяца) и чтобы Александр мог уехать отсюда раньше нас. Он отправится через несколько дней. Военный мин[истр] обещал мне дать ему прогоны, это будет решено послезавтра. Я напишу вам с ним, мой добрый друг, а на сегодня я сказал все, что имел сказать, и заканчиваю, благословляя вас от глубины души и обнимая так же. П.

P.S. Посылаю вам при сем два лотерейных билета гр[афа] Головина[2], подписанных на ваше имя, на которые вы мне прислали деньги, номера *164276* и *159055*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 73–74 об.

---

[1] Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (см.), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, в 1821–1822 командовал войсками, оставшимися в Петербурге после выступления гвардии в западные губернии.

[2] Лотерея, устроенная для частичного покрытия долгов гр. Головина. Главным призом служило имение Воротынец Нижегородской губернии, вторым – дом в Нижнем Новгороде, определенное число лотерейных билетов должно было принести денежные призы разной величины. Выручка за продажу билетов шла в пользу кредиторов Головина. Лотерея вызвала живой интерес публики. В письме одного из организаторов лотереи К.Я. Булгакова брату А.Я. Булгакову от того же числа (19 мая 1822), что и данное письмо И.Б. Пестеля, сообщается, что «билеты продаются как нельзя лучше; вчера еще на 27 тысяч продали в один день». (Братья Булгаковы. Переписка. Т. II. Письма 1821–1826 гг. М.: Захаров, 2010. С. 165; в переписке Булгаковых головинская лотерея обсуждалась затем неоднократно). Розыгрыш лотереи состоялся в Петербурге через год, в июне 1823 г. (см.: Там же. С. 291–293), см. об этом в письме Е.И. Пестель от 4 июля 1823.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*Ст.-Петерб[ург], июля 1822**

Пишу, посылая к вам, мой дорогой и добрый друг, вашего брата Александра. Делаю это, орошая бумагу слезами благодарности ко Всевышнему, давшему мне сына, подоб-

---

* Число в подлиннике пропущено.

ного вам, дорогой Павел. Вы мой лучший друг, вы доказали это, и я вручаю вашим заботам и покровительству вашего брата. Будьте ему вторым отцом и руководите им. Будьте его господином. Ваши принципы и умение служат мне залогом, что Александр не мог оказаться в лучших руках, нежели при вас. Он, по сути, добрый малый. Способный на чувство, привязанность и благодарность. Он ленив, вспыльчив, неопытен, не имеет привычки ни о чем рассуждать. Он не расточителен и имеет род порядка, который может совершенствоваться, если он руководим кем-то помимо себя самого. Вы легко его узнаете, ибо он не скрытен. Вручаю вам его таким, каков он есть, со всеми его добрыми качествами и недостатками. Будьте ему вторым отцом, и я успокоюсь на счет участи этого дорогого сына. Дай Бог вам средства быть ему полезным, и я заранее уверен, что вы не упустите никакой к тому возможности.

Воло несколько дней как здесь. Вы уже знаете, что он женится[1]. Он помолвлен с 14-го числа прошлого месяца. Он останется здесь до окончания маневров, которые должны состояться еще в этом месяце, как уверяют, и до конца маневров он не уедет из Петербурга. Как только он устроит свой дом здесь, он поедет жениться. Вероятно, это будет не ранее сентября месяца. Со всех сторон говорят бесконечно хорошо о нравственности и изысканном воспитании его суженой. Состояние ее значительно, ибо (по словам Воло) она владеет имением в 1400 крестьян, принадлежащим ей независимо от отца. Поскольку это было имение ее матери (умершей 20 лет назад*), и она унаследовала его как единственный оставшийся от нее ребенок. Как говорит Депрерадович, отец все же имеет имение в пользовании до своей смерти, и дочь только после его кончины вступит во владение. Воло тем временем надеется, что отец еще при жизни отдаст дочери имение целиком, но Депрерадович полагает, что при его жизни она получит только 500 крестьян, могущих приносить от 10 до 15 тысяч рублей годового дохода. Воло как по деликатности, так и по легкомыслию *ничего* не знает в точности. Он действовал как честный человек, когда сватался, ибо предупредил ее, как и ее отца, что не имеет никакого состояния, а поскольку я тоже не имею ничего, то у него нет никакой надежды когда-либо получить что-то от меня. Он даже сказал им о постигшей меня катастрофе, и после всего этого рука его суженой была ему обещана с полным удовлетворением, и Депрерадович, бывший посредником, уверяет, что отец Храповицкий совершенно доволен, что может соединить судьбу дочери (которую он бесконечно любит) с таким достойным человеком, как Воло. Все это прекрасно и хорошо, и я счел долгом согласиться на этот брак, но теперь надо также поговорить об оборотной стороне карты. Воло, при всех своих превосходных принципах, легкомыслен, молод во многих отношениях, как 15-летний мальчик. Беспечен, расточителен и ленив. Он должен приготовить, чтобы жить с женой в Петерб[урге], продолжая службу с кавалергардах, дом с обстановкой, снабженный всем, даже экипажем. Надо, по принятому обычаю, чтобы он послал соответствующий подарок невесте, и еще множество вещей надо приготовить. Все это будет стоить между 10 и 15 т[ысячами] руб. Вот уже расходуется годовой доход, прежде чем он получен. Когда я излагаю ему это, он говорит, что будет иметь гораздо больший доход и что Депрерадович не знает, что говорит. Но даже деньги, которые ему необходимы по его подсчетам, – где он возьмет их? Здесь ни у кого их нет, а у кого есть, те не дадут, это грустный опыт, который я сам приобретаю в настоящий момент. Что я могу сделать для него в этом отношении? Я не могу оставить Петерб[урга], потому что не нахожу 12 т[ысяч] руб., которые должен уплатить, без чего не смею оставить город. Эти 12 т[ысяч] руб. я прошу с тем, чтобы выплатить их из моей аренды, т. е. 8 т[ысяч] руб. в декабре месяце этого года и 4 т[ысячи] руб. в апреле 1823 года. Могут дать ипотеку, тем более надежную, так как контракт, по которому я должен получать дважды в год, в апреле и декабре по 8 т[ысяч] руб., утвержден самим

* Невесте Воло 22 года (примеч. в тексте письма).

императором по представлению Комитета Министров в 1814. Но именно таким способом я не могу уладить с добрым **Межуевым** насчет 16 т[ысяч] руб., которые я ему должен. Да смилуется Бог над Воло и да проведет его через все, что ему нужно сделать!!!

Борис тот из моих детей, кто меня больше всего беспокоит, поскольку вовсе не имеет чувства деликатности. Голова пустая и неразумная, принципы извращенные, а может, и вовсе никаких принципов. В суждениях и поведении руководим лишь моментальными порывами, обстоятельствами и обществом, в котором находится. Он способен сделать зло, не усомнившись в том, что делает, и никогда я не видел, чтобы он раскаялся и принял твердое решение исправить. Он даст величайшие обещания, он признает свою вину не для того, чтобы исправиться, но чтобы прекратить укризны и упреки, которые ему делают. Он забросил те свои знакомства, что более основательны, где он мог бы сформировать себя, и непрестанно делает новые, где всякого рода удовольствия и игра заставляют его позабыть обо всех обязанностях. С такой головой и сердцем я вынужден оставить его здесь одного. Предоставить его совершенно самому себе, с *1500* руб. жалованья, которых должно ему хватать на жизнь, на квартиру, экипаж, слуг и прочее. Что с ним станется? Я трепещу, думая об этом, и к моему великому огорчению не имею никакой возможности это предотвратить!!! Я все твержу только: да смилуется над нами Бог!!!

Ничего не говорю вам о себе, поскольку мне нечего сказать, кроме того, что вас огорчит, дорогой друг. Я вовсе не несчастен, поскольку всегда сохраняю глубокую уверенность, что Провидение послало мне крест, который я несу, лишь чтобы приблизить меня к Себе, и Оно все приведет к лучшему для меня и моих близких. К лучшему, которое не должно заключаться в исполнении моих желаний, ибо я слишком слаб для того, чтобы знать, что может быть полезно для моего истинного счастья. Но что тяжко гнетет мое сердце в настоящий момент und womit ich nicht fertig werden kann*, так это отъезд вашей матушки и Софьи. Первая – лучший мой друг. Это истинное утешение в моем существовании и в моих несчастьях. У нее я часто нахожу поддержку, какой не нахожу ни у кого *из мужчин*. Я *вынужден* оставаться здесь, чтобы уплатить долги, прежде чем уехать. Дай Бог, чтобы это было не надолго!!!

Прощайте, дорогой и добрый друг, прижимаю вас к сердцу и благословляю, как и люблю, от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 75–77 об.**

---

[1] В.И. Пестель в 1822 г. женился на Амалии Петровне Храповицкой.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 6 августа 1822

Наш добрый Сергей Шипов сказал мне, что посылает в ваш полк офицера, служившего в его полку, который, как он полагает, будет вам очень полезен[1]. Он должен выехать отсюда на днях, я пользуюсь этой оказией, чтобы писать вам, мой дорогой и добрый друг, с тем большим удовольствием, что не по почте, хотя и не имею вам сообщить никаких секретов, но с врагами, какие у меня есть, *все* может быть дурно истолковано, так что чувствуешь себя затруднительно и скованно в писаниях по почте, которая находится под верховным руководством одного из моих величайших врагов

---

* «и с чем я не могу справиться» (нем. яз.)

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 75–75 об., 77–77 об., 76.

кн[язя] Голицына, мин[истра] народного образования и исповеданий. Признаюсь вам откровенно, что не понимаю вашего молчания!! С июня месяца (13-го) и до сего времени вы не подаете признаков жизни, я не знаю, существуете ли вы и где вы! Я совершенно уверен, что вы сохраняете к вашим отцу и матери все ту же нежность, что вы думаете о нас с интересом, но можете ли вы, с известными вам нашими к вам чувствами, мой дорогой сын, представить себе, что мы можем обходиться без новостей от вас! Я легче, чем прежде, впадаю в беспокойство, несчастья привели к тому, что я вижу вещи в более черном свете, чем прежде, в каждой вещи предвижу горе и беды, так что весьма натурально, что ваше молчание беспокоит и причиняет мне много огорчения. К вашей матушке это относится еще более. Она в отчаянии, что ничего о вас не знает. Двух слов нам хватило бы для успокоения, если у вас нет времени написать более, и этих двух слов у нас нет уже два месяца. Никогда еще, даже в то время, когда вы были на войне, мы не были столь долго лишены известий от вас*. Смилуйтесь, дорогой друг, не причиняйте нам беспокойства, мы и без того имеем его более чем достаточно!!!

Я хочу сообщить вам о том, что с нами делается. Матушка уехала с Софьей 13-го числа прошлого месяца в деревню Яхонтова в 10 верстах от города Пскова. Она прибыла туда 15-го (ибо это в 335 в[ерстах] от Петерб[урга]), там она будет ожидать моего приезда, чтобы решить, как и когда ехать в нашу собственную деревню, где дом еще не закончен, чтобы поселиться в нем. Яхонтовы и Пальчиковы приняли матушку с распростертыми объятиями, как истинные родственники и друзья. Провидение послало нам этих добрых людей в то время, когда мы были покинуты *здесь*** *всем светом*. Матушка в настоящее время чувствует себя превосходно там, где находится, она имела геморроидальное нездоровье, но, как она уверяет меня в последнем письме, ей лучше. Мы переписываемся регулярно дважды в неделю. Я остаюсь здесь и не знаю еще, когда уеду. Я истратил из своей аренды 28 т[ысяч] руб., ушедших на уплату необходимых долгов. Долги были уплачены ассигнациями на сумму, которую аренда приносит мне в два года. Мне остаются еще два года доходов от этой аренды, которыми я могу располагать, а именно в декабре месяце этого года 8 т[ысяч] руб., в апреле 1823 4 т[ысячи] руб. и в 1825 году полностью 16 т[ысяч] руб. Несмотря на это, я не могу оставить Петербург, если не сумею достать еще 6 т[ысяч] руб., которых нигде не нахожу, не столько по злой воле тех, к кому обращаюсь, сколько по общему отсутствию денег, составляющему несчастье всех состояний в Петерб[урге]. От крестьян до богатейших собственников. Те, кто их имеет, – это разного рода *недоверчивые*, и это как раз те, кто не желает мне добра и с кем я никогда не был связан и никогда не буду. Наша квартира, та, что мы занимаем в течение 12 лет, была нанята Кат[ериной] Дмитр[иевной]. Она переедет туда через неделю и позволяет мне сохранить мое помещение до отъезда. Я отослал своих лошадей и не имею больше экипажа. Если мне удастся получить денег, первое употребление, какое я из них сделаю, это отослать семью Никиты (который едет с нами в деревню) с малым остатком моих людей в Смоленск, и я остаюсь один с моим старым комнатным лакеем Василием (который не может меня оставить, несмотря на то что так же свободен, как и семья Никиты). Да смилуется надо мной Бог и даст мне возможность оставить Петербург как можно скорее. Я желаю этого как для того, чтобы соединиться с матушкой и вашей бедной сестрой, как и для того, чтобы покинуть место, где я испытал столько горестей и наконец даже несчастий. У Никиты есть план записаться ***мещанином*** в Смоленской губ[ернии] и заняться там торговлей, находя выгодным устроиться с семьей на нашей земле, расположенной на границе с Польшей, где осуществляются *коммерческие* планы***. У Василия была связь со свободной

* Напротив этого места на левом поле И.Б. Пестель поставил «№ 1».

** Слово подчеркнуто дважды.

*** Напротив этого места на левом поле И.Б. Пестель поставил «№ 2».

девушкой, от которой он имел 5 детей, из коих ему остался лишь один. Он недавно женился на этой давней любовнице, которую он оставляет здесь и сопровождает меня лишь по чистой привязанности, безо всякого интереса. Это меня поистине тронуло, поскольку, будучи свободным, он волен оставить меня, когда сочтет нужным.

Борис остается в Петерб[урге] все на том же месте в Мин[истерстве] финансов, с *1500 руб*. жалованья. Он уже переехал в дом Мятлевых, где ничего не платил, будучи связан с сыном дома, который из скверного малого стал, *как уверяют повсюду*, основательным юношей[2].

Владимир еще здесь, делать приготовления к женитьбе* у него нет денег, и это его еще задерживает здесь. У него были *большие* проекты устройства, от которых я успел его отклонить. Страсть к роскоши и издержкам тем более беспокоит меня, что невеста не привыкла вести дом, а Владимир ленив, беспечен, не имеет никакого порядка в собственных делах, и притом ребячлив не по возрасту. Сейчас он обнаружил, что получит приданого всего в 500 крестьян *в Малороссии*, которые приносят между 10 и 15 тысячами рублей. Эти 500 крестьян принадлежат его невесте как наследство от бабки, остальные 900 к[рестьян], которых она наследует от матери, перейдут к ней лишь после смерти отца, ибо жена оставила завещание, по которому оставила за ним пожизненное пользование.

Александр в настоящий момент находится с вами, полагаю, так что мне нечего сказать вам о нем.

Софья, это превосходное дитя, более всех достойна сожаления, и я особенно рекомендую ее вам, мой дорогой сын, мой лучший друг. Это лучшее дитя, какое можно найти. У нее превосходное сердце и редкая голова.

Мои служебные дела в statu quo. Собственно обо *мне* больше нет речи. Я уволен, и, кажется, никто обо мне больше не думает. Тем лучше! ибо если бы думали – это было бы, вероятно, лишь, чтобы причинить мне новое зло!!! Я уже говорил вам о письме Трескина. Оно было в благородных выражениях и требовало лишь справедливости. Имп[ератор] отослал это письмо в Сибирский комитет, надписав сверху собственноручно «***дать возможное пособие оправдаться***». Комитет нашел, что следует известить Трескина, что он может оправдаться в Сенате, прибавив к тому со злорадством темные фразы, сделанные, чтобы дать новые подозрения в честности и невиновности Трескина. На днях *мне сказали*, но до сих пор нет никакого подтверждения, что имп[ератор] отдал приказание в следующих выражениях: ***оправдания и ответы Трескина, которые он Сенату представит, не доставляя в Сибирский ком[итет], отсылать к гр[афу] Аракчееву***** . Если это правда, тогда, по видимости, имп[ератор] подозревает недобросовестность этого Сибирского комитета, причинившего мне столько зла, и хочет *сам* посмотреть, что есть по этому делу. Да откроет Бог глаза имп[ератора], он увидит, что те, кто наиболее ему предан, те, кто служили ему с величайшим рвением, уничтожены интригой, низостью и недобросовестностью!!! Мое поведение все то же с тех пор, как я больше не на службе. Я еще не показывался ни у одного из министров и даже старательно избегаю повстречать кого бы то ни было из тех, кто причинил мне зло. Я буду держаться этого поведения до тех пор, пока дела двух губер[ний], отданные суду, не будут решены. Лишь тогда я снова появлюсь на сцене и буду говорить, писать и открою правду. Момент еще не настал, и я не могу чистосердечно обвинить имп[ератора]. Он был справедлив на основании того, что ему представляли, и, быть может, будет таковым в будущем, если *сам* увидит истину и вещи таковыми, как они есть, а не как они ему представлены. Меня уверяют, что гр[аф] Аракчеев не участвовал в моей катастрофе.

---

* Напротив этого места на левом поле И.Б. Пестель поставил «№ 3».

** Выделенная часть фразы подчеркнута дважды. Напротив этого места на левом поле И.Б. Пестель поставил «№ 4».

Дай Бог, если это он должен рассмотреть ответы Трескина на обвинения, которые были против него сделаны. Появилось новая организация Сибири[3]. Никогда еще не могли сделать подобного свинства!!! Зло, проистекающее из него, увидят лишь тогда, когда не будет больше способа его устранить. Ах! Как я жалею эту бедную Сибирь!!

Имп[ератор] уехал 4-го числа сего месяца в Варшаву, оттуда он поедет в Вену, и еще не известно, когда и где будет иметь место намеченный конгресс. Нессельроде сопровождает его, а гр[аф] Каподистрия получил неограниченный отпуск, чтобы ехать на воды[4]. Он сначала едет в Эмс, а оттуда будет совершать путешествия. Бетанкур получил отставку со всем содержанием, какое имел на службе[5]. Его заменил герцог Александр Вюртембергский как начальник путей сообщения, водных и сухопутных.

Здесь говорят, что во 2-й армии есть злонамеренные, и хотя я этому не верю, но тем не менее мой долг как отца, друга и патриота предупредить вас об этом, чтобы вы остерегались их при знакомствах, которые будете делать. Эти люди опасны, и всякий честный человек должен чураться их.

7 августа. Владимиру удалось сегодня получить деньги, необходимые, чтобы можно было уехать и завершить женитьбу. Поначалу ему надо было *по меньшей мере* от 15 до 20 тысяч рублей. Я наставлял его, и наконец он почувствовал, что я прав, и ограничился 6 т[ысячами] руб., которые нашел способ раздобыть. Он поедет на днях соединиться со своей невестой. Его будущий шурин, мальчик 14 лет, бывший здесь в пансионе, едет с ним, чтобы присутствовать на свадьбе.

14 августа. Поскольку ваш офицер еще не уехал, а Сергей Шипов обещал предупредить меня о его отъезде, я предпочитаю отослать вам это письмо через него, дорогой мой Павел, тем более что оно содержит вещи, которые я не хотел бы доверять почте, итак, не сердитесь на меня за задержку с доставкой этого письма. Тем временем я имел удовольствие получить ваше письмо от 10-го числа прошлого месяца. Поскольку я получил его лишь позавчера (12-го), оказывается, что оно провело в дороге целый месяц. **Случевский** доставил мне его. Не могу сказать вам, мой дорогой друг, сколько удовольствия доставило мне это письмо. Оно успокоило меня насчет вашего здоровья и сообщило приятную новость, что вы довольны своими начальниками и своим существованием, хотя и однообразным, но деятельным и полезным, по добру, которое вы делаете в доверенной вам части, т. е. в вашем полку. Весьма счастливо, если бы вы смогли избавиться от тех из ваших офицером, которые были бы вам бесполезным грузом, и если бы нашли других, которые будут вам полезнее. Это повсюду, даже в гвардии, величайшее бедствие, – что нет офицеров, какие нужны для приведения полка в порядок, какого может желать хороший начальник. Последние новости, полученные мною от вашей матушки, были от 6-го числа сего месяца. Благодаря Бога, она чувствует себя лучше, но все продолжает беспокоиться, не имея новостей от вас. Я пошлю ей ваше последнее письмо прямо сегодня, но должен сначала на него ответить, тотчас же: я вижу из этого письма, что вы пишете по почте, а не с курьерами, как делали раньше. Но почему не продолжаете вы писать с курьерами? Вы могли бы отсылать их в канцелярию графа Витгенштейна, и их отсылали бы в Петерб[ург]. Продолжайте, дорогой мой, адресовать их Случевскому до тех пор, пока я не укажу вам другого способа. Он всегда будет знать, где мы находимся, и сможет доставлять их к нам. Если мы будем точно знать, где провести эту зиму, мы сообщим вам. Что может помешать нам устроиться на эту зиму в Васильево, так это нищета, в которой находятся все крестьяне в Смоленской губ[ернии] после трех лет неурожая кряду, наши в столь же плачевном состоянии. 1820 год принес нам вместо 6* т[ысяч] руб. 1500 руб., 1821 год ничего, а в этом году понадобится, может быть, снова послать им, на что существовать в течение зимы. Таким образом, для них будет новая тягота, если мы захотим туда переехать

* Цифра в подлиннике написана неясно, это 6 или 8.

всем домом. Я полагаю, надо будет порешить на том, чтобы провести эту зиму в деревне Пальчикова*, единственная встающая трудность, это что хотим жить у них, но *на наш собственный счет*, и над этим вашей матушке предстоит еще потрудиться. Они хотят, чтобы это было *на их счет*.

Александр сейчас должен быть у вас. Он расскажет вам все, до нас касающееся, я очень огорчен, что ему нечего рассказать вам приятного о нас. Бог, все ведущий к лучшему, смилуется над нами, и поскольку он не покидал меня за все 57 лет моего существования, не покинет и к концу моего пути на этом свете. Я в этом *уверен* и прошу и вас также увериться. Александр очень виноват, что так задержался с отъездом, он уже давно должен был быть на месте назначения. Дай Бог, чтобы он преуспел там. Все его существование находится теперь в ваших руках, и я не вмешиваюсь более в глубокой уверенности, что судьба его будет лучше устроена вами, нежели мной самим. Не полагаете ли вы, что ему было бы выгоднее быть адъютантом графа Витгенштейна, чем служить во фрунте? В остальном делайте, что сочтете уместным.

22 августа. Посылаю вам рескрипт мин[истру] внутренних дел относительно масонских лож и других тайных обществ, а также подписки, которые должны дать все находящиеся на службе[6]. Поскольку я никогда в жизни не был масоном и всегда смотрел на эти ложи как на мошенничество, мне от этой меры ни горячо, ни холодно. Все, кто принадлежал к какой-либо ложе, имеют наименовать ее в своих подписках, обещая более не состоять там, и они тем лучше сделают, что, вероятно, у полиции есть список всех масонов в стране.

3 октября. Вчера Сергей Шипов пришел сказать, что наконец офицер, отправляющийся в ваш полк, едет *завтра*, и я заканчиваю это письмо, чтобы передать ему сегодняшним вечером. Надо начать с исправления некоторых статей этого письма, начатого *два месяца назад*, которые с тех пор изменились. Я поставил номера у тех мест, которые надо поправить. № 1. С 6 августа я получил ваши письма из Липовца[7] от 7 августа, от 15 сентября из Тульчина, от 26 августа *из Линцев* (которое матушка прислала мне из Пскова). Я очень благодарю вас за эти письма, дорогой друг. Они были настоящим бальзамом для моего сердца, утешили меня в моих беспокойствах от неимения ваших новостей почти 3 месяца. № 2. Поскольку я получил *часть* нужных мне денег, я тотчас их употребил, чтобы отправить *все* свои вещи с Никитой, он уехал 9 сент[ября] и сейчас должен быть в Смоленске на нашей земле. Поскольку там было несколько людей и вещей для матушки в Пскове, Никита отвез их к матушке и продолжил путь, но он едет очень медленно, ибо прибыл в Псков только 20 сент[ября]. № 3. Владимир женат с 6 сентября, сейчас он должен находиться в дороге или же даже во Пскове у матушки, *со своей женой*. Они остановятся там всего на несколько дней и приедут сюда. Я полагаю, что найдут меня еще в Петерб[урге], на что я не буду досадовать, я смогу познакомиться с Амели (жена Владимира) и поговорить с ними об их образе жизни и проектах их будущего существования. Им потребуется экономия, чтобы прожить с 10 т[ысячами] рублей дохода, который у них будет. Владимир при лучшем на свете сердце и хорошей голове легкомыслен; дай Бог, чтобы перестал таковым быть и, чтобы жена его была рассудительна. *№ 4*. Мне удалось узнать содержание приказа, отданного имп[ератором] касательно письма Трескина. Он начертал там: **все представления и оправдания губернат[ора] Трескина** предварительно **рассматривать гр[афу] Аракчееву и с своим мнением докладывать государю**. Поскольку гр[аф] Аракчеев все еще в деревне и, вероятно, не приедет в Петерб[ург] до возвращения имп[ератора], невозможно знать, когда и как будет выполнен этот приказ. По крайней мере он позволяет думать, что имп[ератор] хочет *сам* убедиться в справедливости сделанных обвинений, а если их рассмотреть с малейшей беспристрастностью, истина обнаружится и мер-

* Напротив этого места на левом поле И.Б. Пестель поставил «№ 5».

зости злонамеренных выйдут на свет. Да смилуется благой Бог надо всеми теми, кто страдает невинно? Их много в этом несчастном деле. *№ 5*. Вы уже знаете все подробности пребывания вашей матушки в деревне Пальчиковых, где мы останемся до будущей весны, а тогда отправимся в Васильево. Божья милость послала нам этих добрый Пальчиковых и Яхонтовых. Что бы мы без этого делали? На нашей земле нет дома. Величайшая нищета крестьян. Каким образом мы бы существовали!!!

Сказавши вам все, дорогой Павел, что может вас интересовать, мне не остается более, как сказать вам, что всякий день добрый Сергей Шипов дает мне надежду, что достанет для меня оставшиеся 4 т[ысячи] руб., нужные мне, чтобы прожить эту зиму, и без которых я не могу уехать, ибо не имея никакой надежды на доход по крайней мере на весь год, как я могу вытащить горшок из печи, коли не смог достать себе *хотя бы* 4 т[ысячи] руб., чтобы прожить до урожая будущего года. Как только я получу эти деньги, я ни минуты не останусь более в Петерб[урге]. Моя жизнь здесь стоит мне лишь содержания камердинера, с которым я остался совершенно один в Петерб[урге]. Я не имею для себя лошади и повсюду хожу пешком, или же Кат[ерина] Д[митриевна] предоставляет мне свою карету, но я еще ею не пользовался, только когда выезжал с ней вместе. Мой шурин Бринен здесь ради сына, который должен выйти из Пажеского корпуса, чтобы вступить в военную службу. Я весьма им доволен, ибо требую от него лишь то, что он может дать. Он не имеет ни деликатности, ни истинной чувствительности и ничтожную голову. Остальные мои московские родственники не приносят мне никакого удовлетворения, ни доказательств истинного интереса, а брат Андрей поступил со мной недостойно. Я все им прощаю и прошу у Бога милости быть им полезным и доказать им *daß ich gerne das Böse mit Guten vergelten bereit bin*[*]. Я даже имел развлечения, ибо также нашел *друзей*. Они вознаграждают меня за многие печали и горести, мною испытанные. Не будем говорить об этих горестях. Они посланы мне Провидением, и я переношу их со смирением. Быть может, вы, дорогие мои дети, сумеете однажды возместить печали, заботы, горести и унижения, тяготящие меня последние два года. Да сбудется воля Божья, и да сохранит она мне твердость и мужество!!!

Вот письмо к вам от Кат[ерины] Дмитр[иевны]. Это истинный друг, деликатный, и чем более я ее узнаю, тем более к ней привязываюсь. Я огорчен, что она столь привержена к выказыванию себя и роскоши, что не замедлит поставить ее в весьма стесненное положение. Леонтьевы, Шиповы и многие другие также являются для меня превосходными друзьями.

Меня зовут, надо заканчивать. Прощайте, дорогой друг, нежно любимый сын. Прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души.

P.S. Сию минуту пришел Реманн, он поручил передать заверения в его дружбе к вам, дорогой Павел. Добрый Реманн имеет все возможные права быть поставленным во главе всех наших друзей, он продолжает давать нам в том несомненные доказательства всем своим обращением с нами.

Я так спешу, что не имею времени перечитать письмо. Прощайте, дорогой друг.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 78–85 об.[**]

---

[1] Лицо не установлено.

[2] Мятлев Иван Петрович (1796–1844), поэт, был товарищем Б.И. Пестеля по службе в Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. До переезда в дом

---

* «Что я охотно готов воздавать за зло добром» (нем. яз.) Слова «добро» и «зло» подчеркнуты дважды.

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 78–78 об., 85–85 об., 79–84.

Мятлевых Б.И. Пестель с родителями жил в одном в доме Межуева (дом Межуева указан местом жительства Б.И. Пестеля, см.: Аллер С.И. Указатель жишищ и зданий в С.-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов. СПб., 1822).

[3] По проекту М.М. Сперанского, утвержденному Александром I, 22 июля 1822 Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства, генерал-губернатором восточной Сибири назначен А.С. Лавинский, западной Сибири – П.М. Капцевич. Тогда же было принято составленное Сперанским «Учреждение для управлений сибирских губерний».

[4] Александр I выехал из Петербурга для участия в конгрессе Священного Союза 3 августа, прибыл в Вену 26 августа, через три недели участники конгресса отправились в Верону, куда русский император прибыл к 16 октября. После окончания конгресса, посетив Венецию и встретившись в Пильзене (Богемия) с сестрой Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенахской, Александр I вернулся в Петербург 21 января 1823. Управлявший Министерством иностранных дел И.А. Каподистрия (см.), формально оставаясь в свой должности, в мае 1822 получил неограниченный отпуск для лечения и уехал за границу. Отстранение Каподистрии от руководства внешней политикой России произошло под давлением австрийского кабинета из-за греческих событий.

[5] Генерал-лейтенант А.А. Бетанкур был уволен от должности главного директора путей сообщения 2 августа 1822 г.

[6] Рескрипт Александра I от 1 августа 1822 на имя министра внутренних дел гр. В.П. Кочубея «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» предписывал закрыть ложи и тайные общества и обязать всех их членов впредь не участвовать ни в каких тайных обществах. Все военные и гражданские чиновники должны были объявить о своей принадлежности к масонским ложам или тайным обществам и дать подписки о непринадлежности к ним впредь.

[7] В местечке Липовец в августе 1822 стоял на кантонир-квартирах 2-й батальон Вятского полка.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 30 сентября 1822

Передо мной два ваших письма, мой дорогой и добрый друг Павел, одно от 28 августа, которое ваша матушка доставила мне 23-го числа сего месяца из Пскова, и другое от 15-го сего месяца, которое вручил мне Случевский 20-го. Оба доставили мне величайшее удовольствие, ибо каждая строчка доказывает, каковы вы, дорогой Павел, и я благодарю Всевышнего, давшего мне такого сына, каковы вы есть, по чувствам деликатности, нежности к родителям, по вашему поведению в свете и ревности к службе. Благослови вас Бог! Родительское благословение будет с вами повсюду, а Всевышний поистине вознаградит вас за то добро, что вы делаете, мой дорогой сын и добрый друг. Эти немногие строки заключают мою благодарность за все, что вы уже сделали для Александра. Он счастлив иметь брата и руководителя, как вы, дай Бог, чтобы он всегда умел понимать это и быть признательным. Он совершенно добрый малый, но избалованный и еще не довольно утвердившийся в добрых принципах. Он легко, может быть, увлечен злонамеренными. Охраните его, дорогой Павел, от этой всеобщей заразы из-за нравственной испорченности, достигшей, кажется, предела. Удаляйтесь и сами, дорогой Павел, от этих злонамеренных людей. Ваша армия известна тем, что имеет их много, надо бежать их, как демонов, несущих непоправимое зло, и частное, и общее.

С 6 августа я пишу вам одно письмо, судите, длинно ли оно, каковое Сергей Шипов должен был доставить вам, но, поскольку он медлит, письмо это все еще остается у меня и не отправится к вам, пока он его не отошлет. Так что я отсылаю к этому письму, которое однажды дойдет до вас, вы увидите там все подробности моего положения. Потому ограничусь на сегодня сообщением, что я еще здесь. Что я уплатил большую часть своих долгов, без уничтожения которых меня бы не отпустили уехать. Теперь мне недостает еще 5 т[ысяч] руб., которые достанет для меня Сергей Шипов, и, как только их получу, я сбегу отсюда, чтобы присоединиться к вашей превосходной ма-

тушке и провести зиму в деревне наших лучших друзей Яхонтовых и Пальчиковых. Я все по-прежнему живу в помещении, которое занимал постоянно в доме Межуева, а Катерина Дмитриевна живет в помещении матушки, поскольку сняла на год *всю* квартиру, которую мы занимали, включая и мою. Я не могу нахвалиться ее поступками со мной!!! Она искренний и верный друг. Не говорю вам ничего о себе, только что здоровье мое невероятным образом сопротивляется всем тяготам моральным и физическим, которым я подвержен с отъезда вашей матушки. Подробности лишь огорчат вас, а я предпочитаю, даже полагаю своим святым долгом избавить вас от печалей. Помолимся Богу!!! И не будем никогда забывать, что все делаемое Провидением ведет к добру и готовит нам истинное счастье. Моя совесть суть моя сила и утешение!! Я надеюсь покинуть Петербург через две недели и извещу вас о своем отъезде, тем временем пишите нам прямо в Псков, как вы и делали, дорогой мой Павел.

Вот письмо для Александра, которое прошу вас ему доставить. Заканчиваю, обнимая вас и благословляя от глубины сердца, которое до самой смерти сохранит к вам совершеннейшие чувства уважения, нежности и отцовской любви. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 86–87.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 31 октября 1822

Я писал вам, добрый и дорогой друг Павел, разные письма, которые должны были благополучно до вас дойти. Вы знаете, по какой причине я не могу уехать из этого несчастного Петерб[урга]. Деньги, обещанные мне Сергеем Шиповым, еще запаздывают, и я не могу ехать в Псков, ибо на что бы я стал жить с вашими матушкой и сестрой до мая месяца, когда мы предполагаем отправиться на нашу собственную землю? Матушка горюет в Пскове, что разлучена со мной, я здесь – что не могу быть с ней. Что сталось бы со мной, дорогой Павел, если бы я не был уверен больше, чем в собственном существовании, в существовании Всевышнего, руководившего мною в течение 58 лет моей жизни. Что Всевышний, справедливый, добрый и милосердный, ведет все к лучшему и чаще всего вещи, причиняющие нам более всего огорчения, должны привести нас к неведомому нам счастью. Речь о том, чтобы нести свой крест с покорностью и смирением, а потом увидим, что он был необходим и еще благословим пору страданий. Поэтому не жалейте обо мне, ибо жалеть надо только тех, кто не знает доброты и милосердия Всевышнего.

Владимир приехал сюда 27-го числа сего месяца. Чтобы чаще бывать с ним и его женой, я принял их приглашение поселиться у них и рассчитываю переехать уже сегодня и остаться там до отъезда к вашей бедной матушке, которая гораздо несчастнее и имеет гораздо более достойна сожаления, нежели я. Я уверен, что мой приезд утешит ее и что она будет гораздо меньше печалиться, когда я окажусь соединен с ней. Дай Бог, чтобы я смог приехать к ней как можно раньше!!!

Жена Владимира мне бесконечно нравится, но я не могу пока хорошо судить о ней, ибо как вынести суждение о том, кого знаешь всего 3 дня, к тому же мало бывши вместе из-за дел каждого из нас. Вот почему я перебираюсь жить с ними. В то же время я не хочу долее обременять Кат[ерину] Дм[итриевну], которая ничего не говорит, но тем не менее думает.

Я видел в **приказе** от 10-го сего месяца, что Киселев получил отпуск на 4 месяца. Кто его заменяет? Дай Бог, чтобы этот новый начальник вашего главного штаба устраивал вас и был вам приятен!!

Вот письмо к вам от матушки, которое она прислала с Владимиром, остававшимся несколько дней с матушкой в деревне, где она находится.

Кат[ерина] Д[митриевна] горько сетует, что вы ей не отвечаете на несколько писем, которые она вам написала.

Я не имею сегодня времени писать вам больше, и мне нечего вам сказать интересного. Я даже полагаю, что виноват, сказавши то, что может вас огорчить относительно родителей, слишком нежно вас любящих, чтобы не хотеть никогда причинить вам малейшее огорчение.

Да руководи вами Бог и благослови вас. Прижимаю вас к сердцу, обнимая как можно нежнее. Прощайте, дорогой друг, превосходный сын. Сердце мое полно самых нежных чувств к вам, дорогой Павел.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 88–89.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ст.-Петерб[ург], 2 декабря 1822

После последнего письма к вам, мой добрый друг, я получил два ваших. Одно, которое матушка послала мне из Пскова, было от 25 октября, другое от 20 ноября, пришедшее ко мне прямо сюда, было переданно в канцелярию Кавалергардского полка. Я благодарю Всевышнего, что вы здоровы. Что вы сохраняете свою нежность к нам. И что вы уверены в той, что я к вам питаю. Она весьма, весьма искренняя, никогда отец не любил сына нежнее, нежели я это делаю, любезный мой сын, мой добрый друг Павел!!!

К несчастью, я все еще в Петерб[урге], но не замедлю покинуть это столь неприятное для меня пребывание. Благодаря Сергею Шипову я задержался здесь так долго. Я огорчен, узнавши этого человека *таковым, каков он есть*, по крайней мере в отношении ко мне. С отъезда матушки он выпроваживал меня с недели на неделю, все обещая достать мне 5 т[ысяч] руб., без которых я не могу уехать, ибо нуждался в них, чтобы прожить 5 месяцев, которые мы проведем в окрестностях Пскова, и на дорогу весной в нашу собственную деревню. Однажды Сергей Шипов пришел сказать мне, что смог уже достать для меня 2 т[ысячи] руб., и что остальные 3 т[ысячи] руб. поступят к нему незамедлительно. Я просил его приказать написать вексель на 2 т[ысячи] руб. и дать их мне. Он этого не сделал, а я из деликатности не хотел ему напоминать. И по истечении четырех месяцев, когда я решил положить конец его обещаниям, он объявил мне, что не имеет более этих 2 т[ысяч] руб., ибо лицо, обещавшее их ему, воспользовалось ими для других целей, и что он потерял надежду достать для меня нужных мне денег. Я не мог более сдерживаться и выказал ему свое неудовольствие, хотя и деликатно. Когда я говорил об этом с Леонтьевым, он сказал мне, что лицо, у которого Шипов должен был получить деньги, согласно дать 2 т[ысчи] руб., но не 3 т[ысячи]. Но надобно, чтобы мой сын Владимир дал вексель и что Леонтьев и Шипов будут поручителями. Судите, дорогой Павел, о моем удивлении и огорчении!!! Я ничего не отвечал и отправился сделать другой шаг, весьма прискорбный, в другом месте. Он был столь успешным, что на следующий день я имел 5 т[ысяч] руб., и взяли лишь 6 % за хлопоты, тогда как благодаря Шипову я должен был платить 10 %. Я тотчас известил Леонтьева, что не имею более нужды в помощи человека, имеющего ко мне столь мало доверия, и благодаря Бога я избавился от обязательства Шипову, которое по его поведению со мной было бы для меня *очень огорчительным*. Четырехмесячное пребывание в Петербурге, бесполезность летних экипажей, которые я было приготовил и теперь должен устроиться, чтобы ехать в санях, все это стоило мне больше тысячи рублей. Заметьте, что всякую неделю я являлся к Шипову, чтобы *деликатно* напомнить ему о его обещании. Кажется, эта деревянная голова приняла мою деликатность за признак того,

что я не спешу получить эти деньги. Прости ему Бог! Я это делаю от сердца. Но не имею более никакого доверия ни к голове, ни к сердцу этого Шипова. Какие опыты я имел, дорогой мой Павел, со времени моей катастрофы!!! В их числе были весьма мучительные, но, имея *милостью Божьей* силу их перенести, я могу быть тем доволен из-за уроков, которые получил и которые прошу Бога суметь употребить к моему благу в оставшееся мне существование на этом свете. Без веры, любви к Богу и надежды, основанной на ней, что сталось бы со мной при моем чувствительном сердце и горячей голове. Вы недостаточно прониклись убеждением, что провидение ведет *все к лучшему* для нас, бедных людей. Придет время, и я горячо прошу об этом Бога, когда вы также убедитесь в этом, мой добрый друг. Тогда вы сумеете понять и увидеть то, что ваш любящий отец повторял вам столь часто, что Бог *никогда* не оставляет верующего в Него и вручающего Ему свое существование в этом мире и в том, которому мы *все* предназначены. Я испытал в своем несчастии радости *сердечные и душевные*, не идущие в сравнение ни с чем из того, что *этот* мир может дать нам. Не станем никогда забывать, что наше существование в этом *низменном мире* скоротечно, сколько бы оно ни длилось, и что мы здесь лишь для того, чтобы очиститься и сделаться достойными *лучшего из миров*, где не будет ни печалей, ни забот, если мы удостоимся его по *нашей вере*. Это показалось бы бессмыслицей тем, кто не знает веры. Но к черту их! Их время тоже придет. Сердце их будет искать чего-то для отдохновения и не найдет, когда превратности этого света обрушатся на них. Тогда *люди* не утешат их! Не придут спасти их! И что станется тогда с ними, не имеющими Всевышнего в душе?? Коли принципы, которые я исповедую и о которых говорю здесь *лишь вкратце*, – есть только призраки заблуждения. Какая из того беда? Проникнувшись этими принципами, находят утешение в несчастии. Сдержанность в счастье. Видят себя обязанными строже исследовать себя, самолюбие не склоняет нас к ошибкам; Бог дает нам силы их исправить. Мы становимся снисходительными и любящими для ближних. Мы стараемся точнее и строже исполнять *все* наши обязанности, *истинный христианин* становится хорошим гражданином, хорошим отцом, хорошим сыном, мужем, хозяином, подданным и лучшим во *всем*. Провидение посылает истинному христианину чувства, напоминающие об обязанностях, и дает ему средства и силы хорошо их исполнить, внушая ему душевное беспокойство, коли он не выполнит или пренебрежет их исполнением. Таким образом, это заблуждение, этот призрак делает нас лучше для этого мира и готовит нам будущее существование, где мы насладимся всеми благодеяниями, какие провидение нам обещало, если мы сохраним в сердцах христианскую веру. Но не призрачны ли эти принципы? Не заблуждение ли они? Каковы виды на *иной мир*, на *спасение души* у того, кто не верил?? Дай вам Бог прочесть эти строки, где я выказываю вам свое душевное исповедание, с тем же чувством, с каким я пишу их, и вы проникнитесь ими. Они заставят вас наслаждаться счастьем, душевным наслаждением, какого вы еще не знали. Придет время, когда вы обратитесь к Богу, тогда мое наставление облегчит вам средства этого достигнуть. Я пишу вам эти строки накануне дня, когда пойду исповедаться и причаститься с вашими братьями Борисом и Владимиром. Перед расставанием с ними я появлюсь с этими двумя сыновьями, данными мне Богом, перед его престолом. Быть может, это будет *последний раз*, когда мы причастимся вместе? Как бы я был счастлив привести и вас также, любимый мой сын, но судьба решила иначе. Я буду молить Бога о спасении вашей души перед этим престолом, пред которым мы уже появлялись вместе, и буду просить и *для вас* благословения Всевышнего, руководящего нашими судьбами и *все ведущего к лучшему*.

Я еще не могу назначить день отъезда, но не пошлю вам этого письма, пока не буду знать и не смогу предварить вас. Я пользуюсь моментом досуга, который имею, чтобы писать вам, ибо на будущей неделе не буду заниматься ничем, кроме приготовлений к отъезду. Хотя и рассматриваю свое пребывание в деревне как изгнание, я покоряюсь

ему со смирением и тороплюсь туда отправиться, чтобы утешить вашу бедную матушку и сестру, о которой гораздо более следует жалеть.

Отвечаю вам на ваши два последние письма по пунктам. Ваше рассуждение о прошении или желании Александра быть адъютантом совершенно справедливо, и я вас очень прошу обращаться с ним по обстоятельствам и *вашему мнению*, не беря в расчет намерения и желания Александра. Он неразумен. В своих планах он бежит за первой же идеей, которая меняется как ветер. В случае войны, быть может, для него было бы выгодней быть адъютантом главнокомандующего армией, но и в этом устройте по вашему мнению и обстоятельствам, которые вы на месте можете знать лучше. Я с прискорбием говорю, что Александр настолько ленив и беспечен, что не предвижу, чтобы когда-нибудь он смог отличиться по службе.

Воло уверяет, что написал вам, сообщая о своей женитьбе, *до* того как получил ваше письмо. Я верю, поскольку он ссылается на матушку, которая должна это знать. Я полагаю, что он и его жена ответят на ваши письма, но не буду им напоминать об этом, ибо нужно, чтобы они это сделали *сами*. Лишь при сильном напоминании мне удалось добиться принудить их написать матушке после их приезда сюда. Они думают только о своей любви и забывают *все* прочие обязанности. В другой раз я поговорю с вами подробнее на эту тему, здесь есть много чего сказать. Амели добра, разумна и даже остроумна, но я полагаю ее холодной, мало деликатной и эгоистичной, в остальном любящей мужа до безумия.

Вы говорите, дорогой друг, об удовольствии, с которым повидаете нас. Ах! Боже мой, как я буду счастлив, если это осуществится. Каким наслаждением это стало бы для меня. Дай мне того Бог!!! Но невероятно, чтобы это так скоро случилось. Надо и в этом покориться воле Божьей!!!

Я был весьма тронут, дорогой Павел, мой добрый друг, тем, что вы говорите нам о лотерее гр[афа] Головина. Сколько доказательств нежности вы нам даете, но я *ни на что* не рассчитываю. Бог все приведет к лучшему, вот рефрен всех моих размышлений, и он будет руководить нами самым для нас спасительным образом. Почему нужно, чтобы мы были счастливы *в этом мире*? Чтобы мы были готовы к *вечности*, годы нашего существования на этой земле скоро пройдут, они кажутся длинными лишь в будущем, а *проходя*, кажутся одним днем, если уже истекли. Вооружимся терпением и смирением и оставим Провидению делать, что оно пожелает. Я не хочу этим сказать, что надо оставаться сложа руки, также я весьма далек от того, чтобы так делать, никогда я не был активнее, нежели в моем несчастье, но, *сделавши все*, что наш долг, рассудок и обстоятельства повелевают, в успехе и общем исходе нужно вериться Всевышнему, который приведет *все к лучшему*.

Лотерея Головина была перенесена на 15 мая будущего года, потому что много билетов еще не распроданы, но в объявлении обещают, что если даже билеты не будут проданы, лотерею проведут 15 мая. Я пометил ваши билеты, но полагаю что вы узнаете о розыгрыше так же скоро, как и я сам, из газет. Как только вам повезет, я натурально извещу вас с радостью.

Поскольку я уже отправил в Псков почти все свои бумаги, я посмотрю их по прибытии, и если найду что-то *касающееся вашей службы*, что может быть вам полезным, то пришлю вам, а пока вот приказ кн[язя] Горчакова относительно шпаги, которую вы получили за Бородино.

Что до вольной вашему Ивану, *здесь* я не могу ничего поделать, ибо он, как и вся земля в Смоленске, принадлежит вашей матушке. По прибытии в Псков мы устроим вольную, если она захочет, в чем я нисколько не сомневаюсь, поскольку это *она* должна подписать.

Я в восхищении от приема, какой устроил Снарский Александру. Он говорит об этом в последних письмах, самое последнее было от 14 нояб[ря] из Тульчина, куда

Снарский отправил его курьером с бумагами, но он должен был вернуться на следующий день. Если будете писать Александру, скажите ему много ласковых слов от меня. Я напишу ему с удовольствием, когда окажусь, надеюсь, во Пскове возле наших бедных изгнанниц, вашей превосходной матушки и бедной доброй сестры.

20 декабря. Через 18 дней продолжаю письмо, чтобы закончить его. Мне нечего к нему прибавить, только сообщить вам о дне моего отъезда отсюда. Я назначил его на 22-е число и надеюсь провести дни рождественских и новогодних праздников с матушкой и остаться с ними до весны, а потом мы поедем похоронить себя в нашей собственной деревне близ Смоленска.

Среди множества грустных опытов, приобретенных мною, я нахожу все непростительные плутни, какие Никита делал со всеми нашими поставщиками. Он обкрадывал нас самым жестоким образом. Мне противно говорить об этом, но вы будете в ужасе, если узнаете однажды, что он с нами сделал.

Я оставляю письмо здесь для отсылки вам через князя Сергея Трубецкого[1] с фельдъегерем, который поедет в новый год (1 янв[аря]).

Вот письмо для Александра, которое прошу вас ему в точности доставить.

Прощайте, дорогой Павел. Обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца.

Борис, Владимир и Амели поручили мне передать вам тысячу нежных поклонов. Первый поедет со мной в деревню, получивши для этого отпуск на 28 дней с позволением остаться и дольше. Мне обещали, что Борис получит место с лучшим жалованьем, нежели имеет теперь, в 2000 руб. в год. Прощайте еще раз, дорогой и добрый друг.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 90–95.

---

[1] Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), кн., декабрист (см.). И.Б. Пестель передавал письмо через него, пользуясь его должностью старшего адъютанта Главного штаба: Трубецкой мог послать письмо с ехавшим в штаб 2-й армии фельдъегерем.

1823

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Станки, 29 янв[аря] 1823

Некоторое время я не писал вам, мой дорогой друг Павел, но не по своей вине. Сначала я был чрезвычайно занят моим отъездом сюда. Прибывши, я должен был ездить в соседние деревни повидать наших любезных родственников в этих краях. Но вот я наконец водворился в своем Эрмитаже. Я здесь совершенно покоен и доволен *нравственно*. Наши здешние друзья и родственники суть наши истинные друзья, я буду им вечно признателен за все доказательства нежнейшего интереса, какой они нам свидетельствуют самым деликатным образом. Вот я здесь более месяца, поскольку прибыл 24-го числа прошлого месяца. Я еще ни минуты не скучал. Дом, который мы занимаем в Станках, весь целиком отведен нам одним. Мы находимся в 10 в[ерстах] от Яхонтовых, в 15 от Пальчиковых и в 17 от Пскова. Мы часто видимся, несмотря на то что разъезды зимой в кибитке мне не подходят. К несчастью, зима в этом году крайне суровая, не было ни разу менее 15°, а часто 25 и *более* градусов холода, при этом постоянно ветер, и этот ветер так выстуживает комнаты (особенно в Штиглице в Станках), что я не могу согреть ноги, кроме как ночью в постели. Это стоило мне приступов различных колик, от которых я много страдал, но благодаря Бога без неприятных последствий, и я чувствую себя довольно хорошо. Тем временем близится время, когда холода должны ослабнуть, и я с тем большим удовольствием

жду этого времени. Я совершенно не знаю, что происходит в Петерб[урге] с моими делами. Губер[наторы] ими занимаются, а поскольку из-за них я страдаю, мне не остается, кроме как ждать результата их оправдания. Вот, дорогой Павел, все что я могу сказать вам о своем настоящем положении. Ваша матушка, разделяющая мою судьбу как нежный друг, здорова благодаря Бога и сама вам напишет. Ваша сестра утешает нас, здорова, растет удивительно, занимается полезно и нежно вас обнимает. В настоящий момент она у Яхонтовых в Тухавике, где ее очень любят и с пользой занимают. Борис, приехавший со мной, еще здесь. Он часто ездит в две деревни наших родных и в город. В настоящий момент он находится в Штиглице у Пальчиковых. Он ходил несколько раз на охоту. Бить ворон. *Несколько раз* с успехом. Однажды он пошел с тремя слугами на охоту на волков (которых много в наших краях). Он ушел в 8 ч. вечера, вернулся после полуночи и даже не встретил волка. Он вернулся замерзший, и вкус к этому роду охоты у него прошел. Вы не представляете себе, как он выносливый и как переносит холод. Невозможно добиться от него надеть шубу. Он носит только опойковый плащ. По приезде сюда я только *проехал* через Псков, не останавливаясь, и не рассчитываю туда возвращаться, чтобы избежать любых новых знакомств с кем бы то ни было, в особенности с губерн[скими] служащими.

Сообщайте нам свои новости и верьте, что я вас люблю от всего сердца и возношу самые ревностные молитвы за ваше благополучие. Прощайте, дорогой друг, обнимаю вас и благословляю от всего сердца. П.

P.S. Прошу вас доставить приложенное Александру, от которого мы не имеем новостей с некоторых пор.

Приписка Е.И. Пестель:

Письмо батюшки уже содержит столько всего, о чем можно сказать отсюда, что мне не остается более, как сказать о моей к вам нежности, дорогой и добрый друг Павел, а это настолько избитая и известная тема, что почти бесполезно к ней возвращаться. Пять недель как батюшка и Борис здесь, мы очень часто были в разъездах у наших друзей и истинных родственников из Штиглица (Пальчиковы) и у **Яхонтовых** в **Тухавике**. От последних мы вернулись вчера, они были весьма обеспокоены из-за старшей дочери Пашетт. Она была у нас с начинающейся корью, о которой не знали, которую застудили, и подвергли ее большой опасности. Мы поехали туда шесть дней назад на один или два дня, но у Батюшки начались его несносные геморроидальные колики, а холод усилился до 28 градусов, таким образом мы задержались там на пять дней. Пашетт идет на поправку, но она еще очень слаба, и предосторожность, нужная ее глазам, еще слишком слабым, не позволяет дневного света и любого занятия, так что она была в восторге, что Софья, читающая очень хорошо, читает ей. Так что мы оставили ее в **Тухавике** на некоторое время, хотя меня это и огорчает во многих отношениях, потому что она моя хозяюшка, очень хорошая хозяюшка, держащая *все* под ключом в большом порядке. Послезавтра мы поедем провести пару дней у Пальчиковых, потом все поедут к нам, и таким манером мы часто видимся.

Борис любимчик двух семей, любящих его до зависти друг к другу. Он поистине любезный и славный малый, и я с большим сожалением вижу приближение момента его отъезда. Насколько это было бы возмещено перспективой счастья увидеть ваш приезд сюда, мой дорогой Павел. Но увы! Вы подали мне надежду, а Бог знает, что может случиться с этих пор до будущей зимы! Кат[ерина] Дм[итриевна] продолжает часто нам писать и быть нам верным другом и точным исполнителем наших просьб. Досадно за нее, что ее вкус к расточительству день ото дня усиливается. Владимир писал нам *несколько раз*. Его жена чуть более. Она страдает глазами и часто чувствует недомогания – заставляющие меня *предполагать*, что она беременна; но поскольку они ничего не говорят об этом и никогда ни на что не отвечают, я в этом не уверена. Они довольствуются друг другом и всех избегают. Тем не менее судя по последнему письму Владимира от 20 января, он казался на седьмом небе от приезда своего тестя,

остановившегося у них с м-ль Кольб, подругой Амели, и, кажется, обещавшего или желающего много для них сделать. Дай-то Бог!!

Все наши здешние друзья шлют вам тысячу любезностей. Прощайте, дорогой и дражайший друг. Благословляю вас и обнимаю со всей нежностью, какую к вам питаю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 129–131 об.*

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Станки, 7 марта 1823

Едва мы отправили свои последние письма, как получили ваше от 10 января, мой дорогой и добрый друг Павел, и напрасно с тех пор ждем от вас новостей. Надеюсь все же, что вы здоровы и что нет необыкновенных причин, помешавших вам написать к нам. Со своей стороны, у нас все неизменно. Мы много видимся со здешними родственниками, иногда у нас, иногда у них, и мы все время окружены дружбой и вниманием. Уже месяц как моя тетя Вагнер[1] вернулась сюда и проводит большую часть времени с нами. Три дня тому Борис уехал в Петербург. Он провел здесь два с половиной месяца, и мы расстались с живейшим огорчением с обеих сторон. Это предобрый мальчик, и я надеюсь, что разум придет к нему от сердца. Если бы сейчас мы могли быть вместе, я уверена, что наше присутствие было бы ему весьма полезно и помогло созреванию его основательности, которая еще долго будет зависеть от обстоятельств. Да помоги ему Бог, ибо он поистине заслуживает сожаления. Если бы предложение, которое вы делаете нам насчет Сергея, пришло пораньше, я думаю, его родители поспешили бы его принять, но он уже попросился быть в Московском полку[2], представление уже отослано и не может быть изменено. Из Москвы мы еще не получили ответа на эту просьбу, но Сергей, который находится в Петербурге и стал *офицером*, просит благодарить вас, мой добрый друг, за вашу дружбу и жалеет, что не мог воспользоваться ею сейчас.

Вы знаете, конечно, что Никита Муравьев** недавно женился на второй дочери гр[афа] Чернышева Александрине[3]. Свадьба состоялась 21 февр[аля]. Была во всех отношениях большая пышность, великолепное приданое и множество вещей. Я полагаю, что это должно изменить привычки и взгляды Н.М. Что до его бывшей склонности Изабеллы, она должна была выйти за кн[язя] Гагарина[4], который был нашим соседом на Крестовском в 16-м году, когда вы там были. Не знаю, была ли уже свадьба, но в любом случае надеюсь, что молодая особа будет счастлива и что ее муж также переменит привычки и образ мыслей.

Относительно Ивана должна вам сказать, мой добрый друг, что не хочу и не должна давать свободы никому из слуг ваших братьев – и было бы очень несправедливо по отношению к нашим, которые *обязаны* служить нам и служат *хорошо*, я совершенно против того, чтобы давать свободу вашему. Но поскольку, с другой стороны, я не хочу ни в чем вам отказывать, коли это зависит от меня, то я пришлю вам верющее письмо, которым уполномочу вас делать из него вершки и корешки и которое вы употребите как захотите. Но сначала нужно, чтобы я знала имя, отчество и возраст лица, без чего я не могу ни составить этот акт, ни осведомиться о нем в деревне. Итак, пришлите мне записочку, содержащую все относящиеся до него сведения, и когда он был взят из деревни, тогда я пришлю вам все полномочия по этому вопросу.

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 129–129 об., 131–131 об., 130–130 об.

** Слова «Никита Муравьев» и далее «Я полагаю, что это должно изменить привычки и взгляды Н.М.» подчеркнуты карандашом. Вероятно, эти фразы привлекли внимание при разборе писем в Следственном Комитете, и из-за них письма были вынуты из общей пачки.

Stankice 7 Mars 1823. 16

A peine vous avions nous envoyé nos dernières lettres que nous reçumes la votre du 10 Janvier, mon cher et bon ami Paul et c'est en vain que nous attendons depuis d'en recevoir de nouvelles. J'espère pourtant que vous vous portez bien et que ce n'est aucune raison extraordinaire qui vous a empêché de vous écrire. De notre côté nous sommes in statu quo; nous voyons beaucoup nos Parens d'ici, tantôt chez nous, et tantôt chez eux, et nous en sommes toujours comblés d'amitié et d'attentions. Depuis un mois ma Tante Wagner est revenue ici et passe la plus grande partie du tems avec nous. — Depuis trois jours Boris est parti pour Petersbourg. Il a passé ici deux mois et demi et nous nous sommes quittés avec un chagrin bien vif de part et d'autre. C'est un bien bon garçon, et j'espère que la raison lui viendra par le coeur. Si actuellement nous pouvions être ensemble je suis sûre que notre présence pourroit lui être fort utile

Письмо Е.И. Пестель П.И. Пестелю, 7 марта 1823 г.

Все наши здешние родственники передают вам тысячу любезностей, и даже моя старая тетя передает нежные поклоны. Софья вас обнимает от всего сердца. Она растет и формируется на глазах и очень полезна мне в домашних хлопотах. Владимир был болен, и довольно серьезно, но благодаря Бога его болезнь была недолгой. Амели нездоровится, я *полагаю*, что она беременна, потому что Кат[ерина] Дми[триевна] говорит, что ей запретили ездить в карете по дурным дорогам; но впрочем я ничего об этом не знаю, поскольку от них ничего не слыхать, и вообще – **Бог с ними**. Отец **Храповицкий** два месяца как у них, и Владимир, кажется, от него в восторге; но как и почему – ничего не знаю, ибо он не любит подробностей. Прощайте, дорогой и добрый друг, уступаю перо вашему превосходному батюшке, но хочу еще сказать, что люблю вас и благословляю всеми силами души.

Приписка И.Б. Пестеля:

Хочу только сказать вам пару слов, мой дорогой Павел, поскольку все, что, может быть, вам интересно о нас, матушка уже написала. Я здоров и так привык к одиночеству и спокойствию, которыми наслаждаюсь, что нашел бы весьма не полезным для себя снова стать столичным жителем. Я много читаю и имею полную надежду, что, продолжая так делать, стану еще более образованным и любезным *накануне своей смерти*. У нас была очень суровая зима, и я чувствую последствия, много страдав от своих ревматизма и геморроидальных колик. Хотя я теперь не болен, но сложение мое день ото дня становится все слабее. Но с годами это и не может быть иначе. 6-го числа прошедшего месяца мне исполнилось 58 лет. Прекрасный возраст для не очень крепкого тела, каким мое было всегда. Дай Бог вам хорошего здоровья и всякого удовольствия, какое, может быть, полезно нравственно и физически. Благословляю вас и нежно обнимаю. Прощайте, мой дорогой, мой добрый друг.

Я вернулся к письму, чтобы сказать вам, дорогой Павел, что, прежде чем покинуть Петерб[ург], я имел объяснение с Сергеем Шиповым и могу лишь похвалиться. Он привязан к нам искренне, а его поведение со мной, о котором я говорил вам в свое время, есть не что иное, как недостаток ума и характера; но оттого он не менее заслуживает вашего уважения и дружбы, и заклинаю вас сохранить их к нему, ибо он вполне заслуживает их по справедливости.

P.S. *Адресуйте ваши письма к нам в Москву Случевскому*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 1–3 об.

---

[1] Вагнер – тетка Е.И. Пестель. Сведений о ней не обнаружено.

[2] Речь идет о Сергее Францевиче фон Брине, выпущенном в 1823 из Пажеского корпуса прапорщиком в Московский пехотный полк.

[3] Н.М. Муравьев женился на Александре Григорьевне Чернышевой (1804–1832) 22 февраля 1823 г.

[4] Речь идет о Изабелле Валевской, падчерице И.О. Витта, предмете любви Павла Пестеля. Ее муж князь Сергей Сергеевич Гагарин (1795–1852), в 1821 советник придворной конюшенной конторы, затем церемониймейстер, действительный статский советник, в 1829–1833 директор императорских театров.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Станки, 15 апреля 1823

Наконец-то, благодаря Бога, мой добрый друг, мы получили известия от вас. Ваше письмо от 13 марта, сделавшее – по рассеянности, я думаю, – небольшую остановку в Петербурге, пришло к нам только через месяц; но по крайней мере мы

обладаем им и оно доказывает, что вы здоровы и были лишь заняты, быть может, раздражающим, но несомненно достойным образом. Письма, которые должен был писать нам Александр, до нас не дошли, так что с 13 *января* мы не получали от него *ничего*. Он был очень болен, и вы о нем заботились *по-матерински*; он желал быть адъютантом, и вы добыли для него генерала, который, может быть, ему полезнее всего, вы заботитесь о его карьере *по-отцовски*. Благослови вас Бог, как благословляю вас я, благодаря Бога, давшего мне такого сына, как вы, мой дорогой, драгоценный Павел! Обнимаю вас со всей нежностью и гордостью материнского сердца. Поданная вами надежда, что я смогу сделать это в реальности осенью, заставляет меня хотеть перепрыгнуть все лето, чтобы уже оказаться в сентябре, и я хотела бы как можно скорее приехать в Васильево, чтобы приготовить ваш уголок и принять вас там как можно лучше. Терпение! Мы к тому придем, если Богу угодно. История со Снарским меня ужасно огорчила[1], особенно из-за бедной графини В[итгенштейн], которую я люблю от всего сердца. Не знаю, как ей писать после того, как я узнала об этой катастрофе.

Благодарю вас, мой добрый друг, за варенья, купленные вами для меня в Киеве. Так или иначе, однажды они до меня доберутся. Если они еще не отправлены, отошлите их до начала будущего месяца в Смоленск, адресовав **его высокоблагородию Петру Ивановичу Альбедильскому**[2] **в Смоленске. Для доставления Е.И. Пест[ель] в Васильево**. Вы не пишете, сколько я должна вам за эту покупку, как и цену турецкой материи и серой льняной ткани, что вы когда-то присылали батюшке для домашнего платья, в которое я наряжаюсь уже три года. Пока вы не сообщите, сколько я вам должна, я могу расплатиться лишь признательностью, благодаря вас за то, что не забыли моего женского поручения посреди ваших значительных занятий.

Сегодня Вербное воскресенье. На этой неделе у нас два дня были все **Яхонтовы** и **Пальчиковы** (которые *все* шлют вам поклоны). В понедельник Пасхи мы едем в Штиглиц к Пальчиковым на 8 дней, потом на столько же в **Тухавик** к **Яхонтовым** и наконец возвращаемся сюда упаковывать и отправлять наш **обоз**, делать прощальные визиты обеим фамилиям и отправляться в Смоленск, где наше присутствие весьма нужно. Наше одиночество было оживлено тетушкой Вагнер, поручающей кланяться вам. Софья нежно вас обнимает. Вы увидите ее осенью, будете судить о ней и согласитесь, что братья не умели видеть ее и судить о ней с истинной точки зрения. Я говорю о Борисе, Владимире и Александре, ибо вы ее видели совсем недолго и предупреждены ими. Борис, кажется, расстался со своим предубеждением; Владимир не имеет времени ни думать об этом, ни любить ее, а Александр, ставши разумнее, сделается справедливей и нежнее. Я очень рада, что вы находитесь в дружеской переписке с Владимиром и Борисом: спокойствие мое часто колебалось огорчением, что вы все недостаточно по-братски вместе. Ах! Если бы я могла еще раз соединить вас всех вокруг себя. Вы должны от самих ваших братьев знать все, что их касается и что я на этой неделе жду Бориса, захотевшего еще провести с нами пару недель.

Вы говорите, мой добрый друг, что Всевышнему недостало его могущества, чтобы сделать нас счастливыми. Это как дети не понимают, почему родители не дают им всех конфет, какие они хотели бы съесть. Изо всех поэтических ламентаций Ламартина та, что поразила вас больше всего, называется «*Безнадежность*»[3]. Я не раз замечала. Я сержусь, что пишут и читают вещи такого рода. Это настолько же несправедливо, как приговаривать отсутствующего, которого судят, не выслушав, или которого приговаривают, потому что не понимают языка, на котором он оправдывается. Наконец, тайны Религии кажутся вам более утешительными, чем идея неизбежной и, так сказать, материальной необходимости; это более утешительно, говорите вы, но справедливее ли это!! Ответ на эти сомнения неявно содержится в самом сомнении.

Коли вы спрашиваете, *справедливее ли это*, вы, стало быть, не можете *доказать мне* несуществование Бога и всего, относящегося к божественному: ибо, даже полагая, что нельзя также *доказать* его существование, согласитесь, что я даю *недоказанному* мнению, которое утешает меня, поддерживает и руководит мною, преимущество перед *недоказанным* мнением, которое меня ожесточает, делает одинокой и отнимает все, не давая ничего. Вот уже большая выгода от веры. И как гордость и сердце человека не найдут более соответственным привязаться к Существу бесконечно превосходящему, покориться *Отцу*, все *могущему* и все *прощающему*, нежели приписать все свое существование *случайному броску атомов*, которых *случай*, ураган, или не знаю что, собрал как восхитительным, так и непреложным способом. Как рассудок и душа человека согласятся на собрание этих бессмысленных слов, которые должны заменить слова *Отец* и *Создатель*, запечатленные природой даже в сердцах дикарей. Какое утешение может предложить мне атеист? Отчаяние, насмешку или пистолет? Вот оружие! А религия, какой только поддержки, каких только благ, какого только счастья не может она дать! Знает ли атеист религиозное смирение, которое, давая *покой*, *мужество* и *надежду*, делает счастливым человеком того, кто сражен невезеньем и людской несправедливостью! Взвесьте хорошенько эти три слова, мой добрый друг, и вдумайтесь во все, что есть сладостного, возвышенного и великого в *религиозном смирении*, тогда как у атеиста есть лишь проклятия против несчастий, которые он сам часто навлекает. Но тот, кто среди удовольствий жизни, в пылу юности, в силе зрелости почтет себя выше суда мнений и обязанностей религии, напрасно будет искать утешения в минуту, когда буря разрушит его преходящее блаженство и уничтожит все иллюзии. Вера и Надежда требуют тщательного взращивания, а эти прекрасные деревья искореняют в хорошую пору и потом требуют от них плодов осенью! Это как в тех немецких романах, где все были бы счастливы с самого начала, если бы молодой человек только согласился взглянуть на невесту, которую ему предлагают; но он из упрямства избегает ее, и пишутся три тома о несчастных превратностях, чтобы к концу стало понятно, что та, кого отвергали, была как раз единственная, могущая дать счастье. Рассмотрите ее только хорошенько, мой добрый друг, эту нежную подругу жизни, и вы найдете в ней все очарование, какое привяжет к ней равно ваши разум и сердце.

Если вы смогли написать нам с сегодняшним курьером, и если ваши письма не загостятся в Петербурге, я надеюсь, что пасхальная неделя не пройдет, не принеся мне новостей от вас, добрый друг. Постарайтесь провести праздники как можно приятнее. **Христос воскрес**! Даю вам пасхальный поцелуй и затем прижимаю вас к сердцу, обнимая так же нежно, как и люблю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 132–136 об.*

---

[1] См. следующее письмо.

[2] Вероятно, Альбединский Петр Романович, обер-гофмейстер, из числа лиц, близких к императрице Марии Федоровне, состоял при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах, с 1816 генерал-майор, с 1817 управляющий гоф-интендантской конторой (атрибутирован на основании упоминания в письме Е.И. Пестель от 21 августа 1825 его невестки, урожденной Багратион).

[3] Ламартин Альфонс (1790–1869), французский поэт, в 1820 выпустил первый сборник стихотворений «Поэтические и религиозные размышления» («Méditations poétiques et réligieuses»), в который входило стихотворение «Безнадежность» («Le Désespior»).

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 132–132 об., 136–136 об., 133–135 об. Л. 134 пропущен при нумерации.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Станки, апреля 1823[*]

После вашего письма от 10 янв[аря], дошедшего до меня 30-го, мы были лишены ваших писем, дорогой Павел. Весьма живо чувствуя это лишение, вы можете судить, мой добрый друг, какое мы имели удовольствие получить ваше последнее письмо от 13-го числа прошедшего месяца, которое Борис прислал нам из Москвы и которое дошло до нас 11-го сего месяца. Благодаря Бога, ваше долгое молчание не имело причиной никакой неприятности. ***Пуганая ворона куста боится,*** – говорит русская пословица, так что вы не должны удивляться, если я часто вижу вещи в черном цвете и беспокоюсь более, чем должен, за тех, кого люблю, но хвала Богу, вы здоровы. Коли вы были выбраны для поручения, о котором говорите в своем письме, это доказывает доверие ваших начальников, и я очень рад, что вам отдают справедливость. Эта самая справедливость, отдаваемая вам начальниками, и труды, прилагаемые вами для лучшего устройства вашего полка, дают мне лучшие надежды, что большой смотр, который состоится в августе месяце (как вы говорите принесет вам пользу по службе и что ваши труды будут замечены, тем более что *весь свет* знает, что вы получили худший полк во 2-й армии. Что этот полк изумительно изменился к лучшему. Весь свет это говорит, и Закревский положительно меня в этом уверял, как я писал вам в одном из писем.

Я очень рад, что Александр будет при Киселеве, по многим соображениям, а сейчас тем больше, что Снарский находится под судом[1]. Эта новая карьера Александра есть *тоже* ваше произведение, дорогой Павел. Он, могу вас заверить, весьма чувствителен ко всем заботам, поистине *отцовским*, которые вы о нем имеете. Благодарю вас за это со своей стороны от всего сердца, прося Всевышнего вознаградить вас за это тем образом, какой Он сочтет полезнейшим для вашего благополучия. На этом обнимаю вас и благословляю с чувствами, которые бы доставили вам удовольствие и тронули вас, если бы вы могли читать в моем сердце!!! Дай Бог, чтобы Киселев был доволен Александром и имел к нему снисхождение, необходимое, чтобы не обескуражить его. Алекс[андр] есть избалованный ребенок, не привыкший повиноваться, не имеющий никакого понятия о субординации, и всякий раз, как начальник захочет напомнить о ней, он будет недоволен. Я не полагаю его способным на привязанность к начальникам, ибо, чтобы привязаться, нужно, чтобы начальник делал *для него* нечто, чего не дозволяет служба. Это вам, мой добрый друг, как брату, заменяющему ему отца, надлежит дать ему почувствовать свои обязанности и напоминать ему о них как можно чаще, вы *сейчас* знаете его лучше, чем я. Он, должно быть, сильно изменился, обстоятельства, в коих он находится уже год, были совершенно другими и даже противоположными тем, в каковых он находился до своего 20-го года. Так что я могу лишь увещевать его, говоря *в общем*, но вы, находясь на месте, зная его лучше меня, зная Киселева, коего я почти вовсе не знаю, – вы можете лучше судить и лучше советовать. Я вручил вам вашего младшего брата со всем доверием отца, которому счастье детей ближе к сердцу, нежели *его собственное*. (Говорю это с чистой совестью и как христианин.) И я спокоен за участь того из моих сыновей, кто, имея превосходное сердце, добрые основания чести, в то же время столь нуждается в руководстве. Помоги вам Бог, мой дорогой Павел, в этой заботе, которую он послал вам, и дай Он вам все вознаграждение, какого вы достойны в полном смысле слова!!! Это одна из самых горячих молитв, какие я возношу Богу!!! Первое известие, полученное нами, что Александр будет при Киселеве, пришло к нам от Бориса из Москвы, а потом в вашем письме и письме от Александра, но, поскольку вы пишете, что Александр уже сообщил нам, я предполагаю, что вы говорите об одном из его предыдущих писем, которые до нас *не* дошли.

---

* Дата в подлиннике пропущена.

Я весьма доволен, что Воло написал вам и что его письмо доставило вам удовольствие. Будьте *друзьями* между собою, дорогие мои дети. Я уверен, что вы и есть, но ничуть не сомневаюсь, что лень Воло заставит его пренебрегать обязанностями не только знакомства, но даже сердца и чувства. Я сам испытал это!!! Я *извиняю его* сердцем, но не могу не огорчаться!!

История Снарского огорчила меня из-за него самого, но еще более из-за бедной гр[афини] Витгенштейн, его сестры! По дошедшим до нас слухам, должны были дать 500 ударов палками губерн[скому] советнику, благодаря Бога, это оказалось неправдой! Дай Бог, чтобы это скверное дело уладилось к лучшему и чтобы бедный дьявол выпутался из дела с честью.

Прежде чем окончить письмо, следовало бы поговорить с вами о нас и нашем житье, но нечего особенно сказать. Мы ведем очень монотонную жизнь, но мы не несчастны, и признаюсь вам чистосердечно, что не стану просить лучшего, кроме как продолжать подобный образ жизни до конца своих дней. Большой свет больше не имеет для меня никакого удовольствия. Я слишком хорошо его знаю, чтобы он мне нравился. Я наслаждаюсь счастьем спокойной жизни в лоне семьи!!! Ваши матушка и сестра делают меня *совершенно* счастливым. Спокойствие мое колеблется лишь прискорбным состоянием моих финансов!! И те же финансы внушают мне беспокойство за будущее, но всякий раз, как это беспокойство начинает мучить меня, я прошу за то прощения у Провидения, руководящего нашими судьбами и устроившего *очень мудро*, что мы не знаем своего будущего. Я молюсь Богу, и я спокоен, доволен – и истинно счастлив. Как сожалею я о тех, кто не способен наслаждаться этим счастьем, единственно и исключительно *истинным*, каким можно наслаждаться в этом мире и которое готовит нас к тому, чтобы однажды стать достойными вечного блаженства!!! Однажды настанет время, когда вы взыщете этого счастья, увидевши, что не может быть иного, поддерживающего в любых обстоятельствах нашей жизни. Если вы взыщете его с вашей доброй головой и превосходным сердцем, вы также его найдете, и тогда, если я еще буду жив, мы поговорим об этом, и вы поймете то, что я вам сказал и часто говорил по этому поводу. Да дарует вам Бог свое святое покровительство!!!

В будущем месяце мы покинем эти края, чтобы отправиться на собственную нашу землю в Смоленск. Приведи нас туда Бог, и да возьми он нас под свое святое покровительство.

Прощайте, мой добрый друг, обнимаю вас нежно и благословляю также. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 137–140 об.*

[1] Сведений о существе судебного дела против полковника К.С. Снарского не обнаружено, но из данного письма И.Б. Пестеля можно заключить, что речь шла об избиении чиновника. Из переписки П.Д. Киселева с А.А. Закревским в феврале–марте 1823 следует, что Снарский без предварительного следствия был отдан под суд решением Александра I. Киселев считал, что «Снарского отдали под суд несколько поспешно [...] Следствие было нужно, а без того каждый из нас, может быть, обвинен и по одному лишь обвинению арестован и судим» (Киселев–Закревскому, 15 февраля 1823), Закревский с ним согласился (Закревский – Киселеву, 8 марта 1823. См.: Бумаги графа А.А. Закревского / изд. Н. Дубровина. Т. 2. СПб., 1891 // Сборник ИРИО. Т. 78. С. 114, 272–273). Видимо, серьезных доказательств вины Снарского не нашлось, поскольку в октябре 1823 он поменял полк, вместо Харьковского драгунского получил в командование Мариупольский гусарский.

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 137–137 об., 140–140 об., 138–139 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Тухавик, 5 мая 1823

Ваше письмо, дорогой Павел, от 13-го числа прошедшего месяца доставило мне весьма, весьма большое удовольствие. Чего могу я еще желать, кроме как узнать, что здоровье ваше хорошо. Что ваша служба идет таким образом, что начальники вас уважают, отдают вам справедливость и умеют замечать старания, какие вы прилагаете к службе. Что подчиненные вас любят и уважают. Вот что я вижу из вашего письма, несмотря на деликатность, с какой вы говорите обо всех стараниях, приложенных вами, чтобы добиться этих успехов. Я простираюсь пред Провидением, ведущим *всех* и *каждого в отдельности*, прося хранить вас и ободрить, оно может однажды привести вас к преддверию истинного счастья в мире, а однажды также туда, где вечное блаженство и вознаграждение за страдания и превратности этого мира. Обнимаю вас со всей нежностью, на какую способен отец, благодаря вас за утешение и истинное наслаждение, которые доставляет мне ваше поведение. Это бальзам для моего сердца, уязвленного столькими горестями и заботами!!! Благословляю вас от глубины сердца, любящего вас очень, очень живо и искренне.

Вы знаете уже о разнообразных переменах, имевших место в министерствах, одно из них интересно для военных, это замещение кн[язя] Волконского б[ароном] Дибичем[1]. Мне кажется, что последний лучше подходит для этого места, нежели первый?

Среди новостей, сообщенных мне из Петерб[урга], есть одна, удивляющая меня не менее всех прочих, это что Сперанский получил отпуск на 6 месяцев, и прибавляют, что он предполагает не возвращаться на службу, не найдя к своей особе столько же доверия, как было в прежнее время[2]. Благодаря Бога, наш Государь не оказывает более доверия к человеку, всякий раз им злоупотреблявшему. Моя собственная катастрофа – тому весьма ощутительное доказательство. Когда причиняют несчастье около 700 персонам, по одному только расследованию, исключительно, чтобы понравиться нескольким лицам, коих почитают в фаворе и большой силе, тогда не достойны доверия своего Государя.

С 23 апреля (второй день праздника Пасхи) мы перебрались из нашего обычного жилища в Станках. Мы провели [8 дней]* в Штиглице у Пальчиковых. С 1-го числа сего месяца мы в Тухавике и останемся до 10-го, поскольку 9-го именины Яхонтова-отца. Потом мы вернемся в Станки, чтобы отправить наш обоз с вещами в Смоленск, и потом поедем следом сами, чтобы водвориться в Васильево, где будем ждать вашего прибытия с живейшим нетерпением. Если бы вы знали, как у меня бьется сердце, когда я думаю о такой удаче, после столь долгой разлуки иметь удовольствие вас обнять!!! А ваша превосходная матушка!!! Какая радость для нее!! Вообразите, что она уже сейчас думает о том, чтобы приготовить для вас большой окорок на угощение. Я был тронут ее заботами о том, чтобы принять вас таким образом, чтобы вам у нас понравилось *во всех отношениях*. Надеюсь, что вы постараетесь привезти с собой Александра, вашего брата, чтобы доставить нам двойное удовольствие? Вашим заботам мы обязаны тем, что ген[ерал] Киселев так хорошо обращается с Александром. Вознагради вас за это Бог, мой добрый друг!!

Какое нравственное удовольствие вы мне доставили, мой добрый друг, сообщенным известием о том, до какой степени вы научились управлять собственной природной живостью. Никто лучше меня не сможет судить, сколько эта живость заставляет нас делать вещей, в коих мы упрекаем себя и которые не властны исправить. Наконец, эта достигнутая власть над своим характером вполне вознаграждается тысячами глупостей, которых позволит нам избежать и даже предупредить. Продолжайте, мой добрый друг, работать над ней всегда и не подвергайте себя испытаниям, чрезмерно рассчитывая на себя. Часто почитают себя излечившимися, когда боль еще только подернулась пеплом.

* Поверх слова – клякса, читается предположительно.

То, что вы говорите нам о холодах, дождях и постоянных ветрах, изобилующих этой весной, то же самое, что у нас. Еще не было ни дня, похожего на весну. Еще не было ни травы, ни листвы на деревьях, а это нехорошо для нас, вашей матушки и меня, страдающих ревматизмами.

Я радуюсь вашему приезду к нам, среди прочих причин потому, что вы увидите и узнаете *вашу сестру* лично, и я вполне уверен, что отдадите ей справедливость и полюбите ее. Она того заслуживает, могу сказать вам это *вполне беспристрастно*. Всякий раз, как мы вам пишем, она поручает передать вам нежнейшие приветствия, и будьте *уверены*, что она также вас любит.

Прощайте, дорогой Павел. Будьте всегда счастливы и довольны, вот пожелание отца, обнимающего вас и благословляющего от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я не напишу вам здесь ничего особенного, мой дорогой и добрый друг Павел, потому что так занята, как лейб-[нрзб.] и лейб-модный закупщик моей старой тетушки и всей фамилии, которой я этим служу большую службу, что у меня остается немного времени на переписку. Я совершенно согласна с вашим батюшкой в первой странице его письма, и в радости, которую нам уже доставляет надежда повидать вас осенью, обнимаю и благословляю вас от *всего*, *всего* моего *сердца*. Борис приехал к нам в Пасхальное Воскресенье к обеду. Он, быть может, проводит нас в Смоленск, если сменит службу и поедет, что вероятно, в Рязань к г[енералу] Балашову[3], хорошо его принявшему и много обещавшему. Он привез нам письмо от Владимира и досадную новость, что у Амели был выкидыш, мальчик. Она была на второй половине и внезапно выкинула безо всякой внешней причины! Это тем более досадно, что такой же вещи следует ожидать и в будущем на сходном сроке! *Кат[ерина] Дм[итриевна]* написала нам потом, что Амели слава Богу лучше. Наши здешние родственники передают вам тысячу любезностей. Борис и Софья вас обнимают, а я, мой дорогой добрый друг, я прижимаю вас к сердцу со всей нежностью, какую оно к вам питает, а этим много сказано.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 141–142 об.

---

[1] П.М. Волконский 25 апреля 1823 после столкновения с А.А. Аракчеевым был уволен от должности начальника Главного штаба в заграничный отпуск, из которого вернулся в 1824 г. Генерал-адъютант И.И. Дибич в тот же день, 25 апреля 1823, был назначен исполняющим эту должность и утвержден в ней в апреле 1824 г., перед этим, в августе 1823, сделан членом Государственного совета, а в феврале 1824 членом Комитета министров.

[2] М.М. Сперанский в январе 1823 г. помимо прежде занимаемых должностей (члена Государственного совета по Департаменту законов, Азиатского комитета, Сибирского и ряда других комитетов) был назначен членом Комитета о проекте учреждения для военных поселений, 21 мая – для войска Донского, с июля 1823 и в августе 1824 дважды на время отсутствия кн. П.В. Лопухина становился временно управляющим Комиссией составления законов.

[3] Генерал-лейтенант А.Д. Балашов с 1819 занимал должность генерал-губернатора округа, состоявшего из губерний Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской. Переход Б.И. Пестеля на службу при Балашове не состоялся.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Станки, 1 июня 1823

Вот, дорогой мой Павел, надеюсь, в последний раз я пишу вам отсюда, а через несколько дней мы постараемся отбыть в Смоленск, по крайней мере если деньги на путешествие, ожидаемые нами со дня на день из Петербурга, не запоздают снова, ибо в этом все дело,

лишь отсутствие денег на отъезд одно еще задерживает нас здесь. Наш **обоз** выехал две недели назад, у нас осталась только взятая взаймы утварь, ничто не задерживает нас здесь, и все зовет туда, но деньги, гнусные, презренные и необходимые деньги удерживают нас и парализуют наши планы. Поскольку это письмо отправится только через пару дней, то прежде чем закончить его, я смогу, быть может, сказать вам нечто более определенное на этот счет. Сообщенная вами новость о смерти бедного маленького Гавриила[1] весьма меня расстроила, как и все горести и неприятности, падающие на наших бедных друзей Витгенштейнов. Я пишу сегодня графине, от которой не получала писем уже восемь месяцев, хотя писала ей три или четыре раза из Пскова. Я думаю, что мои письма должны были дойти до нее, но, возможно, что она писала мне, а я не получила ее письма, судя по тому, которым она сообщала мне о состоявшемся замужестве Эмилии[2] и которое до меня не дошло.

Что скажете обо всех переменах, сделанных в военной и гражданской части? Думали ли вы, что Канкрин[3] станет министром финансов? Эта перемена в министерстве произошла *два* дня спустя после отъезда Бориса, который *о ней не знал*, пускаясь в свои проекты. Вместо того, чтобы ехать к Балашову, что в этот момент выглядело бы как опасение или желание избежать нового министра, он вернется, вероятно, послезавтра в Петербург, чтобы посмотреть, не пожелает ли этот новый начальник, выказавший нам много дружбы и интереса, сделать для него что-либо основательное. К несчастью, он уже предварен против службы Бориса, как ему пишет молодой Мятлев, и я опасаюсь, что у него недостанет ни твердости воли, ни способностей, чтобы создать себе лучшую репутацию в службе. А тем временем пора бы, ибо в 28 лет репутация должна быть утверждена, а не быть все еще предметом для утверждения! Да руководи им Бог и да поддержи его на доброй дороге. Мы получаем *иногда* новости от Владимира и его жены. Последняя, написавшая нам 15 мая, совершенно поправилась после выкидыша. Они перебираются на лето на Крестовский, в дом, в котором жила Кат[ерина] Дм[итриевна] в **Чухонской деревне**. В городе они имеют квартиру в казармах, устроили ее с элегантностью и роскошью, не видят там ни души, не ездят ни к кому, не думают ни о ком, не занимаются ничем, кроме как немного музыкой, довольствуются самими собою и прозябают в полной беспечности насчет всей вселенной, до такой степени, что от них никогда не добьешься ответа ни на какой вопрос. Говорят, что Владимир часто бывает болен, и я полагаю, что и Амели тоже не очень крепка. Кат[ерина] Дм[итриевна] снова харкала кровью внушающим беспокойство образом. Я очень боюсь за нее. К моему дню рождения она прислала очаровательную шкатулку для рукоделия со своим портретом, помещенным внутри на крышке. Я была очень тронута этим деликатным вниманием и с большим чувством поцеловала портрет.

Я очарована, мой добрый друг, тем что вы мне говорите по поводу Александра. Его манера усваивать ваши мнения делает честь его характеру и суждениям, и для меня это истинная радость, думать, что мои дети находятся вместе, как настоящие друзья и нежные братья. Потому также я хочу, чтобы вы имели дружбу к Софье, которая так любит своих братьев. Она просит меня передать вам от нее множество нежных приветствий и бесконечно радуется, что увидит вас этой осенью. Борис также передает вам дружеские приветствия. Прощайте на сегодня, мой добрый друг. Завтра мы едем в Штиглиц к Пальчиковым. Мы получим там нашу почту, и послезавтра я закончу это письмо. Тем временем обнимаю вас от всего сердца.

4-го [июня]. Заканчиваю мое письмо в Штиглице, мой добрый друг. Борис уехал вчера вечером в Петербург, поскольку последняя почта не принесла нам вовсе ничего, в том числе денег на отъезд, что нас крайне расстраивает. Все родственники здесь и в Тухавике передают вам тысячу поклонов. Ваша двоюродная бабка Вагнер также. Я не получаю писем от моей матушки, но знаю, что она здорова. Я боюсь за Кат[ерину] Дм[итриевну], я получила о ней новости через Бориса, поскольку что до Владимира и его жены, то все, чего от них можно добиться, это несколько фраз раз в 3 или 4 недели,

которые считаются письмом, но недостаточны как чтение. Мне огорчительно думать, что ваши письма ждут нас в Смоленске, тогда как мы могли бы получить их еще здесь. По крайней мере это удовольствие ждет нас по прибытии. Прощайте, дорогой и добрый друг, обнимаю и благословляю вас со всей нежностью, какую питает к вам мое сердце.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 143–144 об.

---

[1] Сын П.Х. Витгенштейна Гавриил (род. ок. 1814). Ср. в письме П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу: «У графа умер младший сын, он безутешен» (Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу (1817–1823) / публ. А.Н. Акиньшина, М.Д. Долбилова. Воронеж, 1998. С. 130).

[2] Эмилия (1801–1869), дочь П.Х. Витгенштейна, была замужем за кн. Петром Ивановичем Трубецким (см.)

[3] Е.Ф. Канкрин был назначен министром финансов 22 апреля 1823 г. Департамент мануфактур и внешней торговли, в котором служил Б.П. Пестель, был передан из Министерства внутренних дел в Министерство финансов.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Штиглиц, 5 июня 1823

Буду отвечать на ваше последнее письмо от 2-го числа прошедшего месяца, мой добрый друг Павел. Я весьма доволен, что вы здоровы, и ежедневно прошу Всевышнего сохранить вам доброе здоровье и спокойствие душевное, которое есть вместилище праведности.

Горести наших добрых Витгенштейнов меня весьма сильно печалят, я его уважаю и люблю графа и графиню всем сердцем, они добры, по сути, а интерес и дружба, которую они не перестают нам свидетельствовать, внушают мне признательность как драгоценную сердечную обязанность. Дай Бог, чтобы добрый граф вернулся к своему месту более довольным, чем уехал в Петерб[ург]! Его зять, как я вижу из **Приказов**, был сделан адъютантом ген[ерала] Дибича[1]. Я не думаю, что он много выигрывает, поскольку это генерал, которому нужны люди способные, ибо он умеет замечать их и использовать, а Трубецкой в этом отношении не тот человек, кто будет при нем процветать, разве что он будет покровительствовать ему ради тестя, который, кажется, *хорош* с Дибичем. Старайтесь, мой добрый друг, снискать расположение последнего. Мне кажется, он хорошо бы с вами обходился и что он был бы о вас хорошего мнения.

Я всем сердцем желаю, чтобы дело Снарского приняло благоприятный для него оборот. Это оригинал, который по сути не хорош ни для какой службы. Я изучил его, когда он был вице-губер[натором][2]. Это ***пустой человек*** с большой живостью характера.

Ваша матушка сообщает вам новости о Борисе, так что мне нечего прибавить, кроме как что его отъезд в Петерб[ург] имел место позавчера. Ему следовало вернуться к месту, чтобы не упрекать себя в том, что упустил случай, могущий ему доставить преимущества по службе. Дай Бог, чтобы это произошло, в остальном мое письмо к Канкрину настойчиво, не лишено достоинства. Я рекомендую его своему старому другу, а не новому министру, – с условием, что если он не находит средства улучшить его положение, то чтобы отпустил его, дабы явиться к ген[ерал]-губ[ернатору] Балашеву, пожелавшему принять его к себе **при особым поручениям***, с тем же жалованьем, что он имеет сейчас, т. е. *1500 руб., покамест*. Вы знаете Бориса. Он все тот же, с некоторым различием, которое не в его пользу. Я сделал ему свои представления, но боюсь, что результат не таков, как я бы желал.

---

* Выделенные слова написаны по-русски, орфография сохранена.

С тех пор как Александр исполняет обязанности адъютанта при ген[ерале] Киселеве, я видел, что имеются два адъютанта, по меньшей мере одного он взял к себе. Не лучше ли ему было бы быть действующим адъютантом? Это всего лишь вопрос, поскольку в остальном *вы* как хороший сын и нежный брат заботитесь о его карьере, и я вас в этом благословляю от глубины сердца.

Произошло много перемен в министрах. Гурьев смещен, как вы знаете[3]. Кочубей едет в чужие края в будущем месяце[4]. Еще не знают, кто его заменит. Его план был быть замененным Сперанским, который сам сказал это разным лицам; вместо того последний взял отпуск и уехал из Петерб[урга] 27-го числа прошлого месяца, и не знают, когда вернется. Дело Трескина в прежнем положении, ничего в отношении него не происходит!!!

Я всякий день ожидаю *500 руб.* за часы, которые велел продать. Эти деньги должны прибыть ко мне из Петерб[урга]. Я требовал их в трех письмах и жду с каждой почтой. Я не могу ехать без этой небольшой суммы, поскольку мне нечем оплатить прогоны с 10 лошадьми, нужными нам, чтобы добраться до Смоленска. Как только эти деньги придут, мы пустимся в путь, чтобы похоронить себя в Васильево. Да поддержит меня Бог, защитит и не покидает. Он лучше меня самого знает, что для меня полезно, и я с благодарностью полагаюсь на его решения и еду в Васильево с мужеством и спокойствием. Мысль о затворничестве меня не страшит более. Вот, любезный сын, преимущества веры! Да соблаговолит Бог дать вам ее. Я огорчен увидеть из вашего последнего письма, что было время, когда вы были *более* уверены в истинности Евангелия. Я могу на это ответить вам лишь тем, что нашел в святом писании и переписал для вас*. Вы найдете это на прилагаемом листке. Вера есть милость Божия, о которой его надо ревностно молить, только она есть истинное и единственное счастье в этом мире, и она заставляет нас рассматривать расставание с этим миром как счастье. Разве человек может найти что-то счастливее этого?

Прощайте, мой дорогой Павел, обнимаю вас с нежностью отца и истинного друга. Весь ваш сердцем и душой П.

На отдельном листке рукой И.Б. Пестеля:

Евангелие от Св. Луки. Глава VIII.

стих 11. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие

стих 12. А упадшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись.

с[тих] 13. А упадшее на камень, это те, которые, когда услышал слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают.

с[тих] 14. А упадшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода.

стих 15. А упадшее на добрую землю, это те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении**.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 6–7 об., 8–8 об.

---

[1] Зять П.Х. Витгенштейна кн. Петр Иванович Трубецкой (1798 или 1800–1871), в 1819–1821 адъютант П.Х. Витгенштейна, в 1821 флигель-адъютант, впоследствии сенатор, генерал-лейтенант, смоленский и орловский военный губернатор.

---

* Две строки со словами «что было время... ответить вам лишь тем...» на полях отчеркнуты двумя линиями карандашом. Вероятно, это место привлекло внимание при разборе писем в Следственном Комитете.

** Выписка из Евангелия сделана И.Б. Пестелем по-французски. Приводится в синодальном переводе.

[2] Полковник К.С. Снарский в 1816–1818 занимал должность вице-губернатора Волынской губернии.

[3] Д.А. Гурьев был уволен с поста министра финансов 22 апреля 1823 г.

[4] В.П. Кочубей был уволен в бессрочный отпуск 28 июня 1823 г., проживал в своих имениях и за границей, до февраля 1825 г. продолжал считаться управляющим Министерством внутренних дел, а временно управляющим министерством 28 июня 1823 г. был назначен Б.Б. Кампенгаузен.

Е.И. Пестель – Александру Пестелю*

Васильево, 4 июля 1823

Вот минуло два месяца с даты вашего последнего письма, мой дорогой Александр, и это показалось нам тем более долгим, что одно-единственное удовольствие, какое мы имеем в нашем уединении, это получать новости от детей и друзей.

Мы писали вам при отъезде из Пскова. Мы простились с нашими добрыми родными с живым волнением и весьма чувствительной признательностью. **Елиз[авета] Том., Петр Андр[еевич], Александр Андр. и Николай Андр.**[**], Аннетт, Олинька и Катинька Пальчиковы переехали в Станки во вторник после обеда, чтобы провести еще последние сутки с нами, а, чтобы избавить нас в это время от хлопот, Елиз. Том. взяла бразды хозяйства, а мы были ее гостями[***]. Собственные сестры и братья не могли бы сделать ни больше, ни лучше. Все, даже *три* брата, плакали горячими слезами; люди в Станках рыдали..... А мы..... Благослови их Бог, и если когда-либо они будут в печали, то пусть он даст им друзей и утешителей, какими они сами стали для нас. Мы выехали из Станков в среду 13 июня в 4 часа пополудни. Шел проливной дождь, и так продолжалось почти до двух часов утра, когда холодный ветер разогнал облака и принес довольно хорошую погоду. Прибыв на следующее утро в 10 часов в **Порхов**, нам объявили, что две передние рессоры кареты сломались!! Их чинили до 10 часов вечера, и мы принуждены были провести целый день в прибежище, за которое хозяин, большой старый немец с добродушным лицом ободрал нас как еврей, за *отвратительный* обед для нас и людей заставил заплатить *26* рублей! На следующий день та же история: сломавшаяся рессора задержала нас еще на 6 часов, а проехав одну станцию, она оказалась снова сломанной. Было 6 часов вечера, мы находились на **Михайловском Погосте**. Приехав туда, мы весьма любовались красивым деревенским домом, выстроенным целиком из камня, желтым, в два этажа, который издали господствовал надо всей местностью. Станция зато имела лишь остов дивана и полустол; и там предстояло провести ночь. Человек на почте, принадлежащей собственнику земли, сказал нам, что кузнец в 2 верстах в доме хозяина, что починить карету можно там и весьма уговаривал нас отправиться туда на ночь, уверяя, что его хозяин будет очень рад нас принять. Потратив час на хождение взад-вперед и переговоры, мы наконец решились на то, к чему принуждали обстоятельства. С чрезвычайной услужливостью запрягли лошадей в карету, мы сели туда, наш услужливый сел верхом, чтобы проводить нас, и мы прибыли в... большой желтый дом, где были встречены у подножия лестницы... молодым Алексевым, племянником Кат[ерины]

* Письмо адресовано Александру Пестелю, но хранилось в бумагах Павла Ивановича. При подшиве в дело последний лист этого письма был отделен и подшит далее как отдельный документ.

** Во всех трех случаях первоначально было написано «Павл.», потом зачеркнуто и над строкой приписано «Андр.».

*** Е.И. Пестель употребила здесь немецкое слово «gastes», написанное тем же почерком, что и французский текст (т. е. не немецким готическим курсивом, которым она обычно пользовалась при написании немецких слов).

Дм[итриевны], который был в пансионе в Царском Селе у Куницина[1] и даже некогда пил у нас чай. Он принял нас превосходно, дал нам апельсинов, сухого варенья, чаю (мы не хотели ужинать, но всех наших людей обильно накормили), хорошие постели, Софье и мне в большой гостиной, батюшке в комнате, которую занимает сам господин и которую он освободил. На следующее утро, выпив чаю, он еще подал нам большой завтрак à la fourchette, и мы отбыли в 8 1/2 утра, хорошо заплатив и офицеру, и кузнецу, работавшему всю ночь. Несмотря на это, понадобилось снова чинить эту несчастную рессору в Велиже, откуда мы выехали в 2 часа ночи под проливным дождем, длившимся всю ночь. В Смоленске, куда мы прибыли в 2 часа ночи, мы остановились лишь на 12 часов. Батюшка сделал визит губернатору и сходил уладиться с почт-директором и аптекарем, Софья и я заказали башмаки, мы купили превосходнейший белый хлеб (которого по-родственному заранее прошу вас привезти нам 15 штук свежего, когда вы поедете к нам) и поехали на первую почтовую станцию между Смоленском и ***Красным***. Оттуда мы поехали с почтовыми лошадьми в Васильево, куда добрались с большим трудом, поскольку никто не знал дороги, наша карета ломалась при каждом толчке, а дороги были ужасающие. Наконец в 8 часов вечера мы совершили триумфальный вход в наш замок, где были приняты плачущей бонной, ее мужем и детьми, бывшим управляющим Васильева (который покидает нас сегодня) и старым дедушкиным Ипатом.

Поскольку вы с Павлом сообщаете друг другу письма, вы увидите, что я пишу ему о наших землях и нашем *замке*. Надеюсь, это не отвратит вас от поездки сюда, а мы постараемся сыскать здесь достаточно шкафов, за которыми можно сделать вам *квартиру*. Приезжайте когда угодно, мой добрый друг, вы будете очень дорогими гостями, и мы ждем вас с нетерпением. Ваш превосходный батюшка, который благодаря Бога чувствует себя *сносно*, слишком занят, чтобы написать вам сегодня. Так что он поручил мне передать вам все нежности, которые хочет вам сказать. Софья также, и она все еще ждет письма, которое вы хотели написать ей четыре месяца тому назад. Дай Бог, чтобы присутствие императора в ваших краях было полезно для вас и для Павла и чтобы вы приехали к нам вполне довольными. Прощайте, дорогой и добрый друг. Обнимаю вас и благословляю от глубины сердца как лучший ваш друг и нежная мать Е.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 146–147 об., 158.

[1] Алексеев – лицо не установлено. Куницин Александр Петрович (1783–1840), адъюнкт-профессор нравственных и политических наук, в 1811–1820 преподавал в Царскосельском лицее, читал лекции и выпустил книгу по естественному праву.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 4 июля 1823

Наконец-то я пишу вам из Васильева, мой дорогой и добрый друг Павел. Вот уже две недели как мы прибыли сюда после путешествия, некоторые подробности которого я описала Александру, который несомненно покажет вам мое письмо.

Мы были очень рады обосноваться у своего очага. Благодаря Бога, мы нашли крестьян в хорошем состоянии и самыми зажиточными во всей губернии, настолько о них заботились, но также мы и не получили ничего. Мы приехали сюда с 78 руб. 30 коп. в кармане и еще продали овса на 500 руб. С этой суммой мы должны прожить по крайней мере до нового года! Так что будем считать огарки свечей, глотки вина (плохого), которое иногда необходимо нашим старым желудкам, на-

конец все, что нужно *покупать*, и к несчастью, несмотря на все лишения, каким мы себя подвергаем, есть много вещей первой необходимости, которые нельзя не купить. Положение деревни прелестно, леса прекрасны и хорошо сохранялись; поля хорошо возделаны, лугов недостаточно, и если бы мы могли располагать десятью тысячами рублей, чтобы купить продающийся участок, доход увеличился бы по крайней мере до четырех тысяч рублей; но где их взять? Дом, выстроенный в античном вкусе, довольно крепок, насколько можно этого ожидать от деревянного дома 50 лет, сильно осевшего с одного угла. Он такой маленький, что мы здесь в *чрезвычайной* тесноте. Стены из простых брусьев не покрыты вовсе ничем. Двери и окна не крашены, не имеют *вовсе* ни замков, ни запоров. И вот как нам придется остаться на всю зиму, ибо где взять 2 т[ысячи] р[ублей], которые понадобились бы, наверное, чтобы устроить и немного расширить дом? Это малоприятно сейчас, но ужасает ввиду зимы, от которой дом вовсе не защитит. Не говорю вам об изоляции, в какой мы живем. Мы не видим никого и никого не знаем, и не считая визитов, которые нам, быть может, нанесут некоторые дальние и незначительные соседи, наш круг сократился до нашего трио. Я мало пользуюсь прогулками. Из-за своих ног и груди я хожу с трудом; не сажусь больше на лошадь, а дороги плохи и узки, так что экипаж, остающийся в моем распоряжении – это **дрожки** *без* рессор, которые мы нашли здесь. Батюшка и Софья садятся на плохих упряжных лошадей, не выдрессированных для верховой езды. Вот наше существование! Оно весьма печально!!! Все же мы имеем удовольствия: наши крестьяне не несчастны, и мы едим лесную землянику и грибы, которые находим превосходными. Насушили земляники, из которой получается превосходный чай от насморка, и есть уже небольшая доля и для вас, мой добрый друг, как и превосходная свежая крупа, только что изготовленная, которую я надеюсь вручить вам этой осенью. Я еще сделала немного земляничного варенья, но это не очень хорошо и требует сахару, а на что его купить, когда наш маленький запас подойдет к концу?

Лотерея всем вскружила голову, она окончена, но мы еще не знаем итога. Говорят, что **Воротынец** выиграли пять персон, купивших билет вместе[1]. Один из пяти – говорят – это ***цирульник****, живший напротив Кат[ерины] Дм[итриевны] на *Литейной*. Случевский уверяет, что сто тысяч рублей выиграл русский художник Василий, который всегда расписывал наши комнаты в Петербурге!! Для нас пока нет ничего, и я настолько уверена, что и не будет ничего, что не думаю об этом.

Ваш ***почтеннейший батюшка*** чувствует себя сносно. Он очень занят, распечатывая и отвечая на множество поздравительных писем, которые он получил ко дню Св. Иоанна. Это мешает ему написать вам с этой почтой, мой добрый друг, он надеется сделать это в первый же день, а сегодня поручил мне сказать вам миллион нежностей от него, как и поздравить вас с именинами и днем рождения.

Мы много думали о вас 24-го и 29-го числа, мы просили Бога хранить вас и руководить вами; мы взаимно поздравляли себя с тем, что имеем такого хорошего сына, такого хорошего брата, и мы пили за ваше здоровье. 24-го г[осподи]н Альбедильский приехал за 35 верст к нам обедать с одним из своих сыновей[2], который ваших лет, адъютант г[енерала] Мезенцова и уже около двух лет как вдовец, бывши женат около пяти лет! Совсем не как вы, мой старый холостяк. Постарайтесь и решайтесь, ведь вам... *30* лет. Софья вас нежно обнимает. Она в высшей степени рада вас повидать, но мы все с трудом понимаем, как сможем достойным образом принять г[осподи]на полковника в нашей маленькой хижине. Надо, дорогой мой, чтобы вы точно сказали, когда приедете и когда сможете быть здесь. Прощайте, дорогой друг. Пишите нам поскорее и почаще. *Единственное* удовольствие, которое мы можем здесь иметь, это

* Написано над зачеркнутым «жестянщик».

получать новости от тех, кто нам дорог. Обнимаю вас и благословляю от всего сердца. Борис имеет у Кангрина* место в 2000 руб. и казенную квартиру в доме, где живет министр; он говорит, что это в ожидании лучшего. Дай Бог. Воло проводит лето в **Чухонской деревне**.

Адресуйте нам ваши письма прямо в Смоленск, ничего не прибавляя.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 148–150 об.**

---

[1] Речь идет о выигрыше Головинской лотереи, главным призом которой было имение Воротынец (см. примечание к письму И.Б. Пестеля от 19 мая 1822 г.) Главный выигрыш, действительно, получили пять человек. По словам одного из организаторов лотереи К.Я. Булгакова, «Воротынец достался: 1) купон купцу Верани в Одессе (он женат на родственнице Мишо); 2) вдове Тромпи, сестре жены здешнего Гиделлы, что на Невском проспекте; 3) шестидесятилетнему присяжному в байковой конторе, человеку одинокому, который, верно, имел не более двухсот рублей жалованья и который только желает офицерский чин; 4) доктору, также шестидесятилетнему и одинокому; он сбирается много сделать полезных заведений, и 5) Закревскому, поляку, поселившемуся в Одессе» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. М.: «Захаров», 2010. С. 300).

[2] Обер-гофмейстер П.Р. Альбедиль (Альбедильский, Альбединский) законным образом женился только в 1817 г. на баронессе Трушесс фон Вальбург, до этого имел несколько внебрачных сыновей, об одном из них и идет речь. Ровесником Павла Пестеля был Павел Петрович Альбединский (р. 1793), в 1823 штабс-капитан л.-гв. Конно-егерского полка, адъютант генерал-майора Мезенцева, около 1824 женился на княжне Наталье Кирилловне Багратион.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 31 июля 1823

Ваше письмо от 5-го числа сего месяца пришло к нам позавчера, 29-го. Мне кажется, оно шло до нас довольно долго. В остальном я получил его неповрежденным. Благодаря Бога, вы здоровы и ничто не мешает вам проявлять всю необходимую для службы деятельность. Будьте уверены, дорогой и добрый друг, что служебное рвение вознаграждается и что никто на свете не сможет в вас усомниться и ничто не опозорит. Чистая совесть, *собственное* удовлетворение от того, что делал добро и был полезен, – суть превыше всяких наград, и часто даже вместо наград получаются огорчения и неприятности. Уважение *людей благомыслящих* для нас тем не менее важно приобрести, а что сделает нам мнение тех, *кто таковыми не являются*? Я всякий день прошу Всевышнего, чтобы он сохранил ваше здоровье, столь для нас драгоценное, и дал бы вам достаточно сил физических и моральных во всех *благих* предприятиях, какие вы предпримете. Дай Бог, чтобы вы благополучно завершили денежные дела с вашим предшественником и чтобы это выпутало вас изо *всех затруднений* этого рода.

Я уже знал о несчастной истории Киселева с Мордвиновым, до вашего письма[1]. Она поистине несчастная, и, хотя не хочу ставить Киселеву в вину, что он дрался, я не могу одобрить того, что он не выстрелил в воздух. Не судя его на основании христианских принципов, я все же полагаю, что как человек светский он мог бы иметь более великодушия и пощадить противника, который был обижен и требо-

---

* Так Е.И. Пестель написала фамилию Канкрина.

** Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 148–148 об., 150–150 об., 149–149 об.

вал драться. Дай Бог, чтобы это дело не нанесло Киселеву непоправимого вреда. Это было бы тем более несчастьем для нашего бедного Александра, потерять начальника в момент, когда тот более всего к нему расположен!!! То, что вы говорите о страхе, какой Александр испытывает перед своим начальником, доставило мне большое удовольствие, лишь таким образом он достигнет привычки быть точным в службе и понимать субординацию, о которой до настоящего времени у него не было представления. Руководите им, дорогой Павел, будьте его наставником и другом, возле него нет никого, кроме *вас*, кто мог бы быть ему полезен в этом отношении, и я благодарю Бога, что он с таким братом и другом, каковы вы, мой дорогой и добрый Павел!!!

Что сказать вам *о нас*, мой добрый друг. Подробности нашего существования лишь удручат ваше сердце, а я предпочту избавить вас от этого чувства. Изоляция, в которой мы находимся (ибо большую часть времени наше трио должно казаться нам существующим в этом мире в *совершенном одиночестве*), не есть величайшая из наших бед и смягчается нашими взаимными чувствами, моим доверием ко Всевышнему, нежностью и возвышенностью души вашей матушки и восхитительным смирением вашей сестры, которое бесконечно превосходит ее возраст. Делает нашу жизнь трудной нужда. Дом, в котором мы обитаем, стоит по меньшей мере 50 лет. Крыша была сделана 2 года назад. Чтобы сохранить ее, ее бы следовало выкрасить, но на это нужно не менее *200 руб.* Стены не штукатурены, это бы нужно, чтобы предохранить нас от зимнего холода, это стоило бы нескольким более *300* руб. Нам остается всего *78 руб. 30 коп.* капитала, с которым мы приехали из Пскова, и продажа последнего хлеба, каким можно было располагать *в этом году*, принесла *510 руб.*, от этих двух сумм у нас осталось *225 руб.*, с которыми надо жить до нового года, не имея в виду никаких денег, которые мы могли бы получить, и в ожидании некоторых неизбежных платежей по процентам в сентябре и октябре. Вот что заставляет беспокоиться и подвергает жестокому испытанию всякую веру и всякое чувство надежды. Но хоть и так, несмотря на это, мое мужество и твердое доверие *к Богу* покидают меня *не всегда*, а если оно колеблется, я прошу в том прощения у Всевышнего, как грешник, грешащий тем более непростительно, что во всякое время возвышенные слова Священного Писания: «*Wenn die Noth am größten ist Gott am nächsten*»* для меня сбывались!!! Заканчиваю об этих материях, которые вас огорчат, и прошу прощения, что так много об этом говорил, хотя и хотел пощадить вашу чувствительность.

Уступаю перо вашей матушке и заканчиваю, благословляя вас и обнимая от глубины сердца, любящего вас *очень, очень* нежно. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Весьма давно, дорогой и добрый друг Павел, мы не получали от вас писем; но Александр предварил нас, что вы были очень заняты и что вы здоровы, поскольку он дважды приезжал к вам и вас не заставал[2]. Да укрепит вас Бог и да помогает он вам до конца. Ваше письмо от 5 июля доставило нам много удовольствия, и мы хотели бы получать его как можно чаще. Вы говорите, дорогой друг, что, *быть может, Бог* поможет нам каким-нибудь образом и что *надежда* все же хороша, хотя бы чтобы ненадолго *одурманить*. Но человек, поддерживаемый религией, не нуждается в *дурмане*. Его *надежда* основывается на *вечности*, а на время, для *этого мира*, у него есть *смирение* и *мужество*, нужное, чтобы перенести все, без надежды на лучшее в этом мире. Вот что делает христианина столь сильным и терпеливым, не способным ожесточиться против людей, которых он рассматривает как орудие провидения и наших обоюдных испытаний, тянущихся цепочкой одно за другим. Между тем попросите вашего Ива-

* «Когда беда велика, близок Бог» (нем. пословица).

на потерпеть немного и одурманиться в ожидании, в некоторой надежде, что первое мое письмо принесет вам полномочия, позволяющие делать из него капусту, репу или человека свободного и... быть может, оттого несчастного. По крайней мере я сделаю все от меня зависящее, но для этого нужны заседатели, время и деньги, а в настоящий момент надо прежде потрудиться исправить путаницу, происшедшую от неосторожности или забывчивости Альбедильского, когда *я* покупала Васильево. Вот что до сих пор мешало мне главным образом осуществить ваше желание на этот счет. Позвольте, дорогой Павел, напомнить вам о киевских вареньях. Сейчас время, когда повсюду их готовят из свежих [ягод] на год, но я не смогла их сделать вовсе, потому... потому... Если вы пришлете мне их, тогда, когда вы приедете к нам, я вас ими угощу и оплачу их вам, поскольку тогда мы, быть может, продадим немного хлеба. Урожай очень хорош, но у всех будет столько хлеба, что нельзя будет ни много запросить, ни, следовательно, получить денег. Вы отложили свой приезд к нам на зиму, что превратит этот грустный сезон в самый для нас прекрасный. Боже, какая радость будет для нас увидеть вас, обнять вас, говорить с вами, дотрагиваться до вас, удостоверяясь, что это *вы*! Владимир и Амели также предполагают приехать повидать нас этой зимой. Я думаю, будет превосходно повидать **Храповицкого** в Витебске[3]. Если хотите встретиться с ними и воспользоваться этой возможностью их повидать, вам надобно согласовать и сговориться с ними о времени встречи. Если бы еще Борис мог приехать с ними, мы снова оказались бы в сборе. Софья поручает мне сказать вам тысячу нежностей, мой добрый друг, благодаря вас за дружбу. Она по чистой скромности перестала писать братьям. Вы найдете ее весьма выросшей и мало ученой. Увы! Что делать! Борис очень хорош со своим министром и получит казенную квартиру в том же доме, что и он. По существу, это, быть может, лучше для него, чем Воронеж, где он сразу стал бы известен. Прощайте, дорогой добрый друг. Заканчиваю, прижимая вас к сердцу, благословляя вас так же нежно, как и люблю. В первый же день я напишу доброй гр[афине] В[итгенштейн], тем временем поздравьте ее от меня, засвидетельствовав ей мои дружеские чувства.

Приписка И.Б. Пестеля:

P.S. Признаюсь вам, дорогой Павел, что очень радуюсь вас увидеть, и ваш приезд станет для меня днем очень, очень счастливым!!!

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 151–152 об.

---

[1] Речь идет о дуэли начальника штаба 2-й армии П.Д. Киселева с генералом И.Н. Мордвиновым. Мордвинов Иван Николаевич (1783–1823), в офицерском чине с 1799, с 1811 полковник, в 1816 командир 29-го егерского полка, затем командир 2-й бригады 19-й пехотной дивизии, генерал-майор. Находился на службе по март 1822, когда был по инициативе Киселева отстранен от командования бригадой из-за случившегося во входившем в эту бригаду Одесском пехотном полку конфликта офицеров с полковым командиром. В июне 1823 Мордвинов вызвал Киселева на дуэль и был смертельно ранен. По свидетельству декабриста Н.В. Басаргина, адъютанта Киселева и очевидца этой истории, Киселев метил в ноги, но попал Мордвинову в живот (см.: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. И.В. Порох. Иркутск, 1988. С. 63–68).

[2] В июле 1823 Вятский пехотный полк выступил в летний дивизионный лагерь под г. Баром Подольской губернии, где стало известно о назначенном на сентябрь высочайшем смотре войск 2-й армии. Вятский полк для участия в смотре в конце августа вышел из Бара к Тульчину (Плестерер Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка: В 6 т. Белосток, 1903. Т. 4. С. 192–193).

[3] Родственник Амалии Пестель, урожденной Храповицкой. Возможно, имеется в виду Иасон Семенович Храповицкий (1785 или 1786–1851), генерал-майор, в 1821–1829 смоленский губернатор, затем губернский предводитель дворянства.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 27 августа 1823

Минуту назад, мой любезный сын и друг, я получил ваше письмо от 3-го числа сего месяца и *две тысячи рублей*, которые вы нам послали. Я очень, очень живо тронут вашим поступком – он достоин нежности, какую вы питаете к своим бедным родителям, и я останусь признателен вам на всю жизнь. Я прежде всего простерся у ног Всевышнего, благодаря Его со слезами на глазах за то, что дал мне такого сына, *как вы, мой дорогой друг*, и что через *вас* спас нас из ужасного затруднения, в котором мы находимся. Благодаря *вам*, мы будем иметь жилье в эту зиму; мы будем иметь убежище от суровости климата. Этот дом, который вы сделали пригодным для жилья, станет для нас памятником сыновней почтительности. Ах! Дорогой друг! Мой добрый сын! Почему не можете вы видеть меня в момент, когда я пишу вам эти строки! Почему не можете вы читать в моем сердце!! Вы увидели бы там чувства, которые несомненно доставили бы вам удовольствие. Ваша помощь для нас очень значительна, особенно в этот момент, и заставляет нас весьма живо чувствовать признательность, но чувства, которые вызывает ваш поступок, составляют счастье моей жизни, и я могу чистосердечно сказать, что многие годы уже не испытывал такой сердечной радости, и душа моя так ею охвачена, что я не в состоянии выразить, что во мне происходит, я желал бы навсегда остаться простертым перед Спасителем, давшим мне сына, виновника этих восхитительных чувствований. Прижимаю вас к сердцу и прошу Бога, чтобы он всегда сохранял вас под своей святой защитой, счастливым и довольным, на счастье вашим родителям. Дай Бог также, чтобы вы получили какое-нибудь поощрение за все труды, какие вы приложили для своего полка!!! Чтобы имп[ератор] увидел его и остался им доволен, отдав справедливость вашим заслугам!!! Это стало бы новой радостью для меня.

Я очень радуюсь увидеть вас этой зимой, мой добрый друг! Надежда вскорости обнять вас веселит меня*, и я чувствую себя еще способным сделать ваше пребывание у нас приятным и стереть со своего лица печать грусти, которую оно приняло пару лет назад. Мы избежим всего, что могло бы вас огорчить, только придите в объятия ваших родителей, любящих вас, как никогда родители не любили своих детей.

То, что вы говорите об Александре, слишком справедливо. Всегда это было его величайшим недостатком желать оправдать зло, им сделанное. Не может быть речи о том, чтобы в том признаться, дабы нравиться другим; но если не признаваться, будучи проникнутым своей виной, нельзя надеяться исправить ошибку, и это чаще всего случай Александра. Дай Бог, чтобы *вам* удалось его исправить. Я был не очень доволен тем, что он желает ехать с По[...]**. Ему бы следовало избегать всякой связи с такого рода молодыми людьми.

Мне нечего сказать вам интересного отсюда. В настоящий момент мы чувствуем себя настолько хорошо, насколько позволяют наши старые ревматические тела.

Софья нежно вас обнимает. Она была весьма живо тронута вашим поступком и письмом. Она наш достойный спутник во всех несчастьях и большая опора и утешение в нашем одиночестве.

Прощайте, мой добрый, столь дорогой друг, прижимаю вас к сердцу и нежно обнимаю, благословляя также.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 155–156 об.

* В подлиннике «me rend tout gai», написано И.Б. Пестелем с орфографическими ошибками «me grand tout gaij» и над строкой карандашом исправлено рукой Е.И. Пестель.

** Далее вырван клочок бумаги, по-видимому, при вскрытии печати на письме.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 27 августа 1823

Это письмо отправится лишь 30-го числа, но, поскольку мы выезжаем отсюда завтра утром, чтобы провести пару дней у кн[язя] Соколинского[1], живущего в 25 верстах отсюда, я пишу вам заранее, мой дорогой, мой добрый друг Павел, не имея возможности препятствовать своему сердцу послать в такую даль выражение чувств, которые внушило мне ваше письмо от 3-го числа. Прежде всего прижимаю вас к сердцу и благословляю, благодаря Всевышнего, давшего нам такого сына, как вы, дражайший друг. Помощь, которую вы посылаете нам, – это большое подспорье для нас, но я крайне опасаюсь, как бы она не разорила вас в то время, когда вы готовитесь представить свой полк имп[ератору]. Вы не желаете, чтобы мы говорили вам о сделанной вами посылке, но почему хотите вы лишить нас сладостного для родителей удовольствия сказать вам, что вы доставили нам счастье, компенсирующее печали. 2 т[ысячи] руб[лей], которые вы нам преподносите, будут в высшей степени полезны, но для нас драгоценно *чувство*, внушившее вам эту посылку. Это вы, мой друг, первым давший мне познать прелести материнства, вы в дни старости заставляете нас проливать слезы радости и изливаете утешение над нашим грустным бытием. Да благослови вас Бог и вознагради в вас доброго сына и брата. Благодаря вам я буду размещена, и размещена хорошо, на зиму, ибо мы переделываем дом, связывая двумя промежуточными стенами с домиком, пользование которым может стать удобным, а, чтобы иметь возможность исполнить эту надобность до снега, мы наняли рабочих. Слишком поздно уже что-либо отделывать*, но по крайней мере у нас будут комнаты, хорошие печи, **кладовая** и пр. Кроме того, из ваших 2 т[ысяч] р[ублей] надо еще отослать 600 для уплаты процентов Судиенко[2], который должен получить их в апреле месяце и без этого не возобновит срока платежа; и надо заплатить жалованье людям, а у нас на все это оставалось 35 р[ублей], судите, как важен для нас ваш подарок. Не буду больше говорить об этом, чтобы не сердить вас, но этот поступок останется запечатленным в моем сердце и со сладчайшим чувством я благословляю вас, благодарю и обнимаю.

Надо ли мне говорить вам, добрый друг, с каким нетерпением я буду ждать вас и каково будет мое счастье сжать вас в объятиях! Зима, вместо чем пугать меня, станет лучшим временем в этом году для ваших родителей и сестры, которая чрезвычайно рада увидеть вас снова.

Кат[ерина] Дм[итриевна] часто болеет, и я не верю больше, что она долго протянет. Я уверена в ее привязанности к нам, я очень ее люблю, но я не могу оправдать ее поведения с дочерью, которая слишком хорошо знает, *кто* такие девочка *и* мальчик, из-за которых ее невзлюбили и из-за которых с ней даже плохо обращаются[3]. Каролина и м-ль Виллерс также много потрудились для того, чтобы сделать ее жизнь трудной. Гувернантка ушла пару недель назад, но экономка остается и невообразимо дерзит. Аннетта не обладает любезным характером и трудна в обращении, хотя имеет доброе сердце, но также она очень несчастна, и я думаю, часто сожалеет, что не осталась при разделе с отцом[4]. Наконец, нет способа заставить Кат[ерину] Дм[итриевну] внимать разуму, ибо она как никогда убеждена, что знает и делает все лучше всех на свете. Так у нее не станет истинных друзей, а у ее дочери – приемлемых претендентов.

Я всем сердцем желаю, чтобы плохая погода не сказалась на вашем здоровье, чтобы ваш смотр окончился счастливо, чтобы были замечены ваши труды и принесенные ими плоды; наконец, желаю вам всяческого благословения небес, и, повторяя вам еще раз, до какой степени я была тронута чувствами, которые вы нам выражаете с такой нежностью, и жертвой, которую принесла нам ваша сыновняя

* В оригинале stuquer – отделывать под искусственный мрамор.

заботливость, я обнимаю вас, дражайший друг, и благословляю со всей нежностью, на какую способно мое сердце.

Не думайте, дорогой Павел, что мы забыли о вашем Иване. Мы запросили и ожидаем из Смоленска необходимые бумаги, и первое же мое письмо принесет вам, надеюсь, акт о его освобождении. Борис пишет нам еженедельно, с подробностями, нежностью и простотой. Он здоров и очень хорош со своим министром. Он назначен **управляющим 1-м отделением Департамента Внешней Торговли**, и как только нынешний начальник г-н Ассьер получит другое место[5], Борис будет **утвержден настоящим***. Дай Бог, чтобы все это обратилось к лучшему и чтобы он повторял все время: *не вводи нас во искушение, но избавь нас от лукавого*. Владимир с женой здоровы – полагаю. Последнее их письмо было от 20 июля!!!.... Они любят друг друга, довольствуются друг другом и не нуждаются ни в ком на свете, разве что, быть может, в г-не **Храповицком**-отце. Да поддержи их Бог в радости! Александр очень признателен за прекрасную коляску, которую вы ему дали.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 153–154 об.

---

[1] Не ясно, о каких соседях Пестелей идет речь. В письмах идет речь о князьях Соколинских или Соколинских-Мариных. Однако такие фамилии не известны, существовали Друцкие-Соколинские и Марины, причем только Друцкие-Соколинские являлись дворянами Смоленской губернии и имели княжеский титул. Поскольку Пестели упоминают также княгиню Марию Соколинскую, можно предположить, что их соседом был единственный из представителей этой фамилии того времени, имевший жену по имени Мария: князь Иван Антонович Друцкой-Соколинский (р. 1782), женатый на Марии Николаевне Каховской.

[2] Судиенко – кредитор, лицо не установлено.

[3] Речь идет о детях Реннер, по-видимому, незаконнорожденных детях Е.Д. Власьевой, которые позднее стали воспитанниками И.Б. и Е.И. Пестелей (см. письма 1825 г.)

[4] Супруги Власьевы жили врозь.

[5] Ассиер Андрей Михайлович, коллежский советник, начальник 1-го отделения торговых внешних сношений. Б.И. Пестель, также имевший чин коллежского советника, 14 июня 1823 получил вакансию чиновника особых поручений в Департаменте государственных имуществ с оставлением при прежней должности, 15 октября назначен исполняющим должность начальника 1-го отделения по Департаменту внешней торговли, утвержден в этой должности 8 августа 1824.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 24 ноября 1823

Спешу ответить на ваше письмо, мой добрый друг. Оно от 3-го числа сего месяца и я получил его вчера из Петерб[урга]. Еще раз поздравляю вас с успехом на смотре. Благодаря Бога, ваши труды были по меньшей мере увидены и признаны[1]. Первое известие, полученное нами об этом, пришло с письмом графини Витгенштейн к вашей матушке. Затем Александр повторил нам эти добрые новости, затем нам написали из Петерб[урга], что Александр был помещен в гвардейские егеря[2] и что вы имеете *две* благодарности в ***приказах***. Затем нам написали из Петерб[урга], что вы получили земли в Бессарабии, но что указа не видали, а что *до Александра*, то было сказано ***повременить***! Я уже получил **приказы** до 6-го числа этого месяца, и там нет ничего об Александре! Не постигаю, что могло вызвать эту перемену, но счел необходимым вас об этом уведомить как можно скорее, чтобы вы приняли свои меры, если есть что принимать, с добрым Киселевым, которым вы столь довольны и которого я за это люблю всем сердцем.

---

* Выделенные слова написаны по-русски в именительном падеже.

В последнем **приказе** от 6 ноя[бря] сказано: **Генерал-адъютанту к[нязю] Мещикову состоять по Министерству иностранных дел**[3].

Я не сомневаюсь, что Киселев не слишком хочет хлопотать об определении Александра в кавалергарды, но какие он будет иметь способы о нем просить, если он не только не будет более находиться при нем, но даже не в армии, где он глава Главного штаба? Если Александр мог быть при обязанностях адъютанта и если, чтобы удовлетворить свои нужды, Киселев мог просить для него награждения, почему же он не мог с тем же успехом быть его адъютантом? Для Александра не будет благом находится в полку конных егерей, если он окажется вынужденным удалиться *от вас*, и даже находиться в этом полку, ибо там офицеры или игроки, или пьяницы, к чему их приводит великая праздность, в которой они пребывают, будучи рассеяны по деревням. Я предварил вас обо всем этом, как покровителя вашего брата, уже выказавшего к нему столько доброты и братских забот. Вы хорошо знаете его. Судите, не большой ли риск поместить его в дурное общество, особенно товарищей такого рода?

Я прочел рескрипт имп[ератора] к графу Витгенштейну, написанный после смотра. Он лестен для всех вас, но что меня удивляет, это что в **приказах** нет никаких *личных* награждений по 2-ой армии, кроме Киселева, сделанного генерал-адъютантом. Не знаю, было ли обо всех наградах по второй армии сказано ***повременить***, или об *одном Александре*.

Поскольку мы имеем надежду вскоре вас обнять, не хочу обсуждать с вами наше существование, о котором вы, кажется, не очень хорошо знаете, коли думаете, что нам *здесь*, может быть, приятнее, чем в Петерб[урге]. Вы сами убедитесь в обратном.

Я не пишу Александру, поскольку писал ему недавно. Обнимите его от меня нежно. Я же обнимаю вас, благословляя от глубины сердца. П.

P.S. Предлагаю вам взять путь через *Оршу*. Вот ответ от почтмейстера этого города, который докажет вам, что он предупрежден о вашем приезде и ждет вас. Поскольку Случевский взял отпуск и уезжает из Петерб[урга] на некоторое время, вы хорошо сделаете, если перестанете адресовать ему ваши письма и будете посылать их прямо почтмейстеру в *Оршу*, вот его адрес: **Его благородию господину оршанскому почтмейстеру Иосифу Ивановичу Хлусовичу**[4]**. *В Орше***[*].

Приписка Е.И. Пестель:

Наконец, мой дорогой и добрый друг, после трех месяцев молчания (ваше последнее письмо было от 3 августа), мы получили письмо от 3 ноя[бря]. Я давно ждала вас, дорогой друг, а теперь весьма рада, что вы приедете позже. Мы по крайней мере будем иметь счастье провести новый год с вами, что для меня будет наилучшим предзнаменованием на год, который мы начнем с *вами*. Быть может, и даже очень вероятно, что Владимир и Амели также будут здесь, и мы почти соберемся семьей, за исключением дорогого Бориса, о котором я буду весьма сожалеть. Вы не сомневаетесь, **душечка**, как я была тронута и горда вашими успехами и как часто благодарила Бога за утешение, которое он дал нам в вас!! Да благослови и награди он вас. Благодарю вас за варенья, которые вы хотите привезти сами, но весьма опасаюсь, как бы вас не затруднил довольно большой ящик; а сами вы будете сладчайшей конфеткой, какую только можете мне привезти. Вот то, что итальянцы называют *concetto*[**], но это идет от сердца и очень искренне. Батюшка говорит вам, мой добрый друг, о полку конных егерей; я знала оттуда четырех офицеров, которых видела в Штиглице, и по ним можете судить, хорошо ли исполняют службу в этом полку и есть ли там все возможные средства стать дурным подданным. Первый – штабс-капитан Шмидт, славный мальчик, богат, но скотина и невежествен, как могущественен Бог. Он

---

* Рядом с этим письмом хранится отдельный листок (л. 11), где рукой И.Б. Пестеля по-русски повторен тот же адрес. Весь постскриптум отчеркнут карандашом на полях, вероятно, при чтении в Следственном комитете (см. ниже прим. 4).

** Концепция, идея, метафора (итальянский яз.).

два раза был в Шитглице на 8 и 15 дней. Второй – лейтенант Леонтьев, прекрасный Леандр, любезный трубадур, играющий на гитаре, поющий русские романсы (французский он знает очень плохо), вежлив, славный малый; он был в Шитглице и среди множества прочих разъездов провел 6 месяцев близ Москвы. Затем идут два Кожевниковы, племянники Пальчиковых[5]. Это два брата, нежно привязанные, имеющие ум, познания, храбрецы **отважные** и любящие заниматься. Я видела их четыре раза в Штиглице, и, хотя они имели позволение только на 8 дней, они оставались там 2, 4 и до 8 и 10 недель, не в силах решиться покинуть своих кузин; кроме того, они провели четыре месяца в Москве у матери, а с нашего отъезда из Штиглица они уже провели там пару месяцев. Вот каким образом там служат. Эти господа все четверо говорят, что в полку нечего делать, что они рассеяны далеко по деревням и что те, кто не имеет средств или повода отлучиться, проводят время в пьянстве, игре, курении, сне. Судите, какой пропастью это будет для Александра, который столь мало любит занятия, что предпочитает стыд (непростительный в наши дни) писать как лакей, нежели заниматься грамматикой, и хотя бы орфографию иметь, как пристало приличному молодому человеку, не говоря уж о прочих познаниях, которых у него вовсе нет. Если добрый Киселев может перевести вместо того в кавалергарды, Александр, еще не перешедший в молодую гвардию, по крайней мере не пробудет долго в своем полку. Смотрите, мой добрый друг, что вы и ген[ерал] Киселев сочтете возможным с вашими благоразумием и доброй волей сделать с этими сведениями. Я жду вас с нетерпением, мой добрый друг; ваша маленькая келья, вновь отстроенная, готова, постель сделана, и если вы не будете хорошо размещены, то, значит, лучше сделать мы не могли. Для Владимира и Амели я приготовила угол в гостиной за ширмами. А если госп[один] Борис приедет, к чему я его очень призывала, у него тоже будет свой угол. **В тесноте люди живут**, особенно, чтобы быть с теми, кого любят. Прощайте и до свидания. Прижимаю вас к сердцу и благословляю. Софья передает вам нежные приветы. Обнимите за меня невежественного, но все же столь дорогого Александра.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 9–10 об.

---

[1] Смотр войск 2-й армии в Тульчине в присутствии Александра I прошел в сентябре 1823 г. Император остался очень доволен состоянием армии, похвалил он и Вятский пехотный полк, сказав «Превосходно, точно гвардия», выбрал из полка шестерых рядовых для гвардии, раздал отличившимся на смотре солдатам по рублю наградных и пожаловал П.И. Пестелю в награду три тысячи десятин земли (см.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб.., 1904–1905. Т. 4. С. 284–286; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подг. И.В. Порох. Иркутск, 1988. С. 70–73; Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 418; Плестерер Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка: В 6 т. Белосток, 1903. Т. 4. С. 194–198).

[2] А.И. Пестель в 1823 был переведен в л.-гв. Драгунский полк.

[3] Так И.Б. Пестель написал фамилию Меньшикова. Александр Сергеевич Меньшиков (1787–1869), генерал-адъютант, с 1816 директор канцелярии начальника Главного штаба, состоял в свите е. и. в., сопровождал императора в заграничных поездках. 6 ноября 1823 назначен состоять по Министерству иностранных дел, через год уволен от службы «по домашним обстоятельствам». Вернулся на службу в январе 1826, впоследствии адмирал, начальник Морского штаба, участник русско-турецких войн, член Государственного совета.

[4] Возможно, именно упоминание И.И. Хлусовича послужило причиной того, что данное письмо оказалось среди отложенных при разборе бумаг в Следственном комитете. Дело в том, что среди чиновников комитета был помощник столоначальника провиантского департамента коллежский секретарь Г.О. Хлусович, совпадение фамилии могло вызвать желание проверить, не существует ли излишне тесной связи между ним и одним из главных подследственных П.И. Пестелем.

[5] В 1823 в л.-гв. Конно-егерском полку служили прапорщики братья Кожевниковы Виссарион Львович и Матвей Львович, штабс-капитан Шмит Павел Петрович и штабс-капитан Леонтьев Петр Борисович.

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 14 декабря 1823

Поскольку это вам, дорогой и добрый друг Павел, Александр, в сущности, обязан переводом в гвардию, то к вам я отношу и большую часть своих радости и признательности; и, обнимая, благословляя и поздравляя вас, я благодарю вас за удовольствие, какое мне доставил **приказ** от 26 ноя[бря], который вы должны были уже получить. Это первый, касающийся второй армии, и мы были весьма довольны найти в нем Александра, тем более что начали сомневаться, что увидим осуществление его надежд. Если бы он перешел в кавалергарды, когда просил об этом два года назад, он оставил бы этот полк, как и кирасирский имп[ератрицы], в пору нашей катастрофы, и тогда было бы почти невозможно ему попасть в гвардию. Вот как обычно то, что казалось нам несчастьем или великим затруднением, оборачивается к нашему благу. Сейчас уже 12 лет, как вы вступили в службу тем образом, который так огорчал нас в свое время, особенно в отношении несправедливости, вами испытанной; и вот, если бы ваш выход из Пажеского корпуса был таков, какого все ожидали, вы вступили бы в Семеновский и либо разделили бы нынешнюю немилость, или, что еще прискорбнее, вы стали бы, быть может, как прочие, ненужной жертвой, принесенной при Бородино. И не стали бы теперь нашим утешением, нашей радостью, и мы не ждали бы вас с нетерпением, чтобы прижать к сердцам, переполненным столь живой нежностью к вам и столь заслуженной! Но когда же настанет этот столь желанный момент? Судя по тому, что написал нам Александр 21 нояб[ря], кажется, что это случится не так скоро. В то время, когда вы надеялись отдохнуть на *ваших лаврах*, вас настигло новое затруднение! И какое затруднение, и какие расходы! Не могу вам сказать, насколько я этим огорчена за вас, добрый друг; в конце концов, не будем роптать на благое Провидение, посылающее нам столько благодеяний. В 1798 году *все* наше близкое общество было совершенно разбросано. Бутурлины, Воронцовы, Бороздины, Долгорукие, Разумовские, Спренгпортен и мы сами были будто охвачены порывом урагана, разбросавшего нас во все стороны[1]. В 1799 мы *все* снова оказались собраны в Петербурге и вновь рассеяны через несколько месяцев. Кто знает, не утихнет ли так же буря 1822, и мы через некоторое время окажемся живущими в одном городе или крае! Владимир остался в покое в Пет[ербурге]. Борис, который должен был обосноваться в Рязани, был удержан в Пет[ербурге]. Александр приближается к тому, и утверждают, что вас жела*ют* иметь там и что вам это сказа*но*? Кат[ерина] Дм[итриевна] тоже пишет нам, что от нас вы должны будете ехать в Пет[ербург], но я полагаю, что это лишь ненадолго! Ваша *маленькая* комнатка ждет вас уже давно, ее всякий день прибирают, и всякий день я вхожу туда со вздохом. Никто, кроме вас, не должен там жить, и если приедет не знаю кто, мы всегда устраиваем (в мыслях) так, чтобы никого туда не пустить. В конце концов, я уверена, что вам так же не терпится, как и нам, увидеть вас в Васильево.

Софья говорит вам тысячу и тысячу нежностей и ждет вас с нетерпением. Я также, мой добрый друг, и заканчиваю письмо, еще раз обнимая вас и благословляя, как вас люблю.

Приписка И.Б. Пестеля:

Я вполне разделяю все то, что ваша превосходная матушка говорит вам, дорогой и добрый друг Павел. Это вы, и только вы продвинули вашего брата Александра. Это вы устроили его существование после нашей катастрофы. Это также вы сделали так, что ваши мать и отец окажутся однажды прекрасно устроены. Это вы являетесь нашим утешением и надеждой. Бог несомненно возблагодарит вас за это, если вы обратитесь к *Нему* с доверием. *Он* дал мне в том столь поразительные доказательства, что я был бы худшим из людей, если бы не возлагал на Него всю надежду. Все, что он сделал для меня и со мной, есть лишь следствие доказательств его милосердия и милости ко мне. Я на-

столько проникнут этой истиной, что будущее не страшит меня более, и если минуты сомнений и опасений колеблют мое спокойствие, основанное на вере, любви к Богу и надежде на *Него*, то я делаю себе в том величайшие упреки и совесть моя меня осуждает. В настоящий момент я прошу у Него милости обнять вас и благословить как можно скорее. Вы не можете себе представить, как *нашему трио* не терпится сжать вас в объятиях. Приезжайте, и приезжайте довольным и счастливым, дорогой и добрый друг.

«Повременить», остановившее **приказ**, в котором находится Александр, к нему не относилось, это общая мера, причины коей я не знаю. Лично это ни к кому не относилось. Когда вы приедете к нам, мы сможем беседовать все время и обсудить дальнейшие меры, которые надо принять касательно Александра. Вообще нам много о чем есть поговорить и обсудить!!!

Мне пишут из Петерб[урга], что гр[аф] Витгенштейн просит отпуска, чтобы ехать за границу брать ванны. И даже есть об этом в одном из последних номеров, № 191 Гамбургской газ[еты]. Из Петерб[урга] пишут, что он будет заменен графом Милорадовичем, а этот последний, как петербургский военный ген[ерал]-губер[натор] – ген[ерал]-лейт[енантом] Кутузовым. Если это осуществится, тогда вы получите весьма необыкновенного и смешного командующего армией!!! Но говорят, что не *плохого*, т. е. не делающего зла.

Прощайте, дорогой Павел, благословляю вас и обнимаю от глубины души.

P.S. Кстати, я позабыл сообщить вам семейную новость. Это женитьба моего брата *Андрея*[2]. Он сообщил мне о ней совсем коротким письмом следующим образом: Ich bin Bräutgam, mit einer demoiselle Elisabetha Petrovna Sagriasky, ihre Mutter hat nach dem tode ihres ersten Mannes, den Senator Vice Admiral Scheschoucov geheyrathet, Diese Heyrath ist ganz unvermuthet gekom[m]en. Ich bitte selbige Elisabetha Ivanovna mitzutheilen. Gib mir lieber Bruder deinen Segen zu selbiger u[nd] bethe für mich*. Бринен сказал мне об этой свадьбе, что она была устроена без ведома всей нашей московской семьи, и, хотя будущий тесть Андрея – сенатор того же департамента, что и Бринен, и они видятся ежедневно, Шешуков ничего об этом не сказал Бринену, поскольку Андрей, советовавший держать это в секрете от Бринена до самого момента, когда свадьба будет решена**. Бринен написал мне, что свадьба состоится незамедлительно и что Андрей объявил, что не имеет *никакого* состояния. Он будет жить с женой в доме родителей жены и иметь содержание в 12 т[ысяч] рублей годовых. Когда Бринен был в Петерб[урге], он заверял меня, будто Андрей имеет капитал в 100 т[ысяч] и в 200 т[ысяч] рублей. Что вы на это скажете!!! Благослови их Бог.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 159–161 об., Л. 157–157 об.***

---

[1] Не известно, с кем именно из членов перечисленных фамилий были дружны Пестели. Спренгпортен Георг Магнус (1741–1819), барон, уроженец Финляндии, с 1786 на русской службе в чине генерал-майора, в 1787 возглавил неудачную военную экспедицию в Финляндию, в 1795 генерал-лейтенант, выполнял в Париже дипломатическое поручение по освобождению русских пленных, генерал от инфантерии, в 1802–1803 по поручению Александра I совершил

* «Я обручен с Елизаветой Петровной Загряжской. Ее мать после смерти своего первого мужа вышла замуж за сенатора и вице-адмирала Шешукова. Сия женитьба случилась совершенно неожиданно. Прошу известить об этом Елизавету Ивановну. Дай мне, любезный брат, мне на это свое благословение и молись за меня» (нем. яз.).

** Так в тексте, фраза не согласована.

*** Лист 157 при подклейке в дело разъединен с основным текстом письма, помещен как отдельное письмо под особым номером, к тому же перевернут, так что спутаны оборот и лицевая сторона. Судя по формату бумаги и расположению теста на листках, л. 157 является продолжением данного письма.

большую инспекционную поездку по России, включавшую Сибирь, Поволжье, Кавказ, затем с военно-дипломатической миссией по Средиземному морю. В 1808 помощник главнокомандующего русскими войсками в Финляндии, в 1809 генерал-губернатор Финляндии.

[2] Женой А.Б. Пестеля стала Елизавета Петровна Загряжская (р. 1804), дочь Петра Ивановича Загряжского (1749 или 1763 – 1815), директора дворцовых конских заводов. Шешуков Николай Иванович (1757–1831), вице-адмирал, сенатор и разных орденов кавалер, заседал в 7 Департаменте Сената, как и Ф.А. фон Брин.

1824

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 24 января 1824

Ваше письмо от 28 дек[абря], мой дорогой и добрый друг Павел, содержит, по случаю нового года, пожелания, к которым я весьма чувствительна. В ответ заверяю вас, что мы особенно думали о вас накануне и в день нового года и пили за ваше здоровье, желая вам много счастья и *очень* жалея, что вы не среди нас. Вы желали того, но не могли, а Борис хотел и мог, но его оригинальность и толика упрямства тому помешали. Тем не менее он написал 29 дек[абря], что все еще надеется приехать. С тех пор мы о нем ничего не слыхали, только что он здоров. Если он в пути и если один из ураганов, столь частых этой зимой, подует ему в лицо, он несомненно повернет второй раз на Петербург с середины дороги, даже если это случится за несколько станций до Смоленска*. У него весьма доброе сердце, и если бы рассудок мог привести его голову в согласие с этим добрым сердцем, это был бы безупречный человек ... но....!!! Что печально, это что он еще оригинальнее, еще более пылкий, еще более дурная голова, чем когда-либо, и за несколько лет ничто не изменилось! Быть может, мы еще будем иметь удовольствие его увидеть. Накануне нового года наша молодежь за ужином нашла на тарелках новогодние подарки. Амели – красивый веер и *настоящий китайский* крепон на платье; Владимир – серебряную коробочку для зубочисток; Александр – перочинный ножик; Софья – мое кольцо с бриллиантами и рубинами (память о моем тесте и его отце), а Михаил[1] – печатку-компас! Эти вещицы, извлеченные из наших старых запасов, кажется, доставили удовольствие, особенно по намерению. По приезде Амели дала мне маленькую корзинку для рукоделия из черной латуни, батюшке – мех**, украшенный букетом, нарисованным ею по велюру, и Софье – маленький синий платок. Вот, мой друг, все содержание маленькой программы в Васильево. В остальном, ваш батюшка, письмо которого к вам я только что прочла, так хорошо рассказал вам обо всем, что мне остается лишь поговорить с вами про дождь и ясную погоду. Последняя статья будет очень краткой, ибо достаточно сказать, что мы больше не знаем, что такое хорошая погода. По правде сказать, зима, доставившая столько хлопот по устройству, не сурова, поскольку еще не было более 9 градусов, а обычно от 3 до 5; было бы также довольно снега, если бы он падал прямо на землю. Но что делает сезон и дороги невыносимыми, это бесконечные ураганы, часто сопровождаемые ужасной метелью, так что замерзаешь не от холода, а от ветра, и весь снег согнан и нагроможден возле любой опоры. Дом был бы теплее этой зимой из-за хороших печей, если бы ветер не проникал то с одной стороны, то с другой. В порядке исключения моя комната в эти дни теплая, ибо в остальное время она очень холодная, несмотря на новые хорошие печи (которые одновременно слишком нагревают гостиную), что доказывает, что сюда проникает воздух снаружи. Позавчера барометр опустился до бури, это в самом низу; и только сегодня поднялся, и появилось солнце без оттепели. В деревне особенно чувствуется

* «Смоленска» написано над зачеркнутым «Петербурга».

** Имеется в виду мех для раздувания огня в камине (un soufflet).

важность хорошего климата. На днях я начну показываться, а особенно согреваться в ***шенелке****, сделанной из одной из последних материй, что вы прислали, мой добрый друг, *Софье*. Мне так хотелось ее иметь, что я отказалась от воротника, который было невозможно выкроить, и пришлось довольствоваться меньшим куском для выкройки, но наконец она будет готова, будет меня греть, и я буду носить ее с большим удовольствием на память о вас. Скажите мне, мой **душинька****, такой же ли у вас завтрак, пьете ли вы ячменный кофе или земляничный чай, подают ли вам какой-то зерновой хлеб? Мы же еще едим понемногу ваши варенья, пьем ваш сироп, и иногда (но весьма редко) я велю подавать вашему бедному батюшке, у которого всегда плохо с кишечником, вашего рейнского нектара, который он все хочет беречь. Ах! сколько напоминаний о вас нас окружает непрестанно, не говоря о тех, что находятся в глубине наших сердец! Я часто смотрю на ваш портрет и сержусь, не находя его достаточно похожим. Приезжайте, чтобы я сделала другой, а потом уезжайте прочь!! Я забыла сказать вам, что за 10 дней, когда ваши братья были здесь, дважды были гости, потом большие русские новогодние молитвы, день недомогания Амели и утро конфирмации. У меня было время сделать портреты Владимира и Амели, которые находят очень похожими, особенно портрет Амели, где сходство, признаюсь, поразительное, как и в портрете Бориса, этим все сказано. Я наконец написала на этот раз к гр[афине] Витгенштейн, что мне следовало сделать уже давно; но лучше поздно, чем никогда.

Если ваше письмо доставило нам удовольствие во многих отношениях, то оно весьма огорчило нас в отношении вашего безденежья! Которое было бы не столь велико, если бы вы не сделали столько для нас и для Александра за два года! Этот бедный мальчик сейчас самый бедный дьявол из всех вас, поскольку Борис был бы сейчас в весьма хороших простынях, если бы сам не рвал их все время! Помоги вам Бог, мой добрый друг, в ваших затруднениях, и да будь Он вам руководителем и покровителем во всех случаях жизни. Это благословение, которое дает вам, обнимая от всего сердца, ваша нежная мать Е.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 162–163 об.

---

[1] Михаил Петрович Храповицкий, брат Амалии Пестель, позднее в 1864–1880 витебский губернский предводитель дворянства.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 10 марта 1824

И вот рассеялась эта краткая счастливая греза, столь долго ожидавшаяся! По крайней мере, мы надеемся на ее скорое возобновление, а в ожидании того, следуя песне, умеем *наслаждаться воспоминанием*. То, которое вы оставили нам, мой дражайший и добрый друг, есть сладчайшее из того, что Провидение могло нам послать, и мы ежедневно благодарим за это. Не дожидаясь вознаграждений, которые сулит нам Вечность, вы должны уже сыскать в собственном своем сердце таковые от вашего поведения с родителями, чувства которых вполне платят за ваши. Наш кучер, отвозивший вас на станцию в Капреньево, дожидаясь возвращения ваших **ямщиков**, привез нам одновременно вашу первую записку и известие о вашем прибытии в Смоленск, о котором он рассказал то же самое, что вы нам затем написали. Теперь мы с нетерпением ждем новости из Петербурга о вашем благополучном прибытии. Дай Бог, чтобы

---

* Так в тексте, слово написано по-русски.

** Слово в подлиннике написано без мягкого знака.

вы хорошо проделали путешествие и хорошо уладили свои дела и чтобы вы вскоре вернулись, неся в наше уединение счастье, радость и здоровье, которые ваше присутствие привносит, как весеннее солнце оживляет всю природу. Скажите от меня тысячу нежностей вашим братьям, сестре Амели и доброй кузине, о которой я беспокоюсь, не имея от нее писем уже месяц. Я написала **Яхонтовым** и **Пальчиковым**, что вы им кланяетесь и что вы очень хотели и даже намеревались навестить их на пару дней, если бы это было возможно, но что я в этом сомневаюсь. И вот вы, мой добрый друг, одновременно и извинены, и объявлены, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Что сказать вам о нас, дорогой Павел? После вашего отъезда мы вернулись к обыкновенным занятиям нашего монотонного одиночества: батюшка садится верхом с приключениями, я немного гуляла по галерее; возобновились мои мелкие и сильные боли; Софья в свободное время занята расчисткой маленького **палисадника** и своего островка; и мы думаем о вас и говорим о вас для успокоения постоянно. Несомненно, мой добрый друг, если мы можем быть удовлетворены тем, что происходит для нас в вашем сердце, вы можете также быть довольны тем, что чувствуют к вам наши сердца. **Сердцо сердцу весть подает***: следовательно, не буду более ничего говорить вам о своих чувствах к вам, только что я вас обнимаю и благословляю, как вас люблю.

P.S. Вы хотели подарить Софье помаду в качестве пасхального яйца; вместо этого подарка, который она сама может заменить, подарите ей лучше ракетки с воланами. Она часто жалеет, что у нее их нет. Так что будьте уверены, что доставите ей удовольствие и одновременно обеспечите благотворное упражнение. Надеюсь обязать вас, делая это замечание.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 166–167.

И.Б. и С.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васи[льево], 11 марта 1824

Ваши записки из Карытино и Смоленска доставили нам большое удовольствие, поскольку успокоили наше беспокойство насчет путешествия по этим опасным дорогам. Если вы благополучно и безо всяких досадных происшествий прибыли в Петерб[ург], тогда горячие молитвы, которые я непрестанно возношу за вас ко Всевышнему, были исполнены. Ваше пребывание у нас, мой дражайший и добрый друг, пролило бальзам на наши сердца и усилило бы нашу нежную привязанность к вам, если бы существовала возможность еще ее усилить. Если бы вы могли читать в моем сердце и видеть все, что там предназначено вам, *мой дорогой сын*, вы были бы весьма довольны нежными чувствами, какие я к вам питаю. Провидение несомненно воздаст вам за все добро, что вы сделали нам, и благословение родителей будет с вами, даже если они перестанут существовать!!!

Ваш отъезд оставил большую пустоту в нашей хижине, и мы продолжаем как прежде влачить наше уединенное существование, лишенное всякого сообщения с миром. Ваша матушка наверстывает свои занятия с Софьей, и здоровье ее снова таково же, как было до вашего приезда. Я работаю и делаю упражнения, которые есть вещь необходимая для моего здоровья, решительно требующего воздуха и движения. Я ездил верхом три дня подряд, а поскольку у всех наших лошадей ноги сбиты, мой однажды упал на колени, так что я не пошевелился, а он поднялся и пошел дальше; в другой раз он совсем упал и лег на мою левую ногу, поднялся и убежал к дому. Я же вернулся пешком, весь измазался, но без малейшего вреда для себя. Переменил туалет, снова сел на лошадь и сделал двухча-

* Так в тексте. Фраза написана по-русски.

совую прогулку, весьма для меня полезную. Дороги ужасны, и, поскольку лед покрывает ямы, их совершенно не видно, пока не сломаешь лед и не провалишься.

Я с величайшим нетерпением жду ваших новостей из Петерб[урга]. Дай Бог, чтобы вы прибыли целым и невредимым! И чтобы вы остались довольны всем, что для вас сделают, и вернулись бы в наши объятия *совершенно* удовлетворенным своим пребыванием в столице.

Прощайте, лучший мой друг, дражайший мой сын. Нежно прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души. П.

P.S. Обнимите за меня братьев и дорогую Амели, как и Кат[ерину] Дм[итриевну][*].

Приписка С.И. Пестель:

Мой дорогой и добрый друг Павел,

Как я сердита, что вы нас уже покинули! Время вашего пребывания было столь коротким и столь счастливым для меня! Бесконечно благодарю вас за то, что осведомились насчет канарейки, и не упущу поручить управляющему в первый же раз, как он поедет в город, купить мне самочку. Прощайте, мой добрый друг, возвращайтесь скорее и верьте, что никто не может любить вас искреннее, чем ваш истинный друг и нежная сестра С.П.

Множество нежностей от меня братьям, сестре и кузине, как и ее дочери.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 168–169 об.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 18 марта 1824

Я возношу искреннейшую благодарность и самые горячие молитвы Всевышнему за ваше счастливое прибытие в Петерб[ург]. Пусть все ваши дела устроятся совершенно по вашим желаниям, и вы вернетесь к нам здоровым, невредимым и довольным своими успехами.

Поскольку письмо, которое я смогу послать со следующей почтой (через восемь дней) может уже не застать вас в Петерб[урге], спешу поговорить с вами еще о *моих собственных делах*. Перед вашим приездом к нам, находясь среди всех затруднений, вам известных, я поручил Трескину снестись со сведущими лицами о шагах, какие нужно сделать, чтобы улучшить хоть как-нибудь мои расстроенные финансы. Нератов[1] написал мне 8-го числа сего месяца, что со следующей почтой он пришлет мне перебеленное письмо, которое я задумал послать е[го] в[еличеству]. Тем временем я решился на демарш перед Канкриным. В случае, если он не будет иметь успеха – или если Канкрин не пожелает даже за это взяться, – *что делать*? Постарайтесь, мой дорогой и добрый друг, посмотреть упомянутое письмо и посоветоваться с Трескиным, надо ли его отсылать или же лучше принять какую-то иную меру, ибо если лица, которым я должен и для которых вы взяли с собой мои письма, не согласятся отсрочить платежи на год, то у меня нож у горла и я не знаю больше, что делать!!! Думаю, что я решусь не делать употребления упомянутому письму, пока вы не приедете сами и мы не обсудим лично предпринимаемые меры. В случае, если письмо вам не понравится, велите его переделать, переписать набело и привезите мне другое, которое покажется вам лучше. Я вовсе не писатель, а переписывая его, я не хотел бы никого в это посвящать *здесь*. Я даже предполагаю отослать это письмо *Кикину*[2] для передачи, ибо не хотел бы, чтобы мой демарш был замечен *на почте*.

---

* В конце листа помета «T.S.V.P.» («Tournez s'il vous plait») – «Переверните, пожалуйста», на обороте листа приписка рукой Софьи Пестель.

Мы все трое чувствуем себя довольно хорошо, т. е. как при вас. Наши умы оживлены надежной вскоре *вас* обнять.

Мы получили письмо от Александра от 3-го числа сего месяца из Петерб[урга]. Я не пишу ему, поскольку полагаю, что письмо не застанет его больше в Петерб[урге], потому что у него отпуск только на восемь дней. У меня есть многое ему сказать, о скорости, с которой он покинул своего *нового начальника*, чтобы отправиться в *совершенно бесполезное* и постыдное путешествие в столицу. Если он еще в Петерб[урге], поговорите с ним об этом и особенно о необходимости делать большую экономию и уметь умерять свои желания. Обнимите его от меня, как и Владимира с женой. Что до Бориса, то я намереваюсь написать ему с этой почтой в ответ на его письмо от 2-го числа сего месяца.

Прощайте, мой дорогой и добрый друг, мой любезный сын. Обнимаю вас нежно и благословляю также. П.

Приписка Е.И. Пестель:

С вашего отъезда мы только и делаем, что подсчитываем, где вы и что вы делаете, дорогой и добрый друг Павел. И сейчас я начинаю уже подсчитывать, когда вы сможете быть здесь, а поскольку остается всего две с половиной недели до Пасхи, или же пятнадцать дней до 1 апреля, я с чрезвычайной радостью заключаю, что через 15 дней вы должны оставить Петербург. Дай Бог, чтобы вы туда благополучно прибыли и окончили свои дела как надеетесь! У нас все эти дни была отвратительная погода, сегодня переменившаяся. Я горячо желаю, чтобы она такой и осталась до Пасхи, чтобы у вас были хорошая дорога и хорошее путешествие. Вчера впервые с вашего отъезда наше глубокое одиночество было нарушено визитом, который нам нанесла после обеда кн[ягиня] Мария Сок[олинская] с маленькой сестрой и гувернанткой. В остальном наше время проходит в учебных занятиях, чтении, рукоделии, как вы можете себе представить. Здоровье наше так себе, и моя голова заставила меня в прошлый четверг провести дурной день; но скоро появятся ясное весеннее солнце и мой дорогой Павел, и здоровье, радость, удовольствия – все пойдет лучше, все оживится. Вы должно быть нашли бедную кузину весьма больной, судя по тому, что она мне пишет, а ее дочь невестой[3]. Она говорит, что Воло и Амели готовятся принять вас у себя. Я полагаю также, что вы видели Леонтьевых-родителей. **Марья Павловна** написала нам от 6-го, что они знают, что Алекс[андр] приехал уже много дней тому назад, но что они его еще не видели! Это не очень мило со стороны Александра. Я также получила от кн[ягини] Белосельской чрезвычайно растроганное и трогательное письмо. Она этим последним письмом делает очень деликатный поступок по отношению к нам, и я уверена, что она испытывает к нам много дружбы. Признаюсь, что мне доставило бы большое удовольствие, если бы вы могли повидать ее хотя бы один раз до вашего отъезда. Софья шлет вам тысячу любезностей, мой добрый друг, она любит вас и уважает бесконечно и чрезвычайно чувствительна к дружбе и доброму мнению, которые вы ей свидетельствуете.

Скажите, прошу вас, множество любезностей от меня Владимиру и Амели. Я напишу Борису, который уже очень нежно меня поздравил с моим праздником и прислал мне кое-что, что я получу завтра или через 4 дня. Подразните его немного относительно экономии слов, которую он делает при письме; он делает ее многократно в каждой строчке, и иногда смысл фразы оттого становится очень темным. *Если* Алекс[андр] еще в Петербурге, обнимите его также и за меня, прошу вас, также как дорогую бедную Кат[ерину] Дм[итриевну] и ее помолвленную. Когда увидите Реманна, засвидетельствуйте ему мою дружбу, скажите, что я не пишу ему больше, потому что у него никогда нет времени для ответа, и, вероятно, даже и времени читать незначительные письма, но что я храню о нем неизменные память и дружбу. Прощайте, мой добрый, мой дражайший друг. Пишем вам в последний раз – за исключением непредвиденных собы-

тий. В ожидании счастья увидеть вновь обнимаю вас мысленно со всей нежностью и нетерпением матери, любящей, благословляющей – и ждущей вас.

Кстати. Нет ли способа, мой добрый друг, привезти мне пару фунтов хорошего лака – ***политура*** – для мебели и несколько пакетов **галанской сажи** по 5 копеек за кулек, это очень хорошо для покраски мебели в черный, смешивая ее с лаком, будь то **политура**, или **лак**. Простите за докучливость! Если это может вас в малейшей степени затруднить, считайте, что я ничего не говорила. Прощайте, или лучше – до свидания.

Приписка И.Б. Пестель:

P.S. Мне только что принесли из Красного письмо, адресованное вам, спешу переслать его вам, прилагаю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 170–171 об.

---

[1] Нератов Михаил Степанович, коллежский советник, экспедитор Петербургского почтамта, жил в Почтовом доме, в 1-й Адмиралтейской части.

[2] Кикин Петр (Варфоломей) Андреевич (1775–1834), в 1812 генерал-майор, дежурный генерал 1-й Западной армии, в кампании 1813–1814 командовал бригадой. В 1815 вышел в отставку, переименован в действительные статские советники, статс-секретарь у принятия прошений на высочайшее имя и член Комиссии прошений. С 1826 сенатор, позднее тайный советник.

[3] Анна Ивановна Власьева (1807–1846), дочь Е.Д. Власьевой, в 1824 вышла замуж за декабриста Ивана Юрьевича Поливанова.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

[8 апреля 1824]*

Поскольку ваш ответ на мое письмо от 19 числа прошедшего месяца должен решить отправление моего письма к е[го] в[еличеству], а я получил от вас лишь одно письмо от 25 марта, и почта от 29-го числа мне ничего не принесла, я только что послал в Смоленск поискать письма, которые должны там быть от почты, ушедшей из Петерб[урга] 2-го числа сего месяца. Я надеюсь их получить, прежде чем отошлю это в город, но тем временем отвечаю на ваше письмо от 25-го прошлого месяца.

Меня очень огорчает, мой добрый и дорогой друг Павел, что я столь занимаю вас своими делами в момент, когда ваше время столь драгоценно для ваших собственных, от которых в некотором роде зависит ваша участь, поскольку для вас очень важно выбрать земли[1] более или менее выгодные!!! Благослови вас Бог и дай вам успеха во всех ваших шагах в вашем собственном деле!! Я буду от того весьма счастлив и доволен!

Несмотря на то что меня огорчает поручать вам свои дела, мне совершенно невозможно не быть вам еще в тягость. К кому еще могу я обратиться с большим доверием, как не к моему дорогому сыну, который одновременно есть мой лучший друг! Вот о чем речь. Вы дали мне надежду обещанием г[осподи]на Мордвинова[2], что Америк[анская] Комп[ания] перепишет мой вексель на год. Добрый Нератов, взявшийся сам отнести мои письма к Политковскому[3] и госп[оже] Неплюевой[4], пишет мне, что первый (Политковский) обещал хлопотать в мою пользу перед Америк[анской] Комп[анией]. Вторая (госп[ожа] Неплюева) согласна переписать. Добрый Борис добился такого же снисхождения от госп[одина] Солового[5]. Так что речь пойдет о выплате процентов, чтобы не потерять полностью мой кредит. Но где взять необходимую для этого сумму?

---

* Датируется на основании упоминания, что письмо написано во вторник, в ожидании прихода почты из Петербурга от 2 апреля, а также поздравления с Пасхой. Вторники в 1824 г. приходились на 2 и 8 апреля, Пасха – 6 апреля.

Я написал Трескину и Миницкому[6] (его зятю), чтобы *последний* одолжил мне *3000 руб.* под вексель, вычтя проценты заранее, – но я не вполне уверен, сможет ли он оказать мне эту услугу, ибо у него случились *неожиданные* расходы из-за младшего брата, взявшего у него значительную сумму. Если этим способом достать денег не удастся, – что тогда делать? Не могу вообразить другого средства, кроме как просить вас воззвать к дружбе к вам *Сергея Шипова*. Не сможет ли он авансировать мне эту сумму на два года, т. е. через год я ему выплачу 1500 руб. и остаток через два года, и с вычетом процентов, какие он сам пожелает назначить. Если вам удастся уговорить его так устроиться, я пришлю мой вексель *на его имя*, а деньги пусть будет любезен передать нашему доброму Нератову, который передаст ему также векселя. Посмотрите, дорогой и добрый друг, какое употребление найдете вы возможным сделать из этой идеи, пришедшей мне в голову, когда я лишен всякого средства уладить весьма срочную необходимость!

По всей видимости, Канкрин вовсе не торопится оказать мне услугу, да я и не очень на это рассчитывал. Он, вероятно, знает, что вы *три раза* были у него. Как не назначить вам день, чтобы принять вас!! Но я отложу разговор с вами на эту тему до тех пор, пока не получу письма, за которыми послал в Смоленск, в надежде, что вы сообщаете мне какие-нибудь решающие новости.

Болезнь дорогой Кат[ерины] Дм[итриевны] огорчила нас так, как вы не можете себе представить! Дай Бог вернуть ей здоровье и сохранить ее хотя бы еще некоторое время. Будет таким несчастьем, если она покинет этот мир в момент, когда она могла бы жить спокойнее, пристроив дочь. Она так необходима бедным детям, которых она *взяла* себе. У меня голова идет кругом, когда я думаю об этих детях!!

Кажется, свыше решено, что Александру не быть в кавалергардах. Быть может, это и к лучшему. Но как он смог так надолго остаться в Петерб[урге]?

Леонтьевы в восторге от вас и искренне вас любят. Во всех письмах они говорят нам о вас таким образом, что это доставляет нам величайшее удовольствие.

Здесь я останавливаюсь и окончу письмо, когда мой посланный привезет мне письма с почты от 2-го числа сего месяца.

Надо все же прибавить еще кое-что. А именно, что Нератов (отец) говорил мне о вас с признательностью за то, что вы согласились взяться за поступление его сына в ваш полк[7]. Мне пришла мысль, которую прошу вас развить и привести в исполнение, если вы сочтете ее удачной и если она понравится доброму Нератову (отцу), которому я хотел бы всячески засвидетельствовать мою благодарность за *все* услуги, которые он не перестает мне оказывать. Не сможете ли вы привезти с собой молодого человека, который должен явиться в ваш полк, *с вами*? Вы избавите отца от расходов и для родителей будет большим утешением видеть, что их сын едет под покровительством своего начальника, тем более что сын никогда еще не покидал родительского дома. Мне пришла эта мысль, оставляю ее на ваше усмотрение, и я ни слова не говорил об этом отцу Нератову.

Приписка Е.И. Пестель:

Прежде чем ваш батюшка примется снова за письмо, я хочу прибавить несколько строк, мой дорогой и добрый друг, чтобы сказать вам **Христос воскрес**. Как мне грустно говорить это только на письме, тогда как при вашем отъезде казалось, что вы наверняка проведете пасхальные праздники с нами. Тем не менее у меня было сильное предчувствие, что вы не приедете, хотя я сама *раскрасила* пасхальное яйцо для вас. Но мы не должны приятно провести никакой праздник! Эти будут еще омрачены беспокойством, причиненным нам болезнью нашей дорогой Кат[ерины] Дм[итриевны], известий о которой мы ждем с нетерпением. – – –Наш посланный только что вернулся из города и не привез *ничего* ни от кого, ни от вас четверых, ни от наших знакомых!! Боюсь, как бы это не было дурным предзнаменованием! Итак, мы остаемся снова в этой жестокой неизвестности до будущей пятницы (сегодня вторник). Поскольку я

полагаю, что вы не можете так сильно задержаться с приездом, дорогой Павел, я заканчиваю, нежно вас обнимая. Софья также, и с каким нетерпением мы ждем вас.

Приписка И.Б. Пестеля:

Почта из Петерб[урга] от 2 апреля, ожидавшаяся с таким нетерпением, наконец прибыла. И принесла мне – газеты и *ни единого письма ни от кого*. И вот я снова в величайшем затруднении, что мне делать с моим письмом. Я писал вам 19 марта, что дождусь вашего возвращения, чтобы отослать это письмо. В то же время, я также написал Трескину и Нератову, которые ответили на мои письма 26 марта, и последний сообщает, что передал вам ваше. С тех пор были *две почты* 29 марта и 2 апреля. Ни одна не принесла мне ответа от вас, дорогой друг, и мне невозможно рисковать отослать обсуждаемое письмо, не зная в точности, что сделает *Канкрин*. Если он не возьмется за мое дело, тогда мое письмо следует отправить, ну а если возьмется. Сделал ли он какие шаги, что маловероятно, если хотите, *но не невозможно*, и е[го] в[еличество] отказал, или даже дал что-нибудь. Мое письмо пришло бы весьма некстати и наделало бы вреда, который трудно поправить. Я должен отослать свое письма прямо *отсюда*. Итак, надо сначала увериться, что оно не столкнется с *мерами*, которые Канкрин мог бы предпринять или посоветовать. Все это весьма меня расстраивает, заставляет терять время, и, несмотря на это, надо пройти через все это и ждать вашего ответа: *пожелает ли Канкрин что-нибудь сделать*. Умоляю вас дать мне на этот счет ответ и тем уверить меня об отправлении моего письма, которое совершенно готово, запечатано и осталось только отдать его на почту. Я уже начинаю надеяться, что вы не пишете, потому что вы в пути, чтобы явиться в наши объятия, распростертые вам навстречу.

Если все же это письмо застанет вас еще в Петерб[урге], сделайте милость, скажите Нератову (через которого я посылаю вам это), удалось ли госп[одину] Мордвинову склонить в мою пользу *Американскую Комп[анию]*. Если удалось, Нератову поручено сделать новый вексель и послать мне его на подпись, поскольку в Смоленске нет гербовой бумаги, необходимой для векселя на эту сумму.

Прощайте, дорогой и добрый друг, я в отчаянии, что доставляю вам столько хлопот с моими делами, но к кому лучше обратиться, кому лучше довериться, как не своему лучшему другу, тем более что это еще и *обожаемый сын*. Обнимаю вас и благословляю с нежностью. П.

P.S. Я вижу из газет, что командир полка Александра прибыл в Петерб[ург], быть может, он будет ему полезен.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 198–200 об.*

---

[1] Речь идет о получении земли, пожалованной П.И. Пестелю в награду за высочайший смотр в сентябре 1823 г.

[2] Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), адмирал, сенатор, член Государственного совета, председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Н.С. Мордвинов являлся акционером и членом совета Российско-Американской компании.

[3] Возможно, Политковский Гавриил Герасимович, тайный советник, сенатор и кавалер, член правления Российско-Американской компании; или же Политковский Лев Симанович, надворный советник, в 1822 проживал в Петербурге в Почтовом доме, таким образом, видимо, являлся служащим почтового ведомства; еще один Политковский, Александр Иванович, надворный советник, в 1818 служил помощником столоначальника в почтовом департаменте Министерства внутренних дел.

[4] Возможно, кредитором И.Б. Пестеля был петербургский домовладелец Т.С. Неплюев, проживавший в Литейной части.

---

* Листы письма перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 198–198 об., 200–200 об., 199–199 об.

[5] Соловой – кредитор И.Б. Пестеля, сведений о нем не найдено.

[6] Миницкий Михаил Иванович (1772–1829), командир бригады 3-й флотской дивизии, автор ряда работ по морскому делу, около 1812 начальник Охотского порта (См.: Головнин А.В. Записки о приключениях в плену у японцев. М.: Захаров, 2004. С. 243, 255, 287).

[7] Сына Нератова звали Александр Михайлович. Можно отождествить его с поручиком Александром Михайловичем Нератовым (1804–1833), погребенным на Смоленском кладбище в Петербурге. В списках офицеров Вятского полка в августе 1824 офицера с такой фамилией нет, в апреле 1826 числился батальонный адъютант 2-го батальона прапорщик Нератов, в июне 1827 – подпоручик 5-й мушкетерской роты, в апреле 1828 Нератова в полку уже не было (Плестерер Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка: В 6 т. Белосток, 1903. Т. 4. С. 576, 578–580, 583–584). Объяснение быстрому завершению карьреры А.М. Нератова находится в переписке П.Д. Киселева с А.А. Закревским. 13 июля 1827 Киселев сообщал, что «Нератов начал пить и говорят, что офицеры подписали свидетельство. Но поелику официального ничего мы не имеем, то я и пишу к тебе, любезный друг, по желанию Булгакова, с тем, что по переводе и быв в столице, тебе легче уменьшить действия представления за пьянство» (Сборник ИРИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 148). А.М. Нератову помогало заступничество отца и его начальника почт-директора К.Я. Булгакова, находившегося в дружеских отношениях с Киселевым и Закревским.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 16 апреля 1824

Не знаю, застанет ли это письмо вас еще в Петербурге, мой дорогой и добрый друг, и даже сомневаюсь в этом. Тем не менее все равно хочу не откладывая подтвердить получение вашего письма от 2-го числа, которые мы получили только 12-го. Оно принесло нам досадную новость о ваших страданиях и сопровождалось огромным ящиком со всеми вещами, что вы нам послали. Не знаю, как мне удастся вас благодарить и ругать в соответствии с моими чувствами. Ваши деликатные и великодушные намерения вызвали во мне нежнейшие чувства признательности, и в то же время я *поражена* и *рассержена*[*] непомерными расходами, которые вы делаете не только для развлечения, но даже для элегантности двух затворников, величайшее одиночество и простоту которых должно разделять единственное существо. Однако, поскольку нелепо жаловаться, что *жена слишком красива*, я ограничусь этим упреком, который делаю вам походя, и остановлюсь на благодарностях, которые приношу вам, мой добрый друг, от себя и от Софьи, которая одновременно вас нежно обнимает. Сегодня вечером мы получим второй ящик и заранее благодарим вас за все его содержимое. Платки, ридикюли, помада, и все прочие предметы столь же красивы, как и хороши, а поручения выполнены безупречно. Еще раз, дражайший друг, я могу вас поблагодарить лишь обнимая и благословляя, как люблю вас, и прося вас, умоляя, приказывая не пускаться более в это великодушное расположение, которое, хотя и основывается на чувствах, составляющих мое счастье и утешение, также и огорчает меня тем, что должно стеснять ваши финансы, совершенно не соответствующие вашим намерениям. От собрания всех этих чувств мне поначалу трудно было рассмотреть все эти прекрасные вещи, которые я видела сквозь слепившие меня слезы. Я была весьма поражена, зная, как вы страдаете. Борис написал нам 4-го числа, что стало лучше, но боль этого рода возвращается в любую минуту, и я надеюсь, что вы посоветовались с хорошим дантистом, который смог (как делают все врачи) прогнать боль или больного, т. е. плохой зуб, который, кажется, не поддавался никакому успокоению. В таком случае, надо уничтожить врага, нет другого средства от него избавиться.

Поскольку это письмо отправляется наугад и, вероятно, не будет прочтено, я останавливаюсь на этом, говоря вам, что жду вас с живейшим нетерпением, мой очень до-

* Оба слова подчеркнуты дважды.

рогой и очень добрый друг, и что люблю вас со всей нежностью, на какую способно материнское сердце.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 172–172 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 17 апреля 1824

Ваше письмо от 2-го числа сего месяца пришло к Нератову после отправления почты, таким образом он смог отослать его мне лишь с почтой от 5-го, отчего и происходит, что до нас оно дошло только 12-го числа сего месяца. Я весьма огорчен, что вы все еще страдали от зубной боли, но надеюсь, что вы от нее избавились по меньшей мере надолго, – вот чего я желаю всем сердцем. Если это испорченный зуб, сделайте милость, велите его вырвать, пока вы еще в Петерб[урге], где хотя бы найдете умелых дантистов, это, быть может, единственное средство вылечить эту ужасную боль.

Бросаюсь вам на шею, мой дорогой и добрый друг, за все непомерные пасхальные яйца (как вы их называете), что вы нам прислали. Они заставили нас проливать слезы, которые, однако, происходили из двух разных источников. Первый был несомненно сильнее, это признательность за добрые намерения обожаемого сына доставить удовольствие своим бедным родителям, пребывающим в нужде, и уверяю вас, что это чувство весьма живо и останется запечатленным в наших сердцах до конца наших дней; и второе – это страдание при виде того, что вы делаете расходы, сильно превосходящие ваши средства, – *для нас*. Страдание думать, что мы вас разоряем и что ваша нежность к нам заставляет вас забывать свои обязанности перед самим собою. Надо ли, чтобы я не только сам находился в нужде, но еще и содействовал тому, чтобы ее разделил и мой лучший друг, мой любимый сын, мой дорогой Павел!!! Ах! Великий Боже, смилуйся надо мною – и доставь мне средство однажды вернуть моему сыну все, что он делает для меня с такой нежностью и деликатностью!!!

Седло, которое вы мне прислали, дорогой друг, безукоризненно, и это совершенно то, что мне требовалось. Я уже воспользовался им с большим удовольствием и благодарю вас за него от всего сердца. Мы собрались все трое, открывая один за другим ваши подарки, ваша матушка и Софья плакали, распаковывая их, и первая твердила, плача горячими слезами: «Боже мой, Боже мой, зачем он пустился в такие большие расходы, мне так стыдно».

Излив вам сердце за ваши подарки, поговорю с вами о своих делах: я все жду вашего ответа, передано ли Канкрину мое письмо или нет; взялся ли он за мои нужды или нет. Но поскольку вы мне ничего об этом не говорите, а время в конце концов течет и я рискую даже, что имп[ератор] уедет из Петерб[урга] и я опоздаю со своим письмом, я наконец решился отослать с сегодняшней почтой письмо к е[го] в[еличеству] импер[атору], отправив его прямо по почте и адресовав в *собственные руки*, – я написал Канкрину, предупреждая его об этом шаге, чтобы он осведомился в мою пользу, если имп[ератор] сочтет уместным спросить у него сведений насчет моей просьбы. Письмо то же самое, безо всяких изменений, которое вам показывал Трескин, а вы полностью одобрили в одном из ваших первых писем. Благослови Бог этот шаг, на который толкает меня крайность, в какой я нахожусь.

Поскольку, возможно, и даже вероятно, что это письмо не найдет вас в Петерб[урге], я адресовал его Нератову, чтобы его вернули мне в случае, если к его прибытию вы уже уедете. Это предположение мешает мне написать подробнее, и я заканчиваю, благословляя вас и обнимая от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 173–174.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Смоленск, 17 апреля 1824

Я приехал *сюда* пару часов назад. Я начал с того, что сдал на почту мои письма к имп[ератору] и гр[афу] Аракчееву и то, что я написал вам, мой дорогой и добрый друг, перед отъездом из Васильева. Только что я получил ваше письмо от 12-го числа сего месяца и тороплюсь ответить на него наспех, опасаясь опоздать на почту.

Весьма далекий от того, чтобы счесть плохим то, мой добрый друг (в чем вы высказываете в своем письме опасения), что вы даете мне советы, что делать в делах, о которых я вам рассказал, – я благодарю вас за них, очень, очень нежно вас обнимая. Я последую им в точности, и мои письма, в их числе одно к Канкрину, как раз того содержания, что вы мне советуете, уже находятся на почте и отправятся сегодня одновременно с *этим*. Да руководит воля Божья этим шагом, на который я решился лишь по великой моей вере в то, что провидение руководит судьбами людей, в особенности же тех, кто возлагает *на Него* все свои чаяния.

Все меры по приведению в порядок моих долгов Соловому и Неплюеву мне совершенно подходят, а также и касающиеся Американской Комп[ании], т. е. ваши планы настроить доброго Межуева подождать еще год. Дай Бог, чтобы он пожалел меня! В случае, если он станет чинить препятствия, прилагаю при сем весьма настоятельное письмо *к нему*, которое вы можете употребить, если надеетесь, что от него будет какая польза. Я тем более полагаю его необходимым в опасении, как бы он не сослался на мое письмо, переданное ему Нератовым, где я говорил, что ему будет уплачено, как только деньги от моей аренды окажутся в руках Нератова. Встряхните небо и землю, лучший мой друг, чтобы я мог уплатить эти 6020 руб., которые презренный Булдаков[1] требует так решительно!!! Нератов и Трескин прежде всего могут потрудиться, [нрзб.]* Межуев, который, в сущности, есть лучший человек на свете. Посмотрите, дорогой и добрый друг, что вы сможете сделать, чтобы вытащить меня из ужасных затруднений, в которых я, к несчастью, нахожусь! Да сжалится надо мной Бог!!! Я не постигаю, почему Амер[иканская] Комп[ания] требует 6020 – если она согласна отсрочить 12 000? Вся сумма составляет 17 000 руб., уплативши 5000 р., остается 12 000 руб., да процентов на 12 т[ысяч] руб. по 6 п[ро]ц[ентов] составят *720 руб.*, это дает *5720 руб*. Постарайтесь, дорогой друг, разобраться в этой ошибке. Я слишком тороплюсь, чтобы подробно отвечать на ваше последнее письмо, но думаю, что сказал все необходимое, не упустив ничего такого, о чем вам важно знать.

Молю Бога, чтобы ваше собственное дело насчет земель вышло по вашему желанию!! Это весьма горячая просьба, которую я возношу ко Всевышнему.

Я сегодня же вечером возвращаюсь в Васильево, ибо здесь мне нечего делать.

Прощайте, мой дорогой, мой лучший друг, мой нежнейше любимый сын. Прижимаю вас к сердцу и благословляю от глубины души! Как я радуюсь, что скоро увижу вас. Полагаю, это может статься в конце следующей недели.

Весь ваш П.

P.S. Межуев получит в декабре месяце *8000 руб*., которые следуют мне из аренды, если он согласен отложить на год 8000 руб., которые следуют ему, по нашему соглашению, в этом месяце, а именно 12-го числа сего месяца.

Обнимите за меня нежно моих добрых друзей Бориса, Владимира и Амели. Не говорю ничего для Александра, ибо полагаю, что он уже отбыл к своему полку. Я весьма доволен смирением, с которым он говорит о своем переходе в кав[алер]гарды в последнем письме.

Посылаю вам письмо для **Межуева** открытым, чтобы вам было известно его содержание. Вы увидите из него, что подателю письма поручается на словах объяснить

* Слово написано поверх другого.

ему обстоятельство, вынуждающее меня просить его о снисхождении. Постарайтесь, дорогой друг, уговорить Нератова, чтобы *он* стал подателем этого письма, он сможет прочесть его ему, ибо **Межуев**, *полагаю*, не умеет читать, а Нератов ловок, *и я уверен* что он уладится, если только захочет, с **Межуевым** по нашим желаниям.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 175–176.

[1] Булдаков Михаил Матвеевич (1766–1830), первенствующий директор Российско-Американской компании. Из купеческого сословия, купец, вел торговые дела в Сибири, зять Г.И. Шелехова. В 1799 по желанию Павла I вошел в правление Российско-Американской компании как представитель семьи Шелеховых, получил звание первенствующего директора и шпагу. С 1800 коллежский советник. В 1803 снарядил первую кругосветную экспедицию, затем при его содействии корабли отправлялись в кругосветные плавания в 1806, 1813, 1816, 1820 гг. Член-корреспондент Императорской Академии наук. Следует полагать, что во время пребывания И.Б. Пестеля в должности сибирского генерал-губернатора он не раз имел деловые контакты с Булдаковым.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

30 апреля 1824

Трескин пишет мне от 24-го* числа сего месяца, что вы предполагали, если не будет непредвиденных обстоятельств, оставить Петерб[ург] 26-го сего месяца, мой дорогой и добрый друг. Мы все трое держим открытыми объятия, чтобы вас принять. Я написал почтмейстеру, которому поручил доставить вам это письмо и дать почтовых лошадей, чтобы доставить вас в наше уединенное жилище. Ваш Иван, проделав эту дорогу трижды, должен ее знать, так что вас ждут со всей нежностью и всеми живейшими чувствами ваши лучшие друзья и родители в Васильево. Весь ваш сердцем и душой П.

P.S. В случае, если ваш слуга забыл дорогу на Васильево, вы можете попросить кондуктора у Василия Кириловича Кирилова, моего комиссионера в Смоленске, почтмейстер может показать вам его дом. Он купец из Москвы и оказал мне большие услуги, исполняя все мои поручения в городе. Прощайте, прижимаю вас к сердцу и обнимаю нежно. П.

Е.И. Пестель:

Прибавлю только, мой добрый друг, что в ожидании невыразимого и столь желанного счастья вновь увидеть вас в нашем Эрмитаже, я призываю вас приехать сюда прямо из Смоленска, а не через Карытино, поскольку прямая дорога из Смоленска *намного* короче и лучше. Прощайте, до свидания. Иду велеть готовить вам постель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 177–177 об.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 20 июля 1824

Итак, свершилось, мой добрый друг, мой дорогой Павел. Вы нас покинули! Да, это слишком верно, и пустота, которую вы оставили после себя, ничем не может быть заполнена. Не буду говорить вам ничего о своих сожалениях: ах! вы должны их знать.

* В подлиннике дата переправлена, одна цифра написана поверх другой и дата читается плохо. Возможно, первоначально было «26», затем исправлено на «24».

Они таковы, что я упрекаю себя за них, ибо это слишком похоже на слабость, на уныние. Мне кажется, что все утратило привлекательность, интерес и цель; я ничему не завидую, ничего не хочу, ни на что не надеюсь, ничего не делаю. Я сожалею о каждой минуте, которую мы не провели вместе, и о целом дне, проведенном вами в Смоленске. Вчера утром нам вручили вашу записку, сказавши, что вы сможете уехать только вечером. Я по крайней мере очень рада, что вы были сохранены от дальнейших происшествий с экипажем. Да руководит вами Бог, да охраняет и благословит Он вас в этом путешествии и в других во всю жизнь! Я же благословляю вас со всей нежностью, какую к вам питаю, прося Всевышнего вознаградить вас, мой добрый друг, за все утешение, какое вы нам дали, и за все приятности, которые ваше пребывание среди нас пролило на наше печальное существование. Софья, любящая вас столь искренне, шлет вам тысячу приветов и присоединяет свои сожаления к нашим. Мы также с огорчением наблюдали отъезд Нагеля, ибо (как говорила Софья), пока он был с нами, это как маленький остаток Павла. Сейчас все кончено, и вот мы предаемся воспоминаниям. Сообщайте нам хотя бы почаще свои новости, *беседуя* с нами обо всем, вас касающемся: что вы делаете, что делается с вами, что вы думаете, что вы читаете, наконец *все*, потому что *все* нас будет интересовать. Вчера мы совершили прогулку в коляске. По отвратительным дорогам мы отправились смотреть виды Левкева и Головобова, которые действительно очаровательны, и там, как и повсюду, мы думали о вас, мы говорили о вас. Ваш превосходнейший батюшка чувствовал себя в эти дни не очень хорошо, а ко мне сегодня вернулась зубная боль, но мало-помалу все это наладится. Софья делает, что может, чтобы поддерживать нашу компанию, забавлять нас и чтобы развлекать нас своим чтением. Помимо ее собственных сожалений о вас, она говорит, что была еще совершенно спокойна, когда покидала нас даже ненадолго, в то время как вы были с нами. Она весьма доброе дитя. Благослови и ее Бог! Никита еще не возвратился, я жду его с нетерпением, чтобы хорошенько расспросить о дне, проведенном вами в Смоленске, и тогда продолжу письмо. На сегодня оставляю вас, дорогой и добрый друг, обнимая вас очень, очень нежно.

21-го утром. Здравствуйте, дорогой мой Павел! Увы, мы завтракали без вас! И мы больше не будем завтракать с вами, по крайней мере Бог знает когда!! Утром пришли *ваши* новобрачные. Новобрачная выглядела постаревшей, а новобрачный выглядел стыдящимся и сердитым, но отец весь сиял, принесши в дар десяток яиц в руках и старого черного петуха под мышкой, похожего на складную шляпу с красной кокардой. Вам достались труды и издержки, а мы получаем благодарности и прибыль! Это общий ход вещей на свете. Прощайте, я иду давать свои уроки. До скорого.

Никита вернулся и сообщил нам новости о вас, дорогой друг. Он был встречен как некто, видевший вас позднее нас. Как мы заново жалели о 24 часах, потерянных для починки вашей коляски! По крайней мере Н[икита] уверил, что теперь она крепкая и не обошлась вам дорого. Вчера весь день шел дождь. Вечером погода просветлела, мои зубы успокоились, и поскольку сегодня погода прекрасная, мы отправимся на прогулку наполовину в **дрожках**, наполовину пешком, чтобы посмотреть косарей и сенокос. Завтра я продолжу письмо, а сегодня с нежным поцелуем желаю вам доброго вечера. От наших никаких писем! Они любезны!!

22-го. Продолжаю письмо, чтобы его окончить, мой дорогой и добрый друг. Вы получите его вскоре после своего прибытия, ибо батюшка написал почтмейтеру ***в Орше***, чтобы он отправил его экстрапочтой, а вы сегодня или завтра будете в Киеве, где рассчитываете остановиться ненадолго. Сегодня утром мы получили письмо от кн[ягини] Марьи, которая приглашает нас приехать повидать их, мы рассчитываем, следовательно, отправиться туда вечером в пятницу (25-го), чтобы остаться на два дня; тем временем повар отдохнет, и это заслуживает рассмотрения, ибо в остальном никто из нас здесь не любит эти разъезды. Вчерашняя прогулка меня сильно раз-

горячила, и зубы мои отплатили сегодня за разбитые горшки, но не так сильно, как позавчера. Хоть бы ваши не напоминали вам о своем существовании! Сегодняшний день самый жаркий, какой мы имели до сих пор, но барометр и тучи обещают грозу, а заготавливают сено! Это будет досадно, удалось бы что-нибудь в этом году. Прощайте, дражайший Павел. Благословляю вас, обнимаю и люблю с чрезвычайной нежностью. Мое сердце для вас, как Св. Аутодафе, горячо, горячо, все в огне. Софья еще раз вас обнимает. Она сейчас купается второй раз за сегодняшний день и чувствует себя на седьмом небе, потому что с помощью Нессе[1], поддерживающего ее, старается плавать и полагает, что уже делает успехи. Сладостная иллюзия! Ты составляешь прелесть жизни. Исходя из этого, я попыталась бы назвать вас нашей иллюзией, если бы сердце мое не доказывало, до какой степени вы являетесь сладостной реальностью. Прощайте, **дружочек**.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 184–185 об.

[1] Возможно, кличка собаки.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Наши глаза, полные слез, следовали за вами до того момента, когда мы потеряли вас из виду, мой дорогой и добрый друг, но в момент, когда мы потеряли вас из виду, они потекли изо всех сил по нашим щекам!!! Мои благословения будут следовать за вами всюду, где вы ни будете, и чувства живейшей родительской нежности будут запечатлены в моем сердце до последнего моего часа. Я в точности держу свое обещание: всякий день горячо молю Бога за вас, мой добрый друг, и продолжу так до самой своей смерти; и если потом еще смогу защищать вас перед Всевышним, я продолжу это делать. Увы! Это все, что я могу сделать для вас, дорогой сын!!

После вашего отъезда наша жизнь показалась еще мрачнее, чем прежде, вы нас утешили, развеяли и доставили счастливые минуты. Эти праздничные дни прошли, и Бог знает, когда вернутся; Бог знает, когда мы соединимся с нашими детьми, с тем, что мы имеем самого дорогого в этом мире.

Ваша матушка снова так же, как была до вашего отъезда. Чаще всего грустна и очень занята! Софья и я, мы хотели было развлечь ее, заставив прогуляться, но взялись за это весьма неловко. Я повез ее в коляске смотреть прелестные окрестности, которые мы посещали верхом с вами и Нагелем, но дороги были столь дурные, что ей вышли только усталость и беспокойство, вследствие которых она плохо спала и страдала от зубной боли, происходившей от перегрева. Потом на другой день Софья позвала вашу превосходную матушку сделать прогулку, чтобы посмотреть на сенокос, где собрались женщины из деревни и наши трое слуг, Ашарковы Петр и Дементий (которые сами вызвались делать эту работу, что доставило мне большое удовольствие). Дорога, которую мы должны были пробежать, чтобы попасть туда *пешком*, поскольку невозможно было ехать на **дрожках**, так утомила вашу матушку, что она спасалась большими порциями капель и не могла прийти в себя весь день. Так наши лучшие намерения обращаются ко злу. Благодаря Бога, это не имело серьезных последствий!!!

Последняя почта не принесла нам никаких писем и даже ни единого признака жизни ни от кого из наших детей в Петерб[урге], и мы не знаем, что творится с бедной Катериной Дмитр[иевной].

Нератов и Трескин написали мне. Они сообщают следующие новости: кн[язь] Григ[орий] Семен[ович] Волконский и генерал Бетанкур умерли[1]. Пустили слух, что *сенатор* Муравьев-Апостол заменит Рунича в качестве куратора Петерб[ургского]

университета[2]. Это сомнительно, поскольку это был бы хороший выбор! *Магницкий*[3] пускает различные слухи на свой счет. Ему назначали (публика) различные места, и наконец **по особым поручениям** при Аракчееве. Тем временем, надеясь приблизиться к имп[ератору], он старался встречать е[го] в[еличество] как можно чаще в садах Царского Села. Это, кажется, прискучило имп[ератору], и он велел сказать ему через адъютанта не мешать прогулкам е[го] в[еличества] своими. Это все *слухи*! Чтобы сделать мое письмо интереснее, я счел за лучшее передать вам новости дня. Еще неизвестна дорога, которую выберет имп[ератор] для своего путешествия в этом году, знают только, что верховые лошади были посланы *в Пензу*.

Будьте здоровы, мой дорогой и добрый друг, будьте благоразумны и счастливы, и вы хорошо знаете, без чего, *по-моему*, не может быть истинного счастья для человечества. Пусть маленькая булавка, которую я дал вам на память[4], напоминает вам об этом как можно чаще и при всех важных случаях в особенности.

Прижимаю вас к сердцу, обнимаю и благословляю от глубины души. П.

Васильево, 23 июля 1824

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 181–182.

---

[1] Кн. Г.С. Волконский (1742–1824), отец декабриста С.Г. Волконского, умер 17 июля 1824, А.А. Бетанкур – 14 июля 1824.

[2] Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860), попечитель Петербургского университета, прославившийся обскурантизмом и преследованием лучших профессоров. Был уволен от должности попечителя и члена Главного правления училищ в 1826 г. за финансовые нарушения. Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (см.), должности попечителя университета не занимал.

[3] Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855), делал карьеру, пользуясь расположением сначала М.М. Сперанского, затем кн. А.Н. Голицына и А.А. Аракчеева. В начале своей карьеры выступал как поэт карамзинского направления. Воронежский, затем симбирский вице-губернатор, с 1819 член Главного правления училищ. В том же году ревизовал Казанский университет и потребовал его упразднения за безбожие. Назначен попечителем Казанского учебного округа для преобразования университета, который подверг обскурантистскому разгрому. Уволен в 1826 после ревизии, вскрывшей развал университета, в том числе крупные растраты казенных денег.

[4] Находясь в крепости перед казнью, П.И. Пестель показал причащавшему его пастору Рейнботу булавку с распятием, полученную от отца, крестик, данный сестрой, и кольцо, подаренное матерью, сказав: «Я с этими вещами ни на минуту не расставался, и они останутся со мною до последнего дыхания, как самое драгоценное, что я имею» (Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 420).

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

[1 августа 1824]*

Поскольку у меня есть хорошая новость для сообщения вам, мой дорогой друг, спешу как можно скорее вам ее отправить. Вы увидите из прилагаемой копии приказа, данного мин[истру] финансов, что е[го] в[еличество] имп[ератор] назначил мне *3000 руб*. серебром столовых денег. Хоть это и не *большая* помощь в моем положении, тем не менее это доставило мне большое удовольствие по трем причинам: 1-е, поскольку это доказывает, что мое письмо было принято с добротой; 2-е, это дает мне надежду, что мнение, которое моим врагам удалось распространить на мой счет, развеялось, и 3-е, что выражения приказа были умерены, ибо в сентаском указе было сказано ***отставляется***, а в приказе мин[истру] фин[ансов] ***уволенному от службы*** – такие ню-

---

* Датируется по указанию в тексте письма.

ансы очень внимательно соблюдаются в приказах имп[ератора] и для статских, и для военных. Мы (ваша матушка и я) несколько ободрены этим приказом. Да руководи Бог нашими делами, и тогда более ничего для нашего счастья не нужно!! Я хочу, чтобы это событие, в остальном маловажное в денежном отношении, доставило бы вам столько же удовольствия, сколько доставило нам. Я еще не получил официальных бумаг от мин[истра] финансов, ни ответа гр[афа] Аракчеева на мое письмо, и все, что знаю об этом, – это что Борис (приславший мне копию) сказал, что приказ этот был подписан *в Красном Селе* при работе имп[ератора] с графом Аракчеевым.

Посылаю вам при сем маршрут путешествия имп[ератора], которое он предпримет начиная с 15-го числа сего месяца[1]. Эта дорога составляет в общей сложности 6300 верст. Ген[ерал] б[арон] Дибич и ген[ерал]-адъютант гр[аф] Ожаровский[2] будут сопровождать е[го] в[еличество].

Ген[ерала] Раевского называли как замену кн[язю] Репнину в должности ген[ерал]-губерн[атора] Малороссии, теперь *публика* отдает это место ген[ералу] Капцевичу, но не думаю, чтобы это было правдой[3].

Ген[ерал] Опперман упал из **дрожек** и так поранил голову, что находится в опасности. Меня это весьма огорчило, ибо я очень люблю и уважаю его.

Супруга покойного маршала кн[язя] Кутузова скоропостижно умерла после свадебного ужина, на котором она присутствовала, у фрейлины Саблуковой, вышедшей замуж за кн[язя] Мадатова[4], которого я знаю только по имени.

Пр[инц] Александр Вюртембергский предпринимает путешествие для осмотра дорог. Он поедет в Нижний Новогород и Крым. Это досадно из-за прогонов, которые путешествие будет стоить!

Вот, дорогой друг, все что я могу вам сообщить, чтобы сделать свое письмо немного интересней.

От Владимира и его жены мы не видали ни строчки с 17 мая! Это не любезно.

Прощайте, дорогой и добрый друг, обнимаю вас и благословляю, как и люблю, т. е. от глубины сердца. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Наконец, мой дорогой и добрый друг Павел, *маленький* луч солнца явился немного осветить наш печальный горизонт и показать нам, возможность надежды на будущее. Это весьма немного, это не извлекает нас сейчас из затруднений, но тем не менее мы благодарим за него Всевышнего с весьма живой признательностью. Если бы хотя бы уплатили эти деньги за то время, когда ваш батюшка был их лишен со времени своего отстранения, это было бы около 8 т[ысяч] руб[лей] – мы могли бы заплатить наши здешние долги и наладить дом, чтобы не мерзнуть в нем зимой. Но надо не останавливаться на невозможном, а благодарить Бога за то, что произошло. Я весьма жалела, что эта добрая новость не пришла при вас, тогда бы она нас лучше обрадовала. В последнем письме я объявляла вам о нашем отъезде в Вихторово, но в момент, когда надо было садиться в карету, приехал Герцог[5] с сыном, которого мы тем менее ожидали, что он должен был нам написать, чтобы мы прислали ему в Смоленск сменных лошадей. Он пробыл два дня, весьма досадовал, как и мы, что не мог приехать во время вашего присутствия, потом надо было дать ему лошадей, потом были снова проливные дожди, по обыкновению. Наконец, мы предполагаем ехать завтра, в субботу 2 августа, на несколько дней в Вихторово, а, чтобы быть увереннее в деле, пишем вам это письмо заранее за 6 дней, чтобы отправить его при первой возможности. Борис прислал нам копию приказа, данного для вашего батюшки мин[истру] фин[ансов], но не табак, который мы просили у него уже ровно месяц назад! А Воло, Амели и даже Александр позабыли о нашем существовании! Некто, вспомнивший о нем весьма любезным образом, – это Иван М. Муравьев[6]. Он объявил, что очень счастлив, что я сделала его своим комиссионером по книгам, и, чтобы вступить в должность, посылает мне при

отъезде из Москвы 37 больших и маленьких томов различных произведений. Вот еще случай пожалеть о вашем отсутствии, и если это наслаждение, мы, конечно, будем ему предаваться при всех возможных случаях и во всякое время дня. Среди этих произведений есть «*Экспедиция в Россию*» в 2 томах[7] и помимо прочего с геогр[афическими] картами, написанная французом, превосходно осведомленным. Он описывает *все* в подробностях и с крайней точностью, не вынося решительных суждений о лицах, поскольку, как он говорит, он слишком близок к событиям. Ваш батюшка читает это произведение с бесконечным интересом. Я прочла оттуда некоторые части и потом прочту все, но тут, как и повсюду, обычная присказка: Ах! если бы Павел был здесь!! И что делает этот дорогой Павел, когда мы столько о нем думаем? Я полагаю вас прибывшим много дней назад, мой добрый друг, и полагаю, что письмо нам от вас, которого я жду с нетерпением, находится в дороге. Мур[авьев] прислал мне также маленькую брошюру, название которой сначала привлекло мое внимание, это «*Несколько часов досуга в Тульчине*»*[8]. Вы догадаетесь, что это, конечно, Барятинского. Есть прелестные вещи, большая легкость, остроумие, меткость, стихосложение легкое и приятное, и несколько хороших переводов. Если бы автор пожелал *хорошо* употребить время, он занял бы особенное место среди поэтов приятных и даже серьезных: он сделал бы хорошие вещи и избежал бы слабости, к которой публика приписывает ему дурную привычку[9], хотя ни вы, ни Алекс[андр] не пожелали с этим согласиться. Я прочла в этом собрании ваше имя с радостным изумлением. Он написал трагическую историю двух начезов и предварил ее посвящением в 12 стихах к *П. Пестелю*. Знаете ли вы о существовании и предназначении этой очаровательной маленькой стихотворной вещицы? Вы нам об этом не говорили. Софья шлет вам тысячу и тысячу нежных приветствий, мой добрый друг. Она очень радуется покупке, которую недавно совершила и в которой готова себя упрекать. Вы знаете, что она *крайне* желала иметь бюро как у батюшки, и что вольный столяр делал у нас окна для нового дома; она заказала ему совершенно такое же бюро из крашеного дерева за 45 рублей, не считая слесарной части, которую она купит, когда у нее, или скорее когда у нас будут деньги. Доброе дитя почти стыдится и совестится издержать из своего маленького капитала около 75 руб[лей] для себя самой, хотя и очень счастлива от мысли, что у нее будет это бюро, в котором она действительно нуждается! Прощайте, мой дорогой, мой добрый друг. Да хранит вас Бог. Обнимаю вас, как и люблю, если только вы не сочтете, что это слишком сильно. Что поделывают ваши зубы? Мои благоразумны, но бок мой не таков. Герцог дал мне для этого *паллиатив*: ибо, чтобы *вылечить* болезнь, он не делает ничего, тем более на расстоянии в 150 в[ерст].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 178–179 об.

Копия документа рукой И.Б. Пестеля, на русском языке:

Копия.

Господину министру финансов

Уволенному от службы тайн[ому] сов[етнику] Пестелю повелеваю производить по три тысячи рублей в год столовых денег, которые он, до увольнения его, получал из Государственного казначейства.

На подлинном подписано так: Александр.

Красное Село, 16 июль** 1824

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 180.

* Слово «Тульчин» подчеркнуто дважды.

** Так в тексте.

Листок с расписанием поездки императора, написанный по-русски рукой И.Б. Пестеля:

Город Гатчина
– Луга
Романшино ночлег 16 августа
Город Порхов
Ашево – 17 –
– Холм
– Торопец – 18 –
– Белый – 19 –
– Ржев
– Зубцов
– Старица – 20 –
– Волоколамск
– Руза
– Можайск
– Верея
– Боровск – 21 –
– Серпухов
– Кашира
– Зарайск – 22 –
– Резань – 23, 24 и обед 25 августа
– Ряжск – 25 ночлег
– Козлов
– Тамбов – 26, 27 и 28 августа
– Кирсанов
– Чембары – ночлег 29 августа
– Пенза – 30, 31 августа и 1, 2 и 3 сентября
– Городище
– Карсун – ночлег 4 сентября
Город Симбирск – 5-го, 6-го и 7-го сентября
– Самара – ночлег 8-го
– Бузулук – 9-го
Полтавский – 10-го
– Оренбург – 11, 12, 13 и 14 сентября
Зирган – ночлег 15-го
– Уфа – 16, 17, 18 сентября
Бардяжский перевоз – ночлег 19-го
Саткинский завод – 20
Златоустинский завод – 21 и 22
– Челябинск – ночлег 23
Сысерский завод – ночлег 24
– Екатеринбург – 25, 26, 27 и обед 28
Билибеевский завод – ночлег 28
Златоустинский завод – 29
– Кунгур
– Пермь – 30 сентября и 1-го и 2-го октября
– Оханск –
Дебесы – ночлег 3 октября
Ижевский завод – 4 и 5
Полон – 6 октября ночлег

Никонтское – 7 –
Слободской
– Вятка – 8, 9 и 10 октября
– Орлов
Духовщина ночлег 11 октября
Ильинское – 12 –
Задрижино – ночлег 13 октября
Город Галич
– Буй – 14 –
– Вологда – 15, 16 и 17 октября
Клопузово – ночлег 18 –
Устюжна
Новинкино – 19 –
– Тихвин – 20 –
– Ладога – 21 –
Шлиссельбург
– Царское Село – 22 октября
Всего 6300 верст

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 264–265*.

---

[1] См. приложение к письму, речь идет о расписании маршрута путешествия Александра I в восточные губернии России, имевшего место с 16 августа по 24 октября 1824 г.

[2] Ожаровский Адам Петрович (1776–1855), граф, сын великого коронного гетмана, участник польского восстания 1794 г. В 1796 зачислен корнетом в л.-гв. Конный полк. С 1807 генерал-адъютант, участник наполеоновских войн, с 1813 генерал-лейтенант. В июне 1815 доставил в Варшаву письмо Александра I об учреждении Царства Польского. По окончании войны зачислен по кавалерии и оставался не у дел. С 1826 генерал от кавалерии.

[3] Н.Г. Репнин-Волконский оставался в должности Малороссийского военного губернатора с 1816 по 1834 г. Генерал Н.Н. Раевский с 1815 командовал 4-м пехотным корпусом, в ноябре 1824 вышел в отставку, в 1826 назначен членом Государственного совета, но в заседаниях не участвовал. Генерал П.М. Капцевич в 1819–1827 командовал Отдельным Сибирским корпусом, одновременно в 1822–1827 был генерал-губернатором Западной Сибири.

[4] Екатерина Илларионовна Кутузова (1754–1824), урожденная Бибикова, умерла 23 июля 1824 г., действительно, после того как на свадьбе Мадатова «обкушалась и простудилась» (см. письмо К.Я. Булгакова брату от 25 июля 1824: Братья Булгаковы. Переписка. Т. II. Письма 1821–1826 гг. М.: Захаров, 2010. С. 452).

[5] Известен московский врач Герцог Федор Иванович (см.), однако, судя по тексту письма, речь идет о другом докторе, жившем в 150 верстах от Васильева и лечившем либо зубные болезни, либо работавшем как врач широкого профиля.

[6] Имеется в виду Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (см.)

[7] В письме от 20 августа (см. ниже) назван автор этой книги – маркиз де Шамбрей. Речь идет о книге: Chambray de, Georges. L'Histoire de l'expédition en Russie. Paris: Pillet aîné, Anselin et Pochard, 1823. 2 tt.

[8] «Несколько часов досуга в Тульчине» («Quelques heures de loisir à Toulchin») – сборник стихотворений декабриста кн. А.П. Барятинского, изданный в Москве в 1824 г. В сборник была включена небольшая поэма «Старик с Миссисипи» («Le viellard du Meschacebé»), посвященная П.И. Пестелю. Начезы – племя индейцев, жившее в бассейне Миссисипи в районе, где французскими колонистами был основан город Натчез. Литературовед Е.Г. Кислицына полагала, что поэма была написана как стихотворное переложение фрагмента романа Ф.-Р. Шатобриана «Начезы» («Les Natchez»), ей возразил В.С. Парсамов, указавший, что роман «Начезы» вышел

---

* При подшивке писем в дело эти листы оказались отделены от письма, к которому прилагались.

в свет позднее, в 1826 г., а источником вдохновения для Барятинского послужила повесть Шатобриана «Атала» (1801), в обоих произведениях действие происходило на берегах Миссисипи (см.: Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 312–321).

[9] У А.П. Барятинского была репутация пьяницы (ср. письма И.Б. Пестеля).

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

С особенным удовольствием я получил ваше письмо от 30-го числа прошедшего месяца, мой дражайший друг. Я увидел по конверту, что оно было отправлено из Тульчина 2-го числа сего месяца, стало быть, оно дошло до нас за 10 дней. Вы не адресовали его почтмейстеру в *Орше*, адрес которого я, кажется, вам давал. В любом случае, прилагаю его.

Вы не представляете себе, мой дорогой Павел, как я был доволен увидеть из вашего письма, что вы проделали благополучное путешествие, что вы были удовлетворительным образом приняты вашим начальником и что в общем никакая неприятность из тех, что мы опасались, вас не настигла. Я возблагодарю за это Всевышнего, которого всякий день молю на коленях о святой защите для вас!!!

Прилагаю вам при сем письмо ген[ерала] Дибича. С его стороны любезно *лично самому* сообщить вам о ходе вашего дела о земле, которая была вам дана. Канкрин нехорошо повел себя в отношении вас, поскольку, если бы захотел, он мог бы просить у е[го] в[еличества] имп[ератора], который, вероятно, не отказал бы, но что делать; надо покориться, ибо больше ничего не поделаешь. К несчастью, я увидел из указов, данных Сенату, что Розинг больше не саратовский вице-губерн[атор] и что он был заменен таковым же из Перми, неким коллежским сов[етником] Сомовым[1], которого я вовсе не знаю. Дай Бог, чтобы у Розинга было время устроить ваше дело прежде прибытия нового вице-губерн[атора]. Что вы рассчитываете делать, если Розинг не смог ничего для вас сделать? Я написал Бринену, чтобы осведомиться, что делается с Розингом, поскольку другой назначен на его место *безо* всякого упоминания о нем. В конце концов, Бринен приедет навестить нас в конце этого месяца или в начале сентября. Он получил отпуск на три месяца, которым хочет воспользоваться, чтобы приехать повидать нас, с Сергеем (если он получит отпуск), или же с моим братом Николаем, который получил прибавку к жалованью в пятьсот рублей, так что теперь будет иметь полные *1500 руб*., назначенные для тех, кто служит при прок[урорах] в Сенате. Не следует терять времени ради земель в Саратове, поскольку многие другие соискатели переворачивают небо и землю, чтобы получить их в этой губ[ернии], которая единственная, где можно получить что-нибудь стоящее.

Погода у нас стоит все та же, как когда вы были у нас. Всякий день дожди, и сено почти пропало, по крайней мере большая часть. В остальном урожай еще менее хорош, чем в прошлом году! Смилуйся над нами Бог!!!

Благодарю вас, мой добрый друг, за то, что вы занимаетесь молодым Нератовым. Я уже сообщил об этом отцу. Все заботы ваши об этом молодом человеке я буду рассматривать как услуги, оказанные *мне самому*, поскольку я бесконечно заинтересован в том, чтобы отец Нератов был доволен тем, что доверил вам обожаемого сына.

Благослови вас Бог, дорогой друг, за то, что вы не забываете распятия, которое я дал вам с чувствами нежными и благочестивыми. Дай вам Бог *хорошенько узнать* того, кто пролил свою кровь для нашего спасения и обеспечения нам, если мы *в Него* верим, вечного благополучия, которое с избытком воздаст нам за все лишения этого мира!!! Однажды проникшись этой несомненной истиной, вы найдете даже и существование в этом мире, несмотря на все тяготы, которые его сопровождают, более счастливым или по крайней мере более выносимым. Я проделал, благодаря Спасителю, весьма удовлетворительные опыты, составляющие мое истинное счастье даже в самых больших превратностях.

Поскольку ваша добрая и превосходная матушка сообщает вам подробности нашего существования, я ограничусь тем, что поговорю с вами о себе. Я провожу большую часть дня в чтении, благодаря Ивану Матв[еевичу] Муравьеву, приславшему нам много книг. Среди них находятся весьма интересные, между прочими журнал, носящий название: *Энциклопедический журнал или рассуждение о замечательнейших произведениях всех стран в литературе, науках и искусствах*,[2] – потом *История экспедиции в Россию* – последнее произведение принадлежит *маркизу де Шамбрею*, хотя на титуле книги сказано лишь, что оно г.XXX, я нашел в первом произведении имя автора. Экспедиция весьма подробная, с планами. Нельзя удержаться от удивления всем комическим ошибкам *наших* известнейших генералов, включая кн[язя] Кутузова, но особенно удивительна глупая манера, с какой Наполеон провел всю экспедицию. *Он* победил бы, если бы умел себя вести, а *мы* его захватили самого, сокрушили и взяли в плен всю его армию, так что ни один человек не смог ускользнуть. Судя по подробностям, содержащимся в книге, это кажется весьма разумным. В остальном автор очень беспристрастен и вполне отдает справедливость значению русских солдат и патриотизму всей нации. Что доставило мне особенное удовольствие, это что Бонапарт никогда не имел меньше сведений о стране и состоянии армии, нежели в России, несмотря на то что щедро платил шпионам, и не кто иной как евреи чаще всего давали ему ложные сведения. Я бы желал, чтобы вы прочли эту книгу. В первом труде, названном выше, часто идет речь о России, но всегда *чрезвычайно* льстивым образом, особенно о силе этой страны, ее ресурсах, промышленности и просвещении.

Ничего интересного из Петербурга, разве что ген[ерал] Опперман, выпавший из **дрожек**, разбил себе несколько вен на голове, но, несмотря на это, он вне опасности и даже уже выздоравливает. Его дочь сделана фрейлиной[3]. Старая гр[афиня] Безбородко умерла[4].

Борис еще ничего не сделал ни по вашим поручениям, ни по каким из моих, и если он пишет, что редко случается, то не говорит о них, будто их не существует вовсе. Так что я больше не буду утруждать его своими делами. Нагель и Дурасов[5] охотно за них возьмутся. Наконец мы получили письма от Владимира и Амели, полные извинений, что не писали нам. Амели хочет убедить нас, что писала, но говорит об этом столь неуверенно, что видно, что, слава Богу, ложь ей мучительна. Александр также написал нам. Он *как обычно* недоволен своей службой и пр., и пр., для него важны преимущества, которые может доставить служба, но сама служба ***постороннее дело***.

Вот весьма длинное письмо, дорогой друг, это потому что мне приятно с вами беседовать, но нужно и заканчивать, и я делаю это, обнимая вас и благословляя от глубины сердца. П.

Васильево, 20 августа 1824

Приписка Е.И. Пестель:

Не могу сказать вам, мой добрый друг Павел, как я была рада получить наконец новости от вас, знать, что вы благополучно прибыли и нашли все в таком состоянии, какого только могли желать. Увы, в остальном, как и вам, нам остаются от вашего пребывания в Васильево лишь весьма сладкие воспоминания, но также и весьма горькие сожаления о том, что *эти праздничные дни прошли*, чтобы долго не возвращаться! Батюшка говорит вам о письмах Влад[имира], Ам[ели] и Александра, все они обедали 24-го у Бориса, который писал нам, что мы забыли об этом дне, его празднике. К чему эти уловки? Он отвечает на письмо, в котором батюшка напоминает ему о своих поручениях, а я о табаке. *Он имеет честь* сказать нам, почему не исполнил некоторые поручения, и между прочими также, что, как только сможет, *он будет иметь честь* отослать к нам *бывших поваров* Василия и Федора и поместит Назара, когда будет иметь деньги (которые мы пришлем ему, когда сможем), а о табаке не говорит ни слова и не посылает. Наши дорогие дети в Петербурге посходили с ума.

Сообщу вам пассажи из писем Влад[имира] и Алекс[андра], касающиеся вас.

От Воло от 27-го: «Я хорошо понимаю огорчение, которое вы должны были испытать при отъезде Павла, который столь услаждал ваше одиночество и который даже посторонним внушает приязнь. Время, что он провел у нас, заставило меня лучше узнать его и понять, чем все долгие годы, которые мы прежде провели вместе. Я люблю его и уважаю как нельзя более, и, несмотря на самолюбие, в котором чувствую себя виноватым, не могу подумать о нем, не сказавши себе, что хотел бы походить на него...»

От Алекс[андра] от 23-го: «Я воспользовался днем, когда мог достать лист бумаги, перо и немного чернил, чтобы написать записочку к Павлу, и очень *опасаюсь*, что она не застала уже его в Васильево, *поскольку* я уже очень давно не писал ему, и если он полагал, что я делал так от забывчивости или безразличия, или наконец если он мог подумать, что я могу хоть на минуту забыть, сколько ему обязан, и если он мог сомневаться, сколь я его люблю и уважаю, это бы причинило мне бесконечное огорчение; одна мысль об этом уже пугает меня». (*От 24-го после обеда у Бориса*): «Борис сказал мне, что он несколько оправдал меня перед вами за мою кажущуюся забывчивость по отношению к Павлу, ибо, к несчастью моему, он также отослал письмо, которое я ему доверил, в Тульчин, думая, как и я, что оно не застанет уже его в Васильево, таким образом два моих письма оправдают меня, надеюсь, по возвращении моего дорогого Павла к себе, и прошу вас, дорогие родители, написать ему также несколько слов в мое оправдание», – что я и делаю, копируя помещенный выше пассаж. Кат[ерине] Дм[итриевне], говорит он, немного лучше, но она все еще очень слаба и очень страдает, хотя и спокойнее нравственно после замужества Аннетт.

Мы провели эти дни *среди большого света*. Позавчера (15-го) мы были на званом обеде у соседа Соколинского ради праздника кн[ягини] Марии. Софья танцевала, мы играли в вист; я потеряла 4 р. 50 к., а батюшка выиграл 6 р. 50 к., после чего мы вернулись в 8 часов. Вчера был день Энгельгардтов[6], но в полдень приехал Альбедильский-отец. Так что ваш батюшка, бывший несколько не в ладах со своим кишечником, предпочел остаться обедать дома с Альбедильским, который отбыл в 4 часа, я же поехала с Софьей к Энгельгардтам, где не играла, и мы возвратились в 6 1/2 ч., затем вскоре после меня вернулся с этого обеда г. **Шестаков**-сын[7], пробывший до 9 с лишним часов. На двух этих обедах я снова увидела кучу Соколинских и много других лиц, которые в прошлом году разглядывали меня с любопытством, а в этом году сближались со мной с предупредительностью и с видом личного уважения, доставившего мне некоторое удовольствие. Там была некая г[оспо]жа ***Шимякина***[8], год державшаяся гордячкой. Она имеет вид старого паши в женском платье и курит свои 4 или 5 трубок табака в день, чтобы лучше освободить и опустошить желудок. Когда я уезжала, она лежала на кровати и курила, но быстро прибежала в гостиную, как и многие другие дамы, чтобы не упустить мой *прощальный поцелуй*, и просила у меня позволения приехать засвидетельствовать мне почтение в Васильево, на что я милостиво согласилась. Но поскольку она живет в 20 верстах, я не думаю, что она будет очень спешить сделать этот визит, который и я не спешу принять, потому что это всегда чувствительный расход для нас и часто *невозможный в определенные моменты*, когда денег совсем мало или вовсе нет. В этом году урожай со всех точек зрения еще хуже, чем в прошлом. Это весьма несчастливо.

Не знаю, мой добрый друг, советовала ли я средство для ваших зубов, которое я указала Амели и которое избавило ее от болей с тех пор, как она им воспользовалась. Это поставить на десны пиявок, каждую из которых поместить в маленькую склянку, чтобы избежать неприятности иметь их во рту. Десны потом кровоточат много дней после операции, и боль уходит с кровью, если не навсегда, то по крайней мере очень надолго. Если, к несчастью, зубные боли снова вас охватят, используйте это средство, которое вылечило также г[оспо]жу Энгельгардт, от коей я его и получила.

Софья шлет вам миллион приветствий. Она *очень нежно* вас любит. Ваши комнаты сохранили название **Павла Ивановича комнаты**, но я всегда захожу туда с глубоким вздохом. Я нанесла вам несколько визитов *в Монрепо*[9], каждый малейший уголок становится нам интересен по связи с воспоминанием о нашем дорогом Павле. Если я не пытаюсь рисовать вида окрестностей Монрепо, это потому что растительность уже приняла осенний вид, довольно грустный, я предпочитаю набросать его в весенней красоте, напоминающей о надежде и счастье. Тем не менее я провела целый день, с 10 часов утра до 6 часов вечера, под липами, и мы там даже обедали, но это был лучший из дней, какие были у нас с зимы.

Софья просит сказать вам, что после обмена крестами, который вы с ней проделали в день вашего отъезда, она носит свой с удесятеренным удовольствием и просит вас думать иногда о ней при виде вашего. Прощайте, дорогой и добрый друг. Вы знаете, люблю ли я вас, но я не нахожу выражений, чтобы достаточно сказать вам об этом, так что поймите сердцем меру живой нежности, с которой я обнимаю и благословляю вас. Е.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 186–189 об.

---

[1] Розинг Петр Иванович, коллежский советник, в 1805–1817 пермский вице-губернатор, в 1821–1824 саратовский вице-губернатор, позднее вице-директор департамента Государственного казначейства. Сомов Петр Дмитриевич, коллежский советник, с 1821 пермский вице-губернатор, с 15 июля 1824 по 2 декабря 1827 саратовский вице-губернатор.

[2] И.Б. Пестель читал вышедшие к тому времени первые тома: Revue encyclopèdique ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables de tous les pays, dans la littérature, les siences et les arts. Paris, 1819–1835. T. 1–61.

[3] Дочь К.И. Оппермана Мария Карловна (1798–1848), в замужестве Белль.

[4] Безбородко Анна Ивановна (1766–27 июля 1824), урожденная Ширай (Ширяева), жена Ильи Андреевича Безбородко (1756–1815), графа Римской империи (с 1784) и Российской империи (1797), действительного тайного советника, сенатора, петербургского губернского предводителя дворянства.

[5] В следующем письме упомянут некто Дурасов в Министерстве финансов, возможно, это Дурасов Федор Алексеевич, надворный советник.

[6] Энгельгардты владели имением Овиновщина в Смоленской губернии, неподалеку от Пестелей. Возможно, к этой фамилии принадлежал Григорий Степанович Энгельгардт, подпоручик, судья уездного суда.

[7] Шестаков – сведений не обнаружено.

[8] Шимякина – сведений не обнаружено.

[9] По рассказу о пребывании П.И. Пестеля в Васильево в 1824 г., написанному его сестрой С.И. Пестель или на основании ее рассказов, Павел Иванович «по нескольку часов проводил на берегу озера напротив островка, восхищаясь местоположением и углубляясь в свои мысли» и прозвал это место «Mon Repos» – «Мой Отдых» (см. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 419).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Если бы вы знали, мой дорогой Павел, какое удовольствие доставило мне ваше последнее письмо от 10-го числа прошедшего месяца, вы бы порадовались, что рассказали мне о том, что ищете счастья в святой религии. Со мной не могло произойти ничего счастливее, чем иметь удовольствие видеть своих детей познавшими во всей пространности счастье, доставляемое нам религией, основанной на Св. Евангелии. Без нее нет истинного счастья, нет радостей, память о которых отнюдь не оставит пустоты или даже угрызений в душе, но производящих чувство блаженства, покоя превыше всяких слов. Истинная сила характера происходит единственно от религии, ибо она поддерживает нас среди превратностей и удерживает в границах добродете-

ли посреди счастья. Без нее нет отдыха душе, какого она не найдет более нигде, кроме как в чувствах, которые одна святая религия способна дать нам. Я на коленях ежедневно прошу Всевышнего укрепить вас в этих основаниях, и вы станете несомненно счастливее, чем могли когда-либо вообразить, пока не узнали радостей, какие одна вера может нам доставить. На этом я вас благословляю, прижимаю к сердцу и обнимаю, мой дорогой и добрый друг. Человек, имеющий в сердце чувство веры, может ошибаться, но недолго. Сердце всегда будет вести его с помощью Провидения по истинному пути, ведущему наконец к истинному и единственному счастью, к вечному существованию, предназначенному нам, и к коему мы должны готовить себя во время пребывания в этом мире.

Благодарю вас, мой дорогой друг, за интерес, с которым вы говорите о 3 т[ысячах] руб. серебром столовых денег, пожалованных мне. Я говорил вам уже свое мнение об этом, посылая копию указа. Я намереваюсь довести до имп[ератора] свою благодарность в письме, где ловко вверну несколько слов, которые могли бы мне позволить сделать следующие шаги, когда подойдет срок платежей по аренде. Поскольку я осведомлен о существовании этого указа лишь из копии, доставленной мне Борисом, я просил его *30 июля* добиться, чтобы мин[истр] финансов официально меня уведомил, дабы иметь право просить, чтобы эти деньги выплачивались мне в Смоленске. Но Борис до сих пор еще не снизошел дать мне никакого ответа на эту тему, я в затруднении и наконец поручу Дурасову, который в Мин[истерстве] финансов. Я случайно увидел в указах, данных Сенату, что Борис утвержден на своем месте имп[ератором] 8-го числа прошедшего месяца[1]. Борис нам вовсе об этом не сказал. Ни он, ни Владимир совсем не то для нас, что наш любезный Павел!!! Я ничего не понимаю в заверениях Владимира, что он написал нам 3 письма, ни одно из которых до нас не дошло. Тогда как письма всех остальных, кто нам пишет, прибывают к нам очень аккуратно. Чувство не сообщается. Надо, чтобы оно было в сердце, а внушить его может одно Провидение. Так что ничего не поделать, остается только огорчаться. И умолкнуть, поскольку говорить и писать не производит никаких перемен!!!

Я очень рад, что вы довольны своими начальниками и что вы даже достигли примирения с дежурным ген[ералом][2]. Что касается истории жизни и поведения Юшневского[3], я в ней немного понимаю. Ибо нахожу, что, если Юшневский не считал долгом следовать приказам графа В[итгенштейна], он должен был выказать твердость, а граф должен был уступить; но следовать приказам и отменять их *по частям*, по мне, не есть поведение человека *прямого*. Это поведение человека *без религии*, и поступающие так при полном уме и всех вообразимых познаниях, способны на все возможное зло, если к тому располагают обстоятельства. Поверьте, мой дорогой Павел, и остерегайтесь таких людей, на них никто в мире не может полагаться*.

Я исполнил ваше поручение, вызвав крестьянина Гороха и его сына. Я вручил им ваши *50 руб.*, и они бросились мне в ноги, плача от радости и благословляя творца своего счастья, которым является наш дорогой и добрый друг Павел. Я вас благодарю за это также и от себя, нежно вас обнимая.

Нератов (отец) много говорит в своих письмах о признательности за добро, которое вы делаете его сыну, и одновременно, не имея смелости спросить самому, он поручил Трескину быть передо мной посредником за его сына. Посылаю вам при сем пост-скриптум письма Трескина, содержащий эту статью. Зять Трескина (**Мих[аил] Ив[анович] Миницкий**) был снова отправлен гр[афом] Аракчеевым проводить расследование. В его отсутствие у жены его был выкидыш. Дитя умерло, а мать начинает выздоравливать. Он в отчаянии, что бесконечно бывает употребляем по неприятным поручениям и бесконечно находится в путях и дорогах.

---

* Весь абзац, касающийся Юшневского, отчеркнут на поле карандашом, вероятно, при разборке писем в Следственном комитете.

Идет новый рекрутский набор в два человека с 500. Это весьма некстати по причине других затруднений, разоряющих крестьян. Посылаю вам указ насчет рекрутского набора. Вы увидите из него, какие надежды внушают нам **военные поселения**.

Поскольку я провожу большую часть дня в чтении, я нашел во французском журнале объявление о немецком сочинении, там сказано: Сочинение превосходно по стилю и в нем не встречается, как у других немецких писателей, *той неодолимой трудности окончить фразу*. Я тотчас подумал о вас, дорогой Павел, когда вы читали нам Гамбургскую газ[ету].

Я не умею заканчивать, когда пишу *вам*. Но также не нужно злоупотреблять вашим терпением. Итак, прощайте, дорогой и добрый друг, обнимаю вас нежно и люблю так же. П.

P.S. После вашего отъезда мы написали вам три письма, т. е. от 23 июля, от 6 и 20 августа. Это четвертое. Надеюсь, что они аккуратно до вас доходят?

Васильево, 3 сентября 1824

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 4–5 об., 12–13 об.*

---

[1] Б.И. Пестель с октября 1823 исполнял должность начальника 1-го отделения по Департаменту внешней торговли Министерства финансов и утвержден в этой должности 8 августа 1824.

[2] Байков Иван Иванович (ум. 1848), генерал-майор, участник кампаний 1812, 1813–1814 гг., с 1820 дежурный генерал Главного штаба 2-й армии, с 1834 генерал-лейтенант.

[3] Юшневский Алексей Петрович (1786–1844), с декабря 1819 генерал-интендант 2-й армии, декабрист, член Тульчинской управы Союза благоденствия и Южного общества.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, [10] сентября 1824**

Ваше письмо от 10 августа (которое вы прислали нам через Петербург) доставило нам величайшее удовольствие, мой дорогой и добрый друг Павел. Чувства сыновнего почтения, почтения к Богу и все прочие добрые чувства, отсюда проистекающие, которыми оно наполнено, исполнили нас радостью. Поддержи вас Бог в этом счастливом расположении, мой добрый друг, которое одно может приблизить к христианскому совершенству, а равно и сделать нас равно чистыми, дабы создать счастье собственное и своего ближнего. Я удивлена, что к 10 августа вы еще не получили ни одного из наших писем, хотя они были посланы в **Оршу** для отправки с экстрапочтой. С тех пор вы должны были получить их три, и все они говорят вам, сколько мы думаем о вас, сколько о вас сожалеем и сколько вас любим! Сколько раз в эти дни мы восклицали: *Ах! Если бы Павел был здесь*, – обедая в лесочке, наслаждаясь этим прекрасным видом, который вы так любите, и великолепной погодой, которая стоит уже десяток дней. Я уверена, что наши скромные обеды на открытом воздухе, под этими большими липами, с видом на озеро со всех сторон, на деревню впереди, на остров справа и мельницу слева были бы для вас истинным удовольствием, что удесятерило бы наше. Когда мы читаем интересную книгу или одну из этих прекрасных проповедей Дрезеке[1], говорящих равным образом сердцу и разуму, мы не можем воздержаться и не сказать со вздохом: Ах! Если бы Павел был здесь! Наконец, это рефрен всех наших помыслов и всех наших чувств.

---

* При нумерации листов в деле страницы этого письма оказались разделены и пронумерованы как два разных письма.

** Дата в письме не проставлена. В следующем письме И.Б. Пестеля, от 10 сентября, число вписано в оставленный заранее промежуток. Вероятно, оба письма написаны в ожидании оказии и были отправлены одновременно.

Я очарована, что ваши братья и невестка пишут нам так нежно; но не знаю, как увязать уверения, данные вам Воло, *слово честного человека*, что он писал нам *три раза*, с тем, что он же уверяет нас, что для него *невозможно* было написать нам. (Посылаю вам при сем их письма, хотя нет, я их вам не посылаю, потому что это напрасные почтовые расходы.) Если их люди обманывают их, оставляя себе стоимость отправки писем, почему они не примут соответственных мер? И почему их письма – одни единственные, которые до нас не доходят, и почему в течение двух лет не исполнить одно только поручение? Что до Бориса, то после одинакового пренебрежения ко всему, о чем мы его просили в течение шести месяцев, он принялся дуться и... более ничего. Он не прислал табак, ни бумаги, чтобы определить маленького человечка, племянника Василия Кирилыча, ни очков для близи... – ничего, совсем ничего, и ни на что не отвечает.

Он даже не снисходит сделать какой-либо шаг, чтобы батюшке прислали официально указ о 3000 руб. серебром столовых, чтобы мы могли здесь хоть что-то получить из этих денег, а ведь он знает, что у нас нет ни обола и ни зернышка на продажу. После этого чего стоят фразы или минутные порывы чувств, которых Воло даже не имеет! – – На днях нам нанес визит кн[язь] Марин[2] без жены. Он снова получил возможность рассказать нам о своих спорах с его врагом Ричардом Краевским[3], потому что последний красивым оригинальным жестом прислал нам 10 артишоков, дыню, несколько фунтов винограда из своей оранжереи, не подавая никаких других признаков жизни. Это и вправду довольно необычно.

Мы все еще в ожидании Франца Абрам[овича] и Николая Бор[исовича], которые должны приехать вместе[4]. Я помещу их в двух первых комнатах нового дома, выходящих в бывшую гостиную, в которой я проделала дверь. Я поставила там кровати, ширмы, мебель и пр., и очень хорошо, что у каждого есть своя комната, а приезжающие чужаки (*если* приедут) будут в ваших комнатах. Вот, мой добрый друг, все что касается нашего скромного уединения. Если бы я стала снова подробно излагать все, составляющее мои чувства к вам, я бы не смогла закончить, а между тем надо заканчивать, я делаю это, повторяя вам, мой дорогой, мой добрый друг, что мы благодарим Бога, давшего нам такого сына, как вы, и что я вас обнимаю и благословляю от глубины сердца.

Софья говорит вам миллион нежностей.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 190–191 об.

---

[1] Дрезеке (в написании Е.И. Пестель – Dresecke, правильно Dräseke) Иоанн Генрих Бернгард (1774–1849), выдающийся теолог-евангелист и проповедник, с 1815 масон, в 1820-х гг. мастер ложи «К Оливковой ветви», позднее епископ магдебургский.

[2] Не ясно, о ком идет речь. Помещики Марины не имели княжеского титула. О проблеме определения упоминаемых в письмах Пестелей князей Мариных-Соколинских или Соколинских-Мариных см. выше.

[3] Ричард Краевский – лицо не установлено. Краевские были помещиками Смоленской губернии.

[4] Пестели ожидали приезда Ф.А. фон Брина (Бринена) и Н.Б. Пестеля (см. письмо от 20 августа).

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Я пользуюсь отправлением приложенного, присланного мне Нагелем для доставки, чтобы сказать вам несколько слов, мой дорогой и добрый друг. В конце концов Борис прислал нам табак, о котором вы спрашивали его в письме от 2 июля, после того как ваша матушка много раз напоминала ему об этом поручении, он наконец прислал нам со своим письмом от 26-го числа этого месяца ящик табаку, и, поскольку половина

того, что я нашел в ящике, это подарок *от вас*, я спешу выразить вам свою искреннюю благодарность и уверить, что умею совершенно ценить это любезное внимание с вашей стороны, как и вашей превосходной матушки, сделавшей мне подарок в виде остальной половины табака, содержащегося в этом ящике.

Мне нечего рассказать вам интересного о нас. Праздник вашей матушки (5 числа сего месяца) мы провели втроем; но что доставляет мне истинное огорчение, это что к этому дню ваша превосходная матушка не получила *ни одного* поздравительного письма с ее праздником из Петербурга!!! Из Москвы ее поздравили, но ни наши дети, ни наши друзья в Петерб[урге] не имели времени подумать о нас. Я тем более этим задет, что вижу, как это огорчило вашу матушку, которая так любит своих детей и не может еще представить себе, что они к нам не чувствуют ничего. Не подумайте, чтобы я намеревался сделать *вам* упрек, ничего подобного, с вами совсем другое дело. Вы никогда не выказывали такого обыкновения, ибо вы не этого держитесь, и это не имеет никакого отношения к вашим чувствам к нам. Но ваши братья и наши друзья *в другие времена* умели очень хорошо помнить о наших праздниках!!! Что поделать – надо страдать и молчать, ибо речи ни к чему не ведут. Чувство не запечатлеется там, где его не существует.

До сих пор я не имею еще никакого официального известия о своих столовых деньгах. Я много раз писал об этом Борису, но он не дает никакого ответа на эту тему. Тем временем я нахожусь в большом затруднении, не имея ни гроша. Надо лишь добиться, чтобы эти деньги были выплачены мне в Смоленске. Если Борис не может тут ничего сделать, он должен бы мне по крайней мере сказать об этом, чтобы я знал, чего мне держаться. Признаюсь вам, что все это удручает меня и приносит пронзающее сердце горе. Простите, дорогой друг, что занял вас тем, что и вас также огорчит, хотя вы и не можете себя упрекать; но, изливая сердце, я чувствую облегчение.

Приезд Бринена и Никол[ая] Борис[овича] все откладывается, и наша участь – ожидание. Всегда прекрасная вещь, кто бы ни собирался к нам приехать.

Благослови вас Бог и сохрани вас в добром здравии и совершенном довольстве, это молитва сердца, нежно к вам привязанного. Благословляю вас от глубины души и обнимаю от всего сердца. П.

Васильево, 10 сентября 1824*

Приписка Е.И. Пестель:

Я не могу видеть на листке, адресованном вам, дорогой Павел, оставшуюся чистой страницу и не написать вам также несколько слов, пусть это будет постоянно одно и то же. Что поделать, если жизнь предлагает мне постоянно одинаковые дни, а в сердце моем постоянно те же чувства к вам! Я люблю вас утром, как и в полдень, а в полдень как вечером, и завтра начинаю так же, с печалью, всегда возобновляющейся, что не могу сама сказать вам этого и взять вашу голову, целуя вас от всего сердца, как делала в счастливое время вашего пребывания в Васильево. У нас 15 дней была великолепная погода, прерванная лишь двумя грозами; так что мы обедали в лесочке, смотря с сожалением на ваше пустое место за столом. Мы нанесли вам визит в *Монрепо*, всякий раз говоря с грустным вздохом: вот любимое место нашего дорогого Павла! По крайней мере, вы знаете место и окрестности нашего обитания, тогда как мы не знаем ни мест, где вы живете, ни людей, с которыми вы встречаетесь.

Ваш достойный отец благодарит вас за табак, а я благодарю вас за апельсины, которые вы поручили Борису прислать нам, но он говорит, что хороших больше нету, и я ему вполне верю. Владимир упустил три первых месяца подходящего сезона, а Борис два последних, чтобы наконец объявить нам, что больше ничего нет. Вот как

* Число проставлено позднее, первоначально И.Б. Пестель указал месяц и год, а место для даты отметил кавычками. Далее на обороте листа следует приписка Е.И. Пестель.

они исполняют поручения! Нет средства добиться, чтобы Борис сделал или хотя бы ответил что-нибудь насчет батюшкиных столовых денег! Благослови их Бог! Что до Александра, мы не знаем, где он. Прощайте, мой добрый друг, мой дорогой Павел; я возвращаюсь к своему рефрену, что я вас люблю всеми способностями своей души и благословляю вас, обнимая. Софья говорит вам множество нежностей. NB*. Я только что получила от Бориса письмо от 30 августа, где он поздравляет меня с праздником, не говоря ничего о столовых деньгах. Но ничего от Воло, ни от Александра. **Яхонтовы** и **Пальчиковы** свидетельствуют вам множество дружеских чувств.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 192–193 об.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, [8] октября 1824**

Если наши письма доставляют вам удовольствие, мой дорогой и добрый друг Павел, то ваши являются для нас одной из величайших радостей, как ваша сыновняя нежность есть наше величайшее утешение. Если бы мысли могли сообщаться через расстояние со скоростью молнии, мы бы часто оказывались беседующими, не зная о том, настолько сходны наши воспоминания! Благодаря Бога, вам хорошо в настоящем вашем положении. *Кто ваш бригадный начальник?* Я подумала, что его присутствие в Линцах не неприятно для вашей службы и может служить вам обществом, особенно по вечерам[1]. Ошибаюсь ли я? Ваша лотерейная лошадь – это удачная находка, с которой я вас поздравляю, как и со всеми праздниками, на которых вы побывали. Я знаю, что это для вас иногда тягостно, но все же хорошо видать время от времени немного публики, чтобы освежить идеи, оживить свое остроумие (которое без этого становится как стоячая вода, загнивающая в глубине спокойствия) и чтобы с тем большим удовольствием вернуться в покой одиночества. Мы также не теряли времени: г[осподи]н и г[оспо]жа Кличицкие[2] провели у нас два дня. Они приехали вдвоем в двух экипажах с 10 лошадьми и 6 слугами! Соседи Сак[олинские (?)] все приехали обедать на другой день. На следующий день после их отъезда прибыли Марины-Соколинские, которые провели три дня у нас, а через 8 дней муж снова приехал на два дня. Г-жа Каличицкая элегантна. Они поместились в новом доме, где я весьма прелестно приготовила им две комнаты. Наутро эта дама явилась в гостиную затянутой в корсет, элегантно надев лиловую перчатку на левую руку, в которой она деликатно держала перчатку с правой руки, чтобы иметь возможность поспешно подать ее дамам и почтению кавалеров. В своем огромном теле она заключает прелестный голосок, которым весьма приятно пользуется. Во время пребывания Мариных князь-сосед приехал обедать с неким г[осподи]ном Реймерсом, раненым военным, искалеченным, отставным, очень порядочным человеком, хорошим музыкантом и плохим собеседником[3]. Повар был хорош все это время, несмотря на свое дурное настроение. Но к визиту кн[язя] Марина он был настолько пьян, что кн[язь], имевший при себе поваренка, и *его* человек готовил все время! Наш Степан Андр[еевич], впавши в буйство на два дня, затем был еще пьян и мертвецки спал на третий. В это время нам сказали, что губернатор и вице-губ[ернатор] намеревается назавтра приехать обедать. Какое затруднение! Взяли соседского повара (Марин уехал), развели

* Знак NB отсылает к приписке, сделанной на верхнем поле последнего листка письма и продолженной в конце предыдущей страницы.

** Число в подлиннике не проставлено. Датируется на основании перечисления в письме И.Б. Пестеля от той же даты (8 октября) количества и дат отосланных писем. Вероятно, эти два письма были написаны и отправлены вместе.

большой огонь на кухне, принесли в жертву кур, уток, свиней; наш пьяница встал на ноги и работал со своим заместителем; ждали один, два, три дня, никто не едет, и мы мало-помалу подъели совершенно одни наш большой обед. Это тем более неприятно, что они приедут неожиданно и застанут нас врасплох. Я отчитала Степана, который со стыдом и смущением* клялся, хотя несколько поздно, что такого с ним больше не случится. Досадно не только то, что он останется пьяницей, но что он становится все более буйным и дерзким, и это – как он не может скрыть в опьянении – потому что ему должны 550 рублей. Сколько унижений, сколько неприятностей заставляют испытывать долги и нужда!

6 сентября Воло и Амели написали мне, чтобы поздравить со вчерашним праздником. Воло говорит, что 5 их писем остались без ответа! Я вас спрашиваю, как это, возможно,! Я ответила в тот же день, и поскольку в его письме выражалось желание не причинять нам огорчений, мой ответ был столь же нежным, сколь и подробным. Перед этим я написала им 4-го числа, чтобы поздравить Амели с днем ее именин и рождения, которое она празднует 13-го (сент[ября]). Нератов прислал нам расписку одного из людей Воло в получении этого письма, но они на него не ответили! Борис снова был болен, он становится весьма болезненным, это меня удручает и беспокоит! Наконец через три с половиной месяца пришло официальное известие о столовых деньгах, ассигнованных на Смоленск. Когда указ появился, мы хотели поручить Борису взять из первого месяца, чтобы поместить Назара и отослать Федора, но он не отвечал, деньги не приходили. Тем временем пришли скверная погода и холода и показали нам невозможность оставаться в старом доме и непременную необходимость укрепить печи; дом не приносит ничего, надо всем платить, и столовых денег даже недостанет на все это. Таким образом, взвесив, что нельзя кушать ни рагу, ни варенья, когда замерзаешь, – водворение Назара уступило место – ad interim – установлению печей, необходимых, чтобы не умереть от холода.

Вы хотите, добрый друг, иметь сборничек стихотворений Барятинского: отослав его уже давно Муравьеву, я постараюсь достать его вам через Бориса. Вы спрашиваете, что мы скажем об Ипсаре[4]. Мы воздали слезы и восхищение этим бедным грекам, но я в свою очередь спрашиваю вас: что вы скажете об этих греках, по-прежнему угнетенных, по-прежнему гибнущих, которые непрерывно восстают из пепла и бьют на земле и на море своих тиранов, которые в 10 раз сильнее них. Наконец они выйдут победителями и свободными из этой прекрасной борьбы, если только дьявольская Политика великих держав Европы, особенно англичан и австрийцев**, не придет помочь магометанам раздавить наших христианских братьев, приняв сторону варварства против свободы!!

Мы давно не писали Александру, потому что два месяца он все время писал нам, что выезжает через *два* дня в Новгород, и что оттуда поедет в Псков, и то же нам недавно написал Борис, так что мы совсем не знаем, куда адресовать письма для Александра. Я все же полагаю, что он наконец покинул Петербург, потому что Воло должен был уехать из **Новой Деревни** 1-го числа этого месяца. Мы получили плохие новости со всех сторон. В Москве все родственники вашего батюшки более или менее больны. Леонтьевы, бывшие там проездом по дороге в свои земли, были вынуждены там остановиться по причине прискорбного здоровья бедного Валентина, а одна незамужняя сестра **Марьи Павловны** очень плоха после трех лет страданий. Моя тетушка была в самой крайности и не покидает постели, а моя матушка (от которой вы должны были получить письмо) пишет мне, что у нее началась водянка, сопротивляющаяся заботам

* Первоначально написано «со смущением и стыдом», затем Е.И. Пестель решила поменять порядок слов и обозначила его цифрами 1, 2, 3 над словами.

** Слова «особенно англичан и австрийцев» приписаны над строкой.

врачей и послушанию больной. Вот веселые новости, принесенные нам двумя последними курьерами, помимо того что наша дорогая Кат[ерина] Дм[итриевна] умирает! и что Борис болен!

Король Людовик XVIII умер 16 сент[ября], тотчас король Карл X поцеловал ему руку и отбыл в С[ен]-Клу начинать свой траур и свое царствование, которое не будет долгим, я думаю, ввиду того что молодому королю 67 лет! Дай Бог, чтобы Франция сохранила спокойствие, и чтобы повсюду сохранялось спокойствие, и чтобы народы оставались *покорны* добрым и справедливым государям. Если бы могла существовать порода животных столь же кровожадных, как люди, им бы ужасались и поднимались бы массой, чтобы их искоренить; или же, если бы можно было пропитать все сердца чувствами и наставлениями нашего господина и искупителя, повсюду были бы счастливы и спокойны. O kommet denn, (sagt Dräseke) kommet ohne Säumen, dahin wo uns so wohl ist; kommet in die Mutterarme der Religion. Ist irgendwo Ruhe zu finden (und wahre Tugend) – bey ihr ist sie, wenn sie unser ganzes Wesen durchdrungen hat. So nimm uns, Tochter des Himmels! nimm uns auf, und heilige uns zu Tempeln dessen, durch den wir allein reich sind in allen Dingen. Was zagst du, Herz – sprechen wir, von dir begeistert, in Leidensnächten und bist so unruhig? Harre auf Gott! Ihm wirst du einst danken, daß er deines Angesichts Hülfe war*.

Софья говорит вам миллион нежностей, мой добрый друг. Она, как и я, досадует, что вы не женитесь и хотела бы, как и я, чтобы вы смогли найти вскорости молодую и очаровательную женщину, которая принесла бы вам счастье и состояние. Нет ли чего в этом роде в ваших окрестностях? Я вас обнимаю, люблю и благословляю всеми способностями моей души. Прощайте, **душинька**[**].

Занимаетесь ли вы еще своими планами домов? Пришлите мне однажды план большого дома в 17 окон и в два этажа[***], у меня есть только план дома в 12 окон. Когда наш дом будет окончен или почти окончен, я тоже пришлю вам его подробный план.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 194–197.

---

[1] Командиром 1-й бригады 18-й пехотной дивизии, в которую входил Вятский пехотный полк, с 1823 был генерал-майор Кладищев Петр Алексеевич, до этого с 1815 по август 1823 командовавший Украинским пехотным полком, с 1814 полковник, с 1823 генерал-майор. Штаб-квартира бригады располагалась в Линцах, Н.И. Лорер характеризовал Кладищева как «доброго старика», бывшего в хороших отношениях с П.И. Пестелем (Лорер Н.И. Записки декабриста / подг. М.В. Нечкина. Иркутск, 1984. С. 78). П.А. Кладищев оставался на военной службе до 1834.

[2] Колечицкий Петр Петрович (1792–1867), отставной полковник. В 1806 вступил на службу в л.-гв. Преображенский полк, в 1811 перевелся в л.-гв. Литовский и был, таким образом, боевым товарищем П.И. Пестеля. В 1817 вышел в отставку и женился на Анастасии Ивановне Лыкошиной (1800–1871), жили они в имении Щелканово Краснянского уезда Смоленской губернии недалеко от Пестелей. А.И. Колечицкая – автор мемуаров, подробности которых не вполне подтверждаются фактографией событий, следующей из писем Пестелей (Колечицкая А.И. Мои записки от 1820 года / Публ. Е.Э. Ляминой и Е.Е. Пастернак // Лица: биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 277–341). Судя по данному письму, П.И. Пестель, когда гостил у родителей, с Колечицким не встречался.

---

* «О, придите же, – говорит Дрезеке, – придите не мешкая туда, где нам так хорошо, придите в материнские объятия религии. Если где и можно найти покой (и истинную добродетель), то у нее, когда она пронизывает все наше существо. Так возьми нас, дщерь неба, прими нас и введи в небесный храм, лишь чрез оный мы всем богаты. Что робеешь, сердце, – говорим мы, воодушевленные тобой, – в сумерках страстей и отчего так беспокойно? Ожидай Господа! Его ты однажды возблагодаришь за то, что он был тебе помощником» (нем. яз.)

** Так в подлиннике, слово написано по-русски.

*** «И в два этажа» приписано над строкой.

[3] Реймерс – лицо не установлено.

[4] Ипсара (Псира) – остров в Эгейском море, недалеко от о. Хиос. В ходе греческой войны за независимость 3 июля 1824 г. Ипсара, несмотря на героическое сопротивление жителей, была взята и разорена турками. В разделе политических новостей журнала «Сын Отечества» выпуска от 13 сентября 1824 сообщалось, что Ипсара отбита греками обратно (Сын Отечества. Ч. 96. Вып. XXXVII. С. 179).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 8 октября 1824

*№ 5**

После вашего письма от 28 августа, которое пришло к нам через Нератова из Петербурга 15 сентября, у нас не было никаких новостей от вас, дражайший друг. Я опасаюсь, что наши письма не доходят до вас или же доходят слишком поздно. Мы писали вам четырежды после вашего отъезда, под следующими датами: от 23 июля, 6 августа, 3 и 10 сентября, – я адресовал их почтмейстеру в Орше, но поскольку он не ответил ни на одно мое письмо, кои я написал, прося отослать их с экстрапочтой, я опасаюсь, что он был не очень аккуратен в исполнении моей просьбы. Я напишу ему, чтобы спросить у него отчета, и если он меня не удовлетворит, я тогда стану посылать письма к вам через Нератова через Петербург.

Мне нечего сказать вам интересного о нашем трио. Мы влачим наше существование по-прежнему, живя изо дня в день, не зная еще, как мы защитимся от зимы в нашем карточном доме. Мои столовые деньги (новая милость имп[ератора]) еще до меня не дошли. Я был извещен Министерством финансов (не самим Канкриным), что эти деньги ассигнованы мне в казначействе в Петерб[урге]; прежде чем получить это уведомление, не добившись не только, чтобы Борис уладил это ничтожное дело, но даже ответа на эту тему, я запросил *в Министерстве*, не у *министра*, к которому не хотел больше обращаться, чтобы эти деньги выплачивались мне в Смоленске, и все еще жду результата этого шага.

Новости, приносимые нам последними письмами из Петерб[урга] и Москвы, сильно нас печалят. Катерина Дм[итриевна] так плоха, что причастилась и сделала завещание, судя по письму, составленное ею и Владимиром, содержания коего я не знаю, ибо эта новость пришла к нам от Александра, который не знает больше ничего. Владимир не говорит нам об этом ничего, и даже ни он, ни его жена не ответили на наши письма с поздравлениями ко дню рождения и именинам последней. Из Москвы Николай Б[орисович] пишет мне, что в результате сильного кровохаркания моя сестра Мошкова[1] страдает от пожирающей ее медленной лихорадки, а Бринен не сможет приехать к нам, как он намеревался, по множеству причин, ему препятствующих, среди прочего и болезнь моей сестры Мошковой. Я бы также должен и даже желал бы совершить путешествие в Москву, чтобы обнять сестер, которых не видал 15 лет, но как возможно делать траты на путешествие, коли нет ни копейки и едва достает что положить в кастрюлю!!!

Мое благодарственное письмо имп[ератору] готово, и матушка сделала любезность *переписать его набело*, но таким красивым почерком, что имп[ератор] не получал письма, написанного лучше, чем мое. Я отошлю его, как только узнаю о прибытии е[го] в[еличества] в Петерб[ург]. Дай Бог удачи этому шагу, и тогда все будет к лучшему.

Говорят, имп[ератор] был весьма доволен войсками корпуса кн[язя] Горчакова, который он инспектировал в окрестностях Пензы, – да и **приказы** полны похвал и благодарностей.

* Номер поставлен чернилами рукой И.Б. Пестеля.

Сообщайте нам, дорогой друг, ваши новости как только можете чаще. Малейшая безделица, вас касающаяся, нам интересна, вы прекрасно знаете. Когда ожидаете вы возвращения графа Витгенштейна и Киселева?[2] Вернется ли графиня с мужем, каково состояние ее здоровья? Старайтесь, добрый друг, быть с ней любезным, ибо она весьма искренний друг вашей матушки, и дала нам в том доказательства в момент, когда они были наиболее приятны, т. е. в момент нашей катастрофы.

Полагаю, я все вам сказал и не имею больше ничего интересного сообщить. Я провожу жизнь в чтении и имею надежду стать более образованным накануне смерти, чем был при жизни. Благодаря Ивану Матв[еевичу] Муравьеву-Апостолу и доброму доктору Герцогу, приславшим нам книги, наше чтение хорошо обеспечено, мы разделили эти книги на две части, одна, чтобы прочесть вместе, тогда ваша матушка и Софья выступают чтицами, а другая, чтобы читать одним, каждый в своем углу.

Прощайте, дорогой и добрый друг. Прижимаю вас к сердцу, благословляю и обнимаю так же. П.

P.S. Посылаю вам при этом письмо от Никол[ая] Петр[овича] Яхонтова. Вы увидите там нежные приветы вам и похвалу письму, которое написала им Софья и которое было и в самом деле очаровательно, сделано ею самой и безо всякой помощи. Она пишет как ангел.

В эту минуту мы получили ваше письмо от 15-го числа прошедшего месяца. Оно доставило мне большое удовольствие по заключающимся в нем чувствам к нам, которые так нежно вас любят!! Благодаря Бога, вы здоровы! Заканчиваю, поскольку спешу отослать мои письма на почту.

В конце концов я получил после трех месяцев ожидания предписание Министерства финансов, чтобы мои столовые деньги выплачивались каждый месяц в Смоленске через **казенную палату**. *Благодаря Борису я должен был ждать так долго.*

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 201–202 об.

---

[1] Одна из сестер И.Б. Пестеля, по-видимому, Наталья, в замужестве Мошкова (см. Соколова Н.А. Семейство Пестелей в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 366, сн. 40).

[2] П.Х. Витгенштейн в 1824 получил полугодовой отпуск для поездки за границу, П.Д. Киселев с мая по ноябрь 1824 также находился в заграничном отпуске.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 28 октября 1824

Поздравляю вас, мой дорогой и добрый друг Павел, со счастливым и блестящим окончанием ваших маневров[1]. Вот вы теперь, думаю, освободились ото всех своих военных забот на всю зиму. Ах! Если бы вы могли уделить маленькую ее часть одиноким в Васильево! Я с трепетом отваживаюсь на это пожелание, но вы не можете вообразить, до какой степени мы были бы счастливы видеть вас здесь, и по множеству причин. Софья, которая готовится к конфирмации, получит первое причастие в середине декабря, здесь, в тишине, в Васильево, и мы причастимся с ней. Какое счастье для нас, если вы сможете участвовать вместе с нами в этом торжественном акте. Софья, крайне этого желающая, по собственному порыву захотела написать вам об этом, и вот ее письмо[2]. Если бы был способ получить короткий отпуск в 28 дней (немножко продленный). Вы могли бы приехать к 10, 12 или 15, провести с нами *16* декабря, день рождения Воло, который приедет, быть может, тоже, причаститься с нами, начать вместе новый год и затем... Увы, вернуться к вашему месту! Не думаете ли вы, что, если *рассказать* это

обстоятельство гр[афине] Витг[енштейн], показав ей, быть может, письмо Софьи, она сама склонит графа *предложить* вам это маленькое путешествие. Что вы думаете об этом, добрый друг? Я буду ждать вашего ответа, который прошу вас отправить тотчас, с таким же нетерпением, как и боязнью. Передайте, прошу вас, тысячу и тысячу поклонов от меня доброй графине, которую я искренне люблю, и скажите ей, как меня обрадовала весть об улучшении ее самочувствия. Я напишу ей, когда буду уверена в ее прибытии в Тульчин.

Амели и Владимир написали нам от 8 окт[ября] короткое письмо, в котором говорят, что наша дорогая Кат[ерина] Дм[итриевна] в последней крайности; но 18-го она еще существовала, как мне пишет **Кат[ерина] Фед[оровна] Муравьева**, написавшая мне очень любезное и очень дружеское письмо.

У нас все время очень скверная погода и безрадостная борьба между грязной осенью и суровой зимой. Повсюду или холод, или туман, и, хотя уже конец октября, мы хотим приказать сделать еще несколько печей, что невозможно было сделать раньше благодаря отсутствию денег и необязательности ***кирпичников*** и ***печников***. Дай Бог, с нашим жалким здоровьем, чтобы мы хотя бы были немного защищены от холода! Ваш бедный батюшка почти все время страдает от подагры, и колики мучают его постоянно, не считая слабости и вдобавок частого кашля. Быть может, если бы он мог жить в хорошем климате и без забот, я думаю, он смог бы поправиться, но как на это надеяться!

Что скажете вы о Карле X, упразднившем цензуру газет?[3] Кажется также, что и дофин мыслит очень либерально и примирительно, в то время как неистовый испанец по-прежнему приказывает расстреливать своих подданных спереди и сзади, изгонять их, разорять и опустошать свою бедную страну[4]. Из газет видно, что наш добрый император также заинтересован в пользу этой несчастной Испании, но это не производит ничего, кроме реверансов министрам и газетных статей, и ничто не сможет успокоить ярости абсолютного короля и его еще более абсолютных министров.

Что сказать вам о нас, добрый друг? Все здесь в statu quo. Наши обстоятельства, наше положение, наше одиночество, наши занятия, наконец все всегда то же, с той мерой грусти и печали, какую прибавляет плохое время года. Чтобы разнообразить свои удовольствия, я делаю небольшую вышивку бисером. Это букет фруктов и цветов, который украсит крышку шкатулки для рукоделья Софьи; поскольку работа небольшая и удается весьма хорошо, это меня несколько забавляет, тем более что я могу делать ее при свете.

Родственники из Штиглица (Пальчиковы) шлют вам свои поклоны, мой добрый друг, а я вас обнимаю со всей материнской нежностью, какую не перестанет питать к вам мое сердце, пока в нем останется хоть одно биение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 203–204 об.

---

[1] Маневры 1-й бригады 18-й пехотной дивизии, в которую входил Вятский пехотный полк, проходили южнее Линцев во второй половине сентября 1824.

[2] Письмо С.И. Пестель к П.И. Пестелю с просьбой прибыть на ее конфирмацию: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 205–205 об.

[3] Карл X тогда только что вступил на престол после смерти Людовика XVIII. В выпуске журнала «Сын Отечества» от 11 октября 1824 г. в разделе политических новостей сообщалось, что во Франции «декретом, изданным 17 сентября, король уничтожил введенную за 45 дней до того (3 августа) цензуру журналов и газет, к установлению которой тогда подали повод злоупотребления свободы печатания» (Сын Отечества. 1824. Ч. 97. Вып. XLI. С. 40).

[4] Тот же выпуск «Сына Отечества» сообщал, что военная комиссия в Картагене (Картахене) «решила 7 сентября процесс 63 человек, обвиненных в том, что они действовали против власти королевской. Она приговорила расстрелять восемь человек из них сзади, как изменников» (Сын Отечества. 1824. Ч. 97. Вып. XLI. С. 42).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 28 октября 1824

Ваше последнее письмо от 4-го числа сего месяца пришло к нам только 22-го, и, поскольку я нахожу, что мы можем получать их здесь достаточно быстро и гораздо более аккуратно через Петерб[ург], я решился послать вам это через Нератова (отца) и в будущем продолжу поступать также, тем более что почтмейстер в Орше даже не счел нужным ответить на два моих письма, и я предпочту не иметь дела с человеком столь невежливым. Вы хорошо сделаете, если будете писать мне также *через Петербург*.

Я очень рад, что ваши маневры окончены столь счастливо и что ваше здоровье оттого не пострадало. Вы не поверите, с каким большим удовольствием я увидел из вашего письма, что вы послали деньги Миницкому и что представление на сына Нератова сделано. Я благодарю вас за это от глубины сердца, ибо за такое благодеяние вашим родителям, как долг Миницкому, я буду обязан во всю свою жизнь, прося у Всевышнего, чтобы благословение лежало на вас всю вашу жизнь!

Большая удача быть *уважаемым* и *любимым* своими начальниками. Первое не могло вас миновать, но я желал бы, чтобы второе также было, особенно, чтобы вы всегда были в добрых отношениях с добрым гр[афом] Витгенштейном. Если он вернулся, засвидетельствуйте ему, как и его достойной жене, мое почтение: я очень искренне люблю их обоих. Чем больше узнаешь свет, тем больше отдаешь должное *доброте*, как качеству редкому у людей, особенно же у тех, кого фортуна должна бы избаловать, как графа и графиню.

Посылаю вам приложенный отрывок из последнего письма Бринена, чтобы вы увидели, что бы ни говорили о Розинге, но он в самом деле больше не Саратовский вице-губер[натор], и это не уладит вашего дела о земле, за которое он взялся. Я писал Бринену, чтобы он поговорил об этом с Розингом, когда тот будет в Москве, спросил его совета и уведомил меня. Дай Бог, чтобы это дело устроилось к вашей выгоде.

Поскольку матушка и я нашли лютеранского священника в Смоленске[1] человеком образованным и способным дать хорошие наставления в основаниях религии, мы сочли за лучшее воспользоваться им, чтобы дать наставления Софье, которая будет конфирмована в декабре месяце и причастится с нами. Она имеет горячее желание, идущее совершенно от нее самой, без малейшего участия с нашей стороны, – увидеть нас *всех* собравшимися по этому случаю. Она написала на эту тему Амели, Борису и Владимиру, я посылаю вам при сем ее письмо для вас, а таковое для Александра отправится незамедлительно, поскольку он наконец возвратился в свой полк. Каким счастьем было бы для меня, если бы вы могли быть с нами, мой дорогой друг!!! Быть может, отпуск в 28 дней, или хотя бы предлог в виде поручения от графа, могли бы доставить вам способ приехать сюда на это большое событие. Смотрите, дорогой друг, насколько вам будет возможно осуществить желание всех нас троих, однако без того, чтобы это могло причинить вам малейшую неприятность по службе или иную.

С 23-го числа этого месяца е[го] в[еличество] имп[ератор] должен был вернуться из своего большого путешествия. Я отослал свое благодарственное письмо к е[го] в[еличеству] 23-го текущего, дай Бог, чтобы оно произвело то, что Провидение сочтет самым для нас спасительным!! Последние новости из Петерб[урга] следующие: что великая герцогиня Анна прибыла в Петерб[ург], что ждут незамедлительного прибытия великой герцогини Марии, обе со своими супругами. Они всю зиму останутся в России[2]. Великий князь Николай отправился в путешествие по Италии. Его супруга осталась в Берлине, где проведет всю зиму[3]. Граф Гурьев (отец) продолжает болеть, он настолько ослаб, что его старший сын, генерал, попросился оставить свое место в Одессе,

чтобы отправиться к отцу, болезнь которого требует его присутствия в Петерб[урге][4]. Наша дорогая и добрая Катерина Дмитр[иевна] в самой крайности, и доктора даже объявили, что она больше не поправится. Это очень нас огорчает, особенно вашу матушку, которая думает потерять в ней друга, какого никогда не заменить. Это так потрясло ее нервы, что она лежала весь день не в силах видеть дневного света. Сейчас ей лучше, благодаря Богу!!

Вот, дорогой друг, все, что я могу сказать вам на этот раз. Ничего интересного рассказать вам о нашем собственном существовании. Вы знаете его так же хорошо, как и мы сами. Ничто не изменилось!!

Я люблю вас так, как только может отец любить сына, и с этими чувствами обнимаю вас и благословляю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 206–207.

---

[1] Лютеранского пастора звали Заугенбек (см. письмо Е.И. Пестель от 14 мая 1825).

[2] Анна Павловна (1795–1865), с 1816 супруга принца Вильгельма Оранского, с 1840 королева Нидерландов; Мария Павловна (1786–1859), с 1804 супруга принца Карла Фридриха Саксен-Веймарского, с 1828 великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская. Обе супружеские четы, действительно, провели зиму в России.

[3] Эти сведения неточны. Великий князь Николай Павлович и Александра Федоровна, урожденная Шарлотта Прусская, в конце июля 1824 отправились погостить в Берлин и задержались до начала 1825 г. из-за затянувшейся осенней распутицы и беременности великой княгини. Поздней осенью 1824 Николай Павлович совершил поездку через Варшаву в Петербург, затем в январе вернулся за женой в Берлин, к концу февраля великокняжеская чета возвратилась в Петербург.

[4] Д.А. Гурьев умер в сентябре 1825. Его старший сын Александр Дмитриевич (1786–1865), генерал-майор, с июля 1822 одесский градоначальник, с апреля 1825 состоял по армии, в 1827 стал членом Совета Военного министерства, затем генерал-лейтенант, сенатор, киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Отвечаю на ваше письмо от 20-го числа прошедшего месяца, дорогой друг. Я делаю это без ведома вашей бедной матушки, которой не имел смелости дать прочесть ваше письмо, по причине содержащегося там относительно *ее матери*. Смерть Катерины Дмитр[иевны] так ее огорчила, что она все еще оплакивает ее целыми днями, несмотря на то что знает о ней уже почти 15 дней. В таком потрясении я не решился сообщить ей о крайней опасности, в какой находится ее мать. Я полагаю, что она не существует более, ибо болезнь, как у нее, в ее возрасте (73 года) развивается быстро, и к чему беспокойства *заранее*, коли все будет кончено и нет утешения. Я дождусь более удачного момента, чтобы объявить ей эту новость, от которой ей будет весьма худо. В этом отношении я буду весьма счастлив, если вы все, мои дорогие дети, сможете собраться возле нас этой зимой. *Особенно вы*, мой дорогой и добрый друг, *вы* будете великим утешением для вашей бедной матушки. Борис обещал наверняка приехать к нам, но не ранее конца [осени] или начала зимы. Сделайте милость, мой добрый друг, постарайтесь приехать в наши объятия, но при условии, что это не причинит вам никакой неприятности никакого рода, что бы это ни было!!!

Я не могу еще быть спокойным относительно здоровья моей сестры Мошковой, которая продолжает сильно страдать!!!

Это Нагель сообщил мне новость о смерти Кат[ерины] Дм[итриевны]. Она скончалась 26 октября в 10 ч. вечера. С ней не было никого, чтобы закрыть ей глаза, кроме экономки Каролины, дочь еще не вернулась из деревни своего отца, где находилась

с начала лета. Борис пишет нам, что она порвала со своим презренным отцом*. NB Госп[ожа] Муравьева, Катерина Федоровна, приходила повидать покойную всякий день, но не присутствовала при ее смерти. Госп[ожа] Муравьева поручила Нагелю погребальные хлопоты, о которых он подробно мне сообщает.

Прочитав ваше последнее письмо, мой любезный сын, и найдя там принципы религии, такие, каких я вам желал уже давно, я простерся перед Всевышним, возблагодарив его за эту перемену ваших взглядов на эту тему. Я горячо просил у него, чтобы эта искра была раздута его Святым Духом, чтобы она стала негасимым пламенем до конца ваших дней, и, чтобы оно сделало счастливым ваше существование в этом мире и привело вас однажды к Вечному блаженству счастья, купленному для нас кровью нашего Спасителя Иисуса Христа. *Да будет так*!!!

Посылаю вам прилагаемую бумагу об освобождении вашего *Ивана*. Вы увидите, что она давно уже сделана. Я медлил отослать ее вам из опасения, как бы этот акт не сделал какого неудовольствия среди других наших людей, которые несомненно служили нам не хуже него. Поскольку я не могу ни в чем *вам* отказать, бумага сделана и дело это окончено. Если Иван где-нибудь пропишется, надо, чтобы это было сообщено в **казенную палату** *Смоленска*, чтобы он был исключен с земли в Васильево, которая тем временем будет платить за него налоги, пока он приписан здесь.

Ваши планы женитьбы для Бориса исходят от нежного брата, и я совершенно вашего мнения, но кн[яжна] Мария Соболевская[1] не является *ни в каком отношении* особой, какая ему нужна, ни нравственно, ни физически, ни даже в отношении состояния, поскольку она имеет только 100 несчастных крестьян. Другая, имя которой вы забыли, это *м[адемуазе]ль Малышева*[2], которая в Москве при брате и которую я вовсе не знаю. Надо подумать об этом, когда Борис приедет к нам. Передайте мои поклоны всем Витгенштейнам и скажите графине все, что я сказал вам относительно вашей матушки и причин оставить ее пока в неведении о состоянии, в каком находится ее бедная мать!!

Женитьба Александра на м[адемуазе]ль Горголи, кажется, мне довольно странной[3]. Она не более чем постоянная посетительница балов, и это с тех пор, как ей не было еще 12 лет, а ее муж хромой. Я не думаю, что у нее есть состояние. Если увидите Горголи (отца)[4], кланяйтесь ему от меня, я его бесконечно уважаю, поскольку он во всех известных мне обстоятельствах вел себя как совершенно порядочный человек**.

Вот два письма от Нератова ко мне, одно засвидетельствует вам благодарность за добро, что вы делаете его сыну, а другое сообщит вам подробности о катастрофе, происшедшей в Петерб[урге] от наводнения! Да сжалится Бог над бедняками, пострадавшими от него! Я не знаю еще, не пострадали ли от него также и ваши братья!!! Великий Боже, какое несчастье и какие дурные новости со всех сторон! Младшая дочь барона Розена (Софья) тоже умерла![5] Не возвращайте мне письма Нератова, мне они более не нужны, разорвите их после того, как прочтете.

Я не имею никаких новостей о моем последнем письме к имп[ератору], а катастрофа в Петерб[урге], хотя и произошла пару недель спустя после его получения, привела, быть может, к тому, что обо мне совершенно забыли! Да сбудется воля Божья, ибо на *Него*, а не на *людей*, я возлагаю надежды.

Прощайте, дорогой и добрый друг, прижимаю вас к сердцу с нежностью и благословляю от глубины сердца, весь ваш сердцем и душой П.

---

* NB. Воло пишет нам, что отец Аннеты Поливановой, будучи недоволен, что она не желала обращаться как с матерью с женщиной, с которой он живет, выгнал ее с мужем из своей деревни, не дав им ни гроша!!! (Приписка И.Б. Пестеля со знаком вставки внизу страницы, сделана чернилами более темного цвета, чем все письмо, ими же сделаны мелкие исправления в тексте письма).

** Далее письмо продолжено на обороте листа чернилами более темного цвета, ими же сделана приписка (см. выше).

P.S. Софья, которая посвящена в обстоятельства с вашей бабушкой, просит меня передать вам ее нежные приветы. Она служит нам большим утешением, будучи разумна как немногие лица вдвое старее ее.

Васильево, 20 ноября *1824*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 209–210 об.

---

[1] Мария Соболевская – лицо не установлено.

[2] Малышева – лицо не установлено.

[3] Александр Петрович Витгенштейн (1802–1858), сын генерала П.Х. Витгенштейна, женился на Софье Ивановне Горголи (1808–1835). К.Я. Булгаков писал брату 7 октября 1824, что дочь Горголи «помолвлена в чужих краях за сына графа Витгенштейна, служащего в канцелярии графа Нессельроде. Свадьба будет в Тульчине, куда все они едут» (Братья Булгаковы. Переписка. М.: Захаров, 2010. Т. 2. Письма 1821–1826 гг. С. 469).

[4] Горголи Иван Саввич (1770–1862), служил по тяжелой кавалерии, с 1812 генерал-майор, в 1811–1821 петербургский обер-полицмейстер, в 1825 генерал-лейтенант, позднее на гражданской службе, с 1826 сенатор, с 1841 действительный тайный советник.

[5] Не ясно, с семейством каких Розенов были дружны Пестели.

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 3 декабря 1824

Мы получили ваше письмо от 10 нояб[ря], дорогой и добрый друг Павел, в котором вы сетуете, что три недели лишены новостей от нас; но вы сами, сердитый, вы нам не писали с 4 окт[ября] и не отвечаете ни на одно из последних наших писем, и даже не подтверждаете их получения, так что я не знаю, получили ли вы их, и начинаю опасаться, не затерялось ли одно из ваших в дороге, если вы доверили его случайностям вашей нерегулярной почты. И вся же я очень рада узнать, что вы довольны вашим бригадным генералом и что он велел вам провести учение. Я поистине ему обязана, и прошу вас, мой добрый друг, сделайте милость, не сопротивляйтесь усилиям, которые он прилагает, дабы вытащить вас из вашего угла. Вы говорите нам о свадьбе Алекс[андра] Витгенштейна как о продолжении первой новеллы (которая содержалась, несомненно, в потерянном письме); мы знали уже об этом от Нератова, и я весьма удивлена, что Алекс[андр] *хромой* и дикарь женится и берет в жены первую бальную *танцорку* Петерб[урга].

Я как и вы, добрый друг, насчет истории: она мне отвратительна, предлагая *всегда* и *повсюду* картину преступлений и страданий рода человеческого. Время от времени отыскивается где-то какой-нибудь гений, возмущенный жестокостью эпохи, восстающий против злоупотреблений, берущий сторону слабого против сильного. Тогда жертвы ужасны, слабый становится сильным, дух мщения соединяется с непривычкой властвовать, среди вожаков партии раздор, один из них захватывает ее, стальной рукой останавливает анархию, и по прошествии некоторого времени власть (по самой природе своей) снова попадает в руки одного или немногих, и вся пьеса разыгрывается заново с другими актерами. Вот ход всех времен, и вот что должно бы смутить желающих новизны: если стараются остановить, уменьшить или управлять злоупотреблениями, это проходит; но хотеть совершенно обновить пружины этого старого физического и политического организма – это превыше человеческих возможностей и предприятие, дерзость которого противна всем истинным заветам и чувствам религии, ибо человек поистине религиозный старается делать добро столько и стольким, сколько может, а не предавать все сожжению. Это значит убить человека, дав ему так называемые сильнодействующие *лекарства* против неизлечимой болезни, которую

паллиативы могли бы сделать вполне переносимой. Стоит ли удивляться небесному гневу, когда перебираешь в памяти жестокости всех времен. Итак, я не люблю ни истории, ни трагедий. Мы их своих имеем довольно! Та, что имела место в Петербурге с 7 нояб[ря], ужасна, заставляет волосы вставать дыбом и будет иметь неисчислимые последствия! Прилагаемая бумага покажет вам меры, принятые имп[ератором] сразу же. Он был в отчаянии от ужасающих сцен, происходивших под его окнами, и всякий день приметы предвещают новый подъем воды, так что, если это начнется снова и продлится еще некоторое время, удивленный путешественник спросит Петербург, будет искать его и не найдет более! Должно быть, произошло нечто необыкновенное *внутри* нашей земли, ибо повсюду воды производят одинаковые разрушения с одинаковыми *истоками* – изрыгают свои потоки с непостижимым избытком и яростью! Владимир вовсе не пострадал от наводнения в своих казармах, а Борис (как говорит В[ладимир]) потерял лишь несколько вещей. Не знаю, каких. Но разум его настолько потрясен этим ужасным разгромом, что и через 8 дней он не мог оправиться. С тех пор у нас больше не было от них новостей, и Владимир еще не ответил Софье и не указал времени, когда сможет явиться на ее трогательное приглашение, если он все-таки приедет в Васильево, в чем я сомневаюсь. Алекс[андр] написал нам от 9 нояб[ря] и жаловался на наше молчание, не получив два наши последние письма, которые, вероятно, ждали его в Новгороде, куда он хотел ехать. Вы несомненно знаете, добрый друг, что наконец мы имели горе потерять нашу дорогую Кат[ерину] Дм[итриевну], умершую 26 окт[ября] на руках у Каролины Федор[овны], не имея возле себя ни дочери и ни единой живой души. Кат[ерина] Фед[оровна] Муравьева, единственная, кого она принимала *во все дни*, заставила *полицию* опечатать ее вещи и похоронила ее достойным образом при помощи *Нагеля*, позаботившегося обо всем при помощи всего пяти тысяч рублей серебром, включая те, что находились при покойной. Вы не можете представить, как я о ней жалею! Две недели спустя после ее смерти Каролина Федор[овна] прислала нам письмо Кат[ерины] Дм[итриевны], написанное в прошлом году; оно не было запечатано и не сопровождалось ни паспортами, ни выписками о крещении, ни даже ломбардными билетами, которые Каролина сочла более подходящим сохранить у себя и копии которых она нам обещает! Как вы находите такое распоряжение? Это письмо Кат[ерины] Дм[итриевны], не говорящее нам ни малейшего дружеского слова, содержит лишь определение или форменную передачу Аннетты и Александра Реннер, из которых мы вольны делать хоть капусту, хоть репу! Каролина прислала нам также копию письма покойной к ее дочери, в котором она наделяет ее наследством и платежами, достигающими до половины состояния, но поскольку эта бумага не имеет никакой законной силы, я сомневаюсь, что с ней будут считаться, и дочери достанется лишь весьма горькое чувство при виде того, насколько мать, знавшая о скверном состоянии финансов, разоряет ее, особенно ради маленьких Реннеров, которым (кроме их ломбардных билетов в *50 000* руб.!) она завещала 40 000 руб. серебром, все столовое серебро, весь свой гардероб из платья, белья и отрезов, почти все свои драгоценности, пианино, свои часы и пр., и пр.! Она продиктовала свои последние распоряжения В[ладимиру (?)], и он не сумел отвратить ее от этого!!! При этом, поскольку Поливановы не желали считать за мать любовницу г[осподи]на Власьева, он только что изгнал их из дома и не не дал им ни гроша. Вернувшись в Петербург, бедная Аннетта нашла мать мертвой, с намерением лишить ее более чем половины достояния! И вот она хорошо пристроена! Я крайне огорчена, что дорогая Кат[ерина] Дм[итриевна] не имела никого, кто бы дал ей хороший совет, и никому не доверилась. То, что она назначила двум малышкам, это также недостаточные меры. Мы не знаем, как и к кому обращаться, чтобы получить их к себе или устроить их судьбу. В[ладимир (?)] не пишет нам об этом ни слова, даже по секрету! А тем временем, это не безделица для нас, иметь такое бремя, и тем време-

нем что станется с этими детьми, если они не будут у нас! Как вы находите такую беззаботность? Недавно я написала В[ладимиру] и Ам[ели], говоря им, что Кат[ерина] Дм[итриевна] завещала нам двух маленьких Реннеров и, что если они (В[ладимир] и А[мели]) приедут этой зимой в Васильево, может, они смогли бы привезти их к нам, что иначе мы не знаем, как их привезти. Я весьма опасаюсь, что они на это ничего не ответят. Тем временем я написала Кат[ерине] Федор[овне] Муравьевой (которой покойная велела передать после своей смерти свои распоряжения), чтобы просить ее взять от Кар[олины] Федор[овны] завещанные нам бумаги, касающиеся сирот, и соблаговолить забрать и сохранить ad interim вещи, им предназначенные. Вот все, что мы смогли сделать до сих пор.

Наши печи сделаны, но не просохли; окна текут ливнем. Полы были укреплены, но поскольку снизу все совершенно сгнило и по большей части обвалилось, они пляшут по-прежнему. Дай Бог, чтобы они не провалились под нашими ногами до весны. До тех пор новый дом закрыт, за исключением пары комнат, которые послужат нашим дорогим женатым детям, *если* они приедут этой зимой. Что до наших дорогих **холостых**, они снова получат свои маленькие кельи, которые ваше пребывание заставило называть *комнатами Пав[ла] Ив[ановича].* Можно ли надеяться, мой добрый друг, что вы снова приедете занять там свое место этой зимой? Как бы мы были счастливы! Но я не смею надеяться и воздерживаюсь горячо желать этого и ждать с нетерпением вашего ответа на эту тему. Ваша сестра поступает так же и шлет вам миллион приветов. Я же уступаю наконец перо вашему превосходнейшему батюшке, прежде обняв вас и благословив от глубины сердца, любящего вас со всей возможной материнской нежностью! Моя бедная матушка (пишет мне Леонтьев) весьма больна. Проявилась ее водянка, и доктора не знают средств! Уже 5 недель мы не видали живой души! Это ли называется одиночеством?

Приписка И.Б. Пестеля:

Поскольку письмо вашей матушки содержит все касающиеся нас подробности, мне не остается ничего прибавить, кроме нежных объятий моего дорогого и доброго друга. Прижимаю вас к сердцу и люблю от глубины души.

Петерб[ургская] катастрофа весьма сильно меня огорчила! Да смилуется Бог над этим Вавилоном!! Последствия этого бедствия неисчислимы и будут проявляться еще после по-разному, в общем разорении, банкротствах и пр., и пр.!! Только на литейной фабрике в 4 верстах по Петергофской дороге погибло 250 человек!!

Ген[ерал] Уваров (Федор Петр[ович]) умер после долгой болезни[1]. Еще не известно, кто его заменит. Кн[язь] Петр Мих[айлович] Волконский поехал в Париж поздравлять Карла X с восшествием на престол. Вот все, что я знаю нового из Петерб[урга]. Имп[ератор] был чрезмерно потрясен катастрофой в столице и много занимался спасением всех, кто там пострадал.

Прощайте, мой дорогой, мой добрый друг. Повторю вам заверения в моей нежной к вам привязанности. П.

Васильево, 8 дек[абря] 1824.

Ваше последнее письмо от 10 ноября дошло до нас 29-го. Я нахожу, что наилучший способ доставлять наши письма – это направлять их Нератову.

Приписка И.Б. Пестеля на отдельном листке:

В момент, когда я запечатывал письма к вам, мой добрый друг, я нашел способ просунуть эту записку в конверт, чтобы сказать вам, что матушка еще не читала письма, в котором вы говорите о большой опасности, в которой находится ваша бабушка, вот почему она упрекает вас, что так долго не писали и не ответили на наши письма, и пр., и пр. Не сердитесь на нее, это моя вина, и я не покажу ей вашего письма до тех пор, пока не станет ясно, что моя бедная теща не существует более,

чего я ожидаю со всякой почтой. Смерть Кат[ерины] Дмитр[иевны] так потрясла вашу матушку, что она все еще плачет по ней целыми днями, хотя и осведомлена об этом уже 3 недели.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 211–214 об., 217.

---

[1] Уваров Федор Петрович (1773 или 1769 – 20 ноября 1824), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, шеф Кавалергардского полка, участник кампаний 1805, 1806–1807, 1810 на Дунае, в 1812 командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом, в 1813–1814 состоял при Александре I. С 1823 член Государственного совета, был лично близок к царской семье.

Копия рескрипта Александра I А.Б. Куракину, 11 ноября 1824 г.*

Г-ну действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, сенатору и кавалеру князю Куракину.

Князь Алексей Борисович! Бедствие, постигшее С.-Петербург в 7-й день сего ноября, внезапным и необыкновенным наводнением, исполнило сердце мое горестными чувствами.

Судьбы Всевышнего праведны и неисповедимы. В глубокой покорности воле Его, и скорбя о всех потерпевших убытки и расстройство, правительство не может вознаградить все траты сего бедственного дня, но доставление скорой и существенной помощи наиболее разоренным и неимущим я вменяю себе в священный долг: они имеют ближайшее право на отеческое мое попечение. Я назначаю в раздачу им без возврата миллион рублей из сумм, составленных от сбережений хозяйственным устройством военных поселений.

Избирая исполнителями сей моей воли вас, генералов графа Аракчеева, графа Милорадовича, Сукина, министра финансов, начальника морского моего штаба и С.-Петербургского обер-полицмейстера, повелеваю: из сих лиц и из одной духовной особы, по назначению первенствующего в Святейшем Синоде преосвященного митрополита Серафима, образовать под председательством вашим *Комитет о пособии разоренным наводнением С.-Петербурга*. Комитет сей изберет еще для присутствия в оном двух членов из здешнего российского купечества.

Мое непременное желание состоит в том:

1) чтоб первым делом комитета было доставление прибежища и содержания лишенным покрова и пищи, и вообще, чтобы пособия из назначенного капитала оказуемы были тем единственно, для коих по совершенной бедности оне необходимы.

2) Чтоб пособия сии верно и точно доходили по назначениям.

3) Чтобы доставляемы оне были скоро и беспрепятственно.

Сии правила комитет примет главным основанием своих действий. Чувства сострадания, истинной любви к ближнему, долг пред Богом и Отечеством укажут вам и сотрудникам вашим во всей подробности пути, коим в великом деле благотворения должно следовать.

Пребывая вам всегда благосклонный.

Петербург, 11 ноября 1824 года.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 208–208 об.

---

* Копия документа на русском языке, переписанного каллиграфическим почерком, вероятно, Е.И. Пестель. При подшивке в дело документ ошибочно был сочтен приложением к письму И.Б. Пестеля от 28 октября 1824 г.

Письмо Е.Д. Власьевой И.Б. и Е.И. Пестелям*

1823 года июня 27 дня

Почтенные мои родные и благодетели Иван Борисович и Елисавета Ивановна!

Уверена в вашей истинной дружбе ко мне, верно не откажете мою просьбу взять к себе обеих моих сирот Анну и Александра Реннер. Воспитайте их и устройте их судьбу, чтоб они добрые люди были; сам Господь вас за это наградит. Пашпорт *ее* и свидетельство о *его* крещении при сем прилагаю, также и на их имя пятьдесят тысяч рублей в ломбарде положенных билеты: проценты прошу употребить на их воспитание и содержание. Также вами мне должные семь тысяч рублей прошу в их пользу употребить**; при сем вексель ваш прилагаю. Естьли я вам лично об сем не говорила, причиною были разные обстоятельства. Они одного отца и матери дети. Еще повторяю мою просьбу, не оставьте их вашим покровительством; тем успокоите прах той, которая вас всегда много и искренно любила

Катерину Власьеву

Я уверена, что милая София их любить будет и не оставит.

Браслет дать Анниньке Реннер.

Под текстом письма К. Власьевой приписка Е.И. Пестель***:

Из коих 4600 были заимствованы В[ладимиру (?)], так что мы должны уплатить детям деньги, которые мать одолжила для уплаты долгов отца. Если бы она об этом подумала, она бы обнаружила, что это ни великодушно, ни деликатно, ни по-дружески, особенно зная наше положение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 145. Русский яз.

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 14 дек[абря] 1824

Хотя я ожидала, мой добрый друг Павел, что вам невозможно будет приехать к нам этой зимой, все же я крайне огорчена, услышав подтверждение от вас самого в вашем письме от 27 нояб[ря], которое мы получили позавчера вечером. Не могу вам сказать, до какой степени это меня расстроило. Софья расплакалась, и я была готова сделать так же. И все же поскольку – до последнего момента несчастный надеется – мне еще забрезжил слабый отсвет надежды. *Может быть*, вы сможете приехать несколько позже. Конфирмация Софьи была отсрочена в надежде, что хотя бы Борис и Алекс[андр] приедут, поскольку Владимир не говорит нам больше ни слова об этом и даже вовсе не ответил на трогательную просьбу Софьи, на которую очень дружески ответили только Амели и Борис. Но все же возможно, что они приедут, и мы подождем. Так что смотрите. Нет ли способа, – в случае если один из ваших бригадных господ получил лишь короткий отпуск и вскоре вернется, – чтобы вы приехали позднее. На случай, если это будет возможно и вы нас вовремя предупредите, мы весьма охотно подождем вас, и мой Бог, какое счастье будет для нас причаститься с вами, дорогой друг, и заполучить вас еще хоть на несколько недель!! Софья, которая очень занята с пастором, находящимся здесь уже несколько дней, была в высшей степени тронута вашим письмом и

* Письмо написано по-русски, при подшивке в дело было разъединено с сопровождавшим его письмом Е.И. Пестель к П.И. Пестелю и оказалось среди переписки за 1823 г.

** В этом месте письма карандашом поставлен знак сноски, отсылающий к приписке карандашом под текстом письма.

*** Приписка сделана карандашом по-французски.

много, много вас за него благодарит, как и за *ткани*, которые прибудут к ней от вас. Досадно, что вы не послали их также через Петербург: это *вернее*. Я наконец получила и прочла ваше письмо от 20 октября*, которое хотели от меня скрыть, и оно доставило мне удовольствие, как и все другие, **душичка****. Тем временем я получила письмо от моей бедной матушки, которое вам посылаю. Вы увидите из него, что хотя она знает о своем состоянии, но старается писать весело о здоровье и счастье, и это чтобы меня развлечь!! Ах! Почему я не могу быть рядом с ней, заботиться, присматривать за ней и усладить ее последние минуты, которые она проведет, как бедная Кат[ерина] Дм[итриевна], среди чуждых наемных слуг!! Это Каролина Фед[оровна] устроила так, что она никого не видала в последнее время, а ужасы, которые она наделала с тех пор, невероятны!

Прощайте, дражайший друг, уступаю перо вашему батюшке и иду сменить его возле пастора. Обнимаю вас и благословляю от глубины сердца.

Приписка И.Б. Пестеля:

Ваша матушка непременно хочет, чтобы это письмо отправилось сегодня же, а поскольку оно должно быть отправлено через пастора, уезжающего рано утром, у меня нет времени вам писать, мой дорогой друг, так, как я бы желал. Я намереваюсь вознаградить себя в следующий раз. К тому же не имею ничего интересного вам сообщить на этот раз. Поскольку ваша матушка получила письмо от своей матери, я не усомнился показать ей ваше от 20 октября, которое я от нее спрятал, как довольно пространно сказал вам в одном из предыдущих своих писем. Матушка спокойна и надеется больше, чем следовало бы, сохранить свою мать.

Мое письмо к имп[ератору] было прочтено и, кажется, не было неприятно, поскольку он приказал представить его ему в другое время. Это решение было написано на письме даже собственной рукой е[го] в[еличества]. Да руководит Бог моим шагом по своей святой воле! Он лучше нас самих знает, что может быть нам полезно!!!

Я бесконечно хотел бы видеть вас и прижать к сердцу этой зимой, в чем вы, конечно, не сомневаетесь. Но если это может принести вам малейшую неприятность, мой дражайший друг, заклинаю вас об этом больше не думать. Служба и репутация, которую вы снискали себе, поистине должны быть превыше всего другого.

Прощайте, мой дорогой и лучший друг. Обнимаю вас и благословляю от всего сердца. П.

Вы не можете себе представить живого удовольствия, какое доставило Софье ваше письмо. Она воистину очень нежно вас любит, это доброе дитя.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 215–216 об.

И.Б., Е.И. и С.И. Пестель – Павлу Пестелю

Последнее письмо, пришедшее ко мне от вас, дражайший друг, было от 13-го числа прошедшего месяца. Оно пришло ко мне через Нератова 29-го. Ваши братья Владимир с женой и Александр были здесь при получении вашего письма, поскольку приехали из Петерб[урга] 26-го числа к обеду. Борис заболел во Пскове, куда поехал погостить с Александром, но после нескольких дней пребывания в Штиглице и Тухавике счел себя вынужденным вернуться в Петерб[ург]. Имея всего 28 дней отпуска, будучи больным и находя дороги непроезжими, он побоялся, что отпуск закончится, едва он доберется до нас, и предпочел вернуться в Петерб[ург]. Поскольку он встретил Владимира, Александр решился ехать к нам с ними. Наши дети присутствовали при конфирмации

* Дата приписана в оставленном промежутке и над строкой рукой И.Б. Пестеля.

** Так в тексте, слово написано по-русски.

Софьи, состоявшейся 4-го числа этого месяца, после чего мы причастились все вместе, т. е. матушка, Владимир, Александр, Софья и я. Экзамен Софьи был блестящий, и пастор, этот достойный человек, был для всех нас большим спасением, ибо произнес речь, хорошо подготовившую нас к священному акту, совершенному нами. Мы *все* были очень растроганы, и надеюсь, что добрая Софья никогда не забудет этот день, столь важный для всякого христианина, день первого причастия в кругу семьи. Как бы мы были счастливы, если бы вы, дражайший друг, могли быть среди нас. Это было бы бальзамом для наших сердец и, я глубоко уверен, весьма спасительно для вашего!! Амели, ее брат и жена пастора были свидетелями конфирмации и причастия, происходивших в нашей гостиной, где все было устроено подобающим образом для священного акта, там свершавшегося. Кто бы мог сказать несколько лет назад, что Софья будет конфирмована *в Васильево*!!! Но надо, однако, возблагодарить за это Бога, ибо я сильно сомневаюсь, чтобы это могло произойти столь торжественно и с такой елейностью для нее самой и нас всех, как это было здесь, в одиночестве, вдали от мирского шума, в лоне нашей маленькой семьи. Только *вас*, мой добрый друг, нам недоставало для полноты дела. Я очень хорошо знаю, что вам было невозможно приехать, и думаю даже, что новая отлучка могла бы вам навредить. Я был так доволен пастором, что, не имея ни копейки денег, не имея даже надежды получить их ниоткуда, я счел долгом подарить ему свою *последнюю золотую табакерку*, остававшуюся еще у меня, поскольку, чтобы добыть денег, одну я продал в прошлом году. Я был тронут признательностью, с которой достойный пастор принял этот подарок. Не могу вам выразить, дорогой Павел, как я чувствителен к милости Всевышнего к нам по случаю этой конфирмации и причастия. Все наши дети, казалось, прониклись важностью этого священного акта. Ваша превосходная матушка читала громким и внятным голосом стихи, которые мы должны были петь во время богослужения. Наконец, *все* было трогательно, как только возможно. Была также весьма трогательная сцена, когда матушка, я и ваши братья благословили дорогую Софью, прежде чем приступить к ее конфирмации. Я уверен, что хотя и вдали от нас, вы также послали вашей сестре (которая нежно вас любит) свое благословение от всего сердца, тем более что она просила его с такой настойчивостью в последнем письме к вам.

4-го числа этого месяца* Владимир, его жена и Михаил Храповицкий нас покинули. Они уехали в 10 1/2 часов утра, чтобы явиться в Витебск к отцу Амели. Они тем более спешили, что Владимир получил только 28 дней отпуска и ему надо было уладить дела с тестем, могущим его задержать. Он этим весьма недоволен и говорит, что это человек, не способный ни на какое благородное чувство! Я весьма этим огорчен, но уже давно судил о нем так же по всему его поведению после женитьбы Владимира. Помоги ему Бог удачно закончить дело.

Этот последний приезд Владимира и его жены к нам был очень полезен в отношении сближения, которое, кажется, произошло между *нами всеми*. Мы расстались со всевозможной нежностью, я был как нельзя более доволен ими обоими. Я думаю, что теперь они умеют отдавать более справедливости Софье и что любят ее искренне.

У нас были большие неприятности после смерти Кат[ерины] Дмитр[иевны] из-за двоих детей, которых она нам доверила. Она устроила дела непростительным образом, полностью доверившись этой гнусной Каролине, которая, будучи раздражена против Аннеты Поливановой (которая по приезде завладела детьми, обманов забрав их у Каролины), Каролина теперь объявляет детей *своими*, а капитал в 50 т[ысяч] руб. положенным в ломбард *ею*. Кат[ерина] Д[митриевна] имела неосторожность предписать выдачу этих денег как принадлежащих Каролине, так сказано в ломбардных билетах. Госп[ожа] Муравьева как исполнительница завещания, назначенная покойной, через

* Так в тексте, И.Б. Пестель датирует праздник конфирмации и отъезд Владимира одним и тем же числом.

полицию вернула ломбардные билеты, но Каролина подала жалобу гр[афу] Милорадовичу, и последовали большие истории и затруднения. Я старался привести в разум Каролину, которая написала мне два раза, поскольку по письмам *казалось*, что она не имеет ничего против меня лично, и она даже говорит, что, *если я возьму детей*, она не имеет ничего против. Переписка, какую мы имеем по этому поводу, огромна, и мы пока не видим ей конца. По несчастью, госп[ожа] Муравьева замешана в ней как исполнительница завещания, и эта превосходная женщина увлечена и не имеет здравого смысла в том, что делает с Каролиной, не желающей *ей* уступать. Бог знает, как все закончится, но надеюсь, что наши последние письма уладят дело полюбовно. Дай Бог!!!

Вы спрашиваете у меня новостей о Трескине. Есть новое обстоятельство, которое, кажется, будет ему благоприятно. *Миницкий*, генерал-губ[ернатор], воспользовался своим фавором у императора, чтобы сказать в его пользу, и вот каким образом[1]. Поговорив с имп[ератором] о его пребывании в Вологде, о делах губернии, ему доверенных, он сказал ему: ваше величество, будет ли мне позволено говорить с вами о деле, напрямую меня не касающемся. Имп[ератор]: говорите и участвуйте. М[иницкий]: В своих поездках в города Тотьму и другие я встречал купцов, торгующих в Сибири, которые плачут, что Трескин больше не иркутский губ[ернатор]. Они говорят, что это лучший и самый справедливый из губернаторов, когда-либо существовавших; что следствие, произведенное Сперанским, было величайшей несправедливостью и основывалось лишь на доносах величайших плутов в Сибири. Этот Сперанский, должно быть, каналья, – сказал Миницкий, – и ваше величество хорошо сделает, если велит изучить это дело лицу, заслуживающему вашего доверия. Имп[ератор] ответил: Ах! Боже мой, как я несчастен, что не могу никому довериться. Если бы у меня было больше людей, как вы (Миницкий), я мог бы быть спокойнее. По возвращении имп[ератора] в Петерб[ург] он нашел мое письмо с благодарностью за столовые деньги и написал собственной рукой на этом письме: «***По прибытии Миницкого доложить***». С этой надписью письмо было возвращено гр[афу] Аракчееву, где сохраняется до прибытия Миницкого, но поскольку он не был вызываем в Петерб[ург] и не намеревается туда ехать так рано, то невозможно предположить, каков будет результат. Тем временем Трескин представил новое (3-е) прошение имп[ератору], умоляя его сжалиться над его положением. Имп[ератор] велел написать Трескину через статс-секретаря Муравьева[2], что е[го] в[еличество], ознакомившись с прошением, приказал мин[истру] юстиции окончить его дело в Сенате незамедлительно; это письмо к Трескину составлено в весьма вежливых выражениях, и гр[аф] Аракчеев уведомил об упомянутом приказе мин[истра] юстиции, который со своей стороны отдал соответствующие приказы Прокурору Сената. Вот, мой добрый друг, все, что я знаю об этом ужасном деле, где величайшая несправедливость взяла верх, и Миницкий имел основания сказать имп[ератору] «**этот Сперанский должен быть *каналья***».

Я очень рад, дорогой друг, что вы нашли в кн[язе] Барятинском человека, к которому, как вам кажется, можете питать доверие и дружбу. Я ничуть не сомневаюсь, что вы его хорошо узнали, прежде чем дать ему звание *друга*. Так трудно найти надежных людей!!! Все, что я о нем знаю по репутации, какую он имел в полку гвардейских гусар, это что *он любил бутылку*. Надеюсь, вы отучите от этого *вашего друга*, без чего он вовсе не будет заслуживать этого звания*.

Тысяча благодарностей за ваши добрые пожелания к новому году, возвращаем их вам от всего сердца. Прижимаю вас к сердцу с чувствами живейшей нежности. Весь ваш сердцем и душой П.

Васильево,

7 янв[аря] 1825

---

* Абзац, касающийся А.П. Барятинского, в подлиннике отчеркнут на полях двойной чертой карандашом. Вероятно, он привлек внимание лица, разбиравшего бумаги в Следственном комитете.

Приписка Е.И. Пестель:

Вы знаете уже, мой дорогой и добрый друг, столько подробностей от вашего достойного и превосходного батюшки о пребывании В[ладимира] и А[мели] и о нашем причастии, что мне не остается ничего добавить на эту тему. Как много вы были в это время предметом наших мыслей, бесед и сожалений, дорогой Павел! Все же посреди этих сожалений мы также и благодарили Всевышнего за счастье, которое он нам даровал в виде вашего присутствия прошлым летом и особенно за счастье иметь такого сына, как вы; и мы вновь благословили вас мысленно, идя к причастию, как мы благословили ваших сестру и братьев. Поскольку мы не имеем никаких известий от Бориса после его возвращения в Петербург, мы начинаем беспокоиться о его здоровье, которое... весьма ослаблено столькими вещами. Александр остался у нас и поедет только 13-го, чтобы догнать Владимира, который рассчитывает выехать из Витебска 15-го, потому что его отпуск и тот, что доктор предоставил Амели, истекает 20-го. Здоровье Амели нехорошо, и за нее равным образом опасаются, и что она беременна, и что она не беременна, но талия ее настоятельно заставляет меня считать, что она беремена уже много месяцев. Дай Бог привести все к лучшему. Я воспользовалась десятью днями, которые они провели у нас, чтобы сделать их портреты, сходство которых, кажется, вполне удалось, особенно в портрете Амели его находят поразительным. Мы получили в самые праздники *отрезы*, что вы прислали *Софье*, за которые я также вас благодарю, ибо, следуя настояниям Софьи и несомненно также и вашим, мой добрый друг, я завладела одной из тканей, чтобы сделать из нее ***шинельку***, которая мне очень нужна, а Амели соорудила мне из ваших синих лент чепец, который я надела в день конфирмации. Но, кажется, – мимоходом говоря – по размеру отрезов, которые вы прислали на этот раз, как и в прошлом году с Александром, что дамы в ваших краях очень маленькие или носят очень узкие платья. Темная, в то же время самая красивая, имеет лишь 9 аршин, а другая десять, я завладела этой последней, которую буду носить в память о вас и повторяя вам благодарности. Пишу вам лежа, добрый друг, поскольку пастор и его жена все еще у нас и проведут еще несколько дней, что делает меня зависимой в течение дня, а нужно, чтобы письмо отправилось завтра утром. Так что заканчиваю, обнимая вас от всего сердца, дражайший друг, повторяя вам свое благословение и пожелания на новый год, который мы благодаря Богу начали с лучшими предзнаменованиями, чем прошедший, поскольку сожалея об отсутствии наших двоих дорогих старших сыновей, мы имели счастье иметь остальных детей при себе. Прощайте, дорогой **душинька***. Надо оставить еще место Софье, которая тоже хочет вам написать. Прижимаю вас к сердцу.

Приписка С.И. Пестель:

Мой дорогой и добрый Павел!

Бесконечно благодарю вас за очаровательный подарок, который вы мне прислали; он доставил мне большое удовольствие, особенно как исходящий от вас. Я весьма живо чувствую ценность вашей дружбы и совершенно уверена, что вы не сомневаетесь в моей. Родители уже рассказали вам о пребывании Вл[адимира] и Амели в Васильево. Амели выказала мне много дружбы и доверия, что меня тем более тронуло, что мы познакомились только сейчас, поскольку свидание во Пскове было совсем недолгим; однако я обратилась к ней с такой же нежностью, какую питаю ко всем моим братьям. Я была крайне огорчена при мысли, что вы и Борис не будете присутствовать на моей конфирмации, в самое интересное время моей жизни, ибо какой момент может быть важнее для меня, чем тот, когда я поклялась перед алтарем: treuen Glauben und Christlichen Wandel bis in dem Tod**. Простите мои каракули, я весьма спешу, и рука

* В оригинале слово написано по-русски через «и» и без мягкого знака.

** «В твердой вере и христианском образе жизни» (нем. яз.)

дрожит. Обнимаю вас от сего сердца и остаюсь навсегда вашим искренним и нежным другом и сестрой С.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 14–17 об.

[1] Степан Иванович Миницкий, выпущен из Морского кадетского корпуса в 1786 г., в 1821 управляющий исполнительной экспедицией Адмиралтейств-коллегии, в 1823 – архангельский, вологодский и олонецкий генерал-губернатор и главный командир Архангельского порта. Этот же эпизод изложен в мемуарной записке И.Б. Пестеля (Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 406).

[2] Муравьев Николай Назарович (1775–1845), морской офицер, в 1803 капитан 1 ранга, в 1803 уволен и определился в статскую службу, был близок к А.А. Аракчееву, с 1812 новгородский вице-губернатор, с 1815 губернатор, в 1816 действительный статский советник, с 1818 статс-секретарь «при особо возложенных на него поручениях по Собственной е. и. в. канцелярии в ведении гр. А.А. Аракчеева». В 1826 управляющий делами Собственной е. и. в. канцелярии, с 1827 сенатор.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ваше последнее письмо, дражайший друг Павел, пришедшее к нам через Нератова из Петерб[урга], было от 28-го числа прошедшего месяца. Тысяча благодарностей за продиктованные сыновней нежностью к нам пожелания к новому году, в который мы вступили. Мне весьма сладко быть совершенно уверенным в искренности этих пожеланий, исходящих от сердца нежного и откровенного. Вы несомненно столь же уверены в живости и искренности моих вам пожеланий, мой добрый друг. Не проходит дня, чтобы я не вознес горячих молитв за ваше благополучие, благословляя вас от глубины сердца! Да руководит вами Бог во всех ваших предприятиях!!!

Я очень рад, что вы хороши со всеми вашими начальниками. Это делает службу менее огорчительной, а часто даже приятной. Если граф Витг[енштейн] поедет в Петерб[ург], не сможете ли вы через него получить землю, которую Канкрин противится вам дать. Не думаю, что графу это удастся, коли Канкрин того не хочет, ибо есть доказательства, когда имп[ератор] дал награждение известному Неп[...]ину*, а Канкрин перевернул дело, получив отказ имп[ератора] в вещи, которую тот уже дал. Но по крайней мере граф сможет доказать е[го] в[еличеству], сколь мало выгодно то, что он вам пожаловал, и, быть может, прибавить тысячу арпанов к данным вам 3 т[ысячам]. Желание доставить вам какую-то выгоду внушило мне эту мысль, ибо в остальном вам на месте лучше знать, что делать. Я большим огорчением вижу из вашего письма, мой добрый друг, что вы недовольны доходами этого года. Помоги вам Бог и дай вам выбраться из этого затруднения!!!

То, что вы говорите в своем письме по поводу покойной Кат[ерины] Дмит[риевны], к несчастью, слишком справедливо! Она всех нас поставила в большое затруднение своими последними распоряжениями, доказывающими, что она бросила вызов всем нам и что она доверяла только Каролине, которая нагло этим злоупотребляет. Я думаю между тем, что, если бы Поливанова не отняла детей у Каролины непростительно врасплох, Каролина действовала бы с меньшей наглостью. Нагель сейчас наш посредник между нами и Каролиной, но до сих пор он не добился большого успеха. Каролина, отвечая на мое последнее письмо к ней, закончила письмо словами, что как только ее здоровье поправится, она уедет в Курляндию. Так что надо смотреть, как бы она не закончила дело таким образом и битва бы не закончилась за неимением сражающихся. Я совершенно недоволен Владимиром в этом деле! Он столь невозмутимо хладнокровен, будто бы эти бедные дети менее всего на свете до него касаются. Вообще он не

* Фамилия написана неразборчиво.

блистает чувствами!!! Он любит себя в своей жене, а что до остального, если у него и есть чувства, то тогда он хорошо умеет их прятать!!! Это меня весьма чувствительно огорчает. Я говорил ему об этих детях, но он, казалось, вовсе не хотел вмешиваться. Все могло бы зависеть *от него* при живой покойнице, но он об этом никогда не думал, ибо сердце ничего ему не подсказывает, как мне кажется. Его пребывание с женой у нас доставило мне большое удовольствие, мы расстались нежно и я их люблю, несмотря на их недостатки! Амели была очень мила со всеми нами тремя, и я искренне ее люблю. Владимир недоволен поведением своего тестя и говорит о нем как о человеке, не имеющем ни малейшей деликатности, гордом и низком, как большая часть поляков. То, что я говорю вам о Владимире, есть излияние сердца, которое останется между нами. Я говорю с вами дружески со всем доверием, какое питаю к вам от глубины души.

Борис говорит нам в последнем письме, что вернулся в Петерб[ург] весьма кстати, поскольку смог там уладить дело, которое могло бы причинить ему большой вред, но что вообще это безделица, которую он не хочет доверять бумаге и подробности которой сообщит нам при первом свидании. Его директор Бибиков[1] (с которым, как он уверяет, он в наилучших отношениях) подал ему надежду на новый отпуск, которым он воспользуется, чтобы приехать повидать нас. После возвращения в Петерб[ург] он написал нам одно-единственное письмо.

У меня нет никаких интересных новостей, чтобы сообщить вам, ибо я ничего не знаю. Наш ген[ерал]-губер[натор] снова уехал в Петерб[ург]. Он работал со всеми тремя губер[наторами] могилевским, смоленским и калужским[2]. Он покровительствует только витебскому губернатору, и говорят, что это навредило ему в Петерб[урге], особенно его ссора с губер[натором] Калуги, которому покровительствует имп[ератор], имея о нем хорошее мнение еще с той поры, когда он служил под началом покойного маршала кн[язя] Барклая. Быть может, вы его знавали, он зовется ***Никита Кузьмич Омельяненко***.

Кн[язь] Сергей Трубецкой будет, вероятно, в ваших краях, ибо он назначен **дежурным штаб-офицером 4-го корпуса**[3], если я не ошибаюсь, это корпус, которым командовал Раевский, а сейчас князь **Щербатов**[4]. Думаете ли вы, что Трубецкой будет на своем месте? Я его считаю большим говоруном, малым деятелем и лентяем.

Софья как нельзя более чувствительна ко всему, что вы ей говорите нежного и дружеского в письме к нам. Она благодарит вас за это от всего сердца и обнимает вас очень, очень нежно. Могу вас заверить, что она любит вас так, как только может нежная и добрая сестра любить своего брата.

Я был доволен Александром более, чем когда-либо. Ему еще многого недостает, чтобы стать *вполне* тем, чем он должен быть, но он имеет чувства, способен к привязанности и любит нас чистосердечно и нежно. Я нашел в нем на этот раз больше скромности, и он судит о себе более справедливо, а это уже немало.

Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Обнимаю вас от всего сердца и благословляю так же. П.

Васильево, 28 янв[аря] 1825.

P.S. Кстати, Нератов (отец) обеспокоен, что с сентября месяца, когда вы представили его сына в офицеры, это представление еще не пришло в Петерб[ург]. Сделайте милость, осведомитесь, добрый друг, о причине этой задержки, которая меня огорчает, поскольку я бы хотел, чтобы Нератов был нами доволен. Я так много ему обязан за постоянные услуги, которые он мне оказывает!

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 218–219 об.

---

[1] Бибиков Дмитрий Гаврилович (1791–1870), с мая 1824 исполняющий должность директора Департамента внешней торговли Министерства финансов, в январе 1825 утвержден в этой должности.

[2] Генерал-губернатором витебским, могилевским и смоленским в 1823–1836 был Хованский Николай Николаевич, кн., генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Упомянутые губернаторы: Храповицкий Иасон Семенович, смоленский губернатор в 1821–1829; Максимов Иван Федорович, статский советник, могилевский губернатор в 1824–1828; Сорокунский Акинфий Иванович, действительный статский советник, витебский губернатор в 1823–1829. Калужским гражданским губернатором с сентября 1815 по февраль 1825 был Никита Кузьмич Омельяненко (1779–18?), в 1807 служащий Канцелярии командующего земским войском Полтавской губернии, затем секретарь в канцелярии генерал-фельдмаршала кн. А.А. Прозоровского, в 1810 помощник правителя канцелярии кн. П.И. Багратиона, затем гр. Н.М. Каменского, М.И. Голенищева-Кутузова, в 1813 директор канцелярии адмирала П.В. Чичагова, в 1814 – М.Б. Барклая де Толли, действительный статский советник.

[3] Декабрист С.П. Трубецкой 22 декабря 1824 был назначен дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса и большую часть 1825 года провел в Киеве.

[4] Щербатов Алексей Григорьевич (1776–1848), князь, с 1816 генерал-адъютант, с 1823 генерал от инфантерии, участник наполеоновских войн, с 1824 командовал 4-м пехотным корпусом со штаб-квартирой в Киеве. До него эту должность занимал генерал Н.Н. Раевский.

1825

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 16 февраля 1825

Ваше письмо от 28 дек[абря] – последнее, что мы получили от вас, дорогой и добрый друг, и это заставляет меня опасаться, как бы вы не были нездоровы, ибо иначе вы не лишили бы нас так надолго одного из величайших удовольствий, какие мы можем иметь, то есть получать известия от вас. Все наши петербуржцы были больны, Владимир, Амели и особенно бедный Борис, который должен был ужасно страдать. Только Алекс[андр] здоров, благодаря Богу, и по-королевски забавляется на карнавале, получивши еще одно продление отпуска на три недели от своего снисходительного полковника.

Мы весьма рассчитывали увидеть Бориса к 6 февраля, но ужасный ревматизм, перешедший на глаза, помешал ему. Тогда, чтобы немного развлечь вашего бедного батюшку, который был грустен, не получивши писем ни от кого из детей к своему празднику (Алекс[андр] оставил мне свой рисунок при отъезде), я пригласила пастора с женой приехать к нам накануне. В самый день пастор произнес очаровательную речь, весьма уместную, сопровождаемую прекрасным славословием, потом мы провели этот день и конец недели в тесном кругу, из нас троих, пастора, его жены и девицы Потемкиной, их воспитанницы. Поскольку п[астор] и его жена люди умные, а она к тому еще очень веселая, живая и с талантами, их общество для нас самое приятное во всей округе. Вот как мы провели 6 февраля и карнавал, а с тех пор вернулись к нашему обыкновенному уединению, которое становится еще более одиноким, потому что Соколинские-Марины уже два месяца как в Москве, а Сокол[инские]-соседи едут все в Москву через несколько дней.

Зима дала наконец почувствовать свою суровость. Все эти дни у нас было от 5 до 19 градусов холода, это чувствовалось в моей комнате, а также и моими глазами, по ужасному свету от снега, на котором сверкало солнце. Сегодня погода стала темнее и снова поднялся один из тех ураганов, которые больше всего приводили нас в уныние осенью. В эти холода, и в этот самый момент, я совершенно согрета в ***шинельке*** из одной из последних тканей, что вы нам прислали, мой добрый друг. Одной Софье не холодно, и сейчас она оденет маленькое белое полотняное платье, добавив к нему всего только маленький газовый платок. Она поручает мне передать вам от нее тысячу и тысячу поклонов. Вы знаете несомненно, что Канкрин добился для себя аренды на 50 лет *Бальдона* со всем к нему принадлежащим, что давало короне 8 т[ысяч] руб. серебром в год?[1] Вот превосходная финансовая операция – для него. Не знаю, столь же ли выгодны те, что он совершает для государства; сомневаюсь. Это должен быть

человек поистине больших заслуг, если судить по тому, что он получил за те 20 месяцев, что он министр.

У меня нет никаких новостей о моей матери после письма, которое я вам послала, и это начинает меня беспокоить! Бедная матушка! Почему я не могу заботиться о ней и получить ее благословение после 18 1/2 лет отсутствия. Увы, очевидно, в этом мире мы больше не свидимся! Да смилуется Бог над ее страданиями и да облегчит ее агонию, которая должна быть ужасной, если она следствие водянки.

Пишите нам чаще, дорогой Павел: ваши письма являются одним из величайших наших удовольствий, и сообщайте нам малейшие подробности наимельчайших вещей. Тем, кто вас любит, все интересно! Как я вспоминаю и сожалею о временах, когда вы приходили делать планы в моей комнате на маленьком столе, который я готовила для вас и где мы горячо спорили о распределении апартаментов вашей жены и всех ваших детей с их гувернерами и гувернантками!! Они прошли, эти праздничные дни. Дай Бог, чтобы они скорее вернулись! Генерал Ефимович купил Толстики[2], так что вы их больше не получите. Что до невест, которых вы предназначаете Борису, я позабыла сказать вам, что одна умерла (я думаю), и что вторая – соседка – злая, сварливая и тряпка; и потом, я не считаю его еще достаточно солидным для женитьбы. Это голова!!! Прощайте, дорогой **душинька**, нежно вас обнимаю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 220–221 об.

---

[1] Е.Ф. Канкрин с 1 января 1825 получил аренду имения Бальдон в Курляндской губернии на 50 лет.

[2] По-видимому, речь идет об одном из соседних имений. Известны два генерала по фамилии Ефимович, один из них к описываемому времени умер: Андрей Александрович Ефимович (1773 – 4 сентября 1823), генерал-майор, в 1809–1815 командир Александрийского гусарского полка, с 1818 начальник 2-й драгунской дивизии, умер в Воронежской губернии; Матвей Ефимович, даты жизни неизвестны, в службе с 1783 по 1802, в 1800 генерал-майор. Кроме того, генерал-майор Ефимович, имя которого неизвестно, в 1800–1804 являлся шефом Елецкого мушкетерского полка.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ваше последнее письмо, мой дорогой Павел, было от 28 декабря, я получил его 19 янв[аря], и мы писали вам 27 янв[аря]. С тех пор мы не имеем от вас никаких новостей. Тем временем мне исполнилось 60 лет, с 6 фев[раля] я уже на 61-м году!!! Благодарю Всевышнего за все доказательства его милосердия, в которых я столь явственно убедился во всю свою жизнь. Даже случившиеся со мной неприятности, даже те, что казались бы истинным несчастьем на людской взгляд, были благодеянием для моего сердца и утвердили в нем принципы Исуса Христа, нашего Спасителя. Так что они действенно способствуют истинному счастью, какого должен надеяться достигнуть христианин. Возблагодарим за то Господа!!! Чтобы остаток краткого отрезка времени, который мне остается для пути в этом мире, был употреблен для укрепления меня в истинной вере, которая есть единственное истинное счастье в этом мире, единственное утешение в последний час и приготовление к *вечному* будущему! Чтобы вся моя жизнь была посвящена благу ближнего на службе Всевышнему во всех моих поступках!!! Вот, дорогой друг, молитвы, с которыми я обратился ко Всевышнему при вступлении в свой 61-й год!!! Я просил его усердно за мою любимую жену и обожаемых детей, которые, благодаря Бога, составляют счастье моей жизни.

Со времени моего последнего письма к вам, дорогой друг, не произошло ничего интересного и заслуживающего сообщения вам, кроме следующего: Борис страдал болезнью глаз, заставлявшей опасаться пагубных последствий, но благодаря Бога, он вне опасности. Однако он еще не писал нам после выздоровления. Владимир получил эскадрон Артамона Муравьева и, кажется, в восторге, что этот эскадрон будет носить его имя[1]. Александр по возвращении в Петерб[ург] получил отсрочку на три недели от своего на-

чальника и в настоящее время должен был уехать в Новгород. Он сделал для меня очаровательный рисунок, который оставил матушке для вручения в мой день рождения. Что она и сделала таким образом, что это стало для меня настоящим сюрпризом, я был тронут этим знаком памяти. Софья здорова, ведет себя хорошо и продолжает быть нашим утешением и другом в нашем одиночестве, которое она разделяет с превосходящим ее возраст удовольствием. Что до вашей превосходной матушки, она сама вам пишет.

Нератов (отец) написал мне от 7 янв[аря], что наконец представление на его сына прибыло по назначению в Петерб[ург]. Что встречаются какие-то трудности в *старшинстве* производства, чего я не понимаю, не зная сути. Добрый Нератов говорит о своем сыне трогательным образом и хотел бы достать ему место ***старшего адъютанта***. Он настоятельно просит меня добиться, чтобы он был приставлен к этой обязанности при графе Витгенштейне или Киселеве. Я почитаю своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы выказать Нератову (отцу) признательность за столькие *существенные* услуги, которые он оказал мне в делах о пенсионе, не в займах (ибо я ничего ему не должен), но за его старания об отсрочке для меня платежей кредиторам. Я совершенно решился просить графа назначить Александра Нератова **в должность старшего адъютанта** при нем. Как прапорщик он не может быть действительным адъютантом, но я вижу в **приказах** столько примеров, что прапорщиков назначают **в должность адъютанта**. Однако я не хочу рисковать ни с каким шагом, не посоветовавшись с вами, и прошу, сделайте милость, посоветуйте, каким образом за это взяться, чтобы обеспечить наибольший успех моим шагам. Нератов желает, чтобы его сын получил это место, дабы он не забыл того, чему учился, не имея способов взращивать и употреблять свои знания, служа во фронте. Я буду с нетерпением ждать вашего ответа по этому поводу[2]. Мои интересы и ваши, дорогой друг, настолько слиты вместе, что я уверен, вы заинтересуетесь этим делом так же горячо, как и я сам.

С этим годом оканчивается срок моей аренды! А с этим и последние способы уплаты моих долгов. Это заставило меня решиться снова написать весьма настоятельное письмо е[го] в[еличеству] имп[ератору], излагая ему состояние моих финансов. Одновременно письмо к гр[афу] Аракчееву, где я сообщаю больше подробностей о моих делах. Говорят, он должен читать подобные письма к импер[атору]. С полным доверием к милости Божьей я посылаю эти письма, вполне убежденный, что, каков бы ни был результат, поскольку к нему ведет провидение, он не может не быть полезным и спасительным для меня!!! Помогите, дорогой друг, просить Бога смиловаться над нами!!! Чтобы не утруждать разбором моего почерка, столь малопонятного, ваша превосходная матушка была добра переписать эти письма набело, и так в этом преуспела, что вышли образцы каллиграфии.

Сообщайте нам свои новости, дорогой Павел, как можете чаще. Ваши письма для нас удовольствие в нашем одиночестве. Обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца. П.

Васильево, *18 февр[аля] 1825*

P.S. Не забудьте, мой добрый друг, что 19-го числа следующего месяца день рождения вашей матушки, она будет рада, если вы об этом вспомните.

Внизу листа карандашом рукой П.И. Пестеля по-французски[3]:
Нератов
Письмо к императору
Пасха
Зима
Соколинский

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 222–223 об.

[1] Декабрист Артамон Захарович Муравьев (1793–1846), служивший в Кавалергардском полку вместе с Владимиром Пестелем, в декабре 1824 получил в командование Ахтырский гусарский полк, располагавшийся в местечке Любар близ Бердичева.

[2] В списке офицеров Вятского полка за апрель 1826 прапорщик Нератов назван батальонным адъютантом. Вероятно, не имея возможности добиться помещения его адъютантом при П.Х. Витгенштейне, П.И. Пестель поместил его на адъютантскую должность в полку.

[3] Очевидно, это набросок с перечнем того, о чем Павел Иванович хотел говорить в ответном письме.

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 17 марта 1825

Ваши два письма от 27 января и 15 февраля дошли до нас почти одновременно, мой дорогой и добрый друг Павел, и весьма нас тронули выражениями нежности, в них содержащимися. Если мы имеем счастье рассчитывать на вашу привязанность, вы можете также быть вполне уверенным, что никогда сын не был нежнее любим родителями, чем вы любимы нами, и что если бы Всевышний счел нужным осуществить для вас в этом мире все благословения, что мы вам даем, и все молитвы, что мы за вас возносим к нему, то несомненно вы были бы счастливейшим из смертных, живущих на пространстве земли. Также для нас большой праздник и истинная радость, когда мы получаем письмо от вас, и чем оно длиннее, тем более мы довольны. Вы спрашиваете, какими я нахожу ленты, которые вы прислали; я, кажется, уже сказала вам, что нахожу их очаровательными, и что с синими Амели тут же соорудила мне чепец, в котором я появилась в торжественный день конфирмации Софьи и нашего причастия. Прочие также появятся при случае *in fiocchi**. У нас, как и у вас, были довольно сильные морозы, но с той разницей, что здесь они привычны, а у вас чрезвычайны. Как и у вас, у нас непрестанные бури, но очень мало снега. Всю вторую неделю этого месяца было очень красиво, великолепное солнце днем с 2 или 3 градусами тепла, а ночью от 6 до 12 градусов холода. Сейчас совершенная оттепель, небо затянуто, температура сырого воздуха равно неприятна, но дни уже намного длиннее и приятный сезон приближается, то есть пора надежды, окрашивающей все предметы сквозь свою восхитительную призму до тех пор, пока грустная действительность не является разрушить очарование. Благодаря Бога, мы мало страдали от холода этой зимой, и если в прихожей часто бывало невыносимо, то по крайней мере люди могли укрыться в маленьком проходе, ведущем в буфет, где есть теперь хорошая печь с лежанкой. Эта прихожая и ваши две кельи обязательно нуждаются в переделке, как и все исподы полов в старом доме, которые обваливаются со всех сторон; а, чтобы жить в новой постройке, надо обязательно делать там кирпичный фундамент, но когда, как, на что все это может быть сделано, один лишь Бог знает. Не стоит об этом думать. Я поздравляю вас со знакомством с кн[ягиней] Барятинской[1] (ночевали ли они или только обедали у вас?). Это прекрасная особа, и говорят, что столь же добрая. Я много раз видела ее в Петербурге у Лавалей и кн[ягини] Белосельской[2] 6 или 7** лет назад.

Софья говорит вам тысячу и тысячу нежностей, мой добрый друг, и очень искренно вас любит. Она и я, мы чувствуем себя сносно, но ваш бедный батюшка почти три недели страдает приступом подагры, которая на этот раз упорнее обычного. Я очень рада, что вы довольны своим здоровьем; вы не ответили на вопрос о ваших зубах. Мои досаждали мне это время, и что по-настоящему меня огорчает, это что лучший мой зуб, мой *щелкунчик* поддался порче после того, как в течение 33 лет сопротивлялся при дурном соседстве. Теперь я не очень-то знаю, как приладиться жевать, потому что больше не могу ни одной стороной, а передними тоже затруднительно.

* Букв. «хлопьями» (итал. яз.), здесь – частями, постепенно.

** Цифры в подлиннике переправлены, сначала было «7 или 8».

Прождавши Поливановых более месяца, мы перестали их ждать, тем более что санный путь как раз заканчивался, и как раз тогда (7-го числа) вдруг прибывает большая кибитка, а в ней г[осподи]н и г[оспо]жа Поливановы, их горничная и... двое маленьких *Реннеров*. Поскольку с каждым часом исчезал остаток снега, а Поливановы, ехавшие через Москву, хотели еще вернуться в свою деревню под Калугой, они только пообедали у нас и отбыли через 5 часов, оставив нам малышей, с которыми Аннет прощалась с поистине трогательными рыданиями. Она очень хорошо поступает во всем, что касается чувства и уважения ее к памяти матери, все пожелания которой исполняет; но поскольку ни она, ни ее муж не имеют никакого разумного понятия о делах, а Воло ни во что не вникает и не хочет ничем заниматься, то они не имеют понятия о том, каким образом вручить нам этих бедных детей. Сначала дали Каролине совершенно их обобрать и привезли их без белья, только с 8 рубашками, несколькими парами чулок и 7 платками на двоих, парой обуви, которая у них на ногах, и у обоих по две одежки, одна из черного камлота и одна цветная старая; и больше ничего, ни постелей, ни постельного белья, ни полотенец, совсем ничего. Аннет говорит, что Каролина завладела почти всем и что Воло заберет назад и пришлет нам, тем временем Воло, как обычно, ничего не забрал, ничего не делает, ничего не присылает и ничего не говорит. Он пишет нам в высшей степени нежное письмо, но все это не выказывается ни в чем, кроме нескольких *писаных* фраз. Поскольку он не *сказал* нам ни слова, когда был здесь. Что до детей, он сказал только, что несомненно мы не найдем их столь любезными, как ожидаем, но (прибавил он)... чу, сверх того на самом деле он вовсе ничего не говорит. Между тем никто ничего не получил от Каролины, и, кажется, все боятся ее как дьявола; она остается хозяйкой всего, а мы имеем удовольствие воспитывать в этих бедных малышах *бастардов Каролины*!!! И Воло мог это стерпеть!!! Между тем он уверяет нас, что мы можем быть спокойны, и сам имеет мужество быть таковым, тогда как Каролина осталась хозяйкой всего и может в любой момент сделать нам тысячу неприятностей и объявить этих детей за своих, а все их бумаги остались у Кат[ерины] Фед[оровны] Муравьевой. Она сделала больше всех, но главное, единственное средство покончить, это, чтобы Каролина формально отказалась от претензии на права на детей, чего она не желает. Ваш батюшка переслал Владимиру письмо, адресованное ему от Каролины, в котором она объявляет, что отказывается ото всех прав на детей и что их капитал принадлежал Кат[ерине] Дм[итриевне], которая приказала ей поместить его на свое имя. Владимир должен был заставить Каролину подписать это письмо; вместо того он порвал с ней, упустил устроить ей взбучку, ничего не добился и советует нам быть спокойными. Поливановы также поступают с нами неискренне относительно выплат по ломбардным билетам детей, о которых то говорят, что они хранятся у них, то что их не нашли среди вещей; они *обещают* регулярно выплачивать детям тысячу рублей по третям, как им завещала покойная. Тем временем их нам вручили без одежды, без белья, без вещей и без копейки денег и все время советуют нам быть спокойными. Благодаря Богу, эти бедные дети имеют неплохую натуру и, по счастью, одарены как по части сердца, так и ума, ибо в остальном невозможно представить, как с ними обращались Каролина и остальные бонны и как ими пренебрегала их мать, думавшая воспитать их безупречно. Аннет, которой *9 лет*, еще не умеет читать; немецкий идет с большим трудом, и она начинает учить французский и русский; в остальном никаких понятий, даже не знает названий месяцев и дней, никакого понятия о религиозных идеях, в общем, невежественна в высшей степени, а младший, которому 7 лет, и того пуще. В остальном славные дети, нежные, послушные, особенно Аннет полна доброй воли и понятливости. Тем не менее ***Петя***[3], которым Софья занимается около года, гораздо более них продвинулся, хотя ему всего 6 с половиной лет. Что до физического состояния, чтобы дать вам о нем представление, скажу, что каждый из них имеет 7 или 8 испорченных зубов, которые не подумали вырвать в Петерб[урге]. С ними были там,

где есть все возможности, и привезли их туда, где нет никаких, не сделавши для них ничего ни в физическом отношении, ни в нравственном, ни в денежном; и нам говорят только: будьте спокойны!!!... Единственный, кто нам помогает во всем этом, – наша добрая Софья. Я сузила мой уголок для спанья, чтобы увеличить софьин, который она делит с Аннет. Александр спит на моем диване, таким образом мы все четверо в одной комнате. Поскольку малыши не привезли никакой женщины для услуг (просьба, на которую Воло мне даже не ответил) и важно отучить их от общества прислуги, они постоянно у меня на глазах. Софья присутствует при их подъеме и укладывании, заботясь обо всех деталях, она встает ночью, когда одному из малышей что-нибудь понадобится; она развлекает их, играет с ними как малый ребенок, присматривает за ними как лучшая и нежнейшая гувернантка и дает им урок как хороший учитель. Ей поручен почерк: они начинают с самого начала, едва умея вывести несколько скверных букв плохо удерживаемым пером; и заставлять их читать по-французски и по-русски. Я взяла на себя немецкий, рисунок (более как занятие, нежели как талант) и счет, о котором они не имеют никакого понятия. Кроме того, есть необходимые мелочи, которые узнаешь в разговоре. Вечером Софья рассказывает им истории; одним словом, она не теряет их из виду ни на минуту. И несмотря на это, она еще дает урок **Пете**, учится со мной и сама занимается переводами, выписками, чтением; в общем, у нее нет ни минуты свободной, и несомненно вы, добрый и чувствительный, не могли бы видеть без умиления, что она делает для этих детей с рассудительностью, доброй волей и простотой, бесконечно увеличивающей ценность этого, и по видимости не полагая в этом ни малейшей заслуги. Благослови ее Бог! Если Влад[имир] не будет носить ее в сердце, он будет поистине неблагодарным. В остальном, когда будете ему писать, не покажите виду, мой добрый друг, что знаете о каких бы то ни было наших неудовольствиях, ибо я полагаю, он мало понимает, каким грузом мы обременены; он спокоен и нам советует быть таковыми, – чего ж еще? Думает ли он хотя бы, что этим детям нужны белье, одежда, вещи, и что у нас нет ни холста, ни тканей, ни денег? Полагаю, что нет. Аннет нас мало знала, Алекс[андр] вовсе нет, они остались вдруг с чужими, без единой знакомой души, и, несмотря на горькие сожаления, которые они выказали и еще часто выказывают об Аннет Поливановой, они безропотно смирились со своим новым положением и уже привязались к нам. Они зовут нас батюшкой и матушкой, а малыш сказал Софье: **у меня не было маминьки, а теперь у меня опять есть маминька**. Оба знают, кто их мать, и, к несчастью, Аннет знает, что это нужно скрывать. Однажды, когда приехали г[осподи]н Ефимович и г[оспо]жа Рычкова[4], Аннет в совершенном затруднении спросила Софью: *Если спросят мою фамилию, что мне нужно ответить?* Бедные дети! Софья ответила ей просто: но сердце мое, вы же хорошо знаете, что зоветесь Реннер.

Вы получите, мой добрый друг, это письмо во время пасхальных праздников. Я всем сердцем желаю, чтобы вы провели их приятно, и, чтобы они внушили вашему сердцу тот род чувств, которые составляют истинную основу добродетели, душевного спокойствия и, следовательно, истинного счастья. Мы к ним готовимся и проведем их, благодаря нашего божественного спасителя за все, что он сделал для нас и для всего человечества, благодаря Всевышнего за утешение, которое он дает нам в нашем несчастном положении, и прося его за наших детей!

Мы наконец получили письмо от Бориса, который подвергнулся сильному кровопусканию из руки, 54 пиявкам вокруг глаз и затем 9 надрезам, чтобы не ослепнуть. По прошествии двух месяцев он едва мог написать несколько строк, к тому же проливая сильные слезы! Бедный Борис, я сомневаюсь, что его глаза когда-нибудь вернутся к прежней силе! Александр писал нам, уезжая в Новгород: он говорит, что давно не получал от вас новостей и опасается, как бы вы не подумали, что нужно 5 печатей на письмо, чтобы заинтересовать его[5]. Затем прибавляет в постскрипту-

ме, что только что получил от вас очень дружеское письмо и что вы посылаете ему денег, несмотря на то что сами вы располагаете немногим, и все же хотите прислать ему еще 500 руб. Благослови вас Бог, мой добрый друг, за то, что вы делаете для своего брата, и за радость и утешение, какие приносите родителям! Думаете ли вы, что мы сможем иметь счастье заполучить вас в Васильево до конца года? Если сочтете это возможным, предупредите нас, чтобы мы заранее насладились счастьем надежды и ожидания. Что до Бориса, то Бог знает, когда он сможет приехать. Владимир и Амели говорят, что решительно хотели приехать на зиму, но сомневаюсь, что они смогут осуществить этот план. Амели снова была больна выкидышем, от которого счастливо избавилась. Хотят, чтобы этим летом она брала морские ванны близ Ревеля. Воло обещан полк: дай Бог, чтобы его ему дали, чтобы он был хорошим и чтобы начальник сделал ему честь.

Надеюсь, мой добрый друг, что довольно болтала и пора заканчивать. Тем более что ваш батюшка просит перо, чтобы прибавить самому несколько строк к этому письму, несмотря на подагру. Итак, я вас покидаю, мой добрый друг, мой дорогой Павел, обнимая вас и благословляя со всей живой нежностью, какую питает к вам мое сердце.

Никаких писем от моей матери с 9/21 нояб[ря]. Это меня сильно беспокоит!

Приписка И.Б. Пестеля:

Поскольку я страдаю от подагры, не могу писать вам так, как хотел бы, мой дорогой друг. Я совершенно заодно с вашей матушкой во всем, что она говорит вам нежного насчет чувств, какие мы к вам питаем. Я весьма чувствителен к вашей памяти, дорогой друг, по случаю моего дня рождения, высказанные вами пожелания мне счастья, несомненно, очень искренни, и я очень признателен. Бог, ведущий все к лучшему, да руководит нами, и ничего не прибавишь к нашему счастью.

Тысяча благодарностей за все заботы ваши о сыне Нератова. Я рассматриваю все, что вы делаете *для него*, как доказательства вашей привязанности *ко мне*. Отец Нератов также весьма признателен. Посылаю вам прилагаемую выдержку из письма, в котором он говорит об этом. Бог благословит вас за все добро, что вы делаете своим родителям, братьям и прочим – новым трогательным доказательством вашей доброты служит новая присылка денег, которую вы сделали для Александра и предполагаете сделать еще. Если бы вы могли читать, мой любимый сын, в сердце вашего нежного старого отца, вы нашли бы там такие чувства *к вам*, которые несомненно доставили бы вам удовольствие. Я могу лишь усердно молить Бога за вас, добрый друг.

Новое затруднение пришло к нам в руки с бедными сиротами, завещанными Кат[ериной] Д[митриевной]. Заботы вашей превосходной матушки и Софьи трогательно видеть!!! Благослови их Бог!!!

Через несколько дней, т. е. послезавтра, мы будем праздновать день рождения нашей любимой, почтенной благодетельницы, вашей нежной матушки. Я весьма справедливо называю ее благодетельницей, ибо не проходит дня, когда бы мы не должны были благодарить Бога, давшего ее нам. Да соблаговолит Бог сохранить нам ее и дать ей неизменно доброго здоровья и нерушимого счастья!!!

Прощайте, дорогой и добрый Павел. Обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 225–230 об.

Рукой И.Б. Пестеля по-русски:

Выписка из письма Мих[аила] Степ[ановича] Нератова от 25 февраля 1825.

«Не имею способности и слов достаточно возблагодарить Павла Ивановича за все благодеяния, оказываемые им сыну моему Александру, особенно же за столь лестный его об нем отзыв к г[енералу] Киселеву в письме к сему последнему, прошу покор-

нейше ваше прев[осходительство] принять на себя труд засвидетельствовать Павлу Ивановичу чувства моей признательности. Вы, мил[остивый] г[осу]дарь, сами нежный, чадолюбивый отец, вам лучше многих других должно быть известно, какие в подобных случаях чувства могут занимать признательное родительское сердце к благотворителю сына его!!»

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 224.

---

[1] Это могла быть одна из родственниц декабриста А.П. Барятинского: мать Анна Андреевна, сестры Варвара или Екатерина.

[2] Лаваль Иван Степанович (1761–1846), гр., французский эмигрант, управляющий 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел, камергер; его жена Александра Григорьевна (1772–1850), урожденная Козицкая, приходилась сестрой кн. Анны Г. Белосельской-Белозерской. Дочь Лавалей Екатерина Ивановна была замужем за декабристом кн. С.П. Трубецким, другие дочери – Александра, в замужестве Коссаковская, Зинаида, замужем за австрийским послом Л. Лебцельтерном, Софья в замужестве Борх.

[3] Вероятно, крестьянский мальчик или сын управляющего, с которым занималась Софья Пестель.

[4] Рычкова (Richkoff) – лицо не установлено.

[5] Пятью сургучными печатями запечатывались письма с ценными вложениями, тогда как обычно ставилась одна или две печати. Согласно почтовой инструкции, письма, содержащие ценные вложения (деньги, ломбардные билеты, векселя, облигации, купчие, паспорта, дорогие вещи) сдавались на почту открытыми, наличие вложений проверялось лично почтмейстером в присутствии сдающего письмо, затем предписывалось «по средине пакета класть казенную печать конторы на сургуче, а по углам четыре партикулярные печати от посылателя, или казенные от того места, откуда пакет принесен» (Инструкция губернскому почтмейстеру. СПб., 1807. С. 12–13).

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 31 марта 1825

Я в высшей степени чувствительна, мой дражайший и добрый друг, к вашей памяти и пожеланиям и всему, касающемуся моего дня рождения в вашем хорошем и нежном письме от 3 марта, пришедшем к нам, увы, только 27-го числа. Вы знаете уже, как я провела этот день, и должны быть вполне уверены, что коли вы мысленно перенеслись в Васильево, также постоянно вы присутствовали и в наших мыслях, и имя ваше часто произносилось в этот день, как и вообще весьма, весьма часто в нашем маленьком собрании. Я повторяю вам свое **Христос воскрес**, которое, кажется, уже сказала в последнем письме. Мы начали праздники (**не в роскоши***, потому что не было даже на что купить сухого изюма для нашего ***кулича***), но с сердцем спокойным и полным признательности за доброту Всевышнего и нашего доброго императора. Ибо за день до того мы получили через Бориса, Владимира и Нератова новость, что граф Ар[акчеев] написал Канкрину и указал ему, что имп[ератор] желает сохранить за тайн[ым] сов[етником] Пестелем аренду, которой он еще пользуется, потому надобно изучить средство возместить г[енералу] Васильч[икову], которому она была дана. Бог знает еще, каков и когда будет результат этого письма, но оно доказывает благодетельные намерения имп[ератора] и дает нам надежду, что однажды мы сможем с честью покончить со всеми нашими кредиторами. Вы можете судить, добрый друг, как эта радость нас обрадовала. Я надеюсь, что обрадует также и вас и что вы разделите чувства

---

* В подлиннике слово написано по-русски с «е» в окончании.

признательности, питаемые нами к божественному провидению и к имп[ератору], который, несмотря на претензии, которые он полагал, что должен иметь к вашему отцу, имел внимание ко всем просьбам и благодетельствовал его даже после немилости. Как бы я скорбела, если бы должна* была предположить, что когда-либо один из моих сыновей мог оказаться в числе так называемых *либералов*, что вообще, и особенно у нас, есть синоним поджигателя. Если бы среди этих молодых реформаторов всего света можно было найти добросовестного и не имеющего собственных честолюбивых устремлений, несомненно, он не остался бы таковым надолго. Размышление, как и религия, сказали бы ему: что он не призван менять лицо империй; что превыше его разума предвидеть ужасные следствия, какие может иметь минута увлечения; что существует достаточно средств творить добро в том кругу действий, куда он помещен Провидением; что хорошо служить отечеству и государю, исполнять обязанности гражданина, человека и христианина достаточно, чтобы наполнить существование человека добродетельного и благочестивого так, чтобы он мог со спокойствием ожидать минуты, когда будет призван пред вечным судией**.

Весна, кажется, вознамерилась установиться всерьез, и это всего за несколько дней, поскольку с последнего моего письма у нас опять было много снега и заморозки. Дороги сейчас так плохи, что мы почти никого не видим в эти праздники. Софья, которая вас любит и уважает всем сердцем, обнимает вас и поздравляет с праздниками. Она продолжает с тем же успехом и рвением заниматься своими маленькими учениками. Как она добра и разумна! Я несколько месяцев назад говорила вам, что она заказала (чего крайне желала) бюро за 40 рублей, но поскольку столяр не мог начать его тотчас, она сделала заключение, что с замками это станет ей почти в 50 руб., и, находя, что это слишком большие для нее денежные расходы, она отказалась от него, отменила заказ и не говорит более об этом!! Малыши очень милы и все больше к нам привязываются. Вчера русский священник служил у нас; после службы **Саша** спросил меня: Weist Mama? (я) wer, ich? (он) Nein, meine andere Mama? (я) sie ist bey Gott, und betet für Euch und für uns***. После того он ушел уголок и пустился плакать горячими слезами! Мы сделали им (и к тому также добрая Софья дала из своего) кое-какую одежду к праздникам из того, что смогли отыскать в наших весьма опустевших комодах, поскольку до сих пор мы не смогли ничего получить для них: ни вещей, ни гардероба, ни денег, вовсе ничего!!! Поскольку говорят, что у Каролины водянка и что дети остаются у нас, наши дорогие петербуржцы находят, что мы должны быть совершенно спокойны, и на том мир почивает! Мы получаем в высшей степени нежные письма от Бориса, Александра, Владимира и Амели. Она на основании новости об аренде, которую хотят сохранить за нами, воображает, что мы будет призваны в Петербург, и на этом строит планы соединения, развлечения, как будто (говорит Воло) мы уже у ворот города, но доказывающие, насколько она к нам действительно привязана. С 25 февраля, годовщины вашего первого прибытия в Васильево, мы каждый день считаем, что вы делали в прошлом году. И сколько воспоминаний и сожалений наберется к 6 мая!! Дай Бог, чтобы это счастливое время вскоре вернулось. Прощайте, мой дорогой и добрый друг, обнимаю вас и благословляю, как и люблю. Этим все сказано.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 18–19 об.

* Слово «должна» написано над зачеркнутым «могла».

** Текст письма от слов «Как бы я скорбела» до этого места в подлиннике отчеркнут на полях карандашом как привлекший внимание лица, разбиравшего бумаги в Следственном Комитете.

*** «Ты знаешь о маме? (я) О ком, обо мне? (он) Нет, о моей другой маме? (я) Она на небесах и молится за вас и за нас» (нем. яз.).

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Нежно обнимая вас, дорогой и добрый друг, я говорю вам: ***Христос воскрес***! поздравляя вас с праздниками пасхи, с днями, которые должны быть столь драгоценны *всякому истинному христианину*. Я прошу Бога, мой добрый друг, чтобы вы и все те, кто мне дорог, могли бы вполне постигнуть то спасительное, что произошло для нас в дни, память которых мы сегодня празднуем. По тысяче причин эта моя молитва самая горячая из возносимых и более всего затрагивает мое сердце. Одна из этих причин покажется вам, быть может, эгоистической – это мои размышления, что возраст и в особенности расстроенное здоровье заставляют чувствовать, что существование мое в этом мире не может быть длительным. Дни жизни, оставшиеся мне еще, я не проведу с теми, кто мне дороже всего в мире, – с моими детьми. Мне остается еще надежда оказаться соединенным со *всеми* моими в ином мире. Если наши принципы религии и веры различны, особенно по предмету, который единственный обещает нам вечное соединение, у меня больше нет даже единственного остающегося утешения, видеть себя соединенным с моими в вечности. Судите, дорогой друг, какое отчаяние должна производить в моей душе эта мысль, отчаяние, которое будет терзать меня и в последний час и которое я унесу даже в могилу! Дай Бог, чтобы со мной этого не случилось и чтобы я мог однажды покинуть этот мир в убеждении, что мои однажды присоединятся ко мне, чтобы более не покидать!!!

В последний раз, когда матушка вам писала, я не мог сделать этого, как хотел бы, поскольку страдал от подагры; сейчас мне лучше и даже вполне хорошо с подагрической опухолью на ноге, мешающей мне как следует обуваться.

Ваше последнее письмо, дошедшее до нас гораздо быстрее, чем предыдущее, было от 3 марта. Благодарю вас, добрый друг, за пожелания нам счастья по случаю праздника вашей почтенной матушки. Мы провели его спокойно и довольно приятно, насколько это возможно в нашем одиночестве.

Я совершенно согласен с вами в том, что вы говорите относительно сына Нератова. В доказательство, что я предвидел наблюдаемое вами, я просил ваших советов на на эту тему и не предпринимал ничего, пока не получал от вас ответа, постановив следовать данным вами советам. Я нахожу весьма разумным желание отца поместить сына ***старшим адъютантом***, ибо он не потеряет времени и лучше сделает карьеру, выучившись и приобретя полезные познания в этом роде службы; кроме того, он будет более занят, в лучшем обществе и пр., и пр. Устройте это, мой добрый друг, вы этим окажете мне услугу, за которую я буду очень признателен. Я дождусь вашего ответа, чтобы действовать со своей стороны, *если вы найдете это необходимым*.

Я очень рад, что ген[ерал] Готовцов при инспектировании отдал справедливость вашему полку[1]. Надеюсь, это будет вам полезно на будущее, как и все доброе, что вы делаете по службе. Вы уже пожинаете плоды, дай Бог, чтобы вы могли их пожать еще больше. Вот случай вспомнить русскую поговорку, говорящую: **за Богом молитва, а за государем служба не пропадает**. Правда, что последнее иногда страдает от исключений из общего правила, но при ближайшем рассмотрении это все же редко, ибо однажды все же отдают справедливость истинным заслугам. Если не государь, то другие, и заслуги если не вознаграждаются, то по крайней мере признаются.

Надо сообщить вам новость, бросающую *луч* надежды на мои дела. Я уже говорил вам о своем последнем письме к е[го] в[еличеству] имп[ератору]. Борис сообщил мне новость, что *Канкрин* получил письмо от графа Аракчеева, в котором тот излагает волю е[го] в[еличества], чтобы моя аренда была продлена еще на 12 лет. А поскольку она уже отдана ген[ералу] Васильчикову, е[го] в[еличество] приказывает, чтобы Канкрин так с ним уладил, чтобы аренда осталась у меня. Видите, дорогой друг, что наш император добр. Он не только пожелал прийти мне на помощь, но хочет даже преодолеть осложнения, созданные обстоятельствами (благодаря Гурьеву, отдавше-

му мою аренду Васильчикову). Дай Бог, чтобы это удалось, тогда я проведу свои последние дни если не в изобилии, то по крайней мере спокойно, имея в виду средства расплатиться с долгами. Присоединитесь ко мне, добрый друг, чтобы благословить имп[ератора], моего благодетеля, или же того, кого провидение избрало на эту роль. Простремся перед Всевышним, все ведущим к лучшему и никогда еще меня не покидавшим!!! Я столь проникнут этой истиной, основанной на 60-летнем опыте, что никогда не теряю мужества в самых ужасных обстоятельствах, со мной случавшихся. Какое благо полагать все свое доверие на Всевышнего!!! Thue recht u[nd] vertraue auff Gott*, говорит Апостол.

Среди новостей дня самая интересная в том, что имп[ератор] незамедлительно отправляется на Сейм в Варшаву[2]. В Петерб[урге] ожидают приезда Ермолова и графа Воронцова. Оба желают оставить свои должности. Одному из них прочат в преемники генерала Сабанеева[3]. Большинство полагает, что он должен заместить Ермолова. Не отвечаю вам за правдивость этих слухов и сообщаю их как петербургские уличные слухи.

Сын графа Лаваля в бытность в Москве** потерял в игре (к чему пристрастен) 500 т[ысяч] руб. и выдал векселя на эту сумму[4]; другой молодой человек, также проигравший, имени которого не называют, не хотел дать векселей и был избит *до смерти* игроками! Все это случилось в Москве, а плут, который вытянул деньги, – некто **Алексеев**, сын покойного сенатора[5], который был доставлен в Петерб[ург] и посажен в крепость.

Полагаю, я рассказал все, что может быть вам интересно, и заканчиваю, повторяя заверения в живой нежности к вам, дорогой сын, и благословляя вас от глубины сердца. П.

Васильево

2 апреля 1825

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 231–232 об.

---

[1] В списках русских генералов числятся два Готовцева, один из них оставил службу в 1820, другой в 1809. Вероятно, речь идет о генерале Готовском, начальнике штаба 7-го пехотного корпуса, в который входил Вятский полк. Готовский Семен Осипович, в офицерском звании с 1800, в 1811 подполковник, в 1813 полковник, в 1818 генерал-майор, находился на службе до 1834.

[2] Сейм открывался 1/13 мая 1825. Александр I выехал из Царского Села 4/16 апреля, через Витебск, Оршу, Брест-Литовский 15/27 апреля прибыл в Варшаву, 1 мая выступил с речью на открытии сейма, пробыл в Польше до окончания его работы, закрыл заседания 1/13 июня, выехал на следующий день и вернулся в Царское Село 13 июня.

[3] А.П. Ермолов с 1816 по 1827 командовал Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом, в летнюю кампанию 1825 г. руководил военными действиями против чеченцев. М.С. Воронцов с мая 1823 по 1844 являлся новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, в марте 1825 произведен в генералы от инфантерии. Никаких изменений в служебном положении обоих в 1825 не произошло. Иван Васильевич Сабанеев (1770–1829), с 1823 генерал от инфантерии, участник наполеоновских войн, с 1818 командовал 6-м пехотным корпусом 2-й армии. Его служебное положение в 1825 также не менялось.

[4] Владимир Иванович Лаваль (1804 – 20 апреля 1825), сын И.С. Лаваля (см.), застрелился после крупного карточного проигрыша.

[5] Сенатор Алексеев Иван Алексеевич (1751 или 1750 – 1816), действительный тайный советник, насколько известно, детей не имел (Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 22; Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 50).

---

* «Поступай по-справедливости и положись на Господа» (нем. яз.).

** «Москва» написано над зачеркнутым «Петерб.».

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Ваше последнее письмо, мой дражайший друг, от 20 марта, дошло до нас только 23-го числа сего месяца. Вы говорите, что написали нам пять писем, включая письмо от 28 декабря, и это совершенно верно, как вы увидите из прилагаемой записки, но вы обнаружите из нее также, что это письмо – 5-е, что мы вам пишем. Не знаю, почему наши письма так долго находятся в пути, прежде чем дойти? Правда, что для верности они делают большой круг, идя через Петерб[ург]; но я считаю все же, что лучше получать их позже и быть уверенными, что они дойдут. Ваша матушка написала к гр[афине] Витгенштейн письмо, датированное 27 января, и поскольку мы и вам писали в тот же день и наше письмо к вам пришло, надо полагать, что ее письмо также дошло; однако она не ответила. Не можете ли вы осведомиться, мой добрый друг, получила ли гр[афиня] это письмо? Она раньше всегда была столь точна с ответами. Как ее здоровье? Сообщите нам какие-нибудь новости.

Я, кажется, уже сообщал вам о результате моего письма к имп[ератору] насчет аренды. После приказа, данного Канкрину уладить это дело, у меня больше нет никаких новостей, тем временем имп[ератор] уехал в Варшаву. Я счел долгом написать на эту тему Канкрину, прося его достать для меня более 200 т[ысяч] руб. для уплаты долгов при моей жизни, если есть затруднения в улаживании продления моей аренды. Я бы лучше предпочел деньги, чем аренду, но в этом, как и во всяком другом, следует покоряться и просить о милости Всевышнего, для которого нет ничего невозможного!!! Кто мог думать, что е[го] в[еличество] имп[ератор] будет расположен продлить мне аренду, тогда как во времена наибольшего моего фавора я получил лишь эту милость (за службу в течение 42 лет), которая могла устроить мои финансы и судьбу моих домашних. Доверие ко Всевышнему не оставляет меня, и время докажет, что я был прав, полагаясь на это высшее милосердие, которое никогда не оставляет тех, кто имеет к нему безграничное доверие!!!

Софья, я и весь наш дом были в испуге, какого вы не можете вообразить. Ваша бедная матушка, страдавшая с обычным терпением ревматическими болями во всей голове, хотя и все время на ногах, вдруг почувствовала такую слабость во всем теле, что потеряла память и едва могла узнавать ближних. Весь дом был в трауре и большая часть наших людей в слезах. Но после пары часов отдыха память вернулась. Состояние слабости продлилось несколько дней, сейчас она чувствует себя много лучше, но ревматические боли не желают совершенно ее оставить. Вы знаете, как она противится приему лекарств, но после этого несчастного приступа она каждый день по несколько раз принимает капли, которые Реманн велел ей принимать при нервической слабости. Да смилуется над нами Бог и услышит горячие молитвы, которые я возношу всякий день за совершенное поправление здоровья нашего дорогого и доброго друга!!!

Все, что вы говорите мне в последнем письме относительно сына Нератова, совершенно справедливо, и ваша манера руководить этим молодым человеком совершенно мудра и благоразумна. Я сообщил Нератову (отцу) о ваших намерениях и извещу вас об ответе. Тем временем, не останавливайтесь, если найдете это полезным и если молодой человек не выказывает отвращения, отправить его с офицерами свиты на намеченную съемку Киевской губ[ернии]. Отрекомендуйте его, дорогой друг, кому-нибудь из этих офицеров свиты, кто наиболее заслуживает вашего доверия; по возвращении их посмотрим, что можно будет тогда для него сделать. Быть может, можно будет поместить его *в свиту*, если это может быть выгодно. Это моя мысль, совершенно ни на чем не основанная, поскольку я в этом ничего не понимаю, не зная преимуществ этой службы. Я был бы очень рад доказать Нератову (отцу), что вы и я желаем быть полезными его сыну, ибо я много обязан отцу, занимающемуся моими делами будто комиссионер, делающий это по долгу, а не в качестве любезности. Я часто доставляю ему затруднения, в особенности с делами по моим долгам, с переписыванием векселей, убеждением лиц, коим я должен, согласиться на это, и пр., и пр. Это доставляло ему несколько раз неприятные объяснения и бесполезную беготню. Как бы все эти затруд-

нения и связанные с ними унижения закончились бы вдруг, если бы благой Бог смиловался и дал мне средств уплатить мои несчастные долги!!!

Правосудие великого князя в отношении гр[афа] Мечислава П[отоцкого] делает ему честь. Это ведь тот самый гр[аф] Потоцкий, которому принадлежит Тульчин и который так дурно обошелся со своей матерью?

Я очень рад тому, что вы говорите о своих братьях, что они начинают отдавать справедливость Софье. Надо видеть ее сейчас с детьми! Как она о них заботится, как она занимается, будто гувернантка, и в то же время с какой скромностью. Она решительно хочет быть одетой так же, как маленькая Аннет, чтобы последняя имела место в доме, не унижающее ее. Особенно вашему брату Владимиру следовало бы ее обожать, – но для этого надо быть меньшим эгоистом, чем он, и иметь истинные чувства, на которые он не способен. Все его поведение в истории с этими бедными детьми, с их рождения и до настоящего момента, доказывает, что у него чувства только на словах, а сердце вовсе не участвует!!! Борис также доставляет нам беспокойство! Он предается страстям таким манером, что заставляет меня бояться за него!! Расходы втянут его в затруднения, последствия которых могут быть весьма досадны! Он мог бы с 4000 руб. жалованья, квартирой, отоплением и *2000 руб*. наградных в год жить превосходно и еще кое-что откладывать, но он делает совершенно противоположное; это тем более досадно, что сердце у него доброе и чувствительное. Со своей стороны, я могу лишь хвалить его поведение со мной. Я деликатно наставляю его, но сомневаюсь, что это приносит плоды.

Обнимаю вас и благословляю от глубины сердца, как нежный отец и искренний друг. П.

Васильево,
29 апреля 1825.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 233–234 об.

Записка И.Б. Пестеля:
Письма от Павла Ивановича
от 28 декабря 1824 получ[ено] 19 генв[аря] 1825
– 27 – 1825 – 26 февраля –
– 15 февраля – – 10 марта –
– 3 марта – – 26 – –
– 20 марта – – 23 апреля –
Наши письма к Павлу Иван[овичу] отправлены:
27 генваря 1825 года
18 февраля –
17 марта –
1 апреля –
29 – –

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 238. На русском яз.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

[25 апреля 1825]*

Вот я снова, мой добрый друг, с памятью и сердцем, то и другое полно воспоминаниями о вас и нежностью к вам. Я некоторое время думала, что не буду больше в

* Датировано по упоминанию текущей даты в тексте письма.

состоянии сказать вам это, ибо хотя я совершенно потеряла возможность сочетать малейшие воспоминания и малейшие мысли о внешних предметах, я все же сохранила внутреннюю способность чувствовать свое состояние и была уверена, что не должна в него вернуться. Никогда у меня не было столь полного забытья, как случившееся несколько дней назад, что не было обмороком, но* когда я вдруг *почувствовала*, что память моя стирается, а силы исчезают. Я все еще сожалею об испуге, который причинила вашему превосходнейшему батюшке, моей бедной Софье, маленьким душкам и даже домашним людям. Это состояние продлилось недолго, и если ревматические боли и слабость еще не вполне меня оставили, по крайней мере я, кажется, вернулась к жизни и надеюсь еще повидать вас этой зимой, мой добрый друг. Дай бог, чтобы счастливое время нашего соединения возвратилось и, чтобы перед смертью я провела еще два месяца как те, эпоха которых начнется через десяток дней и которые я повторю в воспоминаниях день за днем, до момента вашего отъезда. Как было бы досадно потерять память навсегда и не иметь возможности вспоминать счастье, которым наслаждалась благодаря вашему присутствию прошлым летом!

Посылаю вам план нашего жилища, как оно есть на этот момент, который я сделала для вас 3 недели назад. Я отметила там мебель: вы увидите перемены, сделанные в столовой (и во всех печах), получившие всеобщее одобрение, и вы увидите, как мы разместились все *четверо* в той же самой комнате, где вы часто читали мне, где вы рисовали столь обширные планы. Дети много нас занимают. Около двух месяцев они у нас, как их привезли, мы не получили ничего для них, ни денег, ни вещей. Поливановы не подают признаков жизни. Владимир лишь кратко ответил на сообщение об их прибытии, он говорит, что не может ничего поделать, и, кажется, сердит на г[оспо]жу Муравьеву и Поливановых и даже немного колок *с нами***; а мы... как всегда платим за разбитые горшки: у нас **в чужом пиру похмелье**, мы делаем что можем, чтобы дети не были голыми, и проводим день в *б, а, ба*!!! Приятное занятие в 53 года! Но что делать, раз у нас нет ни гроша, чтобы нанять кого-нибудь к этим бедным несчастным детям!!

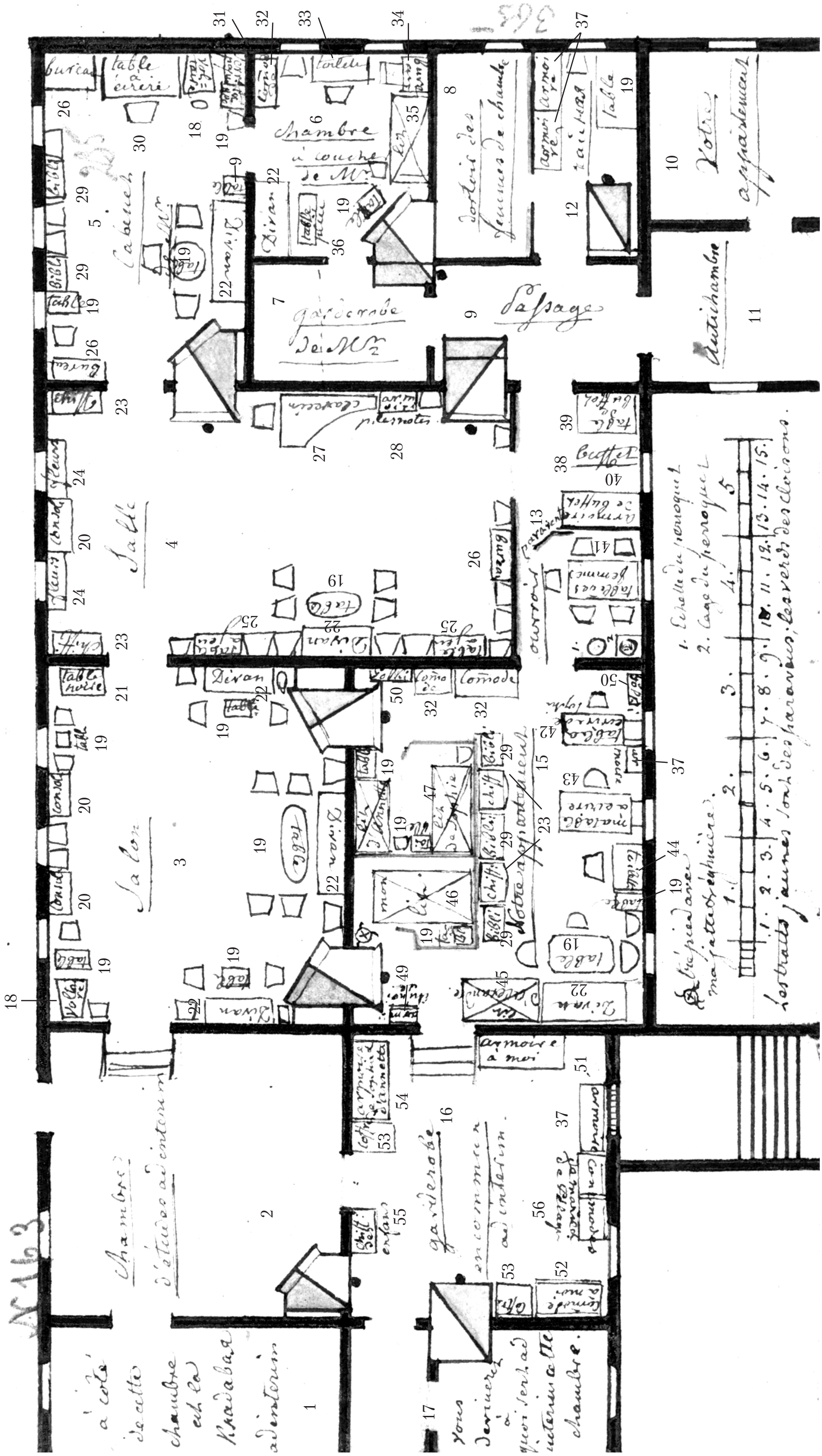
Вы жалуетесь на свою зиму, добрый друг. А мы имели еще две весьма условные после моего последнего письма. Весна запоздалая, растительность также, и за исключением одного или двух дней еще не было тепла. В остальном, я пишу вам в субботу (25-го), быть может, до отправления письма (29-го) погода установится к теплу, что очень желательно. Софья, весьма чувствительная к тому, что вы говорите в вашем письме, и к дружбе, которую вы ей выказываете, передает вам тысячу и тысячу нежностей. Она очень занята детворой, а оттого получается, что ваш бедный батюшка одинок как никогда, поскольку различные уроки и упражнения отнимают все наше время. Он попробовал сделать прогулку на своей новой лошади, данной ему Краевским: было много грязи, лошадь споткнулась, потом упала, и наконец прошла по ноге батюшки, поднимавшего ее. У него лицо было поранено очками, а нога лошадиной подковой, хотя, благодаря Бога, и не сильно. Но это тем досаднее, что единственное его удовольствие было так испорчено, verbittert*** и что он не может достать себе лошадь, которая не была бы ни пугливой, ни слабой на ноги; в остальном надо надеяться, что новая лошадь будет идти лучше по хорошим дорогам и когда ее пустят на траву.

Я не имею никаких известий о своей матери и весьма опасаюсь получить плохие. Я написала ей недавно через Ханыкова[1], которого просила сообщить новости о ней. Прощайте, дорогой и добрый друг. Если до отправления письма у меня появится что-

* Слова «что не было обмороком, но» вписаны над строкой в уже готовую фразу, что нарушило ее грамматический строй.

** В тексте подчеркнуто дважды.

*** «Отравлено, испорчено» (нем. яз.)



Salon
Salle
Passage
Antichambre
Votre appartement
Notre appartement
garderobe de Mr
Cabinet de Mr
chambre à couchée de Mr
Divan
table
Bureau
comode
Buffet
clavecin
pupitre
lit
armoire à moi

План дома в Васильево, приложенный Е.И. Пестель к письму от [25 апреля 1825 г.]

1. Рядом с этой комнатой временная* кладовая
2. Временная* учебная комната
3. Гостиная
4. Зала
5. Кабинет г[осподи]на
6. Спальня г[осподи]на
7. Гардеробная г[осподи]на
8. Дортуар горничных
9. Проход
10. Ваша комната
11. Прихожая
12. Чайная
13. Ширмы
14. Рукодельная
15. Наша комната
16. Общая гардеробная временная*
17. Вы догадаетесь, для чего служит временно* эта комната
18. Вольтеровские кресла
19. Стол
20. Консоль
21. Круглый столик
22. Диван
23. Шкаф (шифоньер)
24. Цветы
25. Столик для игры
26. Бюро
27. Клавесин
28. Шкафчик для нот
29. Библиотека
30. Письменный стол
31. [нрзб.]
32. Комод
33. Туалет
34. Бювар
35. Кровать
36. Складной столик
37. Шкаф
38. Буфетная
39. Буфетный стол
40. Буфетный шкаф
41. Стол горничных
42. Письменный стол Софьи
43. Мой письменный стол
44. Стол для кройки
45. Кровать Александра
46. Моя кровать
47. Кровать Софьи
48. Кровать Аннеты
49. Китайский шкафчик
50. Горки
51. Мой шкаф
52. Мой комод
53. Сундук
54. Шкаф Софьи и Аннеты
55. Шифоньер детей
56. Комоды Марьи и Пелагеи

Подписи Е.И. Пестель под планом:
[помечено кружком с крестиком] Треножник с моей миской и [полотенцем]
1. Жердочка для попугая
2. Клетка попугая
Под масштабной линейкой подписано:
Желтые линии означают ширмы, зеленые – перегородки.

* Слово «временная» Е.И. Пестель пишет на латыни («ad interim»).

то новое вам сказать, я прибавлю; сейчас же заканчиваю старым и вечным, состоящим в неослабной нежности, с которой я вас обнимаю и благословляю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 236–237 об.
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 235 – план дома, приложенный к письму.

[1] Ханыков Василий Васильевич (1759–1829), с 1802 чрезвычайный посланник и полномочный министр при Саксонском дворе, находился в Дрездене, где жила мать Е.И. Пестель А. фон Крок.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 14 мая 1825

Это письмо должно пуститься в путь в Тульчин только через 7 дней, мой дорогой и добрый друг; но, поскольку жена пастора приезжает завтра утром, а он в воскресенье после богослужения, они останутся до 19 или 20, а эти письма отправятся в Смоленск с ними, мы опасаемся, что нам помешают писать к вам во время их пребывания, а я была бы весьма раздосадована, если бы не сказала вам с первой же почтой, какое удовольствие доставило мне ваше последнее письмо (апрельское, несомненно). Вы всегда выказывали такое прямодушие в своих мнениях, чувствах и стремлениях, что я нисколько не сомневаюсь в основательности вашей набожности, коль скоро вы ею прониклись, и в том, что неисчислимое добро проистечет для вас из этого божественного источника. Он установит покой и *сладостное* смирение в вашей душе (не душе философа, говорящего: den Stein den ich nicht heben kann, laß' ich liegen*). Вы хотите добра, он поможет вам найти когда, как и где его сделать. Он покажет вам пределы, которые должны поставить перед собою предприимчивая отвага и гордость человеческого ума, и даст вам покорность – не раба, но мудреца, христианина, не кичащегося силой и просвещением; и силу христианина или человека истинно свободного, желающего лишь добра и не дающего ничему и никому сбить себя с пути, по которому ведет его учитель, руководитель, спаситель. Зло, несправедливость, возмущающие суетного мирского человека, исчезнут в ваших глазах; вы увидите повсюду гармонию, воздаяние, доказывающие божественное провидение, и вы остановитесь в наслаждении и бесконечной благодарности за верные надежды, за положительные обещания нашего божественного учителя, который, желая, чтобы мы делали добро с полным бескорыстием, показывает нам в конце краткого пути удовольствия и вечное счастье, вкус коих религия дает нам отведать уже в этом мире. Я молю Всевышнего, чтобы он сделал милость сохранить вам религиозные чувства, начинающие пробуждаться в вас, дражайший и добрый друг, чтобы он утвердил вас в них и дал вам все счастье, каким можно наслаждаться в этом мире и которые одна лишь истинная набожность может дать вкусить. Поскольку вы иногда занимаетесь благочестивым чтением, я посылаю вам при сем объявление о труде Дрезеке, продолжающем первое собрание. Я списала это объявление, или скорее суждение, из Гамбургской газеты и полагаю, что это внушит вам желание достать весь труд, если у вас есть такая возможность. Я была бы рада его иметь, но увы!....

Батюшка столько сказал вам обо всем, что мне не остается ничего вам рассказать, поскольку говорить, как я вас люблю, жалею о вас и перебираю в памяти с *6-го* числа все дни прошлого года, – значит рассказывать старую сказку, которую вы должны знать наизусть. Увы! Они прошли, эти праздничные дни!

Мы получили 15 дней назад письмо от Амели с припиской В[ладимира]. *Амели* пишет с большой нежностью и посылает Аннете *неодетую* куклу (о чем Софья тоже просила) и лоскуты на три одежки, а Саше китайку на две одежки. Но это не мешает тому,

* «Камень, который я не могу убрать, я оставляю лежать на месте» (нем. яз.)

что мы даем им свои постели, свои простыни и покрывала на кровати, свои полотенца и все мелочи, которые имеем или можем купить, хотя это нас сильно разоряет; и что у них нет рубашек, чулок, платков и пр., и пр., что наши горничные то и дело чинят их старье и что мы не получаем на них ни копейки ни от Поливановых, обещавших непременно прислать тысячу рублей к концу марта, ни от Владимира, обещавшего выплатить проценты с 7 тысяч рублей, завещанных покойной, из которых 5000 для *него*, чего она не отменила, столь тяжко обременяя нас этими бедными детьми. В конце концов, надо признать, отставив скромность, что это счастье для них, что они попали в хорошие руки; они были не только непростительно невежественны, не умея читать и не имея никаких представлений ни о чем, но также было еще время искоренить скверные семена, начинавшие укореняться. К счастью, они совсем не вруны и имеют доброе сердце; но Аннет есть или была тщеславна, властна и неискренна, а Александр завистлив, ревнив, завистник (хоть и всегда готов отдать от сердца все, что имеет), вспыльчив и любитель свинских шуток. Благодаря Богу, это начинает уменьшаться, они уже сильно привязаны к нам, мы очень их любим, и они часто оживляют наше монотонное и грустное одиночество.

Я думала, что исписала две страницы* и, хотевши перевернуть листок, чтобы начать третью, вижу, что исписала их уже четыре. Хотела бы, чтобы эта беседа показалась вам столь же короткой, как и мне, дражайший Павел. Вы сетуете на Бориса, и я также сетую, менее на физические беды, чем на дурные глаза его разума и на его дурную голову, гасящую все добро, которое его ум и доброе сердце могли бы понудить его делать; но к чему эти ум и доброе сердце, никогда не имеющие ни способности, ни свободы действовать? Когда во время моей короткой болезни я думала, что не проживу долго, меня очень мучило воспоминание о Борисе и опасение всех экстравагантностей, какие он еще наделает. Я написала ему о мыслях, потрясавших эти важные минуты, но сомневаюсь, признаюсь с огорчением, чтобы это произвело впечатление длительное или спасительное!!!... Бог знает, чем он кончит!

Вы говорите, дорогой друг, что рассчитываете отдохнуть после 7 недель лагерей. Не обернется ли этот отдых чем-нибудь в пользу бедного Васильево? Если бы я могла предвидеть момент, когда вы приедете, я наслаждалась бы им заранее. Скажите в первом же письме, что вы об этом думаете. Пора мне заканчивать. Если до отправления этого письма случится что-то новое, я вам напишу. Софья передает вам тысячу и тысячу нежных поклонов и, как и мы, вздыхает о моменте, когда мы сможем снова вас увидеть. Прощайте, дорогой и добрый друг, обнимаю вас со всей нежностью материнского сердца.

Надо сказать вам еще о Софье, что ее заботы о детях (родителей которых она знала) столь деликатны, что, чтобы выставить их в лучшем свете перед людьми и перед посторонними, она желает быть одетой одинаково с маленькой Аннетой, и поскольку у нее был хорошенький малиновый cämbrick** в белую клетку, она предпочла, чтобы ее платье было менее элегантно, но, чтобы я выкроила также еще одно для Аннеты, и ей доставляет удовольствие, что они всегда надевают вместе оба платья. Не правда ли, это мило?

Г-жа Заугенбек приехала с м-ль Потемкиной[1] на 10 дней; в промежутке пастор приедет завтра на три дня. Почта не принесла совсем ничего, и поскольку, вероятно, я на этот раз больше вам не напишу ничего, то заканчиваю, дражайший друг, еще раз прижимая вас к сердцу.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 239–240 об.***

[1] Упомянутая выше жена пастора с воспитанницей.

* Текст открывает новый листок письма, л. 240.

** Правильное написание «cambric» (англ. яз.) – батист.

*** При нумерации один лист был пропущен, теперь это л. 239а.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Последнее письмо, которое мы получили от вас, дражайший друг, не имеет даты, но оно сопровождалось сходным от гр[афини] Витгенштейн для вашей матушки, датированным 2 апреля. Мы получили их через Нератова 12-го числа сего месяца. С большим удовольствием прочел я о том, каким образом провели вы дни Пасхи в своем одиночестве. Я был этим тронут и простерся пред Всевышним, чтобы возблагодарить его за религиозные чувства, которые вы начинаете учиться познавать. Да соблаговолит он не только сохранить их вам, но и взрастить и все более и более приукрашивать. Лишь тогда, дорогой Павел, вы научитесь постигать истиное и единственное прочное счастье, существующее в этом мире и готовящее нас к миру иному, к коему мы прямо предназначены милостью провидения и страданиями нашего божественного Спасителя Исуса Христа, искупившего нас от грехов собственной своею кровью, пролитой с такими горестями и страданиями!!! Если вы вполне проникнитесь этой истиной, вы сможете понять счастье истинной веры, и для вас не будет более существовать в этом мире несчастья, которого вы не могли бы перенести с бодростью и смирением. Вы найдете даже счастье в своих несчастьях, ибо провидение посылает их нам лишь для нашего *настоящего* блага. Для блага наших душ. Продолжайте, дорогой и добрый друг, занимать себя время от времени чтением, могущим укрепить в истинной вере. Я полагаю, у вас есть немецкий труд Die Andachts-Stunden[1]. Вы найдете там вещи поистине драгоценные в этом отношении, и я советую вам, как нежный друг и отец, заняться им. На этом я вас обнимаю, благословляю как нежнейший из отцов, как ваш лучший друг и брат во Исусе Христе!

Вы ужаснулись подробностям, которые я сообщил вам в последнем письме о болезни вашей превосходной матушки. Она чувствует себя лучше и приступа, так нас напугавшего, больше нет, но здоровье ее восстанавливается весьма медленно. Она часто страдает и особенно слаба. Хлопоты, которые причиняют ей дети (Аннет и Александр) настолько ее занимают, что это не способствует ускорению ее восстановления. С утра в 7 ч[асов] и до того же часа ввечеру, она только и занята уроками для Софьи и для них, или тем, чтобы занять их тем или иным образом. Правда, что Софья так ей помогает, что без нее дела не могли бы даже идти, но, несмотря на это, сама она слишком занята для своего слабого здоровья. И особенно, если подумать, что она никогда не была предназначена проводить дни как учительница детей этого возраста. Помоги нам Бог избавиться от этого, ибо нынешним образом долго продолжаться не может, не нанеся вреда здоровью вашей бедной матушки, и даже Софья слишком занята, чтобы выдержать это долго, несмотря на прекрасное расположение, с каким она занимается этими хлопотами. Рассматривая как святой долг (который сама на себя приняла) быть верной и точной в исполнении того, что она приняла на себя с такой сердечной добротой! Благослови ее Бог.

Я не имею еще никаких известий о своей аренде. Кажется, что это дело не решится до возвращения имп[ератора] в Петерб[ург]. Говорят, что из Варшавы е[го] в[еличество] поедет прямо в Новгородские военные поселения, где будет в июне месяце. Его зять принц Оранский проехал через Смоленск 10-го числа этого месяца, отправляясь в Варшаву, откуда будет сопровождать е[го] в[еличество] в поселения.

Вот письмо Нератова, из которого вы увидите, как он признателен вам за все, что вы делаете для его сына. Итак, отправьте его, как вы предлагаете, на съемку планов в Киев. Киселев тесно связан с Булгаковым (петерб[ургским] почт-дирек[тором])[2], вот почему Нератов спрашивает, не будет ли полезна рекомендация этого последнего. Я ответил ему, что он может пока подождать просить ее до какого-нибудь случая более важного и полезного для его сына, чем эта съемка, которую вы устроите и без Булгакова.

Несомненно, Борису есть причины жаловаться на боли в глазах, но еще больше на свой характер, легкомысленный и взбалмошный. С приездом к нам служивших ему

поваров и слуги мы посвящены во все экстравагантности и глупости, какие он наделал. Он тратит деньги самым непростительным образом и разрушает свое здоровье и состояние всевозможными способами. Я говорил ему об этом с осторожностью в письмах, но, главное, матушка ваша написала ему письмо, заставившее меня проливать слезы. Дай Бог, чтобы это письмо произвело то впечатление, какое имело целью, но боюсь, что он расчувствуется, читая его, однако поведение его от того не переменится. Он намерен сменить место (что до меня, я думаю, что его считают неспособным исполнять то, какое он занимает), дай Бог, чтобы я ошибался!! Я написал ему свое мнение на эту тему. Какое лучшее место может он когда-либо найти!? *2500 руб.* жалованья, *1500 руб.* столовых денег, *2500 руб.* наградных в год, квартира от короны. Он находится в распоряжении – стало быть, имеет меньше ответственности и отвечает лишь за свою персону, тогда как начальник деп[артамента] ответствен за ошибки своих подчиненных. Борис же, не умеющий руководить самим собою, как может он быть начальником других, т. е. тех, кто находится под его началом!!!

Я нахожусь в этом году в величайших затруднениях с уплатой процентов по долгам. Я стучусь во все двери и не знаю еще, откуда придут средства уплатить эти несчастные проценты, ежегодно увеличивающие мои долги!!!

Александр говорит во всех своих письмах о том, как деликатно и великодушно вы его спасаете. Да воздаст вам за это Бог, дорогой друг, любезный сын!!! Я молю Бога за вас каждый день, мой добрый друг. К несчастью, это все, что я могу сделать в моем настоящем положении.

Софья была тронута до слез всем тем, что вы говорите о ней в последнем письме к нам. Она весьма вам признательна и весьма нежно привязана.

Повторяю еще раз заверения в моей нежной дружбе и неизменной привязанности к вам, моему любезному сыну, моему доброму другу. П.

Васильево,

20 мая 1825

P.S. Посылаю вам, мой добрый друг, труд Дрезеке[3]. Сделайте мне удовольствие прочесть его *со вниманием*, и вы найдете там истинные принципы христианина. Я желаю, чтобы вы от этого чтения прониклись такими же чувствами, какими проникся я.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 242–243 об.

Листок рукой И.Б. Пестеля*:

«Bleibet im Glauben gegründet und fest und unbeweglich von der Hoffnung des Evangelii, welches ihr gehöret habt». *Colos. 1. r: 23***.

Jesu weil in deinen Wunden / mein Gewissen Ruh gefunden, / will ich ewig dabey bleiben, / und stets vester an dich gläuben. – / Bin ich gleich so arm und schnöde, / unwerth ohne wiederrede, / danck ich doch zu deinen Füssen / für das was du mich läßt wissen; / für dein in das Herze sprechen, / fürs Erken[n]tniß meines Schwächen, / die ich in u[nd] an mir mercke; / denn du gibst den Schwachen stärcke. / Ich will lieber ohne schauen, / mit dir wandeln im Vertrauen; / dich aus aller Macht umfangen, / u[nd] dir unverrückt anhangen. / So wird in der Wartestunde, / bey Betrachtung deiner Wunden / und für mich vergoßnen Zähren, / mir die zeit nicht lange währen. / Deiner Wunden deiner Striemen /

* Вероятно, листок с цитатой из Ап. Павла является приложением к письму от 20 мая 1825 г.

** «Если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали» Кол. 1, 23 (нем. яз. Послание Ап. Павла к Колоссянам. 1, 23).

will ich mich ohne Ende rühmen, / und will auch darauff mit Freuden, / einst von dieser Welt abscheiden*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 241. Нем. яз.

[1] Die Andachts-Stunden («Часы молитвы»). В описи библиотеки П.И. Пестеля, оставшейся после его ареста в Тульчине, значится книга: Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthum und häuslicher Gottesverehrung. Andachtsbuch einer christlichen Familie. 8 Theil. Aarau, 1820 (Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист. 1941, № 4. С. 87–89). Существовала еще одна книга с подобным названием: Girardet Friedrich. Andachtsstunden für betrübte und frohe Herzen: XII Predigten. Dresden: Hilcher, 1823. Автор был пастором евангельских реформистов из Дрездена.

[2] Булгаков Константин Яковлевич (1782–1835), сын дипломата Я.И. Булгакова, начинал дипломатическую карьеру, в 1802 причислен к посольству в Вене, в 1807 сопровождал посольство в Архипелаг, в 1810–1812 правитель дипломатической канцелярии главнокомандующего Молдавской армией гр. Н.М. Каменского, затем М.И. Кутузова, в 1813 управлял Гродненской губернией, затем состоял при кн. П.М. Волконском и К.В. Нессельроде, после вступления русских войск в Париж – при Александре I. В 1816 назначен московским почт-директором, в 1819 переведен на аналогичную должность в Петербург. Был дружен с А.А. Закревским, П.Д. Киселевым, М.С. Воронцовым и др.

[3] В описи библиотеки П.И. Пестеля значатся два труда этого автора: Christus an des Geschliecht dieser Zeit, 4 evangelische Vorträge in der freien Gemeinde einer freien Stadt, von J.-H.-B. Dräseke. Lüneburg, 1819; Der Fürst des Lebens und sein new Reich von Dräseke. Lüneburg, 1820 (Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист. 1941, № 4. С. 88, 89). Вероятно, первое издание было прислано родителями одновременно с этим письмом, второе – позднее (см. письмо И.Б. Пестеля от 19 августа 1825).

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

[22 мая 1825]**

Я пользуюсь моментом, когда вся моя публика (то есть батюшка, Софья, Аннета, Саша, жена пастора и ее воспитанница м[адемуазе]ль Потемкина, которые 8 дней как у нас, г[оспо]жа Рыжкова, приехавшая обедать с племянницей), когда все, говорю я, на прогулке, – чтобы ответить быстренько тайком на ваше письмо от 6-го числа, мой дражайший добрый друг. Прячусь я от Софьи, ибо, чтобы исполнить ваше поручение насчет нее, мы не сказали ей, что получили письмо от вас. Вообще, если вы захотите сказать нам нечто, предназначенное нам одним, батюшке и мне, поместите это на отдельный листок, ибо будет большим горем для нашей доброй душки, если она узнает, что есть письмо от вас и она не должна его читать. Говоря вам о ее отказе от бюро, я не думала ввести вас в расходы, мой добрый друг, иначе я, конечно, не рассказала бы вам этого; но поскольку зло сделано, надо, чтобы и добро проистекло такое, как вы хотите. Бюро будет заказано и как только будет сделано (что, конечно, не будет скоро), я велю

* «Иисусе! Поскольку в твоих ранах моя совесть нашла покой, хочу я с тем навеки оставаться и все более твердо верить в тебя. Хоть я убог и презрен и, без сомнения, тебя не достоин, все же, повергшись к ногам твоим, благодарю за открытое мне, за твои слова, вошедшие мне в сердце, за познание моей слабости, которую в себе замечаю, ибо ты обращаешь слабости в силу. Не видя, но веря, я охотно пойду с тобой, изо всей силы припаду к тебе и буду тебе неизменно привержен. Итак, в ожидании, в созерцании твоих ран и пролитых обо мне слез, время пройдет быстро. Без конца стану восхвалять твои раны, твои язвы, и однажды с радостью покину этот мир» (нем. яз., оригинал стихотворный).

** Датируется по упоминанию продолжительности визита жены пастора (см. предыдущие письма).

поставить его к ней в комнату, как вы хотели. И вот пришедшая мне в голову идея: устроить это к 15 июля, ее дню рождения, тогда я положу туда записочку, которую вы прислали для нее, если вы не захотите заменить ее или прибавить к ней другую, которая придет к 15-му? Это по вашему усмотрению, и если ваш ответ придет вовремя.

Вы спрашиваете, дорогой друг, как поживают наши финансы? Увы! Плохо, очень плохо. Батюшка поговорит с вами о деньгах, а я об урожае. Я, кажется, говорила вам в свое время, что он должен быть крайне плох. Все, все на беду сбылось, а цены при этом были настолько низкие, что даже те, кто имел урожай зерна, не хотели ничего продавать. Что до нас, мы не *могли* продать ничего, поскольку того, что мы имеем, едва достанет, чтобы прокормить крестьян и засеять их и наши поля, до такой степени, что мы вынуждены были позаимствовать разного рода зерно для сева. Огороды не дали ничего, у нас совершенно нет капусты, картофеля, лука, ничего. Неизвестно ни как кормить людей, ни как питаться самим. Шкафы наши были и остаются совершенно пустыми*. Надо бы все покупать, а на что? Весь год люди не получали жалованья, и при этом, благодаря Богу, они не ропщут и входят в наше положение. Столовые деньги ушли на покупку необходимого и уплату процентов. Сейчас время больших платежей, батюшка расскажет вам все подробно. Вообще год был весьма скверным и весьма грустным, и если нынешний будет похожим, чего сейчас есть все основания опасаться, то совсем не известно, что тогда станется. Три месяца как наши расходы увеличились из-за детей, которые едят как мы трое и для которых мы ниоткуда не получаем ни гроша. Все же время идет, здесь не умирают ни с голоду, ни от хлопот, и Бог посылает еще иногда утешения. Например, я недавно получила через Бринена новость, что граф Григорий Орлов видел мою матушку в Дрездене[1], что он ждал у нее ее возвращения со спектакля, что он нашел ее в добром здравии и провел там вечер со множеством людей. Какой груз снят с моего сердца. Борис еще не ответил на письмо, в котором я взывала к его совести, это неутешительно, но что настоящее утешение – так это письма, которые мы получаем от вас, мой добрый друг. Не проходит дня, чтобы я не пускалась во вздохи и сладостные вспоминания к годовщине каждого дня из двух с половиной месяцев, что вы провели у нас. Возвращаются с прогулки, которая оказалась короче, чем я надеялась, и я должна вас покинуть. Я делаю это, мой добрый друг, обнимая вас и благословляя со всей живой нежностью, какую навсегда питает к вам мое сердце. Прощайте, дорогой **душичка****.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 246–247 об.

[1] Григорий Владимирович Орлов (1777 или 1778–1826), граф, сын гр. В.Г. Орлова, при Екатерине II камергер, при Павле I вышел в отставку, для лечения жены жил в Европе, известный коллекционер. В 1806 состоял за обер-прокурорским столом в 1 Департаменте Сената, в 1812–1822 сенатор 2 отделения 3 Департамента Сената. После смерти в октябре (по другим сведениям, 5 декабря) 1824 жены Анны Ивановны, урожденной гр. Салтыковой, жил в России. Вероятно, Г.В. Орлов вернулся в Россию в начале 1825, побывав проездом в Дрездене.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Пишу вам, дорогой Павел, из Смоленска, где нахожусь со вчерашнего дня ради некоторых дел. Надеюсь их окончить завтра и вернуться к вечеру в Васильево. Не имея никого знакомых в этом городе, я провожу вечер совершенно один в гостинице и нахожу, что не могу употребить это время лучше, нежели побеседовать с *вами*, мой добрый

* Фраза вписана над строкой.

** Слово написано по-русски через «и».

друг; тем более что должен доставить вам прилагаемое письмо от матушки, оставшейся в деревне. Мы столь привыкли быть втроем с ней и Софьей, что прощались, когда я уезжал в город, будто бы расстаемся надолго.

Последнее письмо, что мы получили от вас, было от 6-го числа этого месяца, и оно доставило мне большое удовольствие содержащимся в нем чувством нежности к нам и к вашей доброй сестре Софье, которая любит вас, как никогда нежная сестра не любила своего брата. Могу вас в том заверить со всей ответственностью. Она не знает, что мы получили письмо от вас, чтобы лучше подготовить ей сюрприз из подарка, который вы ей делаете. Я был тронут этим новым доказательством вашей нежности и деликатностью, с которой вы делаете ей этот подарок. Она будет в восторге, а я благодарю вас от всего сердца от нее *и от меня*. Вы не сможете поверить, насколько я огорчен всеми расходами, которые вы делаете для *всех нас*. Я чувствую, что *я и Александр* должны были расстроить ваши финансы. Да воздаст вам Бог за все добро, что вы нам делаете! Я повторяю в каждом письме к Александру, как он вам обязан и что его священный долг экономить и не злоупотреблять вашей щедростью. Я уверен, что он чувствует ваши благодеяния, но я не уверен в его экономии. Дай Бог, чтобы я ошибался.

Вы должны знать, как я устраиваю в этом году свои дела. Судите по здравому рассудку, по прошлому году, какие затруднения должен я испытывать в уплате процентов по долгам, ибо в прошлом году я не знал бы, к чему прибегнуть, без вашей великодушной помощи. В этом году те же затруднения стали, естественно, еще большими; но провидение, никогда меня не оставляющее, снова подало мне *свою* помощь. Я просил Бориса достать мне денег на эти несчастные проценты, но его шаги были безуспешны. Тогда я попросил своего зятя Бринена постараться занять для меня *3000 руб*. Он написал мне, что никто не ссужает более денег без ипотеки, но что он набрал из собственных денег *2700 руб*., которые прислал мне и которые я сам приехал получить на почте в Смоленске и отослать для уплаты процентов в Петербург. Бринен чувствительно меня обязал. Но он просит в то же время вексель на *3000 руб*. на год, что означает, что я плачу *десять процентов*. Несмотря на это, я благодарю Бога, что достал эти деньги, поскольку Америк[анская] Комп[ания] и Соловой вполне согласны переписать на год мои векселя, *но при условии что я плачу проценты*, таким образом с деньгами Бринена не только эти два больших долга, но также и некоторые другие будут улажены *на год*. *Das ist eine Galgenfrist**, – говорят немцы, но по крайней мере я достойным образом переписал, хотя и не вполне еще спокоен *на этот год*, поскольку есть около 6500 руб., которые я должен Неплюевым, с которыми Нератов ведет переговоры с марта месяца, не окончивши этого дела, и я с каждой почтой *с трепетом* жду решения. Если бы я имел аренду, я бы по крайней мере имел надежду в один прекрасный день увидеть оконченными все эти хлопоты, приводящие меня в уныние!!! Ну и довольно о моих делах, о которых я бы предпочел, чтобы вы оставались в неведении, мой *лучший* друг, чтобы избавить вас от огорчения, какое должны причинить вам эти подробности; но поскольку вы спрашиваете об этих подробностях, я не мог их утаить, опасаясь привести вас в сомнение насчет моего к вам доверия, которое *безгранично*.

Ваша матушка, благодаря Бога, сейчас чувствует себя хорошо. Жена пастора из Смоленска гостила десять дней у нас в Васильево, она занимала матушку. Они вместе музицировали, играли в карты, читали и беседовали, это ее прекрасно рассеяло. Потом пришла хорошая новость о здоровье вашей бабушки из Дрездена, и это доказало мне, что иной образ жизни поправил бы здоровье вашей матушки скорее, чем все лекарства врачей. Софья поистине удивительный ребенок. Она обладает важными качествами, разумом и головой, превосходящими ее возраст, и при том лучшим на свете сердцем. Уже давно мы не имели писем от Бориса. Бог знает, что он делает!!! Владимир пи-

* «Это отсрочка казни» (нем. яз.)

шет нам чаще. Его жена отправилась в путешествие брать морские ванны в Ревеле. Он тем временем будет занят маневрами, для которых полк Александра, и он, стало быть, тоже, прибудет в Петерб[ург]. Пребывания в этом Вавилоне я всегда боюсь для него. В этом городе столько соблазнов для молодого человека, а наш не является человеком с сильным характером, чтобы им сопротивляться. Да соблаговолит Бог взять его под свою святую защиту!!!

Наш император выедет из Варшавы 2-го числа будущего месяца. Он поедет через Ковно, Бауск, Ригу, Вольмар, Пернау, Ревель, Нарву, Ямбург, Гатчину в Царское Село и будет, вероятно, 16 июня в Петерб[урге], если пожелает присутствовать на большом параде, назначенном на этот день всем полкам гвардии. Вот все, что я знаю интересного сообщить вам на этот раз, но прежде чем закончить, повторю вам то, что интереснее всего *мне*, это что я вас уважаю и люблю от глубины сердца и с этими чувствами благословляю от всего сердца. П.

Смоленск,
24 мая 1825

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 244–245 об.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 10 июня 1825

Цель этого письма единственно в том, чтобы донести до вас, дражайший и добрый друг, мои пожелания и нежное благословение по случаю вашего дня рождения, давшего мне 32 года назад сына, который должен был стать однажды утешением, поддержкой, лучшим другом своих родителей! Да прибавит Всевышний свое благословение к моему и дай он вам все счастье, какого мое сердце просит для вас. Как мы будем вспоминать во всякую минуту этого дня то, как мы провели его с вами год назад. И вы тоже, вы часто будете об этом думать, дражайший Павел, и воспоминания наши, как и наши чувства, часто будут встречаться и увлажнять наши глаза сладостными слезами. Поздравляю вас также с днем ваших именин, который равным образом будет днем воспоминаний, но! они все такие начиная с 6 мая!!!

Благодаря Бога, я получила хорошие новости о своей матушке! Она написала довольно длинные письма всем нам троим. Кроме того, я получила ободряющий ответ от Ханыкова, который был так внимателен, что попросил их доктора, неведомого Вейгеля[1], сообщить мне подробности о здоровье моей матушки. Тот написал мне, что ее Wassersucht* счастливым образом рассосалась, как и боль, которую она чувствовала в печени уже 3 года, что в настоящий момент она чувствует себя довольно хорошо, насколько позволяют ей некоторые органические нарушения и ее 73 года, и что он надеется сохранить ее еще... auf wie lange, weiß nur Gott!** Между тем он обещает известить меня, как только увидит ее во внушающем беспокойство состоянии, и предлагает рассматривать его молчание как повод для спокойствия. Наконец, он просит новостей о вас, заботившись о вашем физическом состоянии, как он говорит, с 10 до 12 лет. Все это весьма любезно со стороны Ханыкова и доктора. Воло пишет, что Амели уехала в Ревель 29 мая. Она не писала нам с 16 апреля. Дай Бог, чтобы морские ванны укрепили ее здоровье. Здоровье Бориса еще не восстановилось. У него внутри века получилось живое мясо, которое прижигают адским камнем, что причиняет ему боль и опухоль на несколько дней. Он наконец ответил на письмо, которое я написала ему, обливаясь столькими слезами. Он просит меня вспомнить, что ему 30 лет и что,

* «Водянка» (нем. яз.)

** «Надолго ли, одному Богу известно» (нем. яз.)

не имея видов на хорошую женитьбу, он предпочел взять любовницу, чем бегать по девкам, которые поставили бы его здоровье под угрозу (не скажут ли, что со своей кухаркой он чувствует себя как новый мост), и сердит на тех, кто, как он говорит, дают о нем ложные сведения. Потом он пустился перечитывать мое письмо, которое смягчило его, и он засвидетельствовал мне сожаления о горе, какое я испытала из-за него, и говорит, что сделает все возможное, чтобы явиться упасть к нашим ногам, отречься от своих ошибок и отчасти оправдаться, затем, что он намного менее виновен, чем мы полагаем. В остальном он ни словом не отвечает ни по поводу моей болезни, ни – особенно – на проникнутое такой любовью место в письме батюшки, просившего открыть ему, как нежному отцу и лучшему другу, причины перемены службы и давшего несколько советов на этот счет. У него доброе сердце, он умен, но все это бесполезно, поскольку он совершенно лишен разума. Он как добрый фрукт, обещающий по сорту и внешности, но который никогда не достигнет зрелости, не обретет ни запаха, ни вкуса, свойственных его природе, и потому останется столь же бесполезным и даже неприятным, как самые дрянные произрастания.

За болтовней вот и конец 4-й страницы моего письма. Следует на этом остановиться по многим соображениям. Итак, заканчиваю, мой добрый друг, повторяя вам свои пожелания, нежные объятия и благословение, которое дает вам лучший друг и нежная мать Е.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 248–249 об.

---

[1] Вейгель Карл Христиан Лебрехт (Weigel Karl Christian Lebereht) (1769–1845), приват-доцент Лейпцигского университета, популярный дрезденский врач, работал в Дрездене с 1801, в феврале 1813 оказывал медицинскую помощь раненым русским офицерам, за что был арестован Наполеоном и заключен в Эрфуртскую крепость. Саксен-веймарский гофрат (надворный советник), в 1817–1818 в Италии, затем вернулся в Дрезден.

И.Б. и С.И. Пестель – Павлу Пестелю

Дни вашего рождения и именин приближаются, и я возношу самые горячие молитвы за ваше благополучие, мой дорогой и добрый друг. Не существует земного счастья, какого я не желал бы вам, и если бы мои молитвы за вас осуществились, ничто не было бы упущено для вашего счастья временного, и особенно вечного!!! Вы на верном пути, дорогой друг, для спасения своей души. Продолжайте образовывать себя более и более в заветах нашего Спасителя, и ваше счастье будет настоящим, ибо будет основываться на душевном спокойствии, которое есть единственное истинное счастье в этом мире, готовящее нас к вечному блаженству, одной цели всего нашего существования в этом мире огорчений, заблуждений и забот. Всякий день я прошу Бога дать вам эту милость. Он исполнил *все* молитвы, с какими я обращался к нему в своей жизни, так что надеюсь, он исполнит еще и те, что я возношу за вас, дражайший друг. Мы проведем дни ваших праздников, занятые вами, как делаем всякий день, но мы выпьем за ваше здоровье и сердца наши порадуются счастью иметь в вас сына и друга, такого, какой вы есть для нас. Благослови вас Бог!!!

Я чувствую себя довольно хорошо с тех пор, как лето установилось. Мне решительно нужен теплый климат, отчего происходит, что летом я чувствую себя много лучше. Ваша нежная и добрая матушка несколько дней как чувствует себя много лучше. Никакие лекарства врачей не принесут ей такой пользы, какую может доставить спокойствие. Если бы душа ее была спокойна, если бы ее не колебали постоянно обстоятельства и множество вещей, мучающих ее, то по точному рассудку, ее здоровье заметно восстановилось бы. Но кажется, время нашего спокойствия еще не настало! Да

сбудется воля Божья!!! Ему лучше, чем нам самим, известно, что нам *действительно* полезно и спасительно.

На этот раз у меня нет никаких интересных новостей вам рассказать. Лето довольно хорошо для полей, и есть надежда на лучший урожай, чем в прошлые годы, особенно в прошлый год, который был настоящим бедствием для Смоленской губ[ернии]. Дай Бог!!!

Борис не ответил на нежное письмо вашей матушки, о котором я говорил вам в предыдущих письмах, как я бы желал и как ему бы следовало, если бы он имел более чувства и чувствительное сердце! Это весьма меня огорчает, особенно потому, что не оставляет надежды видеть его исправившимся!!!

Воло готовится к большому параду, который должен состоятся 16-го числа этого месяца, поскольку имп[ератор] прибывает 14-го в Царское Село. После 16-го начинаются маневры *всей гвардии*, и Александр прибывает, или скорее должен уже был прибыть в Петерб[ург] 8-го числа этого месяца со своим полком.

Благословляю вас от глубины души. Прижимаю вас к сердцу с величайшей нежностью, какую когда-либо отец мог питать к своему дитя. И обнимаю вас также. П.

Васильево,
10 июня 1825.

Приписка С.И. Пестель:

Дорогой мой Павел, поздравляю вас от всего сердца с 24 июня, желая вам доброго здоровья, успехов в ваших военных занятиях, успеха в ваших предприятиях, и главное долгого отпуска будущей зимой. Какая разница с тем, как мы провели этот день в прошлом году и как проведем, вероятно, на этот раз. Обязательно надо, чтобы вы возместили нам в будущем году лишение, испытанное нами из-за вашего отсутствия в течение 1825. Желая доказать вам, как ваша память драгоценна моему сердцу, я хотела предложить вам ко дню рождения маленький подарок дружбы, послав вам кошелек своей работы. К несчастью, различные препятствия помешали мне закончить его к 24-му. Соблаговолите, дорогой брат, уравнять намерение с делом и принять его как подарок к этому дню, хотя вы его получите позже. Обнимаю вас со всей нежностью, какую к вам питает ваша нежная и преданная сестра С.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 250–251 об.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 20 июля 1825

Три дня назад мы попрощались с вами, дорогой и добрый друг Павел, вспоминая, с каким горем видели вас отъезжающим в минувшем году. Теперь особая пора приятных воспоминаний миновала, и нам остаются лишь постоянные сожаления и лишения, причиняемые вашим отсутствием. Вы несомненно разделяете все наши чувства на этот счет, и мы были весьма тронуты тем, как вы говорите об этом в письме от *10 июня*, дошедшем до нас лишь *14 июля*! Ваш батюшка говорит вам, мой добрый друг, о том, как мы провели день *15-го*, а я скажу, как исполнила ваше поручение насчет бюро, которое вы велели сделать для Софьи. Обстоятельства не позволяли поставить его в ее отутствие ей в комнату, но его принесли в то время, когда мы пили кофе, в прихожую и пришли сказать Софье, что столяр Григорий (это вольный) просит ее, чтобы поздравить; она думала, что он хочет, быть может, принести ей маленькую масленку, которые, как он хвалился, он хорошо делает. Итак, она выходит, и Григорий говорит ей, что вы шлете ей приветы, поздравляете ее и что вы прислали ей это бюро и записку (та, что вы нам прислали для нее). Она была так удивлена, что вскрикнула и вся

покраснела, и могу вас заверить, что вам вполне удалось доставить ей величайшее удовольствие, ибо она без ума от этого бюро, которое очень хорошо исполнено и которого она всегда в высшей степени желала. Что до ее денег, она уже употребила часть на крестьянские дома и рассчитывает купить еще. Не самый обыкновенный способ употреблять деньги в 15 лет! Вы знаете уже, мой добрый друг, из батюшкиного письма о проектах женитьбы Бориса[1]. Его княжна имеет, не знаю где, мать, которой написали, спрашивая согласия, но, как говорит Борис, это лишь для *формы*; Мятлевы[2] прибегли к той же *форме* в отношении нас, и теперь, раз все запрошенные для формы ответы получены, свадьба, вероятно, объявлена. Заметьте, что раньше, и намного раньше нашего ответа Бибиков дал Борису 2000 руб. задатка из 5000 руб., которые он обещал испросить у имп[ератора] к его свадьбе. Поскольку это не было лишь для *формы*, поторопились сделать извещение о свадьбе, на которую спрашивали нашего согласия. Дай Бог, чтобы они были счастливы, чтобы он стал разумным и сделал жену счастливой. Гр[аф] Орлов, жена которого была также теткой кн[яжны] Трубецкой[3], говорит, что она хорошенькая, нежная и очень хорошо воспитана, и вообразите, что она два с половиной года хранила (как говорят) воспоминание и столь нежное чувство к Борису, что отказала двум очень хорошим партиям и наконец объявила тетке, что может быть счастлива, только став супругой Бориса. После этого бывшая бонна кн[яжны], племянник которой служит под началом Бориса, явилась прозондировать насчет его намерений. Он заверил в своем постоянстве, сказав однако, что желал бы со своей стороны быть уверенным и что вернется к Мятлевым только по их приглашению. Это приглашение последовало через день, и дело было тут же уступлено и улажено. Я полагаю, что свадьба не замедлит, и тогда Борис говорит, что поспешит привезти к нам жену, которую называет *восхитительной маленькой смертной, которой он восхищается тем больше, чем больше ее узнает*.

Я говорила вам, дорогой Павел, кажется, что писала Ханыкову, чтобы узнать новости о моей матушке. Я не только получила с тех пор письма от нее самой и от Ханыкова, но еще, благодаря ему, письмо от д[октора] Вейгеля, пользовавшего вас некогда, врача моей матушки. Он говорит, что у нее несколько лет была болезнь печени, от которой она избавилась, и что этой зимой у нее действительно была водянка (Bauchwassersucht*), которую ему удалось совершенно вылечить. Он обещает известить меня, если состояние здоровья станет опасным, и просит рассматривать его молчание как доказательство, что она чувствует себя хорошо. Заканчивает он просьбой сообщить новости о вас, говоря, что некогда заботился о вашем здоровье, когда вы были в Дрездене с Зейделем. Не правда ли, это любезно? Пять дней у нас был приятный гость Владимир Пальчиков, ездивший из Пскова с матерью повидать сестру Хембиц[4] в Динабурге и возвращавшийся в Москву. Он очень хочет оказаться здесь с вами, чтобы короче познакомиться. Он передает вам поклоны, как и его родственники Яхонтовы и моя старая двоюродная бабушка. Не могли бы вы написать мне для всех этих лиц несколько фраз, которые я могла бы им передать. Г-жа Яхонтова еще *сделала* и прислала мне очаровательный чепец из нитяной сетки**.

Если ваши братья, которые все же нежно вас любят, я в этом уверена, редко вам пишут, то с нами они поступают так же. По крайней мере невероятный Борис и Владимир пишут по незначащему письму раз в 4, 5 или 6 недель***, а с 26 апреля мы не имели писем от Александра, что поистине внушает беспокойство.

Если поедете в Киев, прошу вас, добрый друг, оказать мне любезность небольшой коллекцией зерен **(бисер)**, говорят, он там очень красивый и хорошо продается. Надо

---

* «Брюшная водянка» (нем. яз.)

** Предложение приписано между строк.

*** Цифры переправлены, зачеркнуто «3», вписано «5».

выбирать ровные, маленькие, с дырочками, достаточными, чтобы их нанизывать, что не всегда бывает, и хорошо подобранных и достаточно разнообразных оттенков зеленого цвета, варианты которого очень разнообразны, синеватый, желтоватый, чистый зеленый, прозрачные, матовые, и пр., и пр. Не правда ли, вы доставите мне это удовольствие, когда окажетесь там, и потом *вы мне* его *привезете*, не правда ли, **душинька**? Прощайте, нежно вас обнимаю и благословляю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 252–253 об.

---

[1] Борис Пестель женился в 1825 на княжне Софье Николаевне Трубецкой, дочери кн. Николая Сергеевича Трубецкого (ум. 1806) и Екатерины Петровны, урожденной княжны Мещерской (ум. 1833).

[2] Мятлев Петр Васильевич (1756–1833), тайный советник, его жена Прасковья Ивановна, урожденная Салтыкова (1772–1859), дочь фельдмаршала И.П. Салтыкова. Их сын поэт И.П. Мятлев служил вместе с Б.И. Пестелем и был с ним дружен, Б.И. Пестель одно время жил в доме Мятлевых (см. выше в письмах И.Б. Пестеля). П.И. Салтыкова и А.И. Орлова были родными сестрами, дочерями И.П. Салтыкова. Невеста Бориса Пестеля княжна С.Н. Трубецкая не могла приходиться им родной племянницей, т. к. ее мать была урожденная Мещерская. Наиболее близкое родство Салтыковых с Трубецкими, которое удалось проследить: мать И.П. Салтыкова (бабка Орловой и Мятлевой) была урожденная Прасковья Юрьевна Трубецкая, сестра Никиты Юрьевича Трубецкого, который был прадедом Софьи Николаевны Трубецкой по отцовской линии. Таким образом, Софья Трубецкая была троюродной племянницей Мятлевой и Орловой.

[3] Жена гр. Г.В. Орлова Анна Ивановна, урожденная гр. Салтыкова (1777– 5 декабря 1824).

[4] Владимир Петрович Пальчиков (1804–1842), лицеист II курса, чиновник при московском генерал-губернаторе Д.В. Голицыне, впоследствии вице-директор Министерства юстиции, статский советник. Сведений о Хембиц, урожденной Пальчиковой, не найдено.

С.И. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Дорогой и добрый друг Павел,

Бесконечно благодарю вас за очаровательный подарок, который вы сделали к моему дню рождения, и за записку, его сопровождавшую. Я была глубоко тронута этим знаком вашей дружбы, как и выражениями нежности, содержащимися в вашей любезной записке. Вы очень добры, что столько думали о том, чтобы доставить мне удовольствие, и уверяю вас, что вы совершенно достигли цели. Это было для меня приятнейшим сюрпризом, когда, выйдя в прихожую к столяру, желавшему со мной говорить, я увидела прелестное бюро. Благодарю вас еще раз за этот подарок, который много способствовал тому, чтобы я весело провела день. У нас было много народу, и все же я меньше развлекалась, чем в прошлом году; вы догадаетесь почему. Мне пришлось заново начинать свой кошелек десяток раз, быть может, мне удастся его окончить на этот раз и тогда я буду иметь удовольствие предложить его вам в залог нежной дружбы, которую питает к вам, дражайший брат, ваша искренний друг и сестра Софья Пестель.

Приписка Е.И. Пестель:

24-го [июля 1825][*]

Мы только что, мой друг, получили два письма Александра, одно от 10 июля, второе от *13 июня*, которое оставалось у него, потому что Борис, обещавший прийти взять его для отправки, не пришел. Эти два письма, которые в остальном не точнее

---

* Датируется на основании упоминания дня рождения Софьи Пестель и получения ею в подарок бюро, а также маневров гвардии, проходивших в Красном Селе в июле 1825 г.

предыдущих, полны самых нежных чувств, выраженных с простотой, делающей их тем более ценными и заслуживающими доверия. В 1-м он говорит об их перемещении в Москву, как и кав[алер]гард[ов], о чем Воло нам ничего не говорил; во втором он более не пишет об этом, но говорит между прочим, что смог лишь дважды побывать в кав[алер]гард[ском] полку (который в 10 верстах от него) повидать Воло и *Амели*. Стало быть, она вернулась из Ревеля, но нам об этом не написали. Амели писала из Ревеля 5 июня, а В[оло] написал 22-го (не поздравив батюшку, о празднике которого забыл), чтобы предупредить нас, что напишет не скоро из-за маневров. Завтра мы ждем от Бориса известия, что его женитьба решена, и, быть может, также ответов от Мятлевых!

Забыла сказать вам, что наш маленький комитет еще увеличился присутствием девицы **Горямыкиной**, отец которой – бывший коллежским советником и землемером Смоленской г[убернии] и храбрым человеком – умер в 12 году. Затем она потеряла мать, все имущество, как из-за врагов, так и из-за мошенника-торговца, получившего на хранение остатки их состояния; потом двух братьев, землемеров, у которых она жила, и в конце концов осталась одна в 19 лет с сестрой 16 лет, без состояния, без родных, без покровителей, хотя и со множеством друзей, говорящих о ней много хорошего. Она по внешности очень прилична, славное дитя, невежественна, знает только ручную работу, и она помогает мне шить, сопровождает Софью и детей на прогулках и учит девочек вышивать и Аннету некоторым салонным работам, и получает за это, помимо содержания... *90* рублей *в год*!! Это весьма мало, но еще sie leistet wenig*, и я хотела бы иметь возможность доставить ей более доходное место. Прощайте, дорогой и добрый друг Павел, обнимаю вас так же нежно, как люблю, и благословляю от глубины сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 164–165 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Я был весьма обеспокоен, мой друг любезный, не имевши от вас новостей столь долго. Я возносил самые горячие молитвы Всевышнему, чтобы он удалил от вас все, что может быть неприятного. Наконец, ваше письмо от 10-го числа прошедшего месяца из Винницы дошло до нас 17-го этого месяца и вернуло нам покой. Благодаря Бога, вы здоровы и с вами не случилось ничего неприятного!!! Благодарю вас от всего сердца за пожелания по случаю моих именин. Возвращаю их вам со всей искренностью.

Мы праздновали 15-го числа день рождения Софьи, 33-ю годовщину нашей свадьбы и именины Владимира, так же, как и в прошлые два года с тех пор, как мы живем в деревне. Было 9 человек соседей, обедавших у нас. Все наши крестьяне с женами и детьми, и три десятка бедных, более 300 человек угощались хорошим обедом и с умеренностью водкой. После обеда женщины (крестьянки) танцевали, и не позабыли танцы, которым вы их выучили. Все были веселы и довольны. Нам же недоставало лишь любезного сына Павла для полноты праздника.

Я не имею никакого ответа на письма к Канкрину. Я отправил ему два, одно по-русски (официальное) для употребления в случае надобности, другое по-немецки (конфиденциальное). Он не соблаговолил ответить, и я даже не добился узнать, как он их принял. Я много раз спрашивал новостей у Бориса, который так и не пожелал ответить на этот счет, даже сказать, что не имеет способа узнать что-либо. Я больше не говорю ему об этом, и вот чем ограничивается все дело. Я предполагаю, если ничего не будет сделано, снова писать имп[ератору], если он вернется в Петерб[ург] из своих

* «Она еще и мало делает» (нем. яз.)

обыкновенных летних разъездов. Он начнет их сразу после маневров гвардии, которые пройдут этим летом как обычно в Красном Селе.

Борис очень умеет писать, когда речь идет о его собственных делах. Мы имели по этому случаю большую переписку, поскольку он намеревается жениться. Он вернулся к старым планам жениться на княжне Трубецкой, племяннице Мятлевых, воспитанной в их доме. Она сама *ничего не имеет*, но Мятлевы *обещают* ему капитал в 100 т[ысяч] руб. или проценты в 10 %, т. е. 10 т[ысяч] руб. в год. Два года назад Борис имел то же намерение, но я не хотел дать согласия, не видя средств к существованию с женой и потом, следственно, с детьми в *Петерб[урге]*. Тем более что *обещанный* капитал – это не то, на что можно рассчитывать, особенно от Мятлева, который не затрудняется держать обещания. Борис тогда имел только 1500 руб. жалованья. Теперь он продвинулся, его место давало ему *верный* доход жалованьем и квартирой в 6 т[ысяч] руб. в год. Но эта *уверенность* весьма шаткая. Мой пример не достаточно ли это доказывает? А Борис гораздо больше рискует потерять место, нежели я в свое время. Я подробно изложил Борису все свои резоны, чтобы доказать ему, сколь невыгодной нахожу эту женитьбу, прибавив, что знаю, как хорошо он экономил с таким большим доходом от места, *будучи один*, что ему надо уплатить большие долги и его собственный доход по этой же причине становится весьма ничтожным. Ничто не могло его убедить, а поскольку ему уже 31 год, я оставил его вольным поступать по собственному усмотрению, а поскольку Мятлевы не хотели согласиться на этот брак, не имея от *нас* как родителей писем на этот счет, мы в конце концов написали их, но таким образом, что просим руки их племянницы лишь в том случае, если состояние в 100 т[ысяч] руб. будет ей обеспечено. На эти письма мы еще не имеем ответа, но прежде чем получить их, Борис уже говорил со своими начальниками Канкриным и Бибиковым, обещавшими ему (*как он уверяет*) испросить для него у имп[ератора] 5 тыс[яч] рублей на свадебные расходы. Итак, вы видите, как он решился жениться и каким бесполезным мог быть наш отказ дать согласие. Дай Бог, чтобы суженая Бориса оказалась основательной особой, иначе они оба пропали, ибо Борис, с глубоко добрым сердцем, не имеет здравого смысла. Он непростительно легкомыслен, особенно в его возрасте!!

Владимир не говорит больше о детях, доставляющих нам столько затруднений. Поливановы обещали давать им назначенные Кат[ериной] Д[митриевной] 3 т[ысячи] руб. в год, они хотели прислать *1000 руб.* по возвращении в свои земли и непременно приехать к нам в деревню 15-го числа этого месяца. Я писал им в апреле месяце, напоминая об их обещаниях; до сего времени они не ответили, не прислали денег и сами не приехали. Софья и дети написали Поливановым в одно время со мной, их это не тронуло, и они продолжают не подавать признаков жизни. Я предполагаю написать им еще один раз, последний. Между тем я не могу получить проценты с капитала, помещенного в ломбард для детей, и не могу даже добиться узнать через заинтересованных лиц, не берет ли Каролина процентов из ломбарда, ибо она одна имеет способ это сделать, потому что без ее квитанции ломбард не может их выдать. Это прекрасно устроено покойницей и Владимиром, который в то время делал все бумаги к завещанию!!! Что вы на это скажете?

Александр не писал нам бесконечно долго, мы не знаем даже, где он есть. Его полк в Петерб[урге], но ни Борис, ни Владимир не говорят нам о нем, а сам он не подает признаков жизни.

Вот, мой добрый друг, все что я могу сказать вам о нашем существовании, оно не весело, но *alles Ding wärt seine Zeit. Gottes Lieb in ewigkeit*[*], так что все может перемениться к лучшему и для нас тоже.

---

[*] «Всякая вещь тленна. Божья любовь вечна» (нем. яз.)

Кстати, Борис оказал мне большую услугу, за которую я ему весьма признателен. Я не мог головы приложить, как уплатить *800 руб.* процентов г[осподи]ну Соловому. Борис взял жалованье за треть авансом и заплатил их за меня. Я был весьма тронут этим поступком.

Прощайте, мой добрый, мой дорогой друг. Обнимаю вас нежно и благословляю от глубины сердца. П.

Васильево
24 июля 1825

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 254–255 об.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 16 августа 1825

Ваше письмо от 19 июля произвело различные чувствования у нашего трио, по мере того, как мы его читали, мой добрейший друг Павел. Сначала мы радовались вашим военным успехам и сказали как всегда: благослови его Бог! Потом мы ужаснулись вашему падению из **дрожек** и сказали: упаси его Бог от всяких происшествий! Увидев, какое важное дело вам поручено и сколько существований зависит от вашего суждения, мы сказали: да руководи им и просвети его Бог! Читая то, что вы говорите затем о чтении Дрезеке, мы просили Бога милостью его заполнить вашу душу – созданную для всего, что есть великого и благородного – чувства, являющиеся там толпою, уже заставляют вас наслаждаться счастьем, какое вы уже ставите превыше всякого удовлетворения и чисто мирских умозрений, и чувства эти сделают вас человеком совершенным. Наконец, мы просили Бога дать нам счастье увидеть вас поскорее и как можно дольше. Не могу вам сказать, дорогой друг, как я была огорчена мыслью, что вы могли бы провести с нами пару месяцев и что мы лишены этого счастья из-за мошенничества подлых контрабандистов. И все же одновременно я подумала, что это, быть может, счастье для них, что они попадут к вам в руки, что, судя преступление по всей бесстрастной суровости закона, вы будете поступать с человеком со всей гуманностью человека и христианина по отношению к ближнему, не глядя в обоих случаях *ни на какую чисто мирскую спекуляцию**. Батюшка, Софья и я, мы в первые дни не могли удержаться от сетований на это препятствие, ибо вот по меньшей мере целых три месяца счастья, которых мы лишены; сейчас мы меньше ворчим вслух, но сожаления остались прежними, и я успокаиваюсь немного, лишь стараясь убеждать себя, что отсроченное не есть потерянное и что мы, быть может, получим свои 3 или 4 месяца счастья от вашего присутствия здесь весной. Софья благодарит вас тысячу и тысячу раз за память и пожелания к 15 июля и просит меня повторить вам благодарности за бюро и ее нежнейшие приветы. Она все время очень занята малышами, для которых мы еще вовсе ничего ни от кого не получали почти шесть месяцев, так что они обременяют нас во всех отношениях. Младший, который на первый взгляд очарователен и по сути имеет очень доброе сердце, ставит нас в тупик своим характером в целом, хитростью, ложью, к которой он привычен, с наглостью, которой неизбежно обманываешься, прежде чем узнаешь его хорошенько; но поскольку его все время разоблачают, никогда не теряют из виду и прилагают к тому все старания, я надеюсь, что со временем эти дрянные недостатки исчезнут и он станет добрым малым.

* Непереводимая игра слов: в подлиннике Е.И. Пестель здесь и выше, говоря о чтении Дрезеке, употребляет слово «speculation», означающее как умозрительное построение, спекуляцию, так и спекуляцию коммерческую.

Имею честь поздравить вас с приобретением новой невестки. Дай Бог, чтобы Борис и его Софья были так же счастливы и так же довольны друг другом лет через тридцать, какими кажутся в настоящее время. Посылаю вам письмо невесты и письмо Мятлева, с просьбой вернуть их мне, прочтя. Борис говорит в последнем своем письме: «Влад[имир] и Ам[ели] здоровы и поступают со мной сейчас, в этих обстоятельствах, как настоящие брат и сестра, и мое сердце сохранит к ним бесконечную благодарность. Мои братья и сестра приедут на днях в Знаменское, один, чтобы возобновить знакомство, а другие, чтобы познакомиться с моей Софьей и моей новой родней». Я жду с нетерпеливым любопытством, что скажут Амели и Алекс[андр] об этом визите, ибо что до В[ладимира], то он не очень сообщителен.

Мы на днях совершали разные разъезды, а вчера, по обыкновению, провели день у соседей: был праздник кн[ягини] Марии. Теперь я рассчитываю почить на лаврах, тем более что погода не располагает к прогулкам. Стоит собачий холод, всего от 7 до 10 градусов, с северным ветром, от которого коченеют члены. Если по несчастью случатся малейшие заморозки, мы совершенно разорены на этот год. Рожь очень скверная, а прочее, до сей поры очень хорошее, будет полностью погублено заморозком. И вообразите, что мы уже должны соседям зерно, которое было нужно, чтобы засеять поля и прокормить крестьян в последнее время, и что давно уже наши лошади не знают ни вида, ни запаха овса!! *Как идет дело с вашей землей, мой добрый друг? Получите вы что-нибудь или нет?* Вы, должно быть, тоже в отчаянном положении, ибо последние три года обошлись вам тоже ужасающе!! Прощайте, дорогой и добрый друг, обнимаю вас от всего сердца и ежедневно молю Бога, чтобы он ниспослал вам все свои милости*.

Мы только что получили письма от Влад[имира], Ам[ели] и Алекс[андра], которые, кажется, не особенно впечатлены визитом к Мятлевым: они говорят о невесте, что она премила, не будучи красивой, что это любезная особа и что о ней *говорят* много хорошего. Алекс[андр] говорит, что они не получают никаких писем, никаких ответов от вас, что он писал вам *5 раз*, не получая ответа. В остальном вот их письма, вы увидите, что они говорят, только верните нам все приложенное. Прощайте еще раз, обнимаю вас с нежностью.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 256–257 об.

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

*Васильево, 19** августа 1825*

Насколько ваше предпоследнее письмо из Винницы задержалось в пути, настолько же быстро было нам доставлено последнее, от 19-го числа прошлого месяца. Мы получили его 30-го числа прошлого месяца, таким образом оно было в дороге всего 11 дней. Оно доставило мне весьма большое удовольствие, любезный Павел, всем своим содержанием. Видеть вас убедившимся в том, что истинная вера в Бога Всевышнего и его сына, нашего Господа Иисуса Христа, нашего Спасителя, есть единственное истинное счастье в этом мире, ведущее нас к вечному счастью, – это истинная отрада для моего отцовского сердца. Чем более вы будете проникаться этой истиной, тем более будете счастливы, довольны всем и собой самим и снисходительней к ближним, которые тем

* Дальнейший текст приписан очень мелким почерком на оставшемся месте в конце листа, очевидно, спустя какое-то время.

** Дата проставлена рукой И.Б. Пестеля позднее, в оставленное для нее место, отмеченное кавычками.

более будут любить вас. Спокойствие душевное, которое вы обретете таким образом, есть чувство столь драгоценное, что ничто нельзя сравнить с ним. Узнавши однажды это чувство, вы захотите сохранить его навсегда, ибо ничто на свете не сможет его заменить или сравниться с ним. Я горячо молю Всевышнего ниспослать вам милость, дав вам постоянно продвигаться в основаниях истинной веры. На этом обнимаю вас и благословляю от глубины сердца.

Одобрение, которое вы получаете за службу, хотя и вполне заслуженное, но не всегда ведь воздают справедливость по заслугам, и в том снова милость Божия, что это происходит с вами. Дай Бог, чтобы так продолжалось всегда, возрастая, и чтобы вы всегда процветали самым удовлетворительным и полезным для вас образом, мой добрый друг. Это составит счастье вашего отца и лучшего друга!!

Наконец свадьба Бориса назначена. 30-го числа прошедшего месяца Мятлевы благословили этот союз, и невеста, кн[яжна] Софья Трубецкая, написала нам, вашей матушке и мне, называя нас уже родителями, хотя она еще и не замужем за вашим братом. Госп[ожа] Мятлева (ее тетка) дает ей 100 т[ысяч] руб. приданого. Мятлев, который не счел нужным ответить на мое письмо, в котором я просил у него руки его плямянницы для Бориса, написал, однако, вашей матушке, которая ему не писала и которая со своей стороны обращалась к госп[оже] Мятлевой, – говорит в письме к матушке, что его племянница получит лишь 100 т[ысяч] руб. приданого, включая вещи, поскольку у них более двух миллионов долга. Но Борис уверяет нас, что это не так, и что госп[ожа] Мятлева дает сейчас 100 т[ысяч] р. капитала *и еще столько же*, если вступит во владением имением, которое недавно унаследовала от своей сестры графини Орловой, умершей в Париже, где жила несколько лет по причине здоровья. Дай Бог, чтобы то, что говорит Борис на эту тему, осуществилось!! Если бы это зависело единственно от госп[одина] Мятлева, он бы несомненно ничего не получил, но я надеюсь еще, что госп[ожа] Мятлева, любящая племянницу, *поступит* соответственно, поскольку вообще она пользуется очень хорошей репутацией. Благословите, дорогой Павел, этот союз и молите Бога за вашего брата, как я делаю ежедневно, чтобы он руководил им на новом поприще, чтобы он сделал его разумным и дал ему в этом союзе счастья, которого он столь мало заслужил прежним своим поведением. Борис, легко теряющий голову, кажется, не сможет распорядиться счастьем, которое себе обещает. Письмо его содержит лишь хвалы его невесте. В конец концов, о ней вообще говорят бесконечно хорошо. Я хотел бы, чтобы все, что нам говорят, было правдой! Особенно я желаю, чтобы она была разумной, ибо жене Бориса это понадобится больше, чем любой другой. Надо, чтобы у нее было разума за себя саму и за него. Вообразите, что Борис ничего не говорит нам о родных своей невесты, и я послал ему записку дать мне сведения о ее семье, потому что мне стыдно не иметь возможности отвечать на вопросы, какие мне могут задавать на этот счет. Ну и хватит на эту тему, матушка скажет вам более.

Вы весьма огорчили нас, добрый друг, сообщенной вами прискорбной новостью, что несчастный суд, вам порученный, помешает вам приехать повидать нас. Ради Бога, не сможете ли вы окончить скорее это дело и явиться к нам, поскольку чем больше оно вас задержит, тем менее времени останется побыть с нами. Когда вы надеетесь покончить с ним, дорогой Павел? Когда сможете вы доставить нам счастье сжать вас в объятиях в Васильево? Уверьте нас поскорее на этот счет. Ваша матушка и Софья со слезами на глазах читали это место вашего письма. Мы все трое в унынии!!! Да руководит вами Бог в суждении по делу, вам порученному. Оно доставит вам хлопот, поскольку евреи и контрабандисты весьма ловко выпутываются из дел. Примите все меры и будьте весьма строги, поскольку это то, чего от вас *будут* требовать, а противное навредит вам. Да руководит вами провидение в этих затруднительных обстоятельствах!!!

Шипов должно быть на вершине счастья, будучи произведен в *генералы*[1]. Как этот человек счастлив в службе!! Если вы окончите к удовольствию имп[ератора] и вел[икого] князя дело о контрабанде, быть может, это тоже принесет вам ранг генерала, поскольку в ноябре будет четыре года как вы полковник.

Шульгин, бывший начальником полиции в Москве, теперь таковой же в Петерб[урге][2]. В Москве он поставил полицию на превосходную ногу, и говорят, что прилагает большое усердие сделать то же в Петерб[урге]. Этот сумеет отыскать карбонариев! Другой Шульгин, тоже ген[ерал]-майор, заместил его в Москве[3]. Вы должны знать этого последнего, он служил в одно время с вами в гвардейском Литовском полку. И еще. Он был в деле при Бородино.

Нам пишут из Петерб[урга], а именно ваша невестка Амели, что Александр трудится над тем, чтобы быть определенным в **юнкерскую школу** корпуса гвардейской кавалерии. Это принесет ему удвоение жалованья, и ему не нужны будут лошади. Я был бы тому весьма рад, но не понимаю, как Александру достает смелости взяться за обучение других, ему, который сам большой школьник. Поскольку Михаил Храповицкий (брат Амели) записан младшим офицером в кавалергарды и находится в этой **юнкерской школе**, Амели говорит, что Михаил окажется под началом у Александра, который будет его наставником, и ей кажется, что это как у крестьян, *когда один ребенок баюкает другого*. Я нахожу, что это очень хорошо сказано.

Я все еще не имею никаких новостей относительно приказа, данного имп[ератором] о продлении моей аренды. Канкрин не соизволил мне ответить, и я никак не мог добиться от Бориса узнать, что делается в Департ[аменте] финансов по этому делу. Я отослал свое письмо, моля Всевышнего привести дело к моему благу, и спокоен по глубокой уверенности, что, каков бы ни был результат, он будет к моему благу. В остальном, если ничего не сделается до отъезда имп[ератора] из Петербурга, я напишу ему снова по возвращении его в столицу.

Прижимаю вас к сердцу, обнимаю и благословляю от глубины души. П.

P.S. Скажите мне, добрый друг, что вы сделали с сыном Нератова. Отправили ли вы его на межеванье, как предполагали? Довольны ли вы им по-прежнему? Его отец, кажется, остыл ко мне, поскольку пишет мне реже, меньше и, главное, выказывает небрежение в исполнении моих поручений. Быть может, у него есть еще дела, мешающие ему быть более аккуратным?

Посылаю вам при сем продолжение труда Дрезеке[4], который, кажется, снискал ваше одобрение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 258–259 об.

---

[1] С.П. Шипов получил чин генерал-майора 22 июля 1825.

[2] Шульгин Александр Сергеевич (1775–1841), генерал-майор, участник кампаний 1805 и 1807 гг., с 1808 адъютант цесаревича Константина Павловича, в 1812 находился в распоряжении генерал-полицмейстера армии М.И. Левицкого, в 1813 состоял при Константине Павловиче. С 1816 московский обер-полицмейстер, 2 августа 1825 переведен на ту же должность в Петербург, в январе 1826 определен состоять по кавалерии, затем в отпуск для излечения болезни, в 1833 вышел в отставку.

[3] Шульгин Дмитрий Иванович (1784–1854), в 1800 определен в л.-гв. Преображенский полк, участвовал в кампаниях 1805, 1807, в войне со Швецией 1808–1809, в 1811 переведен в л.-гв. Литовский полк, штабс-капитан, участник войны 1812 и заграничных походов, в 1816 полковник, в 1819 командир Екатеринославского гренадерского полка, в августе 1824 генерал-майор, командир 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии, со 2 августа 1825 по 1830 – московский обер-полицмейстер, впоследствии командовал пехотной дивизией, участвовал в подавлении польского восстания 1830, генерал-лейтенант, член Государственного совета.

[4] См. примечание к письму И.Б. Пестеля от 20 мая 1825.

Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 21 августа 1825

Ура! Дорогой и добрый друг Павел, порадуйтесь с нами и помогите нам возблагодарить Всевышнего и нашего великодушного монарха за благодеяние, только что сделанное для нас, как вы увидите из приложенной копии указа, известие о котором и копию мы пока имеем только через Бориса, который снова стал нашим ***благовестником***. Пожалованная аренда лишь заменяет последнюю, которую мы имели, не считая маленькой, срок которой истек уже много лет назад, но это все же очень большая милость со стороны провидения и вещь несомненно беспримерная, чтобы человек, *исключенный* из службы, получил в один год кроме пенсиона сохранение столовых денег в три тысячи рублей и аренду в 3289 р. серебром. Можем ли мы не быть бесконечно растроганными и признательными за доброту и великодушие императора и не простираться перед Всевышним, так сжалившимся над нашей несчастной судьбой, бесконечное милосердие коего вняло в этом деле нашим горячим молитвам. Хлопоты и долговые расписки не закончатся скоро, и мы сами не станем богаче ни на обол, но у нас есть верная перспектива выплатить долги, а следственно, быть спокойнее, пока мы живы, и даже умирая, и даже некоторым образом к своему удовольствию, потому что теперь мы будем ежегодно сокращать долги, вместо того, чтобы их увеличивать, и сможем оставлять на прожитие пенсион и столовые деньги. Эта новость пришла вчера в тот момент, когда мы думали, что тем более придется возобновить прошение к императору, поскольку урожай этого года к этому времени *очень* плох. Рожь отвратительная, а пшеница, казавшаяся такой прекрасной, была охвачена медовой росой (**медавая роса**)*, очень плоха, мелкая и черная; остальные летние зерновые должны были также пострадать, так что уже решено, что, чтобы заполнить *отчасти* амбары, нельзя будет вовсе ничего продать. Таким образом, вместо дохода с земли, мы в этом году снова будем иметь *расходы* на налоги и возобновление позаимствованного зерна. Und somit erweiset sich auch jetzt daß wo die Noth am höchsten, Gott am nächsten ist!**. Я уверена, что эта новость в высшей степени вас обрадует. Борис пишет нам одновременно, что его свадьба будет только в конце сентября или начале октября, если госп[ожа] Мятлева поедет за границу, как намеревается, или же в ноябре, если она не поедет. Так что он не сможет приехать с женой до зимы, и мы, быть может, будем в этом году иметь счастье собрать у себя на новый год всех наших дорогих детей, ибо я все еще рассчитываю, что вы сможете приехать в конце года, счастливо завершив ваш ужасный процесс. Какая будет радость! Вчера был особенный день: минуту спустя после почты прибыл брат ***Никишки***, впервые с тех пор как он в солдатах, а Василий [нрзб.], привезший нам почту и добрую весть об аренде, привез также Алексея, сына управляющего, оставившего Сибирь, чтобы перейти на службу в другом месте. Судите о радости родителей! Он снабжен превосходными аттестатами, представлен к награде и очень хорошо развился. Это семейство до сей поры было счастливо успехами детей. Крестник Софьи очень понятлив. Ваша маленькая крестница – очаровательное дитя, ходит, лепечет, маленький клубочек, который так нас любит, что постоянно у нас и даже у батюшки на руках, особенно с тех пор, как ее родители живут в нашем доме (там, где потом будут горничные и **кладовые**), потому что их хижину перенесли, чтобы поставить напротив кухни, но этой зимой они не смогут там жить. Это письмо написано сильно заранее, потому что будет отвезено в Смоленск вашим батюшкой, едущим за 150 в[ерст] с визитом к старому Альбединскому, празднующему 24-го свои именины, а 26-го именины невест-

* Е.И. Пестель написала название болезни по-французски и в скобках повторила по-русски. Орфография сохранена.

** «Таким образом, и нынче оказывается: чем ближе беда, тем ближе Бог!» (нем. яз.)

ки (урожденной кн[яжны] Багратион[1]). Тем временем мы не хотели медлить, чтобы объявить вам эту счастливую новость, мой добрый друг, которой вы порадуетесь как можно раньше, насколько это от нас зависит. Софья шлет вам тысячу и тысячу приветов, а я вас обнимаю, дражайший Павел, люблю и благословляю всеми способностями своей души.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 260–261 об.

[1] На княжне Наталье Кирилловне Багратион (1803–1873) был женат Павел Петрович Альбединский (см), сын обер-гофмейстера барона Петра Романовича Альбедиля (см.)

И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 26 августа 1825

Присоединитесь ко мне, мой дорогой друг, мой любимый сын, чтобы возблагодарить Всевышнего за новую милость, которая со мной случилась! Копия приказа, данного мин[истру] финансов, докажет вам, сколько доброты имеет ко мне провидение. Аренда, только что пожалованная мне[1], точно та же, что я имел на последнем месте, так что я имею надежду получать от нее по меньшей мере те же 4000 руб. серебром, какие имел от аренды в Гродненской губ[ернии]. Я очень рад, что прежняя аренда мне не продлена, поскольку эта земля разорена до такой степени, что обойдется в 24 т[ысячи] руб. тому, кто возьмет ее в аренду за мной. Говорят, что земли в Виленской губ[ернии] лучше тех, что в Гродненской. Дай-то Бог!!! Примечательно, что в приказе е[го] в[еличества] сказано: ***не в пример другим***. Это касается уплаты дохода от аренды за два года, когда я не смогу еще вступить во владение, и это вещь, запрещенная имп[ератором], имевшим милость сделать *для меня исключение*. Согласитесь, дорогой друг, удивительно, как во всем, что происходит со мной после катастрофы, видна милостивая рука Провидения! Несмотря на все усилия моих врагов навредить мне перед имп[ератором], *он* в течение одного года пожаловал мне столовые деньги и значительную аренду, какую дают только персонам 2-го класса, т. е. в ранге генерал-аншефа. Доказательством то, что Васильчиков получил мою старую Гродненскую аренду. *Wenn die Noth am größten ist Gott am nächsten*[*] – вот вещь, в которой я имел счастье убеждаться столько раз в своей жизни. Он дарует неизменно эту милость тем, кто имеет полное к Нему доверие, он, Всевышний, ведущий *все* к нашему счастью временному и вечному. Будем же верны этому благому провидению всю нашу жизнь. Я не могу не быть весьма чувствительным к доброте нашего августейшего государя. Он человек, как и мы; он, быть может, ошибался, но в глубине души должен быть добр и расположен делать добро ближнему. Будем молиться Богу за него ежедневно. Через него провидение делает мне добро, а мы должны любить того, кого Всевышний употребляет для доказательства нам своей милости.

Я занят приготовлениями к небольшому путешествию, о котором говорит вам матушка, и пишу это письмо 21-го числа, хотя оно отправится только 26-го, но я возьму его с собою, проезжая Смоленск, чтобы отдать на почту.

Сын Никиты (прибывший из Иркутска) сообщил мне хорошие новости. Он уверяет, что вся губ[ерния] жалеет обо мне, как и о Трескине. При нас крестьяне были богаче, потому что имели способ продавать свою продукцию. Купцы довольнее, потому что торговля хорошо шла. Теперь все в величайшей нужде, не имея никакого способа добиться перемены в делах. Мерзкий доносчик, причина всех наших несчастий, наконец

[*] «Чем ближе беда, тем ближе Бог» (нем. яз.)

умер, ненавидимый и презираемый всем светом. Алексей, кажется, основательным, хорошо говорит и не лишен ума и верных суждений.

Прощайте, добрый друг, с нетерпением жду счастья обнять вас и своим голосом заверить в дружеских и нежных чувствах, которые к вам питаю и с которыми благословляю вас от глубины души. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 262–263.

---

[1] И.Б. Пестель 12 августа 1825 получил аренду в Витебской губернии с доходом 3289 р. в год, с 1828 года, с выдачей до вступления во владение ежегодно той же суммы.

Е.И. и И.Б. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 8 сентября 1825*

Благодаря Бога, мы теперь чаще получаем новсти от вас, дорогой и добрый друг Павел. Ваше письмо от 6 августа пришло к нам 28-го, а поскольку предыдущее добиралось до нас 6 недель, два последних следовали одно за другим. Я была весьма растрогана вашей памятью о 15 июля и о времени, проведенном в Васильево! Сколько мы тоже об этом думаем и сколько желаем его возвращения. Несомненно, время проходит весьма быстро, и хорошее, и плохое; но по крайней мере в воспоминаниях горе притупляет свои шипы и часто оставляет память только в виде рубцов, столь быстро изглаживающихся, что их с трудом можно отыскать, тогда как малейшее удовольствие, как и величайшие душевные радости, кажется, возвращаются с первоначальной живостью и часто даже усиливаются всякий раз, как о них подумаешь. Таким образом благое Провидение действует в возмещение неизбежного зла, и так все воздается некоторым образом уже в этом мире, даже прежде того, как мы достигнем великого момента, когда смерть поведет нас к месту вечного воздаяния! Но почему же происходит зло в этом мире? Когда *можно* было бы устроить все по Его воле? Я не знаю почему и не ищу знать. Вместо чем терять время, возмущаясь тем, чего не понимаю, как из крошечных зерен, положенных в землю, происходит столько различных растений, я пользуюсь своим опытом и опытом других, чтобы выращивать цветы, и когда мой партер, украшенный тысячью красок, благоухающий самыми пленительными запахами, выказывает лучшее в природе и тешит мои чувства, я простираюсь пред Всевышним и приношу ему свою благодарность, не спрашивая счета ни краскам, ни запаху розы, ни шипам, которыми щетинится ее стебель. Как я сожалею о тех, кто теряет истинное счастье, стремясь его понять и объяснить, они походят на тех, кто издерживает все свое состояние, чтобы раскрыть секрет – ненаходимый – получения золота. Что до слова *sappante***, которым оканчиваются некоторые прочитанные вами труды, позвольте мне, добрый друг, прежде ответа рассказать вам историю.

Фаворит великого владыки предал господина и своим неповиновением навлек врага на земли, доверенные его семье. Нарушение долга, *строжайшим образом изъясненного и предписанного*, должно было подвергнуть его строгости законов, заранее известных, и обратить со всеми приближенными в бесконечное ничтожество. Сын владыки, полный нежного сочувствия к подданым отца, захотел прийти к ним на помощь и попросил употребить все свои средства на оплату долгов виновного и таким образом добиться прощения для него. Ах! Хорошо, – сказал ему Отец, – я принимаю твою

---

* В подлиннике написано «август», затем зачеркнуто и сверху приписано «сентябрь».

** Такого слова не существует. Вероятно, Е.И. Пестель имела в виду слово «sapiente» – мудрая, ученая (итал. яз.).

великодушную жертву и твою благородную преданность. Иди, отдай свои блестящие богатства, выкупи должника, покажи ему еще раз, что значит знать и исполнять свой долг: *простой солдат* изгонит врага, которого беспечность и неверность предателя допустили в наши земли; затем – *возвращайся*, еще более дорогой Отцу твоей возвышенной жертвой, *добровольным* и *мгновенным* унижением, *возвращайся* в мои родительские объятия, поместись в новой своей славе рядом со мной на троне, раздели мои права и будь источником всех милостей, истекающих из моей верховной власти. Что до того, кого ты хочешь выкупить, я не могу более поставить его на ту высоту, откуда изгнало его преступление: это человек порочный от природы, по сути своей; но я могу даровать тебе его прощение, я еще могу протянуть ему спасительную руку, помочь исправить однажды предо мной и пользоваться моим расположением, *если только* постоянное и искреннее раскаяние смоет пятна его проступка и, после того как оказался неверным господину, он не станет неблагодарным к своему благодетелю. Пусть он и его приближенные навсегда запомнят то, что ты делаешь для них, пусть знают, что один ты *мог захотеть* и *совершить* это великое деяние, что ты хотел этого *для них*, и что *без тебя* они *ничего* не могли бы поделать. Только таким образом они могут выбраться из бездны, куда поспешили сами, и вернуть мое благоволение... Ибо как простить и как довериться сердцу, дважды неблагодарному?

Вот, мой добрый друг, как я понимаю, как *Бог добрый* мог дать погибнуть *Богу невинному*, чтобы умиротворить *Бога справедливого*; но я никогда не поверю, чтобы тот, кто был способен написать и велеть напечатать эту вольтерьянскую фразу, был бы *истинным христианином*, способным испытывать радости истинной веры (сущность и достоинство которой состоят в том, чтобы верить, а не изучать, смотреть и понимать), способным любить Бога, своего Спасителя, и своего ближнего. Вообще, пожалейте о том, кто сомневается в вере, сколь бы не было непростительно пренебрежение способами убедить себя, но презирайте и превыше всего гоните того, кто без иного оружия, кроме сомнения и насмешки, ищет увлечь, соблазнить слабого человека, почитающего себя сильным, и лишить его таким образом всего, что могло сделать его счастливым, не имея возможности ничего дать ему взамен. Часто говорят, что человек не выбирает положения на земле, и, следственно, никакое согласие, никакой договор не обязывают его к долгу. Но позволите ли вы солдату, генералу пренебречь долгом, потому что он не сам выбрал место, на котором стоит, и не отдадите ли вы его под суд за небрежение? И не *понимают*, почему страдают в этом мире!! Понимает ли ребенок, что это для его настоящего блага вы заставляете его спать на жестком, задаете ему порку или заставляете его глотать ревень? Между тем вы требуете, чтобы он верил вам на слово, следовал вашим указаниям и приказам, не сомневаясь в вашей любви и не умаляя своей. Вы требуете доверия и повиновения от ребенка, который *доверен* вам и который станет равным с вами. Ради частного порядка и спокойствия в вашем доме, как и ради общего порядка и спокойствия в государстве, вы требуете повиновения и доверия от ваших домашних, от пахаря, солдата, от всякого служащего отечеству, наконец, от всех граждан, коих природа уже сделала равными вам, и вы не хотите принести покорность и доверие своему Создателю, уже осыпавшему вас благодеяниями и которому вы никогда не станете равным. Понять!!! Не надо искать понять, это ни к чему не ведет, это будет усилиями столь же бесполезными, сколь и преступными. Доверие, покорность, благодарность – вот единственное древо истинного познания, плоды которого нам не только дозволены и спасительны, но даже необходимы для нашего счастья. Другое, древо ложного познания, запретное для нас, несет плоды с фальшивым сиянием, сок которых терпкий и ядовитый, вызывает жестокую жажду и постоянно растущее желание этого фрукта, разрушающее семена жизни и счастья. Я нахожу великолепной идею Мильтона по этому поводу[1]. Он говорит, что Сатана, добившись совращения человека, возвращается в свое адское царство, собирает подданных, рассказывает им

о своем триумфе, и когда замолкает, чтобы собрать рукоплескания, которых ждет от подданных, он слышит лишь страшный свист: все мятежные ангелы обнаруживают, что превратились в змей, а сам он в дракона, возвышающего еще свою гордую голову превыше прочих; все извиваясь кольцами, ползут в грязь. Но вдруг посреди них воздвигается лес деревьев, подобных тому, что облегчило Сатане исполнение его ужасных планов. Все бросаются невольно на ветви этих деревьев, срывая с них сияющие плоды, жадно вонзают в них острые зубы и вместо сладкого сока находят лишь ядовитую пыль, возбуждающую жестокую жажду и увлекающую их помимо воли есть еще и еще эти плоды, от которых их рты и все тело покрываются заразными и болезненными язвами. Это превосходная идея. Впрочем, я не люблю никакие из сочинений, где заставляют говорить и действовать божеств, ибо нахожу там две большие несообразности: та, что главных персонажей постоянно ставят ниже их сущности (которой мы не можем постигнуть), заставляя их говорить и действовать, согласно *нашей* природе и *нашему* языку, которые не могут быть им свойственны; и та, что хотят объяснить то, чего мы не можем и не должны понимать. Вера, Любовь и Доверие, или Надежда, которая здесь то же самое, вот мой символ веры, вот религиозный кодекс, следующим которому я хотела бы вас видеть по заветам нашего божественного учителя, для вашего покоя и счастья в этом мире и к вашему вечному блаженству в ином, уверенность в котором мой Спаситель купил для меня ценой своей Крови.

Но посмотрите, добрый друг, как я растянула эту тему, тогда как думала сначала обойтись несколькими фразами. Было бы досадно, если я вам прискучила, и я была бы довольна, если смогла ответить на некоторые сомнения или заменить их религиозным чувством.

Я получила к своему празднику множество писем, и мне нужно написать 15 ответов! Среди прочих Валентину, которому благодаря Бога лучше, и его брату Воло; я была весьма чувствительна к вниманию Леонтьевых, заставивших детей написать мне. Пашетт Яхонтова прислала мне прелестный воротник для блузки с вышивкой своей работы. Амели послала мне чепец собственного фасона, которого я еще не получила, и сообщает, что еще один хочет для меня вышить. Борис пишет, что его невеста хотела написать мне и прислать ему письмо, но что он его не получил и не понимает почему. Его свадьба назначена на этот месяц – он еще не знал дня и говорит, что его Софья хотела бы приехать немедленно после свадьбы в Вас[ильево] просить нашего благословения. Я буду рада их видеть, но надеялась, что мы все соберемся к новому году. Псковичи пишут нам, что гувернантка детей г[енерала] Набокова[2] частным образом знала Софью Трубецкую и говорит о ней тысячу и тысячу хорошего. Она, – говорят они, – среднего роста, хорошо развита и очень элегантна; у нее темно-русые волосы, хороший цвет лица, нос маленький и вздернутый, выражение лица очаровательно, манеры полны грации, и вообще в целом эта маленькая особа как нельзя более хороша, и как уверяют, щебет соответствует оперению, и весь свет поет хвалы ее сердцу, уму и характеру. Можно только радоваться за Бориса, который несомненно более счастлив, чем благоразумен. Софья шлет вам миллион приветов, дражайший Павел, а я вас обнимаю и люблю, как всегда, т. е. в высшей степени.

Приписка И.Б. Пестеля:

Мне много нужно писать с этой почтой, мой дорогой друг, что мешает мне побеседовать с вами так, как бы желал, ибо я всякий раз делаю это с превеликим удовольствием. Ваша превосходная матушка подробно ответила на ваше последнее письмо от 6-го числа прошедшего месяца с подробностями* и так, что мне это доставило большое удовольствие. Я совершенно одного с ней мнения во всем, что она говорит, и не чув-

* Так в тексте, слово «подробно» и «подробности» И.Б. Пестель употребил дважды.

ствую себя способным выразить свои мысли с ее элегантностью и краткостью. Я совершенно согласен с ней во всем, что она говорит вам, и пребываю, милостью Всевышнего, проникнутым истинами, которые она излагает с такой справедливостью и точностью. С вашим сердцем, превосходным и добрым, вы не будете совершенно счастливы и довольны, пока Провидение не даст вам блаженства быть столь же уверенным в этих истинах и в них искать своего счастья. Последнее сочинение Дрезеке объяснит вам эти вещи. Дай-то Бог!!! Будьте счастливы и довольны, мой дорогой сын, и приезжайте обнять нас как только сможете. Весь ваш сердцем и душой. П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 266–269 об.

---

[1] Далее следует пересказ эпизода из десятой книги поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай».

[2] Набоков Иван Александрович (1787–1852), из дворян Новогородской губернии, участник кампаний 1801, 1812, 1813–1814, по окончании войны командовал бригадой в 5-й пехотной, затем в 1-й гренадерской дивизии, с 1822 начальник 3-й пехотной дивизии, в 1826 генерал-лейтенант.

И.Б. и Е.И. Пестель – Павлу Пестелю

Васильево, 7 октября 1825

На днях мы получили ваше письмо от прошедшего месяца, но без даты. Спешу на него ответить, чтобы поблагодарить вас, дражайший друг, за ваш интерес к милости, оказанной мне имп[ератором] в виде новой аренды, которую он мне дал. Несомненно, это большое доказательство милости ко мне Всевышнего. По всем человеческим вероятиям никогда нельзя бы было ожидать этого, и, думая по-людски, моя просьба была неуместна, но я с доверием к божественной доброте решился ее подать, и Провидение имело милость оправдать мое к Нему доверие. Оно было моей силой и поддержкой во всех огорчениях, коих я имел много в жизни, и особенно после моей служебной катастрофы. Я не могу просить у Бога большего счастья для своих детей, нежели эта убежденность в божественных путях, по которым Он ведет тех, кто вверяет ему свою судьбу земную и небесную. Я делаю это каждый день с усердием. С тем же усердием я прошу Всевышнего просветить вас в постоянных сомнениях, которые вы имеете, дорогой друг, относительно нашего Спасителя сына Божия. Вы никогда не получите истинного утешения святой религии, пока эти сомнения существуют в вашем сердце, от природы добром и чувствительном. Я говорю вам по собственному опыту, и я огорчен видеть, как вы еще далеки от истинной цели нашей христианской религии!!! Да просвети вас Бог и дай он вам эту веру, столь необходимую для наслаждения *истинным счастьем* христианина!!!

Вы хотите знать, что такое за бумаги фельдъегерь вез к Борису для меня, говоря, что они были от гр[афа] Аракчеева ко мне. Это не что иное, как письмо статс-секретаря Муравьева, объявляющего, что аренда по моей просьбе дана. Мин[истр] финансов написал мне сходное официальное письмо. Когда мне были даны столовые деньги, никто из них не сообщил мне об этом. Кажется, на этот раз они пожелали обращаться со мной более внимательно. Гр[аф] Аракчеев не ответил ни на одно из моих писем, но я все же склонен думать, что он употребил добрую волю при моих прошениях к имп[ератору].

У бедного гр[афа] Аракчеева горе. Его экономка, бывшая для него более чем экономкой, была убита поваром графа по подстрекательству горничной. В этом деле восемь виновных из людей графа. Он был так расстроен этой катастрофой, что отказался от обязанностей до выздоровления, ибо серьезно заболел[1]; мне тем временем

пишут с последней почтой, что здоровье его восстанавливается и он снова начинает заниматься делами.

Я не разделяю вашего мнения, дорогой друг, когда вы говорите, что досадно, что невеста Бориса княжна, и что оттого может произойти, что она и ее родня будут смотреть на Бориса с высоты своего величия. В чем наша фамилия ниже таковой *русских князей*? Это будет совершенно зависеть от Бориса поставить себя на такую ногу, на какой он захочет быть со своими новыми *именитыми* родными. Я смогу показать им, что почитаю их ничуть не выше себя ни по чину, ни по благородству.

У нас нет никаких новостей о том, что происходит с планами Александра сменить место. Я опасаюсь вместе с вами, что его полковник не порекомендует* его на это место. Будет ли он неправ, видя, что Александр не любит заниматься службою?

Нератов пишет мне с последней почтой, что он весьма признателен за то, что вы продолжаете постоянно окружать его сына своими заботами. Благодарю вас за это, добрый друг, со своей стороны.

Не известно еще, куда будет продолжено путешествие е[го] в[еличества] из Таганрога, куда он прибыл 13-го числа сего месяца, а императрица 23-го[2]. Я интересовался узнать, поскольку не отошлю своего благодарственного письма имп[ератору], пока не узнаю о его возвращении в столицу.

Сомневаюсь, чтобы недостаток вежливости у Мятлева имел какую иную причину, нежели его неудовольствие тем, что я написал графу Орлову, с которым он порвал. Если так, то я обязан за это Борису, который должно быть сказал Мятлеву, ибо от кого другого мог он узнать, что я писал гр[афу] Орлову. Я счел долгом это сделать, поскольку узнал от моего зятя Бринена, что Орлов сказал, что сделал бы свадебный подарок, если бы у него тоже спросили согласия на этот брак; потом, я издавна знаком с этим графом Орловым. Он ответил мне, и, выразив свое неудовольствие невестой Бориса, совершенно от нее отрекся.

Посылаю вам прилагаемую копию указа, из которого вы увидите, что Борис переменил место[3]. Я узнал об этом только из газет. Борис не говорит мне об этом. Не знаю, какую выгоду эта перемена может ему обеспечить, но что я вижу, с огорчением, это что по важности службы первое его место было местом человека, сведущего в делах, а второе – почти ничтожно. Я предвидел, к несчастью, что Борис не был создан для прежнего своего места!! Весьма досадно, что он не желает лучше употребить свои способности!!!

Постарайтесь, добрый друг, приехать повидать нас, чтобы мы могли вместе начать новый год. *Все ваши братья* предполагают приехать к нам к тому времени, и для нас было бы истинным счастьем начать новый год со *всеми* нашими дорогими детьми. Получите, дорогой друг, отпуск, чтобы остаться с нами так долго, как окажется возможным.

Обнимаю вас от всего сердца и благословляю также. П.

Приписка Е.И. Пестель:

Я столько написала вам в прошлый раз, дорогой и добрый друг Павел, что на этот раз прибавлю лишь несколько строк к батюшкиному письму. К тому же, я вторю всему, что он говорит вам, и призываю вас, как и он, постараться приехать повидать нас к новому году. В настоящий момент переделывают потолок и пол ваших комнат, так что вам там будет теплее. Я тоже надеюсь быть лучше и намного теплее устроиться на эту зиму в новом доме, чем в прежней нашей комнате, где уже сейчас замерзаешь, хотя было еще не более 2–5 градусов холода. Когда я переберусь из нее, надо будет также потрудиться сделать ее потеплее, и если вы доставите нам удовольствие собраться

* Слово «порекомендует» подчеркнуто карандашом, возможно, при прочтении этого письма в Следственном комитете.

всем у нас на новый год, то *я надеюсь*, что вы все будете хорошо или хотя бы сносно размещены... на время визита. Итак, приезжайте, приезжайте, жду вас с распростертыми объятиями, в ожидании обнимая вас со всей нежностью, какую питает к вам мое сердце, дражайший мой, и благословляю вас так же. Софья передает вам тысячу *нежностей*.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 476. Ч. 1. Л. 20–21 об.

---

[1] Домоправительница с 1798 и любовница гр. А.А. Аракчеева Настасья Минкина была убита в имении Грузино 10 сентября 1825.

[2] И.Б. Пестель здесь ошибся, назвав прошедший месяц текущим. Александр I прибыл в Таганрог 13 сентября, императрица Елизавета Алексеевна – 23 сентября 1825.

[3] Б.И. Пестель 28 августа 1825 был назначен членом Комиссии для окончания строений на Биржевой площади в Петербурге, сохранив прежнюю должность начальника 1-го отделения по департаменту Внешней торговли. Других перемен в его служебном положении не происходило.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Владимира Ивановича и Александра Ивановича Пестелей к брату Павлу Ивановичу, 1818, 1822, 1824 гг.

В.И. Пестель – П.И. Пестелю

[апрель–май 1818 г.][*]

Сколь верно, что добрый пример благоприятно влияет на человека, способного чувствовать добро и искать добродетели, чтобы соделать ее своим руководителем, столь же несомненно, что дурные истолкования людей, неспособных даже желать добра, обескураживают и разрушают удовольствие от исполненного долга. Их жадность найти лицемерие и злость там, где есть лишь добрые намерения и живое желание нравиться тем, к кому нас привязывает чувство благодарности и нежность; эта жадность, говорю я, сеет слишком много терний на пути долга, чтобы он не мог не стать мучительным и трудным. Они не постигают, что в желании исправить некоторые свои промахи или снискать некоторую добродетель нет ни скрытности, ни лицемерия, и у них выполнение долга есть лишь следствие расчета, основанного на подлом интересе. Но я замечаю, мой добрый друг, что написал почти страницу, не сказав ничего, а поскольку я полагаю, что вы ожидаете получить от меня письмо, а не диссертацию, то остановлю свои философствования, справедливость которых столь же чувствую, как и [бесполезность], и скажу вам, отчего эта меланхолия, определившая мои первые строки и, полагаю, не лишенная основания. Вы легко поймете, мой друг, грусть, в которую нас погрузил ваш отъезд. Как никогда чувствуем мы, что каждый из нас потерял, лишившись вас. Это не только обожаемый сын, любимый брат. Нет, это мудрый руководитель, благоразумный советчик, разделяющий равно горести и радости, смягчающий одних и придающий живости другим; это нежный друг, которого отнял у нас ваш отъезд, друг, которого никто не сможет заменить. Мне было мучительно видеть, что наши добрые родители, и особенно наш нежный отец, так сказать, потерял сына. Того, который в самом деле один может носить это имя, столь неукоснительно исполняя долг, не стало более, а остальные не могут их в том утешить.

Я не столь тщеславен, мой дорогой друг, чтобы стараться вполне заменить вас близ наших родителей. Я не имею к тому ни способов, ни умственных способностей, но желал бы по крайней мере заслужить в их сердце место рядом с вашим, считая себя обязанным доставлять им удовлетворение. Итак, я выбрал момент, последовавший за вашим отъездом, чтобы сказать им о моих стремлениях[1]; что снискать их одобрение будет моей целью, достигнуть которой будет для меня величайшей наградой. Если когда-нибудь я заслужу его, то лишь имея примером ваше поведение и поддержкой их советы, я надеюсь достигнуть осуществления моего желания. Что тем не менее я весьма огорчен, видя ложное истолкование, которое дают перемене моего поведения Борис и рикошетом даже Александр. Я не знал, что достаточно лишь быть лучше другого, чтобы оказаться приговоренным. Я в превосходных отношениях с родителями, но братьям это не нравится и мне это выказывают. Я стараюсь скрыть это, насколько могу, от тех, кто нами доволен, и был бы огорчен видеть нас разобщенными, и надеюсь, что со временем между нами все придет к наилучшему.

---

* Датировано на основании сопоставления с письмами И.Б. Пестеля.

Вот, мой дорогой, объяснение странного вступления, содержащегося на первой странице. Быть может, мое воображение, погрузившись в черноту, слишком привязывается к потревожившим его мыслям, но их безумие извлечено из очевидности. Достанет ли мне твердости, чтобы не впасть в отчаяние от этих противоречий, и сможет ли доброта моей цели восторжествовать над преследующими ее неприятностями. Не стану вам говорить о нашем образе жизни; вы его знаете, полагаю, во всех подробностях от матушки. В остальном, что можно сказать? В нем по-прежнему одолевает однообразие, но это однообразие не скучно, поскольку к этому определению относится также постоянное единство и часто даже веселость. Вот, мой дорогой друг, положение вещей дома. Мне кажется, мое отношение к родителям близко к тому, каким ему и надлежит быть, и здесь недостает лишь вас, чтобы я мог сказать по полной справедливости: *где может быть лучше, чем в лоне семьи.*

Владимир

P.S. Вот уже неделя как мне не удается отправить это письмо на почту. Время выровняло мои мысли и отчасти изменило, как мне кажется, расположение Александра и немного даже Бориса.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 1. Л. 52–53 об.

[1] Ср. письмо И.Б. Пестеля П.И. Пестелю от 24 апреля 1818 г. об объяснении с Владимиром «в самый день вашего отъезда».

А.И. Пестель – П.И. Пестелю*

[февраль 1822 г.]**

Позвольте мне, дорогой Павел, обратиться к вам с доверием, какое внушает самый разумный из братьев и мой лучший друг, чтобы спросить у вас совета в касающемся меня деле, которое я не хотел бы решать, не получив советов, продиктованных беспристрастностью и заинтересованностью. Несомненно, новости, которые вы получили от батюшки и матушки относительно их дел, должны были причинить вам большое огорчение. Способ, которым <батюшка> лучший из <отцов> людей завершил свою карьеру, всем нам разорвал сердца. Сам он был спокойнее и тише всех <когда он узнал> при известии о своей участи после долгой ревностной службы, видя себя тем самым, как вы знаете, в величайшей нужде. Религия дает ему силы перенести все несчастья с величайшим смирением, и кажется, что они производят над ним лишь то действие, что более и более укрепляют его в религиозных принципах. Мужество ему изменяет, лишь когда он думает <о нас> о нашей доброй матушке и о нас всех, его детях. Сейчас, когда все немного успокоились, начали искать какое-то решение. И в этом случае также превосходнейший из отцов напомнил, что должно думать о том, что будет. Что до батюшки и матушки, они решительно хотят оставить Петербург. Во всем этом, несмотря на мою обычную веселость и манеру все видеть в розовом цвете, я вижу себя самым одураченным. Во-первых, я не вижу возможности устроить себя таким образом, чтобы не быть в тягость для наших добрых родителей, что, по мне, величайшая беда. Шипов предложил батюшке перевести меня в Семеновский полк, и он этого, кажется, желает. Шипов имеет для того все способы и права, и я не сомневаюсь ни в его дружбе, ни в снисходительности, но как остаться в Петербурге одному в гвардии, когда у меня к тому меньше средств, чем когда-либо. Даже

* Текст с ошибками, помарками и исправлениями. В тех случаях, когда зачеркнутые слова относятся к содержательной стороне письма, они указаны в <>. Несущественные исправления не оговариваются.

** Датировано по содержанию письма.

предполагая, что я смогу столоваться у Шипова или у дяди Леонтьева, т. е. что не должен буду заботиться о своем столе и буду иметь жилье в полку, я все же должен иметь очень дорогие костюмы и очень часто их носить, и кроме того, иметь экипаж, ибо не позволено <идти во дворец> идти ко двору в грязных сапогах, и потом, мне надо будет экипироваться, когда неизвестно, что делать с нуждой и долгами. Несомненно, я не могу остаться также и в своем кирасирском полку, насколько я знаю, это не лучше. Из-за страсти моей к кавалерийской службе и к лошадям я приложил к вступлению в полк и к службе много рвения, дабы научиться службе, и это, кажется, расположило ко мне моих начальников. Сорочинский[1], не знавший наших родных, был со мной очень любезен. Каблуков[2] почти баловал меня, поскольку обращался со мной совсем дружески и много раз просил меня не оставлять его полк, или по крайней мере перейти в к[авалер]г[арды].

Самым разумным, по мне, было бы стараться поместиться адъютантом при генерале, который не будет в Петербурге. Устроившись, если бы это было возможно, во Второй армии, я смогу меньше издерживать <часто> на многие вещи, и потом, имя Пестель там небезызвестно. Не то, чтобы я льщу себя тем, что смогу каким бы то ни было образом быть столь же полезным генералу, как были вы для вашего, но я полагаю, что, быть может, проявят снисхождение к брату адъютанта <главнокомандующего армией> <столь [нрзб.]>, который показал себя столь полезным главнокомандующему <и что по общему желанию> ибо в доказательство я могу предложить своему генералу лишь много рвения и желание <узнать> уметь хорошо исполнять мои обязанности. Скажите мне, прошу вас, что думаете вы обо всем этом, прав ли я или ошибаюсь. Я подумал, что если один из ваших генералов согласился бы иметь меня адъютантом, <я могу> я смогу перейти в один из ваших полков и быть <в ожидании вакансии> при г[енера]ле до тех пор, пока он сможет взять меня совсем, как часто делается у нас. Все это лишь воздушные замки, ибо я не имею никаких навязчивых идей и готов следовать доброму совету, лишь бы мне показали возможность не быть в тягость дорогим и добрым родителям.

Граф Людвиг В[итгенштейн] сказал нам, что видел вас в Киеве и что вы и пол[ковник] Снарский были единственные, кто взял на себя снабжение полка. Я желаю, чтобы вы добились успеха в вашем предприятии и чтобы вы оставались в добром здравии. Ваше притворное нездоровье, о котором графиня В[итгенштейн] объявила родителям, обеспокоило их на ваш счет.

Прощайте, мой добрый друг, мне пора заканчивать.

Ваш покорный и пр. А. Пестель

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 61–62 об.

---

[1] Сорочинский Илья Степанович, полковник, с 1818 генерал-майор, в 1817– июле 1821 командир Лейб-Кирасирского ее величества полка, в котором служил А.И. Пестель.

[2] Каблуков Владимир Иванович (см.), командир Лейб-Кирасирского ее величества полка, а также командир 2-й бригады 1-й Кирасирской дивизии.

В.И. Пестель – П.И. Пестелю

С.-Петербург, 28 июля 1824

Весьма давно, мой дорогой друг, я не писал вам, но это не по небрежности и не по забывчивости. Мы провели шесть бесконечных недель на маневрах, где вовсе не имели времени писать. Будьте уверены, что бы то ни случилось, никогда искренняя и живая дружба моя к вам не ослабнет. Время, которое вы провели с нами, позволило мне узнать вас лучше, чем я был на то способен раньше, и выказать вам привязанность сколь братскую, столь и прочувствованную и основанную на весьма заслуженном уважении. Вы легко можете представить, как часто вы теперь служите темой разговоров между мною,

Амели и Александром, и наш грустный рефрен всегда: Бог знает, когда мы его снова увидим. Можем ли мы обмануться в своих ожиданиях. Амели видела случайно в письме Александра, что он обвиняет меня в том, что я позабыл отправить одно из его писем к вам, и я спешу сказать вам, что это обвинение незаслуженное. Я получил от него лишь одно письмо к вам и отправил его тотчас же, и, если вы получили его поздно, это может потому что дата была старая. Но репутация, отчасти заслуженная и во многом обоснованная, в глазах наших родителей приводит к тому, что все ошибки такого рода охотно относят ко мне, и наши родители легко этому верят. Такое случалось не раз, Борису не раз случалось отнести ко мне собственную свою забывчивость, даже не предварив об этом меня. Что до Александра, то это непреднамеренно. Родители написали недавно Борису, что не получали от нас писем с 17 мая, тогда как, слово честного человека, я написал им вчера третий раз с тех пор. Признаюсь вам, что я встаю в тупик, думая об этом. А также не могу это обсуждать, поскольку они мне ответят с колкостью, что мне особенно *не везет*. Я несколько спокойнее отношусь к вещам этого рода, но Амели это живо огорчает. Прошу вас все же не говорить им об этом, потому что это ни к чему не приведет, а объяснения на письме неприятны. Я достаточно философ, чтобы довольствоваться чистой совестью. Пусть все это не беспокоит вас насчет моих отношений с родителями и Борисом. Они спокойные и нежные с моей стороны с первыми и совершенно дружеские со вторым. Я надеюсь и желаю превыше всего, чтобы наши с вами всегда были отношениями братьев-друзей. Не могу ничего более сказать вам, мой дорогой друг, о моих планах относительно Варшавы. Не имея никакого ответа через Арпса[1], я просил Бориса написать одному из его знакомых и надеюсь, что он сделает это с большим успехом, чем этот первый. Как только мне будет что сказать вам, я сделаю это тотчас же. Быть может, к тому времени как понадобится делать решительные шаги, я стану полковником, хотя еще и нет речи о вакансиях. Я могу лишь все наперед хвалиться дружбой и *вниманием* ко мне Депрерад[овича] и надеюсь, что это будет мне полезно, какой бы род службы я ни выбрал. Вот четыре страницы полны неведомо чем, но я добрался до конца четвертой, и не заметив того; настолько нетрудно писать, когда переписка служит обменом мыслями и чувствами и нет нужды уделять внимание изяществу поворотов фраз и симметрии и точности букв. Не обещаю вам, однако, дорогой друг, писать со всякой почтой, но мне не придется иметь сокрытых чувств или тайных мыслей, которые я не поспешу сообщить вам как тому, кто всегда должен читать в моем сердце и от которого я жду самых спасительных советов. Отвечайте мне, как я вам пишу и как это в вашем характере, т. е. с полной откровенностью и все, что придет в голову. Заканчиваю уверениями в совершенной и неизменной дружбе, какую всегда будет питать к вам ваш истинный друг В.П.

Приписка Амалии Пестель:

Я просила Владимира не говорить вам ничего от меня, дорогой брат, чтобы самой сказать вам, как огорчительно нам ваше отсутствие. Мы непрестанно сетуем на неуверенность в нашей встрече. Дай Бог, чтобы варшавские планы удались, не знаю почему, но я все думаю, что это приблизит нас к вам. Я благодаря Бога совершенно здорова, будто бы никогда и не болела. Лишь бы только это продлилось, и мне нечего было бы желать в этом отношении. Прощайте, дражайший и любезный брат, поручаю себя вашей дружбе, обнимаю вас от всего сердца и остаюсь на всю жизнь вашей любящей сестрой и другом Амели.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 2. Т. 2. Л. 183–183б об.*

[1] Арпс-Гофен (Хофен) Егор (Георг) Карлович, барон, офицер Кавалергардского полка (см.)

* Листы письма имеют литерные номера и перепутаны при подшивке в дело, правильная последовательность: Л. 183а–183б об., 183–183 об.

Письма Бориса Владимировича Пестеля сыну Ивану Борисовичу, внукам Павлу и Владимиру, 1805–1811 гг.

Б.В. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, июля 31 дня 1805

Любезнейшие внучки!

С наибольшим обрадованием получил я ваши письма и видав вашего обо мне воспоминания.

Слабость моего здоровья и нежные чувства моего сердца воспрепятствовали мне проводить и проститься с вами лично. Благословление мое учиняли то вместо меня и да будет всегда с вами.

Воспитание, которое вы здесь получили, и душевные ваши качества отвечают мне за ваше поведение и прилежность. Боже просвети вас. Прибегайте к богу вседневно с теплою молитвою, то он верно вас удостоит быть вашим вождем. С нетерпеливостью буду ожидать извещения о благополучном вашем прибытии в Гамбург.

Естли мы в сем свете не увидимся, то не забывайте к сердцу прижимающего вашего преданнейшего деда Б.П.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 95. На русском яз.

Б.В. Пестель – И.Б. Пестелю[1]

[Москва, август 1805]

Любезный мой сын!

Не знаю, когда милые твои дети уедут, и этим листком сердечно дедовски благословляю их путь и замыслы, скрепляя его нежными слезами. Скажи им, что я их душевно и более, чем могу показать, люблю и буду продолжать молить Господа об их благополучии. Передай им на память немного, но от всего сердца приложенных дорожных денег от твоего

воистину верного отца.

Пестель

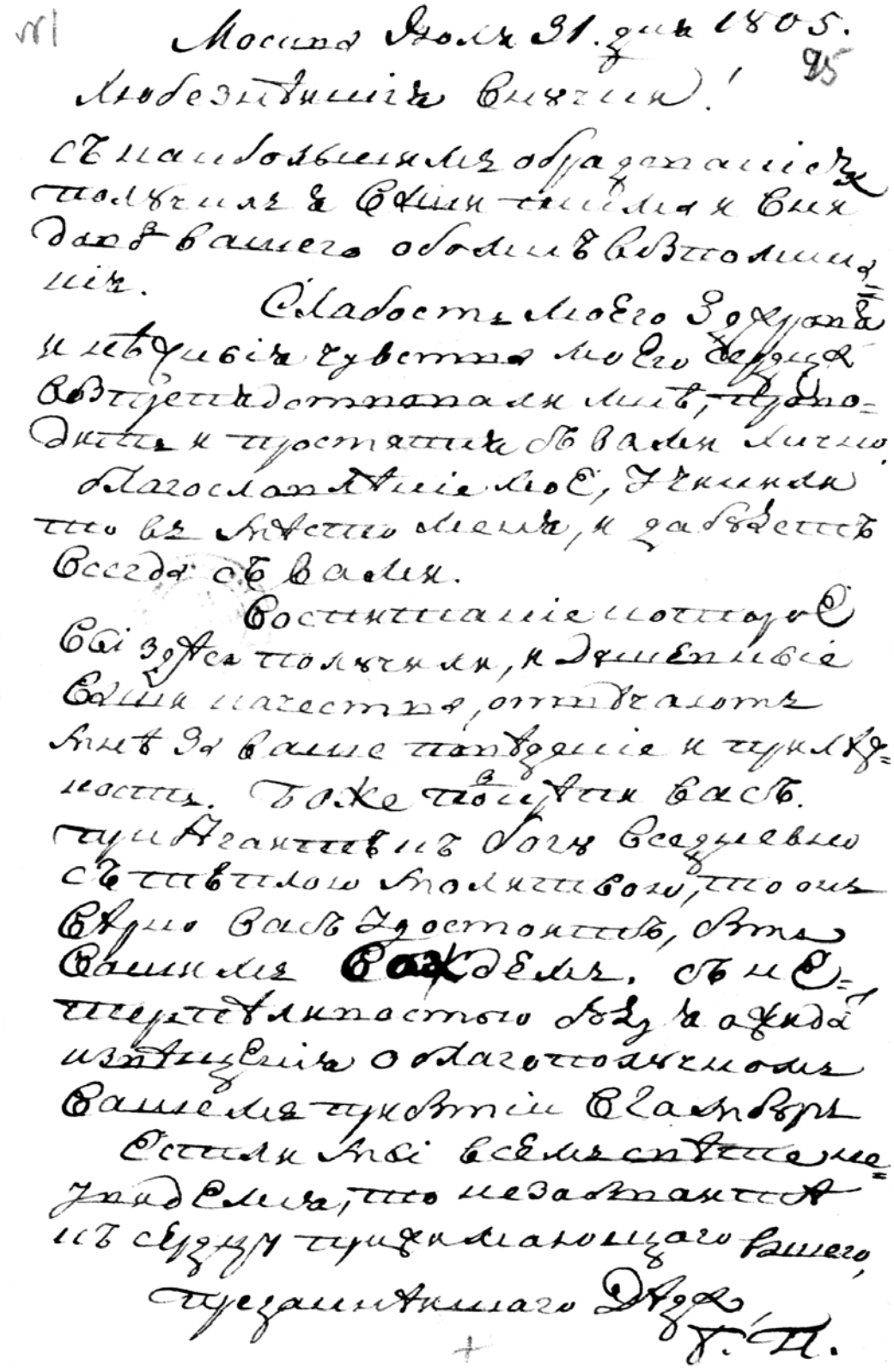
ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 97. Нем. яз.

[1] Письмо адресовано И.Б. Пестелю, отвозившему сыновей Павла и Владимира из Москвы в Петербург, чтобы отправить морем в Германию.

Б.В. Пестель – Павлу Пестелю

Москва, 23 октября / 4 ноября 1805 года

Твое письмецо, да к тому же и по-немецки, от 7 октября получил я с великой радостью, тем паче что отсутствие известий от вас воистину меня печалило. Ты поступил благоразумно, придерживаясь веры во всемогущего и всех любящего Господа. Каким же было следствие? Таким, что ты, милый Павел, был здоров и утешен. Господь всегда с теми, кто верит в него. Он попустил испытать вам многие искушения и помог благополучно преодолеть их. Благослови Господь ваши занятия! Но все же одного не



Письмо Б.В. Пестеля внукам Павлу и Владимиру, 31 июля 1805 г.

забывайте: «Страх Божий – начало мудрости». Вы находитесь в таком месте, где правит вольнодумство. Не дайте сбить себя с толку. Так называемые просвещенные люди, желающие заронить в нас сомнение в подвиге Христа, Спасителя нашего, не дают нам, однако, ничего лучшего для нашего счастия, душевного покоя и умиротворения. Задушевная молитва никогда не остается не услышанной, чему доказательством является мой глаз. Я перестал пользоваться людскими советом и помощью и открыл Спасителю моему сие бремя, возложенное на меня, несомненно, Господом. Вследствие чего упомянутое бельмо постепенно уменьшалось и полностью исчезло. Хвала Спасителю!

Кланяйся господину Зейделю и Володе.

Последний мне ни пишет, ни передает поклоны. Скажи ему, что это ребячество.

Je vous embrasse et suis pour sa vie toût à vous*.

Пестель

P. S. Поздравляю Вас с новорожденным братцем[1]. Мои домашние [Вам] кланяются. Бетти[2] стала моей маленькой радостью.

Любезному моему внуку Павлу

в Гамбург

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 96–96 об. Нем. яз.

[1] Младший брат Пестелей Константин родился 13/25 октября 1805 г.

[2] Бетти Биллингс, двоюродная сестра Пестелей, которой тогда было 2 года (см. следующее письмо).

Б.В. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 5/17 февраля 1806 года

Нежно любимые дети!

Благодарю вас обоих за последние три письма и за поздравления с днем моего ангела, тем паче что известия о вашем прилежании и отменном поведении весьма радуют меня, стоящего на краю могилы. Желаю вам и впредь Божьего благословения и сил в наступившем Новом году, посвящая вам по сему случаю одно из моих воздыханий. Оное гласит:

Помоги, Господи, чтоб я себя всегда соблюдал,
Первое же побуждение ощущал с раскаяньем и болью
И ничем бы не пренебрегал, от чего бы искра греха
Могла разгореться большим пожаром в моей душе.

Молитесь вслед за мной, милые дети. Пребывайте в здравии. Сего желает ваш

верный дедушка

Пестель

Любезный господин Зейдель! Тысяча благодарностей за оба ваши письма, а более – за любовь и ревностную заботу о ваших подопечных. Не ослабевайте силами, бесценный друг!

Не знаю, слышали ли вы, что бельмо на моем глазу безо всяких средств, кроме усердной молитвы Господу, совершенно прошло. Глаз пока слезится, но немного. С истинным удовольствием часто думаю о доверительной беседе с вами однажды вечером, когда я сидел в дедовском кресле, а вы были рядом со мной. Эта беседа в основе состояла из обоюдных высказываний о религии откровения.

* «Обнимаю вас и на всю жизнь остаюсь весь ваш» (фр. яз.)

Ах! Как радовался я и все еще радуюсь, слыша из ваших уст, что вы считаете самым насущным сию религию, которая только и может спасти. Не приходится сомневаться, что вы так же наставите и моих внуков. И в рассуждении того вы, верно, одобрите одно из моих искренних воздыханий, предметом которых являются сии нежные, еще не испорченные растения. Дай им, всевышний, получить от того удовольствие. С отменным почтением именую себя

Вашим верным другом

и слугой. Пестель.

P. S. Несомненно, вам будет приятно узнать что-то о вашем временном товарище по болезни, моей компаньонке Бетти Биллингс. В ней больше веселья, чем послушания, и для своего возраста – а ей недавно исполнилось 2 года – это весьма разумное дитя. Она везде резво бегает и гораздо тверже стоит на ногах, чем ее дед. Каждый день она лопочет все больше, и болтает с необыкновенным удовольствием. В ее лице женский пол сохраняет верность самому себе. Она доставляет мне много, очень много радости и часто за всю неделю, по вечерам, когда мне нельзя ни читать, ни писать, составляет мое единственное общество. Мои домашние сердечно вам кланяются. Пестель

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 98–99 об. Нем. яз. Адресовано «Государям моим господам Зейделю, Павлу и Володе в Гамбург»

Б.В. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 28 мая 1806 года

Любезные мои внуки!

Не попеняйте старому, немощному деду, что на Володино письмо от 7 марта и письмо от вас обоих от 23 апреля / 5 мая ответствую лишь сегодня. Тому помехой были моя слабость и некоторые известные вам происшествия. И сладость на нашем жизненном пути часто перемежается горечью.

Как участливого отца производство в чин ваших батюшки и дядюшки должно меня радовать и мне лестно, но разлука с первым – навеки, когда нахожусь на краю могилы, – для меня сущая мука и стала бы невыносимой, когда б не был убежден, что Господь, милостивый, любящий Господь устраивает наши судьбы и делает все для нас благословенным.

Биллингс почил[1]. Его супруга все еще не в силах справиться с утратой. И я остаюсь только с бабушкой, Кэт, Борисом и Машковыми.

Я рад, что вам нравится в Дрездене и что с вами чудесная тетушка Леонтьева. Низко кланяйтесь от меня и моих домочадцев ей и любезному ее супругу. И поцелуйте от всех нас славного Александра. Судя по вашему описанию, он станет ученым, сыном Марса и музыкантом.

Кланяйтесь вашему другу Зейделю

от нежно любящего вашего дедушки.

Пестель

P. S. При случае поведайте мне, где вам лучше – в Гамбурге или в Дрездене? Где больше приобретаешь знаний?

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 100–101 об. Нем. яз. Адресовано «Моим любезным внукам Павлу и Володе в Дрезден»

[1] Джозеф Биллингс умер в 1806.

Б.В. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 28 февраля 1807 года

Нежно любимые дети!

Довольствуйтесь одним письмом на двоих. Полагаю, вам уже рассказали, что слабость глаз не позволяет мне много писать. Оба ваши письма от 15/27 декабря прошлого года душевно меня порадовали, а особливо потому, что развеяли мои печали и заботы, которые в нынешние времена испытывал я о вас. Ах! Как порадовался бы ваш находящийся далеко отец, получив радостные о вас известия. Однако при сем случае должен поведать вам анекдот, сообщенный вашим отцом. Вероятно, он обнаружил свое беспокойство о вас, и иркутский градоначальник сказал ему так: «Ваше превосходительство почитают у нас за разумного человека. Но позвольте сказать вам, что Господь Всемогущий еще мудрее. Он все посылает нам к нашему же благу, и Он, конечно, не оставит ваших детей. Вверьтесь Ему».

Живо представляю вашу радость от совершенно нежданного приезда бабушки и Александра[1].

Касательно до моего здоровья, не могу довольно отблагодарить милостивого Господа за то, что оное лучше, нежели 2 года назад, и чувствую себя лучше, чем тысячи в моем возрасте.

Но вспомни, любезный Павел, что однажды ты состарил меня на год, тогда как я в день моего рождения полагал себя на год моложе. Итак, 26 января исполнилось мне 68 лет.

Кланяйтесь же доброй дрезденской бабушке и скажите ей, что я весьма ее почитаю. Не пишу ей, дабы не обязывать ее отвечать, понеже знаю, что она писать не любит. Ваша московская бабушка, тетки Биллингс и Мошкова, пользуясь случаем, велят дрезденской бабушке и вам кланяться. А я уверяю вас в искренней любви, с каковой именуюсь вашим преданным дедушкой.

P.S. Целуйте от меня Александра. Надеюсь, он любит меня. Когда он однажды был сердит на обыкновенную свою любимицу бабушку, объявил он ей, что ничего не любит, кроме меня и сыра.

Кланяйтесь от меня господину Зейделю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 102–103 об. Нем. яз. Адресовано «Любезным моим внукам Павлу и Володе в Дрезден».

[1] Бабушка Павла и Владимира Пестелей А. фон Крок с их братом Александром приехала из Москвы в Дрезден осенью 1806 г. (см. письма И.Б. Пестеля и А. фон Крок).

Б.В. Пестель – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 13/25 ноября [1807]

Нежно любимые Павел и Володя!

Нередко находящая на меня телесная слабость против воли мешает мне писать вам так часто, как я того хотел бы. Но весьма меня радует, что вы временами мне пишете, равно и то, что вы прилежно учитесь.

Однако об уроках вероучения я ничего не слышу. Насколько я знаю, лишь однажды вы были в церкви и для того, чтобы послушать красивую музыку. Ах, милые дети! Воистину страх Божий начало мудрости. Сам Господь, который есть истина, глаголет: без меня ни в чем не преуспеете. Так называемые просвещенные люди, которых

считаю сумасбродами, лишают нас подвига Иисуса Христа, и что дают нам взамен? Заблуждение. Я далек от мысли отвергать мифологию. Приобретать в оной познания, дабы не прослыть в свете невежей, – то дань моде. Мне в Кадетском корпусе тоже забивали этим голову. Идолопоклонство, почитаемое в мифологии прекрасным, и то, что говорящих и пишущих о вымышленных божествах принимают за ученых, – повергают меня в изумление, притом что я слышу, что в подвиг Христов не веруют. Как же мы испорчены от природы. Вы объездили рудники, осмотрели выставки картин и прочая. Недурно, весьма недурно. Однако вам не пришло в голову послушать в Дрездене человека Божьего (не знаю его имени), проповедующего Святое Евангелие. И все же страх Божий есть и пребудет началом истины. Стоя на краю могилы, почитаю за долг, мои милые, говорить с вами таким тоном. Отверзи, Боже, вам уши, чтобы слышать, и сердца, чтобы чувствовать.

Над утратой вами братца и я проронил несколько слезинок, но притом размышлял: что Бог делает, то к лучшему и всегда ради нашего блага. Маленький ангел Константин не познал мир и вошел в радость господина своего. Мир ему!

Низко кланяйтесь от меня любезной вашей бабушке. Частенько я думаю о ней и желаю ей пообвыкнуть в Дрездене. Напишите мне о ней несколько строк. Не хочу обязывать ее моим письмом. И что я мог бы ей поведать, кроме того, что ей и так известно, а именно что я люблю ее, почитаю и желаю ей неизменного счастья. Целуйте от меня Александра, и, несмотря на то что вы ничего не пишете мне о господине Зейделе, кланяйтесь ему от

вашего

нежно любящего дедушки. Пестель.

P.S. Бабушка, ваши тетки, Бетти и Неша вам кланяются. Последние двое чудные, милые дети.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 104–105. Нем. яз.

Б.В. Пестель – Павлу Пестелю

24 июня 1809 года

Любезнейший мой Павел!

С чувством искренней любви поздравляю тебя и желаю счастливого вступления в 16-летие. От сердца приношу тебе одно из моих излюбленных ежедневных воздыханий и льщу себя надеждой, что оное придется тебе по нраву. Вот оно:

«Подай мне постоянство в вере,
Пусть будет она изобильна добрыми делами.
И если искушение пожелает у меня ее отнять,
Помоги мне остаться с Тобой
И укрепи меня праведным духом.
Тогда преодолею я телесную природу».

К сему хотел бы присовокупить и другой, не столь важный подарок на память, который будет тебе приятен и полезен, и тут я чувствую слабость моего воображения. Итак, прими, любезный Павел, приложенную малую порцию некоего вещества, пригодного на всевозможные нужды, с той же любовью, с какой оная прислана.

Твой нежно любящий тебя дедушка.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 106–106 об. Нем. яз. Адресовано «Моему любезному внуку Павлу».

Б.В. Пестель – И.Б. и П.И. Пестелям

Москва, 6 января 1810 года

Любезнейший мой сын!

Снова радостные вести. По-царски великодушный император держит слово, данное тебе тому назад несколько месяцев, что ты довольным уедешь из П[етербурга]. Да пребудет он в здравии! Мы будем пользоваться теми дарами, которыми наградил нас Господь, не употребляя их во зло.

По венскому обычаю целую руку Елиз[авете] Иван[овне] за ее любезную приписку, а тебе, любезный Павел, желал бы изведать чувства моего сердца, обрадованного твоим письмом.

Тяжело описать словами, что чувствуешь. Ты выздоровел. Храни тебя Господь к общей нашей радости. Да будет благословен для тебя Новый год и да произведет тебя в поручики![*] Все мои домашние сердечно тебе кланяются. Господь снова вернул нам Бетти. А скоро увижу я в Москве И[вана] Б[орисовича] и Е[лизавету] И[вановну]. Как порадуется

ваш неизменно любящий отец Пестель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 108. Нем. яз.

Б.В. Пестель – Павлу, Борису, Владимиру и Александру Пестелям

Москва, 30 января 1811 года

Мои нежно любящие[**] внуки Павел, Борис, Володя и Александр!

Поздравления ваши с 72-м днем моего рождения весьма меня обрадовали.

Из-за слабости глаз благодарю вас за оное пусть и коротко, зато искренне. Покуда продлит Господь дни моей жизни, буду молиться за вас и пребуду

вашим нежно любящим дедушкой. Пестель

P.S. Продолжай нас радовать, любезный Павел. Ты преуспеешь, когда будешь привержен Спасителю.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 110–110 об. Нем. яз. Адресовано «Моим нежно любящим внукам Павлу, Борису, Володе и Александру».

Письма Анны фон Крок (A. Kroock) внукам Павлу и Владимиру, 1802–1810

А. Крок – Павлу Пестелю

б. д.

Как мне было приятно, дорогой Павел, получить сегодня выражение вашей нежности иначе, нежели по почте. Ваши прелестные цветы послужат украшением моей комнаты, а ваша разумная дружба всегда будет усладой мой жизни.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 1.

* Чин назван по-французски – «lieutenant».

** Так в тексте, именно «любящие», а не «любимые».

А. Крок – Павлу Пестелю

б. д.*

Вот, дорогой Павел, чашка недорогая, но с большой претензией, поскольку она каждодневно будет мешать вам забыть меня. Говорите себе всякое утро, принимаясь за чай, что я хотела завладеть частицей вашей памяти.

Александр шлет вам вложенное.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 2.
На л. 2а об.: «Для моего дорогого Павла»

А. Крок – Павлу Пестелю

14 августа 1802

Если я и недомогала последние две недели, мой дорогой Павел, то зато могу поблагодарить вас за удовольствие, какое доставили мне ваше письмо, ваша память и ваше внимание. О! да, дитя мое, уже много времени мы не виделись, но я с удовольствием вижу, что оно не было для вас потеряно. Вы стали большим мальчиком, весьма разумным, весьма прилежным, и отличным писателем. Когда вы покинули меня, я подумывала сделать вас своим обер-шталмейстером, теперь же вы можете уже стать начальником моей канцелярии, а если еще займетесь историей и хорошенько изучите Эпохи, которые я послала для вас к матушке, вы станете моим премьер-министром. Батюшка скажет вам, что это весьма почетные обязанности, начальника канцелярии и в особенности премьер-министра, и что они вполне стоят того, чтобы ради них потрудиться.

Я очень рада, что бедный Борис меньше страдает из-за своей ноги; скажите это ему, обняв его за меня, так же как Воло и Александра. Поскольку, как мне кажется, вы очень любите последнего, вы должны будете взяться за его образование, как вы думаете? Я очень люблю вас, дорогой Павел, чтобы желать, чтобы вы были со мной; это доставило бы мне большое удовольствие. Сейчас, когда я совершенно одна, я часто скучаю и очень грустна. Пишите мне время от времени, чтобы сказать, что матушка продолжает быть вами довольной и что вы немножко меня любите; это меня утешит, поскольку я вас очень люблю.

А. Крок

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 3–3 об.

А. Крок – Павлу Пестелю

[январь 1802 или 1803]**

Вы любезное дитя, дорогой Павел, раз желаете мне столько таких хороших вещей. Увы! Друг мой, не в моем возрасте годы, обновляясь, приносят счастье; но как раз в вашем. Для вас каждый год должен приносить новые успехи, новые знания, более ясные представления о ваших настоящих и будущих обязанностях, и новые надежды на счастье. До сих пор каждый из ваших дней был отмечен добротой, нежностью и заботами батюшки и матушки, вы были слишком молоды, чтобы это чувствовать, и могли отпла-

* Записка может относиться как к детским годам П.И. Пестеля в Москве, так и ко времени после приезда А. фон Крок в Дрезден с младшим из братьев Александром (1806–1808).

** Датировано на основании упоминания об Александре, который может упасть, держась за руку брата. Это можно сказать о ребенке одного-двух лет.

тить им лишь лаской; теперь вы уже можете это сделать уважением и более разумным послушанием, прилежанием и надеждами, какие вы им подадите. Итак, я желаю вам на этот новый год продолжения счастья ваших лет, развития ваших способностей и преданности своим обязанностям. Это значит одновременно желать счастья батюшке и матушке, и моего. Прощайте, мой друг, обнимите за меня Александра и смотрите, чтобы он не падал, когда, держа за руку, вы заставляете его идти быстрее. А. Крок

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 26–27.
На л. 27 об.: «Полю».

А. Крок – Павлу Пестелю

Москва, 13 июля 1805

Вот вы и на больших дорогах, дорогой Павел, где мои нежность и благословение следуют за вами. Они будут встречать вас и при возвращении, если все же Провидение сохранит мне утешение увидать вас снова. В ожидании этого трудитесь с успехом над вашим счастьем, как и над нашим! Да просветится ваш ум! Да останется ваше сердце чистым! Вот искренние молитвы вашего нежного друга и агента. А. Крок

Обнимите за меня вашего батюшку и передайте мои поклоны госп[одину] Зейделю, которому вы должны быть весьма признательны.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 4.
На л. 5 об.: «Для моего дорогого Павла».

А. Крок – Владимиру Пестелю

Москва, 13 июля 1805

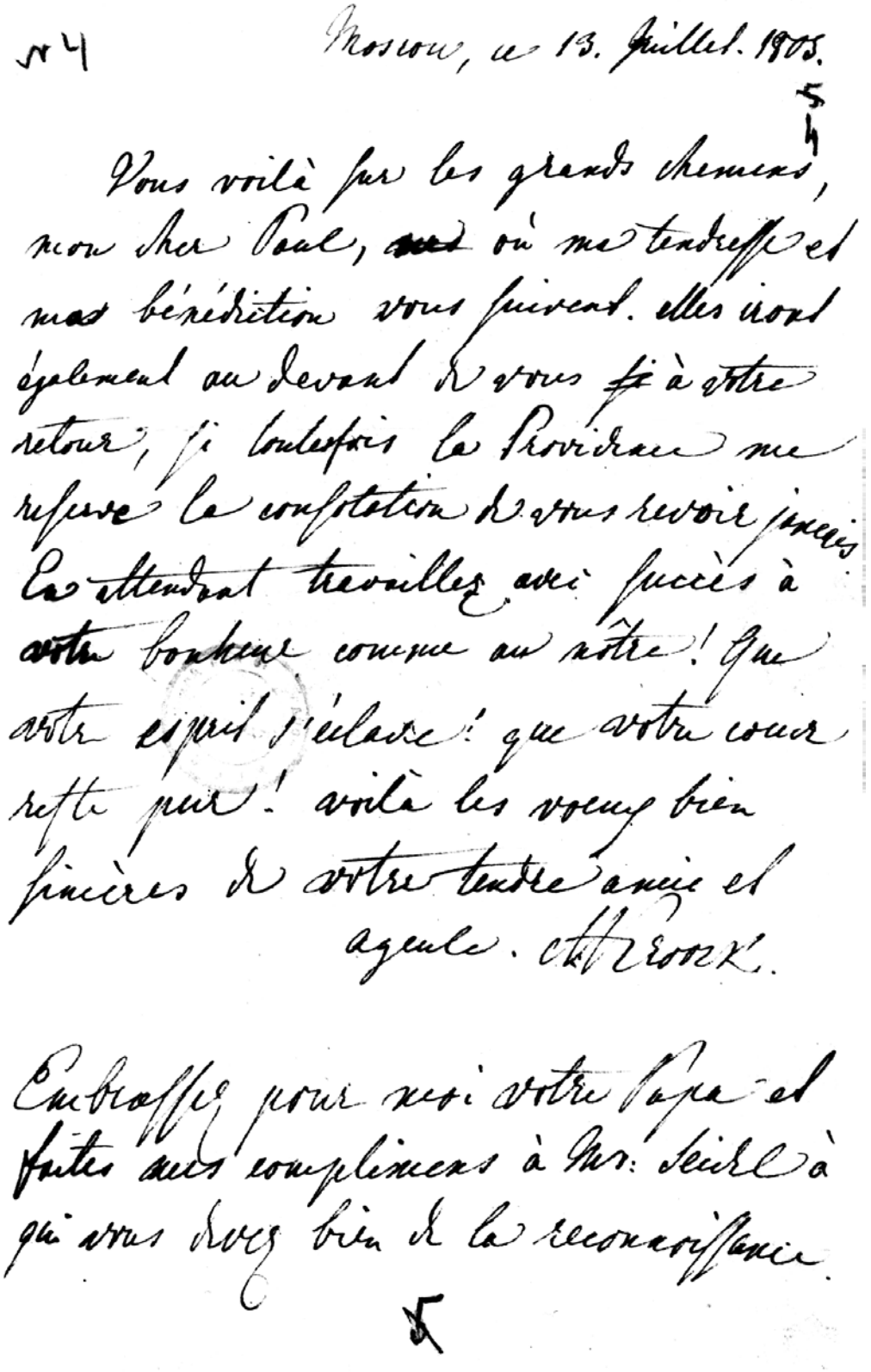
Бьет десять часов, а мой дорогой Воло не приходит пожелать мне доброго утра. По крайней мере, в этот же час я хочу заниматься вами, дорогое дитя, сказать вам, что нежно люблю вас, возношу молитвы за ваше путешествие, здоровье, успехи и счастье, и что советую вам не забывать меня. Бедный Борис в высшей степени жалеет о любезных братьях, он только и делает что плачет. Александр, говоря все время, что вы уехали в Гамбург, в сущности не понимает, что это значит – уехать. Так что его веселость вовсе не изменилась от горестной мысли о разлуке. Прощайте, мое дитя. Нежно прижимаю вас к сердцу и благословляю вас так же. А. Крок

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 6.
На л. 7 об.: «Для моего дорогого Воло».

А. Крок – Павлу Пестелю

Москва, 24 июля 1805

Я вижу с удовольствием, дорогой Павел, что ваше длинное путешествие началось в счастливый час. Пусть у вас будут крылья на море, как должно быть были на земле! И пусть ваши здоровье и настроение будут равно хороши в обеих стихиях! Мой дорогой Петербург, кажется, вошел в расходы, чтобы встретить вас, потому что подготовил вам большое и великолепное зрелище спуска со стапелей военного корабля. Льщу также себя надеждой, что прекрасная Нева с покрывающими ее кораблями и украшающими



№ 4

Moscou, ce 13. Juillet. 1805.

5
4

Vous voilà sur les grands chemins, mon Cher Paul, où ma tendresse et mes bénédictions vous suivent. elles iront également au devant de vous ~~si~~ à votre retour, si toutefois la Providence me réserve la consolation de vous revoir jamais. En attendant travaillez avec succès à votre bonheur comme au nôtre! que votre esprit s'éclaire! que votre cœur reste pur! voilà les vœux bien sincères de votre tendre amie et aïeule. ctte Crok.

Embrassez pour moi votre Papa et faites mes compliments à Mr. Heidel à qui vous devez bien de la reconnaissance.

5

Письмо А. фон Крок внуку П.И. Пестелю, 13 июля 1805 г.

ее очаровательными островами, прекрасные каналы с шалупами, на которых гуляют музыка и веселье, набережные, биржа, эти улицы, такие большие, такие широкие и прямые, не могли ускользнуть от вашего внимания. Вы не войдете в импе[раторский] сад, не поразившись восхищением от величественной простоты великолепной решетки, закрывающей и позволяющей видеть сад. Наконец, я с родом самолюбия наслаждаюсь разнообразными чувствами, какие эта пышная столица заставит вас испытать. Хотела бы уже добавить к ним то, какое родится в вас при возвращении, при виде ее с моря.

Благодарю вас, дитя мое, за пожелания к моему празднику и за обещание всегда меня любить. Я по крайней мере на него рассчитываю, как и рассчитываю, что вы всегда будете достойны моей нежности.

Наш Александр очень мил и часто говорит о братьях. Борис лил слезы в память о вас во весь вечер вашей разлуки; он прольет еще, и более сладкие, в минуту вашей встречи, я, конечно, прибавлю к ним свои, если смогу быть тому свидетелем. В ожидании этого я вас люблю и благословляю по-матерински.

АК

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 10–10 об.
На л. 11 об.: «Для моего дорогого Павла».

А. Крок – Владимиру Пестелю

Москва, 24 июля 1805

Как я рада, дорогой Воло, узнать что вы прибыли в Петербург столь быстро и столь счастливо, ибо я считаю безделицей происшествие со сломанной осью и разбитую дорогу, раз вся эта шумиха не смогла прервать ваш сон. Пусть бы и в будущем все горести жизни никогда сильнее не потревожили вашего покоя!

Пишите мне часто, дитя мое, я совсем бы не хотела позволить вам усвоить привычку забывать меня, это забвение меня опечалит. Описывайте мне ваши удовольствия и огорчения, ваши успехи и ошибки, вы доверите это другу нежному и снисходительному. Продолжайте любить меня, как я буду любить вас всю жизнь.

Этой ночью была ужасная гроза, заставившая меня дрожать за моих маленьких отсутствующих друзей. «Великий Боже! – говорила я. – Если они сейчас в море, охрани их и отведи от их голов опасность, быть может, им угрожающую.» – Нет! Я не смогу быть покойной до первого письма, помеченного Любеком или же Гамбургом.

Александр часто зовет своих братцев, а Борис очень о них жалеет.

Прощайте, дорогое дитя, будьте всегда счастливы, и особенно всегда будьте достойны таковым быть, чтобы я могла с чистой совестью любить вас всегда так же нежно, как сейчас. Тысяча благодарностей за ваши пожелания к моему празднику. А. К.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 8–8 об.
На л. 9 об.: «Для моего дорогого Воло».

А. Крок – Павлу Пестелю

Москва, 21 янв[аря] 1806 ст[арого] ст[иля]

Несмотря на принятое мной правило относительно нашей переписки, дорогой Павел, на этот раз я все же ошиблась. Не помню теперь, что мне помешало вам написать пятнадцать дней назад, знаю только, что опоздание моего ответа не было умышленным и что, конечно же, безразличие тут вовсе не участвовало. Я по-прежнему нежно люблю вас, и с удо-

вольствием узнаю об усилиях, которые вы делаете, чтобы исполнить цель вашей разлуки с родителями. Эта жертва, которую они принесли вашей пользе, заслуживает несомненно вознаграждения успехами, которые одновременно составят ваше благополучие. Образованный ум доставляет столько утонченных наслаждений, не известных невежеству; просвещенный ум и сформировавшееся суждение дают истинную цену нам самим и другим, обстоятельствам и происшествиям, предупреждают столько ложных шагов и напрасных огорчений; твердые принципы честности и истинного достоинства становятся верным основанием людского уважения, как и любящее и доброе сердце, проявляющееся в манерах более приветливых, нежели холодная вежливость, располагает к доброжелательности. Вот, мой друг, драгоценные блага, которые вам нужно приобрести. Вот благородная задача, поставленная перед вами. Она достойна всех ваших усилий; вы окружены всеми средствами; ваша слабость может опереться на руку просвещенного и верного друга; и сам Бог снизойдет благословить каждое доброе намерение, родившееся в вашей душе. Если мне предначертано снова увидеть вас однажды, то, найдя вас таким, как желаю и надеюсь, я обрету радость, равную искренней привязанности, какую к вам питаю.

Ваш брат Александр с каждым днем становится милее лицом, грацией, умом и характером. Он уже с легкостью объясняется по-французски, делает успехи в английском и начинает понимать немецкий. К тому же он с успехом учится изящным искусствам, чему доказательством прилагаемый портрет госп[одина] Пенго[1], держащего в руке куклу. Сама Терпсихора дышит во всей его фигуре франта* и элегантной осанке; как видите, наш маленький Рафаэль прелестно схватил то и другое. Его живописный гений универсален. Люди, животные, как свирепые и дикие, так и домашние, птичье царство, пейзаж, цветы, арабески, все ему доступно, а продавцы бумаги и карандашей весьма ему обязаны. Я также обязана ему за наивысшее удовольствие, а именно чувство привязанности, которое он свидетельствует мне и образчик коего я предлагаю его старшему брату.

А. К.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 12–13 об.
На л. 13 об.: «Моему дорогому Павлу».

[1] Пенго (Pingo) – вероятно, один из воспитателей братьев Пестель.

А. Крок – Владимиру Пестелю

Москва, 21 января 1806 ст[арого] ст[иля]

Письмо, которое вы написали родителям к новому году, дорогой Воло, доставило мне большое удовольствие по причине заметного по нему успевания. Последовательность и связность мысли, старательный почерк, бумага без клякс; какие это дарит надежды на будущий год! Продолжайте так же, и они несомненно ваши.

Я часто стараюсь представить себе, каковы вы сейчас, и тогда воображаю, что былая непоседливость сменилась методической серьезностью, требующей всего моего почтения. Это меня несколько приводит в замешательство, но я не меньше люблю вас таким. Напротив, я в некотором роде очень горда от мысли, что вы станете первым философом, я полагаю, который будет зваться Владимиром, и оттого потомство не сможет ни с кем вас спутать.

Я столько сказала Павлу хорошего об Александре, что даже опасаюсь внушить вам тщеславный порыв, если прибавлю, что день ото дня он все больше походит на вас. Как

* Слово написано по-английски – «swell».

и вы, он проворен, шаловлив и добр, и, доводя сходство до предела, он опередил вас, уже сейчас обладая чувством порядка, которое и вы однажды приобретете.

Несчастный Борис все еще и даже, может быть, сильнее жалеет о вашем отъезде. Страдающий и одинокий, он не знает иного существования, кроме огорчений и скуки.

Бедный Константин, получивший в удел редкую красоту, на днях был под угрозой слишком рано стать обитателем Небес. Он почти умирал и переполнил нас всех тревогой. Сейчас ему лучше, но еще не хорошо, и он долго не сможет восстановить силы. Последний пункт отнял у меня радость, с которой я хотела, чтобы понравиться вам, закончить свое письмо. Но я доставлю вам удовольствие заверением в моей нежной привязанности.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 30–31.
На л. 31 об.: «Моему дорогому Воло».

А. Крок – Владимиру Пестелю

[осень 1805 – начало 1806][*]

Благодарю вас, дорогой Воло, что посвящаете меня в свои удовольствия и развлечения. У вас должно быть их много. Столько вещей имеют еще для вас цену и очарование новизны. Вандсбек[1], о котором вы говорите, уже был мне известен по произведениям писателя по имени *Claudius*, пользующегося наименованием *Wandsbecker Bothe*[2]. И жалкое происхождение этого города напоминает мне таковое великолепной Венеции, удивляющей путешественников великолепием своих храмов и дворцов. Ее породили несколько рыбачьих хижин, приютившихся в лагунах. Ее промышленность, торговля и обстоятельства принесли ей богатства, значительную морскую силу и прекрасную роль в истории. Но время, взрастившее ее, также привело ее и к дряхлости. Прежде могущественные государи домогались союза с ней; теперь она подданная и игрушка судьбы, снова ожидающая с неуверенностью, пред каким хозяином ей придется склонить голову. Так, мой друг, все меняется в этом мире, города и государства как люди. От последних ничто не зависит, если только они не приобретут личных заслуг и не сумеют воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в каких могут оказаться. Итак, в окружении всех нужных средств, только от вас зависит преувеличить сокровище образования, которое никто не сможет у вас отнять; сделать с помощью культуры приятным ваш живой от природы ум и смягчить иногда слишком непосредственное кипение ваших первых порывов, чтобы слышать только сладкий голос вашего доброго сердца. Приготовьте теперь средства иметь искренних друзей; они составят счастье ваших дней, а общее уважение вознаградит усилия, которые вы приложите сейчас, чтобы иметь возможность заслужить его однажды. Мое сердце заранее радуется мысли о вашем успевании всякого рода и об успехах, которые оно принесет вам. Оправдайте мое мнение, дорогой друг, и если нежнейшая моя дружба может служить ободрением ваших трудов, рассчитывайте на нее в жизни.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 28–29 об.
На л. 29 об.: «Моему дорогому Воло».

[1] Вандсбек [Wandsbeck] – один из районов Гамбурга.

[2] Речь идет о писателе Маттиасе Клаудиусе (Matthias Claudius) (1740–1815), редакторе ежедневной газеты «Wandsbecker Bothe», выходившей в 1770–1775 гг. в Гамбурге.

[*] Письмо, по-видимому, отвечает на впечатления Владимира Пестеля от Гамбурга, где братья Пестели находились до переезда в Дрезден.

А. Крок – Павлу Пестелю

[февраль–сентябрь 1806]*

Я удивлена, дорогой Павел, что вы не получили вестей от меня, ничуть не опоздав со своими; ибо, несмотря на мое природное отвращение ко всякому письму, мои ответы всегда немедленно следовали за получением ваших писем. Я не хотела бы быть виноватой в том, что не ответила вам, или дать вам предлог писать мне реже. Ваши письма доставляют мне удовольствие по нежному интересу, который я принимаю в вас, и потому, что они служат мне средством следить за вашими успехами. Итак, вы видите, друг мой, что напрасно извиняетесь, что говорите мне о своем учении. Я напротив хотела бы, чтобы вы мне постоянно о нем говорили. Сейчас это хорошее употребление вашего времени, решительное для остальной вашей жизни, приобретение познаний, необходимых, полезных или приятных, могущих как сформировать, так и украсить ваш ум; это развитие ваших природных способностей, и, наконец, это верное направление качеств и даже недостатков, составляющих ваш характер, от которого зависит все счастье вашего будущего и удовлетворение в настоящем и будущем для ваших родителей. И как могла бы я быть безразличной ко всему, сюда относящемуся? Лишь вы одни, дорогие дети, можете еще бросить несколько цветков на мою жизнь, иссушенную судьбой и годами. Станьте достойными моей нежности и заплатите за нее своей. Старость имеет потребность быть любимой. Все сладкие иллюзии ее покинули, все наслаждения ее оставили, она живет теперь только в тех, кого любит, и безразличие их нанесет последний удар ее счастью. Моя жизнь, всегда одинаковая, не предлагает никаких приятных обстоятельств для сообщения вам. Никакое интересное событие не нарушает ее однообразия. В моем одиночестве некоторые занятия, воспоминания, сладкие или горькие, внушаемые мне опытом размышления о волшебном фонаре света, – вот что заполняет мои минуты и не может быть интересно вам. Надеюсь, что вы ожидаете здесь заверений в моей нежной и неизменной дружбе, так что я их обновляю, обнимая вас от всего сердца.

Передайте мои поклоны вашему превосходному другу госп[одину] Зейделю, который для вас есть истинный подарок провидения.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 24–25 об.
На л. 25 об.: «Моему дорогому Павлу».

А. Крок – Павлу и Владимиру Пестелям

Москва, 27 сент[ября] 1806 ст[арого] ст[иля]

Пишу вам пару строк, мои добрые маленькие друзья, чтобы вы встретили меня без упрека, когда я приеду. Благодарю вас обоих за то, что подумали обо мне в мой праздник, и чрезвычайно радуюсь, что увижу вас. Ваша бедная матушка весьма завидует мне, что я буду иметь удовольствие вас обнять[1]. Но поскольку в этом мире не бывает радостей без огорчения, я куплю наслаждение собственными глазами наблюдать ваши успехи ценой боли разлуки, быть может, навсегда, с моей дочерью. Судьба ведет вашу матушку в сторону, совершенно противоположную той, куда она направляет мои стопы[2], тогда как я полагала, что соединена с ней навсегда. Итак, ничто не постоянно в этом мире. Будет ли мое пребывание в Дрездене дольше, чем было в Москве? Не знаю. Единственная вещь, какой не вертит случайность, это моя нежность ко всем моим де-

* Датировано на основании упоминания об учебе и поклонов Зейделю, письмо должно относиться к периоду, когда братья Пестели находились в Дрездене и до приезда туда А. фон Крок.

тям. Оставляю вам рассудить, принадлежит ли вам обоим тут немалая часть, а то, как вы меня встретите, покажет мне, верно ли вы рассудили. Прощайте, дорогие дети, но прощайте ненадолго! АК.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 18–19.
На л. 19 об.: «Господам Павлу и Воло Пестелям».

[1] А. фон Крок с внуком Александром отправилась из Москвы в Дрезден.

[2] Е.И. Пестель поехала к месту службы мужа в Тобольск в конце следующего, 1807 г. (см. ее приписку к письму И.Б. Пестеля от 30 ноября 1807).

А. Крок – Павлу, Борису и Владимиру Пестелям

[январь–февраль 1809]*

Дорогие мои дети Павел, Борис и Воло.

Не сочтите дурным, что вместо, чем написать каждому в отдельности, я посылаю вам одно письмо всем троим. Глаза мои так устали, что я не могу рассчитывать на них для трех писем. И все же я хотела сказать вам всем, что прочла с умилением выражение вашей привязанности ко мне; что моя к вам всем неизменна и ничто не сможет доставить мне более живое удовольствие, чем узнать хорошие новости от вас.

Не знаю, доведено ли уже до высшей точки ваше счастье оказаться вновь в лоне семьи прибытием вашего доброго батюшки. Какое удовольствие ему будет увидеть вас снова после столь долгого отсутствия! Я хотела бы иногда невидимо посмотреть на вас всех и видом вашего счастья рассеять свои огорчения...

Дрезден весьма пуст сейчас. Большинство жителей, составляющих общество, находятся в деревне; дипломатический корпус последовал за королем... Госпожа Арсеньева[1] наконец отправилась по положительному приказу императора, пожелавшего доставить ей средства на путешествие. Я прошу прощения у Бориса за эти новости, ему не интересные; чтобы благородным образом искупить скуку, которую я ему этим причинила, прошу его сообщить мне подробно, как вы все проводите время, каковы ваши занятия и удовольствия. Мне будет интересно все; и, быть может, подробности вашего существования, дорогие дети, смогут создать у меня иллюзию о расстоянии, нас разделяющем. У меня нет надежды, что кто-то из нас его сократит, быть может, даже непредвиденные обстоятельства еще его увеличат; итак, не откажите мне в утешении узнать то, чего я не могу видеть. Вспоминайте иногда обо мне и моей нежной к вам дружбе.

А. Крок

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 22–23 об.

[1] Арсеньева – лицо не установлено.

А. Крок – Павлу Пестелю

Дрезден, 15/27 февраля 1809

Я была очарована, дорогой Павел, получив от вас самого новости о вашем здоровье и счастливом путешествии. Непомерные холода, стоящие здесь, часто заставляют меня

* Датировано на основании сравнения со следующим письмом.

трепетать за всех вас; я поистине не буду вполне спокойна на этот счет, пока не узнаю, что вы все прибыли в родительский дом целые, невредимые и без происшествий. Я с умилением представляю себе минуту вашего прибытия и вашу взаимную радость, оказавшись в объятиях друг друга. Но, быть может, вы прибыли слишком поздно и не застали уже вашего достойного батюшку в Москве; а даже заставши его, вы увидели его расстроенным потерей его превосходной матери[1]. Вам следует, дорогие дети, принести утешение его душе, и мне нравится думать, что ваши родители, столь нежно вас любящие, всегда смогут чувствовать удовлетворение от жертв, которые принесли ради вас. Я же, дорогие дети, буду сладко радоваться вашим успехам и издалека благословлю ваши усилия по снисканию просвещения и добродетелей.

Проезжая через Варшаву, я не нашла, чтобы этот город напоминал Москву, как вы говорите. Мне показалось, что его вид более выражает единство намерения, тогда как разнообразные части, составляющие Москву, оставляют воображению колебаться между идеями Столицы, Деревни и Села. Это разнообразие может быть очаровательно для любителей; но что до меня, мне во всех вещах нужно знать, чего держаться.

Передайте мои поклоны, дорогой Павел, господам Дерошу, Гавинье, д'Изарну, де Фориаку (если вам случиться его увидать), госп[одину] де Року и вообще всем, кто обо мне вспомнит, за исключением г[осподина] Ле Мера[2], с которым я никогда не поддерживала отношений ни всерьез, ни в шутку.

Любите меня, дорогое дитя, и будьте уверены в живом интересе, который я всегда в вас принимаю. А. К.

P.S. Бедный Арсеньев умирает[3].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 14–15.

---

[1] Мать И.Б. Пестеля Анна Елена, урожденная фон Крок, умерла в январе 1809.

[2] Дерош, д'Изарн (см.), де Фориак – учителя и воспитатели братьев Пестель. Гавинье Николай (Иван) Иванович, в 1812 коллежский асессор, состоял при разных должностях при Московском почтамте, впоследствии в 1820–1822 титулярный советник, помощник начальника хозяйственного отделения 1 отдела канцелярии Министерства внутренних дел. Сведений об остальных лицах не обнаружено, вероятно, они принадлежали к тому же кругу московской колонии иностранцев.

[3] Арсеньев – лицо не установлено.

А. Крок – Павлу Пестелю

Дрезден, 23 июля/3 августа 1809

Большое спасибо, дорогой *Павел*, за вашу память и нежность. Мой праздник, послуживший причиной, был для меня грустным днем. Вдали ото всех, кого люблю, встречая лишь равнодушные взгляды, я могла делать лишь горестные сравнения этого дня с иными подобными, случавшимися раньше. В прошлом году моя бедная Софья делала столько планов сюрприза, которые прекратило ее здоровье[1]; это был последний день, когда она смогла сделать усилие для туалета, она была столь любезна, несмотря на свои страдания, столь нежна со мной... Увы! Она больше никогда не будет такой!... Ах! Дорогие дети! Как вам всем понадобиться любить меня, чтобы помочь времени излечить эту глубокую рану моего сердца, которую тысяча воспоминания грустных и сладких равно заставляют кровоточить ежедневно. Я также с умилением вспоминала все внимание, какое выказали мне все мои внуки. Я видела слезы на глазах вашего Сфинкса и Вазы Александра, и я так боялась, что чужая вежливость отвлечет меня от моего горя, что постаралась скрыть от прислуги, что это был мой праздник.

В годовщину вашего рождения, предшествовавшего дню Св. Анны, я перебрала в памяти все, что происходило в тот день. Я думала о величественном и святом акте, когда вы торжественно обещали Богу и своим родителям исполнись все стоящие перед вами обязанности. Издалека я снова благословила ваши добрые намерения, дорогой Павел, и просила Всевышнего помочь вам их исполнить и всегда охранять вас.

Ваша матушка пишет, что вы сожалеете об удобствах учебы в Дрездене. Я предвидела ваши сожаления; они весьма обоснованны. Но, хотя мы не властны над обстоятельствами, нас окружающими, мы властны хотя бы всегда воспользоваться ими таковыми, как они есть; не пренебрегая ничем, служащим к вашей пользе, дорогой Павел, вы повсюду создадите себе неожиданные способы образования и обучения. Перед множеством других молодых людей вы имеете неоценимое преимущество быть под присмотром просвещенной матери, советы и наставления которой могут принести вам большую пользу. Сообразуясь с ними, вы будете трудиться к ее счастью и своему собственному. Заканчивающийся листок требует сказать вам кратко, что я обнимаю вас от всего сердца.

А. Крок

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 20–21 об.

---

[1] Софья Ивановна Леонтьева, урожденная Крок, дочь А. фон Крок и сестра Е.И. Пестель, умерла за год до данного письма.

А. Крок – Павлу Пестелю

Дрезден, 7/19 августа 1810

Да! Мой дорогой Павел, уже давно я не писала никому. Увы! Это не моя вина. Бедные мои глаза совсем отказываются мне служить. Я не могу ни читать, ни писать, ни даже работать. Итак, не смотрите слишком пристально на мою аккуратность. Пишите мне как можете чаще. Я попрошу госп[одина] де Вацдорфа, нового дрезденского министра в Петербурге[1], доставлять мне ваши письма. Он взялся вручить вам это. Посещайте его иногда; мне это обеспечит новости о вас, а для вас будет почтенным знакомством. Я была в высшей степени довольна тем, каким образом вы выпутались из своего экзамена, и трудом, который вы приложили, чтобы выйти с честью. Могу сделать лишь одно замечание на то, что вы говорите о своей учебе в Дрездене. Не думайте, дорогой Павел, что какие бы то ни было знания могли быть бесполезным приобретением для человеческого ума; он просвещается всякими, а жизнь часто представляет неожиданные случаи воспользоваться ими. Тем не менее вы правы, считая, что следует идти к назначенному месту и что обучение должно прежде всего сообразовываться с карьерой, какую намереваются избрать.

Благодарю вас за сообщение о свадьбе госп[одина] Леонтьева; я совершенно о ней не знала и не ожидала так скоро. Пускай будет счастлив! И пусть дети моей Софьи из-за этой свадьбы не станут еще большими сиротами, чем раньше! Если узнаете что-либо на их счет, прошу вас, известите меня. Теперь никто не напомнит вам о моем существовании; вы один руководите своими поступками; таким образом, в моих глазах знаки вашей памяти обо мне будут тем более значительны, что никем не внушены вам.

Моя жизнь грустна во многих отношениях, но не стоит жаловаться; она не продлится долго; и к чему бы мне послужило счастье? Заставило бы меня сожалеть, умирая?

Сейчас летящее время, копящиеся годы, отнюдь не внушая страха, являются для меня лишь средством прибыть к желанному концу. Пусть он приближается! Но пока я буду жива, я не перестану живо интересоваться всем, что вас касается. АК

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 16–17.

[1] Вацдорф фон, Карл Фридрих Людвиг (Karl Friedrich Ludwig von Watzdorf, 1759–1840), полковник саксонской армии, с 1811 генерал-майор. С сентября 1810 по конец апреля 1812 посланник Дрезденского двора в Петербурге. Позднее, в 1823–1834, саксонский посол в Берлине.

Письма С.И. Леонтьевой племяннику Павлу Пестелю, 1807 и б. д.

[1801–1802]*

Благодарю вас, мой маленький дружочек, за прелестное письмо, которое вы мне написали, оно доставило мне большое удовольствие, уверяю вас, прежде всего тем, что доказало мне, что вы меня не забыли и что вы еще немножко любите меня, и потом тем, что я увидела по нему успехи, сделанные вами в письме после моего отъезда из Москвы. Хвалю вас за это, дорогой Поль, продолжайте так же, и вы будете иметь удовольствие видеть, что родители вами довольны, как и ваш наставник и учителя. Если вы по-прежнему будете любить меня и захотите написать, направляйте свои письма в Неаполь и попросите матушку показать вам этот город на карте. Прежде чем прибыть туда, нам предстоит проделать большое путешествие, мой дружочек. Попросите Бога, чтобы оно было благополучным, ибо мы встретим множество опасностей. Дороги часто дурные, а многие леса, которые мы должны будем пересечь, кишат разбойниками**. Несмотря на это, я хотела бы, чтобы вы были со мной; я нашла бы много способов развлечь вас, показывая вам эту прекрасную Италию, куда мы едем надолго.

Как бы я хотела, дорогой Поль, чтобы вы и ваши братья повидали моего сына, вашего маленького кузена Александра; как бы я была счастлива посмотреть, как вы один за другим подходите к его маленькой кроватке и обнимаете его, говоря, что он хорошенький и что вы уже начинаете его любить. Мои маленькие дружочки, я часто мысленно посреди вас и весьма огорчаюсь, когда думаю, что пройдет, быть может, еще много времени, прежде чем я снова вас увижу. Тем временем не забывайте меня и иногда говорите обо мне с вашими тетями, которые, кажется, уже начинают меня забывать, особенно *злая* Наталья, которая не пишет мне и совсем меня разлюбила. Не забудьте, дружочек, тысячу раз поцеловать от меня ручки дедушке и бабушке, засвидетельствовав им мое почтение.

Прощай, дорогой маленький Поль, обнимаю тебя нежно, как и твоих добрых маленьких братцев. Твой дядя Леонтьев также вас обнимает от всего сердца.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 38–39.

* Письмо на листке с изящной рисованной рамкой: цветок анютиной глазки, вокруг нее имена братьев Пестелей – «Paul, Boris, Woldemar, Alexandre». Письмо, очевидно, написано вскоре после отъезда Леонтьевых в Италию, где Н.Н. Леонтьев с 1802 находился в должности поверенного в делах в Неаполе.

** В подлиннике «infecteés de brigands» – букв. «заражены разбойниками».

[1802–1805]*

Не может быть, мой маленький дружок Поль, чтобы я отправила письмо вашей матушке, не написав также и вам несколько строк, чтобы напомнить вам о себе и чтобы поручить вам хорошенько обнять за меня ваших троих братцев. Напишите мне, мой дорогой Поль, прошу вас, и расскажите подробно о своих занятиях и развлечениях. По тому, что мне пишет ваша бабушка Крок, я вижу, что вы не теряете времени и поздравляю вас с этим, мой маленький дружочек. Итак, вы учитесь рисовать и даже уже создаете собственные работы. Когда у вас соберется небольшая коллекция, надеюсь, что вы подумаете и о вашей доброй тетушке Софье, которая сочтет за доказательство вашей памяти небольшой рисунок, присланный вами, когда представится возможность. Я бы весьма хотела сказать вам, что мой маленький Лиссандрино обнимает вас, но увы! он не знает, что счастлив иметь на другом конце света славных и добрых маленьких кузенов, с которыми, надеюсь, он хорошо повеселится. Прощайте, мои капуста, репа, морковки, нежно прижимаю вас к сердцу, а также Бориса, Воло и Александра. Скажите мне поскорее, что вы меня еще любите и иногда вспоминаете обо мне. Бросьтесь за меня на шею вашим батюшке и матушке и моим добрым кузинам. Поцелуйте от меня ручки дедушке и бабушке и верьте мне всегда, мой добрый маленький Поль, как вашему доброму другу.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 42–43 об.

Карлсбад, 4 июля 1807

Я пользуюсь, чтобы написать вам, дорогой Поль, случаем весьма для меня грустным, отъездом матушки. Она взялась передать вам мое письмо и ей предстоит радость встречи с ее любезными внуками; то, что я не смогу разделить с ней это счастье, намного увеличивает мое живое огорчение, причиняемое этим новым расставанием после такого короткого свидания, большая часть которого для нее была весьма грустной и состояла из скуки и неприятности видеть меня больной, и даже довольно опасно. Говорите с ней иногда обо мне, дорогой друг, и заверяйте ее почаще от моего имени об искренней боли, которую причинил мне ее отъезд. Единственным для меня средством немножко утешиться была бы уверенность вскоре увидеть ее снова, но, к несчастью, это от меня не зависит, я не знаю, могу ли я придаваться надежде, которая есть у меня сейчас и от которой было бы вдвойне жестоко отказаться, если на нее рассчитывать!!!!!

Благодарю вас, дорогой Поль, за ваше милое письмо, оно доставило мне весьма чувствительное удовольствие, и я бы ответила на него раньше, если бы оно не застало меня больной. Матушка передаст вам от меня маленькую печатку, мой скромный дар, не могущий иметь иной ценности, кроме того, что предложен вам от всего сердца. Прощайте, дорогой и добрый друг Поль, не забывайте меня совсем и продолжайте как только можете желать добра вашей тетушке Софье, которая любит вас как собственных детей.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 44–45.
На л. 45 об. «Моему дорогому племяннику Полю».

* Письмо написано во время пребывания С.И. Леонтьевой в Италии с 1802 и до отъезда Павла и Владимира Пестелей на учебу в Германию в августе 1805; более вероятным представляется отнести это письмо к 1802–1803 гг.

Письма Андрея Егоровича Зейделя П.И. Пестелю, 1809–1811 гг.

[1805–1809]

Я набросал вам, милый Павел, подробное письмецо, которое, разумеется, касалось вчерашней пренеприятной сцены и того, что при всяком случае принужден я сносить ваши упреки в противоречии или того более. Будьте ко мне немного добрее. Пусть мы не единого образа мыслей, но вам, наверное, никогда не приходилось жаловаться на мое мнение о вас. Боже! Кто может совершенно понять наши сердца? Когда б ваше сердце всецело чувствовало, сколь искренне я привязан к вам и родителям вашим, тогда б примирение наше было долговечным, как и чувство дружбы, движущее рукой для заключения союза. Засим обнимаю вас.

Ваш истинный друг Зейдель

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 50–50 об. Нем. яз. Адресовано «Господину Павлу Пестелю»

[декабрь 1805]*

Кто утром рукой и сердцем обещает внимать сердечной просьбе друга, тому от имени наилучших родителей надлежит требовать исполнении обязанностей в рассуждении оных. Кто еще в тот же день сызнова подает товарищу своему по играм и своему брату дурной пример, показывая застарелые ненавистные пороки – гордыню и себялюбие, а вечером намеревается спокойно отойти ко сну. Кто потом, когда ему ставят сие в упрек, напускает на себя покаянный вид и снова получает прощение. Кто потом выслушивает напоминание о том, что на несколько лет стало причиной, не делающей чести детскому сердцу, наибольшего огорчения для друга, для того, кто так искренне желал, чтобы каждый, и прежде всего – отец и мать, составили о Павле наилучшее мнение, и как он был склонен сделать все для их удовольствия. Кто потом, когда ему опять напоминали о его нерадении, выказывал недовольство, строил гримасы отвращения, раздражая своего друга, который, напротив, стяжал себе право на благодарность. Кто при всех оных пороках еще полагает себя безгрешным – у того черное сердце, он способен на самую низкую неблагодарность и, собираясь сдержать обещанное лишь для вида, становится жалким лицемером. От всей души желаю, чтобы с наступлением сего года Павел осознал это, ужаснулся самого себя и исправился. Желаю ему такого исправления ради его самого, а не из желания угодить.

Тщетно просила вас добрая ваша матушка, тщетно просил я, кому вы все ж таки обязаны дружбой, приналечь на чистописание, к которому имеете большие способности. Вследствие чего вы меня вынудили сообщить достопочтенной, превосходной вашей матушке, «как не расположены выполнять просьбу своих родителей и своего друга Павел и Воло. Но понеже надлежит сделать все возможное, того ради приказал я с усердием взяться за чистописание и не стану отсылать письма Павла и Воло, покуда они не сделаются того достойны, преуспев в прописях и слоге». Вам известно, какую радость ощущает ваша матушка, получая письма ваши; она, которая любит своих детей с такой нежностью, с такой беспримерной нежностью. Если ваше сердце способно извлекать выгоду, оставаясь долгое время холодным к просьбе матушки и равнодушным к приказанию вашего друга, принужденного скрепить свое сердце, тогда вы достойны презрения. Коли вы способны серьезно на что-либо решиться, тем более в столь легком деле, и честно последуете сему решению, коли вы покажете нам, что сердце ваше

* Датируется по упоминанию нового года и обучения чистописанию, что должно было иметь место в начальное время пребывания в Германии.

любит нас и согласно с нашим желанием увидеть вас однажды счастливым и почитаемым, то вам будет нетрудно вернуть и наше доверие. Время покажет, кто из вас обоих, Павел или Воло, неподдельно и больше других любит наилучших родителей и общего вашего друга.

Зейдель

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 51–52 об. Нем. яз.

[декабрь 1807]*

По прошествии двух лет тщетных просьб и приказаний Павел со своим нравом, находящий удовольствие в своей испорченности, вынуждает меня, вместо того чтобы обнять его с радостью, написать сие новогоднее поздравление.

Готовность, с каковой он вычеркнул в своем письме слово «друг» – так я ему приказал, ибо тот, кто слушается всякого распоряжения, направленного на его благо, и, следовательно, любит своего друга, не заставит повторять себе что-либо так часто, как Павел, – готовность, с каковой строптивый юнец вычеркнул слово «друг», довольно ясно доказывает, что его сердце никогда не было открыто для дружбы.

Пока я нахожусь при вас волею родителей ваших, особливо я вам желаю с послушанием и тщанием выполнять свои обязанности, не позволяя себе на то сетовать.

Подумайте о себе – это все, что я вам желаю и повторяю сызнова.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 89–90. Нем. яз.

Москва, 6 декабря 1809 года

Начатая вами, дорогой Павел, важная эпоха жизни, быть может, надолго, а быть может, навсегда, ограничивает нас лишь письменными беседами. Чем проще станете вы мне излагать чувства вашего сердца, тем больше увижу я из того, что мой добрый Павел помнит о своем бывшем наставнике и всегдашнем друге. Первое ваше письмо, где так естественно изображаете вы впечатление, произведенное на душу вашу свиданием с наилучшим отцом, полагает начало, за которое искренно вас благодарю, как только представлю себе все в вас происходившее в тот долгожданный счастливый миг. Во всю жизнь следуйте простому нравственному правилу, с каковым я оставил мою должность при вас: «надлежит выбирать человека порядочного, никогда не терять его из виду, всегда жить, словно пред лицом его, всегда поступать, словно у него на глазах», тогда вы невредимым пройдете по самой скользкой стезе и никогда не станете смущаться, совершенно открыв вашу душу превосходным своим почтенным родителям, как своему другу. Повторяю: ваше доверие, даже в таком удалении от меня, тем прочнее будет, чем чаще вы станете вспоминать об обязанностях ваших относительно родителей, государства и себя самого. Нынче вы на короткое время живете с родителями, однако скоро окажетесь одни. Но довольно. Я не хочу повторять нравоучения и напускать на себя вид вечного моралиста. Приобретенные вами добрые правила станут укореняться все глубже, в этом я убежден.

А теперь, милый Павел, руку старшему брату, который с такой же охотой о вас говорит, как и младшие. Александр много для вас рисует. Мы вместе сочиняем и сажаем вас на лошадей с огромными ногами. И все ж они бегают не столь резво, как его лошадка в манеже – словно на бумаге. Давеча за чаепитием он заметил вашу чашку и тотчас

* Датируется на основании упоминания нового года и того, что Зейдель два года состоит воспитателем Павла.

назвал вас по имени. Словом, они с Воло и Борисом ежедневно дают доказательства того, что частенько вспоминают далекого своего брата Павла. Последние сами вам напишут. Александр с радостью послал бы вам картоны, да я опасаюсь, что они займут слишком много места.

Супруга моя, которая не преминула запечатлеть на дочурке предназначенный ей поцелуй и, под сим предлогом, дюжину в придачу, сама собиралась написать вам несколько строк. Мы оба ожидаем обещанные вами подробности путешествия Леонтьевых-младших. Хвала небесам, бедные дети еще дешево отделались! Будем надеяться увидеть здесь доброго вашего дядюшку вместе с императором. При мысли об этом не могу описать мою радость.

Не исполнит ли мой добрый Павел в другой раз еще одну мою просьбу, а именно: не напишете ли как можно больше о превосходном вашем батюшке, о его здравии. Не нашли вы его весьма изменившимся после 4-летнего отсутствия. Дабы силу моей привязанности к оному показать, заверьте его, что люблю я его не меньше, чем Павла. А ведь сей последний предан ему душой и телом, не так ли?

Никак мы не ожидали, что путешествие доброй вашей матушки будет столь утомительным. Все мы надеялись, что движение рассеет ее и пойдет на пользу ее здоровью. Однако в следующем письме не изволите ль сообщить мне более приятные известия! Принужден оканчивать, пока для моей Софии еще есть немного места. Сердечно, сердечно обнимает вас искренний ваш друг Зейдель.

Приписка [Софии Зейдель]:

Не найдя места, могу вас лишь благодарить за то, что помните о нас и о малютке Лизетте. Мы оба обнимаем вас с чувствами искреннейшей дружбы. Сохраните дружеское к нам расположение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 48–49 об. Нем. яз.

Любезному моему Павлу

Москва, 23 декабря 1809 года

Снова была сильная гроза, любезнейший Павел, которая на сей раз обеспокоила нас больше, чем тогда, накануне вашего морского путешествия. Хвала небесам, судя по последнему известию вашей превосходной матушки, вы на пути выздоровления. И воистину никого не сможет сие обрадовать более, нежели меня и вашу сестрицу Софию. Вы бы скорее убедились в нашем участии, ежели еще в оном не уверены, когда б вы выказывали мне таковое же, а ваше сердце могло разделить чувства моего во всем, что с вами происходит, – радостное то или печальное. Ваше отменное телосложение служит мне порукой вашего скорого и совершенного выздоровления. Как только сможете взять в руки перо, вы сами уверите меня в том. Не правда ли, любезнейший друг? Обнимаю вас заранее и без всякой осторожности, так сильно, как только сможете вытерпеть. Братья ваши, будь они с вами, дружно последовали бы сему примеру, и вы в самом деле находитесь вне опасности быть задушенным от чистосердечного сочувствия. Завтра ввечеру мы торжественно выпьем за ваше здравие. Ваш гений за вас в ответе. Все здешние ваши знакомые, которых я вижу, спрашивают о вас, и все желают, чтобы вы в совершенном здравии исполнили ожидания превосходных родителей ваших сообразно доверию, внушенному вами им и вашим друзьям.

Нынешний день у Софии разболелась рана: господин доктор Реманн сильно прижег оную ляписом. С охотой черкнула бы она вам пару слов, дабы выразить радость от вашего выздоровления, да только боли ей не позволили. Она обнимает доброго своего

Павла, как и я, уверяющий вас, что после ваших родителей никто не в состоянии любить вас искреннее, чем ваш друг Зейдель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 46–47. Нем. яз.

Москва, 10 января 1810 года

Снова, любезнейший Павел, поздравляю вас с выздоровлением и с Новым годом. Вместе с тем сердечно благодарю вас за участие в страданиях моей супруги. Пусть столь важный новый год завершится для вас тем, что вы с дражайшими родителями почувствуете чистейшую, сладчайшую радость от сбывшихся устремлений. На то уповаю, ибо ведомо мне ваше сердце, верно исполненное наилучших намерений. Братья ваши, как видите из их писем, находятся в добром здравии, и Александр вас любит. Здесь мы все частенько о вас говорим. Какая будет радость, когда вы однажды снова свидитесь, также и для нас с Софией, насколько желание наше может распространяться на столь продолжительное время. Полагаю я, что строение обоюдного нашего здоровья весьма и полностью потрясено, чтобы позволить мне надеяться на многое.

Вообразите себе – третья операция, а начиная со второй София выглядит все хуже. Доктор Реманн посещает нас не слишком часто. Правда, он говорит мне, София-де снова поправится. Но из опыта я знаю, что он не всегда высказывает свое мнение прямо. Давеча я испугался за Александра, ясно увидев, как он старается скрыть свое беспокойство от вашей доброй и уже столь много испытавшей матушки. Все наши ожидания связаны с весной. Вот и для вас прошу я у небес радостного будущего, согретого чудесными, воскрешающими ко всякому добру солнечными лучами.

Еще прошу вас при случае напомнить добрым родителям вашим о моей просьбе. Осмеливаюсь просить при множестве ваших дел. София кланяется и сердечно целует своего братца, которого я обнимаю с теми же чувствами. Есмь и пребуду оного

искреннейший друг

Зейдель

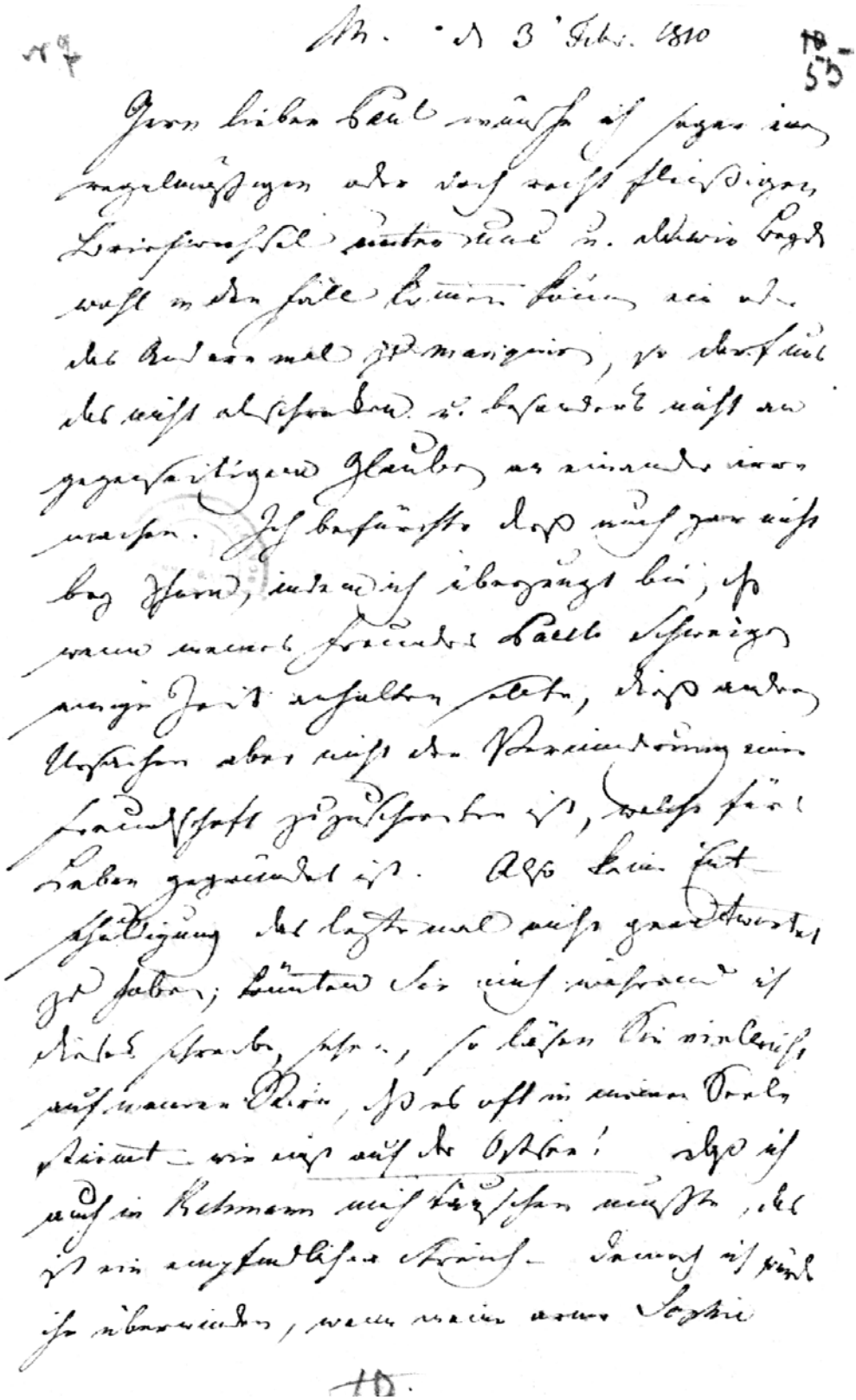
Вложенное письмо покорнейше прошу доставить Моргенгейму[1].

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 53–54 об. Нем. яз.
Адресовано «Моему другу Павлу Пестелю».

[1] В следующем письме – Моренгейм, вероятно, одно и то же лицо. Барон Павел Осипович Моренгейм, в 1810 русский поверенный в делах в Мадриде, в 1816 в Константинополе, сын барона Йозефа (Осипа) Моренгейма (ум. в 1797), окулиста, оператора и акушера, приглашенного в 1783 в Россию на кафедру повивального искусства при хирургическом училище, в 1788 надворного советника, гофмедика, автора ряда медицинских трудов и учебника повивального искусства.

Москва, 3 февраля 1810 года

Милый Павел, весьма желаю я вести с вами даже постоянную или хотя бы вполне порядочную переписку. А буде мы оба один-другой раз оной пренебрежем, это нас не отпугнет, а тем паче не заставит усомниться в нашем взаимном доверии. Я вовсе в том вас и не подозреваю, находясь при убеждении, что, ежели мой друг Павел некоторое время хранит молчание, оное следует приписать иным причинам, но не умалению заложенной навеки дружбы. Итак, не нужно извинений за то, что не ответили в прошлый раз. Когда б вы могли меня видеть, пока я сие пишу, то, быть может, вы бы прочли на



Письмо А.Е. Зейделя П.И. Пестелю, 3 февраля 1810 г.

моем челе, что внутри меня часто бушует буря, как однажды на Балтийском море! Мое разочарование среди прочего в Реманне является чувствительным ударом. Но все ж я бы перенес сие, если б от того больше всех не страдала моя бедная София! Дай Бог, чтобы вы никогда не утвердили меня в моем горьком опыте, чтобы когда-нибудь сообразно прекрасным вашим способностям стали так счастливы, как я того желаю. И я для вас прошу у небес, особливо в день рождения превосходного вашего батюшки: да станете однажды, когда в состоянии будете, предметом гордости и радости его и отечества вашего!

Сдается, вы непременно поступите в Пажеский корпус. Что ж, в добрый час! Вы сойдетесь с лучшими из новых ваших товарищей, а поскольку среди множества молодых людей нельзя предполагать найти чистый образец, избегайте таких, от подражания которым способны предостеречь ваше сердце и разум. Совет мой всегда остается неизменным: держитесь достойного профессора и опытного советчика.

Ежели часто видитесь с Нарышкиными[1], сердечно им от меня кланяйтесь, равным образом и прочим соотечественникам, с кем мы встречались в Дрездене, и прежде всего – отличному нашему доброму другу Леонтьеву и его детям.

Часто ли посещает вас Моренгейм?

С превеликим любопытством жду дальнейшего от вас сообщения о будущем вашем обучении. Да и вообще вы не сможете обрадовать меня более, нежели подробно описав все до вас принадлежащее. Считаются ли минералогия и латынь ненужными?.. Я бы продолжал задавать вопросы того же рода, когда бы в сей миг мне не нанесли визит, а именно хирург, который перевязывает бедную мою супругу дважды в день.

Сердечно обнимаю вас, в том числе от имени маленькой Элизы. Она с каждым днем становится все милее и забавнее.

Неизменно ваш искреннейший друг

Зейдель

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 55–56 об. Нем. яз.
Адресовано «Господину Павлу Пестелю».

[1] Нет сведений о том, с какими именно Нарышкиными братья Пестели и Зейдель встречались в Дрездене.

Москва, 2 марта 1810 года

Сколь ни любезно мне чтение даже пары строк от милого моего Павла, однако с готовностью я бы отказался от сего на долгое время, если б прилежное учение и малый досуг в том ему воспрепятствовали. От вашей матушки известно мне, что новые ваши учители довольны вашим усердием, и вы устремляетесь к прекрасной цели. Кто кроме любезных ваших родителей может принять более искреннее участие в сей похвале, нежели я? От сердца, от всего сердца обнимаю вас и желаю вам совершенно ощутить радость, доставленную мне этим известием. Вспомните, как часто восклицал я: “du courage, et ça ira*“, тем паче что вам провидением даны способности, которые, чем старательнее вы их используете, непременно позволят вам однажды стать тем, кто желателен родителям вашим, отечеству и бывшему вашему наставнику. Как бы меня порадовало, ежели б вы познакомили меня с подробностями вашего учения, назвали мне того или иного профессора, который внушил вам особое доверие. Как обрадуются ваши немецкие учителя в Дрездене, когда я смогу написать одному или другому: «наш

* «Смелее, и все получится» (фр. яз.)

Павел делает честь вашим приуготовительным урокам и непрестанным прилежанием вознаграждает преемников ваших!»

В письме, давеча из Дрездена полученном, доктор Краузе и доктор Буркардт[1] с большим участием спрашивают о вас. Кстати, часом не встречали ль вы малыша Штоффрегена?[2] Ежели вы увидите оного или его отца, низко кланяйтесь от меня обоим.

Супруга моя, которая все еще страждет от раны, дружески кланяется вам и братцу вашему Воло. Лизынька чудесно подрастает, но в последние две недели весьма недужила зубками. О том, что я сам месяц был болен и еще сильно кашляю, верно, Воло вам сказал. Ежели я под конец лишусь здоровья, то это, пожалуй, в порядке вещей. Однако во всякое время мое участие в благополучии вашем останется тем же. Если вы иной раз, в чем я уверен, вспомните о наших беседах и вообразите себе своего друга, то вскоре черкнете ему приятное словечко.

Ваш от сердца верно вас любящий друг Зейдель.

От меня обнимайте Воло.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 59–62 об. Нем. яз.
Адресовано «Моему другу Павлу».

---

[1] Доктор Краузе (Krause) – возможно, ему принадлежал значившийся среди книг библиотеки П.И. Пестеля труд: Krause Karl Christ. Friedr. Grundriss der historishen Logik für Vorlesung. Jena, 1803 (Leipzig) (Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист. 1941, № 4. С. 88–89). Карл Христиан Фридрих Краузе (1781–1832) – плодовитый философ, выпускник Йенского университета, ученик Шеллинга, Гегеля, Фихте, в 1802 приват-доцент, в 1804 переехал в Рудольштадт, затем в Дрезден, где давал уроки музыки. Впоследствии жил в Берлине и Мюнхене. Автор книг о масонстве, за публикацию которых в 1811 исключен из числа масонов. Автор ряда философских книг. Краузе и его наследию посвящена довольно обширная литература.

Доктора Буркардта (Burkardt, правильно – Burckhardt) отождествить не удалось.

[2] Штофреген фон Конрад Конрадович (1767–1841), доктор медицины, уроженец Ганновера, выпускник Геттингенского университета, начал работать в Риге, где известным врачом был его отец. В 1806 был рекомендован императрице Елизавете Алексеевне, стал ее постоянным лейб-медиком. Сын Штофрегена (?) – Александр Кондратьевич (1797–1844), действительный статский советник, камергер, русский консул в Амстердаме.

16 марта [1810]*

Любезнейший друг. Сегодня пишу вам довольно длинное письмо, дабы такими словами показать, сколь приятно мне обращать их к вам. Но в болезни я влачу такую печальную жизнь, что чувствую затруднения в исполнении даже сего желания. Итак, удовольствуйтесь нынче моей искренней благодарностью за сообщение того, чем вы теперь заняты. Никогда не пресытите вы меня подробностями, все меня интересует. Вы сожалеете, что латынь и минералогию не преподают в Пажеском корпусе. Это весьма прискорбно. Могущественнейший монарх Юга в основу подготовки своих победоносных войн положил латынь, математику и минералогию. Однако как в первой, так и в последней науке вы настолько преуспели, что сможете продолжить ими заниматься для себя.

Супруга моя сестрински благодарит вас за то, что ее помните. Хотя она выезжает, но еще сильно хромает, и рана, кажется, заживет еще не скоро. Моя малышка и я тоже больны. Ах! Дай Боже, чтобы весна принесла мне новые жизненные силы.

Коли увидите Моренгейма, кланяйтесь ему от меня.

---

* Год определен по упоминанию о болезни Софьи Зейдель.

Сердечно обнимаю вас и прошу любить нас по-прежнему и быть уверенным, что я есмь и пребуду

искренне любящий вас друг

Зейдель.

Также вашему батюшке мое особливое почтение.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 63–64 об. Нем. яз.
Адресовано «Любезному моему другу Павлу Пестелю».

Господину Павлу Пестелю.

Москва, 27 марта 1810 года

Сколь радостно мне, любезный добрый Павел, получить ваше письмо, столь на сей раз огорчает повод, тому послуживший. Вы говорите, что болезненное состояние чудесной вашей матушки не позволило ей писать самой. От сердца желаю, чтобы сия причина исчезла и она снова изведала более радостные дни. Что касается до отъезда из Санкт-Петербурга, то боюсь, что оный еще надолго будет отложен, так как зимний путь скоро прекратится.

Сколь радостно мне, любезный друг, что матушка и ваши учители довольны вами. Какие только чувства вы сами при этом не испытываете! Вы бы лучше не смогли поддержать горячо вас любящего батюшку, нежели как стремясь заслужить его любовь. Каждый день я думаю о вас. Несомненно, любезный Павел, я предположил бы, что вы ощущаете мою близость, когда после выполненной работы у вас становится легко на сердце. Поощряйте к тому же и любезного вашего братца Воло и так часто, как можете (мне не пристало вас о том просить) вы и ваш братец, напишите нам несколько строчек.

Моя супруга, ее сестра и Лизынька (она пока не может как следует писать) сердечно вам кланяются. Рана ее, глубиной в 3 дюйма, пока не затянулась, и Бог знает, как долго продлится сие тревожащее меня состояние. Молодая мама́, правда, выезжает и не особенно страдает, однако почти каждый день уверяет меня господин Кельц, хирург[1], что пока бедняжку нельзя даже счесть спасенной, что опасность только отступила, но, возможно, еще не исчезла совсем. К каким размышлениям должно меня это привести? Пойдет ли на пользу человеку из плоти, дух которого сокрушен? Вы легко угадаете, что оттого здоровье мое не слишком хорошее, хотя еще три дня назад чувствовал себя лучше, чем пред тем. Однако до лета я и не надеюсь на поправку. Сердечно благодарю за ваше участие.

Известие о грядущей женитьбе вашего дядюшки меня удивило, но не показалось странным[2]. Я почитаю сей шаг необходимым для его бедных детей. А что касается их покойной матери, то она, так часто призывавшая своего мужа снова жениться, одобрила бы сие решение тем паче, что с небес проницает сердца оставленного супруга и осиротевших детей. И в этих сердцах память о ней остается столь же прочной, как и о нас в сердцах наших друзей.

Прошу засвидетельствовать вашему батюшке мое безграничное почтение, и от меня и моей супруги сердечно обнимайте веселого вашего братца Воло. Мы вместе прижимаем вас обоих к груди. Ваш навеки искренне вас любящий

друг Зейдель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 65–66 об. Нем. яз.

[1] Кельц, московский хирург, сведений о нем не найдено.

[2] Речь идет о Н.Н. Леонтьеве.

Москва, 19 апреля 1810 года

От всей души желал бы я, чтобы причиной вашего письма ко мне не послужило нездоровье доброй вашей превосходной матушки. Да возвратит ей небо поскорей здоровье. А вы, милый Павел, не престанете – о чем слышу с сердечным участием – способствовать тому, чтобы продолжительные огорчения ваших родителей превратились в постоянные утешение и радость. Вы все более будете чувствовать, что́ с давних пор было для них первой заботой и каким всегда оставалось их горячее желание. Все дары вы получили от того же создателя в нас сего сочувствия, дабы доказывать поступками, такими как каждодневная ваша молитва об отце и матери, что счастье их обоих лежит в основании вашего счастья, вашего сердца, вашей совести. Нынешние ваши усилия принесут вам изобильный плод. Теперь же, пожалуй, время экзамена приспевает. Мне весьма не терпится узнать от вас об успехах и подробностях оных, но так, чтобы это не отняло у вас времени, наполненного делами.

Александр с охотой бы вам сегодня написал, да только праздники и для него дни развлечений. Этот второй праздничный день он снова проведет у Бутурлиных, а потому спешил окончить письмо к матушке.

Жена моя хотя и может выезжать, но, несмотря на то, еще не выздоровела. Впрочем, хромота ее почти незаметна. Совсем успокоюсь лишь тогда, когда рана полностью заживет. Рассчитывать на это приходится не так скоро.

Коли увидите Нарышкиных, кланяйтесь им от меня.

Супруга моя сердечно благодарит вас за добрые пожелания, как и я снова благодарю столь же искренне. Есмь и пребуду

искренне вас любящий друг

Зейдель

Господин Джексон также дружески вам кланяется.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 57–58 об. Нем. яз.
Адресовано «Господину Павлу Пестелю».

Москва, 21 апреля 1810 года

Милый друг, сердечно благодарю за любезное ваше письмо от 14 числа. Но оно бы меня еще более порадовало, ежели б я получил более радостные известия о здравии вашей доброй матушки. Боже милостивый! Да пребудет она вскоре, раз того заслуживает, в счастье и радости по совершенном выздоровлении! Таково ежедневное желание моей души. Исполнение оного ожидаем от милости Всевышнего и, как вы сами, любезный Павел, говорите, во всем вверяемся Ему. Поздравляю вас с предстоящим поступлением в Пажеский корпус и притом повторяю мою просьбу побольше о сем писать: о распределении ваших уроков, распорядке дня, – как скоро будет время на таковое подробное сообщение. Вы спрашиваете меня, осведомлены ли доктор Краузе и прочие дрезденские ученые в политических науках, или только в камеральных?

Первый собирается издать сочинение, которое познакомит свет с его политическими воззрениями, и, несомненно, всякий, кто собирается изучать искусство править, почерпнет в нем некоторые достойные внимания идеи. То, что им изучено устройство важнейших государств, взаимные интересы оных и прочая, доказал доктор Краузе как в публичных, так и в приватных лекциях о статистике. В последней сей гениальный муж наставлял также вас и вашего брата.

О том, что доктор Буркхард сведущий в сих науках человек, помимо того что вы часто о том слышали, скажет вам также доктор и статский советник Штоффреген в Пе-

тербурге. Доктор Диппольд[1] работает над новой историей, отрывки которой появятся в литературной газете. Этот человек имеет глубокие познания и заслуживает уважения каждого государственного мужа.

Нынче в Германии молодые люди обыкновенно изучают политические науки в университетах и начинают их не раньше, чем на третий год учения, иногда на второй. До тех пор юноши должны иметь готовые познания в древних языках, вкупе с некоторыми другими. Когда вы будете в Пажеском корпусе, еще раз прошу вас сообщать мне расписание уроков в институте, а именно для всех классов. Моя жена дружески вам кланяется и благодарит вас за то, что о ней помните. А я обнимаю моего любезного Павла. Искренне любящий его друг Зейдель.

Прошу вас кланяться от нас обоих также любезному нашему Воло.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 67–69. Нем. яз.
Адресовано «Моему другу Павлу Пестелю».

[1] Возможно, доктор Диппольд Ханс Карл (ум. в сентябре 1811), на момент смерти – профессор истории в Данциге. Немецкий патриот, автор книг: Leben Kaiser Carls des Grossen von Hans Carl Dippold. 1810; Seiner wohlgeborenen, Herrn Hans Carl Dippold... Am Tage seiner Einfuehrung zum oeffentlichen ordentlichen Professor am akademischen Gymnasium zu Danzig. 1810; H. C. Dippold's und F. A. Kaithe's historisches Archiv, 1811; Skizzen der Allgemeinen Geschichte: Vorlezungen gehalten in Danzig im Winter 1811 von D. Hans Karl Dippold. Berlin, 1812, и др. Книга Диппольда о Карле Великом переиздается по сей день.

Москва, 19 июня [1810]*

Ничем, воистину любезнейший друг, вы не могли бы меня более приятно удивить, нежели последним своим письмом. Оное не только содержало весьма любопытные для меня подробности о П[ажеском] корпусе, но и утешило меня тем, что болезнь ваша, если и не миновала совершенно, но и не настолько серьезна, как по прибытии вашем в Санкт-Петербург. Душевно за то благодарю, равно как и за участие, которое имеете вы в Софии, Лизыньке и во мне. Вы должны сами почувствовать, что среди всех ваших друзей ни в ком более, чем во мне, не находит больший отклик все до вас касающееся. С немалой радостью прочел я известия об экзамене, славно вами выдержанном. Сие оправдывает самые прекрасные ожидания, которые исполнит прилежный, горячо любящий своих родителей и свое отечество Павел, и, вдохновленный сим примером, от него, несомненно, не отстанет и Воло. Тем самым готовитесь вы к наиболее верному и прекраснейшему препровождению жизни. Похвала сердца поистине является сладчайшей наградой. Ныне, после всего вами мне написанного, вы находитесь в превосходном институте, да к тому ж в том классе, где юноши вашего возраста изучают предметы, преподаваемые за границей лишь в немногих лучших гимназиях, а по преимуществу – в университетах. Причем в качестве непременного условия следует отдать преимущество изучению древних языков. Я и вправду сожалею, что теперь у вас, верно, нет времени для латинского языка. И мне не понятно, почему в императорском институте на него смотрят как на досужее занятие солдат, из которых в наши дни так часто выходят государственные мужи. Сколь много исключительно толковых людей признается в своих сожалениях, что в юности они либо не имели случая к изучению древних языков, либо упустили таковой. Вы сами то слышали, и сие позволяет мне надеяться, что, коли время вам позволит, вы

* Датировано по упоминанию дня рождения П.И. Пестеля и его поступления в Пажеский корпус.

прочтете Ливия, Тацита, да еще и в оригинале. Мое сердце бьется сильней всякий раз при мысли о том, что мой друг Павел выбрал себе великий образец, которому усердно подражает и, быть может, однажды всерьез поможет своей стране получить удовлетворение за все оскорбления Юга. И не только это: содействуя просвещению оной, сделает ее более не зависимой от заграницы и более счастливой в своих пределах. Вот настоящий патриотизм! Бог знает, какое будет мое предназначение и куда оно меня позовет, однако при всех обстоятельствах неизменным останется мое желание, чтобы вы были счастливы, а я получил от вас письмо, в котором вы изольете душу своему старому другу, и чтобы вы не откладывали сие на ту пору, когда вследствие напряжения сил болеете. Ах! милый, добрый Павел, особенно старайтесь беречь свое здоровье. Без оного человек со всеми благими намерениями слаб духом. Я бросаю печальные взоры на будущее, сравнивая нынешнее время и прошлое. Мой опыт научил меня ценить высшее благо. Быть может, каждый раз жалуясь, я умалчиваю о том, когда по настоящему установится лето. Однако вам следует теперь подумывать, чтобы заменить старый календарь новым, где, например, июнь займет место апреля или октября. Возможно, следовало бы ввести пятое время года, в котором перемешались бы четыре прочих, как ныне. Я в самом деле боюсь за матушку. Хотя она привыкла к климату, но здоровье ее слишком ослабло, чтобы не страдать от этой погоды, особенно в ее состоянии. Дай Бог, чтобы мы с ними вскоре свиделись: с вашей превосходной матушкой, дабы приехала к нам в добром здравии, и я наконец – с вашим несравненно добрым батюшкой. Кланяйтесь ему от меня. Любезная моя супруга просит о том же. Лизынька говорит вам по-русски: *люблю*; по-немецки: Iedeldel, по-французски: bai – bai – bai, из чего вы видите, что она гораздо более преуспела в изучении первого языка, нежели двух последних. Впрочем, она сильно кусается и хохочет, но на ногах стоит еще невердо.

Сердечно обнимайте милого моего Воло, также от имени Софии и младшеньких.

Также и Борис дружески кланяется своему брату Александру. Теперь, милый Павел, завершаю я письмо просьбой сказать вашему батюшке, что я с супругой моей ничего так сильно не желаю, как иметь возможность лично поздравить его с наступающим днем ангела. А это напоминает нам и о вашем, любезнейший друг, дне рождения.

Несомненно, в этот торжественный для вас день вы станете думать о Дрездене и о нас и силой воображения вашего представите нас рядом с собой. По случаю нового, 18-го, года жизни от всей души желаю вам счастья, веселого настроения, здоровья, настойчивости на славно начатом поприще, и продолжайте меня помнить. С сими адресованными вам банальностями обнимают вас София и искренний ваш друг Зейдель.

Ежели матушка ваша еще с вами, прошу от нашего имени поздравить ее с обоими праздниками и передать ей пожелания скорой и благополучной поездки без всяких происшествий.

У Александра нынче день, не удачный для сочинения писем. Как раз когда он собрался вывести преизящные буквы, копируя черновик, не удались слова. Придется вам потерпеть до следующего раза.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 83–86 об. Нем. яз.
Адресовано «Любезному моему другу Павлу Пестелю».

Москва, 5 марта 1811 года

Любезный друг!

Сегодня – позднее, чем полагал я при отправлении моего последнего письма, – присовокупляю несколько строк для вас чрез достопочтенного господина д'Изарна.

Если бы я мог хоть на мгновение оказаться на его месте, чтобы, сердечно обнимая вас, сказать, что я чувствую при известии о ваших любезных родителях. Сколь вознаграждены прошлые заботы вашим прилежанием, сколь благодарен я вам за то, что вы держите мужеское слово. Порой я говаривал вам: когда мой друг Павел станет старше, он, оглядываясь на прошедшее, еще сильнее почувствует, насколько мое сердце занято его счастием. Вы это чувствуете, вы желаете мне того же! Итак, смело вперед, и к вам не нужно более взывать – это старая привычка бывшего ментора, которую вы по тому толкуете, как он ее выражает.

Сдается, что ваш батюшка не едет назад в Сибирь. Это меня радует, хотя по сей причине я еще долго буду лишен счастья снова с ним увидеться. Какие изменения вы в нас найдете! Я постарел по меньшей мере на десяток лет. Это бы еще ничего. Но я также приобрел больше печального опыта. На все воля Всевышнего. Кто полагает, что все к лучшему, обретет утешение, которое не всегда можно в равной степени испытать.

Супруга моя сестрински уверяет вас, что всегда о вас помнит. И я, и она обнимаем вас.

До скончания жизни искренне и нежно любящий

друг Зейдель.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 71–72 об. Нем. яз.
Адресовано «Государю моему господину Павлу Пестелю».

Москва, 22 мая [1811]*

Мой нежно любимый Павел, с тем же воистину неизменным участием, с которым поздравлял вас с выздоровлением, ныне также прошу прочесть приложенные строки чудесной вашей матушке и известить меня о ней, равно как и о батюшке вашем, имевшем столь много забот. Ежели б сии известия оказались настолько утешительны для нас, насколько желаю я вам всем вместе и каждому особливо счастья и здравия. Как поживает бедный Борис? Ему тоже сильно неможется? Каково здоровье Александра, малышки Софьи, и как там мой милый Воло?

С радостью присовокупил бы к сему еще несколько строк, но мало времени. Отсылаю вас к своему ответу на ваше письмо. Таковые здесь сызнова присылать просим. Обнимаю вас с искренним желанием провести это лето, по крайней мере – отчасти, у вас в Санкт-Петербурге. Коли вы меня так же неизменно любите, как я вас, то каждое мгновение, потраченное на меня, станет той жертвой, которая для вас столь же легка, сколь для меня драгоценна.

Воистину вас искренне любящий

друг Зейдель.

Как радует меня мысль, что вы, милый, милый Павел, становитесь все большей радостью и утешением чудесного вашего батюшки. Ваш пример, несомненно, все более будет поощрять ваших братьев. Кланяйтесь им тысячекратно от меня. Не переставайте повторять батюшке то, что можете сказать мне: никто после семьи не привязан к вам более, нежели бывший ваш ментор.

Уповаю, что матушка, при скверной почте, получила мои последние письма и переписанный для Александра «Отче наш».

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 69–70 об. Нем. яз.
Адресовано «Государю моему господину Павлу Пестелю».

* Датируется по упоминанию «малышки Софьи». С.И. Пестель родилась 15 июля 1810.

Письмо Якова Щировского[1] П.И. Пестелю, 7 апреля 1813 г.

Христос воскресе!
Милостивый государь

Павел Иванович!

Почтеннейшее письмо ваше, ознаменовавшее истинное ко мне благорасположение ваше, милостивый государь, я имел честь получить. Жалея искренно, что здравие ваше по сие время не приведено в надлежащее совершенство. Надобно надеяться, что употребляемые вами теперь средства, о коих вы мне, милостивый государь, упомянули, и теплая погода восстановят оное в надлежащий вид. Наступаете ли вы ею довольно твердо? Не чувствуете ли некоторой боли в кости, против коей была рана? Желательно бы знать подробно отделившуюся частичку кости? Тонка ли она наподобие блящечки, или толста? Бела ли, или черновата? Впрочем, я по истине вам скажу, что из сего не надобно вам выводить дальних заключений. Ваши лета лучшим могут быть помогающим средством к излечению.

27-го сего апреля я имел честь писать к достопочтеннейшему вашему батюшке по предмету занятия мною при нем должности. Не зная, как сие будет принято. Я имел предположением то, что к душе великой, на благоразумии основывающейся, откровенности вход в свое время не возбраняется. Просил Константина Афанасьевича[2] об уведомлении меня, когда намерен принять путь его высокопревосходительство Иван Борисович во вверенный его управлению край? Надолго ли? Один ли? и т. д. Я очень рад, что Яков Васильевич Виллие[3] получил награждение орденом Св. Анны 1-ой степени. Сим, может быть, много доставлено будет пользы обществу.

Воспоминание обо мне г[осподи]на Самбурского[4] есть знак его чувствительной и благородной души. Мои услуги ему были весьма малы и кратки. Есть ли вам, милостивый государь Павел Иванович, не будет в тягость, то прошу вас усерднейше засвидетельствовать от меня ему почтение и пожелать совершенного здоровья и славы. Первое – необходимость, а вторая принадлежность воина. Должно надеяться, что его ревматизм не будет продолжителен. Теперь идет к лучшему времени, а между тем нога укрепится. Читая иногда в Калуге книжки под названием «Сына Отечества», «Русского вестника» и «Русского Инвалида», я всегда, кроме прочего времени, вспоминаю об вас. Вы, милостивый государь, унесли с собою из Калуги лучшее для меня удовольствие – но я за сие не могу негодовать. Сия ваша принадлежность есть дань от вас вашему достопочтеннейшему семейству.

Позвольте мне повторить здесь уверение в чувствованиях отличного моего к вам почитания и совершенной преданности, с коими я всегда имею честь быть

вашим,
милостивый государь!
Покорнейшим слугою
Яков Щировский

В 7 апр[еля] 1813 года
Калуга

Милостивым государям братцам вашим Борису Ивановичу, Владимиру Ивановичу и Александру Ивановичу прошу вас принять труд засвидетельствовать мое истинное почтение, при выражении сих слов Christus resurvexit![*]

Находящееся при сем письмо прошу покорнейше вручить ее высокопревосходительству матушке вашей Елисавете Ивановне.

Ф. 48. Оп. 1. Д. 478. Л. 40–41 об. Русский яз.

---

[*] «Христос Воскрес!» (латынь).

[1] Я. Щировский (см.) – доктор, лечивший П.И. Пестеля после ранения при Бородино.

[2] По-видимому, имеется в виду К.А. Случевский.

[3] Виллие Яков Васильевич (1765–1854), баронет, уроженец Шотландии, медик, в России с 1790, с 1799 лейб-хирург, в 1809–1838 президент Медико-хирургической академии, сопровождал Александра I во всех поездках, крупный военно-санитарный администратор, участник всех основных военных походов, автор ряда трудов по медицине, внес большой вклад в развитие медицинского образования в России.

[4] Самбурский Аким Петрович, капитан л.-гв. Литовского полка (см.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов А.И. – 142, 144
Адам А. – 84, 85
Адам Г.А. – 85
Адам Е.А. – 85
Адам Е.Р. – 85
Адлерберг В.(Э.)Ф. – 58, 66, 67, 153
Адлерберг М.В., см. Нелидова М.В.
Азиатцев Д.Б. – 183
Акиньшин А.Н. – 202, 241, 274
Александр I – 12, 17, 53–55, 65, 67, 69, 74, 75, 77, 78, 81, 84, 88, 95, 96, 100–103, 105, 106, 110–112, 114, 117–119, 121–123, 128, 134, 136–139, 142, 143, 145, 146, 148, 153–155, 157, 161, 163, 165–169, 171, 172, 174–180, 183–188, 191, 194, 199, 201, 204, 207, 214–220, 222, 223, 225, 231–234, 236, 243, 248, 253–255, 257, 270, 271, 277, 286, 288, 292, 294, 298, 299, 303, 304, 305, 307, 308, 312, 319, 322, 324, 326–328, 330, 332, 334, 338, 343–347, 354, 356, 359, 361, 364, 365, 369, 370, 371, 375–377, 388, 403, 414
Александр II – 58, 162
Александра Федоровна, вел. кн., императрица – 92, 111, 151, 153, 162, 322, 323
Алексеев – 276, 277
Алексеев, шулер – 346
Алексеев И.А. – 346
Алексей, сын управляющего – 370–372
Аллер С.И. – 257
Альбединский П.П. – 278, 279, 371
Альбединский П.Р. – 166, 267, 268, 278, 279, 281, 310, 370, 371, 389
Альберт фон Я.(А.)И. – 15, 51, 52, 128
Альбрехт А.И. – 53, 82, 91, 162
Альбрехт И.К. – 52, 53, 82, 91, 92, 130, 162
Альбрехт К.И. – 53, 82, 91, 162
Альбрехты – 162
Альтшулер – 158
Андре, пастор – 227, 229, 231
Андржейкович И.Ф. – 69
Анна Павловна, королева Нидерландов – 322, 323
Аракчеев А.А. – 16, 81, 65–67, 69, 71, 72, 74–76, 78–82, 84, 85, 87, 105, 113–115, 126, 127, 141, 147, 148, 157, 161, 172, 196, 197, 208, 229, 233, 234, 238, 243, 253, 255, 272, 299, 303, 304, 312, 328, 332, 334, 338, 343, 345, 375–377
Аракчеев П.А. – 71, 72, 74
Арина Ильинишна – 72
Арпс-Гофен Е.(Г.)К. – 174, 184, 185, 381
Арсеньев – 397
Арсеньева – 396
Ассиер (Ассьер) А.М. – 284
Ахвердов Н.И. – 153
Ашарков Д. – 302
Ашарков П. – 302

Багратион Н.К., в замужестве Альбединская – 166, 268, 279, 370, 371
Багратион П.И. – 61, 62, 71, 72, 74, 104, 336
Байков И.И. – 312, 313
Балашов А.Д. – 53, 54, 177–179, 272, 273, 274
Барклай де Толли М.Б. – 62, 76, 78, 83–85, 98, 101, 110, 113, 121–123, 168, 169, 229, 335, 336
Бартенев П.И. – 9
Барятинская – 339
Барятинская А.А. – 343
Барятинская В.И. – 343
Барятинская Е.И. – 343
Барятинский А.П. – 8, 305, 307, 308, 317, 332, 343
Басаргин Н.В. – 212, 281, 286
Баташев – 38
Баташева А. – 38
Бегичев И.М. – 106, 107
Бедряга И.И. – 116
Безбородко А.И., урожд. Ширай (Ширяева) – 309, 311
Безбородко И.А. – 311
Белосельская-Белозерская А.Г., урожд. Козицкая – 161, 197, 199, 207, 241, 293, 339, 343
Беннигсен Л.Л. – 69, 76, 89, 92, 96, 97, 99, 129, 161, 168, 169, 187
Берюер – 117, 118
Бессанж – 223
Бетанкур А.А. – 155, 158, 254, 257, 302, 303
Бехтьева Е.Д., см. Власьева Е.Д.
Бибиков Д.Г. – 307, 335, 362, 365
Биллингс (Billings) Е.Б. – 34, 44, 385, 386
Биллингс Б. – 34, 35, 384, 385, 387, 388, 404
Биллингс Дж. (И.И.) – 34, 35, 385
Биль – 170, 171, 175
Бистром К., урожд. фон Бараноф – 217–219, 226, 231, 233
Бистром фон Филипп О. – 217, 218
Бистром Фридрих – 217
Блюхер фон Г.-Л. – 131, 132

Бовильe (Beauvilliers) А. – 185, 186
Бонапарт, см. Наполеон Бонапарт
Бороздин – 33
Бороздины – 12, 287
Брейткопф (Brietkopf) А.Ф. (А.И.) – 91, 92, 211
Брейткопф Б.-Т. – 92
Брин (Бринен) фон В.Ф. – 49
Брин (Бринен) фон С.Ф. – 13, 49, 204, 205, 206, 229, 256, 264, 266, 308
Брин (Бринен) фон Ф.А. – 13, 49, 204, 229, 256, 288, 289, 308, 314, 315, 319, 322, 357, 358, 376
Брин фон Е.Б., урожд. Пестель – 13, 49, 204
Булгаков А.Я. – 15, 29, 171, 172, 249
Булгаков К.Я. – 15, 29, 54, 171, 172, 249, 279, 297, 307, 325, 354, 356
Булгаков Я.И. – 356, 307
Булдаков М.М. – 299, 300
Буонапарте, см. Наполеон Бонапарт
Буркхардт (Burckhardt) – 407, 409
Бурцов И.Г. – 186, 187, 191, 198, 210–212
Бутурлин Д.П. – 76, 77
Бутурлины – 12, 287, 409
Бухтеев – 237, 238

Вагнер – 264, 266, 267, 273
Валевская И. (Е.А.), в замужестве Гагарина – 208–212, 217, 218, 223, 226, 227, 233, 234, 264, 266
Валевский А. – 234, 235
Васенко П.П. – 10, 240
Василий, лакей – 252, 253, 370
Василий, повар – 309
Василий, художник – 278
Василий Кирилыч – 314
Васильчиков И.(Л.)В. – 196, 197, 203, 233, 235, 343, 345, 346, 371
Вацдорф (Watzdorf), фон К.-Ф.-Л. – 398, 399
Велио И. – 140
Велио С.И., урожд. Северина – 140, 148, 162
Веллингтон А.-У. – 131
Верани – 279
Взметнев – 95
Вейгель К.Х.-Л. – 359, 360, 362
Вигилев А.Н. – 12
Виельгорский И.М. – 17
Виллерс – 180, 181, 191, 283
Виллие Я.В. – 413, 414
Вильгельм Оранский – 323, 354
Вильгельм Прусский, принц (позднее Вильгельм I) – 153
Витгенштейн А.-Л. – 118
Витгенштейн А.П. – 325
Витгенштейн А.С., урожд. Снарская – 24, 89, 92, 120–122, 149–151, 154, 158, 163, 165, 166, 169, 172, 181, 186, 187, 191, 200, 217, 241, 245, 267, 270, 273, 281, 284, 290, 320–322, 324, 347, 354, 380
Витгенштейн Ал.П. – 146, 324, 325
Витгенштейн Гавр.П. – 273, 274
Витгенштейн Георгий П. – 146, 170, 171, 175, 221
Витгенштейн Л.П. – 146, 163, 164, 175,177–179, 231, 233, 242, 248, 249, 380
Витгенштейн П.Х. – 7, 17, 82–84, 86–89, 92, 94, 95, 98, 100–102, 104, 106–109, 113–116, 118–130, 135–138, 141–146, 151, 155, 160–164, 167–169, 171, 172, 175, 177, 178, 181, 184, 186–188, 190, 191, 194–196, 198, 199, 206–212, 217, 220–222, 236, 241, 244, 247, 249, 254, 255, 274, 275, 285, 288, 290, 312, 320–322, 324, 325, 334, 338, 339
Витгенштейн С.П. – 146, 163, 164, 175, 178, 179
Витгенштейн Э.П., в замужестве Трубецкая – 160, 273, 274
Витгенштейны – 146, 178, 179, 273, 274, 324
Витт И., урожд. Любомирская, в первом браке Валевская – 233–235
Витт И.О. – 182, 195–198, 200, 202, 206, 208–212, 215, 233, 234, 266
Витт Изабелла, см. Валевская И.
Власьев И. – 56, 283, 324, 326
Власьева А.И., в замужестве Поливанова – 61, 62, 91, 92, 108, 109, 111, 283, 293–295, 310, 323, 324, 326, 331, 334, 340, 341
Власьева Е.Д., урожд. Бехтьева – 11, 56, 59, 61–64, 79, 81, 82, 84, 87, 89, 91, 92, 103, 109, 111, 119, 120, 126, 128, 137–139, 143, 147, 148, 169, 175, 193, 196, 199, 207, 252, 256, 258, 259, 263, 266, 272, 273, 276–278, 282, 284, 287, 291–295, 302, 310, 318, 319, 321, 323, 324, 326–330, 334, 340, 342, 365
Волконская С.Г., урожд. Волконская – 140, 141
Волконский Г.С. – 302, 303
Волконский П.М. – 119, 120, 141, 186, 188, 201, 202, 225, 236, 271, 272, 327, 356
Волконский С.Г. – 33, 85, 94, 141, 303
Воронцов М.С. – 82, 83, 86, 88, 105, 216, 346, 356
Воронцовы – 12, 287
Всеволожский Н.С. – 219
Вюртембергская Мария, герцогиня Саксен-Кобургская – 92
Вюртембергская Мария-Антуанетта – 89, 92, 137, 138

Вюртембергский Александр, герцог – 92, 138, 160, 254, 304
Вюртембергский Вильгельм, принц – 180
Вюртембергский Евгений, принц – 122
Вюртембергский Фридрих Вильгельм Александр, принц – 137, 180, 304
Вюртембергский Фридрих Константин Эбергард, принц – 137
Вюртембергский Эрнст Константин, принц – 137
Вяземский П.А. – 32, 33

Гавинье Н. (И.) И. – 397
Гагарин С.С. – 264, 266
Гагарина И. (Е.А.), см. Валевская И.
Гарновский – 161
Гегель Г.-В.-Ф. – 407
Генрих IV – 195
Георгий Ольденбургский, принц – 107, 180, 197
Герман – 61, 62, 187
Герман А.И. – 62, 69, 75
Герман И.Г. – 62
Герман К.Ф. – 12, 62
Германны (Германы) – 61, 62
Герхардт – 66, 67
Герцог Ф.И. – 170, 171, 304, 305, 307, 320
Гиделла – 279
Гиштудт – 159
Глазенап А.Г. – 63
Глазенап Г.И. – 63, 166, 178, 196, 237
Гласио – 141, 142
Глинка Ф.Н. – 142, 143
Гогель И.Г. – 55–57, 73, 117
Годениус – 170, 171, 175
Голенищев-Кутузов М.И. – 68, 69, 79, 80, 83, 88, 246, 309, 336, 356
Голенищев-Кутузов П.В. – 101, 102, 249, 288
Голицын А.Н. – 105, 142, 144, 229, 243, 252, 303
Голицын Д.В. – 168, 169, 174, 201, 214, 363
Голицына С.Б., см. Полторацкая С.Б.
Головин – 249, 261
Головкина – 146
Головнин А.В. – 297
Горголи И.С. – 324, 325
Горголи С.И., в замужестве Витгенштейн – 324, 325
Горленко П.И. – 198, 199, 200
Горох, крестьянин – 312
Горчаков А.И. – 61, 62, 99, 114, 119, 121, 126–128, 134, 155, 156, 261, 319
Горямыкина – 364
Готовский С.О. – 345, 346
Готовцов, см. Готовский
Греч Н.И. – 16, 56
Грибауер – 138
Грибоедов А.С. – 110, 197
Грибоедов А.Ф. – 197
Грибоедова Е.А., в замужестве Паскевич – 197
Григорий, камердинер – 171
Григорий, слуга – 83
Григорий, столяр – 361
Гурко В.Д., см. Полторацкая В.Д.
Гурко Л.И. – 181, 182
Гурьев А.Д. – 322, 323
Гурьев Д.А. – 95, 104, 105, 112, 113, 117, 118, 121, 122, 140, 141, 158, 162, 163, 229, 243, 275, 276, 322, 323, 345
Гурьев Н.Д. – 103, 104, 106, 112, 117, 121, 162
Гурьева Е.Д., в замужестве Сверчкова – 140, 141, 162
Гурьева М.Д., см. Нессельроде М.Д.
Гуссейн-Хан – 95

Давыдов Д.В. – 9
Давыдова Е.Е. – 172
Дадиани Л.А. – 208
Дадиани М.Д., урожд. Нарышкина – 207, 208
Делагард А.О.(И.) (О.-М.-Б.-Ш.-П. де Лагард) – 71, 72
Демидова А.П. – 174
Депрерадович Н.И. – 80, 81, 122, 123, 126–128, 130–132, 140, 203, 204, 207, 220, 250, 381
Депрерадович, госпожа – 207, 250
Дерош (Déroche) – 28, 29, 31, 397
Джексон – 67, 79, 137, 200, 409
Дибич И.И. – 95, 187, 188, 220, 242, 249, 271, 272, 274, 304, 308
Диппольд (Dippold) Х.-К. – 410
Дитц фон А., см. Крок фон А.
Добель П.В. – 142, 143
Добреев – 116
Довре Ф.Ф. – 117
Долбилов М.Д. – 202, 241, 274
Долгорукая – 132
Долгорукая М.Д., урожд. Салтыкова – 125, 133–135
Долгорукие – 12, 287
Долгорукий В.В. – 83, 84, 86
Долгорукий И.А. – 196, 197
Долгорукий Н.А. – 125, 130–135
Донауров М.И. – 155, 156
Дорохов И.С. – 118
Драницын Д.М. – 244
Дрезеке (Dr seke) И.-Г.-Б. – 313, 314, 318, 352, 355, 356, 366, 369, 375
Дримпельман Э.-В. – 10
Друцкая-Соколинская М.Н., урожд. Каховская – 284
Друцкие-Соколинские – 284

Друцкой-Соколинский И.А. – 284
Дубровин Н. – 13, 16, 144, 183, 229, 270
Дурасов – 309, 311
Дурасов Ф.А. – 311, 312

Евстратий, аптекарь – 69, 70
Екатерина II – 9, 176, 357
Екатерина Павловна, вел. кн. – 48, 179, 180
Елизавета Алексеевна, императрица – 18, 52, 53, 57, 74, 89, 160, 172, 231, 377, 407
Ермолов А.П. – 16, 144, 183, 220, 346
Ефимович – 337, 341
Ефимович А.А. – 337
Ефимович М. – 337

Желтухин П.Ф. – 207
Желтухин С.Ф. – 187, 207
Жемчужников А.Н. – 82, 158
Жемчужников А.С. – 81, 82, 87
Жемчужников Л.И. – 82
Жемчужников М.Н. – 82
Жилинский А.О. – 60
Жилинский К.О. – 59, 60
Жомини А.-А. – 184, 185
Жуковский С. – 186, 187, 191

Завадовский А.П. – 109, 110
Загорский – 144
Загряжская Е.П., в замужестве Пестель – 288, 289
Загряжский – 207
Загряжский П.И. – 289
Зайончковский П.А. – 356, 407
Закревский – 279
Закревский А.А. – 13, 16, 144, 183, 211–213, 216–220, 222–225, 229, 231, 236, 269, 270, 297, 356
Заугенбек – 322, 323, 329–331, 333, 336, 353, 356, 358
Захаров Н. – 59, 60
Зейдель (Seydel) А.Е. – 7, 11, 16, 17, 19, 20, 34–43, 46, 47, 50, 173, 179, 182, 185–187, 191, 192, 200, 201, 362, 384–387, 390, 395, 401–412
Зейдель Е.А. – 403, 406–408, 411
Зейдель С. – 403, 404, 406–412
Зейфман Н.В. – 200
Зыбин – 244, 246

Иван, слуга – 261, 264, 281, 284, 300, 324
Иванов – 191–194
Игнатьев Д.Л. – 178, 179, 182, 191, 196
Изарн д' Ф.-Ж. Вильфор – 29, 72, 74, 397, 411
Илличевский Д.В. – 157
Ильин П.В. – 118
Ильинский Н.С. – 9
Илья, слуга – 171
Ипат, слуга – 277

Каблуков В.И. – 174, 184, 185, 380
Каверин П.Н. – 78, 79
Кайзерлинг – 241, 242
Кайсаров П.С. – 86–88, 95, 96
Калинин Н.И. – 53–55, 116, 117, 129
Каменский Н.М. – 336, 356
Кампенгаузен Б.Б. – 105, 229, 243, 276
Кандалинцева Л.Ф., см. Яхонтова Л.Ф.
Канкрин Е.Ф. – 137, 144, 165, 166, 178, 273, 274, 279, 292, 295, 296, 298, 299, 303–305, 308, 312, 319, 334, 336, 337, 343, 345, 347, 364, 365, 369, 375
Канкрина Е.З., урожд. Муравьева – 137, 166
Капелюш Б.Н. – 85
Каподистрия И.А. – 227, 228, 229, 254, 257
Капцевич – 237, 238
Капцевич П.М. – 196, 197, 201, 237, 238, 257, 304, 307
Караш Н.Ф. – 85
Карл X (французский) – 15, 318, 321, 327
Карл XII (шведский) – 64
Карл Фридрих, великий герцог Саксен-Веймарский – 323, 399
Карнович – 218
Каролина Федоровна, экономка – 283, 323, 326, 327, 330–332, 334, 340, 344, 365
Каспрович Э.Л. – 16, 56
Каховская М.Н., см. Друцкая-Соколинская М.Н.
Келлер фон Д.-Л.-К. – 118
Келлер фон Ф.Ф. – 117, 118
Кельц – 408
Кербер – 223, 224
Кикин П.(В.)А. – 292, 294
Кильвейн (Кюльвейн, Кюхвейн) – 129, 132, 134–137
Кирилов В.К. – 300
Киселев Д.И. – 204
Киселев П.Д. – 7, 8, 10, 176, 182, 184–188, 191, 194, 198, 200, 202, 204, 206, 208, 210, 212, 218–220, 225, 229, 232, 233, 236, 240, 241, 244, 258, 269–271, 274, 275, 279–281, 284–286, 297, 320, 338, 342, 354, 356
Киселева С.С., урожд. Потоцкая – 182, 218, 219
Кислицына Е.Г. – 307
Киянская О.И. – 12, 18, 183
Кладищев П.А. – 318
Клаудиус (Claudius) М. – 394
Клейн – 215, 216
Клингер фон Ф.-М. (Ф.И.) – 55, 56, 65
Ключарев А.Ф. – 174
Ключарев И.Ф. – 174
Ключарев Ф.П. – 174, 200
Ключарева А.Ф., см. Трескина А.Ф.
Кляйн – 124, 125

Кнорринг А.Д., урожд. Нарышкина, во втором браке Фош – 207, 208
Кнорринг К.Б. – 208
Кожевников В.Л. – 286
Кожевников М.Л. – 286
Козицкая А.Г., см. Белосельская-Белозерская А.Г.
Козлянинова – 146
Козлянинова Е.Н., в замужестве Львова – 146
Козодавлев О.П. – 13, 16, 159, 201
Койленский И.С. – 76–78, 113
Колечицкая А.И., урожд. Лыкошина – 15, 16, 316, 318
Колечицкий П.П. – 316, 318
Колиновские – 234
Колль – 212, 218
Кологривов – 212
Кологривов А.С. – 94
Колокольцева Е.Ф., см. Муравьева Е.Ф.
Колосов И.П. – 172
Кольб – 264
Комаровская – 78
Комаровский Е.Ф. – 72, 74, 78
Константин Павлович, вел. кн. – 67, 84, 85, 96, 105, 129, 131, 166, 348, 369
Кочубей Ал.В. – 107
Кочубей Ар.В. – 107
Кочубей В.П. – 53, 54, 105–107, 112, 113, 170, 171, 229, 243, 257, 275, 276
Кочубей Вас.В. (мл.) – 106, 107
Кочубей Вас.В. (ст.) – 107
Кочубей Д.В. – 107, 196, 197
Кочубей М.В., урожд. Васильчикова – 170, 171
Краевский Р. – 314, 349
Краснокутский С.Г. – 191, 192
Краузе (Krause) К.-Х.-Ф. – 407, 409
Крестнев (Крестников Н.В.) – 192
Кривцова Е.Н., см. Репнина-Волконская Е.Н.
Криденер Ф.Х. – 210, 211
Крок А.-Е., см. Пестель А.-Е.
Крок Д.К. – 160
Крок К.И. – 159, 160
Крок С.И., см. Леонтьева С.И.
Крок Ф.И. – 63, 159, 160
Крок фон А. (Krook, Kroock), урожденная фон Дитц – 7, 11, 15, 16, 20, 28, 34–36, 39–42, 50, 88, 91, 92, 103, 112, 116, 160, 170, 171, 317, 318, 323–325, 327, 330, 337, 349, 352, 357–359, 362, 386–399, 400
Крок фон, «кузен» – 94, 95
Кромин П.Е. – 225, 227, 232, 240, 241
Круглый А.О. – 9, 14
Крюденер (Криденер) де, В.-Ю., урожд. фон Фитингоф – 164, 165, 219
Кузьмин Ю.А. – 346
Кук Дж. – 35
Куницын А.П. – 183, 277
Куракин А.Б. – 328
Кутайсов П.И. – 167, 169, 207
Кутайсова – 196, 198, 205, 207
Кутайсова П.П., урожд. Лопухина – 167
Кутузова – 207
Кутузова Е.И., урожд. Бибикова – 304, 307
Кушелева-Безбородко А., см. Репнина-Волконская А.Н.

Лавали – 339
Лаваль А.Г., урожд. Козицкая – 343
Лаваль А.И., в замужестве Коссаковская – 343
Лаваль В.И. – 346
Лаваль Е.И., см. Трубецкая Е.И. – 343
Лаваль З.И., в замужестве Лебцельтерн – 343
Лаваль И.С. – 343, 346
Лаваль С.И., в замужестве Борх – 343
Лавинский А.С. – 257
Лавров Н.И. – 75, 76
Лагода И.Г. – 131, 133
Ламартин А. – 267, 268
Ламздроф М.И. (Г.-М.) – 110, 111
Лаппа – 218, 219
Лаппа М.Д. – 219
Ле Мер – 397
Лебцельтерн Л. – 343
Левашов В.В. – 80, 81
Левенберг И.И. – 59, 60
Левенвольде К.К. – 81
Левицкий – 105
Левицкий М.И. – 369
Леман И.И. – 10
Леонтьев А.Н. – 49, 105, 128, 158, 385, 399, 400
Леонтьев Вал.Н. – 317, 374
Леонтьев Вл.Н. – 374
Леонтьев Н.Н. – 15, 48, 66, 103, 128, 157, 158, 177, 220, 226, 259, 286, 327, 380, 385, 398, 399, 406, 408
Леонтьев П.Б. – 286
Леонтьева М.П., урожд. Шипова – 48, 66, 128, 177, 190, 293, 317
Леонтьева С.И., урожд. Крок – 7, 11, 17, 20, 48, 50, 177, 190, 385, 397–400, 408
Леонтьевы – 15, 66, 103, 128, 256, 293, 295, 317, 374, 399, 403
Ливий Тит – 411
Ливио – 115
Ливио С. – 115
Лисаневич Г.И. – 197
Лобанов-Ростовский Д.И. – 94, 99, 177, 178
Лопухин П.В. – 158, 177, 272, 205
Лопухин П.П. – 155
Лопухина П.П., см. Кутайсова П.П.
Лорер Н.И. – 318

Лукашевич М.Е. (М.Я.)– 58, 61, 67
Лыкошина А.И., см. Колечицкая
Львов – 237
Львов Д.М. – 132, 212, 236, 237
Львов Л.Н. – 146
Львов Н.А. – 146
Львова – 84, 85
Львова Е.Н., см. Козлянинова Е.Н.
Людовик XVIII – 186, 318, 321
Лямина Е.Э. – 16, 17, 21, 172, 318

Магницкий М.Л. – 303
Мадатов – 304, 307
Майборода А.И. – 7
Майков П. – 12
Майоров И.В. – 13
Максимов И.Ф. – 335, 336
Малышева – 324, 325
Мансурова Н.П. – 214
Марин, кн. – 316
Марины – 284, 314, 316
Мария Николаевна, вел. кн. – 48
Мария Павловна, вел. герц. Саксен-Веймар-Эйзенахская – 48, 257, 322, 323
Мария Федоровна, императрица – 18, 56, 58, 74, 89, 92, 149, 166, 172, 179, 207, 231, 268
Мартенс (Мертенс В.Ф.) – 69, 71
Марченко В.Р. – 13, 77, 81–85, 87, 88, 91, 93, 94, 96, 99, 100, 103–105, 107, 109, 111, 113–115, 119, 123, 172, 229
Марченко М.О., урожд. Шмидт – 80, 81
Медведская Л.А. – 17, 22
Медек – 66
Мезенцов – 278, 279
Мейер – 120
Мейран – 119, 120
Меллер-Закомельский Е.И. – 71, 72
Меньшиков А.С. – 285, 286
Меранвиль (Merinville) Ф. – 27
Мерлини – 144
Местр де Ж. – 82
Местр де Р.О. – 81, 82, 89, 103
Мещерская Е.П., см. Трубецкая Е.П.
Мещерская С.С., урожд. Всеволожская – 219
Мещерские – 201, 202
Мещерский А.П. – 201
Миддендорф – 200
Мижуев (Межуев) К.Е. – 74, 169, 247, 251, 257, 258, 299, 300
Милорадович М.А. – 34, 143, 182, 185, 187, 201, 288, 328, 332
Мильтон Дж. – 16, 373, 375
Миних, графиня – 165, 169, 196, 208
Миних А.А. – 165
Миних Е.Х. – 165, 208
Миницкий М.И. – 295, 297, 312, 322, 332
Миницкий С.И. – 332, 334
Минкина Н. – 377
Михаил Павлович, вел. кн. – 110, 111, 153, 166, 197, 268
Мишо – 279
Могучий С.М. – 162, 163
Молчанов П.С. – 120, 121
Мордвинов И.Н. – 279, 281
Мордвинов Н.С. – 294, 296
Мордвинова В.М. – см. Полторацкая В.М.
Мордвинова В.П., см. Пукалова В.П.
Моренгейм Й.(О.) – 404
Моренгейм П.О. – 404, 406, 407
Моро Ж.-В. – 100
Мошева (Мошкова) Н.Б. – 319, 320, 323, 386, 399
Мошковы – 385
Муравьев – 236, 237
Муравьев Ал.З. – 212, 236, 237
Муравьев Арт.З. – 137, 166, 337, 338
Муравьев А.М. – 156
Муравьев А.Н. – 139
Муравьев З.М. – 137
Муравьев Н.М. – 8, 140–142, 156, 184, 185, 193, 194, 210, 213, 215, 227, 244, 264, 266
Муравьев Н.Н. – 332, 334, 375
Муравьева А.Г., см. Чернышева А.Г.
Муравьева Е.З., см. Канкрина
Муравьева Е.К., урожд. Поссе, в первом браке Энгельгардт – 137, 138
Муравьева Е.Ф., урожд. Колокольцева – 140, 141, 156, 193, 194, 207, 213, 321, 324, 326, 327, 331, 332, 340, 349
Муравьев-Апостол И.М. – 141, 302–305, 307, 309, 317, 320
Муравьев-Апостол М.И. – 141
Муравьев-Апостол С.И. – 141
Мятлев И.П. – 253, 256, 273
Мятлев П.В. – 363, 367, 368, 376
Мятлева П.И., урожд. Салтыкова – 363, 368, 370
Мятлевы – 253, 257, 362–365, 367, 368

Набоков И.А. – 374, 375
Нагель – 61, 91, 143, 179, 211, 301, 302, 309, 314, 323, 324, 326, 334
Нагель В. – 61
Нагель Иосиф – 62, 103
Нагель Л.(И.)Т. – 61, 62
Нагель П.И. – 62
Нагель Р.И. – 61
Нагель фон Л. – 62
Нагель, госпожа – 61, 79, 91, 211
Назар, слуга – 309, 317
Наполеон Бонапарт (Буонапарте) – 83, 93, 94, 96, 100, 101, 103, 106, 110, 123, 124, 131, 132, 185, 197, 309, 360
Нарышкин А.К. – 92

Нарышкин А.Л. – 92
Нарышкин Д.И. – 208
Нарышкин Л.А. – 233
Нарышкин П.П. – 208
Нарышкина А.Д., см. Кнорринг А.Д.
Нарышкина А.Д., в замужестве Нарышкина – 207, 208
Нарышкина М.А., урожд. Сенявина – 91, 92
Нарышкина М.Д., см. Дадиани М.Д.
Нарышкина О.С., см. Потоцкая О.С.
Нарышкины – 406, 409
Нелидов В.И. – 153
Нелидова М.В., в замужестве Адлерберг – 153
Неплюев – 299, 358
Неплюев Т.С. – 296
Неплюева – 294
Нератов А.М. – 13, 295, 297, 308, 312, 322, 324, 335, 338, 339, 342, 345, 347, 354, 369, 376
Нератов М.С. – 13, 292, 294–300, 302, 308, 312, 317, 319, 322, 324, 325, 327, 330, 334, 335, 338, 342, 343, 345, 347, 354, 358, 369, 376
Нессельроде К.В. – 141–143, 201, 229, 254, 325, 356
Нессельроде М.Д., урожд. Гурьева – 141
Нечкина М.В. – 318
Неша, кузина – 387
Никита, слуга – 140, 141, 164, 165, 252, 255, 262, 301, 371
Никишка, крестьянин – 370
Николай I (Николай Павлович, вел. кн.) – 25, 58, 110, 111, 151, 153, 162, 166, 196, 197, 268, 322, 323
Ниманн – 31, 33
Новиков М.Н. – 172, 173
Новиков Н.И. – 174
Новосильцев И.П. – 109, 120, 128, 130, 143, 160, 213
Новосильцев Н.Н. – 32
Новосильцев П.И. – 109
Новосильцов П.П. – 128, 130, 213, 214, 233
Ностиц Г.И. – 220, 221, 232

Обресков Н.В. – 69, 71, 72, 74, 76, 78, 201
Обресков П.А. – 33, 34
Оде де Сион К.(Ч.)И. – 84, 85
Оде де Сион К.К. (Я.В.) – 85
Ожаровский А.П. – 304, 307
Оленин А.Н. – 172
Олсуфьев Н.Д. – 84, 85
Ольденбургский Георгий, принц – 107, 180, 197
Омельяненко Н.К. – 335, 336
Опперман К.И. – 77, 140, 188, 304, 309, 311
Опперман М.К., в замужестве Белль – 309, 311
Ореус – 34, 35
Орлов А.С. – 9
Орлов А.Ф. – 204
Орлов В.Г. – 357
Орлов Г.В. – 357, 362, 363, 376
Орлова А.И., урожд. Салтыкова – 357, 362, 363, 368
Осипов А.С. – 229
Остен-Сакен Ф.В. – 168, 169, 172, 196, 220, 235

Павел I – 12, 13, 56, 300, 357
Павлов, фельдъегерь – 76, 78
Павлов-Сильванский Н.П. – 8, 9
Павлюченко Э.А. – 193
Пален П.И. – 12
Пальчиков В.П. – 362, 363
Пальчиков Н.А. – 247, 276
Пальчиков П.А. – 247, 276
Пальчиковы – 245, 246, 247, 252, 255, 256, 258, 262, 263, 267, 271, 273, 276, 286, 291, 316, 321
Парсамов В.С. – 307, 308
Паскевич И.Ф. – 197
Пастернак Е.Е. – 16, 318
Паттон – 119, 120
Паулуччи Ф.О. – 137
Пашков А.И. – 84, 85, 89
Пашков И.А. – 85
Пашкова Е.Н., урожд. Яфимович – 85, 89
Пенго – 393
Песков А.М. – 172
Пестели, семья – 12–16, 18–20, 36, 38, 56, 59, 62, 74, 85, 141, 160, 165, 167, 202, 204, 246, 248, 284, 288, 314, 318, 325, 384, 394
Пестель А.Б. – 15, 16, 27, 28, 40, 53, 54, 56, 57, 94, 95, 143, 144, 147, 148, 183, 256, 276, 288, 289, 388
Пестель А.-Е., урожд. Крок – 16, 28, 35, 385, 387, 397, 400
Пестель А.И. – 11, 19, 20, 24–26, 28, 29, 31, 34, 36–43, 47–49, 52, 56, 57, 59, 62, 66, 72, 73, 75, 79, 84, 91, 94, 105, 108, 111, 120, 131, 132, 135, 137, 152, 155, 158, 161, 169, 171, 173, 175–177, 180, 184, 199, 200, 202–204, 213, 220–222, 233, 235, 242, 244, 246–250, 253, 255, 257, 258, 261–263, 267, 269, 271, 273, 275–277, 280, 282, 284–288, 290, 293, 295, 296, 299, 304, 305, 309, 310, 316, 317, 319, 322, 326, 329–331, 333, 335–337, 341, 342, 344, 355, 358, 361–365, 367, 369, 376, 378–381, 386–390, 392, 393, 396, 397, 399, 400, 402–404, 409, 411–413

Пестель А.П., урожд. Храповицкая – 250, 251, 255, 258, 261–264, 266, 272, 273, 281, 284-286, 289–293, 299, 304, 309, 310, 317, 319, 321, 322, 327, 329–331, 333, 335, 336, 339, 342, 344, 352, 359, 364, 367, 369, 374, 381
Пестель Б.В. – 7, 11, 12, 13, 16, 20, 28, 34–36, 44, 47, 49,50, 62, 70, 72, 80, 382–388, 400
Пестель Б.И. – 11, 13, 24, 25, 27–31, 34, 36–39, 44, 47–50, 56, 57, 59, 67, 72, 75, 79, 81, 84, 108, 111, 118–120, 124, 125, 127, 132, 134, 135, 139, 140, 143, 148, 152, 157, 159, 161, 169, 184, 185, 188, 195, 199, 200, 202, 204, 214, 217–219, 224, 226, 231, 233, 235, 244, 246, 251, 253, 256, 257, 260, 262–264, 267, 269, 272–274, 279, 281, 284–287, 289, 290, 293, 294, 297, 299, 304, 309, 310, 312–319, 322–324, 326, 329–331, 333, 335–337, 341–344, 348, 353-355, 358–370, 374, 375–379, 381, 385, 388–390, 392, 394, 396, 399, 400, 403, 411–413
Пестель В. – 12, 36, 80
Пестель В.И. – 11, 16, 19, 20, 24, 25, 28–49, 54–57, 59, 60, 65, 69, 73, 75, 80, 82–84, 86–89, 91, 92, 94–101, 103–105, 107, 108, 115–120, 124, 125, 127, 129–132, 140, 152, 157, 161, 162, 164, 169, 171, 174, 175, 177, 183–185, 191, 195, 199, 201–204, 211, 221–223, 235, 242, 244, 246, 250, 251, 253–255, 258–263, 266, 267, 270, 272, 273, 279, 281, 284–287, 289, 290, 293, 299, 304, 309, 310, 312, 314–317, 319–322, 326, 327, 329–331, 333–338, 340–344, 348, 349, 352, 353, 358, 359, 361, 362, 364, 365, 367, 378–386, 388–390, 392–396, 399–403, 407, 408, 410–413
Пестель Е.Б., см. Брин фон Е.Б.
Пестель К.И. – 11, 18, 35, 36, 37, 39, 44, 384, 387, 394
Пестель Н.Б. – 13, 37, 42, 51, 63, 64, 72, 74, 91, 92, 94, 143, 147, 148, 175, 193, 207, 308, 314, 315, 319
Пестель С.И. – 11, 14, 17, 18, 19, 23, 25, 48, 52, 53, 54, 57, 59, 60, 63, 66, 73, 75, 78, 79, 81, 89, 91, 94, 103, 109, 111, 120, 123–126, 128, 132, 135, 137–140, 142, 143, 145, 147–150, 152–155, 157, 159, 160, 162, 164–170, 172, 175, 177, 179–181, 183, 189, 190, 192, 193, 197–200, 202, 205–207, 211, 222–224, 226, 227, 236, 244–247, 251–253, 262, 263, 266, 272, 273, 277, 278, 281–283, 286, 287, 289–293, 296–298, 301, 302, 305, 310, 311, 314, 316, 318, 320–322, 325–327, 329–331, 333–336, 338, 339–344, 347–349, 351–356, 358, 360–366, 368, 370, 371, 377, 412
Пестель С.Н., урожд. Трубецкая – 362, 363, 365, 367, 368, 374, 376
Петр I – 12
Петр Матвеевич, слуга – 71, 72, 74, 76
Петров – 241
Петрулин Я.В. – 117, 118, 120, 130
Петя, крестьянский мальчик – 340, 341, 343
Пиме – 89, 92
Пиру – 122
Платер М., см. Четвертинская М.
Платов М.И. – 88
Плестерер Л. – 281, 286, 297
Подмазо А. – 122
Познер – 200
Покровский Ф.И. – 10, 240
Поливанов И.Ю. – 62, 294
Поливанова А.И., см. Власьева А.И.
Поливановы – 340, 349, 353, 365
Политковский – 294
Политковский А.И. – 296
Политковский Г.Г. – 296
Политковский Л.С. – 296
Полозов Д.П. – 116, 117, 128–130
Полторацкая А.А., урожд. Шишкова – 182
Полторацкая В.Д., в замужестве Гурко – 182
Полторацкая В.М., урожд. Мордвинова – 182
Полторацкая С.Б., урожд. Голицына – 140, 141
Полторацкие – 147, 148
Полторацкий Д.М. – 181, 182
Полторацкий К.М. – 141
Полторацкий П.М. – 150, 181, 182
Порох И.В. – 212, 281, 286
Поссе Е.К., см. Муравьева Е.К.
Потемкина – 336, 353, 356
Потоцкая О.С., в замужестве Нарышкина – 233
Потоцкая С., урожд. Глявоне, в первом браке Витт – 182, 191, 192, 197, 218, 229, 232, 233, 246
Потоцкая С.С., см. Киселева С.С.
Потоцкие – 209, 234
Потоцкий М.С. – 191, 192, 229, 348
Потоцкий С.-Ф. (Ф.Ф., Станислав Щенсний) – 182, 197
Поццо-ди-Борго К.-А. – 13
Прозоровский А.А. – 336
Протасьев В.Ф. – 53, 54
Прохор Федосеев (Федосеевич) – 70–72
Пукалов И.А. – 16, 85
Пукалова В.П., урожд. Мордвинова – 16, 74, 84, 85
Путятин – 174
Пушкин А.С. – 32
Пушкин Б. – 9
Пущин И.Н. – 69, 75
Пущин Н.Н. – 67, 69, 75

Рагден Ф.И. – 237, 238
Раевский Н.Н. – 82, 304, 307, 335, 336

Разумовская В.А., см. Репнина-Волконская В.А.
Разумовские – 12, 287
Разумовский А.К. – 131
Раль А.-Ф. (А.) (Ролл) – 124, 125
Реймерс – 316, 319
Рейнбот фон Ф.-Т.Н. – 160, 303
Реманн (Реман, Рейман) фон О.О. – 11, 18, 44, 59, 61, 63, 79, 85–87, 91, 97, 100, 103, 108, 117, 126, 128, 131, 137, 256, 293, 347, 403, 404, 406
Ремнев А.В. – 12
Реннер Александр – 283, 284, 295, 326, 327, 329, 331, 332, 334, 340–342, 344, 348, 349, 351–354, 356, 364–366
Реннер Анна – 283, 284, 295, 326, 327, 329, 331, 332, 334, 340–342, 344, 348, 349, 351–354, 356, 364, 365
Репнина-Волконская А.Н., в замужестве Кушелева-Безбородко – 33
Репнина-Волконская В.А., урожд. Разумовская – 33
Репнина-Волконская В.Н. – 33
Репнина-Волконская Е.Н., в замужестве Кривцова – 33
Репнина-Волконская М.Н. – 33
Репнина-Волконская С.Н. – 33
Репнин-Волконский А.Н. – 33
Репнин-Волконский В.Н. – 33
Репнин-Волконский Г.Н. – 33
Репнин-Волконский Н.Г. – 33, 94, 116, 141, 173, 304, 307
Рихтер Б.Х. – 67, 69, 75, 100, 156, 157, 160, 161, 165
Рихтер, госпожа – 66, 67, 69, 75, 156
Розен С. – 324
Розен, барон – 324, 325
Розинг П.И. – 308, 311, 322
Рок де – 397
Ролл, см. Раль
Ромм Ж. – 17
Ростопчин С.Ф. – 109, 110
Ростопчин Ф.В. – 13, 16, 72–74, 110
Ростопчина – 29
Рудомоев – 211, 212
Рудзевич А.Я. – 176, 181, 182, 186, 191, 198, 200, 202, 217, 221, 240, 241, 274
Рунич Д.П. – 302, 303
Рычкова (Рыжкова) – 341, 343, 356

Сабанеев И.В. – 346
Саблуков А.А. – 207, 211
Саблукова, в замужестве Мадатова – 304
Салтыков – 233
Салтыков (Солтыков) Н.И. – 83, 84, 114, 125
Салтыков И.П. – 363
Салтыков Н.Н. 12, 26
Салтыкова А.И., см. Орлова А.И.
Салтыкова М.Д., см. Долгорукая М.Д.
Самбурский А.П. – 58, 59, 68, 80, 413, 414
Самовер Н.В. – 17
Сверчков А.В. – 141, 162
Сверчкова Е.Д., см. Гурьева Е.Д.
Северина С.И., см. Велио С.И.
Семенова А.В. – 12, 95
Сен-Флоран – 206, 207, 214
Сенявина М.А., см. Нарышкина М.А.
Серков А.И. – 217, 346
Сибирский А.В. – 241
Сипягин – 97, 104, 107
Сипягин Н.М. – 187, 188
Сипягина – 100, 109
Случевский Конст. А. – 13, 76–80, 126, 130, 139, 140, 143, 171, 174, 179, 181, 183, 185, 188, 192–194, 201–204, 207, 226, 227, 237, 254, 257, 266, 278, 285, 413, 414
Случевский Капит. А. – 192, 193, 237
Случевский К.К. – 13, 77, 193
Снарская А.К., в замужестве Горленко – 200
Снарская А.С., см. Витгенштейн А.С.
Снарский К.С. – 24, 121, 122, 200, 247–249, 261, 262, 267, 269, 270, 274, 276, 380
Соболевская М. – 324, 325
Соколинская М. – 293, 301, 310, 367
Соколинские – 336
Соколинские-Марины – 284, 314, 316, 336
Соколинский – 283, 284, 310, 316, 338
Соколов Н.И. – 12
Соколова Н.А. – 9, 12, 16, 18, 21, 36, 56, 320
Соловой – 294, 297, 299, 358, 366
Солтыков, см. Салтыков
Сомов П.Д. – 308, 311
Сорокунский А.И. – 335, 336
Сорочинский И.С. – 380
Сперанский М.М. – 105, 189, 191, 193–195, 199, 201, 205, 206, 214, 216, 220, 223, 228, 229, 243, 248, 257, 271, 272, 275, 303, 332
Спренгпортен Г.-М. – 12, 287, 288
Сталь К.Г. – 186, 188, 191
Стенбок Понтус – 118
Степан Андреевич, повар – 316, 317
Строганов П.А. – 17
Суворов А.В. – 85, 100
Судиенко – 283, 284
Сукин А.Я. – 328
Сыроечковский Б.Е. – 9, 12
Сюлли, М. де Бетюн – 195

Татищев Н. – 65, 67
Татищев Н.А. – 65, 67
Тацит П.-К. – 411
Тихантовская А.З. – 85

Толмачев – 223
Томилов – 87, 88, 92, 93
Торие де – 27
Тормасов А.П. – 172
Траверсе И.И. (Ж.-Ф.) – 177, 179
Трескин Н.И. – 13, 42, 43, 168, 169, 174, 177, 199, 203, 205, 206, 208, 210, 215, 229, 248, 253–255, 275, 292, 295, 296, 298–300, 302, 312, 332, 371
Трескин, сын – 174, 199, 205
Трескина А.Ф., урожд. Ключарева – 199, 200
Тромпи – 279
Трубецкая Е.И., урожд. Лаваль – 343
Трубецкая Е.П., урожд. Мещерская – 363
Трубецкая П.Ю. – 363
Трубецкая С.Н., см. Пестель С.Н.
Трубецкая Э.П., см. Витгенштейн Э.П.
Трубецкой Н.С. – 363
Трубецкой Н.Ю. – 363
Трубецкой П.И. – 160, 274, 275
Трубецкой С.П. – 172, 262, 335, 336, 343
Трушесс фон Вальбург – 279
Тулубьев А.Д. – 65, 67
Тулубьев А.Н. – 65, 67
Тургенев Н.И. – 142, 144, 180, 182, 183

Уваров Ф.П. – 85, 327, 328
Удино Н.-Ш. – 83
Удом И.Ф. – 17, 54, 55–59, 61, 63, 64, 66, 68
Удом, генеральша – 54, 55–58

Федор, повар – 309, 317
Фермор В.В. – 118
Фермор С.-Э.В. – 117, 118, 140, 145, 147
Фихте И.-Г. – 407
Фонвизин М.А. – 158, 215, 216, 217
Фориак де – 29, 397
Фош К.Ф. – 208
Фридрих Вильгельм III – 153
Фридрих Вельгельм IV – 153

Хамел И. (Hamel) – 185, 186
Ханеншильдт – 200
Ханыков В.В. – 349, 352, 359, 362
Ханыков П.П. – 59, 60
Хембиц, урожд. Пальчикова – 362, 363
Хлусович Г.О. – 8, 286
Хлусович И.И. – 8, 285, 286, 301, 308, 319, 322
Хованский Н.Н. – 335, 336
Храповицкая А.П., см. Пестель А.П.
Храповицкий И.С. – 2 1, 335, 336
Храповицкий М.П. – 289, 290, 331, 369
Храповицкий П. – 250, 263, 264, 266, 281, 284, 331

Цейдлер И.Б. – 229

Чагин В. – 130
Чагин П.Н. – 94, 95, 97, 104, 107–109, 111, 112, 116, 124, 129, 130, 135, 154, 155, 194, 201
Чернов С.Н. – 12
Чернышев А.И. – 7, 8
Чернышев Г.И. – 264
Чернышева А.Г., в замужестве Муравьева – 264, 266
Четвертинская М., урожд. Платер – 220, 221
Четвертинская Э.Г., в замужестве Витгенштейн – 221
Четвертинский Г.А. – 221
Чиж, патер – 32
Чичагов П.В. – 82, 229, 336
Чудинов А.В. – 17

Шамборо – 122
Шамбрей де, Ж. – 307, 309
Шарлотта Прусская, принцесса, см. Александра Федоровна, вел. кн., имп.
Шатобриан Ф.-Р. – 307, 308
Шахеров В.П. – 200
Шварценберг фон, К.-Ф. – 98, 99
Шевченко Т.Г. – 33
Шелехов Г.И. – 300
Шеллинг Ф.-В.-Й. – 407
Шереметев В.В. – 110
Шестаков – 310, 311
Шешуков Н.И. – 288, 289
Шибаль (Шибель, Schiebal) – 170, 171, 201
Шибель Е. – 171
Шилов Д.Н. – 346
Шильдер Н.К. – 286
Шимякина – 310, 311
Шипов И.П. – 48, 142–144, 186, 196, 207, 215, 256
Шипов С.П. – 48, 142–144, 158, 177, 200, 207, 216–218, 223, 224, 226, 240, 242, 251, 254–260, 266, 295, 369, 379, 380
Шипова М.П., см. Леонтьева М.П.
Шишков А.С. – 167
Шмидт (Шмит) П.П. – 285, 286
Шмидт М.О., см. Марченко М.О.
Штейнгейль В.И. – 200
Штосс – 79
Штофреген А.К. – 407, 409
Штофреген фон К.К. – 407
Штрайх С.Я. – 10
Шуберт – 67
Шульгин А.С. – 369
Шульгин Д.И. – 369

Щербатов А.Г. – 335, 336
Щировский Я.Д. – 11, 20, 190, 413, 414

Эзегиль (Ezegiel) – 115
Энгельгардт Г.С. – 311
Энгельгардты – 310, 311
Эрнестина – 126
Эртель Ф.Ф. – 226, 227

Юсупов Н.Б. – 167
Юшневский А.П. – 8, 312, 313

Яковлев Л.Я. – 69, 71, 74, 76
Якубович А.И. – 110
Яфимович Е.Н., см. Пашкова Е.Н.
Яхонтов А.Н. – 247
Яхонтов Н.А. – 246, 247
Яхонтов Н.П. – 247, 320
Яхонтов П.Н. – 247
Яхонтова Л.Ф., урожд. Кандалинцева – 247
Яхонтова П. – 263, 374
Яхонтовы – 245, 246, 252, 256, 258, 262, 263, 267, 271, 291, 316, 362

Bell A. – 186
Girardet Friedrich – 356
Hamel Y. – 186
Lancaster Y. – 186
Tastevin F. – 29

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австрия – 83, 85
Авчурино, дер. Калужской губ. – 182
Адмиралтейская часть, Петербург – 38, 165, 169, 171, 294
Америка – 35, 100
Амстердам, г. – 407
Англия – 81, 217
Аптекарский остров, Петербург – 91
Аракс, р. с 95
Архангельский порт – 334
Ауенберг (Альтенберг), г., Саксония – 100, 102
Ашево, дер. Псковской губ. – 306

Баден – 59
Базель, г. – 111
Балтийское море – 406
Бальдон, с. Курляндской губ. – 336, 337
Бар, г. Подольской губ. – 281
Баргузин, г. Иркутской губ. – 199
Бар-сюр-Об, г., Франция – 83, 113, 114
Бауск, г. Курляндской губ. – 359
Бауцен, г., Саксония – 83, 92
Башле, м. Дербентской провинции – 28, 183
Белосток, г., Польша – 94, 129, 281, 286, 297
Белый, г. Тверской губ. – 306
Березина, р. – 107
Берлин, г., Пруссия – 83, 111, 322, 323, 399, 407
Бессарабия – 224, 226, 227, 284
Билибеевский завод – 306
Борго, г., Саксония – 122
Борна, г., Саксония – 121, 122
Боровск, г. Калужской губ. – 306
Бородино, с. Можайского у. Московской губ. – 11, 67, 72, 83, 102, 108, 190, 261, 287, 369, 414
Брест-Литовск, г. Гродненской губ. – 346
Бузулук, г. Оренбургской губ. – 306
Буй, г. Костромской губ. – 307
Бутельштадт (Буттельштедт), г., Тюрингия – 105, 117

Ваграм, с., Австрия – 73
Вандсбек, район г. Гамбурга – 394
Варшава, г., Польша – 32, 67, 97, 107, 129, 166, 212, 254, 307, 323, 346, 347, 354, 359, 381, 397
Васильево, дер. Красненского у. Смоленской губ. – 13–15, 166, 254, 256, 267, 271, 275–277, 279, 281–284, 287, 289, 290, 292, 297–300, 303, 309–311,313, 315, 316, 319, 320, 322, 324–327, 329, 331, 332, 335, 336, 338, 339, 342–344, 346, 348, 351–353, 355, 357–359, 361, 366–368, 370–372, 375
Васильевский о., Петербург – 120
Ватерлоо, дер., Нидерланды – 131
Веймар – 111
Велиж, г. Смоленской губ. – 277
Вена, г., Австрия – 119, 215, 217, 229, 254, 257, 356
Венеция, г., Италия – 257, 394
Верея, г. Московской губ. – 306
Верона, г., Италия – 257
Верхнеудинск, г. Иркутской губ. – 200
Виленская губерния – 371
Вильно, г. – 53–55, 60, 61, 67, 88, 125–127, 129, 130, 133
Винница, г. Подольской губ. – 364, 367
Витебск, г. – 151, 160, 163, 246, 281,331, 333, 346
Вихторово, дер. Смоленской губ. – 304
Владимир, г. – 74, 78
Волденбург (Вартенбург), г., Саксония – 85, 87
Вологда, г. – 307, 332
Волоколамск, г. Московской губ. – 306
Волынская губерния – 122, 276
Вольмар, г. Лифляндской губ. – 359
Воронеж, г. – 77, 94, 202, 241, 274, 281
Воронежская губерния – 179, 272, 337
Воротынец, дер. Нижегородской губ. – 249, 278, 279
Воскресенская ул., Петербург – 171
Вятка, г. – 26, 307
Вятская губерния – 12, 26, 191

Галич, г. Костромской губ. – 307
Галле, г., Саксония – 106
Гамбург, г. – 32, 35, 36, 39, 382, 384, 385, 390, 394
Ганновер – 161, 407
Гатчина, г. Петербургской губ. – 133, 306, 359
Германия – 11, 16, 19, 31, 40, 83, 114, 173, 382, 400, 401, 410
Герцогство Варшавское – 197
Глазов, г. Вятской губ. – 26
Голландия – 111
Головобово, дер. Смоленской губ. – 301
Городище, г. Пензенской губ. – 306
Госпитальный пер., Москва – 77
Греция – 229

Гродненская губерния – 197, 356, 371
Грузино, с. Новгородской губ. – 157, 377
Грузия – 95, 143

Данциг, г., Пруссия – 92, 107, 410
Дебесы, с. Вятской губ. – 306
Дегтярный пер., Москва – 27
Дербент, г., Дагестан – 183
Дора, дер. Новгородской губ. – 167
Дрезден, г., Саксония – 16, 18, 40, 41, 43, 92, 100, 116, 122, 171, 352, 356–358, 360, 362, 385–387, 389, 394–398, 406, 407, 411
Дубровка, дер. Смоленской губ. – 61
Дунай, р. – 328
Духовщина, дер. Вятской губ. – 307

Европа – 56, 83, 100, 110, 114, 196, 317, 357
Екатеринбург, г. Пермской губ. – 306
Екатерингоф (Катериненгоф), Петербург – 147

Загау (Sagau), Курляндской губ. (?) – 135
Задрижино (?), дер. Костромской или Вологодской губ. – 307
Замостье, г., Польша – 94
Западная Сибирь – 197, 257
Зарайск, г. Рязанской губ. – 306
Зирган, дер. Оренбургской губ. – 306
Златоустинский завод – 306
Зубцов, г. Тверской губ. – 95, 306

Ижевский завод – 306
Ильинское, дер. Вологодской губ. – 307
Инстерсвальде, г., Саксония – 122
Ипсара (Псира), о. в Эгейском море – 317, 319
Иркутск, г. – 21, 40–43, 85, 161, 168, 169, 177, 200, 203, 206, 212, 229, 281, 286, 318, 371
Иркутская губ. – 175, 199, 216
Испания – 73, 155, 321
Италия – 17, 137, 217, 219, 222, 322, 360, 399, 400

Кавказ – 28, 54, 94, 95, 166, 176, 197, 289
Казанская губ. – 12, 28, 191
Казань, г. – 28, 29, 31, 195, 206
Калиш, г., Польша – 135, 137
Калуга, г. – 11, 79, 190, 335, 340, 413
Каменец-Подольск, г. – 197
Каменный Остров (Петербург) – 207
Камчатка – 143
Капреньево, дер. Смоленской губ. – 290
Карабюрки, с., Эриванское ханство – 95
Карсун, г. Симбирской губ. – 306
Картагена (Картахена), г., Испания – 321
Карытино, дер. Смоленской губ. – 291, 300
Кашира, г. Тульской губ. – 306
Киев, г. – 72, 267, 301, 336, 354, 362, 380
Кирсанов, г. Тамбовской губ. – 306
Китай – 40, 59
Клопузово, дер. Вологодской губ. – 307
Клястицы, дер. Витебской губ. – 83
Ковно, г. Виленской губ. – 359
Козлов, г. Тамбовской губ. – 306
Константинополь, г., Турция – 404
Корфу, о. – 229
Кострома, г. – 77
Красное Село Петербургской губ. – 195, 199, 204, 304, 305, 363, 365
Красный, г. Смоленской губ. – 76, 77, 277, 294
Крестовский о., Петербург – 148–150, 152, 169, 170, 193, 195–198, 202, 203, 207, 224, 264, 273
Кронштадт, г. Петербургской губ. – 31–35, 46
Крым – 185, 246, 304
Кузнецкий мост, ул., Москва – 74
Кульм, г., Богемия – 98, 101, 122, 157
Кунгур, г. Пермской губ. – 306
Курляндия – 111, 334
Кяхта, г. Иркутской губ. – 40

Ладога, г. Новгородской губ. – 307
Лайбах, г., Австрийская империя – 217, 219
Левкево, дер. Смоленской губ. – 301
Лейпциг, г., Саксония – 9, 16, 56, 92, 101–104, 111, 117, 122
Линцы, м. Подольской губ. – 7, 255, 316, 318, 321
Липовец, м. Киевской губ. – 255, 257
Литейная ул., Петербург – 278
Литейная часть, Петербург – 74, 296
Лондон, г., Англия – 110
Луга, г. Петербургской губ. – 306
Любар, м. Киевской губ. – 338
Любек, г., Германия – 33, 35, 392
Лютцен, г., Саксония – 83
Лябрюссель, дер., Франция – 114

Маймацин, г., Китай – 40
Малороссия – 253, 304
Малоярославец, г. Калужской губ. – 72, 76
Манила, г., Филиппины – 142, 143
Мемель, г., Пруссия – 151
Мери, коммуна, Франция – 112
Миссисипи, р. – 307, 308
Митава, г. Курляндской губ. – 15, 22, 83, 116–118, 123, 126, 129–136, 138, 140, 142, 145, 151, 152, 154, 155, 159, 160, 162–165, 167, 191, 214
Михайловский Погост, дер. Псковской губ. – 276
Могилев, г. – 166
Модлин, дер., Польша – 107
Можайск, г. Московской губ. – 306

Мойка, р. Петербург – 16, 38, 171
Молдавия – 129, 163–165
Москва, г. – 10, 12, 15, 16, 21, 26–29, 32–36, 38–40, 46–50, 57, 58, 69, 71, 72, 74, 76, 78, 80, 85, 95, 123, 147, 155, 160, 166, 168, 171, 174, 190, 197, 204–206, 208, 210, 264, 266, 269, 286, 300, 305, 307, 315, 317, 319, 322, 324, 336, 340, 346, 362, 364, 369, 382, 384–386, 388–390, 392, 393, 395–397, 399, 402–404, 406, 408–412
Моховая ул., Петербург – 74
Мясницкая часть, Москва – 74

Нанси, г., Франция – 115
Нарва, г. Эстляндской губ. – 217, 227, 229, 231, 359
Натчез, г., Северная Америка – 307
Неаполь, г., Италия – 15, 48, 104, 399
Нева, р. – 105, 390
Невский пр., Петербург – 38, 207, 279
Немецкая слобода, Москва – 77
Нижний Новгород, г. – 78, 249, 304
Никонтское, с. Вятской губ. – 307
Новая Деревня, Петербург – 152, 199, 317
Новгород, г. – 317, 326, 338, 341
Новинкино, с. Новгородской губ. – 307
Новогородская губ. – 375

Овиновщина, дер. Смоленской губ. – 311
Одесса, г. Херсонской губ. – 163, 164, 173, 193, 194, 213, 279, 322
Опочка, г. Псковской губ. – 61
Ораниенбаум, г. Петербургской губ. – 31
Оренбург, г. – 306
Орлов, г. Вятской губ. – 307
Орловская губерния – 13, 179, 272
Орша, г. Могилевской губ. – 8, 285, 301, 308, 313, 319, 322, 346
Оханск, г. Пермской губ. – 306
Охотск, г. Камчатка – 161

Павловск, г. Петербургской губ. – 149, 153, 171
Париж, г., Франция – 14, 85, 110, 111, 114, 115, 132, 165, 185, 186, 288, 327, 356, 368
Пенза, г. – 303, 306, 319
Пермь, г. – 306, 308
Пернау (Пернов), г. Лифляндской губ. – 359
Персия – 197
Петербург, г. – 6, 8, 12–16, 22–24, 27, 31–33, 38, 39, 46–50, 52–58, 60, 62, 63, 65, 68, 69, 71, 72, 74, 76, 78–81, 83, 85–88, 92, 95–102, 104, 106, 107, 109–111, 113–118, 120–126, 128–140, 142, 143, 145–177, 180, 182, 183, 185–192, 194, 195, 197–208, 211–214, 216–222, 224, 225, 227, 230–233, 235–239, 241–245, 247–259, 263, 264, 266, 268, 271–275, 278, 284, 285, 287–298, 300, 302, 309, 313, 315, 317, 319, 322–328, 330, 332–335, 337–340, 344, 346, 347, 354, 356, 358, 359, 361, 364, 365, 369, 377, 379, 380, 382, 390, 392, 398, 399, 408, 410, 412
Петерсвальде, с., Саксония – 87, 122
Петропавловский порт, Камчатка – 143
Пильзен, г., Богемия – 257
Пирна, г., Саксония – 119, 122
Поволжье – 289
Полендорф, с., Саксония – 122
Полон, с. Вятской губ. – 306
Полоцк, г. Витебской губ. – 83, 88, 107
Полтава, г. – 173
Полтавская губерния – 336
Полтавский, г. Оренбургской губ. – 306
Польша – 128, 129, 252, 346
Порхов, г. Псковской губ. – 276, 306
Прейсиш-Эйлау, г., Пруссия – 73
Пруссия – 111, 132
Псков, г. – 54, 55, 86, 245, 252, 255, 257–259, 261–263, 273, 276, 280, 317, 330, 333, 362
Псковская губерния – 14, 23, 246, 247

Ревель, г. Эстляндской губ. – 342, 359, 364
Рейн, р. – 118
Ржев, г. Тверской губ. – 306
Рига, г. Лифляндской губ. – 62, 82, 140, 156, 165, 359, 407
Рим, г., Италия – 104
Рио-Жанейро, г., Бразилия – 162
Романшино (?), с. Петербургской или Псковской губ. – 306
Россия – 12, 36, 62, 74, 80, 85, 103, 110, 118, 124, 128, 135, 151, 153, 166, 169, 173, 176, 193, 205, 216, 225, 229, 257, 289, 307, 309, 322, 323, 357, 404, 414
Росток, г., Мекленбург – 114
Руза, г. Московской губ. – 306
Ряжск, г. Рязанской губ. – 306
Рязанская губерния – 179, 272
Рязань, г. – 272, 287

Саксония – 95, 116
Самара, г. – 306
Северо-Американские Соединенные Штаты – 143
Сен-Клу, г., Франция – 318
Серпухов, г. Московской губ. – 306
Сибирь – 6, 11–13, 16, 17, 39, 40, 44, 49, 63, 77, 112, 128, 137, 143, 145, 154, 165, 166, 169, 174, 176–178, 188–191, 193, 196, 201, 204–206, 208, 210, 216, 220, 225, 226, 228, 231, 237, 245, 254, 257, 289, 300, 307, 332, 370, 412
Симбирск, г. – 306
Слободской, г. Вятской губ. – 307

Слоним, г. Гродненской губ. – 94
Смоленск, г. – 244, 252, 255, 261, 262, 267, 270–272, 274, 275, 277, 279, 284, 289–291, 294–296, 299–301, 304, 312, 315, 317, 319, 320, 322, 324, 352, 354, 357–359, 370, 371
Смоленская губерния – 13, 14, 23, 197, 232, 252, 254, 284, 311, 314, 318, 361, 364
Средиземное море – 289
Средний пр., Петербург – 120
Сретенская часть, Москва – 27
Станки, дер. Псковской губ. – 262, 264, 266, 269, 271, 272, 276
Старица, г. Тверской губ. – 306
Сысерский завод – 306

Таврида – 141
Таганрог, г. области Войска Донского – 376, 377
Тальши, р. – 95
Тамбов, г. – 306
Тамбовская губ. – 179, 272
Тарутино, с. Калужской губ. – 72
Тверская ул., Москва – 71
Теплиц, г., Австрийская империя – 137, 138
Тессин, г., Швейцария – 66
Тифлис, г. – 95
Тихвин, г. Новгородской губ. – 307
Тихий океан – 35, 143
Тобольск, г. – 43, 45, 189, 195, 199, 206, 214, 216, 229, 396
Толстики, дер. Псковской губ. – 337
Томск, г. – 169
Томская губерния – 145
Торопец, г. Псковской губ. – 306
Тотьма, г. Вологодской губ. – 332
Травемюнде, г., Шлезвиг-Гольштейн – 35
Троппау, г., Австрийская империя – 215
Труа, г., Франция – 113, 114, 134
Тула, г. – 78
Тульская губ. – 179, 272
Тульчин, м. Подольской губ. – 7, 8, 23, 165, 173–175, 182, 183, 186, 192, 198, 204, 216, 217, 223, 235, 241, 242, 255, 261, 281, 286, 305, 307, 308, 310, 321, 325, 348, 352, 356
Туруханский уезд Томской губ. – 145
Тухавик, дер. Псковской губ. – 263, 267, 271, 273, 330

Украина – 197
Умань, г. Киевской губ. – 182
Устье, с. Псковского уезда – 247
Устюжна, г. Новгородской губ. – 307
Уфа, г. – 306

Феодосия, г. Таврической губ. – 212
Фер-Шампенуаз, г., Франция – 185
Филиппинские о-ва – 143
Финляндия – 81, 288, 289
Фонтанка, р., Петербург – 74, 85
Форт-Луи, г., Франция – 118
Франкфурт-на-Майне, г., Гессен – 104, 108, 111
Франция – 94, 100, 111, 134, 141, 157, 166, 216, 217, 318, 321

Хиос, о. в Эгейском море – 319
Хмелита, дер. Смоленской губ. – 197
Холм, г. Псковской губ. – 306

Царское Село, г. Петербургской губ. – 111, 120, 125, 131, 132, 134, 135, 148, 149, 154, 166, 171, 172, 277, 303, 307, 346, 359, 361
Царство Польское – 307

Чашники, дер. Витебской губ. – 107
Челябинск, г. Оренбургской губ. – 306
Чембары (Чембар), г. Пензенской губ. – 306, 426
Черное море – 35

Швейдниц, г., Силезия – 82
Швеция – 28, 185, 216, 369
Шлиссельбург, г. Петербургской губ. – 307
Шотландия – 414
Штиглиц, дер. Псковской губ. – 262, 263, 267, 271, 273, 274, 285, 286, 321, 330

Щелканово, дер. Краснянского уезда Смоленской губ. – 318

Эльба, о. – 124
Эмс (Бад-Эмс), г., Германия – 254
Эриванское ханство – 95
Эстляндия – 118

Юрьевец, г. Костромской губ. – 95

Ямбург, г. Петербургской губ. – 359
Ярославль, г. – 94

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

Предисловие 7

Письма Павла Ивановича Пестеля родителям. [1816], 1822, 1826 22

Письма Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестель Павлу Пестелю и его братьям, 1800–1825 26

1801 26
1802 27
1804 28
1805 31
1806 38
1807 40
1808 45
1809 46
1810 50
1812 50
1813 80
1814 109
1815 122
1817 139
1818 159
1819 177
1820 202
1821 218
1822 241
1823 262
1824 289
1825 336

Приложение 378

Письма Владимира Ивановича и Александра Ивановича Пестелей к брату Павлу Ивановичу, 1818, 1822, 1824 гг. 378

Письма Бориса Владимировича Пестеля сыну Ивану Борисовичу, внукам Павлу и Владимиру, 1805–1811. 382

Письма Анны фон Крок внукам Павлу и Владимиру Пестелям, 1802–1810 гг. 388

Письма С.И. Леонтьевой племяннику Павлу Пестелю, 1807 и б. д. 399

Письма А.Е. Зейделя П.И. Пестелю, 1809–1811 гг. 401

Письмо доктора Якова Щировского П.И. Пестелю, 7 апреля 1813 г. 413

Именной указатель 415

Географический указатель 426

Научное издание

Восстание декабристов. Документы. Том XXII
Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка)

Составитель **Эдельман** Ольга Валерьяновна

Ведущий редактор *Н.А. Богатырева*
Редактор *Л.Г. Анохова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А.Ю. Титова*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н.Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ищик*
Корректор *Е.Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.11.2012.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 800 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)